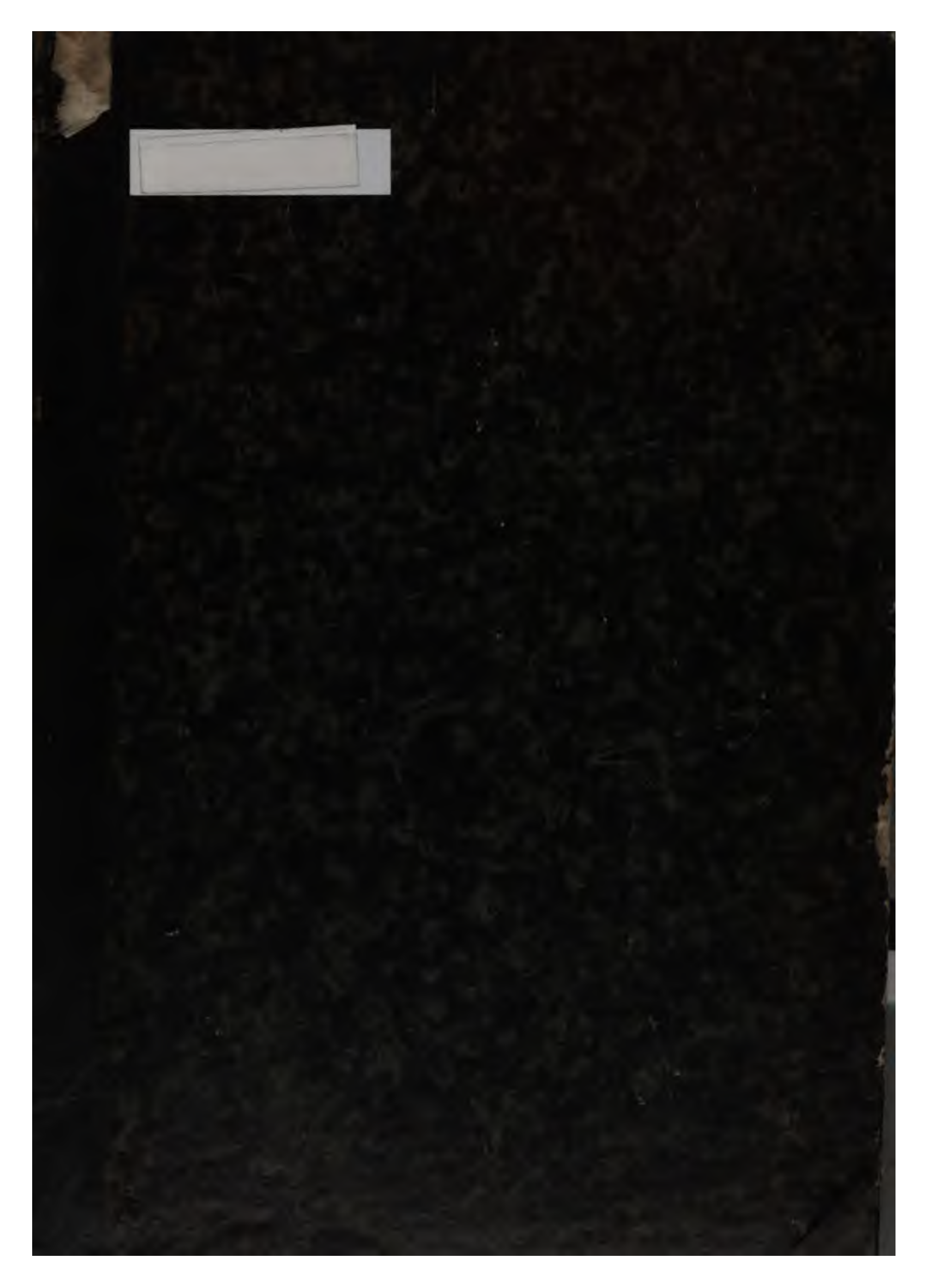
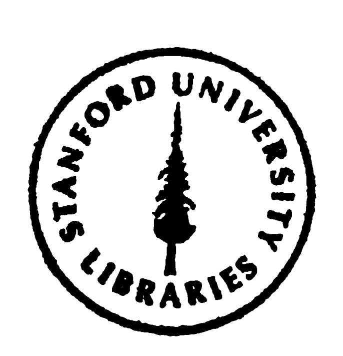


STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES



ИСТОРІЯ

СМОЛЕНСКОЙ ЗЕМЛИ

ДО НАЧАЛА XV СТ.

МОНОГРАФІЯ

П. В. ГОЛУБОВСКАГО.

КІЕВЪ.
Типографія ИМПЕРАТОРСКАГО Университета Св. Владиміра.
В. І. Завадзкаго Б.-Васильковская у., д. № 29—31.
1895.

Оттискъ изъ Университетскихъ Извѣстій за 1895 г.
Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Университета Св. Владим.

Рецензія К. Н. Бестужева-Рюмина [illegible]
Отчетъ о 38 присужд. наград. Гр. Уварова
[illegible] Зап. Импер. Акад. Наукъ 1898 г. т. III. № 1

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Говорить о важности разработки Русской исторіи по областямъ мы считаемъ совершенно излишнимъ, такъ какъ этотъ вопросъ выяснялся не разъ. До сихъ поръ остается неразработанной исторія земель: Смоленской и Полоцкой. Труды Мурзакевича, Никитина, отчасти Турчиновича, какъ и вышедшіе недавно очерки по исторіи Смоленска *), представляютъ собою не болѣе какъ компиляціи, не имѣющія никакого научнаго значенія. Тѣмъ-же характеромъ отличаются коегдѣ раскиданныя въ газетѣ „Смоленскій Вѣстникъ“, статьи, посвященныя исторіи Смоленской земли, за единичными исключеніями. Вообще, статьи, встрѣчающіяся кое-гдѣ въ ученыхъ и неученыхъ изданіяхъ, не охватываютъ исторіи Смоленскихъ Кривичей въ ея цѣломъ, а касаются, или случайно, или спеціально, лишь отдѣльныхъ ея вопросовъ.

Въ предисловіи къ нашей работѣ „Печенѣги, Торки и Половцы до нашествія Татаръ“. мы говорили: „въ своемъ трудѣ мы обращаемъ главное вниманіе *на источники первой руки*, стараемся собрать свидѣтельства русскія, византійскія и арабскія (а теперь прибавимъ: нѣмецкія, польскія и латинскія) сдѣлать имъ пересмотръ и на основаніи только этихъ источниковъ сдѣлать свои выводы. Мы не излагаемъ всѣхъ теорій, существующихъ по тому или другому вопросу и не разбираемъ ихъ, считая это совершенно излишнимъ баластомъ: *разъ мы строимъ свои выводы на основаніи источниковъ первой руки, то этимъ самымъ возражаемъ противъ тѣхъ мнѣній, съ которыми*

---

*) Историческій очеркъ Смоленска. Спб. 1894 г. и Ильенка: Смоленскъ, дорогое ожерелье царства русскаго. Краткій историческій очеркъ. Спб. 1894 г.

мы не согласны. Мы не пишемъ исторіи разработки вопроса, а изслѣдуемъ самый вопросъ. Совершенно иное дѣло,—на сколько вѣрны наши собственные выводы. Это рѣшать не намъ. Мы желаемъ, чтобы намъ были указаны наши ошибки *на основаніи источниковъ первой руки*. Имиже, и только ими одними, мы будемъ и защищать свои положенія". Этихъ же самыхъ взглядовъ мы держимся, тому же методу изслѣдованія мы слѣдовали и теперь.

Во все продолженіе нашей работы мы встрѣчали сочувствіе и поддержку совѣтами и указаніями у В. С. Иконникова, В. Б. Антоновича и И. В. Лучицкаго. Всѣмъ имъ мы приносимъ искреннюю благодарность.

П. Голубовскій.

Кіевъ.
1895 г. Январь.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ИСТОРІЯ СМОЛЕНСКОЙ ЗЕМЛИ ДО НАЧАЛА XV ВѢКА.

ГЛАВА I.

Природа страны. Первобытные обитатели. Славянская колонизація. Политическія границы Смоленской земли.

„А и черны грязи смоленскія [1]“.

Одно изъ восточно-славянскихъ племенъ, Кривичи, какъ мы увидимъ далѣе, заняло огромныя пространства въ сѣверо-западной и сѣверной части восточно-европейской равнины. Оно не было тутъ автохтономъ, а явилось сюда изъ другой страны и, конечно, въ продолженіи многихъ вѣковъ мало по малу колонизировало ту обширную область, на которой застаетъ его исторія. Общепризнано, что въ отдаленныя отъ насъ времена, когда зарождалось русское государство, и еще далѣе, когда происходила колонизація славянскаго племени, вся восточная Европа была покрыта дѣвственными непроходимыми лѣсами, и что единственными путями для передвиженія и зимою, и лѣтомъ являлись рѣки, чему ясныя доказательства мы находимъ уже въ историческій періодъ жизни древней Руси. Рѣки не могутъ, такимъ образомъ, служить препятствіемъ для разселенія племенъ. Другое дѣло обширныя болота, которыя простирались въ тѣ времена на огромныя протяженія. Они препятствовали движенію, затрудняли сообщенія между первобытными колонистами, разбрасывали ихъ въ разныя сто-

[1]) Квашнинъ Самаринъ: „Рус. Былины въ историко-географич. отношеніи“ (Бесѣда, 1871 г., IV, стр. 83).

роны. Первыми мѣстами поселеній должны были сдѣлаться возвышенности, или лучше, сухія приподнятыя мѣстности, шедшія или вдоль береговъ рѣкъ, или простиравшіяся на водораздѣлахъ между рѣчными системами. Но тутъ нужно было выдержать не менѣе упорную борьбу. Въ другомъ мѣстѣ мнѣ приходилось уже говорить о значеніи лѣса въ исторіи разселенія славянскихъ племенъ по равнинѣ восточной Европы [1]). То или иное племя, разселяющееся вдоль береговъ какой нибудь рѣки, достигало водораздѣла. Рѣка, облечавшая это движеніе, прекращалась, только сплошной стѣной стоялъ непроходимый лѣсъ. Къ этому препятствію очень часто присоединялось новое. Иногда эти плоскія возвышенности, болѣе или менѣе обширныя, представляютъ котловины, вслѣдствіе чего атмосферные осадки въ огромномъ количествѣ скопляются на нихъ и образуютъ цѣлый лабиринтъ озеръ и обширныхъ болотъ. Начиналась борьба съ лѣсомъ, который совмѣстно съ непроходимыми трясинами, задерживалъ дальнѣйшее движеніе человѣка. Въ то время какъ одно племя задерживается у водораздѣла съ одной стороны, другое,—двигавшееся по берегамъ иной рѣки, подходитъ къ нему съ противоположной. Этимъ-то обстоятельствомъ и объясняется то явленіе, что этнографическими границами служатъ водораздѣлы между системами рѣкъ, а въ историческое время тутъ проходятъ и границы политическія. Здѣсь сталкиваются въ своемъ движеніи племена, здѣсь происходитъ затѣмъ между ними борьба, переходящая впослѣдствіи въ борьбу между политическими единицами—землями, княжествами. Въ историческое время вопросъ сводится къ тому, какое княжество оттѣснитъ своего соперника къ верховьямъ рѣкъ, за водораздѣлъ. Тогда рѣки, текущія поперечно, закрѣпляются цѣлымъ рядомъ городковъ, и такихъ укрѣпленныхъ линій является столько, сколько случится такихъ параллельныхъ рѣчекъ. Если одно племя успѣваетъ еще въ доисторическое время колонизировать территорію другого, то мы видимъ, что теченіе рѣкъ, ведущихъ изъ области племени колонизующаго, закрѣплено городками, и непремѣнно, особенно сильно укрѣплены верховья рѣкъ. Вполнѣ естественно также, что берега рѣкъ, по которымъ шло колонизаціонное движеніе, должны быть покрыты поселеніями. Такимъ образомъ, направленіе теченія рѣкъ,

---

[1]) См. нашу работу: „Печенѣги, Торки и Половцы до нашествія Татаръ“.

распредѣленіе между ними плоскихъ сухихъ возвышенностей, имѣетъ значеніе въ вопросѣ о ходѣ колонизаціи, стало быть въ значительной мѣрѣ опредѣляетъ первые шаги племени на историческомъ пути. Эти соображенія прямо приводятъ насъ къ разсмотрѣнію тѣхъ географическихъ условій мѣстности, которая должна была сдѣлаться ареной дѣятельности одного изъ могучихъ восточнославянскихъ племенъ, Кривичей.

Отъ верховьевъ Волги рѣки на сѣверѣ и почти до впадѣнія рѣки Друти въ Днѣпръ на югѣ, отъ средняго теченія Москвы рѣки на востокѣ и приблизительно до впаденія р. Каспли въ Зап. Двину на западѣ—вотъ пространство, которое входило въ составъ Смоленской земли въ пору самаго большаго ея политическаго могущества.

„Кривичи, иже сѣдять на верхъ Волгы, и на вѣрхъ Двины, и на вѣрхъ Днѣпра, ихъ же и городъ есть Смоленескъ [1]". Вотъ какъ опредѣляетъ наша древнѣйшая лѣтопись центръ поселеній кривицкаго племени. Съ этого центра мы и начнемъ географическій обзоръ. Отъ озера Селигера, въ направленіи съ сѣверо-запада на юго-востокъ, Смоленскую землю окаймляла р. Волга. Впрочемъ, озеро Селигеръ лежало уже внѣ Смоленскаго княжества, за то озера Пено и Волго принадлежали ему, по всей вѣроятности, цѣликомъ. Изъ ея лѣвыхъ притоковъ для насъ интересна рѣка Медвѣдица. Еще важнѣе Вазуза съ притокомъ Гжатью, Лама и Ока, приносящія свои воды въ Волгу съ правой стороны. Въ рѣку Оку текутъ съ лѣвой стороны Угра, Протва, Москва. Послѣдняя своими верховьями и притокомъ Колочей, какъ и Протва, рѣчками Берегой и Рудью, сближаются съ системой рѣки Вазузы. Тутъ посредствующими звеньями является множество мелкихъ рѣчекъ, изъ которыхъ мы отмѣтимъ Оболонь. Сюда-же своими верховьями подходитъ рѣка Воря, вливающаяся въ Угру съ лѣвой стороны. Верховья лѣвыхъ притоковъ Вазузы приводятъ къ системѣ рѣки Днѣпра. Не труденъ былъ переходъ цѣлымъ рядомъ рѣчекъ и самыхъ ничтожныхъ волоковъ и волочковъ въ рѣку Вязму и Десну, или въ рѣку Обшу, которая уже вела на западъ въ систему двинскую. Послѣдняя черезъ Обшу въ свою очередь соединяется природой съ системой днѣпровской, именно съ верховьями самого Днѣпра, которыя

[1]) Ипатьев. Лѣт. изд. 1871 г. стр. 6; Лавр. Лѣт. изд. 1872 г. стр. 9—10.

отдѣляются отъ Обши и другихъ рѣчекъ двинской системы лишь узкимъ гребнемъ [1]. Теченіе Днѣпра въ верхней его части довольно извилисто. Общее направленіе его—къ юго-западу продолжается приблизительно до города Орши, откуда онъ круто поворачиваетъ на югъ. Изъ притоковъ его съ правой стороны останавливаютъ на себѣ наше вниманіе: Вержа Большая, Вопь, въ которую впадаетъ Вотря съ Вотрицей (Вѣтрицей); множество небольшихъ рѣчекъ съ озерами большей или меньшей величины сближаютъ правый берегъ Днѣпра съ лѣвыми притоками З.-Двины. Почти у самыхъ верховьевъ Днѣпра въ него впадаетъ небольшая рѣчка Солодовня, интересная лишь въ томъ отношеніи, что на ней, по предположенію, стоялъ одинъ изъ городовъ Смоленскаго княжества. Далѣе идутъ: Вязма, Сожъ и Десна. Послѣдняя, впрочемъ, принадлежала Смоленской землѣ лишь своими верховьями, точно такъ же, какъ и ея лѣвый притокъ, Болва. За то Сожъ почти до самаго своего устья протекалъ по Смоленскому княжеству. Изъ его притоковъ слѣдуетъ упомянуть: Осетръ съ лѣвой стороны, а съ правой Вехру и Проню съ Басей. Къ верховьямъ Волги подходитъ начало рѣки З.-Двины. Я уже говорилъ, что съ бассейномъ волжскимъ послѣдняя сближается чрезъ Обшу, лѣвый притокъ Межи, впадающей въ З. Двину съ лѣвой-же стороны. Затѣмъ обращаетъ на себя вниманіе Касиля, очень близко подходящая своимъ истокомъ къ системмѣ Днѣпра. Съ правой стороны З. Двина принимаетъ р. Торопу и рѣку Жижцу, вытекающую изъ озера Жижца; тутъ-же невдалекѣ лежитъ озеро Двино, соединяющееся съ З.-Двиной. Смоленской-же землѣ [2]) принадлежала р. Кунья, правый притокъ Ловати, но ея устье находилось уже въ области В. Новгорода.

Но орошеніе Смоленской земли было гораздо богаче, чѣмъ можно представить по сдѣланному нами перечню рѣкъ. Все очерченное нами пространство представляетъ изъ себя непрерывную нить озеръ, большей или меньшей величины, соединяющихся другъ съ другомъ рѣчками, притоками, частью уже утратившими свое названіе. Нѣкоторыя изъ озеръ лежатъ одиноко, безъ связи, но нельзя сомнѣваться въ томъ,

---

[1]) Матеріалы для географіи и статистики Россіи. Цебриковъ. Смолен. губернія. Спб. 1862 г. стр. 69.

[2]) Выраженіе „Смоленская земля“ здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, мы придаемъ значеніе политическое.

что въ отдаленныя времена они также соединялись съ рѣчками, уже исчезнувшими въ настоящее время. Едвали въ какой-нибудь другой части восточно-европейской низменности существуетъ такая масса болотъ, какъ здѣсь, на пространствѣ бывшаго Смоленскаго княжества. Тутъ они носятъ названіе мховъ. Отсюда-то происходятъ топографическія имена: Замошье, Мойшинская (земля), которыя въ такомъ изобиліи покрываютъ территорію Смоленской земли [1]). Обильная ржавая плѣсень покрываетъ эти болота, и вотъ является цѣлый рядъ именъ: Ржава, Ржачь, Ржавецъ, не менѣе часто встрѣчающіяся на этомъ пространствѣ [2]). Какъ есть незамерзающія болота, такъ есть тутъ и крупцы, не замерзающіе, короткіе притоки [3]). И все это, и берега рѣкъ, и рѣчекъ, и озеръ, сухія мѣста, и непроходимыя болота, все заполнено лѣсомъ. „Въ этихъ лѣсахъ никогда еще не ходилъ топоръ дровосѣка, деревья не сажала и не сѣяла человѣческая рука: одна природа безмятежно царила здѣсь со времени нынѣшняго образованія міра. Здѣсь рядомъ съ гніющими остатками старыхъ поколѣній, густо покрытыхъ зеленымъ войлокомъ моха, стройно выдѣлился свѣжій представитель молодаго поколѣнія съ сочной темнозеленой хвоей, а рядомъ съ нимъ мертвенно блѣдный, безъ сучьевъ и коры, съ изломанной вершиной, трупъ умершаго прадѣда. Колосальныя деревья завалили дорогу; на каждомъ шагу могучія массы валежника. Въ одномъ мѣстѣ съ чрезвычайнымъ усиліемъ можно перелѣзать лишь черезъ верхушку свалившагося исполина; въ другомъ съ чрезмѣрнымъ напряженіемъ пробираться ползкомъ между голой, обсыпанной иглами, землей и стволомъ, покрытымъ со всѣхъ сторонъ роскошно густымъ мохомъ. За однимъ препятствіемъ воздвигаются новыя, а кучи заднихъ сваленныхъ деревъ неодолимой стѣной заслоняютъ выходъ, увеличивая страхъ и приближая опасность. А между тѣмъ ни одинъ лучъ горячаго солнца не можетъ проникнуть въ этомъ вѣчный мракъ и не нарушаетъ постоянно влажной прохлады подъ высокимъ и страш-

---

[1]) Для очерка рѣкъ и вообще для описанія страны намъ послужили: списки населенныхъ мѣстъ губерній: Смоленской, Псковской, Тверской, Московской, Черниговской и др., а также Матеріалы для Географіи и статистики Россіи соотвѣтствующихъ губерній и карта Шуберта, соотвѣтствующіе листы. Другіе труды обозначены отдѣльно.

[2]) Максимовъ: „Обитель и Житель" (Др. и Нов. Россія, 1876 г. т. II, стр. 205).

[3]) Ibidem, стр. 206.

нымъ древеснымъ сводомъ“ [1]). Тутъ природа, какъ живое существо, ведетъ борьбу съ человѣкомъ. Для самаго ничтожнаго поселенія приходится выжигать, вырубать лѣсъ; правда, дѣвственная почва даетъ превосходный урожай, но торжество человѣка не продолжительно: проходитъ немного лѣтъ, сѣмена деревьевъ, окружающихъ отвоеванный у нихъ клочекъ, покрываютъ поле, которое вновь начинаетъ заростать лѣсомъ, а еще хуже, кочкарникомъ, и тогда пашня обращалась въ болото [2]). Еще кое-какъ, при тяжкихъ усиліяхъ, возможна борьба на болѣе или менѣе возвышенныхъ мѣстностяхъ. Поэтому, естественно, населеніе и скопилось именно тутъ, гдѣ чувствовалась подъ ногами болѣе твердая почва, гдѣ враждебныя дѣйствія природы оказывались слабѣе. Возвышенныя, болѣе или менѣе открытыя мѣста, представляющія цѣпи холмовъ, находятся по берегамъ болѣе значительныхъ рѣкъ. Замѣчательно, что чѣмъ значительнѣе рѣка, тѣмъ выше и обширнѣе эти возвышенія; по берегамъ-же рѣчекъ и рѣченокъ эти приподнятыя пространства не представляютъ непрерывнаго ряда, а являются въ видѣ острововъ, болѣе или менѣе удаленныхъ другъ отъ друга [3]). Этимъ явленіемъ объясняется существованіе массы населенныхъ мѣстностей съ названіями: Холмъ, Холмина и т. д., которыми такъ богата область Кривицкаго племени [4]). Такимъ образомъ, мы должны искать путей древнѣйшей колонизаціи именно по берегамъ болѣе или менѣе значительныхъ рѣкъ. Если мы бросимъ взглядъ на карту древней Смоленской земли, то увидимъ, что по рѣкѣ Днѣпру, имѣющему особенно высокій берегъ, была бóльшая плотность населенія, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Этимъ-же отличаются берега наиболѣе значительныхъ его притоковъ [5]). Мы ясно видимъ, что тутъ именно, по берегамъ этихъ рѣкъ, шелъ главный колонизаціонный путь Кривицкаго племени.

---

[1]) Ibidem, стр. 134.

[2]) Ibidem, стр. 203.

[3]) См. выше, а также: Забѣлина „Краткое описаніе Зап. Полѣсья“. Кіевъ. 1883 г., стр 2.

[4]) Списки населенныхъ мѣстъ, карта Шуберта, а также Писцовыя книги XVI в. и Можайскіе Акты. О нихъ ниже.

[5]) См. прилагаемую при семъ карту Смоленской земли. О населенныхъ мѣстностяхъ будемъ говорить ниже.

Но движеніе племени въ томъ или иномъ направленіи опредѣлялось не однимъ только теченіемъ рѣкъ съ возвышенными, въ большей или меньшей степени, берегами. Вся обширная страна эта ясно разбивается на двѣ части, постепенно переходящія одна въ другую. Съ юго-запада на сѣверо-востокъ мы замѣчаемъ постепенный подъемъ, достигающій кульминаціонной точки въ центральной или иначе Валдайской возвышенности, съ которой и берутъ свое начало Волга, Днѣпръ, и Западная Двина. Эта центральная возвышенность соединяется непрерывною цѣпью съ продолженіемъ Карпатскихъ горъ, извѣстнымъ подъ названіемъ возвышенности Авратынской. Цѣпь эта проходитъ съ юго-запада на сѣверо-востокъ. Эта цѣпь не представляетъ собою рѣзкаго приподнятаго возвышенія, а является въ видѣ непрерывнаго просохлаго пространства. Яснѣе она проявляется между верхнимъ теченіемъ Днѣпра и З. Двины, служа какъ бы перешейкомъ между центральной возвышенностью, въ которую и переходитъ, и тою возвышенною цѣпью, къ которой принадлежитъ[1]). Этотъ-то болѣе или менѣе просохлый неширокій кряжъ долженъ былъ въ свою очередь указывать дорогу при разселеніи племени и вновь заставляетъ насъ предполагать, что движеніе шло въ сѣверо-восточномъ направленіи. Необходимо обратить также вниманіе на отдѣльныя возвышенности, проходящія между отдѣльными рѣчными системами. Мы уже видѣли, что верховья Днѣпра отдѣляются отъ притоковъ З.-Двины лишь узкимъ извилистымъ возвышеніемъ; гораздо важнѣе представляется водораздѣлъ между р. Москвою и ея верхними притоками и системой р. Волги, то есть рѣкой Вазузой и Гжатью. Точно также необходимо замѣтить водораздѣлы, отдѣляющіе область р.р. Десны и Днѣпра. Они такъ незначительны, что верхніе притоки этихъ рѣкъ изрѣзываютъ мѣстность въ разныхъ направленіяхъ и заходятъ одинъ за другой своими верховьями. Такимъ образомъ, ни для колонизаціи въ доисторическое время они не могли представить серьезныхъ преградъ, хотя и задержали на нѣкоторое время быстроту колонизаціоннаго движенія, ни служить серьезными политическими границами во времена историческія.

---

[1]) Надеждинъ. Опытъ географіи русскаго міра (Библіотека для чтенія. Спб. 1837 г. т. 22, стр. 41—42).

Конечно, мы не можемъ утверждать, что знаемъ дѣйствительно всѣ древнія поселенія, но на основаніи и тѣхъ фактовъ населенности, какіе имѣются въ нашемъ распоряженіи, можно видѣть, что водораздѣлъ между системой р. Волги и Днѣпра гораздо гуще заселенъ, чѣмъ возвышенное пространство между Окой и Десной и притоками Днѣпра, Сожемъ, Ипутью и Вехрой[1]). Очевидно, что какое-то племя неудержимо стремилось все на востокъ и сѣверовостокъ, съ великой днѣпровской системы къ не менѣе великой системѣ волжской. Это направленіе обусловливалось именно самой природой мѣстности: этому способствовали и теченіе рѣкъ, и протяженіе возвышенностей въ извѣстномъ направленіи, и вмѣстѣ стараніе первобытнаго колонизатора изъ непроходимыхъ топей юго-западной части очерченнаго пространства выбиться на болѣе возвышенную, болѣе сухую мѣстность центральной возвышенности. Въ этомъ своемъ естественномъ стремленіи, споспѣшествуемомъ самой природой, колонизирующее племя не могло сворачивать первоначально на юго-востокъ, переходить изъ области днѣпровской вообще въ область р. Десны (въ частности), ибо въ такомъ случаѣ встрѣчало на своемъ пути безконечныя болота, невылазныя трясины, какими изобилуетъ обширная мѣстность Придесенья[2]). Поэтому мы имѣемъ право и теперь уже сдѣлать предположеніе, что колонизація кривицкая въ область рр. Десны, Болвы, Вехры и т. д. была сравнительно позднѣйшая. Кромѣ всѣхъ указанныхъ условій, благопріятствовавшихъ движенію Кривицкого племени на сѣверъ и сѣверо-востокъ, этому способствовало еще одно важное обстоятельство, о которомъ мы будемъ говорить въ этой-же главѣ.

Природа наградила эту страну, какъ мы видимъ, превосходными путями сообщенія, и одна изъ древнѣйшихъ торговыхъ дорогъ отъ моря Балтійскаго къ морю Черному пролегала именно здѣсь. „И бѣ путь изъ Варягъ въ Греки и изъ Грекъ по Днѣпру и верхъ Днѣпра волокъ до Ловати и по Ловоти внити въ Илмерь озеро великое, изъ негоже озера потечеть Волховъ и вътечеть въ озеро великое Нево, и того озера внидеть устье в море Варяжское...[3])“. Такъ опредѣляетъ

---

[1]) См. прилагаемую карту Смоленской земли.

[2]) Списки населен. мѣстъ Черниговской губерніи, стр. IV и то-же Орловской губерніи, стр. XIX.

[3]) Лаврент. Лѣтоп. стр. 6.

этотъ путь наша древнѣйшая лѣтопись. Она знаетъ также и другой путь въ Балтійское море: ....„а Двина изъ того-же лѣса (Валковьскаго) потечеть, а идеть на полунощье и внидеть въ море Варяжьское....", а потому „по Двинѣ, можно дойти, въ Варяги" [1]). Давно сдѣлано указаніе, что нашъ лѣтописецъ неправильно представлялъ себѣ направленіе этихъ рѣкъ [2]). Если р. Двина течетъ на сѣверъ, то въ такомъ случаѣ отъ верховьевъ Днѣпра является два почти параллельныхъ пути, ведущихъ на сѣверъ. Между тѣмъ одинъ изъ нихъ ясно опредѣляется. Онъ шелъ по Днѣпру, затѣмъ въ рѣчку Катынь, изъ нея волокомъ въ рѣчку Крапивну и озеро Купринское, изъ него по рѣчкѣ Выдрѣ [3]) въ Касплю, которая и приводила затѣмъ въ з. Двину [4]). Эта дорога вела прямо въ Балтійское море. Опредѣлить посредствующія звенія другаго пути, болѣе отдаленнаго, гораздо труднѣе [5]). Непосредственнаго волока между Днѣпромъ и Ловатью нѣтъ. Дорога должна была переходитъ отъ верховьевъ перваго чрезъ нѣсколько волоковъ. Мы имѣемъ свѣдѣнія, что у верховьевъ Днѣпра, тамъ, гдѣ сливаются два его истока, былъ пунктъ, служившій складочнымъ мѣстомъ для товаровъ, идущихъ съ востока на западъ и обратно [6]). Предположеніе, что съ Поволжья товары шли сюда чрезъ р. Гжать вполнѣ вѣроятно, такъ какъ лѣвые притоки послѣдней своими верховьями сближаются съ истокомъ Обши и Днѣпра [7]). Слѣдовательно, съ нѣкоторымъ основаніемъ можно допустить, что изъ Днѣпра шелъ путь волокомъ въ р. Обшу. Тогда послѣдовательно товоры шли-бы чрезъ Межу, з. Двину, Жижцу, озеро Жижецкое, р.

---

[1]) Ibidem..

[2]) Барсовъ. Очерки рус. историч. географіи. Варшава. 1885 г. стр. 26, 27.

[3]) См. Карту Шуберта листы 28 и 29; ср. Барсовъ. Op. cit. стр. 24.

[4]) Что путь шелъ изъ з. Двины именно по р. Каспли, видно изъ жалобы, представленной Рижанами Витебскому князю Михаилу Константиновичу, гдѣ между прочимъ говорится: „Тоть ты реклъ, князю: „даите вы мне конь, я васъ провожю изъ Смоленска и сквозѣ *Касплю*, а учаны хочю проводити с коньми и до Полотьска"... (Русско-Ливон. Акты, изд. Археогр. Коммиссіей. Спб. 1868 г. № XLIX).

[5]) См. попытки его опредѣленія: Барсовъ: „Очерки рус. историч. географіи", стр. 24, 25, 26; Голубинскій: Исторія Рус. Церкви т. I, ч. 1, стр. 2; Краткій Очеркъ историч. судебъ Полоцкой епархіи съ древнѣйшихъ временъ до половины XIX в., стр. II.

[6]) Герберштейнъ. Записки о Московіи. Спб. 1886 г. стр. 110.

[7]) Замысловскій. Герберштейнъ и его историко-географическія извѣстія о Россіи. Спб. 1884 г. стр. 165—167.

шимъ изъ Новгорода В., на берегу р. Вазузы [1]). Это была дорога къ Волгѣ, а по ней далѣе на востокъ, но былъ путь и прямѣе. Онъ шелъ сначала по Днѣпру отъ Смоленска до Дорогобужа, а далѣе черезъ рѣки Вязму, Жижалу, Ворю и Колочу [2]). Этотъ путь самый ближайшій на востокъ по Москвѣ рѣкѣ, Окѣ и Волгѣ, но представляетъ и нѣкоторыя неудобства вслѣдствіе того, что пересѣкаетъ рѣки, а нейдетъ вдоль ихъ; поэтому, намъ кажется, держались и другаго направленія, указаннаго природой и почти параллельнаго только что начерченному, именно по Днѣпру почти до верховья, по одному изъ

что и нѣтъ. Во всякомъ случаѣ, вѣроятнѣе, что Рюрикъ далъ сыну не пограничный городъ, а одинъ изъ внутреннихъ, то есть, на Ельшѣ куда мы его и относимъ. Въ дополненіе къ извѣстію лѣтописи о поѣздкѣ Ростислава въ В. Луки служитъ еще слѣдующее ея сообщеніе. Святославъ Ростиславичъ ушелъ изъ Новгорода въ В. Луки, объявивъ Новгородцамъ, что не хочетъ у нихъ княжить. Новгородцы пошли выгонять его изъ Лукъ; „онъ же услышавъ, оже идуть нань, иде *Торопцю....*“ Оказывается, такимъ образомъ, что между Торопцемъ и В. Луками было прямое сообщеніе или сухопутное, или небольшими рѣчками, тамъ протекающими; путь-же на Смоленскъ лежалъ всетаки черезъ Торопецъ. Обращаетъ на себя вниманіе еще слѣдующее обстоятельство. Иногда князья, разсорившись съ Новгородцами, принуждены *были быстро* ретироваться и въ этомъ случаѣ бѣгутъ не черезъ Торопецъ, а на Полоцкъ (См. напр. Ипатьев. Лѣт. стр. 220 и 350). Эти факты заставляютъ предполагать, что проѣхать въ Торопецъ имъ нельзя было въ такіе моменты именно потому, что уже Лучанское озеро (не говоря о Лукахъ) принадлежало Новгороду В.

[1]) Вотъ извѣстіе лѣтописи, прямо указывающее на этотъ фактъ. Въ 1216 году противъ Юрія двинулся Мстиславъ съ своими союзниками. „Мстиславъ же поиде Серегеромъ, и въниде въ свою волость... и быша верху Вълзѣ.... И пойде Мьстиславъ и възя Зубьцевъ, *и быша на Возузѣ; и приде Володимиръ Рюриковиць со Смольняны*“.... (Новг. I лѣт. изд. 1888 г. стр. 200—201 (Этой-же дорогой, очевидно, двигался въ 1148 году Ростиславъ Мстиславичъ изъ Смоленска на Волгу. (Ипат. лѣт. стр. 258—260).

[2]) Объ этомъ пути мы имѣемъ свѣдѣнія изъ двухъ позднѣйшихъ памятниковъ, относящихся къ XV и XVII вѣкамъ. Въ болѣе раннемъ описывается дорога, по которой ѣхала въ Литву дочь Іоанна III, Елена въ замужество за князя Александра; въ описаніи XVII в., принадлежащемъ неизвѣстному лицу, путь намѣченъ отъ Можайска до Смоленска и далѣе. Различіе между этими двумя памятниками заключается лишь въ нѣсколькихъ мѣстностяхъ, но направленіе дороги сохраняется одно и то-же. Она шла такимъ образомъ: Можайскъ, Верескъ или Варскій (на Ворѣ), Брагинъ Холмъ, Дуброва, Вязма, Дорогобужъ. Эти населенные пункты и даютъ возможность указать самую дорогу. Въ описаніи XVII в. вставлены еще: между Брагинымъ Холмомъ и Вязмой Козловъ, а передъ Дорогобужемъ —Мстиславецъ. Относительно мѣстонахожденія Брагина Холма мы будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ. (Описаніе XV в. см. у Бѣляева, „Географическія свѣдѣнія въ древней Руси“, Записки Имп. Рус. Геогр. Общ. кн. 6, 1852 г. стр. 237—278; описаніе XVII вѣка—во Временникѣ Имп. Москов. Общ. Исторіи и Древн. Росс. 1852 г. кн. 15, стр. 47—48). Этого-же пути держался, по всей вѣроятности, и Василій I въ 1408 году, двигаясь къ Вязмѣ. (Лавр. Лѣт. стр. 510).

его правыхъ небольшихъ притоковъ въ одинъ изъ лѣвыхъ р. Вазузы, по Вазузѣ, по Гжати, по Олешнѣ, волокъ, въ Москву рѣку. Несомнѣнно, движеніе происходило отъ Смоленска также чрезъ Днѣпръ, р. Вопь, волокомъ въ Общу, волокомъ въ Осугу, въ Вазузу и затѣмъ или въ Волгу, или въ Гжать [1]):

Такимъ образомъ, рѣчныя системы Волги, Днѣпра, Ильменя, были соединены въ самой Смоленской землѣ. Точно также центръ ея былъ связанъ рѣчными путями съ областью рѣки Десны. Мы видимъ походы Смоленскихъ князей въ Черниговскую землю. Главнымъ образомъ они направлялись въ область Десны, князья-же Черниговскіе при столкновеніяхъ съ Смоленскимъ постоянно стремятся или къ верховьямъ той-же рѣки, или къ берегамъ р. Угры. Такое направленіе походовъ обусловливалось естественными путями сообщенія, проходящими въ этой мѣстности. Не говоря уже о томъ, что Сожъ своимъ истокомъ близко подходитъ къ Днѣпру, а однимъ изъ лѣвыхъ своихъ притоковъ, именно Хмарой, сближается съ р. Стряной, правымъ притокомъ Десны, что впадающій въ него слѣва-же Осетръ вытекаетъ также вблизи послѣдней [2]), мы видимъ кромѣ того, что изъ Днѣпра

[1]) См. карту Шуберта листъ 43. Въ настоящее время эти рѣки настолько обмелѣли, что по нимъ совершается лишь сплавное судоходство, главнымъ образомъ гонится лѣсъ. И теперь еще намѣчаются тѣ пути, которые пролегали по этимъ рѣкамъ въ древности. Такъ судоходство совершается по Днѣпру, по Ельшѣ, по Вопи, по Обшѣ. (Списки населен. мѣстъ Смолен. губерніи, стр. LXX—LXXII). Дорога: Днѣпръ, Вопь, Обша, Осуга (или другой какой-нибудь притокъ Вазузы), Гжать,—существовала въ XVIII ст. не только для сплава лѣса, но и для грузовъ хлѣба и другихъ припасовъ. Правда, уже тогда товары изъ Гжатской пристани въ Бѣльскую перевозились сухимъ путемъ по проселочнымъ дорогамъ, очевидно, вслѣдствіе обмелѣнія передаточныхъ рѣкъ (Топографическія извѣстія, служащія для полнаго географическаго описанія Россійской имперіи. Спб. 1771 г. при Импер. Академіи Наукъ, т. I, ч. 1, стр. 24—25). Точно также сплавъ лѣса производился въ XVIII в. уже и по Москвѣ р. (Ibidem); а въ нее лѣсъ сгонялся по р. Иночѣ, Рузѣ, Колочѣ и Протвѣ (Историч. и топографич. описаніе городовъ Москов. губерніи. 1787 г. Москва, стр. 296—297). На торговое, значеніе г. Вязьмы указываютъ въ XVI ст. Герберштейнъ (Записки о Московіи, перев. Анонимова, Спб. 1866 г. стр. 109), который и ѣхалъ такъ: Можайскъ, Вязма, Дорогобужъ, и Флетчеръ (О Государствѣ русскомъ. Лондонъ 1591 г. стр. 9). Этимъ путемъ изъ Москвы въ Дорогобужъ шелъ, по всей вѣроятности, и Трифонъ Коробейниковъ, направлялась въ святую землю. („Хожденіе Трифона Коробейникова". Провославный Палестинскій Сборникъ, т. IX, в. 3, Спб. 1889 г. стр. 72).

[2]) См. карту Шуберта листъ 44. Путемъ: Осетръ, Десна, Ужа, шелъ, вѣроятно, Берладникъ, когда покинулъ Святослава Ольговича въ 1146 году и ушелъ въ Смоленскъ (Ипотьев. Лѣт. стр. 239).

можно было войти въ р. Ужу и волокомъ перетащиться въ Десну. Затѣмъ, одинъ изъ незначительныхъ лѣвыхъ притоковъ Днѣпра ниже Дорогобужа волокомъ соединяется съ одной изъ рѣчекъ, впадающихъ справа въ Угру, которая, въ свою очередь, чрезъ Демену соединяется съ Шуйцей, правымъ притомъ Снопоти, впадающей въ Десну, и съ Болвой, принадлежащей также къ системѣ послѣдней рѣки. Изъ Угры въ Болву можно одинаково проѣхать и чрезъ Городченку, волокъ и р. Ужать. Рѣка Ока, въ которою Угра вливается, соединяется съ нею еще чрезъ Жиздру, Брынь и Ресу, а съ другой стороны она связана съ Вязьмой черезъ Жижалу или съ Гжатью черезъ Ворю [1]). Мы видѣли уже, что Двинская система чрезъ р. Касплю соединяется съ Днѣпромъ. Лѣвые притоки послѣдняго, Друть и Березина, несутъ свои воды уже параллельно главной рѣкѣ. Березина своими истоками очень близка къ правымъ притокамъ з. Двины и такимъ образомъ представляетъ изъ себя самую удобную и кратчайшую дорогу изъ Подвинья въ Поднѣпровье. Водораздѣлы между Березиной и Друтью и между послѣдней и Днѣпромъ изрѣзаны поперечными рѣками, что̀ довало возможность сообщенія изъ Смоленской земли прямой дорогой въ землю Полоцкую, а вмѣстѣ съ тѣмъ ими пользовались для проведенія поперечныхъ укрѣпленныхъ линій. Изъ этихъ рѣкъ я укажу лишь на Лахву (притокъ Днѣпра) и Вабичь (притокъ Друти), и на Осликъ, Клеву и Брусяту (притоки Березины). Была дорога и сухопутная, и очень прямая. Она шла отъ города Орши прямо на западъ [2]). Въ 1128 году

---

[1]) См. карту Шуберта листъ 44. Путь—Брынь, Реса, Угра, Воря, Гжать—вѣроятно былъ избранъ Михаиломъ Черниговскимъ въ 1228 году, „бѣ бо тогда въ Брыну съ сыномъ и поиде въ борзѣхъ на Тържькъ и приде на вьрьбницю въ Тържькъ....“ (Новгор. I лѣт. стр. 230). Новгородскіе послы, отправленные къ нему, были задержаны въ Смоленскѣ, идя, очевидно, обычнымъ путемъ. Ярославъ Переяславскій также заперъ всѣ пути. Такимъ образомъ, Михаилу изъ Брына удалось проскользнуть только этимъ путемъ. Очевидно, Смолоняне оберегали только главный новгородскій путь, упустивъ изъ виду боковую дорогу: они не знали, гдѣ въ тотъ моментъ находился Михаилъ. Брынь—теперь мѣстечко на р. Брынѣ, Калуж. губ. Козельс. у. (Барсова. Географич. Словарь Рус. земли, Вильно, 1865 г. стр. 15).

[2]) Въ XVI в. эта дорога шла отъ г. Орши чрезъ Барань, Писуны, Озерье, Толочинъ, Гостиничи, Бобръ, Крупки, Начу и Борисовъ (Хожденіе Трифона Коробейникова. Православный Палестинскій сборникъ, в. 27, стр. 73; Дневникъ Марины Мнишекъ въ „Сказанія Современниковъ о Димитріи Самозванцѣ“ изд. Устряловъ, 1834 г. ч. IV, стр. 13) О сухомъ пути отъ Орши на западъ говоритъ и Маскевичъ въ своемъ дневникѣ, изд. Устрясова, ч. V, стр. 121. О соединеніи Березины съ Двиною: Шпилевскій. „Путе-

Ростиславъ изъ Смоленска шелъ къ Друтску, по всей вѣроятности, именно этой дорогой, а Всеволодъ Ольговичъ на Стрѣжевъ двигался по Днѣпру, а затѣмъ по Березинѣ до Борисова [1]).

Такимъ образомъ, мы обозрѣли главныя особенности обширной страны, ставшей ареной дѣятельности интересующаго насъ племени Кривичей. Мы видимъ тутъ всѣ условія для развитія обширной колонизаціи во всѣ стороны и обширныхъ торговыхъ связей, но вмѣстѣ съ тѣмъ мы не находимъ никакихъ естественныхъ препятствій для встрѣчнаго движенія другихъ племенъ, для точнаго опредѣленія границъ. На водораздѣлахъ, тамъ, гдѣ перепутываются рѣчныя системмы, мы должны ожидать появленіе черезполосицы владѣній, вмѣстѣ съ этимъ путаницу правовыхъ отношеній и закладку политическихъ столкновеній, опредѣлявшихъ историческую судьбу Смоленской земли съ самыхъ первыхъ моментовъ ея возникновенія. Нѣтъ никакой возможности сказать, гдѣ начинался, или, по крайней мѣрѣ, гдѣ кончался тотъ или иной водный путь; между тѣмъ главные изъ нихъ съ неудержимой силой тянули къ себѣ населеніе; тутъ возникаютъ тѣ-же явленія, съ какими мы встрѣчаемся на водораздѣлахъ, и опредѣляютъ заранѣе характеръ политическихъ отношеній страны. Естественныя удобства для колонизаціи во всѣ стороны и со всѣхъ сторонъ, несомнѣнно должны были породить столкновенія на самой территоріи Смоленской земли различныхъ народностей, опредѣлить этнографическій составъ ея населенія. Эти-же самыя условія не давали никакой возможности сохранять чистыхъ племенныхъ типовъ: мы должны ожидать здѣсь этнографическую ассимиляцію въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Вотъ выводы, къ которымъ приводитъ географическій обзоръ Смоленской земли. Мы увидимъ, что они стоятъ въ полномъ соотвѣтствіи съ другими фактами, къ разсмотрѣнію которыхъ мы теперь и приступаемъ.

Археологическія данныя, хотя и немногочисленныя, добытыя путемъ раскопокъ на территоріи Кривицкой земли, или сохранившіяся на поверхности почвы, наводятъ на мысль, что славянское племя Кривичей, явившись въ этой странѣ, застало ее уже занятой какимъ-то

шествіе по Полѣсью и Бѣлорусскому краю" (Современникъ, 1854 г., т. V, Декабрь, стр. 39); Максимовъ. „Обитель и Житель". (Древ. и Нов. Россія. 1876 г. т. II, стр. 130).

[1]) Ипатьев. Лѣт. стр. 210.

иноплеменнымъ населеніемъ. Чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе археологія накопляетъ фактовъ для опредѣленія народности отыскиваемыхъ древностей. Въ отношеніи нѣкоторыхъ изъ открываемыхъ раскопками предметовъ можно сказать почти съ полной достовѣрностью о мѣстѣ ихъ происхожденія, но однако-же далеко не о всѣхъ и не въ каждомъ данномъ случаѣ. Для рѣшенія-же вопроса о племени, обитавшемъ въ изслѣдуемой мѣстности, эти вещевыя показанія не могутъ служить прочнымъ основаніемъ. Достаточно сказать, что присутствіе предметовъ того или иного типа на извѣстной территоріи можетъ быть результатомъ торговыхъ сношеній, иногда очень отдаленныхъ. Гораздо больше имѣютъ значенія въ опредѣленіи національности коренныхъ обитателей особенности погребенія, тѣ характеристическія черты отношенія къ усопшему, которыя являлись слѣдствіемъ религіозныхъ вѣрованій обитателей данной территоріи. Въ этомъ отношеніи археологія достигла уже нѣкоторыхъ результатовъ, и было сдѣлано нѣсколько попытокъ группировки признаковъ народности кургановъ [1]. Не можемъ не сказать, что эти попытки не представляютъ собою послѣдняго слова археологіи, которое будетъ произнесено, можетъ быть, еще не скоро, когда весь, огромный уже, накопленный матеріалъ будетъ приведенъ въ систематическій порядокъ. Главное затрудненіе состоитъ въ томъ, что мы не можемъ найти почти ни одного уголка на пространствѣ не только Россіи, но и вообще всей Европы, гдѣ бы историческія данныя не указывали намъ или на преемственную смѣну народностей, или на ихъ смѣшеніе. Въ частности, въ отношеніи Россіи, мнѣніе о необходимости предполагать чистые похоронные типы въ древнѣйшихъ центрахъ поселеній русско-славянскихъ племенъ, какъ указываетъ наша лѣтопись, имѣетъ нѣкоторое основаніе, хотя нельзя отрицать и того, что въ первобытной чистотѣ мы должны искать погребальныхъ обрядовъ на европейской прародинѣ Славян-

[1] Grewingk: Ueber heidnische Gräber Russisch-Litavens und einiger benachbarter Gegenden insbesondere Lettlands und Weissrusslands. Dorpat. 1870; Worsaae: La colonisation de la Russie et du nord Scandinave. Copenhague. 1875; Bähr. Die Gräber der Liven. Dresden. 1850; Koeppen: Ueber Tumuli in Russland (Bulletin Scientifique publiè par L'Acad. imp. des sciences de S. Pètersbourg, t. I, № 14. 1836); Уваровъ: О признакахъ народности кургановъ; Киркоръ: Археологическія разысканія въ Виленской губерніи (Извѣстія Импер. Археологич. Общ. т. I); Завитневичъ: „Къ вопросу о выработкѣ критерія для классификаціи кургановъ по типамъ“ (Кiев. Старина, 1890 г. т. XXIX, стр. 255—267).

скаго племени, въ Прикарпатьѣ [1]). Дѣйствительно, мы находимъ иногда на той или иной, болѣе или менѣе обширной территоріи, десятки кургановъ съ опредѣленнымъ, ясно выраженнымъ характеромъ. Лѣтописецъ, описывая нравы русскихъ Славянъ въ до-христіанскую эпоху, разсказываетъ, что они, „егда кто умираше в нихъ, творяху тризну велію и потомъ, складъ громаду дровъ велію, полагаху мертвеца и сожигаху, и по семъ собравше кости, вкладаху въ судъ (сосудъ) и поставляху на распутіи на столпѣ, и въ курганы сыпаху, иже творять Вятичи и нынѣ, и Кривичи [2])".... Такимъ образомъ, мы должны считать за несомнѣнный фактъ, что у Кривичей совершался обрядъ сожженія покойниковъ, съ поставленіемъ погребальныхъ урнъ въ курганахъ, на перекресткѣ дорогъ [3]). Но, какъ оказывается изъ несомнѣнныхъ фактовъ, у русскихъ Славянъ существовалъ не одинъ только обрядъ сожженія, но и простаго погребенія съ насыпкой кургановъ, какъ мы это увидимъ далѣе. Что-же касается племени Кривичей, то данныя археологіи стоятъ съ извѣстіемъ лѣтописца въ полномъ соотвѣтствіи. Достаточно сказать, что изъ разрытыхъ во время одной экскурсіи въ различныхъ уѣздахъ Смоленской губерніи 91 кургановъ 50 заключали въ себѣ обрядъ сожженія и только въ 15 оказалось погребеніе [4]). Постараемся нарисовать этотъ преобладающій похоронный типъ. Какъ можно думать на основаніи имѣющагося въ нашемъ распоряженіи матеріала, Кривичи устраивали костеръ, иногда огромныхъ размѣровъ, и клали на него покойника съ предметами домашняго обихода, украшеніями, а также и съ оружіемъ. Затѣмъ костеръ зажигался; когда онъ сгоралъ, поверхъ его насыпали курганъ, при чемъ землю брали тутъ же, вокругъ кострища. Но такой способъ похоронъ былъ менѣе распространенъ, чѣмъ другой. Приготовивъ покой-

---

[1]) Это мнѣніе принадлежитъ графу Уварову. Существуютъ и возраженія, напр. Ивановскаго по поводу реферата Гатцука „О древне-славянскихъ черепахъ" (Труды III Археологич. съѣзда, т. I, 1878 г., Протоколы, стр. XL).

[2]) Лѣтописецъ Переяславля Суздальскаго. М. 1851 г., стр. 4.

[3]) По объясненію графа Уварова, столпъ означаетъ межу, раздѣльную дорожку или канавку, на которыхъ и ставились сосуды съ остатками сожженнаго трупа. (Древности. Труды Москов. Археол. Общ., т. X, 1885 г., Протоколы, стр. 48—49).

[4]) Отчетъ Сизова о раскопкахъ въ разныхъ уѣздахъ Смоленской губерніи. См. Древности. Труды Моск. Археол. Общ., т. IX. Отчетъ о состояніи и дѣятельности Москов. Археол. Общества за 1881—1882 г., стр. 5; 26 кургановъ оказались совершенно пустыми.

ника къ похоронамъ, устраивали костеръ, сжигали покойника безъ вещей, а затѣмъ собирали пепелъ въ горшокъ и переносили его на другое мѣсто, иногда тутъ-же рядомъ съ кострищемъ. Начинали насыпать курганъ. Когда насыпь была поднята до извѣстной высоты, на нее ставили погребальную урну, клали около нея вещи, а оружіе, какъ копье, мечъ, втыкали около нея. Затѣмъ сверху доканчивали насыпку кургана. Впрочемъ, иногда погребальныя урны ставились не въ срединѣ кургана, а на твердой землѣ, и даже на подложенныхъ подъ нихъ камняхъ [1]. Если мы теперь обратимся къ картѣ, то область распространенія этого обряда трупосожженія, его господства, будетъ простираться по верхнему теченію Днѣпра до р. Вопи приблизительно до г. Ржевы, на р. Волгѣ, затѣмъ къ югу отъ Днѣпра до верховьевъ р. Десны, или лучше, до г. Ельни, откуда граница по косой линіи къ Днѣпру; затѣмъ на правой сторонѣ Днѣпра опредѣлить область его распространенія нельзя, хотя по берегу самой рѣки онъ всецѣло господствуетъ [2]. Этотъ похоронный типъ сожженія, при чемъ пепелъ собирается или не собирается въ урны, не является однако же у Славянъ единственнымъ. Можно только утверждать одно, что тамъ, гдѣ мы, на основаніи другихъ данныхъ, знаемъ о пребываніи Славянъ, насыпи съ погребальными урнами, среди другихъ, должны быть признаны славянскими. При этомъ однако возможно, что могила будетъ сдѣлана или только изъ земли, какъ ихъ дѣлали сейчасъ у Кривичей, какъ ихъ дѣлаютъ это у Сѣверянъ и въ Мекленбургѣ [3], или изъ

---

[1] [illegible] раскопкахъ въ [illegible] Смоленск. губ. Древности. Труды Моск. Археол. Общ. т. XI, в. 3. М. 1887 г. Протоколы стр. 87—98; [illegible] раскопкахъ [illegible] губ. Тоже, в. 2. Протоколы, стр. [illegible]; [illegible] раскопкахъ въ Смоленск. губерніи въ 1874 г. Тоже, т. IX, в. [illegible] также т. [illegible] Протоколы; [illegible] раскопкахъ у [illegible] Тоже т. IV, в. [illegible] Протоколы; [illegible] Археол. Общ. т. II, [illegible] стр. LXXV, раскопки Сопошина въ Смоленск. губерніи. Древности. Труды Моск. Археол. Общ. т. IX, в. 2 и 3. Протоколы; см. также Жизневскій. Описаніе Тверского Музея. Тоже т. VII в. [illegible]

[2] Такимъ образомъ въ область [illegible] уѣзды Смоленскій, Порѣчскій, Духовщинскій, Бѣльскій, часть [illegible] Ельнинскаго, Вяземскій, [illegible] часть Дорогобужскаго.

[3] Е. [illegible] курганахъ Черниговской губерніи. Труды III Археол. съѣзда, т. I, [illegible] г., стр. [illegible]; Самоквасовъ, „Сѣверянскіе курганы". Тамже; см. также Др. и Нов. Россія 1876 г. [illegible] о могилахъ полабскихъ Славянъ въ Мекленбургѣ. Труды I. Археол. съѣзда. Протоколы, стр. 45[illegible].

камней, при чемъ погребальныя урны будутъ стоять въ каменныхъ ящикахъ и покрыты каменной плитой, какъ это мы находимъ въ Польшѣ и Моравіи[1]).

Но оказывается, какъ мы сказали раньше, что у Славянъ былъ обрядъ похоронъ, состоявшій изъ простаго погребенія съ незначительнымъ различіемъ въ подробностяхъ, не составляющимъ существенной важности. И вотъ лишь только мы зайдемъ за г. Ельну, вступимъ въ область верхняго теченія Десны и р. Сожи, какъ тотчасъ попадаемъ на территорію какого-то племени, у котораго преобладающимъ, если не единственнымъ, типомъ похоронъ является погребеніе. Такъ, во время одной только большой археологической экскурсіи въ области рѣки Днѣпра и Сожи, Дрюти (нижнее теченіе), Остра и Бесѣди оказалось около $66^2/_3\%$ кургановъ съ типомъ погребенія и только $33^1/_3\%$ съ трупосожженіемъ[2]). Самое погребеніе совершалось такимъ образомъ. Покойника клали или прямо на грунтъ, или въ ямы, глубиной $^1/_2$—$1^1/_2$ аршина. Иногда устраивали деревянный срубъ и трупъ полагали въ него. Тутъ-же устраивался костеръ, на которомъ, можетъ быть, приносилась жертва, хотя мы склонны также думать, что причина устройства этихъ костровъ вблизи лежащаго покойника заключалась въ вѣрованіи въ очистительную и предохранительную силу огня. На это указываетъ, по нашему мнѣнію, тотъ фактъ, что не только зажигали около покойника такой костеръ, но и клали затѣмъ трупъ на потухшіе угли. Рядомъ съ покойникомъ клали, какъ при трупосожженіи, разныя вещи и ставили горшки съ пищей, остатками сожженныхъ животныхъ. Затѣмъ все это засыпалось землей, воздвигался курганъ[3]). Находимыя въ курганахъ арабскія мо-

---

[1]) Павинскій: „Языческое кладбище въ Добрышицахъ" (Труды III Археол. съѣзда, т. I, 1878 г., стр. 245—251). Какому племени надо приписать каменныя гробницы съ погребальными урнами, найденныя В. Б. Антоновичемъ на берегу р. Тетерева, мы не знаемъ (Древности Юго-Западн. края. Раскопки въ странѣ Древлянъ. Спб. 1893 г., стр. 49—51; см. также Записки Имп. Рус. Археол. Общ. н. с. т. IV, стр. 435). Устройство этихъ гробницъ напоминаетъ могилы при Добрышицахъ и въ Моравіи (См. рефератъ Беды-Дудика: „Дохристіанскіе могильники въ Моравіи" въ Трудахъ III Археол. съѣзда т. I, Кіевъ, 1878 г., стр. 298).

[2]) Дневникъ раскопокъ въ Могилев. губерніи. Фурсова. М. 1892 г.

[3]) Ibidem, а также: Сизова раскопки въ Рославл. у. Смолен. губ. (Древности. Труды Москов. Археол. Общ., т. XI, в. 3, протоколы, стр. 87—88). Турбина раскопки въ Могилев. губ. и уѣздѣ (Ibidem, т. IV, в. 2, протоколы, стр. 51—52, также т. XI, в. 2, протоколы,

ноты XI в. [1]) указываютъ намъ на племя, хоронившее такимъ образомъ своихъ покойниковъ. Въ XI и XII вв., по извѣстію лѣтописи, между Днѣпромъ и Сожемъ жили Радимичи [2]). Простое погребеніе мы находимъ также и у Дреговичей [3]), и у Древлянъ [4]). Если мы перейдемъ теперь къ сѣверу отъ Днѣпра, въ область озера Ильменя, территорію Ильменскихъ Славянъ, въ Псковскую и Полоцкую земли, по обѣимъ сторонамъ р. Двины, то есть, въ области тѣхъ-же Кривичей, мы находимъ трупосожженіе, какъ преобладающій типъ похоронъ, при чемъ урны встрѣчаются въ курганахъ чаще, тѣмъ кострище [5]). Такимъ образомъ, при обрядахъ погребенія или сожженія, у русскихъ Славянъ курганъ насыпался просто изъ земли, при чемъ, для нашего вопроса не имѣетъ значенія, какая для этого бралась земля: песокъ, мергель, чернозёмъ и т. д. Намъ важно констатировать лишь одно, *что восточные Славяне другаго матеріала, кромѣ земли, для сооруженія могилъ-кургановъ не употребляли.* Изъ приведенныхъ нами фактовъ оказывается, что и въ землѣ Кривичей и Радимичей, при господствующемъ обрядѣ, встрѣчаются случаи, и сравнительно довольно многочисленные, когда надъ покойникомъ совершенъ былъ обрядъ иной, простаго погребенія (у Кривичей), и сожженія (у Ра-

стр. 32—33). Жители Хотимск. волости Могил. губ. до сихъ поръ разводятъ при погребеніи костры на могилахъ (Фурсовъ, op. cit. стр. 26); въ Новгород. губ. стружки отъ гроба тоже сожигались или бросались въ Волховъ (Путешествіе Ходаковскаго, Рус. Ист. Сборникъ, т. III, кн. 2, стр. 146). Тоже мы видимъ и въ зап. Полѣсьѣ (Зайкинъ, Op. cit. стр. 51—52).

[1]) Раскопки Сизова въ Рославл. и Ельнин. уу. (Древности. Труды Москов. Археол. Общ., т. XI, в. 3. Протоколы, стр. 87—88).

[2]) Лавр. Лѣтоп., изд. 1872 г., стр. 11—12.

[3]) Завитневичъ: „Изъ археологич. экскурсій въ Припетское Полѣсье" (Чтенія въ Историч. Общ. Нестора Лѣтописца, кн. 4), и „Вторая археол. экскурсія въ Припет. Полѣсье" (Ibidem, кн. VI); Романова раскопки въ Могилев. губерніи (Древности. Труды Москов. Археол. Общ. т. XII, стр. 54, 55, 56).

[4]) В. Б. Антоновичъ: „Раскопки въ странѣ Древлянъ". Спб. 1893 г., а также: „О древлянскихъ могильникахъ" (Чтенія въ Историч. Общ. Нестора Лѣтописца, кн. V).

[5]) Раскопки Вальтера въ Витеб. губ. (Извѣстія Имп. Археол. Общ. т. X, протоколы, стр. 474—5; Bähr „Die Gräber der Liven". s. 48; Grewingk „Heidnische Gräber". ss. 101, 108, 112, 8; „О древнихъ могилахъ въ Витебской и Псковской губерніяхъ" (Ж. М. Н. Пр. 1851 г. отд. V, [illegible] стр. 170; Татуръ „Очеркъ археологич. памятниковъ на пространствѣ Минской губерніи и ея археологическое значеніе". Минскъ 1892 г., стр. 26; Раскопки Бранденбурга и Ивановскаго на берегахъ р. Волхова (Записки Имп. Археол. Общ. т. I, вып. [illegible] Протоколы стр. XXXIX).

димичей и Дреговичей)[1]). Мало этого. Въ области верховьевъ рѣкъ З. Двины, Волги и Днѣпра мы также находимъ курганы съ погребальнымъ обрядомъ[2]). Изъ 28 кургановъ, разрытыхъ на пространствѣ между Днѣпромъ, Вопью, и г. Ельной, всего только одинъ оказался заключающимъ въ себѣ обрядъ погребенія[3]). Но по правую сторону Днѣпра, по верховьямъ З. Двины, наоборотъ, такой типъ открытъ во время одной экскурсіи въ 18 курганахъ. Стало быть, приходится думать, что на территоріи смоленскихъ Кривичей, по лѣвую сторону Днѣпра, былъ похороненъ случайно иноплеменникъ. Но далѣе является уже не случайность, а обнаруживается пребываніе какого-то населенія, которое слѣдовало при похоронахъ обряду погребенія. Затѣмъ, если мы обратимся къ землѣ Радимичей, то должны будемъ, кажется, признать, что обрядъ сожженія или принадлежалъ колонистамъ Сѣверянамъ, или явился у нашихъ Радимичей подъ сѣверянскимъ вліяніемъ, потому что курганы такого типа расположены въ южной части области Радимичей, по берегамъ рр. Бесѣди, Сожа и Днѣпра, то есть, въ сосѣдствѣ земли Сѣверянъ[4]), и только одинъ случай трупосожженія мы находимъ между рр. Друтью и Днѣпромъ (на высотѣ Друтескъ-Копысь)[5]), что̀ можетъ быть объяснено совершенно случайнымъ погребеніемъ Кривича, или, пожалуй вѣрнѣе, распространеніемъ кривицкой колонизаціи по верхнему теченію р. Друти. Нахожденіе кургановъ съ погребеніемъ у верховьевъ Днѣпра, Волги и З. Двины заставляетъ предполагать существованіе этого похороннаго типа и у Кривичей. Дѣйствительно, фактъ простаго погребенія съ насыпкой земляныхъ кургановъ мы находимъ въ области З. Двины, въ области древнихъ Полочанъ и Ильменскихъ Славянъ. Такіе курганы мы на-

---

[1]) Завитневичъ: „Вторая археол. экскурсія въ Припетское Полѣсье“ (Чтенія въ Истор. Общ. Нестора Лѣтописца, кн VI, стр. 37—42).

[2]) Кусцинскаго раскопки у верховьевъ З. Двины, Днѣпра и Волги (Древности. Труды Моск. Археол. Общ., т. IX, в. 1, Протоколы, стр. 22).

[3]) Кусцинскій: „Отчетъ о раскопкахъ въ Смоленской губерніи въ 1874 г.“ (Древности. Труды Моск. Археол. Общ., т. IX, в. 1).

[4]) См. № 9 (стр. 3—4), № 11 и 12 (стр. 6 и 7), № 13 и 14 (стр. 8), № 17 (стр. 11), № 21, 22, 24, 25 и 26 (стр. 13—14), № 33 и 34 (стр. 23), № 41 (стр. 25) въ трудѣ: Дневникъ раскопокъ въ Могилев. губерніи. Фурсова. Могилевъ 1892 г.

[5]) Раскопки Турбина въ Москов. губ. (Древности. Труды Москов. Археол. Общ., т. XI, в. 1, Протоколы, стр. 52—53). Курганъ при д. Дымово на большой дорогѣ изъ Шклова въ Коханово.

ходимъ на берегахъ р. Волхова, около старой Ладоги [1]), въ Витебской и Минской губерніяхъ [2]).

Но рядомъ съ этими памятниками славянской древности на обширной территоріи Кривицкаго племени мы замѣчаемъ нѣсколько такихъ, которые отличаются своею особенностью, такими оригинальными чертами, которыя рѣзко отличаются отъ присущихъ могиламъ славянскимъ. Начнемъ нашъ обзоръ съ лѣваго берега З. Двины. По берегамъ рѣкъ Начи и Уллы, впадающихъ въ З. Двину, тянется множество кургановъ, обложенныхъ камнями [3]). Около г. Логойска существуютъ они также въ большомъ количествѣ [4]) На р. Березинѣ, около г. Борисова и далѣе на западъ отъ этой рѣки встрѣчаются могилы съ каменными сводами надъ покойникомъ, или пепелъ отъ сожженія покрытъ большимъ камнемъ. Подобныя-же могилы есть и на берегахъ р. Бобра, впадающаго въ р. Березину [5]). Вообще къ югу отъ З. Двины попадаются еще гробницы внутри земли безъ всякой насыпи надъ ея поверхностью. Иногда онѣ обозначаются небольшой продолговатой фигурой изъ положенныхъ камней или рядомъ камней вокругъ на пространствѣ гробницы, а въ головахъ стоитъ большой камень; иногда онѣ покрыты большимъ камнемъ или плитой. Что касается внутренности гробницы, то она представляетъ изъ себя четыреугольный ящикъ, продолговатый, изъ плоскихъ большихъ камней или плитъ, вымощенный на днѣ камнемъ и покрытый одной или нѣсколькими каменными плитами [6]). Если мы теперь перейдемъ на сѣверный берегъ З. Двины, то и тамъ наткнемся на подобные-же факты. Въ Витебской и Псковской губерніяхъ существуютъ могилы, имѣющія внутри камни или каменныя камеры, покрытыя сверху каменной-же

---

[1]) Раскопки Бранденбурга и Ивановскаго. „Записки Имп. Археол. Общ." т. I. нов. сер. Протоколы, стр. XXXIX и XL.

[2]) Раскопки Кельсиева („Извѣстія Имп. Археол. Общ.", т. X. Протоколы, стр. 474—5); Grewingk: Heidnische Gräber, ss. 112, 108; Татуръ: Очеркъ археол. памятниковъ на пространствѣ Минск. губ., стр. 26—27.

[3]) Семевскій, „Памятники старины Витеб. губерніи. Спб. 1867 г., стр. 19.

[4]) Шпилевскій „Путешествіе по Полѣсью и Бѣлорусскому краю". „Современникъ" 1854 г., т. IX, стр. 51—52.

[5]) Grewingk „Heidnische Gräber", Ss. 107, 108, 133.

[6]) Татуръ, ор. cit., стр. 27—28.

плитою [1]). Иногда куча пепла покрыта только плитой [2]). По берегамъ р. Ловати встрѣчается особый типъ могилъ, носящихъ въ народѣ названіе „жальниковъ“. Всѣ эти курганы безъ исключенія обложены по основанію рядомъ, а иногда и двумя рядами камней; внутри гробница состоитъ изъ груды камней, покрытыхъ однимъ большимъ камнемъ въ формѣ плиты. Эта постройка, по словамъ производившаго раскопки, близко подходитъ къ друидическому дольмену [3]). Снаружи характеристическою чертою являются правильныя фигуры, по большей части, въ видѣ круговъ, прямоугольниковъ или квадратовъ, сдѣланныя изъ валуновъ, или изъ огромныхъ, торчмя стоящихъ, каменныхъ плитъ. Иногда внутри, по бокамъ ямы, стоятъ двѣ такія-же плиты, причемъ величина ихъ достигаетъ до 3 арш. въ вышину и до 2 арш. ширины [4]). Такимъ образомъ, мы можемъ разсматривать указанные нами памятники какъ виды одного рода, такъ какъ отличительнымъ признакомъ ихъ является присутствіе камней, каменныхъ плитъ, внутри или снаружи могилы. Какъ мы видѣли, большой сравнительно матеріалъ, добытый при изслѣдованіи могилъ славянскихъ, не даетъ намъ этихъ характеристическихъ особенностей, а потому приходится искать ихъ въ другомъ мѣстѣ. Прежде всего аналогическія только что описаннымъ явленія мы находимъ на югѣ Россіи. Такъ въ Уманскомъ уѣздѣ Кіевской губерніи существуютъ могилы, обставленныя валунами довольно значительной величины, которые составляли кругъ [5]). Точно также въ Александровскомъ уѣздѣ Екатеринославской губерніи нѣкоторыя могилы по окружности основанія, а иныя и по всей поверхности, обложены камнемъ [6]). Оставляемъ вопросъ о народности этихъ кургановъ, какъ не входящій въ наши цѣли, но не можемъ не указать на сходство нѣкоторыхъ изъ нихъ

---

[1]) Могилы Витебской и Псковской губерній (Ж. М. Н. Пр. 1851 г., Іюнь, Отд. VI, стр. 170; Grewingk, op. cit., S. 136.

[2]) Grewingk, op. cit. S. 133.

[3]) Ивановскій: Матеріалы для изученія кургановъ и жальниковъ юго-запада Новгород. губерніи“. (Труды II Археол. съѣзда, Спб. 1881 г., в. 2, стр. 58—66).

[4]) Волкенштейнъ: „Нѣсколько словъ объ антропологіи жальниковъ Валдайскаго уѣзда“. (Ibidem, стр. 4, 5, 23 и 24).

[5]) В. Б. Антоновичъ: „О похоронныхъ типахъ юго-западнаго края“. Казань, 1884 г., стр. 3. (См. также Труды IV Археол. Съѣзда, 1884 г. т. I, стр. 47).

[6]) Самоквасовъ: Могильныя древности Александр. у. Екатер. губ. (Труды VI Археол Съѣзда, 1886 г. т. I, стр. 189).

съ сибирскими, о чемъ говорилось археологами не разъ [1]). Если эти похоронные памятники далеко лежатъ отъ территоріи Кривичей, то въ замѣнъ ихъ мы укажемъ такіе-же и въ мѣстностяхъ, ближайшихъ къ кривицкой области. Въ Бѣжецкомъ уѣздѣ Тверской губерніи мы находимъ круги торчмя стоящихъ камней, а иногда и сами курганы расположены въ видѣ круговъ, или встрѣчаются цѣлыя кладбища, на которыхъ въ большомъ количествѣ стоятъ большіе одиночные камни въ наклоненномъ положеніи [2]). Поднимаясь далѣе на сѣверъ, этого рода памятники располагаются по рѣкѣ Лугѣ и ея притоку Ордежу. И здѣсь они являются въ видѣ могилъ, обложенныхъ камнями по основанію, при чемъ иногда стоятъ камни торчмя на самыхъ могилахъ [3]). Тутъ мы попадаемъ уже въ область финско-угрскихъ племенъ. Съ особенной силой выступаетъ этотъ типъ могилъ въ области финскаго племени Води, входившей въ составъ Вотской пятины В. Новгорода. Курганы Води обложены гранитными валунами; внутри могилъ также оказываются камни, причемъ покойникъ или прислонялся въ сидячемъ положеніи къ одному изъ камней, или послѣдній служилъ ему изголовьемъ [4]). Другія финскія племена, Ливы и Эсты, точно также обкладывали могилы камнями, или обозначали ихъ фигурами изъ мелкихъ камней на поверхности земли, причемъ иногда внутри устраивались [illegible] изъ [illegible] [5]). Въ Финляндіи сохранились преданія о [illegible]

[illegible]

бытномъ населеніи, Чуди, которой приписываются могилы, построенныя изъ камней [1]). Таковы показанія археологическія мѣстностей, сосѣднихъ съ территоріей Кривичей. Тѣ же факты мы найдемъ и далѣе, а особенно выдающимся является извѣстный Ананьинскій могильникъ въ области древняго Болгарскаго царства: тѣ же каменныя плиты внутри, обкладка камнями снаружи [2]). Очень близко къ перечисленнымъ памятникамъ стоятъ могилы Сибири. Мы найдемъ тамъ и огромной величины плиты, поставленныя въ наклонномъ положеніи на могилахъ въ видѣ монументовъ, и могилы, обставленныя торчмя стоящими камнями; видимъ тамъ каменныя плиты внутри самыхъ кургановъ [3]).

Мы не рѣшаемся изъ приведенныхъ фактовъ дѣлать выводъ о племенной принадлежности могилъ съ камнями, но намъ кажется возможнымъ вывести изъ нихъ лишь одно заключеніе, что на территоріи Кривичей, взятой во всемъ ея объемѣ, существовало въ разныя эпохи не одноплеменное населеніе, а было разнородное, и если мы припишемъ одни признаки похоронъ Славянамъ, то другіе придется отнести на счетъ какого-то чуждаго имъ племени [4]).

ни у Ижоры, а употребленіе камня при погребеніи является тѣмъ не менѣе отличительнымъ признакомъ. Въ краткомъ изложеніи вышеуказанная статья Grewingk'а была доложена Брикнеромъ на IV Археологич. Съѣздѣ (См. Труды, т. I) и тогда было сдѣлано возраженіе Ивановскимъ (Ibidem, Протоколы, стр. XXXV).

[1]) Эйхвальдъ: „Дополненіе къ статьѣ о Чудскихъ копяхъ" (Записки Имп. Археол. Общ., т. IX, 1857 г., стр. 558).

[2]) Лихачевъ: „Скиѳскіе элементы въ чудскихъ древностяхъ" (Труды VI Археол. Съѣзда, т. I, стр. 153); Невоструева: „Ананьин. могильникъ" (Труды I Археол. Съѣзда, т. II).

[3]) Спасскій: „О достопримѣч. памятникахъ сибирскихъ древностей и о сходствѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ съ великорусскими (Записки Имп. Рус. Геогр. Общ., кн. XII, 1857 г., стр. 118); Эйхвальдъ: „О чудскихъ копяхъ" (Записки Имп. Археол. Общ., т. IX, стр. 283); Ядринцевъ: „Описаніе сибирскихъ кургановъ и древностей" (Древности. Труды Моск. Археол. Общ., т. IX, вв. II и III, стр. 195, 197 и сл.); см. также его докладъ въ Изв. Имп. Рус. Археол. Общ., т. III, стр. XXI—XXII; Кн. Костровъ: „Очерки быта Минусинскихъ Татаръ". (Труды IV Археологич. Съѣзда, т. I, стр. 230); Bähr: „Die Gräber der Liven", SS. 40, 41, 51.

[4]) Мы не останавливаемся на нѣкоторыхъ другихъ особенностяхъ похоронныхъ обрядовъ на Кривицкой территоріи. Встрѣчается напр. погребеніе въ сидячемъ положеніи (Жизневскій: „Описаніе Тверскаго музея". Древности. Труды Москов. Археол. Общ. т. VII, в. 3, стр. 195; Сизова Отчетъ о раскопкахъ въ разныхъ уѣздахъ Смолен. губерніи, тамъ-же т. IX, стр. 5); въ каменныхъ могилахъ Витебской и Псковской губерній сожженіе производилось надъ трупомъ, посаженнымъ среди камней (Ж. М. Н. Пр. 1851 г.

Несомнѣнно, что до появленія въ Европѣ Аріевъ эта часть свѣта

[illegible], стр. 170); такихъ именно могилъ много, какъ мы видѣли выше, въ Ливоніи и Эстоніи. Погребеніе въ сидячемъ положеніи является и у Воти (Ивановскій: „Курганы Вотской пятины" въ Изв. Имп. Рус. Археол. Общ., т. IX, стр. 96, 98). Въ послѣднее время этотъ же типъ погребенія обнаруженъ на территоріи финскаго племени Муромы, несомнѣнно ей принадлежащій (Селивнова рефератъ о раскопкѣ Борковскаго могильника въ [illegible] Рязани, въ Извѣстіяхъ IX Археол. Съѣзда 1893 г., № 11, стр. 4 и слѣд.). Можно было бы указать еще много такихъ-же аналогій, но вопросъ о томъ, какому племени принадлежитъ такой обрядъ похоронъ, и не есть ли онъ общая собственность,—настолько сложенъ, что мы не беремся его рѣшать, тѣмъ болѣе, что количество примѣровъ погребенія въ сидячемъ положеніи на Кривицкой территоріи крайне незначительно. Нѣкоторыя [illegible] съ присутствіемъ камня напоминаютъ своимъ видомъ такъ называемые мегалитическіе памятники. Стоитъ напр. посмотрѣть на изображеніе ливскихъ могилъ у [illegible] („Gräber der Liven"), сибирскихъ у Аспелина (Antiquités du Nord finno-ougrien, [illegible]) и сравнить съ рисунками мегалитовъ у Надальяка (Les premiers hommes et les temps préhistoriques. Paris. 1881. t. I, chap. VII), чтобы увидѣть между нѣкоторыми [illegible] сходство. Но вопросъ о мегалитахъ не рѣшенъ и до послѣдняго времени (см. Mortillet: Le préhistorique antiquité de l'homme. Paris. 1885. chap. X. p. [illegible]) [illegible] Радимичей и др. русско-славян. племенъ мы встрѣчаемся съ особыми сооруженіями при похоронахъ, именно [illegible] постройками надъ трупомъ (В. Б. Антоновичъ. „[illegible] Радимичей" въ Извѣст. IX Археол. Съѣзда. 1893 г. № 6, стр. [illegible]) [illegible]

[illegible]

была уже занята какимъ-то населеніемъ, которому приписываются нѣкоторыми учеными каменныя орудія, находимыя на всей европей-

---

Трудно представить себѣ заочно, какую приблизительно фигуру представляютъ изъ себя нѣкоторые изъ этихъ памятниковъ. Можетъ быть, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ грубыми изображеніями животныхъ, будутъ-ли они игрой природы или продуктами первобытной скульптуры,—это все равно; важно, что имъ поклонялись. Мы можемъ указать два аналогическіе факта. Въ Тульской губерніи, въ Ефремов. у., на берегу р. Красной Мечи, близь села Козьяго лежитъ огромный камень гранитной породы—„Конь камень", около который совершается обрядъ опахиванья (Сахаровъ: „Памятники Тульск. губерніи"—Записки Отд. рус. и слав. археологіи Имп. Археол. Общ. 1851 г., т. I. стр. 46); точно также въ исходѣ XIV в. на Ладожскомъ озерѣ, на Коневскомъ островѣ, находился Камень-конь, который жители боготворили (Уваровъ: „Меряне и ихъ бытъ", стр. 704); что касается вообще поклоненія просто камню, то и на это имѣются указанія. По свидѣтельству Олеарія, между Ревелемъ и Нарвой, около одной заброшенной часовни лежалъ большой камень, которому въ Благовѣщенье жители воздавали поклоненіе и приносили жертвы (отъ пищи) (Путешествіе Олеарія, Чтенія Моск. Общ. Ист. и Др. Росс. 1868 г., кн. II, стр. 61—62); около Борисо-Глѣбскаго монастыря въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ лежалъ камень, которому поклонялись жители еще въ XVII ст., пока его не сбросили въ р. Трубежъ (Уваровъ, op. cit., стр. 704). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ христіанство наложило свою печать уничтоживъ старое языческое представленіе. Такъ около деревни Меексъ (въ Псковской губерніи) у Эстовъ почитается дерево, подъ которымъ отдыхалъ св. Апостолъ Іоаннъ; подальше—*камень*, на которомъ онъ поправлялъ обувь свою; даже рѣчка, въ которой онъ обыкновенно умывался. (Висковатовъ: „Нѣкоторыя свѣдѣнія объ Эстахъ, живущихъ въ предѣлахъ Псковской губерніи", Труды VI Археол. Съѣзда т. IV, стр. 85). Вообще среди другихъ племенъ особенно сильно развито было поклоненіе камнямъ не только большимъ, но даже и мелкимъ, у урало-алтайскихъ народовъ и въ частности у финновъ (Castren: „Vorlesungen über die finnische Mythologie" Spb., 1853, s. 200—201). Что касается каменной бабы, о которой упоминаетъ Срезневскій, то трудно предположить, чтобы какому-то досужему человѣку пришла мысль перетащить ее съ юга Россіи и поставить среди поля. Очевидно, она стояла на своемъ мѣстѣ съ доисторическаго времени наравнѣ съ другими грубыми каменными изваяніями и столбами. Если мы обратимся къ могиламъ Сибири, то мы тамъ увидимъ точно также просто камни, затѣмъ камни съ грубыми попытками скульптуры и каменныя бабы (Ядринцевъ: „Описаніе Сибир. кургановъ"..., Древности, т. IX, вв. II и III, стр. 194, 195, 197; его-же докладъ о могилахъ Минусин. края, въ Запискахъ Имп. Рус. Археол. Общ. т. III, стр. XXII; Колпаковскій: „О древн. постройкахъ, найденныхъ въ озерѣ Иссыкъ-Кулѣ", Извѣстія Имп. Рус. Геогр. Общ. 1870 г. т. VI, стр. 103, 104; Костровъ: „Очерки быта Минусин. Татаръ",—Труды IV Археол. Съѣзда, т. I, стр. 230). Обращаетъ на себя вниманіе сходство каменныхъ бабъ Сибири съ существующими на югѣ и юго-востокѣ Россіи, такъ что и тѣмъ и другимъ съ полнымъ вѣроятіемъ приписывается общее происхожденіе (Спасскій: „Днѣпров. курганы"—Записки Одес. Общ. Ист. и Др., 1844 г. т. I, стр. 593, 597, его же: „О достопримѣч. памятникахъ сибирскихъ.",—Записки Имп. Рус. Геогр. Общ. 1857 г. т. XII, стр. 118, 123; его-же: О сходствѣ кургановъ ю. Россіи съ курганами ю. Сибири", Записки Одес. Общ. Ист. и Др., 1852 г., т. III, стр. 531; Надеждинъ: „Замѣтка о камен. бабахъ",—Извѣстія Имп. Археол. Общ. т. I, стр. 167).

ской территоріи вообще и въ частности въ почвѣ Россіи [1]). Въ настоящее время все болѣе и болѣе устанавливается мнѣніе, что такимъ первобытнымъ населеніемъ была одна изъ вѣтвей урало-алтай-

Оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, какому именно народу принадлежать эти памятники, мы думаемъ однакоже, что они собственность какого-либо изъ народовъ урало-алтайскихъ. Бенедиктъ [illegible] Рубрукиса (Fejer, Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticae et civilis, v. IV, pars 2, p. 263), принимали эти памятники за половецкіе, но еще Кеппенъ совершенно вѣрно замѣтилъ, dass der Mönch Rubruquis die Begräbnisse der verschiedenen Völker, welche jene Gegenden bewohnten oder bewohnt hatten, verwechselte, indem er sie alle für Komanisch hielt, weil er sie im Lande der Komanen fand“ (Bulletin scientif. de l'Académie Imp. des sciences, v. I, № 18: „Ueber Tumuli in Russland“, s. 140), и высказалъ мнѣніе, что эти памятники существовали задолго до Половцевъ. Обращаетъ на себя вниманіе сближеніе разсказа Геродота о скиѳской чашѣ съ присутствіемъ чаши у каменныхъ бабъ (Михалекъ „О чуд. могилахъ“, Записки Имп. Археол. Общ. т. IX, стр. 305—309). Еще гораздо разительнѣе аналогія между каменными бабами и знаменитой бабой др. Біарміи или съ Остерскихъ [illegible] (описаніе это находится напр. въ „Finnische Geschichte“, von Irjö Koskinen, Leipzig, 1874, s. 11; у Bähr'а въ „Die Gräber der Liven“ s. 39; см. „Antiquités russes d'après les monuments islandais“ v. I. „Extrait de la Heimskringla de Snorre Sturleson“, p. 336—337; также описаніе: „De idolo aureae anus“ Guagnini въ [illegible] Moscoviticarum scriptores exteri, p. 168—169; Герберштейнъ: „Записки о Московіи“. [illegible] стр. 125—126). Замѣчательно, что въ Сибири внутри могилъ находятся вмѣсто грубыя изображенія камни. [illegible] Уваровъ, „Мегалитическіе памятники въ Россіи“.—Древности, т. VII, в. 3, стр. 263; [illegible] въ [illegible] Россіи [illegible] въ Записк. Имп. Археол. Общ. т. VI, стр. [illegible] [illegible] Древности т. IX, в. 2 и 3, стр. 198. Уваровъ: „Мегалитич. памятники“. Древности т. VII, в. 3, стр. [illegible]. [illegible]

[illegible]

скаго племени, именно вѣтвь чудская [1]). Къ такому выводу привело развившееся въ широкихъ размѣрахъ и притомъ глубокое изученіе урало-алтайскихъ и, какъ вѣтви ихъ, финскихъ языковъ. Прародиной чудскаго племени считается область у Алтайскихъ горъ и къ сѣверо-востоку отъ нихъ по равнинамъ Сибири [2]). Мало по малу чудское племя распространилось на огромныя пространства и колонизировало Европу. Распространеніе его уже на европейской территоріи и интересно для насъ, главнымъ образомъ, со стороны вопроса о первобытномъ населеніи Кривицкой области. Несомнѣнно, что все пространство по среднему теченію р. Волги, на востокъ отъ нея до Уральскихъ горъ, на сѣверо-востокъ и сѣверъ до Ледовитаго океана и Бѣлаго моря, оба берега Финскаго залива и берега Балтійскаго моря заняты были угро-финскимъ племенемъ. Какъ извѣстно, къ нему принадлежатъ частью еще существующіе, частью изчезнувшіе народцы: Меря, Весь, Мурома, Ливы, Эсты, Куры, Финны въ Финляндіи, Мордва, Черемисы, Корелы, Зыряне, Вотяки [3]).

Природа страны представляла всѣ удобства для обширнаго распространенія этого племени во всѣ стороны, и, дѣйствительно, въ

(„Heidnische Gräber", s. 146). Что касается предположенія, что финны—первобытное населеніе Европы, укажемъ пока на D'Arbois de Jubanville, „Les premiers habitants de l'Europe", 1889, v. 1, p. 12 и Cruel, „Die Sprachen und Völker Europas vor der arischen Einvanderung", Detmold, 1883, p. 99.

[1]) Употребляя здѣсь названіе „чудскій", мы придаемъ ему общее значеніе, равносильное съ „финно-угрскій" или „угро-финскій". Въ дѣйствительности, Угро-финны, вѣтвь урало-алтайскаго семейства, дѣлится на 4 вѣтви: 1) Финны западные или чудь, 2) Пермь или финны восточные, 3) Булгары или финны волжскіе и 4) Угры. Таково дѣленіе Уйфальфи („Etude comparée des langues ougro-finnoises", Paris 1875, p. IX).

[2]) Kastren: „Ethnologische Vorlesungen über die altaischen Völker", Spb. 1857, S. 88 и folg.; Эйхвальдъ: „О чудскихъ копяхъ" (Записки Имп. Археол. Общ. т. IX, стр. 270—271; Jrjo Koskinen: „Finnische Geschichte", Leipzig. 1874, S. 1.

[3]) „...Чудь и вси языцѣ: Меря, Мурома, Всь, Мордва, Заволочьская Чюдь, Пермь, Печера, Ямь, Югра, Корсь, Либь"...

„...на Бѣлѣ озерѣ сѣдять Вѣсь, а на Ростовѣ озерѣ Меря, а на Клещинѣ озерѣ сѣдять Меря-же; а по Оцѣ рѣцѣ, кде втечеть въ Волгу, языкъ свой Мурома, и Черемиси свой языкъ, и Мордва свой языкъ".

„И се суть инии языцѣ, иже дань дають Руси: Чюдь, Весь, Меря, Мурома, Черемись, Мордва, Пѣрмь, Печера, Ямь, Корсь, Норома, Либь..." (Ипатьев. Лѣт. стр. 2 и 6). Относительно эти народцевъ см. также Sjogren въ Gesammelte Schriften, B. I, особенно статью: „Ueber die Wohnsitze der Jemen"; только что указанный трудъ Kastren'a; Лербергъ: „Изслѣдованія, служащія къ объясненію др. рус. исторіи", Спб. 1819 г. Другія изслѣдованія будутъ указаны въ своемъ мѣстѣ.

доисторическія времена мы видимъ существованіе финскихъ поселеній въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ въ историческую эпоху живутъ уже чуждые имъ Аріи.

Черноморскія степи Россіи нѣкогда заняты были, какъ извѣстно, Скиѳами. Вопросъ о племенной принадлежности этого народа рѣшался различнымъ образомъ. То видѣли въ нихъ Монголовъ, то Аріевъ; но раздавались голоса и въ пользу ихъ финнизма [1]). Намъ кажется, можно признать лишь одно, что, судя по имѣющимся историческимъ и лингвистическимъ даннымъ, Скиѳы, какъ и принимается теперь, есть терминъ географическій, а не этнографическій, и что въ числѣ народовъ, скрывающихся подъ этимъ именемъ, были и финскаго происхожденія. Такимъ образомъ приходится допустить распространеніе угро-финскаго племени далеко на югъ. Но не одно только это соображеніе приводитъ насъ къ такому заключенію. Въ настоящее время на Скиѳовъ устанавливается новый взглядъ. Изученіе дошедшихъ до насъ скиѳскихъ словъ и эпиграфическаго матеріала, заключающагося въ надписяхъ, открытыхъ въ развалинахъ черноморскихъ греческихъ колоній, заставляетъ видѣть въ Скиѳахъ народъ арійскаго въ широкомъ смыслѣ, и эранскаго или иранскаго происхожденія въ тѣсномъ значеніи, т. е. родственный, если не тождественный, съ Осетинами, и теперь живущими на Кавказѣ [2]). Оказывается, что угро-финны подверг-

[1]) Klaproth. „Recherches sur les migrations des peuples" въ Tableaux historiques de l'Asie. Paris. 1826 [illegible] Neumann. „Die Hellenen im Skythenlande". Berlin. 1855 [illegible] Neumann. „Die Völker des südlichen Russlands". Leipzig [illegible] „Les Scythes, les ancêtres des peuples germaniques et slaves". Paris [illegible] Müllenhoff [illegible] Abhandlungen der gelehrten Estnischen Gesellschaft zu Dorpat [illegible] Müllenhoff. „Alterthumskunde" [illegible]

[2]) [illegible] d'Arbois de Jubainville. „Les premiers habitants de l'Europe" [illegible]

лись въ доисторическія времена сильному иранскому вліянію, что̀ доказывается присутствіемъ осетинскихъ корней и цѣлыхъ словъ въ угро-финскихъ языкахъ [1]). Мы не знаемъ, какъ далеко на сѣверъ простирались скиѳско-эранскія поселенія; но можно, кажется, сказать, что угро-финское населеніе спускалось далеко на югъ, даже въ нынѣшнюю Малороссію [2]).

Прежде чѣмъ слѣдить далѣе за распространеніемъ его по Европѣ, намъ необходимо сказать нѣсколько словъ по поводу одного весьма важнаго при рѣшеніи подобныхъ вопросовъ матеріала, именно топографической номенклатуры. Несомнѣнно, пользованіе этимъ матеріаломъ съ историко-географическими цѣлями весьма опасно, и не разъ уже приводило изслѣдователей къ шаткимъ выводамъ, но все зависитъ отъ того, для рѣшенія какого вопроса мы воспользуемся топографической номенклатурой. Примѣняли пользованіе ею для опредѣленія этнографическихъ границъ славянскихъ земель путемъ подыскиванія созвучныхъ названій. Такой способъ изслѣдованія не можетъ, конечно, не привести иногда къ неправильнымъ заключеніямъ. Такъ, нашихъ Кривичей мы можемъ отыскать и на территоріи Греціи [3]). Географическихъ названій съ корнемъ „крив“ мы найдемъ много и въ области племени Сѣверянъ. Такія урочища, какъ Кривое озеро, Кривой рогъ, Кривичи, Кривка и т. д. могутъ-ли указывать на границы распространенія племени Кривичей? Мы не знаемъ, какія причины создали такое имя для даннаго урочища; не есть-ли данное имя простой

---

[1]) Diefenbach: „Völkerkunde Ost-Europas“. Darmstadt. 1880, B. II, S. 235, 237; Cruel: „Die Sprachen und Völker Europas vor der arischen Einwanderung“. Detmold. 1883, S. 129; Tomaschek, op. cit., S. 702—703, 705; Schröder: „Ueber Ossetisches und Ugro-finnisches“ (Sitzungsberichte der gelehrten estnischen Gesellschaft zu Dorpat. 1889, S. 117—119). Параллельно съ этимъ указываются слѣды угро-финскіе на югѣ. Такъ въ языкахъ Кавказа встрѣчаются угро-финскіе корни (Bähr. „Die Gräber der Liven“, S. 30). Одинъ изъ арабскихъ писателей Шукр-улла называетъ р. Донъ *Ваѳа*. Если мы обратимъ вниманіе на объясненіе названій для р. Волги Ра-ва и Ва-ра, сдѣланное Томашекомъ (op. cit. S. 703), то, кажется, должны будемъ согласиться съ гг. Смирновымъ и Шестаковымъ, что и Ваѳа или Ѳава есть названіе финское (Труды IV Археол. Съѣзда, т. 1, 1884 г., Протоколы, стр. XXXII). См. также соображеніе г. Щеглова о названіи г. Керчи („Первыя страницы рус. исторіи“, въ Ж. М. Н. Пр. 1876 г. ч. CLXXXV, стр. 170).

[2]) Cruel, op. cit. S. 11; Atdelung: „Mithridates oder algemeine Spzachenkunde. Th II. Berlin. 1809; S. 739.

[3]) См. по этому поводу замѣчаніе Иречка въ его „Исторіи Булгаръ“. Перев. Яковлева. Варшава, 1877 г, стр. 66.

выразитель главнаго признака данной мѣстности? Въ силу родственности русско-славянскихъ племенъ, каждое изъ нихъ могло давать урочищамъ тождественныя названія. Но отсюда еще не слѣдуетъ, что топографическая номенклатура совсѣмъ не можетъ ничего дать изслѣдователю. Она можетъ сослужить важную службу, если мы пожелаемъ опредѣлить этнографическое распространеніе двухъ *неродственныхъ* племенъ и направленіе ихъ колонизаціи. Въ этомъ случаѣ, соображенія, относительно пользованія подобнымъ матеріаломъ, высказанныя очень давно Надеждинымъ, кажутся намъ вполнѣ основательными[1]). Не нужно доискиваться, что̀ собственно значитъ каждое названіе; довольно, если опредѣлится его происхожденіе, если откроется, какому языку принадлежитъ оно. Мы думаемъ, что главное значеніе въ топографической номенклатурѣ имѣютъ названія урочищъ, т. е. горъ, рѣкъ, озеръ, а не населенныхъ мѣстностей, такъ какъ судьба послѣднихъ крайне измѣнчива, ихъ существованіе и исчезновеніе съ лица земли стоитъ въ зависимости отъ множества случайностей, а между тѣмъ далеко не всегда новое поселеніе получаетъ имя прежняго, хотя бы жители его были и старые. Но и новые пришельцы не измѣняли старыхъ названій у природныхъ урочищъ. Въ этомъ случаѣ наблюдается, дѣйствительно, важное явленіе. „На всемъ лѣсномъ сѣверѣ Россіи, за рѣками и о̀зерами, новгородскіе славяне до нашихъ дней сохранили ихъ первоначальныя чужеземныя имена, объяснимыя только языкомъ народовъ финскаго или чудскаго племени. Исключенія такъ ничтожны, что Славянамъ не удалось дать своихъ именъ не только крупнымъ рѣкамъ и озерамъ, но даже и мелкимъ рѣчкамъ притокамъ, запрятаннымъ въ самыхъ глухихъ лѣсныхъ трущобахъ. Обстоятельство это настолько существенно важно, что именами этихъ урочищъ и въ настоящее время можно опредѣлить грани земель, занятыхъ финскими племенами, и выдѣлить тѣ земли, на которыхъ славянскія племена были и первыми пришельцами, и коренными жильцами“ [2]).

---

[1]) Надеждинъ: „Опытъ исторической географіи русскаго міра“, въ Библіотекѣ для чтенія, Спб. 1837 г. т. XXII.

[2]) Максимовъ: „Обитель и житель“ (Др. и Нов. Россія, 1876 г. т. II, стр 131—132). По изслѣдованію топографической номенклатуры въ историко-географическомъ отношеніи у насъ существуетъ небольшое число трудовъ. Кромѣ только что указанныхъ статей Надеждина и Максимова, можно указать: Барсова: „Очерки рус. историч. Географіи“. Варшава. 1885 г.; Перетятковичъ: „Поволжье въ XV и XVI вв.“, М. 1877 г. стр. 258 —

Признавалось и раньше, что центральная Россія была нѣкогда занята угро-финскими [1]) поселеніями, но оказывается, что слѣды этого племени сохранились въ топографической номенклатурѣ и гораздо южнѣе. Такъ нѣкоторыя рѣки южной Россіи носятъ имена созвучныя съ номенклатурой сѣверо-восточныхъ областей [2]). Въ топографическихъ названіяхъ далѣе Курской губерніи можно найти нѣкоторыя, объясняющіяся изъ угро-финскихъ языковъ, не говоря уже о губерніи Черниговской [3]).

Если мы теперь обратимся къ западу, то увидимъ факты, указывающіе на еще болѣе широкое распространеніе угро-финскаго племени. Такъ въ языкахъ датскомъ, франкскомъ, иберійскомъ и баскскомъ находятъ заимствованія изъ языковъ финскихъ [4]). Въ свою очередь Финны взяли много словъ у Готовъ [5]). Въ топографической номенклатурѣ Германіи, Италіи и Франціи находятъ слѣды пребыванія тамъ Финновъ въ до-историческую эпоху [6]).

259; Износковъ: „Какіе могутъ быть сдѣланы выводы изъ названій населенныхъ мѣстностей" (Труды III Археол. съѣзда, т. II; Коляръ: „О топографическомъ словарѣ всѣхъ славянскихъ земель" (рефератъ, читанный въ Кіевѣ, см. Труды III Археол. Съѣзда, т. II); Яковъ Головацкій: „Географическій Словарь западно-славянскихъ и юго-славянскихъ земель", Вильна, 1884 г.; Европеусъ: „Объ угорскомъ народѣ", Спб. 1874 г.; Веске: „Славяно-финскія культурныя отношенія по даннымъ языка", Казань, 1890 г.; Соболевскій: „Къ вопросу о финскомъ вліяніи на великорусское племя" (Живая Старина, 1893 г., в. 1) Тарановскій: „Соображенія о суффиксахъ, входящихъ въ составъ западно-русскихъ фамилій и названій селъ и деревень въ Бѣлоруссіи" (Филологическія Записки, 1892 г. в. II); Трусманъ: „О происхожденіи Корси (Курахъ)" (Живая Старина, 1893 г., в. I); Соболевскій: „О названіяхъ населенныхъ мѣстъ и ихъ значеніи для историч. этнографіи" (Извѣстія IX Археол. Съѣзда 1893 г., № 12, стр. 6); см. также труды Шегрена, Кастрена, а также Pič: „Zur Rumänisch-Ungarischen Streitfrage. Skizzen zur ältesten Geschichte der Rumänen, Ungarn und Slaven", Leipzig 1886; на западѣ по этому вопросу существуетъ обширная литература, см. Krek: Einleitung in die slavischen Litteratur-Geschichte, 2-e Ausg.

[1]) Для нашего вопроса не имѣетъ значенія, какого собственно колѣна поселенія эти были: Угровъ или Финновъ.

[2]) Надеждинъ: op. cit., стр. 53.

[3]) Веске, op. cit., стр. 33, 38, 39, 44, 51.

[4]) Bähr: „Die Gräber der Liven", S. 30, 49, 29; Юргевичъ: „Мнимо-норманскіе имена пословъ" (Записки Одес. Общ. Истор. и Др. 1867 г. т. IV). Тутъ приведенъ, по фонъ-Тилену, списокъ словъ, взятыхъ изъ финскихъ языковъ во французскій. Стр. 88.

[5]) Aspelin: „La rosomanorum gens et le ruotsi". Etude d'histoire et d'archeologie. 1884. Helsingfors, pp. 3, 4; Сыромятниковъ: „Балтійскіе Готы и Гута-Сага". (Живая Старина, 1892 г. в., 1, стр. 35); Европеусъ: op. cit. стр. 19.

[6]) Cruel: „Die Sprachen und Völker Europas" S. 13.

Если мы обратимъ теперь вниманіе на географическое положеніе Кривицкой области, то окажется, что она лежитъ въ срединѣ этого обширнаго пространства, на которомъ, какъ мы видѣли тотчасъ, является основаніе предположить разселеніе угро-финскаго племени въ до-историческія времена, а потому нельзя допустить, чтобы территорія, лежащая на самомъ важномъ колонизаціонномъ пути, на соединеніи Волжской и Днѣпровской системъ, осталась почему-то обойденной, не захваченной этимъ первобытнымъ населеніемъ. И дѣйствительно, мы имѣемъ данныя, дающія возможность отвѣчать на этотъ вопросъ утвердительно.

Считается несомнѣннымъ, что бо́льшая часть рѣкъ съ окончаніями на *ва*, *га*, *ма*, *ра*, *са*, *ша* и *за* носятъ имена угро-финскія, измѣнившіяся въ устахъ позднѣйшихъ славянскихъ колонистовъ и потерявшія всякій смыслъ, или передѣланныя для осмысленія на славянскій ладъ[1]. Никто не сомнѣвается, что земли по рѣкѣ Москвѣ, Клязмѣ, Угрѣ, Жиздрѣ и Окѣ принадлежали угро-финскимъ племенамъ; но вмѣстѣ съ ними идутъ: Икша, Шоша, Руза, Пахра, Протва; подвигаясь на югъ и юго-западъ мы найдемъ рѣки съ именами: Пюмень, Мордвеза, Тюмень, Мишега, Клютома, Нугра, Таруса, Болва, Витьма, Вехра (Вахра), Удога, Езва и даже самый „Сожъ“ едвали объяснимъ изъ языка славянскаго. Если отъ Москвы рѣки мы двинемся прямо на западъ, то попадаемъ къ верховьямъ Днѣпра, а перейдя послѣдній, достигнемъ до двинскаго бассейна. Это—мѣстности, гдѣ, по сказанію лѣтописи, находилось ядро кривицкаго населенія. Между тѣмъ и здѣсь Угро-Финны оставили слѣды своего пребыванія въ топографической номенклатурѣ. На этомъ пространствѣ отъ востока къ западу мы находимъ имена: Желонга, Берега[2], Псма, Решма, Вазуза, Костра, Сежа, Осуга, Вязма, Осма, Вопь[3], Вопецъ[3], Надга, Обша, Ельша, Сапша; затѣмъ или рѣки, или поселенія: Иолга, Толва, Сига[4]. Перейдя затѣмъ къ верховьямъ Волги, мы и тутъ

---

[1] См. Sjögren, Gesammelte Schriften, B. I, особенно „Ueber die älteren Wohnsitze der Jemen“; Надеждина, op. cit. стр. [illegible]; Майкова, op. cit., стр. [illegible].

[2] Имя рѣки не „Берега“, не „Берега“, а „Берега“, что видно изъ слѣдующихъ выраженій актовъ: „возлѣ рѣчки Береги“, „черезъ рѣчку Берегу“.

[3] Названія „Вопь“ и „Вопецъ“ считаетъ неславянскими [illegible] въ „Zur [illegible] Streitfrage“, S. 158.

[4] См. [illegible] въ описаніи пути отъ Москвы къ Смоленску въ XVII в. Временникъ Моск. Общ. Ист. и Др. Росс. кн. 13, 1852 г., стр. [illegible].

найдемъ то-же самое. Во первыхъ, самое имя „Волга" должно быть, какъ кажется, причислено къ категоріи только что перечисленныхъ. Тутъ-же оказываются по обѣ стороны Волги: Симога, Серема, Цна, Емша, Тюдьма, Сорога, Млинога, Ажева. Приходится и верховье Поволжья считать областью угро-финскою и удалить съ нея Кривичей, какъ первоначальныхъ насельниковъ. Третій пунктъ, верховье р. З. Двины, точно также не можетъ остаться за Кривичами. Уже имя „Двина" — не славянскаго происхожденія [1]). Кромѣ вышеуказанныхъ именъ: Обша, Сопша, Елша, на пространствѣ между З. Двиной, Торопой и Ловатью мы находимъ: Дапшо, Перегва, Комша, Ока, Оліо, Але, Насва. Даже новгородская р. Шелонь носила нѣкогда другое названіе: Сухона [2]). Если мы направимся теперь вдоль теченія Двины, по ея сѣверному берегу, то встрѣтимъ имена: Ижма, Оша, Спастерей, Лосма, Перевза, Олола, Каруза, Иса, Оршо. Намъ остается перейти на лѣвый берегъ З. Двины и на правый берегъ Днѣпра. Казалось-бы, что тутъ мы должны попасть на территорію, чуждую по своей топографической номенклатурѣ всякому финнизму. Дѣйствительно, рѣдко, въ видѣ единичныхъ случаевъ, но тѣмъ не менѣе и здѣсь попадаются аналогическія имена. Встрѣчаются Цна, Волма, Олса, Жижма и Вижва. Приводя эти факты изъ топографической номенклатуры, мы думаемъ, что воспользовались далеко не всѣми, предоставляя въ полности собрать ихъ знатокамъ угро-финскихъ языковъ, но предполагаемъ, что и приведенныхъ данныхъ достаточно для обоснованія той мысли, что въ отдаленнѣйшія эпохи славянское племя вообще не занимало той обширной территоріи, назначаемой для его европейской прародины, которой можетъ быть признано лишь Прикарпатье въ тѣсномъ объемѣ; тѣмъ болѣе мы не можемъ признать за исконныя области Кривичей ни верхняго Подвинья, ни Поднѣпровья: намъ приходится отодвинуть это племя далеко на юго-западъ и исходнымъ пунктомъ колонизаціи считать сѣверо-восточные отроги Карпатскихъ горъ [3]).

---

1) Веске: „Славяно-финскія культурныя отношенія", стр. 4.

2) Такъ она названа у Герберштейна. См. Замысловскаго: „Герберштейнъ и его историко-географич. извѣстія о Россіи", Спб. 1884 г., стр. 155.

3) Всѣ вышеприведенныя нами топографическія данныя добыты изъ слѣдующихъ источниковъ и пособій: „Писцовыя книги Московскаго Государства XVI в.". Изд. Калачова, 1877 г. ч. 1, стр. 689, 1245, 1256, 1194, 498; „Можайскіе Акты", Спб. 1892 г., стр. 183,

Позволимъ себѣ теперь остановиться на одномъ соображеніи, которое въ ряду съ другими получаетъ, по нашему мнѣнію, нѣкоторое значеніе. У Финновъ западныхъ существуетъ для Русскихъ два имени: Venõa и Kriev, Русская земля называется Venõama и Krievma [1]). Обыкновенно народъ называетъ своихъ сосѣдей по имени ближайшаго къ нему ихъ племени или колѣна. Какимъ образомъ здѣсь мы находимъ двойное названіе для одного и того-же народа? Можно дать такое объясненіе, что „Venõa“ явилось при первомъ столкновеніи Финновъ съ Ильменскими Славянами, а потомъ было перенесено на всѣхъ русскихъ Славянъ; что затѣмъ, когда приблизились къ Финнамъ Кривичи, первые, ознакомившись съ послѣдними, усвоили ихъ племенное имя, которое и перенесли затѣмъ на всѣхъ восточныхъ Славянъ. Но, какъ мы увидимъ далѣе, Ильменскіе Славяне тѣ-же Кривичи и, судя по народнымъ преданіямъ, также называли себя въ древности послѣднимъ именемъ. Кромѣ того, разъ установившееся для Славянъ имя Venõa должно было удержаться какъ первое, ранѣе укоренившееся, или получить частное значеніе, а мы видимъ, что и оно, и имя Kriev имѣютъ значеніе общаго. Это соображеніе не теряетъ своей силы даже и въ томъ случаѣ, если мы предположимъ, что имя Venõa получило свое начало при знакомствѣ Финновъ съ Славянами Балтійскими. Мы имѣемъ указаніе, что имя Venedi, изъ котораго, конечно, и произошло Venõa, долго держалось на югѣ. Въ письмѣ хозарскаго кагана Іосифа, писанномъ около 960 года къ испанскому министру финансовъ Хосдаи Ибнъ-Шапруту, Славяне названы Ве-

187, 212, 169; „Историко-юридическіе матеріалы, извлеченные изъ актовыхъ книгъ губерній Витебской и Могилевской“, Витебскъ, в. 3, 1872 г., стр. 265, 302, 308, 319, 331, 351, 468; Акты, издаваемые Виленской Археографической Коммиссіей“, т. XII, Вильно, 1883 г., стр. 394; „Archiwum Książąt Sanguszków“, т. IV, Lwów, 1890 г.: [illegible] стр. [illegible]; Щекатовъ: „Словарь Географическій Росс. Государства“, т. III, стр. 739, 740, 1801; „Топографическое Описаніе Калужскаго Намѣстничества“, Спб. 1785 г., стр. 8, 37; „Географическія извѣстія, служащія для полнаго географическаго описанія Росс. Имперіи“, т. I, ч. 1, Спб. 1773 г., стр. 303, 349, 362; Историческое и топографическое описаніе городовъ Московской губерніи“, Спб. 1787 г., стр. 176, 231, 233, 234, 296, 297, 343, 344; указанные выше труды Максимова, Никитина, Барсова, а также [illegible] S. 133 и 138. См. также Списки населенныхъ мѣстъ соотвѣтствующихъ губерній и листы карты Шуберта.

[1]) [illegible] Völkerkunde [illegible]. B. II. S. 276. [illegible]: „Die [illegible] Sprachen“. S. [illegible].

неитеръ или Ванаиторъ. Послѣднее, несомнѣнно, есть измѣненное Veneti, варіантъ Venedi [1]). Въ VI в. еще вся масса Славянъ носила это имя, хотя и разбивалась уже на два большихъ колѣна: Sclavi и Antes, какъ объ этомъ говоритъ Іорнандъ [2]). Трудно предположить, чтобы имя „Veneti" дошло до Хозаріи длиннымъ путемъ съ береговъ Балтійскаго моря черезъ Поволжье. Естественнѣе допустить, что оно за все время отъ Іорнанда до Іосифа не исчезло и не принадлежало исключительно славянамъ Балтійскимъ. Необходимо обратить вниманіе еще и на слѣдующій фактъ. Латыши и вообще Литовцы, знаютъ для Русскихъ только одно имя Kreews, т. е. Кривичъ [3]). У нихъ нѣтъ, насколько намъ извѣстно, никакого намека на имя Venedi или Veneti. Чѣмъ объяснить это явленіе? Перечисляя народы, покоренные Германрихомъ, Іорнандъ между прочимъ упоминаетъ Мерю, Мордву, Чудь и др. [4]). Сомнительно, чтобы власть готскаго короля простиралась такъ далеко на сѣверъ, въ область средняго теченія р. Волги и нижней Оки. Едвали не слѣдуетъ здѣсь видѣть указаніе на фактъ обитанія угро-финскихъ племенъ гораздо южнѣе, что̀ стояло-бы въ прямомъ соотвѣтствіи со всѣми вышеприведенными фактами. Имя Venöa для русскихъ Славянъ можетъ вести свое начало у Финновъ съ того отдаленнаго времени, когда они сосѣдили на юго-западѣ нынѣшней Россіи съ славянскимъ племенемъ еще до окончательнаго раздробленія его на отдѣльныя колѣна. Имя Kriev указываетъ на моментъ этого распаденія и на ближайшія затѣмъ отношенія, по большей части враждебныя, къ передовому русско-славянскому племени, Кривичамъ, шедшимъ въ авангардѣ колонизаціи. Тотъ фактъ, что у Литов-

---

[1]) Гаркави: „Нѣкоторыя данныя по исторической географіи и этнографіи Россіи изъ рукописей, недавно пріобрѣтенныхъ Императорскою публичною библіотекою". (Труды IV Археол. Съѣзда, т. I, стр. 253, 254):

[2]) Jordanis: „De Getarum sive Gothorum origine et rebus gestis". Ed. Carolus Gloss. Stuttgariae, 1861, p. 22—26.

[3]) Diefenbach, loco cit.; его-же, op. cit. B. II, Hal. B. 1, S. 84; его-же: „Origines Europeae", 1861, p. 204; Летты называютъ древнѣйшія могилы въ ихъ области Krive-Kappe (Записки Имп. Археол. и Нумизм. Общ. т. I, стр. 248); Grewingk отрицаетъ принадлежность этихъ могилъ Русскимъ („Heidnische Gräber", стр. 87). Но дѣло не въ содержимомъ этихъ могилъ. Оно, конечно, едвали имѣетъ что нибудь общее съ Славянствомъ, а важно названіе; Летты просто приписывали странныя, чуждыя имъ, сооруженія русскимъ Славянамъ, конечно, безъ всякаго археологическаго основанія.

[4]) Jordanis, p. 17—18, 83.

скихъ племенъ для русскихъ Славянъ есть одно только имя Kreews, доказываетъ только, что въ отдаленнѣйшую эпоху, когда русскіе Славяне группировались у Прикарпатья, они были отдѣлены другъ отъ друга угро-финскими поселеніями, а затѣмъ столкнулись уже во время разлива русско-славянской колонизаціи, во главѣ которой шли Кривичи. О движеніи Литовскаго племени мы будемъ говорить нѣсколько ниже.

Въ настоящее время намъ не приходится останавливаться долго на описаніи колонизаціоннаго движенія угро-финскаго племени. Мы отмѣтимъ здѣсь лишь тѣ факты, которые имѣютъ ближайшее отношеніе къ интересующему насъ вопросу. Въ началѣ мы замѣчаемъ поступательное движеніе Угро-Финновъ на западъ. Такъ племя Емь изъ Заволочья постепенно придвигается и занимаетъ нынѣшнюю Финляндію. Есть основательное предположеніе, что Весь и Емь составляли лишь колѣна одного племени, причемъ Весь обитала значительно западнѣе, чѣмъ живутъ въ настоящее время остатки этого племени подъ названіемъ Vepsa [1]). Несомнѣнно также, что въ языкѣ Мордвы сохранилось много литовскихъ словъ, а самый языкъ близко стоитъ къ западно-финскимъ, что указываетъ на пребываніе этого народа гораздо западнѣе, чѣмъ въ настоящее время [2]). По всей вѣроятности, также и Ливы въ отдаленнѣйшую эпоху занимали весь правый берегъ З. Двины, что видно изъ ихъ преданій и изъ топографической номенклатуры [3]). Весьма возможно также, что поселенія Корси были расположены въ позднѣйшей Новгородской области и занимали ея

---

[1]) Sjögren: „Ueber die ältesten Wohnsitze der Jämen" (Gesammelte Schriften, B. I); Diefenbach: „Völkerkunde Ost-Europas", B. I, S. 269.

[2]) Diefenbach: Origines Europeae, p. 204; Ujfalvy: „Etude comparée des langues ougrofinnoises", Paris, 1875, p. XI; Anderson: „Studien zur Vergleichung der Ugrofinnischen und indogermanischen Sprachen", Dorpat, 1879, S. 102; Winkler: „Uralaltaische Völker und Sprachen". Berlin. 1884, S. 33.

[3]) О Ливахъ см. Sjögren: Gesammelte Schriften, B. I; есть и въ Запискахъ Рус. Геогр. Общ. 1874 г., кн. II; Видеманъ: „Обзоръ прежней судьбы и нынѣшняго состоянія Ливовъ" (Приложеніе къ XVIII т. Запис. Имп. Ак. Н. № 2); Hillner: „Die Liven an der Nordküste von Kurland". (Bulletin de l'Academie Imp. des Sciences, v. III, S. 261 u. folg.). Около Себежа также сохранилось народное преданіе о пребываніи тамъ нѣкогда Ливовъ (Сементовскій, Памятники Витебской губерніи, Спб. 1867 г. стр. 14, 15, 16). См. еще: Sjögren: Zur Ethnographie Livlands, въ Bulletin, v. VII, S. 2 u. folg.; Ujfalvy, op. cit., p. X.

юго-восточную часть [1]). Въ сопоставленіи съ раньше приведенными фактами эти данныя говорятъ также въ пользу заключенія, что вся та территорія, на которой въ историческую эпоху мы видимъ дѣйствующими Кривичей, была занята угро-финскими народами.

Наша лѣтопись, при перечисленіи инородческихъ племенъ, указываетъ и на отдѣльные народцы Литовскаго племени. Такъ мы находимъ Литву, Зимеголу, Лѣтьголу [2]), при чемъ они помѣщаются на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ находятся въ настоящее время. Но есть основанія думать, что правый берегъ З. Двины никогда имъ не принадлежалъ. Это доказывается существованіемъ топографическихъ названій угро-финскаго происхожденія, во множествѣ сохранившихся въ указанныхъ мѣстностяхъ. Въ преданіяхъ Ливовъ мы встрѣчаемъ намекъ на насильственное подчиненіе, на вытѣсненіе ихъ съ мѣстъ прежнихъ поселеній Латышами. Среди Латышскаго населенія сохранился почти до послѣдняго времени остатокъ этого первобытнаго Ливскаго населенія въ видѣ Кревинговъ [3]). Такимъ образомъ Литовское племя въ доисторическія времена начало колонизаціонное движеніе по берегу З. Двины. Какъ Угро-Финны подвигались съ востока на западъ, такъ Литовское племя, благодаря тѣмъ-же условіямъ мѣстности, направило свою колонизацію на востокъ. Къ несчастію, въ нашемъ распоряженіи нѣтъ уже теперь того матеріала, который послужилъ при опредѣленіи распространенія племенъ угро-финскихъ. Топографическая номенклатура нашихъ западныхъ областей до сихъ поръ съ этой стороны совершенно не подвергалась разработкѣ. Раньше намъ приходилось приводить археологическія данныя, указывающія на пребываніе въ доисторическое время на правой сторонѣ Днѣпра, въ области Кривичей, какого-то инороднаго населенія, чуждаго позднѣйшимъ колонистамъ, Славянамъ. Можетъ быть, въ числѣ этихъ оригинальныхъ памятниковъ нѣкоторые должны быть приписаны Литовскому племени, но мы не рѣшаемся ничего сказать утвердительно, не чувствуя себя достаточно компетентными въ подобныхъ вопросахъ [4]). Су-

---

[1]) Трусманъ: „О происхожденіи Корси (Куровъ)" (Живая Старина, 1893 г. в. 1, стр. 87, 88).

[2]) Ипатьев. Лѣтоп. стр. 2 и 6.

[3]) Мнѣніе Sjogren'a и Uifalvy. См. примѣч. 3 на пред. стр.

[4]) Grewingk: „Heidnische Gräber", S. 113, 59; Bähr: „Die Gräber der Liven", S. 48.

ществуютъ мнѣнія о распространеніи Литовскаго племени въ отдаленнѣйшія эпохи до береговъ р. Припяти на югъ [1]). Что касается разселенія его на востокъ, то тутъ могутъ до нѣкоторой степени помочь косвенныя указанія. Замѣчено, какъ сказано выше, что въ языкахъ Угро-Финновъ сказывается сильно вліяніе на нихъ литовскаго языка [2]), притомъ на такія отдаленно живущія племена, какъ Мордва. Если по языку послѣдняя принадлежитъ къ Западнымъ Финнамъ и, слѣдовательно, нѣкогда обитала ближе къ западу, то съ другой стороны, можно предположить также и проникновеніе Литовскаго племени на лѣвую сторону Днѣпра, распространеніе его поселеній въ восточномъ направленіи гораздо далѣе, чѣмъ мы это видимъ въ настоящее время. Наша древнѣйшая лѣтопись сообщаетъ между прочимъ странный на первый взглядъ фактъ о существованіи по берегамъ р. Протвы какого то народца, носившаго имя Голядь. Эти извѣстія крайне отрывочны. Въ 1058 году „побѣди Изяславъ *Голядь*", а въ 1147 году „шедъ Святославъ и взя люди *Голядь*, верхъ Поротве" [3]). При перечисленіи литовскихъ народцевъ Дюсбургъ, древнѣйшій прусскій лѣтописецъ, упоминаетъ землю *Galindia* и народъ *Galinditae* [4]). Упоминаніе объ этомъ народѣ мы встрѣчаемъ въ очень отдаленную эпоху. Императоръ Валузіанъ, въ III ст. по Р. Х., носитъ прозвище: Финскій, Галиндійскій, Венедскій (Φίννικος, Γαλίνδικος, Οὐένδικος [5]). Голядь, Голяди, Galindia и Galindi такъ близки другъ къ другу, что едвали возможно видѣть здѣсь простое созвучіе, и весьма возможно, что въ лицѣ Голяди предъ нами является обрывокъ Литовскаго племени, забравшійся черезъ чуръ далеко въ своемъ колонизаціонномъ движеніи на востокъ и отрѣзанный затѣмъ отъ главной массы движеніемъ племени Славянскаго [6]).

---

[1]) Zeuss: „Die Deutschen und die Nachbarstämme", Müchen, 1837, SS. 668, 673—674, 680.

[2]) См. примѣч. 2 на 38 стр. и также: Aspelin, „La Rosomanorum gens", p. 4.

[3]) Ипатьев. Лѣт. стр. 114 и 240

[4]) Petri de Dusburg, „Chronicon Prussiae", ed. Christophorus Hartknoch, Jenae, 1679 г. р. 71, 77.

[5]) Diefenbach: „Völkerkunde Ost-Europas" B. II, HB. 1, S. 59.

[6]) Если основываться на топографической номенклатурѣ, то придется расширить территорію *Голяди* съ верховьевъ Протвы по всему ея теченію до р. Москвы, ибо р. Голядь впадаетъ въ р. Москву съ лѣвой стороны („Церковно-Истор. изслѣдованіе о др. области Вятичей"—Чтенія М. О. Ист. и Др. 1862 г. кн. 2, стр. 15; Арх. Леонидъ: Исторія

Съ вопросомъ о разселеніи Литовскаго племени тѣсно связанъ другой—объ образованіи бѣлорусскаго нарѣчія. Несомнѣнно, тутъ связываются вліяніе мѣстности, историческая судьба племени Кривичей, Радимичей и отчасти Вятичей, но нельзя отрицать также и вліянія междуплеменныхъ отношеній въ доисторическую эпоху. Оригинальныя особенности нарѣчія появляются въ областяхъ Полоцкой, Смоленской, Новгородской и Псковской еще въ такое время, когда ни о какомъ политическомъ вліяніи Литвы не можетъ быть рѣчи. Укажемъ хотя бы на торговый договоръ 1229 годъ, въ которомъ уже ясно слышны звуковыя особенности бѣлорусскаго языка [1]). Оказывается, что потомки Кривичей на среднемъ Поволжьи говорятъ впослѣдствіи на великорусскомъ нарѣчіи, а по З. Двинѣ, по правому, а отчасти и по лѣвому берегу Днѣпра—на бѣлорусскомъ. То-же самое, хотя въ меньшей степени, случилось съ Вятичами. Такъ самая западная часть Орловской губерніи, именно часть Брянскаго уѣзда Орловской губерніи,—говоритъ по бѣлорусски, и поселенія жителей, объясняющихся на этомъ діалектѣ, тянутся спорадически по Мглинскому и Суражскому уѣздамъ, до предѣловъ Малороссіи [2]). Чѣмъ объяснить этотъ фактъ, что одно и то-же племя, Кривичей, говорившее нѣкогда, конечно, на одномъ нарѣчіи, является затѣмъ объясняющимся на двухъ различныхъ діалектахъ? Единственное объясненіе, какое, по нашему мнѣнію, здѣсь возможно, заключается въ томъ, что двѣ половины одного и того-же племени, Кривичей, Вятичей, все равно, попали въ доисторическую эпоху подъ разныя этнографическія вліянія, которыя и оказали различныя дѣйствія на музыкальную, звуковую сторону ихъ языка. На сколько мы знакомы съ нарѣчіями великорусскимъ, бѣлорусскимъ и малорусскимъ—различіе ихъ состоитъ не столько въ обиліи

церкви въ Калужск. губерніи". Калуга, 1876 г. стр. 15); „Сборникъ Церковно-историч. свѣдѣній о Рязанской епархіи" (Чтенія Моск. Общ. Ист. и Древн. Росс., 1863 г., кн. 2, стр. 35).

[1]) Соболевскій: „Смоленско-Полоцкій говоръ" (Рус. Филол. Вѣстн. 1886 и Кіевск. Унив. Изв. 1883 и 1884 г.). Пыпинъ: „Бѣлорусская этнографія" (Вѣстникъ Европы, 1887 г. Апрѣль, стр. 667 и 678).

[2]) Соболевскій: „Очерки русской діалектологіи" (Живая Старина, 1892 г., в. 1, стр. 4 и 6); Koeppen: „Der litavische Volkstamm. Ausbreitung und Stärke desselben in der Mitte des XIX Jahrhunderts". (Bulletin hist.-phil. de l'Academie des sciences de SPb., 1851, v. VIII, S. 274).

особенныхъ словъ, а въ звукахъ, въ музыкальномъ отношеніи. Несомнѣнно, эти звуковыя особенности въ значительной степени обязаны смѣшенію разнородныхъ племенныхъ элементовъ въ доисторическое время, взаимному чисто музыкальному вліянію одного языка на другой. Если мы присмотримся къ географическому распространенію нарѣчій, то не можемъ не замѣтить интереснаго факта. Великорусское нарѣчіе господствуетъ во всѣхъ тѣхъ областяхъ, гдѣ въ доисторическое время констатируются угро-финскія поселенія. Точно также тамъ, гдѣ распространенъ языкъ бѣлорусскій, мы можемъ предполагать въ доисторическую эпоху распространеніе Литовскаго племени. Послѣ сказаннаго нами, конечно, самъ собой является вопросъ: какимъ образомъ мы представляемъ себѣ ходъ славянской колонизаціи? Къ этому вопросу мы теперь и приступаемъ.

Въ настоящее время не подлежитъ сомнѣнію, что европейской прародиной Славянскаго племени было Прикарпатье [1]. Изъ этого центра началось движеніе славянской колонизаціи во всѣ стороны въ видѣ радіусовъ. Я уже говорилъ выше, что разселеніе въ странѣ, покрытой сплошными первобытными лѣсами и болотами, должно было совершаться по берегамъ рѣкъ, бóльшая часть которыхъ имѣетъ приподнятые берега. Отъ Прикарпатья расходятся въ разномъ направленіи рѣки. Достаточно указать Вислу, З. Бугъ, Припять, Днѣстръ. Ихъ-то берега, а потомъ и берега ихъ притоковъ, служили путями для колонизаціоннаго движенія. Та часть славянскаго племени, которая въ историческое время является подъ именами Углячей и Тиверцевъ по берегамъ Чернаго моря, спустилась туда по побережью Днѣстра. Является вопросъ, какимъ образомъ колонизировались области по Днѣпру, Зап. Двинѣ и Деснѣ? Если гдѣ, то въ этомъ именно вопросѣ археологія можетъ оказать значительную услугу. Замѣчено, что по берегамъ р. Припяти существовали два похоронные типа,

[1]) Pič: „Zur Rumänisch-Ungarischen Streitfrage", Leipzig, 1888; S. 130; Adelung: „Mithridates" Berlin, 1809, Th. 2, S. 635; Zeuss: „Die Deutschen und die Nachbarstämme", München, 1837, S. 527; Гротъ: „Извѣстія Константина Багрянороднаго о Сербахъ и Хортахъ и разселеніи на Балканскомъ полуостровѣ". Спб. 1880 г., стр. 67, 70; Воцель: „Древнѣйшая бытовая исторія Славянъ вообще и Чеховъ въ особенности", перев. Задерацкаго. Кіевъ, 1875 г., стр. 35 и 47; Rössler: „Ueber den Zeitpunkt der Slavischen Ansidelung an der unteren Donau", Wien, 1873, S. 6; Шафарикъ: „Славянскія древности", перев Бодянскаго, М. 1837 г., т. I, кн. 2, стр. 75 и слѣд.

при чемъ дреговицкій типъ присутствуетъ къ югу отъ упомянутой рѣки. Точно также къ сѣверу отъ нея является смѣшеніе похоронныхъ типовъ. Важно при этомъ то обстоятельство, что дреговицкій типъ, спорадическій на югѣ, является преобладающимъ на сѣверномъ берегу р. Припяти. Затѣмъ, въ углу, образуемомъ рѣками Днѣпромъ, Припятью и Березиною, на территоріи весьма не обширной, мы находимъ смѣшеніе погребальныхъ типовъ, изъ которыхъ одинъ несомнѣнно дреговицкаго происхожденія [1]), что касается другаго типа, то едвали не придется признать его кривицкимъ. Мы указывали уже раньше, что по берегамъ рѣки Бесѣди, Сожа и Днѣпра, въ южной части области Радимичей, встрѣчается похоронный типъ сожженія, и сдѣлали предположеніе, что это есть результатъ сѣверянскаго вліянія на Радимичей; но этому факту можетъ быть дано и другое объясненіе. Мы рѣшаемся высказать предположеніе, что это смѣшеніе погребальныхъ типовъ по берегамъ р. Припяти, въ углу между рр. Припятью, Березиной и Днѣпромъ, въ углу между Сожемъ, Бесѣдью и Днѣпромъ, есть результатъ колонизаціоннаго движенія русско-славянскихъ племенъ изъ Прикарпатья. Весьма возможно, что распаденіе на отдѣльныя племенныя единицы произошло еще на прародинѣ Славянскаго племени, что предполагается и по отношенію Аріевъ [2]). Тогдаже могли усвоиться этимъ отдѣльнымъ колѣнамъ особыя названія по случайнымъ обстоятельствамъ, особенно по характеру мѣстности, которую занимало то или иное колѣно. Домыслы нашего стараго лѣтописца о томъ, что Поляне прозвались такъ потому, что жили въ поляхъ, а Древляне—потому, что жили въ лѣсахъ [3]), конечно, не могутъ имѣть значенія уже хотя бы потому, что и Поляне попали на новыхъ мѣстахъ своего обитанія въ такіе же первобытные лѣса, какъ и Древляне, и послѣдніе, какъ и первые, занимались земледѣліемъ, такъ и потому, что онъ отказывается дать объясненіе для другихъ именъ, какъ Кривичи, Сѣверяне, Дулѣбы, Тиверцы, Угличи [4]). Тайна

---

[1]) См. выше ссылки на труды В. Б. Антоновича и г. Завитневича

[2]) Pictet: „Les origines indo-européennes", Paris, 1878, v. I, p. 60 et suiv., p. 66 et suiv.; Arnold: „Deutsche Urzeit", Gotha, 1881, B. I, S. 10; См. также: Гротъ: „Извѣстія Константина Багрянороднаго о Сербахъ" Спб. 1880 г., стр. 74.

[3]) См. интересное объясненіе слова „Кривичъ" у Надеждина („Геродотова Скиѳія" въ Записк. Одес. Общ. Ист. и Др. 1844 г., т. I, стр. 102, примѣч. 125).

[4]) Ипатьев. Лѣт., стр. 3 и 4.

этихъ названій кроется, несомнѣнно, въ обстоятельствахъ жизни русско-славянскихъ племенъ еще въ Прикарпатьѣ. Колонизацію свою русскіе Славяне начали, уже распавшись на отдѣльныя племена. Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что племена, занимающія въ историческое время болѣе отдаленныя мѣстности къ сѣверо-востоку и сѣверу, двигались впереди другихъ. Такимъ образомъ, въ сѣверо-восточномъ направленіи первыми колонизаторами являются Кривичи, въ восточномъ направленіи Сѣверяне. За ними слѣдуютъ по порядку Поляне, Древляне; но раньше послѣднихъ двинулись Дреговичи, которые были вытѣснены съ южнаго берега р. Припяти Древлянами; часть древлянскаго племени перешагнула и на сѣверную сторону Припяти. Этимъ объясняется незначительное количество случаевъ похоронъ Дреговичей на южной сторонѣ этой рѣки и смѣшеніе погребальныхъ типовъ въ углу между Припятью, Березиной и Днѣпромъ. Дреговичи въ своемъ движеніи натолкнулись въ этомъ мѣстѣ на болѣе раннихъ колонистовъ Кривицкаго племени и вытѣснили ихъ отсюда за р. Днѣпръ, вѣрнѣе же, движеніе Кривичей направилось по теченію Березины и правыхъ притоковъ Припяти, затѣмъ по берегамъ лѣвыхъ притоковъ З. Двины, пока не достигло послѣдней. Тутъ для Кривицкаго племени открывалась дорога на западъ по берегамъ З. Двины, на сѣверъ чрезъ правые притоки послѣдней, которые приводили Кривичей въ систему р. Великой и Волхова; на востокъ З. Двина вела ихъ въ область р. Днѣпра. Этимъ движеніемъ Кривицкаго племени и постепеннымъ вытѣсненіемъ его Дреговичами и объясняется, по нашему мнѣнію, нахожденіе къ югу отъ З. Двины могилъ съ кривицкимъ похороннымъ типомъ сожженія; такимъ именно ходомъ колонизаціи объясняется та спорность границъ между Полоцкой и Кіевской землями, какую мы наблюдаемъ въ историческую эпоху. Дреговицкая земля не образовала отдѣльнаго обособленнаго политическаго цѣлаго, а причислялась къ Кіевскому княжеству; въ силу этого Кіевскіе князья постоянно претендуютъ на Минскъ, такъ какъ онъ, вѣроятнѣе всего, лежалъ еще на Дреговицкой территоріи[1]. Но на него изъявляютъ свои права и князья земли Полоцкой, князья Кривицкіе, и въ силу именно того обстоятельства, что на лѣвой сторонѣ р. Двины Криви-

---

[1] [illegible]

чамъ удалось закрѣпить за собою нѣкоторые пункты, какъ остатки отъ нѣкогда бывшаго заселенія ими области къ югу отъ З. Двины. Такимъ только образомъ, кажется намъ, примиряются другъ съ другомъ и извѣстіе лѣтописи о разселеніи Дреговичей отъ р. Припяти до З. Двины [1]), подкрѣпляемое археологическими данными [2]), и фактъ существованія кривицкаго похороннаго типа къ югу отъ упомянутой рѣки [3]), и причисленіе Минска къ числу городовъ Кривицкихъ [4]).

Несомнѣнно также что Ильменскіе Славяне представляютъ собою не болѣе, какъ часть великаго Кривицкаго племени. Характеръ мѣстности представлялъ всѣ удобства для обширной колонизаціи на сѣверъ: верхніе и правые притоки З. Двины переплетаются съ рѣками областей Псковской и Новгородской; естественныхъ преградъ нѣтъ никакихъ. Что Новгородцы носили имя „Словене" и удержали это имя навсегда,—этотъ фактъ объясняется просто тѣмъ, что они, какъ передовые колонисты Кривичей, столкнувшись на сѣверъ отъ З. Двины съ сплошнымъ населеніемъ Финскаго племени, назвавъ это населеніе Чудью, въ отличіе отъ него именовали себя Словене, оставаясь въ то-же время Кривичами. Память объ этомъ имени долго жила въ народныхъ преданіяхъ Новгородской области, хотя, конечно, въ искаженномъ видѣ [5]). Мы раньше видѣли, что похоронный типъ, наблюдаемый въ курганахъ области Ильменской и Смоленской, одинъ и тотъ-же—это преобладающее сожженіе [6]). Кромѣ того, мы находимъ прямое указаніе, что славянское населеніе Псковской области представляетъ собою Кривичей. Такъ одна изъ лѣтописей, разсказывая о призваніи Варяговъ и о занятіи Труворомъ Изборска, добавляетъ: „а то нынѣ пригородокъ псковскій, а тогда былъ *въ Кривичехъ* большій городъ [7])",

---

[1]) Лаврентьев. Лѣт. стр. 5.

[2]) Вышеуказанные труды Завитневича.

[3]) См. вышеприведенныя нами археологическія данныя.

[4]) Лавр. Лѣт. стр. 283; см. также Завитневича: „Область Дреговичей, какъ предметъ археологическаго изслѣдованія". (Труды Кіев. Духов. Академіи. 1886 г. № 8).

[5]) Поговорка жителей Тарнска: „мы люди старые, прежде были посадскіе города Коростеня, владѣніе Ольгино, народъ *Кривичи*" (Надеждинъ: „О рус. народн. миѳахъ и сагахъ въ примѣненіи ихъ къ географіи и особенно къ этнографіи русской", въ Русской Бесѣдѣ 1857 г., т. III, стр. 20).

[6]) См. выше примѣч., на стр. а также Grewingk: „Heidnische Gräber", S. 55.

[7]) Архангелогород. Лѣтоп. Москва, 1781 г., стр. 4.

но въ одно и то-же время этотъ городъ носилъ названіе Словенска, а ключи, протекающіе подлѣ него, — Словенскихъ ключей [1]. Какъ слѣдъ колонизаціи Кривичей съ верховьевъ З. Двины въ область Ильменя долго сохранялось для Тороцца другое имя „Кривичъ" или „Кривитебскъ" [2].

Съ верховьевъ З. Двины не трудно было перешагнуть въ область верхняго теченія Днѣпра. Что колонизація Кривицкаго племени шла именно въ такомъ направленіи съ запада на востокъ, къ этому приводитъ еще и слѣдующее соображеніе. Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе извѣстіе лѣтописца въ разсказѣ о разселеніи русско-славянскихъ племенъ. „А другии (Славяне) сѣли на Полотѣ, иже и Полочане. Отъ нихъ-же и Кривичи, иже сѣдять на верхъ Волгы, и на вѣрхъ Двины, и на вѣрхъ Днѣпра, ихъ-же и городъ есть Смоленскъ: ту-бо сѣдять Кривичи [3]". Далѣе при перечисленіи русско-славянскихъ племенъ находимъ объясненіе, что „и в Полотьскѣ Кривичи" [4]. Такимъ образомъ, Полочане являются такими-же Кривичами, какъ и Славяне Смоленскіе. Мало этого. Въ этомъ лѣтописномъ разсказѣ ясно указывается и самое направленіе колонизаціи Кривичей съ берега З. Двины къ верховьямъ, какъ ея, такъ и рѣкъ Волги и Днѣпра. Древнѣйшими поселеніями Кривичей приходится признать двинскія, полоцкія, а самый Смоленскъ, появившійся еще въ доисторическія времена, представляетъ изъ себя городъ Кривицкихъ колонистовъ, пригородъ полоцкій. Сообщеніе лѣтописца о томъ, что у Кривичей — главный городъ Смоленскъ, не имѣетъ значенія, такъ какъ явилось въ концѣ XI или въ XII в., когда Смоленскъ, дѣйствительно, или начи-

---

[1] Іоакимовская лѣтопись (Татищевъ: Исторія Россійская, кн. 1, ч. 1). Важно тутъ не производство отъ „Словена", а названіе „Словенскъ"; см. также: митр. Евгеній: „Лѣтопись древняго славяно-русскаго княжескаго города Изборска" (Труды и Лѣтописи Общ. Ист. и Др. Росс. ч. V, кн. 1, Москва, 1830 г. стр. 138); его-же: „Исторія княжества Псковскаго". Кіевъ, 1831 г., ч. 1, стр. 4 и 8).

[2] Мурзакевичъ: „Исторія губернскаго города Смоленска", Смоленскъ 1804 г., стр. 19; Топографич. Извѣстія, служащія для полнаго географическаго описанія Россійской Имперіи, т. I, ч. 1, Спб. при Имп. Акад. Наукъ 1771 г. стр. 392. Словенъ Ильменскихъ колонистами Кривичей считали и раньше: Барсовъ: „Очерки рус. историч. Географіи" стр. 173 и д. и особенно примѣч. 303; Соловьевъ. Исторія Россіи, т. I, М. 1874 г. стр. 55; Иловайскій: Исторія Россіи, т. I, М. 1876 г., стр. 159 и слѣд. и др.

[3] Ипатьев. Лѣтоп., стр. 6; Лавр. Лѣт., стр. 9—10.

[4] Ипатьев. Лѣт., стр. 11; Лавр. Лѣт., стр. 19.

наетъ играть, или уже играетъ политическую роль. Но такого значенія первоначально онъ не имѣлъ. Достаточно повнимательнѣе приглядѣться къ другимъ лѣтописнымъ извѣстіямъ, чтобы убѣдиться въ этомъ вполнѣ. Скомкавъ въ одно факты различныхъ эпохъ, нашъ лѣтописецъ не сумѣлъ окончательно стереть въ нихъ давней исторической дѣйствительности. Лѣтопись въ извѣстной легендѣ о призваніи Варяговъ, дѣлая участниками его и Кривичей, ясно указываетъ, что это были Кривичи Полоцка [1]). Никакого упоминанія о Кривичахъ Смоленскихъ нѣтъ. Это указаніе стоитъ въ полномъ соотвѣтствіи съ другимъ, гдѣ разсказывается о взятіи Олегомъ Смоленска. Князь взялъ съ собой, въ числѣ другихъ ополченій, и Кривичей. Выходитъ, что онъ велъ Кривичей па Кривичей. Стало быть тѣ, которые находились въ войскѣ Олега, были Полочане. Смоленскъ безъ всякаго сопротивленія сдается и принимаетъ княжескихъ посадниковъ [2]). Не было еще распаденія Кривицкой земли на отдѣльныя политически обособленныя единицы, и пригородъ мирно слѣдуетъ примѣру своей метрополіи. Обратимъ вниманіе на договоръ Олега съ Греками. Мы видимъ, что князь требуетъ дани на города: Кіевъ, Черниговъ, Переяславль, *Полоцкъ*, Ростовъ и Любечъ [3]). Въ походѣ на Царь-градъ участвовали и Кривичи, и вотъ на главный городъ ихъ, на старый Полоцкъ, какъ на представителя земли, и берется дань. О Смоленскѣ не можетъ быть и рѣчи, какъ не имѣвшемъ еще политическаго значенія. Намъ какъ-бы противорѣчитъ упоминаніе о Смоленскѣ у Константина Багрянороднаго. Но въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы находимъ извѣстіе объ этомъ городѣ, трактуется исключительно о торговыхъ сношеніяхъ, причемъ намѣчены и города, лежащіе на великомъ водномъ пути. Въ Византіи былъ извѣстенъ путь черезъ Новгородъ В., а о дорогѣ чрезъ З. Двину они совершенно не знали, въ силу чего у ученаго императора не упомянутъ Полоцкъ [4]). Другое дѣло скандинавы. Они прекрасно ознакомились съ

---

[1]) Ипатьев. Лѣт., стр. 11; Лавр. Лѣт., стр. 19; Воскресен. Лѣт., т. I, стр. 268 (П. С. Р. Л. т. VII).

[2]) Ипатьев. Лѣт. стр. 13; Лавр. Лѣт. стр. 22.

[3]) Ипатьев. Лѣт., стр. 17—18; Лавр. Лѣт., стр. 29—30; Воскрес. Лѣт., стр. 272, т. I. Въ Тверск. Сборникѣ есть и Смоленскъ, но это, очевидно, позднѣйшая вставка. (П. С. Р. Л. т. 15, стр. 38).

[4]) „Ὅτι τὰ ἀπὸ τῆς ἔξω Ῥωσίας μονόξυλα κατερχόμενα ἐν Κωνσταντινουπόλει εἰσὶ μὲν ἀπὸ τοῦ Νεμογαρδᾶς, ἐν ᾧ Σφενδοσθλάβος ὁ υἱὸς Ἴγγωρ τοῦ ἄρχοντος Ῥωσίας ἐκαθέζετο, εἰσὶ

обоими путями и чрезъ Волховъ и чрезъ З. Двину. При существованіи несомнѣнныхъ торговыхъ сношеній, этихъ витязей, предлагавшихъ свои боевыя услуги тому, кто больше дастъ, интересовали болѣе политическія отношенія посѣщаемыхъ ими странъ. Въ ихъ разсказахъ поэтому фигурируютъ имена мѣстностей, имѣвшихъ политическое значеніе. Оказывается, что въ скандинавскихъ сагахъ древнѣйшаго происхожденія нѣтъ упоминанія о Смоленскѣ, но за то какъ важный политическій центръ фигурируетъ Полоцкъ. Скандинавы знаютъ Кіевъ: онъ, по всей вѣроятности, съ отдаленнѣйшихъ временъ извѣстенъ у нихъ подъ именемъ Днѣпра—города; они знаютъ Новгородъ, говорятъ о Полоцкѣ, но имъ не извѣстенъ Смоленскъ, который появляется лишь въ позднѣйшихъ скандинавскихъ литературныхъ произведеніяхъ. Проѣзжая изъ Балтійскаго моря въ Черное черезъ З. Двину и Днѣпръ, или изъ Финскаго залива—чрезъ Неву, Ладожское озеро, Волховъ, Ильмень, Ловать, Пала и т. д., или чрезъ Ловать, Кунья—Двина, Ельша, Ватря, Днѣпръ,—скандинавы или были вблизи Смоленска, или шли мимо послѣдняго и должны были знать его. Были кромѣ того и случаи, чисто политическаго характера, когда Смоленскъ могъ быть упомянутъ, если-бы игралъ хоть какую-нибудь политическую роль [1]).

δὲ καὶ ἀπὸ τὸ κάστρον τὴν Μιλινίσκαν καὶ ἀπὸ Τελιούτζαν καὶ Τζερνιγώγαν καὶ ἀπὸ τοῦ Βουσεγραδέ...“ (Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae, Bonnae, 1840 г., Constantinus Porphyrogenitus, v. III, p. 74).

[1]) Что касается упоминаній о Кіевѣ, то они разсыпаны во многихъ мѣстахъ сагъ. О названіи для Кіева Днѣпръ - городъ см. Н. П. Дашкевича: „Приднѣпровье и Кіевъ по нѣкоторымъ памятникамъ древне-сѣверной литературы“ (Кіевскія Университетскія Извѣстія“ 1886 г., Ноябрь); Веселовскаго: „Кіевъ—градъ Днѣпра“ (Ж. М. Н. Пр. 1887 г. Май). Вообще о путешествіяхъ Норманновъ черезъ Россію см. артистическое изслѣдованіе В. Гр. Васильевскаго: „Варяго-русская и варяго-англійская дружина въ Константинополѣ въ XI и XII вв.“ (Ж. М. Н. Пр. ч. CLXXVII и CLXXVIII).

Вотъ интересное мѣсто изъ „Eymundar Saga“: „Burizlaf a reçu pour sa part le pays de Kaenugard, le meilleur royaume de tout le Gardarique; Jarizlaf a eu le Holmgard, et Vartislaf, le troisième, le Palteskia avec les provinces, qui en dépendent; maintenant ils ne peuvent s'accorder entre eux sur ce partage“. (Antiquités russes, v. II, p. 179).

Точно также въ „Kristnisaga“: Thorvaldus Kadranis filius et Stefner Thorgilsis filius, post disparitionem Olavi regis congressi socio itinere arbem late peragrarunt, terram Hierosolymitanam inviserunt, indeque Constantinopolim, deinde per regiones orientales cursum dirigentes adverso flumine per Borysthenem (Nepr) Kaenugardum usque iter perseverarunt. Thorvaldus in Russia non longe a Palteskia diem supremum obiit; ibique in monte quodam ad aedem Johannis Baptistae sepultus est et inter sanctos relatus“... (Ibidem, p. 236—237). Въ „Vilkinasaga“ есть уже упоминаніе о Смоленскѣ: „Deinde (Vilkinus rex)

Перешедши въ область р. Днѣпра и Волги, Кривицкое племя колонизировало огромныя пространства, разселяясь далѣе и далѣе на востокъ. Оно перешло къ системѣ рѣки Вазузы съ Гжатью, оттуда перешагнуло на берега рѣки Москвы и колонизировало территорію, вошедшую затѣмъ въ составъ земли Суздальской. Что колонизація на среднее Поволжье шла съ востока, лучшимъ доказательствомъ служитъ то обстоятельство, что въ составъ Смоленской земли входили области по р. Исконѣ и Исмѣ и даже переходили за нихъ къ востоку.

Раздавались мнѣнія, что Кривичи не представляютъ изъ себя славянскаго племени или, по крайней мѣрѣ, являются смѣшеніемъ славянскаго элемента съ литовскимъ, причемъ самое имя „Кривичи" готовы были производить отъ „Криве", какъ назывался верховный жрецъ у Литовцевъ [1]). Это мнѣніе возникло во первыхъ потому, что лѣтопись въ своемъ перечисленіи славянскихъ племенъ не упоминаетъ Кривичей, [2]) а во вторыхъ вслѣдствіе сильно сказывающагося на послѣднихъ литовскаго вліянія со стороны языка и нѣкоторыхъ чертъ быта. Но лѣтопись раньше очень ясно говоритъ, что Кривичи и Полочане

---

cum exercitu ipsam Russiam, multa oppida maxima ingressus expugnavit, quarum in numero etiam erant *Smolenskia*, *Kiovia* et *Poltisca*". (Extraits de la saga de Theodoric de Bern „Vilkinasaga"; Ibidem, p. 455). Но древнѣйшій манускриптъ этой саги относится къ концу XII или началу XIII ст. (см. Ibidem, p. 453). Слѣд. Смоленскъ втиснутъ туда, въ эту сагу, позже, тогда, когда онъ дѣйствительно игралъ уже важную политическую роль. См. объ этой сагѣ также у Кирпичникова: „Поэмы ломбардскаго цикла", М. 1873 г., стр. 85, 97 и др. Мы находимъ Смоленскъ и въ географическомъ трактатѣ. „Europa vocatur, говорится въ немъ, tertia pars terrae, quae inter occidentem et eurum spectans, porrigitur in aquilonem. In orientali parte Europae est regnum Gardarum, ubi situs est Koenugardus et Holmgardus, Palteskia et *Smalenskia*" (Annotations géographiques dues à l'abbé Nicolas", Antiquités russes, v. II, p. 403). Но этотъ трактатъ точно также относится къ XII в.; извѣстно, по крайней мѣрѣ, что аббатъ Николай путешествовалъ по Святой землѣ около 1150—1153 г. (Ibidem, p. 395—396). Слѣдовательно, свѣдѣнія его собраны имъ въ то время, когда Смоленскъ уже игралъ значительную политическую роль.

[1]) „О происхожденіи, языкѣ и литературѣ литовскихъ народовъ". Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи. Петра Кеппена. Спб. 1827 г., № III, стр. 158; Bähr: „Die Gräber der Liven", S. 20; Гедеоновъ: „Варяги и Русь", т. 1, стр. 111; Гедеоновъ почему то считаетъ, что Кривичи Полоцкіе—Славяне, а смоленскіе вѣроятно,—смѣшанные съ Литвой или ляшскими племенами" (стр. 121). См. также стр. 122; Касторскій: „Начертаніе Славянской Миѳологіи", Спб. 1841 г., стр. 66, 67; Diefenbach: „Origines Europeae" S. 204.

[2]) Ипатьев. Лѣт. стр 6.

одно и то-же племя [1]; а пропускъ имени Кривичей при перечисленіи русско-славянскихъ племенъ вполнѣ понятенъ: лѣтописецъ выразилъ здѣсь только сохранившійся еще въ его времена взглядъ, что Полочане есть главная часть племени, а стало быть не было нужды, назвавъ Полочанъ, упоминать и Кривичей. Это главенство Полочанъ подтверждается, какъ мы только что говорили, и другими соображеніями. Лингвистическое вліяніе литовскаго племени на Кривичей едвали подлежитъ сомнѣнію. По этому вопросу мы только что высказали свое мнѣніе. Теперь, когда намъ извѣстенъ ходъ кривицкой колонизаціи, мы можемъ представить себѣ ея движеніе въ такомъ видѣ.

Финское племя, подвигавшееся съ востока на западъ, простерлось нѣкогда, какъ мы видѣли, свои поселенія до карпатской прародины Славянъ, было однако-же немногочисленно около этихъ мѣстностей, что̀ доказывается немногочисленностью топографическихъ названій къ западу и спорадичностью памятниковъ древности, какіе могутъ быть приписаны угрофинскимъ племенамъ. Въ очень отдаленныя времена литовское племя распространилось далеко на востокъ, разрѣзало угрофинскія поселенія на двое и стерло тѣ изъ нихъ, которыя находились къ юго-западу отъ Днѣпра (въ районѣ Днѣпръ—Двина—Припять). Славянское племя теперь было на сѣверѣ отдѣлено отъ чудскаго. Затѣмъ началось колонизаціонное движеніе Славянъ, во главѣ которыхъ двигались Кривичи. Они частью уничтожили, частью ассимилировали Литву на пространствѣ между Припятью, Двиной и Днѣпромъ, затѣмъ врѣзались между литовскими племенами у верховьевъ Днѣпра, раздвоили ихъ, снова уничтожили или поглотили тѣ изъ нихъ, которыя были отброшены къ востоку, какъ напр. Голядь. Но передовыя вѣтви Кривицкаго племени неудержимо стремились все впередъ и впередъ на сѣверъ, востокъ и сѣверо-востокъ. Понятно, что тѣ кривицкія поселенія, которыя ушли далѣе въ указанныхъ направленіяхъ, подвергались литовскому вліянію менѣе, чѣмъ

---

[1] Ibidem. Въ этомъ вопросѣ имѣетъ также большую важность показаніе Константина Багрянороднаго: „....οἱ αὐτῶν ἄρχοντες ἐξέρχονται μετὰ πάντων τῶν Ρως ἀπὸ τὸν Κίαβον..., ...ἤγουν εἰς τὰς Σκλαβινίας τῶν τε Βερβιάνων καὶ τῶν Δρουγουβιτῶν καὶ Κριβιτζῶν“.... (Corpus Script. Historiae Byzantinae, Constantinus Porphyrogenitus, v. III, Bonnae, 1840, p. 79). Ил[illegible] Славянъ, не знаетъ Полочанъ, ибо послѣдніе не племя, а [illegible]чсновъ: „Варяги и Русь“ Спб. 1876 г. т. I, стр. 123.

оставшіяся на Двинѣ и въ Приднѣпровьи, но за то эти передовые колонисты въ своемъ дальнѣйшемъ движеніи столкнулись съ сплошнымъ, а не спорадически уже разсѣяннымъ угрофинскимъ населеніемъ, и должны были уничтожить или ассимилировать его [1]). Вотъ почему мы имѣемъ право предполагать, что Смоленская земля при самомъ выступленіи своемъ на историческую сцену носила въ себѣ уже начала раздвоенія, что въ двухъ половинахъ ея, западной и восточной, существовала даже въ то время значительная разница въ населеніи, явившаяся результатомъ взаимодѣйствія разнородныхъ этнографическихъ элементовъ.

Въ то время, когда Кривичи раскидывали свои поселенія на огромныя пространства съ береговъ З. Двины до Финскаго залива и средняго теченія Волги, съ юго-запада, территорію между р. Днѣпромъ и Сожемъ колонизировало другое Славянское племя, Радимичи. Границы его колонизаціи въ сѣверо-восточномъ направленіи указываются археологіей. Мы видѣли, что преобладающій типъ похоронъ на пространствѣ, ограничиваемомъ указанными рѣками, есть погребеніе. Къ сѣверу отъ г. Ельны мы замѣчаемъ рѣзкую перемѣну: преобладающимъ является сожженіе. Вотъ эту черту, отъ Ельны до Днѣпра на западъ и до верховьевъ Десны на востокъ, можно считать границею между двумя племенами—Кривичами и Радимичами. Тутъ по верхнему теченію Сожа и его притоковъ столкнулись они и, вслѣдствіе характера мѣстности, должна была произойти черезполосица. Племя Радимичей, на сколько можно составить себѣ о немъ понятіе по лѣтописнымъ даннымъ, не отличалось ни высокимъ культурнымъ развитіемъ, ни воинственностью. Оно довольно легко подчиняется власти Кіевскихъ князей, а затѣмъ территорія его дробится между тремя политическими центрами: Кіевомъ, Смоленскомъ и Черниговомъ [2]). Сравнительно невысокое культурное развитіе Радимичей объясняется географическимъ положеніемъ ихъ территоріи, черезъ которую не проходило ни одного изъ главныхъ культурныхъ путей той эпохи: р. Сожъ

---

[1]) Ср. Aspelin: „La Rosomanorum gens“ Helsingfors, 1884, p. 21, а также Бѣляева: „Какъ образовалось великорусское племя“. (Извѣстія Антропол. Отд. Общества любителей естествознанія. 1865 г., т. I).

[2]) О Радимичахъ см. нашу работу: „Исторія Сѣверской земли до половины XIV ст.“ Кіевъ, 1880 г.; Багалѣй: „Исторія Сѣверской земли до половины XIV ст.“. Кіевъ. 1882. Барсовъ распространяетъ поселенія Радимичей далеко на востокъ даже въ область р. Сейма, основываясь на топографическихъ названіяхъ, созвучныхъ имени Радимъ.

является второстепенной дорогой, а Днѣпръ принадлежалъ имъ той частью своего теченія, которая не имѣетъ главнаго значенія въ торговомъ отношеніи. Все таки ихъ культурное развитіе мы называемъ низкимъ лишь по отношенію къ таковому же у Кривичей, чрезъ область которыхъ проходили, на территоріи которыхъ связывались гигантскіе пути восточной и западной торговли. Кривичи должны были въ очень отдаленное время перешагнуть съ Днѣпра въ область р. Сожа и его притоковъ. Судя по сохранившимся до сихъ поръ народнымъ преданіямъ, кривицкая колонизація не всегда носила здѣсь мирный характеръ, а скорѣе насильственный. На основаніи тѣхъ-же преданій можно предположить, что Кривичи проникли вглубь территоріи Радимичей [1]). Какъ не встрѣчало помѣхъ распространеніе кривицкихъ поселеній въ области, ограничиваемой Днѣпромъ и Сожемъ, такъ безпрепятственно должны были подвигаться Кривичи и въ юго-восточномъ направленіи въ силу тѣхъ же условій мѣстности, о которыхъ мы говорили въ началѣ нашего очерка. Съ береговъ Днѣпра ихъ поселенія легко перешли къ верховьямъ Десны и ея притоковъ и рѣки Угры. Но въ то-же время сюда придвинулась колонизація Сѣверянъ. При отсутствіи какихъ бы то ни было естественныхъ границъ, эти два противоположныхъ потока должны были столкнуться. На основаніи результатовъ, добытыхъ при изученіи говоровъ великорусскаго нарѣчія, можно предполагать, что среднее Поволжье [2]) заселилось съ юга и составляло одну область съ Муромомъ и Рязанью [3]), но не подлежитъ сомнѣнію, что Муромо—Рязанская область была колонизована Сѣверянами [4]), которыхъ приходится считать, слѣдовательно, и колонизаторами земли Суздальской. Вмѣстѣ съ

---

[1]) Въ интересующей насъ части Могилевской губерніи до сихъ поръ существуютъ въ различныхъ мѣстностяхъ преданія о двухъ богатыряхъ Сидоркѣ и Радѣ. Они жили въ двухъ сосѣднихъ поселеніяхъ (между прочимъ въ деревняхъ Сидоркахъ и Радичахъ). Они перебрасывались топорами и убили другъ друга (см. Древности. Труды Москов. Археол. Общ. т. XI, в. 3, протоколы и Фурсова и Чоловскаго: „Дневникъ раскопокъ въ Могилев. губерніи". Могилевъ. 1892 г. стр. 29). По преданіямъ Кричевъ носилъ въ древности имя „Кривичевъ" и былъ основанъ Кривичами (Город. поселенія Росс. Имперіи т. II, Спб. 1861 г. стр. 234).

[2]) Подъ именемъ средняго Поволжья мы разумѣемъ область отъ истоковъ р. Москвы до впаденія въ Волгу р. Оки.

[3]) Соболевскій: „Очеркъ русской діалектологіи" (Живая Старина, 1892 г., в. 1, стр. 4).

[4]) См. труды, указанные въ примѣч. 2 на стр. 5, а также Иловайскаго: „Исторія Рязанскаго княжества". Москва. 1858 г.

тѣмъ мы видѣли, что несомнѣнно Кривицкія поселенія достигали до средняго теченія р. Москвы и, конечно, благодаря условіямъ мѣстности, должны быть подвигаться далѣе. Стало быть, въ области Мери происходило столкновеніе Кривицкаго и Сѣверянскаго племени, начавшееся еще на берегахъ Десны, Оки и Угры.

Обзоръ населенныхъ мѣстъ Смоленской земли въ пору самаго цвѣтущаго состоянія ея еще болѣе убѣдитъ насъ во всемъ сказанномъ. Но прежде намъ необходимо остановиться на одномъ изъ важнѣйшихъ источниковъ для историко-географическаго очерка интересующаго насъ княжества. Мы разумѣемъ извѣстную учредительную грамоту Ростислава Мстиславича Смоленской епископіи. Она даетъ указанія на значительное количество городовъ и волостей земли, но при этомъ ея показанія въ бо́льшей части случаевъ не повторяются въ другихъ имѣющихся у насъ источникахъ, такъ что опредѣленіе мѣстностей, указываемыхъ ею, приходится дѣлать только на основаніи ея-же самой. Отсюда вытекаетъ необходимость рѣшить, что̀ положилъ въ основу княжескій дьякъ при перечисленіи мѣстностей, въ какомъ порядкѣ размѣщалъ онъ ихъ? Не разъ уже пытались нанести на карту Смоленскіе города и волости, при чемъ въ основу полагалась мысль о географической ихъ послѣдовательности, но, къ несчастью, такой строгой послѣдовательности въ нашей грамотѣ нѣтъ. Къ счастью, нѣкоторыя мѣстности съ бо́льшимъ или меньшимъ приближеніемъ могутъ быть прикрѣплены къ извѣстнымъ пунктамъ. И вотъ, благодаря этому, мы видимъ, что княжескій дьякъ переносится съ одного конца земли въ другой или перескакиваетъ значительныя пространства безъ всякаго основанія, если только мы признаемъ географическую послѣдовательность въ его перечисленіяхъ. Такъ напр. отъ Жидчичей, лежащихъ въ области р. З. Двины, грамота вдругъ переходитъ къ Басеѣ, волости, находящейся на лѣвой сторонѣ Днѣпра, въ нынѣшней Могилевской губерніи; отъ Путтина и Бѣницъ, городовъ несомнѣнно восточныхъ, совершается скачокъ на западъ къ Дѣдичамъ и Копысю; сказавъ о залѣской дани въ Суздалѣ, неожиданно дьякъ переходитъ въ центръ княжества къ Вержавску на р. Вержѣ. Такимъ образомъ, княжеская канцелярія, перечисляя мѣстности, съ которыхъ шла десятина на епископію, не руководствовалась ихъ географическою связью, а чѣмъ то инымъ. Выпишемъ названія находящихся въ грамотѣ городовъ и волостей съ обозначеніемъ получаемыхъ съ нихъ княжес-

кихъ доходовъ. Вержавляне Великіе—1000 гр., Врочницы—200 гр., Торопецъ—400 гр., Жижецъ—130 гр., Касплд—100 гр., Хотшинъ—200 гр., Жабачевъ—200 гр., Вото. овичи—100 гр., Шуйская—80 гр., Демняны—30 гр., Ветская—40 гр., Былевъ—20 гр., Бортницы—40 гр., Витринъ—30 гр., Жидчичи—10 гр., Басея—15 гр., Мирятичи—10 гр., Добрятинъ—30 гр., Добрачковъ—20 гр., Бобровницы—10 гр., Дѣдогостичи—10 гр., Зарубъ—30 гр. Остановимся пока на этомъ. Вглядываясь внимательно, мы замѣчаемъ тутъ правильную періодичность въ размѣщеніи доходовъ: 1000 гр., 200 гр.; затѣмъ доходъ берется большій—400 гр.; спускается—130 гр.,—100 гр.; снова подымается 200 гр., 200 гр.; 100 гр., 80 гр., 30 гр.; опять возвышается—40 гр., 20 гр.; снова увеличивается—40 гр., 30 гр., 10 гр.; опять—15 гр., 10 гр.; новый рядъ—30 гр., 20 гр., 10 гр.—Мѣстности разбиваются на группы, и въ каждой такой группѣ онѣ размѣщаются по доходу въ нисходящемъ порядкѣ, и такъ перечислены онѣ всѣ. На основаніи этого мы можемъ сгруппировать города и волости Смоленской земли въ такіе отдѣлы:

I	II
Вержавляне В.—1000 гр. Врочницы—200 гр.	Торопецъ—400 гр. Жижецъ—130 гр. Касплд—100 гр.
III	IV
Хотшинъ—200 гр. Жабачевъ—200 гр. Вото. овичи—100 гр.	Шуйская—80 гр. Демняны—30 гр.
V	VI
Ветская—40 гр. Былевъ—20 гр.	Бортницы—40 гр. Витринъ—30 гр. Жидчичи—10 гр.
VII	VIII.
Басея—15 гр. Мирятичи—10 гр.	Добрятинъ—30 гр. Добрачковъ—20 гр. Бобровницы—10 гр.
IX.	X.
Дѣдогостичи—10 гр.	Зарубъ—30 гр.

Съ этого мѣста идетъ перечисленіе городовъ уже не групповое, а въ

разбивку. Такъ обозначены: Ження Великая—200 гр., Пацынь—30 гр., Солодовницы—20 гр. Несомнѣнно снова вмѣстѣ:

XI	XII.
Путтинъ—2 гр.	Дѣдичи—22 гр.
Бѣницы—2 гр.	Копысь—болѣе 12 гр.
	Прупой—10 гр.+X
	Кречютъ—10 гр.

Отдѣльно стоятъ Лучинъ—неизвѣстно, сколько дохода, такъ какъ онъ колеблется, и Оболвь—также съ измѣняющимся доходомъ; далѣе—Искона—40 гр; городъ Вержавскъ—10 гр., Лодейницы—10 гр. Очевидно, въ концѣ грамоты сгруппированы города и волости съ колеблющимися доходами или разбросанные въ различныхъ мѣстностяхъ, которыя въ умѣ писавшаго не соединялись никакой ассоціаціей идей. Мы не останавливаемся на городахъ, перечисленныхъ въ третьей грамотѣ, такъ какъ они размѣщены безъ всякаго порядка и почти всѣ легко опредѣляются. Теперь является другой вопросъ: на какомъ основаніи наша грамота соединяетъ топографическія названія въ группы? Отчего, напр., канцелярія князя не перечислила сначала всѣхъ мѣстностей, приносившихъ наибольшій доходъ, затѣмъ средній, потомъ наименьшій. Очевидно, мѣстности каждой изъ вышеуказанныхъ группъ въ отдѣльности чѣмъ-то связаны между собою. Слѣдовательно, мы можемъ предположить, прежде всего, что каждая изъ группъ лежитъ въ какой-то опредѣленной мѣстности, то есть въ той или иной части Смоленской земли, по той или иной рѣкѣ или по одному и тому-же водному пути, хотя бы въ послѣднемъ случаѣ онѣ географически значительно были удалены другъ отъ друга. Связи географической между отдѣльными группами можетъ и не быть, и въ то время какъ одна лежитъ на востокѣ (XI Путтинъ—Бѣницы), слѣдующая непосредственно на западѣ (XII Дѣдичи, Копысь, Прупой); двѣ рядомъ помѣщенныя въ грамотѣ группы (VII Басея—Миратичи и VI Бортницы, Витринъ, Жидчичи)—лежатъ одна (VII) на югѣ, другая (VI)—на сѣверѣ. Если мы теперь въ каждой изъ этихъ группъ опредѣлимъ хоть одну мѣстность, то этимъ самымъ приблизительно опредѣлится и положеніе всей группы. Спрашивается, на какомъ пространствѣ мы имѣемъ право искать всѣхъ городовъ и волостей Смоленской земли? Не очерчивая пока ея границъ, укажемъ только конечные ея пункты.

Лишь только мы ступимъ на югъ отъ озера Селигера, какъ тотчасъ попадаемъ въ Смоленскую землю. Начало рѣки Волги есть конечный сѣверный пунктъ ея [1]). На югѣ послѣднимъ городомъ Смоленскаго княжества былъ Зарой [2]), на р. Ипути, впадающей въ Сожъ. Но особенно велико было протяженіе Смоленской земли съ востока на западъ. Неоспоримо ей принадлежали берега рѣки Исмы, лѣваго притока Протвы, и Пахры, впадающей въ Москву, входившіе въ составъ Можайской области [3]). На западѣ крайнимъ предѣломъ былъ городъ Жидчичи, на р. Чернейкѣ, притокѣ Рудосвяты, впадающей въ Касплю съ лѣвой стороны [4]). Таково дѣйствительное пространство Смо-

---

[1]) „Мьстиславъ-же пойде *Серегеремъ и въниде въ свою волость* и рече Новгородьцемъ: „идете въ зажитиа толико головъ не емлете. Идоша, исполнишася кърма, и сами, и кони, и биша *върху Вълзѣ*". (Новгор. I лѣт. изд. 1888 г. стр. 200—201).

[2]) Въ 1154 году Юрій Долгорукій двинулся на Кіевъ и, чтобы обезпечить себѣ тылъ, „пойде *к волости Ростиславли*; Ростиславъ же слышавъ то, и тако скупя воя своя многое множьство, исполца полки своя и поиде противу ему *к Зарою*, ту-же и ста". Тутъ Ростиславъ дождался Юрія и заключилъ съ нимъ договоръ, въ силу котораго Юрій пошелъ далѣе къ Кіеву, а Ростиславъ вернулся къ Смоленску. (Ипатьев. Лѣт. стр. 328). Такимъ образомъ *Зарой*—пограничный городъ Смоленской земли. Вслѣдъ затѣмъ Юрій встрѣтился съ своимъ союзникомъ, Святославомъ Ольговичемъ, у Сининя Моста, бывшаго на границѣ области Святослава. Сининъ мостъ лежалъ въ области р. Судости (см. карту при трудѣ Багалѣя: „Исторія Сѣверской земли"). Къ сѣверо-западу отъ него на р. Ипути и лежалъ Зарой, который въ настоящее время носитъ названіе „Разрытий". (См. карту Шуберта листъ XLIV и Барсова: „Матеріалы для истор.-геогр. Словаря Россіи", стр. 76; Бѣляевъ: „Географическія свѣдѣнія" въ Запискахъ Имп. Рус. Геогр. Общ. 1852 г., кн. 2, стр. 105).

[3]) Можайскъ былъ захваченъ Москов. княземъ Юріемъ Даниловичемъ лишь въ 1303 г. (Воскр. Л. стр. 183—П. С. Р. Л. 7). Изъ духовной грамоты Димитрія Донскаго оказывается, что въ составъ Можайскаго удѣла входили волости: Исмея, Суговъ и др.; положеніе ихъ ясно опредѣляется рѣками: волость Исмея лежала по берегамъ р. Исмы, лѣваго притока р. Протвы; что эта волость принадлежала нѣкогда Можайску, мы узнаемъ не только изъ духовной кн. Димитрія, но также и изъ „Книгъ Можайскихъ пустимъ церковнымъ землямъ письма и межеванья Якова Данилова, сына Львова 7161 года", тамъ читаемъ: „церковное мѣсто, что была церковь Успенія Пречистыя Богородицы, *что былъ погостъ на рѣчкѣ на Исмѣ*"; въ другомъ мѣстѣ: „въ Ворсобинскомъ стану: церковное мѣсто, что была церковь страстотерпца Христова мученика Еоргія на погостѣ Еоргіевскомъ, что на р. на Исмѣ"; узнаемъ, такимъ образомъ, что Исмейская волость дѣлилась на станы, въ числѣ которыхъ былъ и Ворсобинскій. Что касается Сугова, то его положеніе опредѣляется рр. Сугинью и Сугинкой, при сліяніи которыхъ мы и помѣщаемъ центръ этой волости. (См. Карта Шуберта, листы 43 и 57; Собраніе Госуд. Гр. и Догов. 1813 г. ч. 1, 2, стр. 59; Можайскіе Акты 1506- 1775 г., сообщилъ архим. Діонисій. Спб. 1892 г., стр. 171 и 212).

[4]) „Въ Жидчичахъ 10 гривенъ, а епископу изъ того гривна" (Уставныя Грамоты Ростислава, Христоматія Буданова, Кіевъ. 1876 г. в. 1, стр. 223). Спустя много времени

ленской земли, какъ политическаго цѣлаго, въ періодъ наибольшаго могущества этого княжества, что совпадаетъ съ XII и XIII вѣками. Далѣе, съ XIV ст., это обширное государство начинаетъ урѣзываться, терять большіе куски своей территоріи, пока наконецъ къ началу XIV вѣка не уменьшается до объема нынѣшней Смоленской губерніи [1]). На очерченномъ обширномъ пространствѣ мы и должны отыскивать населенныя мѣстности, города и волости Смоленской земли.

Центромъ земли, ея политическою главою, являлся городъ *Смоленскъ*. Въ новѣйшее время онъ былъ расположенъ уже на правомъ, возвышенномъ берегу Днѣпра, но въ древнѣйшее время главная часть города лежала на лѣвой, низменной сторонѣ, что доказывается нахожденіемъ тамъ развалинъ церквей и монастырей. Еще Герберштейнъ, проѣзжавшій чрезъ Смоленскъ въ XVI ст., указывалъ на этотъ фактъ. Положеніе города было выбрано кривицкими колонистами весьма удачно: онъ лежалъ въ центрѣ двухъ великихъ водныхъ путей. Волокъ изъ Днѣпра въ Касплю начинался почти у Смоленска, а ѣдущій въ Новгородъ В. или въ Поволжье, долженъ былъ посѣтить его неизбѣжно. Городъ расположенъ былъ среди дремучихъ лѣсовъ; къ низменной части города примыкали обширныя болота, и только дѣтинецъ возвышался на нагорной сторонѣ. Въ немъ красовалась церковь Успенія Божіей Матери, каѳедральная церковь княжества, духовный центръ всей земли. Но еще въ очень отдаленное время городскія поселенія группировались и на горахъ въ дѣтинцѣ и вокругъ него. Городъ раздѣлялся на гору и Подоліе, и замѣчательно, какъ и Новгородъ В., на концы, изъ которыхъ случайно сохранились до насъ имена двухъ—

этотъ городокъ снова выплываетъ изъ мрака и тоже какъ важный пунктъ, уже въ стратегическомъ отношеніи, въ качествѣ форпоста между русскими и польскими владѣніями въ XVIII ст. (См. „Разграниченіе воеводства Витебскаго и государства Россійскаго“ въ 1777 г. въ Истор.-Юридич. матеріалахъ, извлечен. изъ актовыхъ книгъ губерній Витеб. и Могилев.“. Витебскъ. 1872 г., в. 3, стр. 352, 354).

[1]) Наши предшественники искали Смоленскую землю почти только въ Смоленской и Могилевской губерніяхъ, какъ Бѣляевъ op. cit.; у Барсова мы встрѣчаемъ колебанія, а Погодинъ (Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи, т. IV, Москва 1850 г. стр. 296—303) считаетъ Смоленское княжество беднѣйшимъ изъ всѣхъ; Довнаръ-Запольскій, ограничивающійся также почти исключительно Смоленской и Могилев. губерніями, постарался найти въ грамотѣ Ростислава руководящую нить для опредѣленія мѣстностей и остановился на географической послѣдовательности („Очеркъ Исторіи Кривицкой и Дреговичской земель“. Кіевъ. 1891 г. стр. 30).

Пятницкаго и *Крылошовскаго*. Послѣдній, по всей вѣроятности, лежалъ на восточной сторонѣ города, по рѣчкамъ Рачовѣ и Рачовкѣ. Вѣроятно, центрами этихъ концовъ были церкви, какъ напр. св. Параскевы—Пятницы въ Пятницкомъ концѣ. Предполагаютъ также существованіе Ильинскаго конца съ церковью св. Пророка Иліи; онъ лежалъ, можетъ быть, по рѣчкѣ Ильинкѣ. Около города, въ низменной мѣстности, на берегу Днѣпра, при впаденіи рѣчки Смядыни, находился знаменитый Смядынскій монастырь въ честь св. мучениковъ Бориса и Глѣба; развалины его сохранились и по настоящее время [1]). Мы еще будемъ говорить о выдающихся памятникахъ этого города нѣсколько ниже.

На недальнемъ разстояніи отъ Смоленска размѣщались ближайшія къ нему села, *Ясенское* и *Дросенское*, принадлежавшія епископской каѳедрѣ. Къ югу отъ города лежало *Доломостье*, а почти рядомъ

---

[1]) Guagnini: Sarmatiae Europeae Descriptio. Spirae: 1581 г., p. 79 v.; Cellarii: „Regni Poloniae magnique ducatus Lituaniae omniumque regionum juri polonico subjectarum descriptio“, Amstelodami. 1659 a, p.. 420; Герберштейнъ: „Записки о Московіи“, перев. Анонимова, Спб. 1866 г. стр., 109; изъ горъ, расположенныхъ вокругъ города, мы знаемъ: Васильевскую, Печерскую, Духовскую, Покровскую (Акты Москов. Государства, т. I, Спб. 1890 г. стр. 488, 99). Въ грамотѣ вел. князя Александра Литов. епископу Смоленскому Іосифу 1497 г. читаемъ:.... „а тыхъ людей, которыхъ передъ тѣмъ церковъ Божья и владыки Смоленскіе мѣли, предки его, въ *Пятницкомъ концы* и въ *Крыловскомъ концы*, и на *Васильевской горѣ*, и за Днѣпромъ, намъ къ мѣсту нашому отступился“; далѣе: „дали есмо къ церкви Божой Пречистой Соборной и владыцѣ: мѣстцо, землю съ одного, къ его людемъ тымъ, которые сѣдятъ *за Рачовою*, почонши отъ рѣки *Большоѣ Рачовы*, оба полъ дороги великоѣ, што идетъ къ перевозу объ одну сторону дороги до Днѣпра, а объ другую сторону дороги уверхъ Днѣпра *за Малую Рочовку*“. (Акты Зап. Россіи, т. I, № 144); относительно Смядыни лѣтопись даетъ положительныя свѣдѣнія: 1015 г.: „....и приде (Глѣбъ) ко Смоленьску, и поиде отъ Смоленьска, яко зрѣима, и ста на Смядинѣ въ корабли“; 1197 г.: „А самого (кн. Давида), несоша больна суща *в монастырь къ святома мученику Борису и Глѣбу на Смядыну*“ (Ипатьев. Лѣт. стр. 94 и 472). О Подолѣ говорится въ житіи св. Меркурія: „иди, человѣче, (говоритъ Богородица пономарю) къ рабу моему Меркурію *на Подоліе*“ (Буслаевъ: „Древне-русская народная литература и искусство“ т. II, Спб. 1861 г. стр., 188). Объ открытіи развалинъ этого монастыря см. Мурзакевича: „Объ открытіи древней княжеской гробницы въ окрестностяхъ города Смоленска“, въ Трудахъ и Лѣтописяхъ Общ. Ист. и Др. Росс. 1837 г., ч. VIII, стр. 307. Далѣе см. Мурзакевича: „Исторія города Смоленска“. Смоленскъ. 1804 г., стр. 40—52, 81—82; Никитина „Исторія города Смоленска“. Москва, 1848 г., стр. 7, 8, 27, 34 прим. 52; Максимова: „Обитель и Житель“ (Др. и Нов. Россія 1876 г. т. II, стр. 207). Обзоръ памятниковъ Смоленска мы относимъ къ слѣдующей главѣ.

съ нимъ волость *Погоновичи*, въ которой находился участокъ *Моишинская земля*, также отданная на содержаніе епископіи. Къ сѣверо-западу отъ Долгомостья, на лѣвомъ берегу Днѣпра были села *Нимикори*, озера которыхъ пожертвованы были церкви Святой Богородицы Смоленской. Къ югу-же отъ Смоленска находился укрѣпленный городокъ *Воищина*, какъ его форпостъ [1]).

Къ юго-западу отъ Смоленска, къ сѣверу отъ Днѣпра, почти на его берегу, лежали *Лодейницы* при озерѣ Купринскомъ. Они стояли при началѣ передаточного пути изъ Днѣпра въ Касплю и платили князю 10 гривенъ дани въ годъ [2]). Далѣе по водному пути, на бере-

---

[1]) „Село *Дросенское* со изгои и съ землей святѣй Богородици и епископу, и село *Ясенское*, и съ бортникомъ и съ изгои святѣй Богородици; и се есми далъ землю *въ Погоновичохъ Мойшинскую* святѣй Богородици и епископу; и *озера Нимикорская* и съ сѣножатьми"... (Уставная Грамота Ростислава, Будановъ--Христоматія, I, 225). Въ Литовской Метрикѣ упоминается дворецъ *Ясена*, (Любавскій: „Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-русскаго государства", Чтенія Москов. Общ. Ист. и Древ. Росс. 1892 г. кн. IV, стр. 269). Изъ жалованной грамоты Александра Смоленску 1505 г. видно, что Смоленскіе королевскіе намѣстники заставляли Смольнянъ сыпать пруды на *Есеной* (Акты З. Россіи, т. I, № 213). Очевидно, теперь это село Есеная на Днѣпрѣ ниже Смоленска при р. Ясеной. Село *Дросенское*—теперь с. Дресна при р. Дресенкѣ и Днѣпрѣ къ юговостоку отъ Смоленска (Списки населен. мѣстъ Смоленской губерніи № 323, 324, 786). *Погоновичи* упоминаются также въ судной грамотѣ кн. Казиміра 1475—1490 г., но уже какъ селище (Акты Зап. Россіи, т. I, № 70). Въ настоящее время с. Погоново Краснин. у. на р. Погоновкѣ (Списки См. губ. № 7944). *Долгомостье* упоминается въ житіи св. Меркурія: „Ты же выдь (говоритъ Богородица Меркурію) и ступай на мѣсто, называемое *Долгій мостъ*, потому что тамъ злой богоборецъ уготовилъ рати на мой городъ". (Буслаевъ op. cit. стр. 189). *Долгомостье* было населеннымъ мѣстомъ и въ XVII ст. (См. Акти Москов. Государства т. I, 1890 г., стр. 428); въ XVII ст. въ Долгомостьѣ существовала церковь св. великомученика Георгія (Привилегія Владислава IV, архіеп. Смолен. 1634 г., Акты Вилен. Коммиссіи т. I, стр. 70); а въ настоящее время—это село съ тѣмъ же именемъ Смоленск. у., на безъимян. рѣчкѣ (Списки насел. мѣстъ Смолен. губ. № 843) *Нимикори*—теперь село на Днѣпрѣ Немикари (Ibid. 929—930). Въ 1258 г.: „придоша Литва съ Полочаны *къ Смоленьску* і взяша *Воіщину* на щитъ". (Новгор. I Лѣт., стр. 278). Ясно, что *Воищина* была около Смоленска, чему вполнѣ и соотвѣтствуетъ Воиновщина дер. при р. Нагоги, Смол. у. (Списки населен. мѣстъ № 792 и Карта Шуберта листъ 44).

[2]) Помѣщая *Лодейницы* въ указанномъ мѣстѣ, мы руководствуемся слѣдующими соображеніями. Тутъ стоитъ теперь село Ладыжичи или Ладыжницы (См. Списки Смолен. губ. № 47, и карту Шуберта листъ 29). Разница въ именахъ крайне незначительна, и древнее „Лодейницы" легко могло измѣниться въ „Ладыжичи", „Ладыжницы". Имя „Лодейницы" произошло, очевидно, отъ занятій жителей приготовленіемъ лодей, необходимыхъ въ пунктѣ перегрузки товаровъ съ волока въ Днѣпръ, или обратно; жители занимались разгрузкой лодей, перегрузкой товара для отправленія черезъ волокъ, а ни одно мѣсто

гахъ рѣки Каспли лежала *Каспля*, центръ волости, платившая ежегодной дани 100 гривенъ. Эта значительная сумма платежа указываетъ на важное значеніе Каспли, стоявшей при началѣ Западнаго воднаго пути [1]). Къ сѣверо-западу отъ Каспли на р. Чернейкѣ были *Жидчичи*, платившіе 10 гр. годовой дани. Можетъ быть, жители этого поселенія также принимали какое-нибудь участіе въ перегрузкѣ и перевозкѣ товаровъ, вообще тѣмъ или инымъ способомъ промышляли, благодаря близости къ важному волоку [2]). Поднимаясь далѣе на сѣверъ по водному пути, мы достигаемъ Жижецкаго озера, на которомъ стоялъ *Жижецъ*, вносившій въ великокняжескую казну 130 гривенъ дани, бывшій также центромъ волости. Значительность этого ежегоднаго взноса объясняется положеніемъ *Жижца* на великомъ водномъ пути, на которомъ онъ является первымъ послѣ *Торопца* по своимъ торговымъ оборотамъ [3]). Самымъ сѣвернымъ конечнымъ пунктомъ на этой

такъ не соотвѣтствуетъ этому, какъ то, гдѣ стоятъ теперешніе Ладыжичи. По всей вѣроятности, они назывались въ XVII в. Ладыжинымъ, который является центромъ Ладыжинской волости. Въ Ладыжинѣ указывается церковь Рождества Пресвятыя Богородицы, а въ Ладыжинской волости—церковь святого Архангела Михаила (Привилегія Владислава IV архіепископу Смол., Черниг. и всей сѣверы. Акты Виленской Археогр. Коммиссіи, Вильна, 1865 г. т. I, стр. 69 и 70).

[1]) „А въ *Каспли* 100 гривенъ, а изъ того епископу взяти 10 гривенъ". (Уставная грамота Ростислава, Христоматія Буданова, стр. 222). Въ перемирной грамотѣ Василія III и Сигизмунда *Каспля* является волостью. Сигизмундъ обязуется въ перемирные годы ни воевати, ни зацѣпляти: „города Смоленска съ путми и съ волостми, что къ нему тянетъ, и волостей: Еловца........ *Каспли*" и т. д. (Сборникъ Император. Рус. Историч. Общества, т. XXXV; „Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностранными". Спб. 1882 г., стр. 638—639). Въ XVII в. *въ Каспли* была церковь Святителя Николая (Привилегія Владислава Архіепископу Смоленскому Креузѣ Реутскому 1634 г., Акты Вилен. Коммиссіи, т. I, стр. 70). *Каспля*—слобода Смоленской губ., Порѣчскаго уѣзда; при учрежденіи намѣстничества въ Смоленскѣ сдѣлана городомъ, который перенесенъ потомъ въ Порѣчье (Щекатовъ, Словарь Географическій Россійскаго Государства, Москва, 1804 г. т. III, стр. 389). См. Списки населен. мѣстъ Смолен. губерніи № 8570 и карту Шуберта листъ 28.

[2]) На мѣстоположеніе Жидичей мы указывали раньше. (См. прим. 4 на стр. 56).

[3]) „а *въ Жижци* дани 130 гривенъ, а съ того епископу взяти 13 гривенъ". (Уставная грамота Ростислава, Христоматія Буданова, стр. 222). Въ лѣтописяхъ онъ носитъ имя *Зижче* и *Жижичь*. Такъ въ Новгород. I лѣтописи подъ 1245 г. читаемъ: „а князь (Александръ Нев.) погонися по нихъ (за Литвой отъ Торопца) съ своимь дворомь і би я подъ *Зижьчемь*...." (Новгор. I Лѣт. изд. 1888 г. стр. 271; въ спискѣ Археогр. Коммиссіи варіантъ: „*Жизичемь*"); въ Воскресен. Лѣтописи: „и би ихъ подъ *Жижичемь*" (П. С. Р. Л. т. 7, стр. 152). Къ *Жижцу* тянула волость, какъ это видно изъ позднѣйшихъ документовъ.

главной торговой дорогѣ въ Смоленской землѣ былъ *Торопецъ*, платившій 400 гривенъ ежегодно. Мы уже говорили, что онъ въ древности носилъ еще названіе *Кривитебскъ*. Можно предполагать, что въ отдаленныя времена городъ находился тамъ, гдѣ существуетъ, въ полуверстѣ отъ него, городище на р. Торопѣ, съ валомъ изъ насыпной земли, носящее имя *Кривити* или *Кривитебскъ*, вслѣдствіе чего и за новымъ городомъ удерживалось въ преданіи старое названіе. Новый городъ былъ со всѣхъ сторонъ окруженъ водой: съ одной стороны у него озеро Соломено, а съ трехъ другихъ—р. Торопа и рѣчки Уклеинка и Смородинка. Рѣка Торопа раздѣляется у города на два рукава и затѣмъ вливается въ озеро Замковье. Замѣчательно, что часть рѣки между городомъ, т. е. дѣтинцемъ, и подгородіемъ до озера Замковья на пространствѣ версты не замерзаетъ, а въ самые сильные морозы покрывается льдомъ, всего дня на два, на три. По всей вѣроятности, въ этой-то части рѣки и была гавань Торопца. Благодаря водѣ Торопецъ пріобрѣлъ огромное значеніе въ торговомъ отношеніи, но благодаря ей-же ему грозила постоянная опасность. Такъ въ 1337 году городъ подвергся сильному наводненію, „потоне", по выраженію лѣтописи, что довершило бѣдствія отъ пожара, случившагося раньше. Кромѣ своей торговли, Торопецъ славился еще рыбными ловлями, столь значительными, что часть улова доставлялась великому князю Смоленскому, который нашелъ возможнымъ десятину этой своей части еще пожертвовать епископской каѳедрѣ [1]).

Такъ во время переговоровъ съ Литовскими послами въ 1503 году Московскіе бояре говорятъ: „а Велижъ, Озерцо, Плавѣецъ, *Жижецъ*, то волости Торопецкіе и нынѣ тянутъ къ Торопцу". (Сборникъ Имп. Рус. Ист. Общ., т. XXXV, стр. 395). Въ настоящее время—Жижецъ погостъ при озерѣ Жижцѣ Торопец. у., Псков. губ. (Списки населен. мѣстъ Псков. губерніи, № 12981).

[1]) „а въ *Торопчи* дани четыриста гривенъ, а епископу съ того взяти 40 гривенъ" .. „А се даю отъ *Торопча* отъ всѣхъ рыбъ, иже идеть ко мнѣ, десятину святѣй Богородици и епископу...." (Уставная грамота Ростислава, Христоматія Буданова, стр. 222 и 224); Новгород. I Лѣтоп. изд. 1888 г. стр. 333; Опись городовъ 1678 г. въ Дополн. къ Актамъ Истор. т. IX, № 106; Кириллова: „Цвѣтущее состояніе Россійскаго Государства", стр. 82 „Топографическія извѣстія, служащія для полнаго географическаго описанія Россійской Имперіи", Спб. при Имп. Ак. Н. 1771 г. т. I, ч. 1, стр. 389 и 392; „Городскія поселенія Россійской имперіи, т. IV, Спб. 1864 г., стр. 300; Митроп. Евгеній: „Исторія княжества Псковскаго", Кіевъ, 1831 г., стр. 29; Мурзакевичъ: „Исторія губернск. города Смоленска"; Смоленскъ, 1804 г., стр. 19. Города Торопецъ, Жижецъ и Касиля—соединены въ грамотѣ

Главная часть города Смоленска лежала на лѣвой сторонѣ Днѣпра, гдѣ, по всей вѣроятности, находился и княжескій дворецъ, въ которомъ писалась уставная грамота. Вотъ почему, переходя къ волости „*Бортницы*", княжескій писецъ выражается: „на оной сторонѣ". Этотъ городокъ вносилъ въ казну князя 40 гривенъ дани, величина которой обусловливалась близостью *Бортницъ* къ торговому пути черезъ рѣку Вотрю (Днѣпръ—Вотря—Елша—З. Двина—Кунья—Ловать). Въ такомъ-же положеніи былъ и *Витринъ*, платившій 30 гривенъ [1]).

Эти два поселенія переносятъ насъ къ великому водному пути (Днѣпръ—Вотря—Пола—Ловать). Отъ Смоленска онъ шелъ по Днѣпру, переходилъ въ р. Вопь, затѣмъ достигалъ устья рѣки Вотри. Тутъ, въ важномъ пунктѣ, гдѣ начиналась переправа товаровъ и людей чрезъ рядъ передаточныхъ рѣчекъ и озеръ въ р. Елшу, а черезъ нея въ Западн. Двину, въ этомъ важномъ пунктѣ лежали *Вотторовичи* [2]).

въ одну группу, хотя по мѣстности лежатъ далеко другъ отъ друга; пограничными городами съ запада ихъ назвать нельзя, особенно Торопецъ, западнѣе котораго лежатъ, какъ мы увидимъ тотчасъ, Клинъ и Дубровна. Очевидно, княжескій дьякъ въ основаніе положилъ здѣсь не пограничность и не совмѣстность, а ихъ *торговое значеніе*, какъ передаточныхъ пунктовъ изъ одной земли въ другую.

[1]) Мы беремъ для *Бортницъ* нынѣшнее село Бортники Духовщин. у. Смолен. губ. на р. Клюшнѣ (Смолен. Списки № 6246 и карта Шуберга листъ 48). Въ Уставной Грамотѣ сказано: „а *въ Бортницѣхъ на оной сторонѣ* 40 гривенъ, а изъ того епископу 4 гривны; а *въ Витринѣ* дани 30 гривенъ, а изъ того епископу три гривны". (Уставная грамота Ростислава, Христоматія Буданова, стр. 222—223). Бортники, которые мы беремъ, дѣйствительно, за Днѣпромъ, „на оной сторонѣ", является ближайшимъ поселеніемъ. Недалеко отъ него, въ томъ-же направленіи отъ Смоленска, мы находимъ сельцо *Вѣтрицу* на р. Вотрицѣ, притокѣ Вотри. (Семеновъ: Географическій Словарь, т. I, стр. 585 и Списки населен. мѣстъ Смолен. губерніи, № 6116). Уставная грамота соединяетъ Бортничи, Витринъ и Жидчичи въ одну группу. Тутъ основаніемъ послужило мѣстонахожденіе всѣхъ ихъ трехъ къ сѣверу отъ Днѣпра, „на оной сторонѣ". Здѣсь они являются, дѣйствительно, самыми близкими къ Смоленску поселеніями „на оной сторонѣ".

[2]) „а въ *Вотоовичи* дани 100 гривенъ, а изъ того епископу взяти 10 гривенъ" (Уставная Грамота Ростислава). „Вотоовичи" такъ напечатано въ Христоматіи г. Буданова, но сразу уже чувствуется, что тутъ чего-то недостаетъ. „Вотоовичи" чуждо русскому уху съ своимъ стеченіемъ двухъ гласныхъ. Оказывается, что здѣсь невѣрная транскрипція. На этомъ мѣстѣ въ рукописи дефектъ, съ обозначеніемъ котораго и напечатано это слово въ изданіи Археографической Коммиссіи: Вото.овичи. (Дополненія къ Актамъ Историч. т. I, № 4, стр. 6). Дѣлались различныя попытки возстановить это слово въ настоящемъ видѣ, вставкой какой нибудь буквы. Мы видѣли уже и еще увидимъ, что волости волу-

Они платили 100 гривенъ, что́ стояло въ связи съ ихъ важнымъ торговымъ значеніемъ. Далѣе на этомъ пути, на берегу р. Ельмы стоялъ городъ *Лучинъ*. Остается неизвѣстнымъ, сколько онъ платилъ полюдья, что касается мыта и пошлинъ съ корчемъ, то тутъ количество взноса должно было измѣняться по обстоятельствамъ [1]).

Перейдемъ теперь на сѣверъ. Между р. З. Двиной въ верхнемъ ея теченіи и р. Торопой, при озерѣ Песно, мы предполагаемъ мѣстонахожденіе *Врочницъ*. Врочницы ежегодно вносили въ княжескую казну 200 гривенъ. Мы видѣли, что верховья Волги принадлежали Смоленской землѣ, такимъ образомъ въ рукахъ Смоленскихъ Кривичей оказывается начало великаго восточнаго пути. По нашему мнѣнію, тутъ, у начала, Волги находились два значительныхъ въ торговомъ отношеніи пункта Смоленской земли, *Хотшинъ* и *Жабачевъ*, вносившіе князю по 200 гривенъ ежегодной дани. Хотшинъ лежалъ на Волгѣ, а Жабачевъ у озера Сабро [2]). Далѣе вверхъ по теченію

чаютъ имя по рѣкамъ и рѣчкамъ, какъ волости Каспля, Жижецъ. На основаніи этого мы вставляемъ букву *р.*. *Вотoровичи* соотвѣтствуютъ рѣкѣ Вотрѣ или Отрѣ, а въ древнѣйшее время она могла быть Вотъря, откуда и образовалось современная Вотря. Положеніе Вотoровичей вполнѣ соотвѣтствуетъ и количеству платимой ими дани.

[1]) Списки населенныхъ мѣстъ Смолен. губерніи № 9310 и карта Шуберта листъ 43. Опредѣленіе мѣстонахожденія Лучина см. выше примѣч. 3 на стр. 10.

[2]) Говоря откровенно, мы не имѣемъ никакой возможности опредѣлить мѣстонахожденія *Врочницъ*. Въ Уставной грамотѣ Ростислава говорится: „а во Врочницѣхъ.... гривенъ, то ти взяти изъ того епископу 20 гривенъ" (Христоматія Буданова, стр. 222). Слѣд. Врочницы платили 200 гривенъ. Никакихъ другихъ указаній мы не имѣемъ; никакихъ населенныхъ мѣстъ съ такимъ именемъ нѣтъ. Не выдавая свое рѣшеніе за конечное, мы руководствуемся при нанесеніи Врочницъ на карту двумя соображеніями. Высокая дань показываетъ, что Врочницы стояли въ какомъ-то важномъ пунктѣ. Затѣмъ имя „Врочницы", очевидно, произошло отъ „Урочницы", отъ слова „урокъ". Единственными подходящими именами изъ современныхъ были-бы Рокинцы, Роковичи, но такихъ подходящихъ нѣтъ, но за то есть *Роково*, Торопецк. у. Псков. губерніи, при оз. Песно. Географ. положеніе этого мѣста могло поднять населеніе до возможности вносить ежегодно 200 гр., а названіе древнее могло измѣниться (Списки населен. мѣстъ Псков. губ. № 12720; карта Шуберта листъ 43). „А въ *Хотшинѣ* 200 гривенъ, а изъ того епископу взяти 20 гривенъ; а въ Жабачевѣ дани 200 гривенъ, а изъ того епископу взяти 20 гривенъ". (Устав. Грамота Ростислава, Христоматія Буданова, I, 222). Много есть Хотѣевыхъ, Хотинокъ и т. д., какъ Жабиныхъ, Жабій и т. п., но ни въ одномъ случаѣ нѣтъ такого близкаго совпаденія по имени, какъ Хотшинъ и Хотошино, и близости теперешняго Жабья съ послѣднимъ. Притомъ оба они находятся именно въ такой мѣстности, которая могла дать жителямъ 200 гривенъ дани. Повторяемъ, что не выдаемъ свое рѣшеніе за абсолютно

Волги лежала *Ржевка*, укрѣпленный пунктъ, закрывавшій верховья волжскаго пути со стороны Суздальской земли. Какъ можно предположить, онъ всегда тянулъ къ Торопцу. По крайней мѣрѣ въ XIII ст. Ржевка принадлежала торопецкому князю Мстиславу, и въ лѣтописи является какъ „городець Мстиславль". Теперь это городъ Ржевъ [1].

Перейдемъ теперь снова на Днѣпръ и двинемся вверхъ по его теченію отъ устья р. Вопи. Тутъ мы встрѣтимъ на берегу Днѣпра прежде всего *Сверковы Луки*. Это былъ центръ волости, отданной, какъ кажется, въ собственность епископской каѳедрѣ. По дорогѣ на востокъ, Сверковы Луки являлись станціей между Дорогобужемъ и Смоленскомъ. Въ этой волости находилось гдѣ-то и озеро *Колодарское*, бывшее во владѣніи Смоленской епископіи [2]). Почти на равномъ разстояніи отъ Сверковыхъ Лукъ и Дорогобужа лежалъ *Жуиградъ*, небольшой городокъ, нѣчто въ родѣ форпоста Дорогобужа [3]). Самъ *Дорого-*

вѣрное. Что касается Жабыня, встрѣчающагося въ позднѣйшихъ документахъ, то онъ, несомнѣнно, находился далеко на юговостокѣ, куда не заходили Смоленскія владѣнія (Сборникъ Имп. Рус. Истор. Общ., т. XXXV, стр. 118, 120 и др:). Списки населен. мѣстъ Тверской губерніи № 8514 и 8997; карта Шуберта листъ 42.

[1]) Для опредѣленія положенія Ржевки ясное указаніе даетъ разсказъ лѣтописи подъ 1216 годомъ: Князь-же (Мстиславъ) с Новогородци быша верху Волгы, и князь Святославъ (Всеволодовичъ) обшелъ *городець Ржевку Мстиславль* с полкы въ 10000, Мьстиславъ же съ Владимеромъ с Плесковьскымъ поиде вборзѣ въ 500, толко бо всѣхъ вой бяше, и пригониша, а они бяху побѣгли прочь; Ярунъ затворися въ градѣ въ 100, и отбися ихъ, и Мьстиславъ взя Зубцевъ". (Лавр. Лѣт. по Академ. списку, стр. 467). Отъ верховьевъ р. Волги первый городъ и является нынѣшній Ржевъ; недалеко отъ него лежитъ и Зубцевъ внизъ по Волгѣ. Что касается отождествленія Ржевки съ городомъ Вержавскомъ, то объ этомъ мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ.

[2]) „...и на *Сверковыхъ Лукахъ* сѣножати и уѣздъ княжъ, озеро *Колодарское* Святѣй Богородици". (Уставная Грамота Ростислава, Христоматія Буданова, I, стр. 225). Въ 1503 г. литовскіе послы представили списокъ Смоленскихъ волостей, между которыми находимъ: „*волостька пречистой Богоматери владычня, Сверковы Луки*". (Сборникъ Имп. Рус. Историч. Общ. т. XXXV, стр. 395 и 400; см. также Сборникъ Муханова, 1866 г. стр. 126—127). „А землею отъ *Дорогобужа* до *Сверковыхъ Лукъ* 10 в., а отъ Сверковыхъ Лукъ до Смоленска 50 в..." („Путь отъ Москвы до Смоленска", Временникъ Моск. Общ. Ист. и Др. Росс. 1852 г., кн. 15, стр. 47—48). Въ документѣ XVII в Сверковы Луки названы Свирцовы Луки; въ нихъ была церковь Успенія Пресвятой Богородицы. (Привилегія Владислава IV, архіепископу Смоленскому 1634 г., Акты Вилен. Археогр. Коммиссіи, т. I, стр. 69). Теперь на Днѣпрѣ село Сверколучье. (Списки насел. мѣстъ Смолен. губ. № 5106).

[3]) „Того-же лѣта (1301 г.) князь Александръ Глѣбовичъ Смоленскій хотя ратію къ *Дорогобужу*, *Жуиградъ* оступи и воду отня". (Татищевъ: Исторія Россійская, т. IV,

бужъ, всегда хорошо укрѣпленный городъ, служилъ оплотомъ Смоленска съ востока, вслѣдствіе чего великіе князья Смоленскіе старались всегда держать его въ своихъ рукахъ. Проѣхавъ Дорогобужъ и поднявшись еще вверхъ по Днѣпру, мы приходимъ къ весьма важному пункту въ торговомъ отношеніи. По берегамъ рѣки Вержи, впадающей въ Днѣпръ съ лѣвой стороны, лежали девять погостовъ, *Вержавляне Великіе*, съ своимъ центромъ, городомъ *Вержавскомъ*. Вержавляне Великіе вносили въ княжескую казну ежегодно 1000 гривенъ дани, которая, впрочемъ, могла колебаться, а самъ городъ ихъ *Вержавскъ* платилъ 30 гривенъ. Высокое матеріальное благосостояніе погостовъ обусловливалось ихъ положеніемъ въ узлѣ путей на сѣверъ съ верховьевъ Днѣпра въ Обшу и на востокъ въ Вазузу [1]).

Теченіе р. Обши, въ которую переходилъ водный путь съ верховьевъ Днѣпра, закрѣплялось за Смоленской землей городомъ *Бѣлымъ*.

стр. 82). Мы беремъ для *Жуиграда* село Городокъ, между Дорогобужемъ и Сверковыми Луками (Карта Шуберта листъ 44), но должно сказать, что другія лѣтописи, говоря о томъ-же событіи, совершенно не упоминаютъ о Жуиградѣ.

[1]) ....*у Вержевлянѣхъ у Великихъ* 9 погостъ, а въ тѣхъ погостѣхъ платнтъ ктожъ свою дань и передмѣръ истужницн по силѣ, кто что мога, а въ тѣхъ погостехъ а нѣкоторый погибнеть, то ти и десятины убудеть, а въ тыхъ погостехъ во всѣхъ сходится дани осмъ сотъ гривенъ, а передмѣра сто гривенъ, а на истужницѣхъ сто гривенъ, то ти изъ того взяти епископу къ Святѣй Богородици сто гривенъ....“; ...„*у Вержавску* въ городѣ три гривны десятины святѣй Богородици“. (Уставная грамота Ростислава, Христоматія Буданова, I, стр. 221—222, 224). Отождествлять Вержавскъ съ Ржевомъ не представляется возможности. Мы не знаемъ когда именно, но Ржевъ отходитъ во владѣнія Новгорода В. Отъ конца XV ст. до насъ дошло „Списанье князей и бояровъ Смоленьскихъ за его милости короля Польскаго и в. князя Литовского Казимира“ 1492 г. Въ немъ между прочимъ говорится: „За Днѣпромъ бояре *у Верьжанскомъ пути* Лукьянъ Лопъшевичъ, Васько Горъшовичъ, братъ его Ивашъко...“ (Описаніе рукописей Румянцевскаго Музея, стр. 129), а между тѣмъ Ржева (Ржевъ) въ это время находилась уже во владѣніи князей Тверскихъ (Борзаковскій: Исторія Тверского княжества, Спб. 1876 г., 45—46; почтенный авторъ отождествляетъ Ржевъ съ Вержавскомъ, но съ этимъ нельзя согласиться). Слѣд. Казиміръ не могъ имѣть въ виду этого города, какъ ему не принадлежащаго. См. также Любавскаго: „Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-русскаго государства“. (Чтенія Москов. Общ. Ист. и Др. Росс. 1892 г. т. IV, стр. 272). На основаніи сказаннаго приходится признать *Вержавскъ* въ теперешней Вержѣ, селѣ на одноименной рѣкѣ (Карта Шуберта листъ 43. См. также примѣчаніе 5 къ Уставнымъ грамотамъ Ростислава у г. Буданова). Что касается Дорогобужа, то онъ упоминается въ грамотахъ Ростислава (Христоматія Буданова, I, стр. 228) въ XII ст, а въ XIV в. является городомъ, не всегда покорнымъ Велик. Князю Смоленскому. См. напр. Лавр. Лѣтоп. подъ 1300 г. по Академ. списку, стр. 461. Теперь уѣздн. городъ Смоленской губерніи.

По преданію, онъ былъ основанъ первоначально верстъ на 30 выше, при устьи р. Бѣлой, отъ которой и получилъ свое имя. Назывался онъ также и *Богородиченъ*. Городъ былъ окруженъ дремучими лѣсами и очень хорошо укрѣпленъ. Его глубокую древность доказываютъ разсыпанные въ окрестностяхъ курганы [1]).

Въ Суздальскую землю изъ Смоленской существовало, какъ мы видѣли выше, двѣ дороги: одна черезъ Вазузу (Вазуза—Волга), другая черезъ Вязьму (Вязьма—Жижала—Воря—Колоча). Между двумя рѣками, Днѣпромъ и Вазузой, на одномъ изъ незначительныхъ притоковъ перваго, надо предполагать мѣстонахожденіе *Солодовничей*, вносившихъ въ княжескую казну 20 гривенъ [2]). На рѣкѣ Вязьмѣ стоялъ важный въ торговомъ и политическомъ отношеніи городъ *Вязьма*. Несомнѣнно, это одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ Смоленской земли. Въ XI ст. онъ уже существовалъ, имѣлъ нѣсколько церквей, монастыри. Въ политическихъ событіяхъ земли Вязьма начинаетъ принимать участіе въ XIV столѣтіи. Возникновеніемъ своимъ на этомъ мѣстѣ онъ, безъ всякаго сомнѣнія, обязанъ важности этого пункта въ торговомъ отношеніи: тутъ, какъ мы видѣли, происходила нагрузка товаровъ съ востока для отправки ихъ внизъ по Днѣпру. Вязьма всегда была сильно укрѣплена [3]).

---

[1]) *Бѣлый* выступаетъ на исторической сценѣ въ XIV в. Въ 1359 году Смольняне ходили уже на *Бѣлый*, чтобы воротить его подъ свою власть отъ Литвы. (Никон. Лѣт. Спб. 1786 г. ч. III, стр. 213; Татищевъ: „Исторія Россійская“, т. IV, стр. 189; Карамзинъ: „Исторія Государства Россійскаго“, Спб. 1842 г., ч. IV, стр. 182—183, примѣч. 395). Guagnini Descriptio Sarmatiae Europeae“. Spirae, 1581 г., р. 80; Смоленскій Вѣстникъ 1888 г. № 52; Герберштейнъ: „Записки о Московіи“, Перев. Анонимова, Спб. 1866 г. стр. 109; Городскія поселенія Россійской Имперіи. Спб. 1864 г., т. 4, стр. 586.

[2]) „*въ Солодовницьхъ* 20 гривенъ, изъ того Святѣй Богородици и епископу 2 гривны“. (Уставная грамота Ростислава, Христоматія Буданова, стр. 223). И въ настоящее время тутъ стоитъ д. Солодовня, Сычев. у. Смолен. губ. (Списки насел. мѣстъ Смолен. губерніи, № 10625; см. также примѣч. 22 на стр. 223 Христоматіи Буданова.

[3]) Городскія поселенія Росс. Имперіи. Спб. 1864 г., т. IV, стр. 591; Герберштейнъ: „Записки о Московіи“ Спб. 1866 г., стр. 109; Guagnini: „Omnium regionum Moschoviae monarchae subjectarum.., descriptio“, въ Rerum Moscoviticarum auctores varii“. Francoforitc. MDC. р. 161; „Того-же лѣта Олександръ Глѣбовичь ис Смоленьска приходилъ ратію къ Дорогобужю, и оступя городъ воду отъялъ; Андрей *Вяземьскый* князь приде с *Вяземици* и поможе Дорогобужьцемъ...“ (Лавр. Лѣт. по Академич. списку, стр. 461, подъ 1300 годомъ). Этотъ важный пунктъ является съ начала XV ст. яблокомъ раздора между Литвой и Москвой. См. Супрасльс. Лѣт. подъ 1403 г., стр. 136; Никон, Лѣтоп. ч. 4, изд. 1788 г.

На водораздѣлѣ между рр. Вазузой и ея притокомъ Гжатью стоялъ, какъ намъ кажется, *Былевъ*. Онъ платилъ князю 20 гривенъ дани, изъ которыхъ епископъ получалъ десятину [1]).

Къ юго-востоку отъ Былева на рѣчкѣ *Дѣдовкѣ* стояли *Дѣдогостичи*, вносившіе князю 10 гривенъ ежегодной дани [2]).

Волоки между Вазузой и Окской системами, т. е. между верховьями рѣкъ Москвы и Протвы, были закрѣплены цѣлымъ рядомъ поселеній. Тутъ стояли *Болонескъ*, *Ветца* и *Вышнее Глинско*, со своими волостями. *Ветская* волость упоминается еще въ уставной грамотѣ Ростислава, въ XII в., когда она вносила князю ежегодной дани 40 гривенъ. *Болонескъ* лежалъ, какъ надо думать, при устьѣ рѣки Оболони, впадающей въ Гжать, и *Вышнее Глинско* у самыхъ верховьевъ р. Москвы [3]).

подъ 1406 г., стр. 316 и опять Супрасльс. Лѣт. подъ 1493 г., стр. 140. Что Вязьма существовала какъ городъ въ XI ст., доказывается слѣдующими обстоятельствами. Мы знаемъ, что преподобный Евфремъ, архимандритъ Борисоглѣбскаго Новоторжскаго монастыря, умеръ въ 1053 году. Ближайшимъ ученикомъ его былъ Преподобный Аркадій Новоторжскій, происходившій родомъ изъ города *Вязьмы*. (Архіеп. Филаретъ: Русскіе Святые, Январь. Черниговъ. 1861 г., стр. 118—122; Барсуковъ: „Источники русской агіографіи". Спб. 1882 г., стр. 57, 56, 195—196; Архим. Леонидъ: „Святая Русь", 1891 г., стр. 124). Городу Вязьмѣ посвященъ особый трудъ г. Виноградова: „Историческій очеркъ города Вязьмы". Москва. 1890 года.

[1]) „а на *Былевѣ* дани 20 гривенъ, а и епископу изъ того 2 гривны" (Устав. Грам. Ростислава, Христоматія Буданова, стр. 222). Нигдѣ нѣтъ *Былева*. Но въ XV ст. мы находимъ поселеніе, принадлежавшее даже особому князю изъ рода Вяземскихъ и по имени напоминающее Былевъ. Въ 1490 г. Казимиръ Литовскій жалуется на нарушеніе мирнаго договора Москвичами: „а князя Васильеву *Бывалецкаго* волость Негомиръ, а другую Сочивки такежъ звоевали и выбрали и много шкотъ починили" (Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ., т. XXXV, стр. 49 и 74). И въ настоящее время существуетъ с. *Бывалицы* или Холмъ. Старый *Былевъ* могъ съ размноженіемъ князей сдѣлаться центромъ небольшого удѣла, какъ городъ старинный, къ которому принадлежала даже и нынѣшняя Сычевка, а имя могло легко измѣниться съ сохраненіемъ однакоже первоначальнаго смысла. (Списки населен. мѣстъ Смолен. губ., № 3498 и Любавскій (oр. cit., Чтенія, 1892 г., т. IV, стр. 284).

[2]) Мы помѣщаемъ *Дѣтогостичи* именно здѣсь, во первыхъ, вслѣдствіе удивительнаго совпаденія. Тутъ стоитъ село *Гостевое* на р. *Дѣдовкѣ*, отчего и могло произойти названіе *Дѣдогостичи*. Со временемъ обозначеніе рѣчки отпало и осталось Гостевое. (Списки населен. мѣстъ Смолен. губерніи, № 4069). Во вторыхъ, еще и потому, что *Дѣдогостичи*, по нашему мнѣнію, принадлежатъ къ группѣ восточныхъ поселеній, о которыхъ мы сейчасъ будемъ говорить.

[3]) Въ Духовной грамотѣ Дмитрія Донского 1389 г. указаны слѣдующія *Можайскія* волости: Исмея, Числовъ, Боянь, Берестовъ, Поротва, Колоча, Тушковъ, *Вышнее Глиньско*, Пневичи съ Загорьемъ, *Болонескъ*, Коржань; Верея, Рудь, Горшевичи, Гремичи, Заберега,

Далѣе, внизъ по теченію Москвы, былъ расположенъ *Тушковъ*, а къ востоку отъ него, по рѣкѣ Исконѣ, впадающей съ лѣвой стороны

. . . .

Сутокъ и села Рѣпинское и Ивановское въ Громичахъ. (Собр. Госуд. Грамотъ и Догов. 1813 г., ч. I, 2, стр. 50). Очевидно, всѣ эти волости существовали еще и въ то время, когда Можайскъ со всѣми своими волостями принадлежалъ Смоленской землѣ. Кромѣ этого соображенія, въ пользу принадлежности всѣхъ этихъ волостей Смоленской землѣ говорятъ и данныя о нѣкоторыхъ изъ нихъ въ отдѣльности, которыя будутъ нами указаны въ своихъ мѣстахъ. Потомъ уже, гораздо позже, явились волости Боровскія, Медынскія, Верейскія, даже въ видѣ отдѣльныхъ княжествъ. Вотъ почему, въ спорахъ между уполномоченными Литвы и Москвы, каждый разъ были правы обѣ стороны, смотря на вопросъ съ двухъ различныхъ точекъ зрѣнія, хотя одинаково историческихъ. Уполномоченные Литовскіе называютъ напр. *Путынь* волостью *Смоленскою*, что и вѣрно, ибо она принадлежала землѣ Смоленской, какъ видно даже изъ грамоты Ростислава, а бояре Московскіе утверждаютъ, что это волость *не* Смоленская, а *Боровская*, основываясь на позднѣйшемъ дробленіи. Теперь въ частности о *Болонескѣ*. Въ Можайскихъ Актахъ онъ носитъ названіе *Болонскій* и *Оболонскій* или *Оболенескій* (Можайс. Акты. Спб. 1892 г., стр. 198). Онъ, очевидно, носилъ имя по рѣкѣ *Оболони*, на которой находился его центръ. Его не должно смѣшивать съ Оболенскомъ на р. Протвѣ, недалеко отъ впаденія ея въ Угру. Болонескъ Смоленскій лежалъ по р. *Оболони*, *Гжати*, *верхнему теченію Вори* и *Ворьки*. Вотъ этому доказательства: „*Въ Болонскомъ стану*: въ Андреевской вотчинѣ Блешина, село Ворганово, а нынѣ та вотчина село Ворганово за Григорьемъ Бокоревымъ *на рѣкѣ на Большой Вори* и устья *на Малой Ворки*“ (стр. 198); „пустошь, что была погостъ Рождественской *на рѣчкѣ на Жати*“. (Ibid); „Церковное мѣсто, что была церковь Николы Чудотворца пустошь, что *въ Оболенску* на рѣчкѣ на *Джати*“ (стр. 175). Положеніе Болонеска опредѣляется также съ достаточною ясностью изъ разсказа лѣтописца Игнатія Смольнянина о походѣ Смоленскаго князя въ 1370 г. на Москву съ Ольгердомъ. „И [illegible] Святославъ *Паршину* и отпусти вся люди тоя земли къ граду Смоленску... и [illegible] *Болонескомъ*, а [illegible]“. (Правосл. Палестин. Сборникъ. Спб. 1887 г., в. 12, стр. 51). [illegible] Болонескій [illegible] находится какъ разъ на прямой дорогѣ отъ Протвы къ Смоленску. „...а въ Болонескѣ дани 40 гривенъ, а изъ того [illegible] четыре гривны“. (Уставная грамота Ростислава. Хрестоматія Буданова. I, стр. 222). Вмѣстѣ съ М. Ф. [illegible] на [illegible] с. [illegible] на [illegible] (Списки Насел. мѣстъ Смоленской губерніи, № [illegible]). [illegible] Ветлицу и [illegible] въ одну группу. Намъ кажется, что [illegible] [illegible] [illegible] Гжатью, а [illegible] — [illegible] — [illegible] съ Москвой. [illegible] [illegible] географическія [illegible] [illegible] Смоленской губерніи, № [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]

въ Москву, была расположена область *Искона*, заключавшая въ себѣ станы *Искону*, или *Боянь*, и *Берестовъ*[1]).

---

[1]) Мы видѣли въ вышеприведенной духовной грамотѣ Дмитрія Донского волости: *Боянь*, *Берестовъ*, *Тушковъ* (см. предыдущее примѣчаніе), гдѣ онѣ названы волостями *Можайскими*. Въ Можайскихъ Актахъ находимъ: „Церковное мѣсто, что была церковь Бориса и Глѣба что въ пустоши на погостѣ *Тушковѣ городищѣ* на Москвѣ рѣкѣ". (Можайск. Ак., стр. 170); „Церковное мѣсто, что была церковь Рождества Пречистыя Богородицы пустошь, что былъ погостъ *Тушкова*" (Ibid. 172). Въ настоящее время на этомъ мѣстѣ стоитъ с. *Тушково (Городище)* при р. Москвѣ (Списки насел. мѣстъ Москов. губерніи, № 4282 и карта Шуберта листъ 43). Въ тѣхъ-же Можайскихъ Актахъ мы находимъ данныя и для *Искони* и *Бояни*: „*Въ Исконскомъ стану*: церковное мѣсто, что была церковь Воздвиженія Честнаго и Животворящаго Креста Господня, пустошь, что была въ сельцѣ Березникахъ..." (Можайск., Ак. стр. 181); въ другомъ мѣстѣ (стр. 206) повторяется тоже, съ прибавкой, что Березники лежатъ на р. Карбакѣ. Далѣе. „*Въ Исконибоянскомъ* стану: церковь Покрова Пречистыя Богородицы въ Васильевѣ помѣстьѣ Елчина въ селѣ Милятинѣ на рѣчкѣ на Искони" (стр. 207). *Въ Исконскомъ-же* и *въ Боянскомъ* стану: „церковное мѣсто, что была церковь страстотерпца Христова мученика Георгія на государевѣ землѣ, что былъ погостъ Георгіевскій на рѣчкѣ *на Рузѣ*" (Ibid); „въ томъ же стану: церковныя пустоши: пустошь Попова, что дана къ Дмитрію Селунскому въ селѣ Лисовинѣ.... да пустошь-же дана Дорминова къ церкви къ Вздвиженію Честнаго Животворящаго Креста Господня, *что* въ селѣ Березникахъ". (Ibid). Въ Писцовыхъ книгахъ XVI ст. мы находимъ: „*Станъ Исконской и Боянъ*... за Григорьемъ за Григорьевымъ сыномъ Тарусинова, что было въ помѣстьѣ за Михайломъ за Бутурлинымъ: деревня Артемонова..." (Писцов. книги Москов. государства, изд. Имп. Рус. Геогр. Общ. Спб. 1877 г., стр. 822). Въ Уставной грамотѣ Ростислава читаемъ: „*во Исконѣ* дани 40 гривенъ, а изъ того Святѣй Богородици и епископу 4 гривны". (Уставная грамота Ростислава, Христоматія Буданова, стр. 224). Большая часть селъ, упомянутыхъ въ отрывкахъ, приведенныхъ нами изъ Писцовыхъ книгъ, существуютъ и въ настоящее время, что и даетъ возможность думать, что *Исконскій-Боянскій* станъ занималъ всѐ пространство между рѣками Иночью, Исконой и Рузой, съ центромъ, лежавшимъ на р. Исконѣ, но при этомъ нижнее теченіе р. Исконы уже входило въ станъ *Берестовъ*. Берестовъ также упоминается въ Можайскихъ Актахъ: „*Въ Берестовѣ* стану: церковное мѣсто, что была церковь Ильи Пророка въ пустоши, что былъ погостъ *Берестовъ на рѣчкѣ на Исконѣ*" (Мож. Акты, стр. 209). Въ настоящее время это- -село *Берестово* при *р. Исконѣ*. (Списки населен. мѣстъ Москов. губерніи, № 5010; карта Шуберта листы 43 и 57). Въ „Атласѣ Россійскомъ... стараніемъ и трудами Императорской Академіи Наукъ" Спб. 1745 г., на картѣ Москов. губернія обозначена *р. Обоянь*, какъ притокъ р. Гжати, что давало бы возможность по ея берегамъ помѣстить станъ Боянь или Обоянь. Но на картѣ академика Шмида 1773 г. также обозначена эта рѣчка, хотя и не названа, а у верховьевъ ея помѣщено с. *Дятлово*. Въ Можайскихъ Актахъ мы читаемъ: „Сына боярскаго Микитинское помѣстье Некрасова сына Жеглова пустошь, что было село Никольское *Дятлово на рѣкѣ на Оболонѣ* (стр. 197)". И теперь существуетъ это село на томъ же мѣстѣ (Карта Шуберта, листъ 43). Такимъ образомъ выясняется ошибка составителей Академическихъ картъ.

Еще далѣе на востокъ, на водораздѣлѣ между рѣками Москвой и Ламой, было *Загорье*, принадлежавшее къ волости *Пневичамъ*[1]).

По рѣкѣ Колочѣ, впадающей въ Москву, была расположена волость *Колочи*[2]). Южнѣе ея по берегамъ рѣки Протвы лежала волость *Поротва*[3]), занимавшая, какъ кажется, лишь верхнее теченіе указанной рѣчки, потому что среднее теченіе было занято другой волостью *Вереей*[4]).

Въ р. Протву впадаетъ съ сѣвера небольшая рѣчка Борженка, а на ней стояла *Коржань*[5]), а на другомъ притокѣ Берегѣ, была расположена волость *Заберега*[6]), прямо на югъ отъ которой лежала волость *Рудь* по рѣчкѣ того-же имени, впадающей также въ Протву[7]).

---

[1]) См. Духовную грамоту Димитрія Донскаго въ примѣч. 3 на стр. 67. Въ XVII ст. мы находимъ *Загорье* пустошь въ Рузскомъ уѣздѣ; тутъ-же находится и сельцо *Пенье*, можетъ быть, соотвѣтствующее Пневу. (Царствен. грамота Іосифову Волоколамскому монастырю 1622 г. въ Акт. Ист. т. III, стр. 153). Въ Рузскомъ уѣздѣ Москов. губерніи и въ настоящее время существуетъ с. *Загорье* (Списки населен. мѣстъ Москов. губерніи, № 5289).

[2]) См. Духовную грамоту Димитрія Донскаго въ примѣч. 3 на стр. 67. Въ Можайскихъ Актахъ также упоминается *Колоцкій станъ* (стр. 199). Въ Архангелогородскомъ лѣтописцѣ также указана около Можайска волость *Колоча* (стр. 108). См. также Никон. Лѣт. ч. V, стр. 48. Центромъ этой волости была, по всей вѣроятности, и теперь существующая слобода *Колоча* на р. того же имени (Списки населен. мѣстъ Смолен. губерніи, № 4548).

[3]) См. Духовную грамоту Димитрія Донскаго въ примѣч. 3 на 67 стр.; въ Можайскихъ Актахъ встрѣчается *Поротовскій станъ на р. Протвѣ*, (стр. 176). И въ XII в. берега Протвы принадлежали Смоленской землѣ, что ясно видно изъ слѣдующаго мѣста лѣтописи подъ 1147 г.: „А ко Святославу присла Юрьи, повелѣ ему воевати Смоленскую волость; и шедъ Святославъ и взя люди Голядь, верхъ *Поротве*“ (Ип. Лѣт., стр. 240).

[4]) См. примѣч. 3 на 67 стр. Въ книгѣ Большому Чертежу (Спб. 1838 г.) указанъ *городъ Верея* на р. *Протвѣ*. (Стр. 120). Въ настоящее время это уѣздный городъ Московской губерніи. Въ спискѣ городовъ Воскресен. Лѣтописи (П. С. Р. Л., т. 7., стр. 241) Верея помѣщена въ число городовъ Залѣсскихъ, но это, очевидно, результатъ давняго обладанія Москвы этимъ городомъ. Въ 1370 г. Святославъ Смолен. пытался возвратить эти области въ союзѣ съ Ольгердомъ, при чемъ былъ взятъ городъ *Верея* (Лѣтописецъ Игнатія Смольнянина, Палестин. Сборникъ, в. 12, стр. 31).

[5]) См. примѣч. 3 на стр. 67. Въ XVII ст. *Коржань* была уже пустошью. Такъ въ Можайс. Актахъ находимъ: „Въ Степановскомъ помѣстьѣ Сумархова пустошь, что было *село Коржены* на рѣчкѣ на Корженкѣ (стр. 195). Теперь это село Коржень, Можайск. у (Списки насел. мѣстъ Моск. губерніи, № 4121).

[6]) См. примѣч. 3 на стр. 67. По Можайскимъ Актамъ, берега рѣки *Береги* входили въ Поротовскій станъ (стр. 183 и 184), куда причислялась, вѣроятно, и волость Заберега. Рѣчка Берега впадаетъ въ Протву съ правой стороны (См. карту Шуберта, листъ 43).

[7]) См. примѣч. 3 на стр. 67. Въ „Книгахъ *Можайскихъ* десятины пустовымъ церковнымъ оброчнымъ землямъ письма и дозору Алексѣя Артемьева сына Ракова 7176 г. (1668)“

Къ востоку отъ нихъ мы находимъ волость *Исмею* по р Исмѣ, притокѣ Протвы съ лѣвой стороны [1]). На рѣкѣ Рудѣ, по всей вѣроятности, лежала и волость *Гордошевичи*. Далѣе на рѣкѣ Протвѣ слѣдуетъ, какъ кажется, искать *Путына* и *Бѣницъ* [2]). Эти поселенія были, какъ видно, не особенно значительны, такъ какъ вносили въ казну князя ежегодно: *Путтинъ*—4 гривны, а *Бѣницы*—дани 2 гривны да $4^1/_2$ гривны пошлины съ корчемъ. Къ югу отъ этихъ поселеній лежали *Бобровницы*, платившія князю 10 гривенъ въ годъ.

Направляясь къ востоку, мы находимъ волости *Числовъ* и *Сутовъ*,

---

берега р. Руди причисляются къ Можайскому уѣзду (Можайск. Акты, стр. 235). Рѣка Рудь впадаетъ въ Протву съ лѣвой стороны (См. карту Шуберта, листъ 43).

[1]) См. примѣч. 3 на стр. 67. Принадлежность *Исмеи* къ Можайску видна не только изъ духовной грамоты Дмитрія Донского, но также изъ завѣщанія Василія Васильевича 1462 г., въ которомъ находимъ: „Да *въ Можайскѣ* даю своей княгинѣ: село Чертановское съ деревнями и съ дворы съ городскими, да Бѣлевицы съ деревнями, да *Исмѣйское* село съ деревнями, да мельницу подъ городомъ *подъ Можайскомъ* на Москвѣ на рѣцѣ..." (Древняя Росс. Вивліоѳика. Спб. 1774 г., стр. 18—19, ч. VI). Кромѣ того изъ Можайскихъ Актовъ видно, что берега рѣки Исмы входили въ область Можайскаго удѣла. („Книги *Можайскія* пустымъ церковнымъ землямъ письма и межеванья Якова Данилова сына Львова 7161 г. (1653 г)". Акты Можайск., стр. 171, 212. Карта Шуберта, листъ 57).

[2]) Гдѣ была волость *Гордошевичи*, мы рѣшить точно, за неимѣніемъ данныхъ, не можемъ. Такъ какъ въ духовной грамотѣ Дмитрія Донского *Гордошевичи* слѣдуютъ непосредственно за Рудьской волостью, то дѣлаемъ предположеніе, что эти двѣ волости лежатъ близко одна отъ другой, и беремъ с. *Городецъ* на р. Рудѣ, Боров. у. Калуж. губерніи (См. Списки населен. мѣстъ этой губерніи, № 660). Почти то-же, что о Гордошевичахъ, приходится сказать и о *Путтинѣ* и *Бѣницахъ*. Намъ кажется, что сомнѣваться въ тождествѣ *Путтина* и *Путыня* едвали возможно. Положеніе Путыня, хотя приблизительно, опредѣляется изъ слѣдующихъ данныхъ. Въ 1494 году Литовскіе послы называютъ *Путынь* волостью Смоленскою, но бояре Московскіе считаютъ ее—Боровскою: „И они (Литов. послы) въспросили: которые волости Боровскіе и Медынскіе и Можайскіе? И бояре имъ сказали волости Боровскіе: Трубна, *Путынь*, а Медынскіе: Городечна, Нерожа, Дорожмиря..." и т. д. (Сборникъ Имп. Рус. Истор. Общ., т. XXXV, стр. 118—119 и 137). Такимъ образомъ, *Путтина* надо искать гдѣ-то на востокѣ Смоленской земли, не подалеку отъ Боровска. Затѣмъ въ Уставной грамотѣ Ростислава говорится: „на *Путтинѣ* присно платять четыре гривны, *Бѣницы* 2 гривны, корчмити полъпяты гривны". (Будановъ: Христоматія стр. 223). Оба они составляютъ одну группу поселеній почти съ одинаковыми платежами. Между тѣмъ на р. Протвѣ существуетъ с. *Беницы*, что вполнѣ соотвѣтствуетъ указаніямъ на восточное положеніе Путтина, приведеннымъ раньше. Такимъ образомъ, эти факты взаимно поддерживаютъ другъ друга и заставляютъ искать *Путтина* недалеко отъ *Беницъ*. Въ современной же топографической номенклатурѣ мы не найдемъ ни одного названія которое соотвѣтствовало-бы всѣмъ указаннымъ обстоятельствамъ. *Беницы*—см. Списки населен. мѣстъ Калуж. губерніи, № 636 и карту Шуберта, листъ 57.

а прямо къ югу отъ нихъ, на рѣкѣ Пахрѣ, было расположено *Добрятино*, судя по ежегодной дани въ 30 гривенъ, весьма важное поселеніе. Южнѣе, на р. Истьѣ, находился *Доброчковъ*, мало уступавшій Добрятину въ количествѣ дани, которая равнялась 20 гривнамъ въ годъ. Къ юв. отъ Доброчкова на р. Нарѣ лежали *Гремичи* [1]).

---

[1]) *Гремичи*—теперь Гремячія на р. Нарѣ. Гдѣ то въ этой волости были села Ивановское и Рѣпинское. (Списки Кал. губер. № 455). „Въ *Добрятинѣ* дани 30 гривенъ, а епископу изъ того три гривны; въ *Доброчковѣ* дани 20 гривенъ, а изъ того епископу 2 гривнѣ; въ *Бобровницахъ* дани 10 гривенъ, а изъ того епископу гривна". (Устави. Грамота Ростислава, Буданова Христоматія, стр. 223). Непосредственно за ними слѣдуютъ Дѣдогостичи. Такимъ образомъ, всѣ эти поселенія должны находиться гдѣ—то въ одной сторонѣ; кромѣ того *Добрятино*, *Доброчково* и *Бобровницы* соединены въ одну группу. Можно, конечно, подыскать множество подходящихъ по названію мѣстностей, но только *именно подходящихъ*, напоминающихъ имена указанныхъ поселеній. Между тѣмъ мы имѣемъ двѣ мѣстности, по названію, вполнѣ тождественныя съ первымъ изъ нихъ: Добротино—*въ Поръч. у.* Смоленс. губерніи и *Добрятино*—Подольс. у. Москов. губерніи. Изъ нихъ *Добрятино* вполнѣ совпадаетъ *съ Добрятинымъ* Ростиславовой Грамоты, по названію. Но этого мало. Если мы возьмемъ Добротино западное, то нельзя подыскать мѣстностей, хотя-бы съ напоминающими именами, которыя (мѣстности) могли бы составить группу географически или въ какомъ—нибудь другомъ отношеніи: въ то время какъ Добротино находится къ сѣверу—западу отъ Днѣпра, бóльшая часть мѣстностей съ названіями, подходящими къ Доброчкову, разсыпана къ югу отъ его верхняго теченія, въ области р. Сожа. Существуютъ Бобровницы къ сѣверу, которые *съ нѣкоторой натяжкой* можно было-бы соединить съ Добротинымъ въ одну группу, но тогда нѣтъ возможности указать Доброчкова. Совсѣмъ оказывается другое, если мы возьмемъ *Добрятино* восточное (а не Добротино): получается рядъ поселеній, идущихъ съ сѣверо-востока на юго-западъ, являющихся пограничными съ этой стороны, чтó послужило основаніемъ для соединенія ихъ въ одну группу. Сверхъ того. Относительно *Добрятина* мы имѣемъ свѣдѣнія, что оно принадлежало къ древнѣйшимъ поселеніямъ. Такъ въ Духовномъ завѣщаніи Іоанна IV (1572—1578 г.) мы находимъ: „Да сына-же своего Ивана благословляю.... даю ему городъ Москву... и съ *Добрятинскимъ селомъ* съ бортью и съ Васильцовымъ стомъ, и съ *Числяки*, и съ Ордынцы...." (Дополненія къ Актамъ Историч. т. I, стр. 378—9). Обращаясь къ спискамъ населенныхъ мѣстъ и современной картѣ, мы убѣждаемся, что Васильцово, Ордынцы до сихъ поръ существуютъ въ Подольс. у. Москов. губерніи, гдѣ находится и *Добрятино* на р. Пахрѣ—селу Добрятинское духовнаго завѣщанія. *Числяки*, очевидно, тождественны съ *Числовымъ* духовной грамоты Димитрія Донского (см. примѣч. 3 на стр. 67), теперь *Чистцы* Звенигор. у. недалеко отъ *Добрятина*. *Доброчковъ* совпадаетъ съ с. Добриной на р. Истьѣ, а *Бобровницы*—съ Бобровниками Боровск. у. Калужской губерніи. (См. Карту Шуберта листъ 57 и 44 и Списки населен. мѣстъ Москов. губ. № 4797, 2733, 4787, 4840 и Калуж. губерніи № 642). Что касается *Сутова*, то въ настоящее время нѣтъ поселеній съ подобнымъ именемъ, но такъ какъ въ духовной грамотѣ Димитрія Донского онъ названъ волостью, а волости очень часто получали имена по рѣкамъ то мы имѣемъ нѣкоторое право предполагать, что *Сутовъ*—волость былъ расположенъ по

Прямо къ югу отъ Рудьской волости былъ смоленскій городъ *Медынь*. Онъ стоитъ при впаденіи рѣчки Тамышевки въ р. Медынь. Сохранилось городище, древнее мѣсто города Медыни, или лучше, его дѣтинца, такъ какъ пространство, занимаемое имъ, не особенно велико: всего 28 с. длины, 15 с. ширины, а ровъ, его окружающій, имѣетъ 10 с. высоты. Этотъ городъ былъ потерянъ Смоленской землей лишь во второй половинѣ XIV столѣтія. Можетъ быть, недалеко отъ Медыни находился *Товъ* [1]).

Въ центрѣ этой восточной части Смоленской земли стоялъ на Москвѣ рѣкѣ городъ *Можайскъ*, утерянный Смольнянами въ 1303 году. Онъ лежитъ на возвышенной мѣстности, почти при впаденіи р. Можайки въ Москву. Вокругъ него горы Богородицкая, Петровская,

---

р. Сутынки, впадающей въ Пахорку; центръ волости, вѣроятно, лежалъ при ихъ сліяніи. Еще одно соображеніе о Добрятинѣ далѣе.

[1]) Въ своемъ духовномъ завѣщаніи Дмитрій Донской пишетъ: „и что вытягалъ боляринъ мой Федоръ Андрѣевичъ на обчемъ рѣтѣ *Товъ* и *Медынь у Смолнянъ*, въ то сыну моему князю Андрѣю". (См. прим. 3, стр. 76). Такимъ образомъ, *Медынь* принадлежала Можайскому удѣлу, на основаніи чего Москвѣ и удалось „*вытягать*" ее у Смольнянъ. *На основаніи древней принадлежности Медыни Смоленской землѣ*, этого города постоянно требуетъ Литва, что ей едва и не удалось. По крайней мѣрѣ въ 1448 году былъ заключенъ договоръ между Казиміромъ, Иваномъ Можайскимъ и Воротынскимъ князьемъ Ѳеодоромъ Львовичемъ, результатомъ чего явилась слѣдующая грамота послѣдняго: „Ego princeps Theodorus Lvowicz Worotynski spondeo domino meo Casimiro regi Poloniae et magno duci Lithuaniae, Russiae, Samogitiae etc. atque fidejubeo ejus regiae majestatu pro genero meo principe Ioanne Andrejewicz Mozayski, quod si illum dominus meus rex collocaverit in solio magni ducatus Moschoviae in omnibus litteris, quibus aliquid paciscetur cum domino rege, titulum fratris minoris usurpaturus sit, atque idem gener meus dux Joannes jussuum domino nostro regi et magni duci Lithuaniae cessurus est in urbes *Rzowa* et *Medyn*..." „Datum iu Troki 6956 Februarii die 5-ta indictone 11. (Monumenta Medii Aewi historica res gestas Poloniae illustrantia. Tomus II. Codex epistolaris saeculi decimi quinti. W Krakowie. 1876 a. p., 2, № XXVIII, p. 35—36. Этимъ изданіемъ документовъ снабдилъ насъ И. А. Линниченко, за что и приносимъ ему величайшую благодарность). См. также Акты Зап. Рос. т. I, № 49.

„*Медынскъ*, бывшій городъ, отданъ во 188 году въ отчину Новому Іерусалиму монастырю". „А *Медынское городище* во 188 году отдано".... и т. д. (Книга Большому чертежу, Спб. 1838 г., стр. 119); Щекатовъ: Географич. Словарь, т. IV, стр. 214; Семеновъ: Географ. Словарь, т. III, стр. 204; Город. поселенія Росс. Имперіи, т. III, стр. 370; Топографич. извѣстія, служащія для полнаго географич. описанія Росс. Имперіи. Спб. 1771 г., стр. 192; Топографич. описаніе Калужск. намѣстничества. Спб. 1785 г., стр. 60.—Что касается *Това*, то мы не нашли никакихъ данныхъ для его пріуроченія. Есть Товъ и рѣка Това, но въ такихъ мѣстахъ, куда не могли заходить смоленскія владѣнія, напр. Бѣлозерскій уѣздъ.

Воскресенская, Брыкина. Древность этого города доказывается существованіемъ около него кургановъ, сохранявшихся еще въ XVII ст. Съ самаго выступленія своего на историческую сцену въ XIII в. Можайскъ является уже городомъ сильно укрѣпленнымъ. До сихъ поръ сохранились остатки его значительныхъ укрѣпленій. Внутри города существовалъ древній храмъ, построенный изъ бѣлаго камня. Городъ считался подъ покровительствомъ Святителя Николая. Св. Николай изображался съ мечемъ въ правой рукѣ, *„а въ лѣвой руцѣ градъ Можаескъ“*. Мы не имѣемъ свѣдѣній о торговлѣ *Можайска* за древнѣйшее время, но судя по даннымъ XVI и XVII вѣковъ, его торговые обороты были весьма значительны, и въ этомъ, конечно, нѣтъ ничего удивительнаго, потому что онъ являлся главнымъ звѣномъ, передаточнымъ пунктомъ въ торговыхъ сношеніяхъ Поволжья непосредственно съ землею Смоленскою и далѣе на западъ съ областью З. Двины. Если вѣрить одному оффиціальному сообщенію, до литовскаго разоренія, т. е. до Смутнаго времени, Можайскъ имѣлъ 75 церквей. Въ концѣ XVI ст. мы находимъ въ немъ 15 торговыхъ рядовъ [1]).

Мы обозрѣли восточную половину Смоленской земли, составлявшую Можайскій удѣлъ ея. Вся она, съ переходомъ Можайска къ Москвѣ въ началѣ XIV ст., была потеряна Смольнянами. Когда основанъ Можайскъ, мы не знаемъ, но, несомнѣнно, онъ существовалъ раньше конца XIII ст., если въ это время становится уже удѣломъ. Является интересный вопросъ: почему въ Уставныхъ граматахъ Ростислава XII в. изъ всей восточной половины земли упоминается всего лишь область Искона, отчего нѣтъ Можайска, нѣтъ Медыни? Предпологать расширеніе Смоленской земли послѣ XII ст. мы не можемъ, ибо знаемъ,

[1]) Принадлежность *Можайска* Смоленской землѣ видна яснѣе всего изъ разсказа лѣтописи подъ 1277 годамъ. „подобаеть-же о семъ вѣдать, како сей глаголется Өедоръ Ростиславичь Ярославскии, понеже бѣ родомъ не Ерославскій, но *Смоленскии*. Слыши убо“: слѣдуетъ родословіе смоленскихъ князей, а затѣмъ: Ростиславли (Мстиславича) сынове: Өеодоръ, о немже нынѣ глаголемъ, да братъ его Глѣбъ, да Михайло, сии изобидеша его, и даша ему градъ *Можаескъ* единъ, а братъ его Глѣбъ на великомъ княженіи седяше в *Смоленце*“. (Никон. Лѣт. ч. III, стр. 62); Можайскіе Акты, стр. 6, 10, 34, 36, 37, 38—48, 480. Топографич. извѣстія, служащія для полнаго географич. описанія Росс. Имперіи, стр. 15; Историч. и топографич. описаніе городовъ Москов. губерніи, 1787 г., стр. 281—289; Воскрес. лѣт. (П. С. Р. Л. т. 7) стр. 187; Татищевъ: Исторія Россійская, ч. IV, стр. 84; Супрасльская Лѣтоп. Москва, 1836 г., стр. 60—61.

что еще съ первой половины этого вѣка идетъ напротивъ постоянное съуженіе смоленскихъ владѣній въ пользу Суздальской земли. По грамотѣ Ростистава выходитъ, будто весь позднѣйшій Можайскій удѣлъ представлялъ изъ себя незаселенную пустыню, только почему-то на сѣверо-восточной окраинѣ своей имѣвшую область Искону, платившую князю дань. Такъ не думалъ и Ростиславъ, такъ, конечно, не было и въ дѣйствительности. Изъ грамотъ Ростислава видно только одно, что ни Медынь, ни Можайскъ въ XII в. не были административнымъ центромъ. Вмѣсто этого существовало въ восточной половинѣ Смоленской земли нѣсколько волостныхъ центровъ, какими и являются: *Искона*, *Ветская*, *Путтинъ*, *Бѣницы*, *Бобровницы*, *Доброчковъ*, *Добрятино*. Къ нимъ тянули другія волости, которыхъ въ полномъ составѣ перечислять въ грамотѣ не было нужды.

Если мы посмотримъ на карту, то увидимъ, что еще въ XII ст., какъ и въ XIV, Смоленскія владѣнія занимаютъ почти все среднее теченіе р. Москвы, охватываютъ его съ сѣвера (Искона, Берестовъ, Загорье) и юга (Числовъ, Сутовъ, Добрятино, Доброчковъ). Это обстоятельство заставляетъ предполагать, что то мѣсто на среднемъ теченіи р. Москвы, гдѣ стоитъ городъ Москва, также входило въ составъ Смоленской земли. Извѣстно, что г. Москва, т. е., раньше бывшее тутъ древнее поселеніе было укрѣплено Юріемъ Долгорукимъ [1]). Это былъ со стороны Суздальскихъ князей первый шагъ къ захвату всей восточной половины Смоленской земли, окончательно осуществившійся лишь въ XIV ст. На этотъ первый захватъ и указываютъ слова уставной грамоты: „*Суждали Залѣская дань*, аже воротить *Гюрги*, а что будетъ въ ней, изъ того Святой Богородици десятина“ [2]).

Въ число восточныхъ городовъ Смоленской земли мы помѣщаемъ *и Женню Великую*, которя, судя по количеству получаемой съ нея ежегодной дани въ 200 гривенъ, должна была играть важную, роль и

[1]) Что на мѣстѣ г. Москвы съ отдаленныхъ временъ существовало поселеніе, доказывается археологическими данными. Въ 1837 г. при сломкѣ Алексѣевскаго монастыря оказалось 4 слоя: 1) песчаный, въ которомъ найдены ребра, клыки и зубы мамонта, 2) слой, *въ которомъ оказалось нѣсколько арабскихъ монетъ Халифа Мустоинъ* Биллаха *въ г. Мервѣ 862 г.*, *Халифа Му' теззъ* Биллаха *въ Арменіи* (*Давинѣ*), *столицѣ арабской Арменіи*, 3) слой кладбища XVI в. и 4) новое кладбище (Савельевъ: „О важности изученія восточной нумизматики“, Ж. М. Н. Пр. ч. 53, стр. 267).

[2]) Христоматія Буданова, I, стр. 224.

мы, кажется, не ошибемся, если припишемъ ей значеніе административнаго центра той области, гдѣ потомъ центральнымъ пунктомъ является *Медынь*, тѣмъ болѣе, что и стоитъ она на р. Медынкѣ [1]).

Непосредственнымъ переходомъ съ восточной въ юго-западную часть Смоленской земли является теченіе р. Угры. Связывающимъ звѣномъ между этими двумя половинами былъ городъ *Холмъ*, носившій еще прозвище *Брагина*. Онъ былъ совсѣмъ отданъ епископіи [2]).

---

[1]) „а въ *Женни* дани 200 гривенъ у *Величиой*, изъ того Святѣй Богородици и епископу 20 гривенъ" (Ibid. стр. 223). По нашему крайнему разумѣнію, это теперь с. Жуйна на р. Медынкѣ. (См. Щекатовъ: „Географич. Словарь, ч. II, стр. 503; Списки населен. мѣстъ Калужск. губерніи, № 2001).

[2]) „И се и еще и *Холмъ* даю Святѣй Богородици и епископу, якоже дано дѣдомъ моимъ Володимеромъ Семенови, преже епископу, строить нарядъ, церковный и утверженье (Уставная Грамота Ростислава, Христоматія Буданова, I, стр. 227). Холмъ, здѣсь упоминаемый, не можетъ быть тѣмъ Холмомъ, который стоитъ на Ловати и всегда принадлежалъ Новгороду В. Новгородцы всегда крѣпко держались за него. Они говорятъ: „А что Ржова и Великіе Луки, и *Холмовски* погостъ, четыре перевары, а то земли *Новородцкія*, а въ то ся тебѣ честному Королю не вступати". (Договоръ Новгорода В. съ Казимиромъ 1471 г., Акты Археогр. Экспедиціи, т. I, № 87). Ср. Барсовъ: „Очерки рус. истор. географіи", Варшава. 1885 г., стр. 313. Въ переписной оброчной книгѣ Деревской пятины читаемъ: „*Погостъ Холмьской*.... на погостѣ церковь Спасъ Преображеніе..." (Новгород. Писцовыя книги, изд. Археогр. Коммиссіи, т. II, Спб. 1862 г., стр. 826). Слѣд. этотъ Холмъ не могъ быть отданъ Смоленской епископіи, такъ какъ тянулъ къ Епископіи Новгорода В. Гдѣ-же искомый Холмъ? Съ одной стороны нельзя предположить, чтобы князь отдалъ епископіи какой-нибудь городъ, болѣе или менѣе важный въ политическомъ или стратегическомъ отношеніи. Холмъ отданъ совсѣмъ: онъ уже совершенно не платитъ князю дани; князь не заботится о его укрѣпленіи, ибо въ противномъ случаѣ въ грамотѣ было-бы сказано, сколько взимается съ него погородія, какъ это обозначено относительно другихъ городовъ. Но съ другой стороны даруемый епископіи городъ долженъ былъ имѣть значеніе въ торгово-промышленномъ отношеніи, чтобы епископія могла пользоваться съ него доходами. Едвали поэтому можно сомнѣваться въ томъ, что Холмъ лежалъ на какомъ-нибудь торговомъ пути. И вотъ на пути изъ Суздальской земли въ Смоленскую и лежитъ *Брагинъ*-Холмъ. Важность этого города доказывается частымъ упоминаніемъ его въ источникахъ. Такъ въ Можайскихъ Актахъ мы находимъ станъ *Брагина* Холма (Можайск. Акты, Спб. 1892 г. стр. 185 и 192); положеніе его ясно опредѣляется изъ описаній пути отъ Москвы въ Смоленскъ: онъ лежалъ между верховьями р. Вори и Вязьмой („...въ Дубровѣ отъ Вязмы восемь миль, церковь Успенія Святыя Богородици; на Холму на Брагинѣ отъ Дубровы 30 миль; въ Варьсковѣ (Ворьсковъ—Ворѣскѣ) церковь Святая Богородица Покровъ, отъ Холму 30 верстъ" (Бѣляевъ: „О географич. свѣдѣніяхъ въ др. Руси", Записки Имп. Рус. Географ. Общ. Спб. 1852 г. кн. VI, стр. 238, а также Временникъ Имп. Моск. Общ. Ист. и Др. Росс. 1852 г. кн. 13, стр. 47). Литовскій посолъ Литоверъ въ 1568 г. ѣхалъ изъ Москвы черезъ Можайскъ, Вязьму и Дорогобужъ: „а въ приставехъ

Къ сѣверу отъ средняго теченія р. Угры находился смоленскій городъ *Ховрачъ* [1]), а затѣмъ владѣнія Смоленской земли переходили въ область Десны. Тамъ по верхнему теченію Болвы лежала *Оболвь*. Взимавшаяся съ нея *гостинная* дань указываетъ, что черезъ нее проходила торговая дорога изъ Угры въ Подесенье [2]). Къ западу отъ Оболви, по р. Шуйцѣ была расположена волость *Шуйская*. Истокъ Шуйцы сближается съ истоками р. Угры, вслѣдствіе чего тутъ, по всей вѣроятности, былъ волокъ, чтб и объясняется данью въ 80 гривенъ, взимавшейся ежегодно съ Шуйской въ княжескую казну [3]).

Почти у самаго верховья р. Десны находится городъ *Ельна*, а внизъ по этой рѣкѣ лежала волость *Дешняны*, платившая князю 30 гривенъ. По всей вѣроятности, городъ *Ельна* былъ центромъ этой волости [4]). Еще южнѣе, при сліяніи рѣчекъ Ботинки и Оси мы нахо-

---

у него былъ на Москвѣ Хозюкъ Повадинъ; а отъ *Холму* ѣхалъ съ нимъ до Москвы.... да и назадъ отъ Москвы до *Холму*". (Сборникъ Имп. Рус. Истор. Общ. т. XXXV, стр. 155). Въ настоящее время это, должно быть, Холмина на р. на Полотѣ Юхнов. у. Смолен. губерніи (Списки населен. мѣстъ Смолен. губерніи, № 11366).

[1]) „Того-же лѣта князь Андреи Олгердовичь полотцкии воевалъ *Ховрачь* да *Родне*". (Никон. Лѣт. ч. 4,1788 г. стр. 19, подъ 1367 г.). Теперь на мѣстѣ Ховрача хуторъ на р Ховрачкѣ, впадающей въ Днѣпръ съ лѣвой стороны (Списки Населен. мѣстъ Смолен. губернія, № 4626). О Роднѣ см. далѣе. Что берега р. Угры принадлежали Смоленской землѣ, видно изъ словъ лѣтописи подъ 1147 г.: („и посла я (Святославъ Половцевъ) на *Смольняны* и повоеваша верхъ *Угры*" (Ин. Л. стр. 242).

[2]) „во *Оболви* гостинная дань, и что ся въ ней снидется, изъ того Святѣй Богородици и епископу десятина". (Устав. Грам. Ростислава, Христоматія Буданова, I, стр. 224). Теперь село Оболовь у верховьевъ Болвы (Карта Шуберта, листъ 44).

[3]) „а въ *Шуйспьи* дани 80 гривенъ, а изъ того епископу 8 гривенъ". (Устав. грам. Ростислава, ibid. стр. 222). Простая описка княжескаго писца *Шуйспьи* вмѣсто *Шуйцсиьи* доставила много трудовъ изслѣдователямъ Очевидно, здѣсь волость носитъ названіе по р. Шуйцѣ. Говорилось *Шуя* и *Шуйская* Въ Литовской метрикѣ мы находимъ: „Григорью Михайловичу волость *Шюи* до воли...." (Любавскій, op. cit. Чтенія Москов. Общ. Ист. и Др. Росс. 1892 г. ч. IV, стр. 270). Въ 1494 г. *Шуя* ясно причисляется къ волостямъ Смоленскимъ (Сборникъ Истр. Рус. Ист. Общ. т. XXXV, стр. 136). Въ силу этого мы вмѣстѣ съ архимандритомъ Леонидомъ („Исторія Церкви въ предѣлахъ нынѣшней Калужской губерніи", Калуга. 1876 г., стр. 234—236) и г. Любавскимъ (op. cit., Чтенія Москов. Общ. Ист. и Др. Росс. 1892 г., т. IV, стр. 371), признаемъ центромъ *Шуйской* волости нынѣшнее село *Шуи* Калужск. губ. Мосальск. у. (Списки насел. мѣстъ Калужск. губ., № 3295). Ср. Барсовъ: Матеріалы для истор.-геогр. Словаря Россіи, Вильна. 1865 г. стр. 216 и Бѣляевъ: „О географич. свѣдѣніяхъ въ др. Руси", Записки Имп. Рус. Геогр. Общ. кн. VI, 1852 г., стр. 178.

[4]) Городъ *Ельна* упоминается въ числѣ городовъ XII в. въ уставной грамотѣ.

димъ волость *Пацинь* (Поцинь), съ котораго взималось 30 гривенъ дани, да *гостинной* дани неопредѣленное количество, смотря по торговому движенію [1]).

Къ юго-западу отъ Пацыня надо искать, какъ кажется, города *Изяславля* [2]).

На среднемъ теченіи р. Осетра былъ городъ *Ростиславль*, служившій центромъ отдѣльной волости. Впослѣдствіи онъ носилъ имя Рославля. По всей вѣроятности, это поселеніе было укрѣплено Ростиславомъ, княземъ-основателемъ Смоленской епископіи, отчего и получило свое названіе [3]).

Ростислава (Христоматія Буданова, I, стр. 228). Въ перечисленіи городовъ *Ельна* названъ смоленскимъ (Воскр. Л. въ П. С. Р. Л. т. 7, стр. 241). Въ XV и XVI ст. обѣ стороны— Литовская и Московская одинаково признаютъ *Ельну* волостью *Смоленскою* (Сборникъ Имп. Рус. Ист. Общ. т. XXXV, стр. 395, 396, 400, 483: государевы люди волости ихъ смоленскіе повоевали: *Ельную*, Ветличи, Руду....“). Относительно *Деменянъ* въ Уставной грамотѣ Ростислава читаемъ: „а въ Демяниехъ 30 гривенъ, а изъ того епископу 3 гривны (Христоматія Буданова, I, стр. 222). Позднѣйшіе документы не знаютъ волости *Демяне*, а знаютъ *Ельну*. Демяне, очевидно, получили свое имя отъ расположенія по р. Деснѣ, ибо десная и демная въ славян. языкѣ стоятъ рядомъ, какъ весній и вешній. Въ древн. время волости, какъ мы не разъ видѣли, носили имена по рѣкамъ, а позже стали ихъ называть по главному центру.

[1]) „Въ *Пацинѣ* дани 30 гривенъ, а въ гостинной дани невѣдомо, а что ся сойдеть, изъ того Святѣй Богородицѣ и епископу десятина“. (Уст. Гр. Ростислава. Христоматія Буданова I, стр. 228). [illegible] и въ XVI ст. былъ волостью. „Былъ нашъ холопъ князь Василей Михайловичъ Мосальскій и просилъ у насъ [illegible] въ Смоленскомъ повѣтѣ, [illegible] (Грамота в. к. Литов. Александра 1500 г., Акты З. Россіи, т. I, № 181). Эта волость всегда [illegible] принадлежала Смоленскій. Переговоры 1508 г.: „А се волости Смоленскія: Рославль, [illegible], Святославль...“. Сборникъ Имп. Рус. Ист. Общ. т. XXXV, стр. 394 и 396; Семеновъ: Геогр. Словарь. т. IV, стр. [illegible]; Списки населен. мѣстъ Смоленск. губерніи, № [illegible].

[2]) [illegible] упоминается въ уставной грамотѣ Ростислава Христоматія Буданова, стр. 228). [illegible] въ настоящее время нѣтъ. Мы [illegible] село *Сосновка*, [illegible]

[3]) [illegible] упоминается въ уставной грамотѣ Ростислава Христоматія Буданова, стр. 228). [illegible] XVI в. Рославль является [illegible] Сборникъ Имп. Рус. Ист. Общ. [illegible]

Почти при впаденіи р. Осетра въ Сожъ мы полагаемъ мѣстонахожденіе *Дѣдичъ*, поселенія, игравшаго не послѣднюю роль въ торговлѣ Смоленской земли. Такъ *Дѣдичи* уплачивали ежегодно *гастинной* дани 7 гривенъ, не считая 15 гривенъ дани постоянной [1]).

Самымъ крайнимъ городомъ Смоленскимъ на юго-востокѣ былъ *Зарой*. Такими-же пограничными городами надо признать *Кричевъ* и *Прупой* или *Пропойскъ*. Первый изъ нихъ лежитъ при впаденіи рѣчки Кричевки или *Кривичанки* въ Сожъ. По народному преданію, *Кричевъ* въ незапамятныя времена носилъ имя *Кривичевъ* и былъ основанъ Кривичами. До сихъ поръ сохранились слѣды его укрѣпленій, въ видѣ городища, на правомъ, возвышенномъ берегу Сожа. Природная недоступность мѣстности была еще усовершенствована руками человѣка: была сдѣлана высокая насыпь и проведенъ ровъ, сообщающійся съ рѣкой Сожемъ. По всей вѣроятности, на томъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда стоялъ Перунъ, на крутомъ берегу Сожа, возвышается церковь св. Пророка Иліи. Какъ можно предполагать, *Кричевъ* тянулъ къ Мстиславскому удѣлу. *Пропойскъ* расположенъ при сліяніи Прони съ Сожемъ. Онъ уплачивалъ князю постоянной дани 10 гривенъ, да неопредѣленный платежъ съ корчемъ; слѣды древнихъ укрѣпленій *Пропойска* почти изгладились [2]).

т. XXXV, стр. 394 и 395 и 638: „*города Рославля съ волостями*“). Этому городу посвящена спеціальная работа г. Рокачевскаго: „Опытъ собранія историческихъ записокъ о городѣ Рославлѣ“ въ Извѣстіяхъ Имп. Рус. Археол. Общ. т. IX; отзывы г. Савельева объ этомъ трудѣ см. т. X тѣхъ-же Извѣстій, протоколы, стр. 218—219; Городскія поселенія въ Рос. Имперіи, т. IV, стр. 624. Въ настоящее время Рославль—уѣзд. городъ Смоленской губерніи.

[1]) „*Дѣдичи* и дань и вира 15 гривенъ, гость 7 гривенъ, а изъ того Святѣй Богородици три гривны безъ семи ногать“. (Уст. Гр. Ростислава, Христоматія Буданова, I, стр. 223—224). Несомнѣнно, *Дѣдичи* находились гдѣ-то въ области Сожа, такъ какъ, по Устав. грамотѣ, принадлежатъ къ одной группѣ съ Копысемъ и Пропойскомъ. Изъ древнѣйшихъ поселеній въ этомъ районѣ мы можемъ указать на с. *Дѣдины*, упоминающееся въ документѣ XVII ст.: „церкви Святое Покровы въ *Дединѣ*... (Привиллегія Владислава IV архіеп. Смолен. 1534 г.,—Акты Вилен. Коммиссіи, т. I, стр. 70). Къ этому-же поселенію относится, по всей вѣроятности, и слѣдующее: „Я Юрій Гладковичъ далъ есмы Пречистой Богоматыри Пустынской сѣножать *на Сожи* подъ Сергѣiовымъ селищемъ, подъ *Дѣдовымъ*, обычочную...“ (грамота 1543 г., Археограф. Сборникъ документовъ, относящихся къ исторіи Сѣв.-Запад. Руси, Вильна. 1807 г. т. II, стр. 13). Дѣдины лежатъ, какъ мы уже сказали, недалеко отъ Сожа, а потому сѣножати на берегу этой рѣки могли принадлежать къ этому селу. См. карту Шуберта, листъ 44.

[2]) Относительно города *Зароя* см. примѣч. 2, стр. 56. „...князь Юрый Семеновичъ и з

Возьмемъ теперь снова исходнымъ пунктомъ центръ земли, городъ Смоленскъ. Направляясь къ югу, мы прежде всего должны остановиться на городѣ *Красномъ*. Къ юго-востоку отъ него не въ дальнемъ разстояніи лежалъ городъ *Василевъ*, а на юго-западъ *Крупль*. Всѣ три выступаютъ на историческую сцену еще въ XII ст.[1]). Прямо къ югу отъ *Краснаго* и *Крупля* простиралась волость *Молохва* по рѣкѣ того-

---

Новаграда великаго выѣха в Литву, и князь великый Казимиръ далъ ему очину его всю, Мстиславъ и *Кричевъ*, и иныхъ городовъ и волостей не мало". (Новгор. Лѣт. I, Спб. 1888 г. стр. 419). Можетъ быть *Кричевъ* -же разумѣется и подъ *Кречютомъ* въ Устав. Грамотѣ Ростислава: „у *Кречюта* дани 10 гривенъ, а Святѣй Богородици и епископу гривна". (Христоматія Буданова, I, стр 224). По крайней мѣрѣ такъ думалъ Бѣляевъ („О географ. свѣдѣніяхъ въ др. Руси", Записки Имп. Рус. Геогр. Общ. кн. VI, стр. 179); Город. поселенія въ Росс. Имперіи, т. II, стр. 234; Дневникъ раскопокъ Фурсова, Могилевъ. 1892 г. стр. 32 и 33; Максимовъ: „Обитель и житель" (Др. и Нов. Россія, 1876 г. т. II, стр. 207 и 209); Щекатовъ: Географ. Словарь, т. III, стр. 588; Семеновъ: Географич. Словарь, т. II, стр. 792. Предположеніе Бѣляева имѣетъ долю вѣроятности: *Кречютъ* можетъ быть отнесенъ къ группѣ: Дѣдичи, Копысь, Прупой, въ которой онъ займетъ по количеству платимой дани послѣднее мѣсто. Соединенія этихъ четырехъ городовъ въ одну группу основано на ихъ пограничности.—„На *Прупои* 10 гривенъ, а изъ того епископу гривна, а въ корчмитѣхъ невѣдати, но что ся сойдеть, изъ того десятина Святѣй Богородици" (Уст. Грам. Ростислава, Христоматія Буданова, I, стр. 224). Въ XIV ст. *Пропойскъ* называется *Пропошескъ* (Грамота Ягелла Скиргеллу 1387 г.: „takoz Proposzesk wes i ludi..."—Monumenta Medii Aevi historica res gestas Poloniae illustrantia. Tomus II. Codex epistolaris saeculi decimi quinti". W Krakowie. 1876 г. № IX, p. 9—10); еще въ XVI ст. Пропойскъ былъ центромъ отдѣльной волости. Такъ въ грамотѣ Сигизмунда кн. Михаилу Мстиславскому 1525 г, читаемъ: „билъ намъ чоломъ князь Михайло Ивановичъ Мстиславскій о томъ, штожъ перво сего дали есмо ему село въ *Пропойской волости*, на имя Лобчо..." (Акты Зап: Россіи, т. II, № 139), См. также Сборникъ Имп. Рус. Ист. Общ. т. XXXV, стр. 400; Максимова, op. cit. стр. 209; Семеновъ: Географ. Словарь, т. IV, стр. 221.

[1]) „Томъ же лѣтѣ Давидъ Ростиславичъ сѣде Витебьски, а Романови, Вячеславлю внуку, да Ростиславъ *Васильевъ* и *Краснъ*". (Ипатьев. Лѣт. подъ 1155 г. стр. 359). Въ настоящее время *Красный*—уѣзды городъ Смолен. губерніи, на рр. Свини и Мерейкѣ (Барсовъ: Матеріалы для истор. геогр. Словаря Россіи, стр. 107; „Город. поселенія въ Росс. Имперіи", т. IV, стр. 617). Что касается *Васильева*, то вслѣдствіе близости его къ городу *Красному*, надо думать, что теперь это деревня Васильева на одномъ изъ притоковъ р. Вехры. См. карту Шуберта листъ 29.—О городѣ *Крупль*, есть упоминаніе въ Устав. Грамотѣ Ростислава (Христоматія Буданова, I, стр. 227). Мы уже выше говорили, что подъ именемъ „крупецъ" разумѣютъ въ Бѣлоруссіи короткіе, никогда не замерзающіе притоки. Понятно, поэтому что соименныхъ мѣстностей должно существовать множество. Но близь деревни Шенной въ 1865 г. на *Крупцѣ* открыта подъ курганомъ подземная церковь (Максимовъ: „Обитель и Житель", Др. и Нов. Россія, 1876 г. к. II, стр. 206). Около этого крупца мы и рѣшаемся помѣстить древній городъ *Крупль*.

имени [1]), а еще южнѣе, на р. Вехрѣ стоялъ городъ *Мстиславль*. Онъ упоминается въ Уставной грамотѣ Ростислава въ концѣ первой половины XII вѣка. Слѣды его укрѣпленій—городище—сохранились до настоящаго времени. Это городище имѣетъ форму усѣченнаго конуса огромныхъ размѣровъ; кругомъ глубокій и широкій оврагъ. На искусственной древней насыпи въ древнія времена существовала церковь Святого Пророка Иліи. Эта насыпь и теперь носитъ названіе Дѣвичьяго или *Дѣвьяго городка*, на которомъ до сихъ поръ происходятъ весеннія и лѣтнія игрища. Не трудно подъ именемъ *Дѣвьяго городка* открыть скрывающійся *Дивій городокъ*, мѣсто священное: не даромъ тутъ явился въ христіанскую эпоху св. Илія, замѣнившій собой стараго Перуна. Во второй половинѣ XIV ст. Мстиславль былъ утерянъ Смольнянами и перешелъ подъ власть Литвы [2]).

Къ западу отъ города Краснаго находилась, какъ можно предполагать, по р. Мереѣ или *Миреѣ*, волость *Миратичи*, вносившая 10 гривенъ дани. Непосредственно къ югу лежала волость *Басѣя* по берегамъ р. Баси, впадающей въ Проню. *Басѣя* платила въ княжескую казну ежегодно 15 гривенъ [3]).

---

[1]) Что *Молохва*, какъ волость, существовала еще до паденія политической самостоятельности Смоленска, доказывается жалованой грамотой литов. князя Александра Смоленску въ 1505 г. Въ ней мы читаемъ: „и што великій князь Витовтъ обернулъ былъ ко Мстиславлю *Смоленскои* волости *Молоховскіи* люди; а тые люди его милость опять привернулъ къ *Молохвѣ* по старому; а тыхъ волостей *Смоленскихъ* никому не держати, нижьли бояромъ *Смоленскимъ-же*". (Акты Зап. Россіи, т. I, № 213). Въ „Списаньи князей и бояръ Смоленьскихъ" 1492 г. находимъ: „Слуги *Молоховъского* путя панъсырныи: служба путниковъ Ѡвъдюхова и братовъ его ѕ;" слуги *Молоховъского* путя щитъныи: служъба Сычовыхъ сыновъ чотыри: Еръмола, Иванъ, Серге', Ѡрътемъ..." (Описаніе рукописей Румянцев. музея, стр. 130). *Молохва* въ числѣ волостей Смоленскихъ упоминается и въ перемирной грамотѣ Василія III и Сигизмунда 1522 г. (Сборникъ Имп. Рус. Ист. Общ., т. XXXV, стр. 639). Въ XVII ст. мы находимъ *Молоховскій станъ*: „А полякъ Ярошъ Кашевскій въ распросѣ сказалъ:... послалъ его изъ обозу гетманъ въ *Смоленской уѣздъ* въ *Молоховской станъ* съ листами, а велѣно ему тотъ Молоховской станъ отъ литовскихъ людей оберегати, чтобъ тотъ Молоховской станъ литовскіе люди не грабили; въ томъ въ Молоховскомъ стану, *отъ Краснаго 20 верстъ*, взяли его государевы люди..." (Акты Москов. Госуд., Спб. 1890 г., т. I, стр. 493). Рѣка *Молохва* протекаетъ по Краснин. у. Смолен. губ. и впадаетъ въ р. Вехру (карта Шуберта, листъ 29).

[2]) Никон. Лѣт., ч. III, стр. 213; Уставная Грамота Ростисла (Христоматія Буданова, I, стр. 227); Дневникъ раскопокъ Фурсова, стр. 28; Максимова: „Обитель и Житель" (Др. и Нов. Россія, 1876 г., т. II, стр. 206, 207, 208 и 209).

[3]) ....„въ *Басѣи* 15 гривенъ, а епископу изъ того полторы гривны; въ *Миратичехъ*

Отъ города Пропойска граница Смоленской земли переходила къ Днѣпру. По берегамъ послѣдняго лежали смоленскіе города: *Зарубъ*, *Копысь* и *Орша*. *Зарубъ* въ XII в. представлялъ изъ себя село, принадлежащее сестрѣ князя Ростислава, Рогнѣдѣ. По всей вѣроятности, это было первое мѣсто остановки судовъ, входившихъ въ Смоленскую землю по Днѣпру, чѣмъ и можетъ объясняться значительная дань въ 30 гривенъ, платимая ежегодно жителями *Заруба*. Слѣды его видны на берегу Днѣпра и до сихъ поръ [1]).

Копысь извѣстенъ съ первой четверти XII ст. Какъ видно изъ установной грамоты Ростислава, онъ былъ мѣстомъ, гдѣ собирались пошлины съ товаровъ, шедшихъ вверхъ и внизъ по Днѣпру: торговый сборъ давалъ 4 гривны; перевозъ чрезъ Днѣпръ доставлялъ въ княжескую казну также 4 гривны, да неопредѣленный доходъ шелъ съ корчемъ, которыя естественно процвѣтали въ этомъ торговомъ пунктѣ [2]).

дани 10 гривенъ, а епископу изъ того гривна". (Уставная Грамота Ростислава, Христоматія Буданова, I, стр. 223). Мы присоединяемся относительно мѣстонахожденія Басѣи къ мнѣнію Барсова (Матеріалы для истор.-геогр. Словаря Россіи", стр. 4). Что касается *Мирятичей*, то для прикрѣпленія ихъ на картѣ мы руководствуемся слѣдующими соображеніями: 1) волости носили названіе по рѣкамъ, 2) въ Уставной Грамотѣ Ростислава Басѣя и Мирятичи соединены въ одну группу, слѣд. ихъ надо искать прежде всего вблизи другъ-друга, 3) отъ *Миреи* легко могли произойти Мирятичи, 4) верховья Миреи и Баси сближаются другъ съ другомъ.

[1]) „...а въ *Зарубѣ* дани 30 гривенъ, а изъ того епископу 3 гривны" (Устав. Грам. Ростислава, Христоматія Буданова, I, стр. 223). Положеніе Заруба опредѣляется ясно изъ разсказа лѣтописи подъ 1168 г.: Ростиславъ Мстисл. ѣздилъ въ г. Луки, тамъ разболѣлся и поспѣшилъ въ Кіевъ. Сестра его, Рогнѣда, совѣтовала ему остаться въ Смоленскѣ, но онъ желалъ быть положеннымъ въ Кіевѣ, въ Лаврѣ. „И поидоша с нимъ и Смоленьска, а уже ему велми изнемогающю, а и бы в селѣ в Рогъгнѣдинѣ в *Зарубѣ* и нача молвити..." (Ипатьев. Лѣт., стр. 361—364). Очевидно, князь ѣхалъ по Днѣпру. Вообще, это была ближайшая дорога, а теперь тѣмъ болѣе везти больнаго князя окольной дорогой, черезъ Десну, при чемъ пришлось-бы перетягиваться черезъ нѣсколько волоковъ, было-бы затруднительно. Вотъ почему мы не можемъ принять перваго предположенія Барсова, что Зарубъ — теперешнее Рогнѣдино на Деснѣ (Матеріалы для истор.-геогр. словаря Россіи, стр. 76), а беремъ его позднѣйшее мнѣніе, что слѣды Заруба замѣчаются за правымъ берегомъ Днѣпра въ селѣ Заровцы къ с.-з. отъ Шклова (Очерки рус. истор. географіи, стр. 213, Варшава. 1885 г.).

[2]) „на Копысѣ полюдья четыри гривны, а перевоза четыри гривны, а торговаго четыри гривны, а корчьмити невѣдомо, но что ся сойдеть, изъ того десятина Святѣй Богородици. (Устав. Грам. Ростислава, Христоматія Буданова, I, стр. 224). Въ 1116 г. на одно

Орша или Ръша, какъ и Копысь, извѣстна съ 1116 года, когда была сдѣлана попытка присоединить эти оба города къ землѣ Полоцкой. Уже въ то время *Орша* является сильно укрѣпленнымъ городомъ: съ одной стороны она была защищена Днѣпромъ, а съ остальныхъ деревянными укрѣпленіями, состоявшими позже изъ остраго частокола. Не нужно забывать, что Орша лежитъ почти на поворотѣ Днѣпра отъ его верхняго теченія къ среднему и представляетъ собою ключъ къ Смоленску, замыкая собою его главный путь для сношеній съ югомъ [1]).

Село *Зарубъ* было не единственнымъ смоленскимъ владѣніемъ на западъ отъ Днѣпра. Такъ, мы находимъ на р. Березинѣ, впадающей въ Днѣпръ съ сѣверо-запада, волость *Рудскую*, центромъ которой былъ городъ *Рудня* или *Родня* [2]).

Намъ остается еще указать два города на границахъ съ землей Новгородской, именно: *Клинъ* и *Дубровну*. Первый лежалъ къ сѣверо-

---

мгновеніе осуществилось стремленіе Полоцкихъ князей объединить Кривицкую землю во едино. Глѣбъ Минскій занялъ *Оршу*, *Копысь* и даже захватилъ *Смоленскъ*. Владиміру Мономаху пришлось отбирать ихъ назадъ (Ипатьев. Лѣтоп., стр. 203). Какъ кажется, *Копысь* лежалъ и на правой сторонѣ Днѣпра. По крайней мѣрѣ, въ Словарѣ Географическомъ Щекатова (т. III, стр. 734—5) читаемъ, что Копысь расположенъ на *правомъ* берегу Днѣпра и по обѣ стороны рѣчекъ Смаркевши и Страшевки.

[1]) Ипатьев. Лѣт., стр. 203 подъ 1116 годомъ. Въ 1386 году Смолен. князь Святославъ сдѣлалъ попытку воротить Оршу къ Смоленску, но потерпѣлъ неудачу. (См. напр. Лѣтопись Велик. князей Литовскихъ, изд. Попова въ Учен. Запискахъ II отд. Имп. Ак. Н. Спб., 1854 г., кн. I, стр. 35); Guagnini: Descriptio Sarmatiae Europeae, p. 60"; Город. поселенія въ Росс. Имперіи, т. II, стр. 187; Въ запискахъ игумена Ореста разсказывается, будто польскій король Казиміръ въ память спасенія отъ утопленія супруги своей Елены (?) въ день Святаго Пророка Иліи, велѣлъ построить въ Бѣлоруссіи шесть церквей во имя сего Святаго на берегахъ рѣкъ Двины, Днѣпра и Сожа. Таковы храмы въ Витебскѣ, Вишенковичахъ, въ Могилевѣ и Кричевѣ; въ Оршѣ и Чериковѣ Ильинскіе храмы сгорѣли. (Акты Витеб. коммисіи). Но Елена, дочь Ивана III, была замужемъ за Александромъ, а не Казиміромъ, а во вторыхъ Ильинская церковь существовала и въ Мстиславлѣ, построенная на мѣстѣ поклоненія языческимъ богамъ. Очевидно и въ Оршѣ надо предполагать ея основаніе на такомъ-же мѣстѣ.

[2]) „Того-же лѣта князь Андрей Олгердовичъ полоцкии воевалъ Ховрачь да Родне (Никон. Лѣт. ч. 4, стр. 19, подъ 1367 г.). Руда или Рудская всегда признавалась волостью смоленскою. (См. Сборникъ Имп. Рус. Истор. Общ., т. XXXV, стр. 394, 483, 632, 688 и др.). Въ настоящее время это мѣстечко Могилев. г., Оршанск. у. при р. Березинѣ (Городскія поселенія въ Росс. Имперіи, т. II, стр. 225).

западу отъ Жижца, между р. Куньей и Вскунцей, а второй—на рѣкѣ Куньѣ, недалеко отъ впаденія ея въ Ловать [1]).

Мы закончили историко-географическій очеркъ Смоленской земли, политическія границы которой въ эпоху высшаго ея могущества могутъ быть приблизительно проведены слѣдующимъ образомъ. На западѣ Смоленская земля была отдѣлена отъ земли Полоцкой теченіемъ рѣки Днѣпра, на берегу котораго лежатъ *Копысь* и *Орша*. Затѣмъ отъ того мѣста, гдѣ Днѣпръ поворачиваетъ на юго-западъ, пограничная черта шла по сухому пути до верховьевъ рѣки Чернейки. Здѣсь мы видимъ городъ *Рудню* и на Чернейкѣ *Жидчичи*. Затѣмъ граница идетъ по берегамъ р. Каспли, вѣроятно, до ея устья и поворачиваетъ на сѣверо-востокъ къ верховьямъ рѣки Куньи, притока Ловати. Тутъ мы видимъ *Клинъ* и *Дубровну*. Отъ послѣдняго города черта можетъ быть проведена къ среднему теченію р. Торопы, на которой передовымъ постомъ Смоленской земли является *Торопецъ*. Далѣе граница направлялась къ верховьямъ Волги, гдѣ мы находимъ волости *Хотшинъ* и *Жабачевъ*. По всей вѣроятности, теченіе Волги отдѣляло далѣе Смоленскую землю отъ Новгородской, а тамъ, гдѣ стояла Смоленская крѣпостца *Ржева,* сходились владѣнія трехъ политическихъ центровъ: Смоленска, Новгорода и Суздаля, такъ какъ Зубцовъ на Волгѣ уже принадлежалъ князьямъ Суздальскимъ [2]).
Берега рѣки Вазузы въ ея нижнемъ теченіи и затѣмъ отчасти теченіе р. Гжати служили раздѣльной чертой между землями Суздальской и Смоленской. Приблизительно отъ средняго теченія Гжати граница рѣзко поворачивала на востокъ и переходила къ верховьямъ рѣки Ламы. Вѣроятно, гдѣ-то у средняго теченія р. Москвы, но несомнѣнно, восточнѣе одноименнаго ей города, она пересѣкала эту рѣку. Гдѣ

---

[1]) Положеніе *Дубровны* и *Клина* опредѣляется разсказомъ лѣтописи подъ 1234 г.: Литва напала на Новгородскую волость „и отступиша *на Клинъ*“. Дошла объ этомъ вѣсть къ князю Ярославу въ Новгородъ. „Поидоша на нихъ *по Ловати*; и постигоша *я на Дубровнѣ*, на селищи *въ Торопьчьскои волости*“. (Новгород. I лѣтоп., стр. 244). Литва отступала на югъ, ибо иначе нельзя было ее преслѣдовать по Ловати, слѣд. городъ *Клинъ* находился гдѣ-то къ югу, по теченію Ловати, недалеко отъ нея. Догнали Литву, не доходя до *Клина,* тоже, значитъ, гдѣ-то около Ловати. Положеніе *Клина,* села Торопец. у. Псков. губерніи и *Дубровны* на Куньи Новгород. губерніи вполнѣ соотвѣтствуютъ этимъ фактамъ (См. карту Шуберта, листъ 27 и 28).

[2]) См. примѣч. 1 на стр. 67.

она заворачивала на югъ, мы указать не можемъ, а съ юговосточной стороны ея направленіе опредѣляется смоленскими волостями: *Добрятинымъ, Доброчковымъ,* т. е., пересѣкаетъ рр. Пахорку и Пахру и доходитъ до нижняго теченія р. Протвы, гдѣ обозначается мѣстонахожденіемъ волости *Бобровницъ*, и переходитъ къ среднему теченію Угры. Отсюда пограничная черта направляется на юго-западъ къ верховьямъ рѣки Болвы, гдѣ волость *Оболвь* является крайней, и затѣмъ, перерѣзавъ водораздѣлъ между Болвой и Шуйцей, достигаетъ береговъ р. Десны, гдѣ была расположена Смоленская волость *Пацынь*, за которымъ слѣдуетъ *Изяславль*, являющійся звѣномъ, связывающимъ подесненскія смоленскія поселенія съ поселеніями по берегамъ рѣки Ипути. Тутъ важнымъ стратегическимъ пунктомъ является городъ *Зарой*, открывавшій дорогу въ Смоленскую землю. Съ верховьевъ Ипути граница переходила къ берегамъ рѣки Вехры, гдѣ стояли города *Кричевъ*, *Пропойскъ*, а затѣмъ снова переходила къ берегамъ рѣки Днѣпра.

Въ заключеніе обратимъ вниманіе еще на два—три факта, рисующіе намъ характеръ границъ Смоленской земли. Оказывается, что съ древнихъ временъ по берегамъ рѣки Волги происходила страшная путаница междуземельныхъ отношеній: *однѣ и тѣ-же волости тянули къ Смоленску, а дань давали ко Твери*; другія наоборотъ; *одна и таже волость* платила дань и *къ Новгороду* и *къ Москвѣ*, и *къ Литвѣ*, т. е., въ древности опять таки *къ Смоленску*; однѣ и тѣ-же волости *по суду* неопредѣленно относятся то *къ Новгороду*, то *къ Смоленску* [1]).

---

[1]) „А которои мѣста порубежныи *потягли* будуть къ Литвѣ, или *къ Смоленску*, а *подать давали ко Тферы*: ино имъ и нынѣчы тягнути по старому; а которыи мѣста порубежныи *потягли* будуть ко Тферы, а подать будуть данвали къ Литвѣ или къ Смоленску: ино имъ и нынѣчы тягнути *по давному*, а подать давати по давному-жъ". (Договоръ Тверс. князя Бориса съ Витовтомъ 1427 г. въ Актахъ Зап. Россіи, т. I, № 33). „Дань *Ржовская здавна* потому шла, *господару королю* его милости, и *къ Новугороду*, и *къ Москвѣ*...." (Акты Запад. Россіи, т. I, № 71).

„А *Торопецкому* тивуну по *Новгородскимъ* волостемъ не судити, ни *Ржовскому* .." (Договоръ Новгорода съ Казиміромъ 1440 г. въ Актахъ Зап. Россіи, т. I, № 39 и ихъ-же договоръ 1470 г. въ Актахъ Археографич. Экспедиціи, т. I, № 67).

„А судъ земли и водѣ и всему обидному дѣлу межи нами обычный отъ того веремени, какъ дѣдъ нашъ, великій князь Витовтъ, послѣднее Смоленскъ взялъ подъ Юрьемъ". (Договоръ Тверск. князя Бориса съ Казиміромъ 1449 и 1427 г., въ Акт. Зап. Россіи т. I, № 51).

Природа, воспитывая характеръ Смольнянина, не была вмѣстѣ съ тѣмъ къ нему мачихой: она давала ему множество средствъ для развитія культурной жизни значительнымъ богатствомъ естественныхъ произведеній.

Въ лѣсахъ Смоленской земли мы находимъ деревья различныхъ породъ. Тутъ были ель, береза, сосна, дубъ [1]). Береза, какъ надо думать, пользовалась у Кривичей какимъ-то особымъ значеніемъ: мы видимъ цѣлый рядъ кургановъ, гдѣ покойники обернуты въ бересту; интересно, что этотъ обычай удерживается даже и въ христіанское время [2]). Вообще лѣсными богатствами въ то время не дорожили и утилизировали ихъ безъ всякой бережливости. Въ огромномъ количествѣ гналась смола, которая шла какъ для внутренняго употребленія, такъ и для вывоза заграницу. Какъ видно, ея заготовлялись огромные запасы, иногда остававшіеся не проданными [3]). Огромныя вѣковыя деревья рубились и сплавлялись по Днѣпру и Двинѣ; иногда на мѣстѣ приготовлялись доски, колья, служившіе также предметомъ вывоза. Кривичи были извѣстны также какъ строители лодокъ однодеревокъ. Послѣднія были, конечно, необходимы имъ лично, но мы знаемъ, что еще въ X ст. Кривичи, по словамъ Императора Константина Багрянороднаго, зимой рубили въ своихъ лѣсахъ деревья, вчернѣ приготовляли изъ нихъ лодки-однодеревки и весной сплавляли ихъ на югъ, къ Кіеву [4]). Несомнѣнно, мѣстнаго изготовленія были

---

[1]) Топографич. извѣстія. Спб. 1771 г., стр. 24—25.

[2]) См. напр. Раскопки Сизова въ Рославл. и Ельн. у.у. (Древности. Труды Московск. Археол. Общ. т. XI, в. 3, М. 1887 г.); Дневникъ раскопокъ Фурсова въ Могилев. губ. № 42, стр. 26; Журналъ раскопокъ въ Смолен. губ. Кусцинскаго (Древности. Труды Москов. Археол. Общ., т. IX, в. 1. М. 1881 г., стр. 6, № 31); Когда въ 1540 году открыли въ Переяславлѣ гробъ св. князя Андрея Смоленскаго, умершаго въ 1390 году, то оказалось, что мощи были обернуты берестою (Арх. Филаретъ, „Русскіе Святые", Октябрь, стр. 88, 91). Впрочемъ, этотъ обычай обертыванія тѣлъ берестой существовалъ не у однихъ Кривичей.

[3]) Такъ, въ Рославльск. у. близъ селеній, Толстобина, Сельца и Прилѣпъ въ 1865 году открыты древніе запасы смолы въ видѣ кургановъ. (Рокачевскій, „Опытъ собранія историческихъ записокъ о городѣ Рославлѣ", въ Изв. Имп. Рус. Археол. Общ., т. IX, стр. 509). Отпускъ дегтя изъ Смоленской земли заграницу продолжался и въ XVI в. (Флетчеръ: „О государствѣ русскомъ" Лондонъ, 1591 г., стр. 9).

[4]) „Οἱ δὲ Σκλαβοὶ οἱ πακτιῶται αὐτῶν τῶν Ῥῶς, οἱ Κριβηταιηνοὶ λεγόμενοι καὶ οἱ Λενζανῆνοι οἱ λοιποὶ Σκλαβίνιοι, εἰς τὰ ὄρη αὐτῶν κόπτουσι τὰ μονόξυλα ἐν τῷ τοῦ χειμῶνος και-

вообще всѣ суда, какъ ладіи, челны, учаны. Домашній матеріалъ въ своихъ лѣсахъ находили жители Смоленской земли для колъ и саней, на которыхъ между прочимъ перевозились и товары[1]). Едвали можно сомнѣваться и въ томъ, что въ Смоленской землѣ было развито бондарное ремесло, и что бочки, которыми мѣрялось жито и хмель, и кади, служившія для меду, были мѣстнаго издѣлія[2]).

Богатства растительнаго царства не исчерпывались только лѣсами. Въ Смоленской землѣ извѣстны были, какъ надо думать, съ очень отдаленныхъ временъ и воздѣлывались: рожь, ячмень, пшеница, овесъ, горохъ, капуста, хмель, ленъ, конопля, пенька[3]). Мы видимъ тамъ занятіе садоводствомъ и огородничествомъ. Что касается въ частности капусты, то, какъ кажется, ею спеціально засѣвались цѣлые огороды,

---

ρῷ, καὶ καταρτήσαντες αὐτῶν τοῦ καιροῦ ἀνοιγομένου, ἡνίκα διαλυθῇ ὁ παγετός, εἰς τὰ πλησίον οὖσας λέμνας εἰσάγουσιν αὐτά. καὶ ἐπειδὴ ἐκεῖνα εἰσβάλλουσιν εἰς ποταμὸν τὸν Δάναπριν, ἀπὸ τῶν ἐκεῖσε οὗτοι εἰς τὸν αὐτὸν παταμὸν εἰσέρχονται καὶ ἀπέρχονται εἰς το Κιόβα, καὶ σύρουσιν εἰς τὴν ἐξάρτησιν, καὶ ἀπεμπολοῦσιυ αὐτὰ εἰς τοὺς Ρῶς. οἱ δὲ Ῥῶς σκαφίδια καὶ μόνα ταῦτα ἀγοράζοντες, τὰ παλαιὰ αὐτῶν μονόξυλα καταλύοντες ἐξ αὐτῶν βάλλουσιν καὶ πέλλας, καὶ σκαρμοὺς εἰς αὐτὰ καὶ λοιπὰς χρείας, ἐξοπλίζουσιν αὐτά. (Corpus Script. Hist. Byz. Const. Porphyr., v. III, p. 75). О сплавкѣ корабельнаго лѣса въ Ригу мы находимъ извѣстіе у Гвагнини, стоящее въ полномъ соотвѣтствіи съ показаніемъ Константина Б. о сплавѣ ладей, собственно *лѣса* для ладей. (Guagnini. „Descriptio Sarmatiae, p. 73 verso).

[1]) „Оу кого ся избиеть *оучанъ*, а любо *челнъ*...“, то помогать и товаръ сохранять (Договоръ Мстислава Давидовича съ Ригой 1229 г., изд. Liv—Esth—und Curländisches Urkundenbuch, herausg. v. Dr. Bunge. B. I, Reval. 1853. № CI, ст. XXXVII); Витебскій князь Михаилъ обѣщаетъ нѣмцамъ: „а *учаны* хочю проводити с коньми и до Полотьска (Русско-Ливон. Акты, изд. Археогр. коммиссіи, Спб. 1868 г. № XLIX, стр. 27). „Аже тиоунъ оуслышить Латинескый гость пришелъ, послати ему люди с *колы* пъревѣсти товаръ... (Договоръ 1229 т. Urkundenbuch v. Bunge, B. I, № CI, ст. XV); „....а у Торопчи... трои *сани* рыбы“... (Уставн. грам. Ростислава, въ Хрестоматіи Буданова, стр. 228).

[2]) „Се язъ князь Василей Юревичъ.... далъ есми къ Пречистой Богоматери къ зборной церкви къ Смоленску... пять *кадей* меду, а пять коп грошей, а двадцат *бочокъ* жита... (Archwium Sanguszków, v. I, подъ 1470 г.). Также грамота Мстиславскаго князя Ивана Юрьевича 1463 г. Троицкому собору въ Мстиславлѣ: „...придали есмо дани... пять *кадей* меду, а двѣ *бочки* хмелю... И еще есмо придали жита ярого зъ гуменъ сто четыредесять *бочокъ*“.... (Акты Запад. Россіи, т. I, № 66).

[3]) О воздѣлываніи этихъ растеній въ Бѣлоруссіи вообще и около Смоленска, Дорогобужа и Вязьмы, въ частности см. Cellarius: Regni Poloniae magni ducatus Lituanie omniumque regionum juri polonico subjectarum descriptio, p. 409, и Флетчеръ: „О государствѣ русскомъ“, стр. 9; ср. также: Соловьевъ: „Географич. извѣстія о древней Россіи“ (Отеч. Записки, 1853 г., т. 88, стр. 44 и 53).

а люди, за ними наблюдавшіе, носили и названіе „капустники“ [1]). Ленъ и пенька, по всей вѣроятности, и въ древнѣйшее время, какъ и позже въ XVI ст., служили предметомъ вывоза [2]). Но несравненно большее значеніе въ матеріальной жизни Смольнянъ, конечно, имѣло хлѣбопашество. Мы видѣли раньше, какую борьбу съ природой приходилось вести человѣку въ Смоленской области, какъ природа уничтожала результаты людскихъ усилій и обращала въ болота расчищенныя изъ подъ лѣса пашни. Тѣмъ не менѣе земледѣліе въ Смоленскомъ княжествѣ процвѣтало. Смоляне являлись чуть-ли не главными поставщиками хлѣба въ Новгородъ В. и за границу. Мы видимъ тутъ, какъ и слѣдовало ожидать, подсѣчное хозяйство, существовавшее въ древнее время повсемѣстно и удержавшееся въ Бѣлоруссіи довольно долго. Мѣста „пожней“ приходилось отвоевывать у лѣса. До насъ дошло описаніе отъ XVI в. расчистки лѣса. Около праздника Св. Апостоловъ Петра и Павла и до праздника Успенія Пресвятой Богородицы обыкновенно рубятъ деревья и поросли и оставляютъ все это на зиму. Весной, послѣ Пасхи нарубленное дерево сжигаютъ, и получается весьма плодородная почва. Если на расчищаемомъ мѣстѣ деревья очень стары и толсты, то ихъ не рубятъ, а обрубаютъ только съ нихъ часть вѣтвей и вырубаютъ кустарники, чтобы не лишить поля тѣни. Такое расчищенное изъ подъ лѣса поле носило названіе *„Ляда“*, а пашни, устроенныя среди лѣса раньше и засѣвавшіяся уже не разъ, назывались „старины“. Все зависѣло, конечно, отъ силъ земледѣльца: сколько можетъ захватить у лѣса земли, столько и его; можетъ онъ ежегодно производить расчистку новыхъ „притеребъ“, онъ будетъ

---

[1]) „Тежъ вказалъ передъ нами и листъ отца нашого, што его милость писалъ до пана Ивана Важевича, какъ отъ его милости *Смоленскъ* державъ, ижъ бы далъ Михаилу владыцѣ земли пустовское городское на двадцать человѣковъ, на чомъ бы могъ ихъ посадити, и дворы бы тыи люди могли собѣ збудовати *зъ огороди*...“ (Грамота князя Литов. Александра 1494 г., въ Акт. Зап. Россіи, т. I, № 118); „Бывшю же бездождию велику въ градѣ, яко изсыхати земли и *садом*...“ (Житіе Авраамія Смоленскаго, въ Христоматіи по Русской Исторіи Аристова, Варшава, 1870 г. стр. 409); „...и скупи (епископъ Смоленскій Игнатій) *огради овощьныя*...“ (то-же, ibid. стр. 410); „...и на горѣ *огородъ съ капустникомъ* и съ женою и съ дѣтми,... къ Святѣй Богородици... (Устав. грамота Ростислава, Христоматія Буданова, стр. 225).

[2]) См. примѣч. 3, на стр. 89. И въ новѣйшее время смоленское купечество возило черезъ Двину въ Ригу въ большомъ количествѣ *пеньку* (Кирилловъ: „Цвѣтущее состояніе Россійск. государства“, стр. 127).

имѣть, конечно, превосходный урожай. Богатые расчищали лѣсъ на большія пространства при помощи наемнаго труда и садили людей, образовывали новыя поселенія [1]). Земля, очищенная отъ лѣса, становилась собственностью расчистившаго лица, деревни, села. Поэтому и въ Смоленской землѣ, какъ и въ другихъ областяхъ, при опредѣленіи земельныхъ владѣній въ документахъ употребляется выраженіе: „куда топоръ и соха и коса ходили“ [2]). Занятіе земледѣліемъ у Кривичей и Радимичей, входившихъ также въ составъ населенія Смоленскаго княжества, существовало съ отдаленныхъ временъ. Такъ въ курганахъ находятъ сженный хлѣбъ и ячмень [3]). Прекрасные урожаи, получавшіеся съ дѣвственной почвы, давали возможность вести отпускъ хлѣба въ широкихъ размѣрахъ и за границу. Несомнѣнно, что Новгородъ В. получалъ въ значительномъ количествѣ хлѣбъ изъ земли Смоленской, и когда, въ силу какихъ нибудь политическихъ обстоятельствъ, прерывался вывозъ этого продукта изъ Смоленска, въ Новгородѣ начиналась дороговизна [4]). Вывозъ смоленскаго хлѣба въ Ригу по Двинѣ не подлежитъ сомнѣнію. Изъ донесенія Полоцкаго альтермана Рижскому совѣту около 1400 г. видно, что изъ Смоленска доставлялись скотъ, рожь, медъ и съѣстные продукты вообще [5]). Но и въ Смоленской землѣ, какъ часто въ то время бывало и въ другихъ областяхъ, иногда наступалъ голодъ. Тогда приходилось обратиться

---

[1]) „Guagnini: Descriptio Sarmatiae“, pp. 61 v., 62; ...да скажоу ти соущих славы хотящих: иж прилагають домъ къ домоу и села к селомъ. изгояж. и сябры и бортіи и *пожнии. ляда* же. и *старины*“. (Письмо митрополита Климента къ смоленскому священнику Ѳомѣ XII в. изд. подъ редак Лопарева, 1892 г. стр. 14). Въ Смоленской посощинѣ 1453 г. читаемъ: а што будетъ лѣсъ того-жъ селища николи не похыванъ, и тотъ лѣсъ расвашутъ и посадятъ людей: и съ тыхъ людей нѣтъ посощины“. „...теребите путь и мосты мостите“, говоритъ Владиміръ св., собираясь на Ярослава. „Теребить“ здѣсь ясно употреблено въ смыслѣ „расчищать лѣсъ“. Отсюда и слово „притереба“, расчищенное пространство. (Ипат. Лѣт. стр. 89, Аристовъ: „Промышленность древней Руси“, Спб 1866 г., стр. 58).

[2]) Можайскіе Акты. Спб. 1892 г., стр. 3; Акты Археогр. Эксп. т. I, № 38.

[3]) Изв. Рус. Археол. Общ. 1887 г., т. II, н. с., стр. LXXV; Смолен. Вѣстн. 1888 г. № 34.

[4]) „...и не бе мира съ ними (Псковичами), ни съ Суждальци, *ни съ Смольняны*, ни съ Полоцяны, ни съ Кыяны. И стоя „всѣ лѣто осмьнъка великая по 7 резанѣ“. (Нов. Лѣт. I, изд. 1888 г., стр. 131, подъ 1137 годомъ).

[5]) Тутъ перечисляются: Quek (Vieh), roggen, honnich, vytalye (Lebensmittel, Proviant). Русско-Ливон. Акты, № CXXXV, стр. 105.

а люди, за ними наблюдавшіе, носили и названіе „капустники“ [1]). Ленъ и пенька, по всей вѣроятности, и въ древнѣйшее время, какъ и позже въ XVI ст., служили предметомъ вывоза [2]). Но несравненно большее значеніе въ матеріальной жизни Смольнянъ, конечно, имѣло хлѣбопашество. Мы видѣли раньше, какую борьбу съ природой приходилось вести человѣку въ Смоленской области, какъ природа уничтожала результаты людскихъ усилій и обращала въ болота расчищенныя изъ подъ лѣса пашни. Тѣмъ не менѣе земледѣліе въ Смоленскомъ княжествѣ процвѣтало. Смоляне являлись чуть-ли не главными поставщиками хлѣба въ Новгородъ В. и за границу. Мы видимъ тутъ, какъ и слѣдовало ожидать, подсѣчное хозяйство, существовавшее въ древнее время повсемѣстно и удержавшееся въ Бѣлоруссіи довольно долго. Мѣста „пожней“ приходилось отвоевывать у лѣса. До насъ дошло описаніе отъ XVI в. расчистки лѣса. Около праздника Св. Апостоловъ Петра и Павла и до праздника Успенія Пресвятой Богородицы обыкновенно рубятъ деревья и поросли и оставляютъ все это на зиму. Весной, послѣ Пасхи нарубленное дерево сжигаютъ, и получается весьма плодородная почва. Если на расчищаемомъ мѣстѣ деревья очень стары и толсты, то ихъ не рубятъ, а обрубаютъ только съ нихъ часть вѣтвей и вырубаютъ кустарники, чтобы не лишить поля тѣни. Такое расчищенное изъ подъ лѣса поле носило названіе „*Ляда*“, а пашни, устроенныя среди лѣса раньше и засѣвавшіяся уже не разъ, назывались „старины“. Все зависѣло, конечно, отъ силъ земледѣльца: сколько можетъ захватить у лѣса земли, столько и его; можетъ онъ ежегодно производить расчистку новыхъ „притеребъ“, онъ будетъ

---

[1]) „Тежъ вказалъ передъ нами и листъ отца нашого, што его милость писалъ до пана Ивана Вяжевича, какъ отъ его милости *Смоленскъ* державъ, ижъ бы далъ Михаилу владыцѣ земли пустовскоѣ городскоѣ на двадцать человѣковъ, на чомъ бы могъ ихъ посадити, и дворы бы тыи люди могли собѣ збудовати *зъ огороди*...“ (Грамота князя Литов. Александра 1494 г., въ Акт. Зап. Россіи, т. I, № 118); „Бывшю же бездождию велику въ градѣ, яко изсыхати земли и *садом*...“ (Житіе Авраамія Смоленскаго, въ Христоматіи по Русской Исторіи Аристова, Варшава, 1870 г. стр. 409); „...и скупи (епископъ Смоленскій Игнатій) *огради овощьныя*...“ (то-же, ibid. стр. 410); „...и на горѣ *огородъ съ капустникомъ* и съ женою и съ дѣтми,... къ Святѣй Богородици... (Устав. грамота Ростислава, Христоматія Буданова, стр. 225).

[2]) См. примѣч. 3, на стр. 89. И въ новѣйшее время смоленское купечество возило черезъ Двину въ Ригу въ большомъ количествѣ *пеньку* (Кирилловъ: „Цвѣтущее состояніе Россійск. государства“, стр. 127).

имѣть, конечно, превосходный урожай. Богатые расчищали лѣсъ на большія пространства при помощи наемнаго труда и садили людей, образовывали новыя поселенія [1]). Земля, очищенная отъ лѣса, становилась собственностью расчистившаго лица, деревни, села. Поэтому и въ Смоленской землѣ, какъ и въ другихъ областяхъ, при опредѣленіи земельныхъ владѣній въ документахъ употребляется выраженіе: „куда топоръ и соха и коса ходили" [2]). Занятіе земледѣліемъ у Кривичей и Радимичей, входившихъ также въ составъ населенія Смоленскаго княжества, существовало съ отдаленныхъ временъ. Такъ въ курганахъ находятъ сженный хлѣбъ и ячмень [3]). Прекрасные урожаи, получавшіеся съ дѣвственной почвы, давали возможность вести отпускъ хлѣба въ широкихъ размѣрахъ и за границу. Несомнѣнно, что Новгородъ В. получалъ въ значительномъ количествѣ хлѣбъ изъ земли Смоленской, и когда, въ силу какихъ нибудь политическихъ обстоятельствъ, прерывался вывозъ этого продукта изъ Смоленска, въ Новгородѣ начиналась дороговизна [4]). Вывозъ смоленскаго хлѣба въ Ригу по Двинѣ не подлежитъ сомнѣнію. Изъ донесенія Полоцкаго альтермана Рижскому совѣту около 1400 г. видно, что изъ Смоленска доставлялись скотъ, рожь, медъ и съѣстные продукты вообще [5]). Но и въ Смоленской землѣ, какъ часто въ то время бывало и въ другихъ областяхъ, иногда наступалъ голодъ. Тогда приходилось обратиться

---

[1]) „Guagnini: Descriptio Sarmatiae", pp. 61 v., 62; ...да скажоу ти соущих славы хотящих: иж прилагають домъ къ домоу и села к селомъ. изгониж. и сябры и бортіи и *пожнии. ляда* же. и *старины*". (Письмо митрополита Климента къ смоленскому священнику Ѳомѣ XII в. изд. подъ редак Лопарева, 1892 г. стр. 14). Въ Смоленской посощинѣ 1453 г. читаемъ: а што будетъ лѣсъ того-жъ селища николи не похыванъ, и тотъ лѣсъ расвашутъ и посадятъ людей: и съ тыхъ людей нѣтъ посощины". „...теребите путь и мосты мостите", говоритъ Владиміръ св., собираясь на Ярослава. „Теребить" здѣсь ясно употреблено въ смыслѣ „расчищать лѣсъ". Отсюда и слово „притереба", расчищенное пространство. (Ипат. Лѣт. стр. 89, Аристовъ: „Промышленность древней Руси", Спб 1866 г., стр. 58).

[2]) Можайскіе Акты. Спб. 1892 г., стр. 3; Акты Археогр. Эксп. т. I, № 38.

[3]) Изв. Рус. Археол. Общ. 1887 г., т. II, н. с., стр. LXXV; Смолен. Вѣстн. 1888 г. № 34.

[4]) „....и не бе мира съ ними (Псковичами), ни съ Суждальци, *ни съ Смольняны*, ни съ Полоцяны, ни съ Кыяны. И стоя „всѣ лѣто осмьнъка великая по 7 резанѣ". (Нов. Лѣт. I, изд. 1888 г., стр. 131, подъ 1137 годомъ).

[5]) Тутъ перечисляются: Quek (Vieh), roggen, honnich, vytalye (Lebensmittel, Proviant). Русско-Ливон. Акты, № CXXXV, стр. 105.

къ какой-нибудь замѣнѣ ржи, и Смольняне выучились приготовлять хлѣбъ изъ лебеды. Преподобный Прохоръ Печерскій, какъ выходецъ изъ Смоленской земли, во время голода въ Кіевѣ при Святополкѣ Изяславичѣ, оказалъ большую услугу населенію приготовленіемъ лебеднаго хлѣба [1]). Неурожайные годы приносили съ собою моръ. Надо предполагать, что въ бо̀льшей или меньшей степени, голодовки случались въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ Смоленской земли не особенно рѣдко, но такого бѣдствія, какое постигло ея жителей въ 1230 г. и 1438 г., мы не встрѣчаемъ болѣе во весь древній періодъ ихъ исторіи. Въ 1230 году голодъ начался зимой, затѣмъ появился моръ. Въ Смоленскѣ было устроено четыре скудельницы для погребенія умирающихъ. Городъ потерялъ изъ своего населенія 23900 человѣкъ [2]). Кажется, въ 1438 году несчастіе было еще ужаснѣе. Былъ голодъ сильный въ Смоленскѣ, разсказываетъ лѣтописецъ. По лѣсамъ и дорогамъ звѣри ѣли людей, а по улицамъ города псы пожирали мертвыхъ, таская головы, руки и ноги; люди ѣли кошекъ и дѣтей отъ страшнаго голода; по волостямъ и селамъ въ великій постъ питались мясомъ и звѣриной [3]). Въ такія тяжелыя годины населеніе получало помощь только извнѣ. Такъ въ 1230 году хлѣбъ былъ привезенъ изъ-за границы, отъ Нѣмцевъ [4]). Чтобы покончить съ флорой Смоленской земли, намъ остается сказать, что для занятія скотоводствомъ у жителей были прекрасные луга—„сѣножати“ [5]).

При раскопкахъ кургановъ, въ бо̀льшей части случаевъ, или въ глиняныхъ горшкахъ, или просто среди пепла и земли, находятъ кости домашнихъ животныхъ [6]). Другія данныя также указываютъ на

---

[1]) Кіево-печерскій патерикъ, въ пер. Викторовой. Кіевъ. 1870 г. стр. 117—119; Арх. Филаретъ: Русскіе святые, февраль, стр. 26.

[2]) Супрасльс. лѣг. стр. 30; Лавр. Лѣт. стр. 485. Послѣдняя даетъ еще большую цифр/ погибшихъ въ этомъ году: въ четвертой скудельницѣ она помѣщаетъ 9000 труповъ, но едвали это не ошибка. Въ Супрасльс. Лѣт. стоитъ ясно: „а въ д҃ ф҃ сотъ“.

3) Лѣтопись Попова, стр. 53. (Учен. Записки II отд. Имп. Ак. Н. Спб., 1854 г., кн. 1).

[4]) Примѣч. 2.

[5]) „...и озера Нимикорская и *съ сѣножатми*... и на Сверковыхъ Лукахъ *сѣножати*... Святѣй Богородицѣ“. (Уставн. Грам. Ростислава, Христоматія Буданова, стр. 225).

[6]) Раскопки Соколова въ Смолен. губерніи (Древности, т. IX, вв. 2 и 3, стр. 64); Записки Имп. Рус. Археол. Общ. т. II, н. с., стр. LXXV; раскопки Сизова въ Смолен. губерніи (Древности, т. X, 1885 г., протоколы, стр. 48—49); раскопки Кусцинскаго (Древности, т. IX, в. 1, 1881 г., стр. 5).

довольно разнообразную фауну въ Смоленской землѣ. Изъ числа домашнихъ животныхъ мы можемъ указать собаку [1]), птицъ [2]), лошадей, рогатый скотъ крупный и овецъ; изъ насѣкомыхъ особенно важную роль играли пчелы. Собака, какъ сторожъ и другъ человѣка, сопровождала его и въ загробную жизнь, но весьма возможно также, что она слѣдовала туда за хозяиномъ и по другой причинѣ. Мы видимъ, что собаки употреблялись для ловли бобровъ [3]), а слѣдовательно необходимы были Смольнянину для той же цѣли и на томъ свѣтѣ. Лошадей, какъ кажется, было въ Смеленской землѣ довольно значительное количество: мы находимъ свѣдѣнія о цѣлыхъ табунахъ. Лошади необходимы были на войнѣ, для работъ земледѣльческихъ, для перевозки товаровъ на колохъ и саняхъ. Воина сопровождала лошадь и въ могилу. До насъ дошли также ясныя указанія, что Смоленскъ производилъ лошадьми торговлю съ зап. Европой черезъ Ригу. Мы едвали погрѣшимъ, предположивъ, что въ свою очередь Смольняне добывали коней съ юга чрезъ Сѣверскую и, можетъ быть, Рязанскую область. Какъ видно, нѣкоторые кони были очень хорошей породы и цѣнились дорого [4]). То обстоятельство, что князья даютъ церквамъ и мона-

---

[1]) Ibidem.

[2]) Ibidem.

[3]) Въ Смоленской посощинѣ 1453 г. читаемъ: „туто имъ (боярамъ) ставити поколодвы, и коши, и *собаки* держать, и сѣти, какъ мога, такъ имъ бобра ловити".—Въ 1504 году Московское правительство жаловалось литовскому: „тыми разы Гаврило Полтевичъ послалъ люди свои до отчины своей до Пристары бобровъ гонити; нно людей его перебили и сѣти бобровые и *собаки* поотнимали" („На память списокъ смоленскихъ князей и бояръ кривдъ и шкодъ..". Сборникъ Имп. Рус. Ист. Общ., т. 35, Спб. 1882 г., стр. 446).

[4]) Въ 1487 г. Литов. князь Казимиръ заявлялъ обиды, нанесенныя московскими людьми его подданнымъ. Между прочимъ тутъ указывается, что Смоленская волость Недоходовъ была дважды ограблена, причемъ въ первый разъ было угнано „полтретьятцатеро" *коней*, а вторично тристнадцатеро, (?) *коней*. (Сборникъ Им. Рус. Истор. Общ., т. 35, стр. 3–4). По жалованной грамотѣ литов. князя Александра Смоленску 1505 г. взималась съ городскихъ коней извѣстная годавая пошлина, называвшаяся „*куницей*" еще со временъ Витовта, то есть, съ начала XV ст. (Акты Зап. Россія, ст. I, № 213, т. XXIV). „И се нине 5-ю обиду поведываемъ, както Немчи послали свои *коне изъ Смоленьска* у Витебескъ, то ты, княжо, тые коне обзрелъ и улюбилъ еси одиного *коня*, тои *конь* былъ Герлаховъ, тотъ ты его хотелъ безъ измены. Тии людье рекли: княжо, мы *коня* не дамы, ни продамы его, не смеемъ: конь Герлаховъ. И ты, княжо, давалъ еси на кони 10 изроевъ, и они не взяли. Тотъ ты рекъ, княжо: дайте вы мнѣ конь, я васъ провожю изъ Смоленьска и сквозѣ Касплю, а учаны хочю проводити съ коньми и до Полотьска." (Русско-Ливон.

Какъ видно, бобры водились по многимъ рѣкамъ и озерамъ. По крайней мѣрѣ, цѣлый рядъ грамотъ заключаетъ въ себѣ пожертвованіе бобровыхъ гоновъ со стороны князей монастырямъ и церквамъ, или упоминаніе о бобровыхъ гонахъ, какъ угодьяхъ земельныхъ владѣній тѣхъ или иныхъ лицъ. Нерѣдко происходили споры о правѣ ловли между владѣльцами смежныхъ участковъ берега рѣки или озера, „на сумежномъ берегу". Владѣльцы портили другъ другу снасти для ловли, перехватывали бобровъ и т. д. Для ловли этого звѣря употреблялись сѣти, рожны, осоки, поколодвы, коши. Охотились и съ собаками. У насъ нѣтъ указаній на отпускъ боброваго мѣха изъ Смоленской земли за границу. Главнымъ образомъ, сбывались мѣха лисьи, соболиные, куньи, а также волчьи. Мѣхами собиралась княжеская дань. Можетъ быть, въ благопріятныхъ мѣстностяхъ всѣ жители занимались бобровыми ловами, отчего и явились поселенія съ названіями „Бобровницы" [1]).

Вѣроятно, исключительно для внутренняго потребленія производилась рыбная ловля. Но тѣмъ не менѣе она была значительно развита. Орудіями ея въ Смоленской землѣ являются неводъ, бредникъ

---

[1]) „...дали есьмо на церковь Божію храму святого Онофрея *берегы* на Сожи, *гоны бобровыи*, почонши отъ Малотомли, по Лобковскій рубежъ по Сожу...." (Грамота Мстислав. князя Михаила 1525 г.—Акты Зап. Россіи, т. II. № 132); см. еще напр, грамоты: Мстислав. князя Юрія 1443 г. (Акты Зап. Россіи, т. I, № 43), Мстислав. князя Михаила 1525 г. (Акты Зап. Россіи, т. II, № 136). Изъ судной грамоты литов. князя Александра обнаруживается, что владыка Смоленскій Іосифъ жаловался на шкоды, производимыя князьями *въ бобровыхъ гонахъ* (Акты Зап. Россіи, т. I, № 145); въ Смоленской погощинѣ 1454 г. читаемъ: „такожъ *о бобровыи гоны* повѣдали тыи-жъ старцы: гдѣ *берегъ* великого князя *сумежный* зъ боярскими, туто гонити бобры бобровникомъ и великого князя и боярскимъ, и подѣлити бобры по старому; а *сѣтей*, и *рожновъ*, и *осокъ*, и *собакъ*, бояромъ не держать, и *поколодовъ* и *кошовъ* не ставити". См. примѣч. 3, стр. 93. Относительно вывоза волчьихъ шкуръ см. примѣч. 1, стр. 94. Около Можайска водилась особая порода пестрыхъ зайцевъ (Герберштейнъ, „Записки о Московіи", Спб. 1866 г., стр. 109). Guagini говоритъ о бѣлыхъ зайцахъ („Omnium regionum Moschoviae monarchae fubjectarum.. descriptio", въ Rerum Moscovitic. auctores varii". Francfurti. 1600 p. 161); Cellarius: Regni Poloniae magnique ducatus Lituaniae descriptio, Amstelodami, 1659, p. 408—409; Ростиславъ Смоленскій даритъ въ 1160 году Святославу „*соболми*, горностайми, и *черными кунами*, и песци и бѣлыми волкы, и рыбьими зубы„. (Ипатьев. Лѣтоп. стр. 345—346). „...а у Торопчи урока 40 гривенъ и 15 *лисицъ*, и 10 *черныхъ кунъ*..." (Устав. громота Ростислава, Хрест. Буданова стр. 228). См. превосходную статью Усова „Замѣтка о др. русскихъ деньгахъ по Русской Правдѣ", въ Древностяхъ, Труд. Имп. Моск. Археол. Общ. т. IX в. 2 и 3.

и ѣзъ. Ѣзъ въ переносномъ смыслѣ означалъ и мѣсто ловли, и самую ловлю. Какія рыбы ловились по преимуществу Смольнянами, сказать нельзя. Исключеніе составляетъ осетръ, который въ качествѣ дани доставлялся и князю [1]). Въ заключеніе намъ остается еще сказать о ловлѣ птицъ. Мы находимъ указаніе лишь на охоту на тетерева и на существованіе особыхъ промышленниковъ, называвшихся „тетеревниками" [2]). Едвали подлежитъ сомнѣнію, что всѣ орудія для ловли звѣрей, рыбъ и птицъ, сѣти, рожны, поколодвы, коши, особи, бредники, невода и ѣзы, были мѣстнаго, туземнаго происхожденія. Такимъ образомъ, мы встрѣчаемся уже съ развитіемъ нѣкоторыхъ ремеслъ, были люди, занимавшіеся приготовленіемъ этихъ предметовъ.

Раскопки, произведенныя въ разное время на территоріи Смоленскаго княжества, даютъ возможность утверждать, что племена, входившія въ составъ его населенія, съ очень отдаленнаго времени стояли на довольно высокой ступени культуры. Въ курганахъ въ довольно большомъ количествѣ находятъ предметы домашней утвари, остатки одежды, украшеній. Изъ металловъ мы находимъ тутъ бронзу, желѣзо, мѣдь, серебро и золото. Желѣзо является въ видѣ гвоздей, желѣзныхъ скобокъ, пряжекъ, ножей, шпоръ, топоровъ, наконечниковъ стрѣлъ, булавокъ, которыя въ иныхъ случаяхъ снабжены кольцами или мѣдными ручками. Изъ мѣди же были кольца, спиральныя проволоки, пуговицы [3]). Изъ серебрянныхъ вещей попадаются браслеты, кольца, пряжки, серебряныя украшенія съ привѣсками [4]). По большей части,

---

[1]) Подъ ѣзомъ разумѣлась перегородка изъ прутьевъ или кольевъ, дѣлаемая черезъ рѣку и имѣющая отверстіе для верши или кошеля, въ который заходитъ рыба. Ѣзъ также значитъ колъ. (Аристовъ, „Промышленность др. Руси", стр. 22); „....пожаловали есмо богомолца нашого архимандрита Филарета, дали есмо къ церкви Божіей Святому отцу Онуфрею *ѣзъ пустовскій*, на Сожи...." (Грамота Мстисл. князя Михаила 1515 г., Акты Зап. Россіи, т. II, № 94). Въ грамотѣ Ростислава находимъ: „....а отъ Лучина три гривны урока и двѣ лисицы и *осетръ*....„ а у Торопчи.... *неводъ, бредникъ, трои сани рыбы*..." (Хрестоматія Буданова, стр. 228).

[2]) „...*Тетеревникъ* съ женою и съ дѣтми Святѣй Богородици и епископу. (Грамота Ростислава, Хрест. Буданова, стр. 225).

[3]) Раскопки Кусцинскаго въ Смоленской губерніи (Древности, т. IX, в. 1, № 2, 5, 3, 15, 16, 12, 13, 10 22; раскопки Соколова (ibid. в. 2 и 3, протоколы, стр. 64); раскопки Сизова (ibid. т. XI, в. 3, Протоколы, стр. 88). Интересно, что одежда на погребенномъ смоленскомъ князѣ Андреѣ была украшена мѣдными пуговицами (Филаретъ. Русскіе Святые. Октябрь, стр. 88).

[4]) Кусцинскій, ibid. № 10 и 30; раскопки Сизова, ibid. в. 2, стр. 61 –62.

судя по открытымъ въ могилахъ монетамъ, найденные предметы должны быть отнесены къ X и XI в. [1]). Къ этой-же групѣ мы отнесемъ и огромное количество глиняныхъ издѣлій, частью сохранившихся въ курганахъ въ цѣломъ видѣ, частью въ черепкахъ [2]). Есть основаніе предпологать, что всѣ эти вещи были мѣстнаго издѣлія. Въ курганахъ мы находимъ также куски желѣза и желѣзные кузнечные слитки; въ кускахъ-же и слиткахъ, вмѣстѣ съ желѣзными встрѣчается и мѣдь [3]). Эти факты, какъ намъ кажется, указываютъ на существованіе въ Смоленской землѣ кузнечнаго ремесла еще въ X и XI в. Въ историческое время въ самомъ Смоленскѣ въ числѣ ремесленниковъ упоминаются кузнецы и котельники. Поэтому можно почти съ увѣренностью сказать, что оружіе, какъ копья, мечи, щиты, кольчуги, шлемы, наконечники стрѣлъ,—были смоленскаго приготовленія, хотя это не мѣшало и привозу оружія изъ за границы, какъ мы увидимъ ниже. Несомнѣнно, что гири для взвѣшиванія товаровъ дѣлали сами Смольняне [4]).

Гораздо труднѣе сказать что-нибудь опредѣленное о производствѣ серебрянныхъ вещей. Въ XIII ст., несомнѣнно, Смольняне умѣли плавить серебро и золото. Существовали плавильщики и даже лица, на обязанности которыхъ лежало опредѣленіе пробы, „вѣсцы“, какъ называетъ ихъ договоръ Смоленска съ Ригой въ 1229 году [5]).

Между тканями въ курганахъ встрѣчаются остатки полотна. Оно, несомнѣнно, было мѣстнаго приготовленія. Какъ видно, производство

---

[1]) Сизовъ, ibidem; Извѣстія IX, Археол. Съѣзда въ г. Вильнѣ. 1893 г., № 6, стр. 2.

[2]) Кусцинскій, ibid. № 2, 3, 7, 9, 10, 11 и Древности, т. IV, в. 1, протоколы, стр. 22.

[3]) Ibidem, и № 16, 23, 32.

[4]) „...здоумали Смолняне черныи люди, *коузнеци*, *кожомяки*, *шевники*, *мясники котельники*“. (Лѣтопись Попова, Учен. Записки II отд. Имп. Ак. Н, 1854 г. кн. 1, стр. 54). „А *поудъ* дали Немци Волочаномъ.... да коли исказиться, а подроугъ его лежить въ Немецьской божницы, *а дроугый ковати*, изверивши темь“. (Русско-Ливонскіе Акты, стр. 439, § 35).

[5]) „А же Латинескии дасть *серебро пожигати*, дати емоу ѿ гривны серебра коуна Смольнеская“. „Аже Латинскій коупить соуды серебреные, дати емоу *вѣсцю* ѿ гривны серебра по ногатѣ Смольнескои; аже продасть, не дати ничего-же“. (Русско-Ливон. Акты, стр. 434 и 436, стр. 29 и 31) см. вообще о металлическихъ издѣліяхъ статью Забѣлина: „О металическомъ производствѣ въ Россіи до конца XVII в.,“ въ Запискахъ Имп. Археол. Общ. т. V, Спб. 1853 г., также Бѣляева: „Били-ли на Руси монету до XIV столѣтія“ (ibidem).

полотенъ особенно процвѣтало вокругъ Торопца, вслѣдствіе чего его жители и обязаны были подносить князю полавочникъ, двѣ скартерти и три убруса [1]). Есть нѣкоторое основаніе предполагать, что Смольняне умѣли приготовлять кирпичъ. При изслѣдованіи развалинъ Борисо-Глѣбской церкви близь ручья Смядыня, оказалось, что кирпичи, изъ которыхъ она была сложена, такіе-же, какіе мы видимъ въ развалинахъ золотыхъ воротъ въ Кіевѣ, но на этихъ, борисоглѣбскихъ, кирпичахъ клейма различныя, что, какъ думаютъ, указываетъ на приготовленіе ихъ разными лицами, такъ сказать, кустарнымъ способомъ [2]).

Въ числѣ вещественныхъ памятниковъ, открытыхъ при раскопкахъ кургановъ въ области Радимичей, обращаетъ на себя вниманіе бронзовая статуэтка, изображающая скиѳа. Бронзовыя украшенія найдены также и въ могилахъ Кривичей. Это привѣски, коньки и двѣ бронзовыхъ лампы, изъ которыхъ одна индоперсидскаго стиля, другая съ изображеніемъ, по всей вѣроятности, женскаго лица какого-то восточного типа [3]). У Радимичей были найдены куски шелковой ткани, а у Кривичей—золотой позументъ [4]). Кромѣ того на территоріи обоихъ племенъ попадаются въ курганахъ янтарныя и стеклянныя бусы, послѣднія съ позолотой; а у Радимичей въ одной изъ могилъ оказался золотой крестъ съ эмалью, и въ другой—вещи, украшенныя драгоцѣнными каменьями [5]). Все это, конечно, не могло быть продуктомъ мѣстной, смоленской промышленности, а является результатомъ торговыхъ сношеній обитателей интересующей насъ области съ другими, иногда очень отдаленными, странами.

Гораздо раньше мы старались выяснить тѣ физико-географическія условія Смоленской земли, которыя дѣлали ее центральною областью въ торгово-промышленномъ отношеніи. Припомнимъ теперь только то

---

[1]) Раскопки Кусцинскаго, № 14 (Древности, т. IX, в. I, стр. 5); Уставная грамота Ростислава (Хрестоматія Буданова, стр. 228).

[2]) Предположеніе графа Уварова (Древности, т. X, 1885 г., протоколы, стр. 49).

[3]) Раскопки Сизова (Древности, т. XI, в. 2, Протоколы, стр. 61—62); раскопки Кусцинскаго (ibid. т. IX, в. 1, № 14). Жизневскій, Описаніе тверского музея (Древности, т. VII, в. 3, стр. 199—200); Дневникъ Фурсова, стр. 37; Кусцинскій (ibid, т. IV, в. 1, Протоколы, стр. 22); раскопки Романова въ Могилев. губ. (Древности, т. XII, стр. 55—56).

[4]) Дневникъ Фурсова, стр. 30; раскопки Сизова (Древности, т. XI, в. 2, протоколы, стр. 61—62).

[5]) Фурсовъ, стр. 30 и 34; Кусцинскій (Древности, т. IX, в. 1, № 1).

обстоятельство, что на территоріи Кривицкаго племени находились узлы всѣхъ главнѣйшихъ водяныхъ сообщеній восточной Европы. Тутъ, въ этой области, должны были встрѣчаться, отсюда должны были расходиться произведенія далекаго востока и запада, сѣвера и юга. Поэтому мы имѣемъ право ожидать, что Смоленская земля находилась въ оживленныхъ торговыхъ сношеніяхъ со всѣми своими сосѣдями, а черезъ нихъ, или даже непосредственно, съ далекими образованными странами, на востокѣ по крайней мѣрѣ съ Булгаріей, на югѣ съ Византіей.

Если мы прослѣдимъ пути, которыми могли обмѣниваться товары З. Европы на азіатскія, то должны будемъ придти къ заключенію, что дорога, чрезъ Двину, Касплю, Днѣпръ, Вязьму, Москву—является самой кратчайшей и несравненно болѣе прямой, чѣмъ окольная дорога чрезъ Финскій заливъ, Неву, Ладогу, Волховъ и Волгу. Это направленіе восточной торговли ясно обозначается монетными кладами, состоящими изъ арабскихъ диргемовъ[1]). Этотъ монетный слѣдъ мы можемъ прослѣдить отъ устья З. Двины и до средняго теченія р. Москвы. Такъ, куфическія монеты VIII в. были найдены въ Курляндіи, въ Ригѣ—VIII и IX в.в., въ Лифляндіи на берегу р. Двины—X в., около Ашерадена, близь Кокенгаузена, нѣкогда бывшого центромъ русскаго удѣльнаго княжества, монеты съ начала и до конца X в., въ Минской губерніи—VIII—IX в., въ Витебской губерніи—диргемы VIII и IX в,, а въ самомъ городѣ Витебскѣ—X в., причемъ въ одномъ мѣ-

---

[1]) Свѣдѣнія о мѣстонахожденіяхъ арабскихъ монетъ почерпнуты нами изъ слѣдующихъ трудовъ: Савельевъ: Мухамеданская нумизматика, Спб. 1846 г.; Григорьевъ: „О куфическихъ монетахъ", въ Запискахъ Одес. Общ. Ист. и др. т. I, 1844 г.; Grewingk „Ueber Heidnische Gräber Russisch-Litauens", Dorpat, 1870; его же „Das Steinalter der Ostseeprovinzen", Dorpat, 1865; Григорьевъ: „Куфическія монеты, найденныя въ Псковской губерніи" (письмо къ Савельеву въ Запискахъ Спб. Археол.-Нумизм. Общ. т. II, Спб. 1850 г.); статьи Hansen'a: 1) „Kufische Münzen aus dem Estenlande" въ Verhandlungen der gelehrten estnischen Geselschaft zu Dorpat 1848, B. II, H. 2; 2) „Ueber einige bei Oberpahlen gefundene cufische Münzen. ibid. 1840, B. I, H. 1: Kruse: Vorläufiger Bericht über zwei antiquarische Reisen durch die Ostseeprovinzen, ibid. B. I, H. 1; Кене, Описаніе европейскихъ монетъ IX, X и XII вѣка, найденныхъ въ Россіи", въ Запискахъ Имп. Археол. Общ. т. IV, Спб. 1852 г.; Bähr: „Die Gräber der Liven", Dresden, 1850; Татуръ: „Очеркъ Археол. памятниковъ на пространствѣ Минской губерніи", Минскъ, 1892 г.; Тизенгаузенъ: „О саманидскихъ монетахъ"; кромѣ того раскопки В. Б. Антоновича, Кусцинскаго, Сизова. См. также Записки Имп. Рус. Археол. Общ. т. II, нов. сер. 1887 г., стр. LXVIII.

стѣ, верстахъ въ 40—30 отъ Витебска, было открыто до 100 ф. серебряныхъ куфическихъ монетъ; далѣе такія же находки диргемовъ были сдѣланы на водораздѣлѣ между системой р. Днѣпра и З. Двины—X в. [1]), вообще въ смоленской губерніи—VIII, IX и X в., а въ самомъ Смоленскѣ—монеты VIII и X ст. Далѣе путь шелъ по Днѣпру черезъ Дорогобужъ, и вотъ въ послѣднемъ оказывается кладъ диргемовъ IX, X и XI вв. Съ этого мѣста нить прерывается, но очевидно, что тутъ случайное обстоятельство, что на пространствѣ между Дорогобужемъ и Колочей или Москвой клады куфическихъ монетъ существовали и только исчезли или не отысканы. Конецъ нити, далѣе которого намъ нѣтъ нужды идти, находится на среднемъ теченіи Москвы, именно въ самомъ городѣ Москвѣ, въ которой отысканы глубоко въ землѣ диргемы IX столѣтія. Какъ мы видѣли раньше, великій водный, такъ называемый греческій путь, шелъ съ Днѣпра въ Ловать черезъ цѣлый рядъ передаточныхъ рѣкъ и рѣчекъ, съ другой стороны сюда подходила вѣтвь восточнаго пути (волокъ въ Обшу изъ Днѣпра), и вотъ это-то соединеніе восточной вѣтви и великаго пути обозначается находкой кладовъ, большой цѣнности, куфическихъ монетъ въ В. Лукахъ и около города Холма. Такимъ образомъ, мы не имѣемъ никакого основанія сомнѣваться въ торговыхъ связяхъ Смоленской земли съ культурными странами Азіи. Этими торговыми сношеніями и объясняется присутствіе въ курганахъ Радимичей и Кривичей бронзовыхъ лампъ восточнаго стиля, шелковыхъ тканей и драгоцѣнныхъ каменьевъ [2]). Арабы, Персы и Хорезмійцы, въ числѣ прочихъ издѣлій, доставляли въ Европу и шелковыя матеріи, и драгоцѣнные

---

[1]) На бойкость торговаго движенія на этомъ водораздѣлѣ указываетъ, по видимому, и находка тутъ нѣсколькихъ разновѣсокъ изъ мѣди въ видѣ шариковъ и многогранниковъ. (Раскопки Соколова, Древности, т. IX, в. 2 и 3, протоколы, стр. 64). Вѣроятно, онѣ одинаковы съ найденными въ Финляндіи, изображеніе которыхъ см. у Aspelin'а въ Antiquités du Nord finno-ougrien, livrais. IV, fig. 1663. Впрочемъ вѣсы, подобные открытымъ Крузе въ Лифляндіи, найдены у Логожеска (Киркоръ: „Археол. разысканія въ Вилен. губерніи", — Изв. Имп. Арх. Общ. т. I, стр. 17).

[2]) Къ несчастію, мы не имѣемъ изображеній тѣхъ предметовъ, которые добыты при раскопкахъ г.г. Сизовымъ, Соколовымъ и Кусцинскимъ. Можетъ быть, многія вещи, сохранившіяся въ курганахъ Кривичей и Радимичей, имѣютъ признаки восточнаго происхожденія. Впрочемъ, для отвѣта на подобный вопросъ необходимо быть спеціалистомъ—археологомъ, каковымъ мы себя признать не можемъ, а потому указываемъ лишь несомнѣнные факты.

камни [1]). Посредниками въ этой торговлѣ являлись Волжскіе Булгары. Вообще, посредничество ихъ въ торговлѣ народовъ восточной Европы и въ частности Руси съ Азіей общепризнано. Но открытіе въ Псковской губерніи пяти обломковъ булгарскихъ монетъ изъ города Сувора вмѣстѣ съ немногочисленными, правда, но тѣмъ болѣе драгоцѣнными указаніями „Рижской Долговой Книги“ доказываютъ, что восточные товары проходили черезъ руки Смольнянъ. Въ Рижской Долговой книгѣ, этомъ драгоцѣнномъ памятникѣ XIII—XIV вв., мы находимъ свѣдѣнія, что воскъ доставлялся въ Ригу въ „булгарскихъ“ кускахъ, что въ Суздалѣ постоянно проживали нѣмецкіе купцы, какимъ въ XIII ст. былъ нѣкто Люббертъ, что изъ Риги купцы часто ѣздили въ Суздаль; эта торговля въ значительной степени находилась въ рукахъ крупныхъ рижскихъ капиталистовъ, которые иногда принуждали мелкихъ торговцевъ отказываться отъ посѣщеній Суздальской земли. Теперь спрашивается, неужели каждый разъ купцы изъ Риги съ Суздаль отправлялись колесить черезъ Новгородъ? Отвѣтъ понятенъ самъ собою. Теперь понятнымъ становится и нахожденіе бронзовыхъ при-

---

[1]) Кромѣ извѣстныхъ работъ по исторіи торговли Руси съ мусульманскими странами, которыя намъ приходилось уже указывать въ нашихъ прежнихъ работахъ, я отмѣчу недавно вышедшіе труды Георга Якоба: 1) „Der nordisch-baltische Handel der Araber im Mittelalter“. Leipzig. 1887; 2) „Welche Handelsartikel bezogen die Araber des Mittelalters aus den nordisch—baltischen Ländern? Berlin, 1891; 3) „Ein arabischer Berichterstatter aus dem 10 Jahrhundert über Fulda, Schleswig, Soest, Paderborn und andere deutsche Städte“. Berlin, 1894. Первыя двѣ работы не представляютъ ничего новаго. Вторая изъ нихъ отличается большою гипотетичностью положеній. Болѣе интересна третья, на которую мы укажемъ еще разъ ниже. Относительно товаровъ см. Савельевъ: Мухамеданская нумизматика, LXXXIX.

[2]) Савельевъ, op. cit. стр. 23; „Johannes Hogeman tenetur domino Conrado de Morum I navale talentum et IX marc (punt) cere resolute in duobus frustis *Bulgersch*, Martini soluet. Pro quo sibi suam obligatit hereditatem, sitam in platea Sutorum in qua sunt duae apotece sutorum“.

„Lubbertus *de Susdale* tenetur Godeschalco compsori VII mrc. arg , de quibus secundo loco post dominum Suederum ad hereditatem suam respectum habebit“.

[3]) Notum sit, quod hereditas Lubberti *de Susdale* domino Mauricio usque ad festam beati Mychaelis obligatur, hoc pacto videlicet, ut eam post modum vendere possit, quando sibi placuerit“.

„Pagina domini Suederi de Monasterio cum quattuor foliis sequentibus.... Nycholaus, dictus Wolk, centum mrc. arg. cum tribus mrc. arg. et I fert., Pasche salvet anno LXXXVII, Idem antedictus Nycholaus se adhoc obligavit, quod *terram Susdale* non intrabit“. (Das Rigische Schuldbuch (1286—1352), herausg. von Dr. Hermann Hildebrand, S. Pbg. 1872, p. 45, № 642, p. 69, №№ 1019, 1024, p. 111, № 1770).

вѣсокъ въ видѣ коньковъ въ кривицкихъ курганахъ. Эти коньки восточно-финскаго, вѣроятнѣе всего, пермскаго происхожденія [1]). При этой связи, въ какой стояла восточная торговля съ западно-европейской, Смольняне не могли принимать въ ней лишь пассивное участіе, а должны были вести ее сами. Мы не имѣемъ свѣдѣній о томъ, ѣздили-ли они въ Булгарію и Хазарію, но есть намекъ, что среди нихъ были люди, для которыхъ приволжскія страны не были „землей незнаемой". Въ 1375 году ушкуйники сдѣлали большой набѣгъ на восточныя страны. Они разграбили Кострому, Нижній Новгородъ, бросились на Каму, произвели опустошеніе ея береговъ, снова вошли въ Волгу, доплыли до Булгара, продали тамъ плѣнныхъ, двинулись внизъ по Волгѣ, избивая гостей и захватывая ихъ товары. Наконецъ, около Астрахани всѣ ушкуйники были перебиты. Оказывается, что „воеводами" ихъ были двое: какой-то Прокопій и *Смольнянинъ*, люди, очевидно, бывалые, знавшіе страну, кудѣ вели своихъ товарищей [2]). Что касается торговли Смольнянъ въ землѣ Суздальской, то она не подлежитъ сомнѣнію. Такъ, въ 1216 году въ одномъ Переяславлѣ Залѣсскомъ мы находимъ пятнадцать смоленскихъ купцовъ [3]). Едвали смоленскіе гости ограничивались лишь суздальскими городами. Вѣроятнѣе предположить, что они бывали по торговымъ дѣламъ и въ Булгарѣ и далѣе на югъ, по Волгѣ. Какъ-бы ни было, но благодаря оживленнымъ только торговымъ сношеніямъ Смоленска съ Востокомъ, Арабы знаютъ его имя, называя его *Измилиниска* или *Азмилинска* [4]).

---

[1]) Изображенія подобныхъ бронзовыхъ коньковъ см. Aspelin, Antiquitès du Nord finno-ougrien", Helsinki, 1877, livrais. II, p. 151, fig. 642, 646, 647, p. 154, fid. 677; интересна также статья Аспелина: „О потребности изученія формъ предметовъ и постепенномъ развитіи этихъ формъ въ доисторическія времена", въ Трудахъ IV Археол. Съѣзда. т. I, Казань, 1884 г.; особенно стр. 10—12. О торговлѣ Булгаръ съ угрофинскими народами см. нашу работу: „Болгары и Хазары, сосѣди Руси при Владимірѣ св.", Кіевъ. 1888 г. Что Кривичи были посредниками въ передачѣ восточныхъ товаровъ на западъ, указываетъ и свидѣтельство языка. Такъ въ литовскомъ языкѣ существуютъ слова жемчугасъ (жемчугъ), коурасъ (ковры), шилка (шелкъ),—предметы, доставлявшіеся изъ Азіи. (Киркоръ: „Монетное дѣло въ Литвѣ", въ Древностяхъ, т. II, в. 1, стр. 88, примѣч.).

[2]) Супрасл. Лѣт. стр. 93; Воскр. Лѣт. т. VIII (П. С. Р. Л.), стр. 23; Никонов. Лѣт. ч. IV, изд. 1788 г. стр. 44.

[3]) Лавр. Лѣт. по Академич. списку, стр. 474.

[4]) Гаркави: „Древнѣйшее арабское извѣстіе о Кіевѣ". (Труды III Археол. Съѣзда, Кіевъ. т. I, стр. 349—351).

Какъ древни были сношенія Смоленской земли съ южными странами, съ Греціей вообще и съ Византіей въ частности, мы точно сказать не можемъ. Нумизматическія показанія даютъ поводъ думать, что болѣе или менѣе постоянная торговая связь Смольнянъ съ Греціей установилось съ начала IX вѣка. Византійскія монеты, начиная съ этого столѣтія и до XI в. включительно, встрѣчаются на территоріи Кривицкаго племени [1]). Кажется, за результатъ южной торговли Смоленска надо признать золотой позументъ, привѣски сканной работы, тарелку съ изображеніемъ грифона и стеклянныя бусы съ позолотой, найденные въ курганахъ Кривичей. Что торговыя сношенія Смоленской земли съ Византіей были уже прочно установлены въ X в., ясно говоритъ Императоръ Константинъ Багрянородный въ своемъ извѣстномъ трудѣ „De administrando imperio", писавшій въ половинѣ X ст. По его словамъ, лодки съ товарами приходятъ въ Константинополь изъ Новгорода, Смоленска, Чернигова, Любеча и Вышгорода. Но еще

[1]) Въ Остзейскихъ провинціяхъ отысканы монеты греческихъ республикъ, относящіяся къ III в. до Р. Х. (Grewingk: „Heidnische Gräber", S. 98; Bähr, Gräber der Liven", S. 33). Между тѣмъ, на сколько намъ извѣстно, этихъ монетъ въ Смоленской землѣ не отыскивалось. Слѣд., эти монеты шли на балтійское побережье не съ юга, собственно, не черезъ Русь, а какимъ-нибудь другимъ путемъ. Византійскія монеты въ Прибалтикѣ относятся къ IX в. Подобныя же данныя существуютъ и для кривичской земли (Grewingk и Bähr, loc. cit., Kruse: Vorläufiger Bericht über zwei antiquarische Reisen durch die Ostseeprovinzen, въ Verhandlungen der Gelehrten Estnischen Gesellschaft zu Dorpat, B. I, H. I, Ss. 88, 87). Очевидно, что продукты византійской промышленности проникали туда черезъ Кривичскую землю. Еще одинъ замѣчательный фактъ: въ Остзейскихъ провинціяхъ встрѣчаются монеты преимущественно западныхъ греческихъ городовъ: Сиракузъ, Панорма, Неаполя, Киренъ, хотя попадаются македонскія [illegible] Димитрія Поліоркета; на оборотъ, въ Минской губерніи отыскиваются монеты греческихъ колоній, расположенныхъ по берегамъ М. Азіи и Черного моря (Татуръ: Очеркъ археол. памятниковъ на пространствѣ Минской губерніи", стр. [illegible]). Если къ [illegible] прибавить, что [illegible] монеты найдены въ значительномъ количествѣ въ Кіевской губерніи, а въ самомъ Кіевѣ — монеты Антіоха и [illegible] IV в. (Бѣляшевскій, Монетные клады Кіевской губерніи". Кіевъ. 1889 г.; Антоновичъ, Описаніе Кіев. клада, содержащаго римскія монеты III и IV ст. М. 1878 г., стр. [illegible]), то придется, кажется, допустить, что Кривичи получали эти монеты съ юга, по Днѣпру, а стало быть, торговыя связи между Кривичской землей и берегами Черного моря существовали уже и въ то время. Сказать что нибудь опредѣленное о монетахъ [illegible] императоровъ, найденныхъ на кривичской территоріи, мы отказываемся по недостатку данныхъ. О нахожденіи византійскихъ монетъ на кривичской территоріи см. кромѣ Татура еще у Бэне „Описаніе европейскихъ монетъ X, XI и XII вв., найденныхъ въ Россіи", въ Записк. Имп. Археол. Общ. т. IV, [illegible] 1882 г. стр. [illegible].

въ началѣ X в. Кривичи бывали въ Византіи. Въ договорѣ между кіевскимъ княземъ Олегомъ и императоромъ Львомъ торговыя привилегіи выговорены, между прочимъ, и для кривицкихъ купцовъ и ихъ старѣйшаго города, Полоцка. Кривичи, являвшіеся по торговымъ дѣламъ въ Византію, получали отъ греческаго правительства хлѣбъ, мясо, вино и овощи, а также пользовались даровою банею; при отъѣздѣ въ отечество они были снабжаемы не только съѣстными припасами, но также якорями, канатами и парусами [1]).

Мы увидимъ далѣе, что въ домонгольскую эпоху сношенія Смоленской земли съ Византіей были очень оживленныя. Теперь мы обратимъ вниманіе лишь на каменныя постройки, сооруженныя князьями смоленскими. Извѣстны храмы: Успенія Пресвятой Богородицы, построенный въ 1101 году Владиміромъ Мономахомъ, святыхъ Бориса и Глѣба въ Смядынскомъ монастырѣ, выстроенный въ 1145 году княземъ Ростиславомъ Мстиславичемъ. Давидъ Ростиславичъ воздвигъ церковь Св. Архангела Михаила, а князь Романъ Ростиславичъ— храмъ Св. Іоанна Богослова. Судя по описанію этихъ церквей, сохранившемуся въ лѣтописи, онѣ отличались великолѣпіемъ внутренней отдѣлки, драгоцѣнными окладами на иконахъ и внѣшнимъ величіемъ. Если украшенія изъ жемчуга и драгоцѣнныхъ каменьевъ были добыты путемъ восточной торговли, то на долю Византіи падаетъ матеріалъ, изъ котораго сооружены храмы, а также иконы и золотыя и серебряныя ихъ ризы. Если въ XII вѣкѣ, при сооруженіи Борисо-Глѣбскаго храма на Смядыни, князья могли пользоваться матеріаломъ уже мѣстнаго приготовленія, то едвали это можно сказать о началѣ XI в., когда Смольняне лишь впервые знакомились съ греческимъ плинтусомъ. Кромѣ драгоцѣнныхъ издѣлій изъ золота и серебра [2]), Смолен-

---

[1]) Раскопки Романова въ Могилев. губерніи (Древности, т. XII, стр. 55—56); Донесеніе Кусцинскаго (Ibid., т. IV, в. 1, протоколы стр. 22); раскопки Сизова (Ibid., т. XI, в. 2, протоколы, стр. 62); Corpus Scriptor. hist. Byzantinae, Constantinus Porphirogenitus, v. III, Bonnae, MDCCCXL, p. 74; Ипатьев. Лѣт., стр. 17 и 18; раскопки Турбина въ Могилев. губерніи (Древности, т. IV, в. II, протоколы, стр. 51—52).

[2]) Ипатьев. Лѣт., стр. 181; Новгор. I Лѣт., стр. 135—136; Ип. Лѣт. стр. 471, подъ 1197 г.: „Самъ бо (Ростиславъ) сяковъ обычай имѣеть: по вся дни ходя ко церкви святаго архистратига Божия Михаила юже бѣ самъ создалъ во княженьи своемъ, такое-же нѣсть въ полунощной странѣ, и всѣмъ приходящимъ къ нѣй дивитися изряднѣй красотѣ ея, иконы *златомъ* и *серебромъ*, и *жемчюгомъ* и *камениемъ драгимъ* украшены, и всею благо-

ская земля получала изъ Византіи дорогія матеріи, между которыми особенно цѣнились оксамиты и паволоки, а также бархатъ. Черезъ Кіевъ приходили въ Смоленскъ товары вообще южныхъ странъ, не только изъ Византіи, но и изъ Венгріи[1]). Едвали можно сомнѣваться въ томъ, что купцы Кіева и другихъ южно-русскихъ городовъ посѣщали Смоленскъ. Пребываніе-же смоленскихъ гостей въ Кіевѣ вполнѣ констатируется. Торопецкій купецъ, по фамиліи Чернь, бывалъ на югѣ, познакомился съ жизнью печерскихъ иноковъ и, раздавъ все свое имущество, постригся въ Лаврѣ съ именемъ Исаакія[2]).

Произведенія промышленности южныхъ странъ пріобрѣтались Смольнянами не для личного только потребленія. Они передавали южные товары далѣе на сѣверъ и западъ. Тѣсныя торговыя связи издавна существовали у Смоленской земли съ Новгородомъ, съ Суздальской землей вообще и съ выдѣлившимся изъ нея впослѣдствіе Тверскимъ княжествомъ. Рыбій зубъ—моржовые клыки, горностаи и песцы, которыми Ростиславъ въ 1160 году одаривалъ своего союзника Святослава Ольговича[3]), могли получаться только съ далекаго сѣвера или сѣверо-востока, конечно, черезъ посредство Новгорода и Твери. Оказывается, что не одними произведеніями только южныхъ странъ снабжали Смольняне Новгородцевъ, а вѣроятно, и Тверичей. Хотя Ильменскіе Славяне и сами въ большихъ размѣрахъ занимались пчеловодствомъ и сбывали воскъ и медъ въ З. Европу, видимо, имъ не хватало этого продукта для вывоза, въ силу чего они принуждены были допустить для удовлетворенія заграничнаго спроса на воскъ привозъ этого продукта изъ земли Смоленской. Но вмѣстѣ съ тѣмъ

датью исполнена“, стр. 418,.... и созда (Романъ) церковь камену святаго Іоана, и украсивъ ю всякимъ строеньемъ церковнымъ, и иконы златомъ и финиптомъ украшены...“ подъ 1180 г. Мономахъ поставилъ въ Храмѣ Успенія Пресвятой Богородицы икону Ея, писанную, по преданію, Евангелистомъ Лукою. До 1808 года сохранялся ея окладъ серебряный вызолоченный, убрусъ котораго былъ жемчужный съ драгоцѣнными каменьями. Преосвященный Серафимъ передѣлалъ его и еще прибавилъ драгоцѣнныхъ каменьевъ. (Никитинъ: „Исторія города Смоленска“, М. 1848 г., стр. 29).

[1]) Ипатьев. Лѣт. подъ 1164 г. стр. 357: „...и присла царь дары многи Ростиславу, *оксамиты* и *паволоки* и вся узорочья разноличная“. См. также Татищева: „Исторія Россійская“, кн. III, стр. 142; кн. II, стр. 334; Ипатьев. Лѣт., стр. 259.

[2]) Филаретъ: „Русскіе Святые“. Февраль, стр. 119; Ипатьев. Лѣт. стр. 134—135.

[3]) Ипатьев. Лѣт., стр. 345—346.

они боялись конкуренціи, и на воскъ, привозимый въ Новгородъ смоленскими купцами, была наложена пошлина бо́льшая, чѣмъ на Новоторжанина и Новгородца. Смольнянинъ платилъ съ одного берковца воска двѣ гривны кунъ[1]). Мы видѣли выше, что Новгородъ получалъ хлѣбъ изъ Смоленской области, что ставило его иногда въ сильную зависимость отъ смоленскихъ князей при различныхъ политическихъ неурядицахъ. Это обстоятельство и полная власть Смольнянъ надъ главнымъ великимъ воднымъ путемъ заставляли Новгородцевъ дорожить торговлею съ своими южными сосѣдями и тщательно оберегать ее, хотя бы отъ временнаго перерыва или затрудненія. Вотъ почему въ договоръ Новгорода съ Казимиромъ, заключенный въ 1440 г., внесено условіе о свободной торговлѣ смоленскихъ купцовъ съ Новгородцами. Тутъ разрѣшающей стороной является литовскій князь Казимиръ, а не господинъ В. Новгородъ[2]). Не менѣе, чѣмъ Новгородцы, для сношенія съ югомъ дорожили торговлей съ Смоленскомъ и Тверичи. Свободный проѣздъ купцовъ въ обѣ стороны обезпечивается и договорной грамотой тверскаго князя Бориса Александровича съ Витовтомъ, писанной въ 1427 году, т. е., немного спустя послѣ паденія независимости Смоленска. Въ отношеніи торговли все должно быть „по давному", очевидно, такъ, какъ было при самостоятельныхъ смоленскихъ князьяхъ. Оказывается, что „по давному" торговая пошлина — мыто — взималась съ купцовъ, прибывавшихъ изъ Суздальской земли (позже и изъ Тверской области) въ трехъ городахъ: въ Смоленскѣ *въ Дорогобужѣ* и *Вязмѣ*[3]). Этотъ фактъ, какъ нельзя болѣе, подкрѣ-

---

[1]) „А у гостя имъ имати: у Низовьского отъ дву берковска вощаныхъ полъгривнѣ серебра да гривенка перцю, у Полоцкого и у *Смоленьского по двѣ гривны кунъ отъ берковъска вощаного*, у Новоторжанина полторы гривны отъ берковъска вощаного, у Новгородца шесть мордокъ отъ берковска вощаного". (Уставная грамота Новгородскаго князя Всеволода Мстиславича церкви Святаго Іоанна на Опокахъ 1134—1135 г. Дополненія къ Актамъ Историч., т. I, № 3).

[2]) „..А што моихъ людей, или Литвинъ, или Витбленинъ, или Полочанинъ, или *Смолнянинъ*, или съ иныхъ нашихъ Рускихъ земель, тымъ путь чистъ изо всее моее отчины: торговати имъ въ Новѣгородѣ безъ всякоѣ пакости, *по старинѣ*, а торговати зъ Новгородцы...." (Акты Зап. Россіи, т. I, № 39). То-же самое мы находимъ и въ договорѣ Казимира съ Псковомъ 1440 г. (Ibid., т. I, № 38).

[3]) „....А людемъ нашымъ, гостемъ, гостити межи насъ путь чысть, безъ рубежа и безъ пакости; а пошлины имати зъ моихъ Тферскихъ людей въ моего господина дѣда, великого князя Витовътовѣ отчынѣ, *у Смоленьску*, у Витебъску, на Кіевѣ, *въ Дорогобужы*,

пляетъ наше мнѣніе о направленіи торговыхъ путей чрезъ Днѣпръ и Вязму и далѣе на востокъ и чрезъ Днѣпръ—Вазузу на сѣверовостокъ.

Еще въ болѣе давнихъ и гораздо болѣе тѣсныхъ отношеніяхъ стояла Смоленская земля съ Полоцкой, а черезъ нее съ отдаленныхъ временъ должны были установиться торговыя связи съ З. Европой. Свидѣтельство о привозѣ западно-европейскихъ товаровъ къ Смольнянамъ мы находимъ въ ихъ могильныхъ насыпяхъ. Изъ числа предметовъ, открытыхъ въ смоленско-кривицкихъ и радимическихъ курганахъ и указывающихъ на давность знакомства ихъ покойниковъ съ продуктами западной промышленности, первое мѣсто занимаютъ янтарныя бусы. Вѣроятно, янтарь первоначально получался Кривичами отъ ихъ сосѣдей, Ливовъ, у которыхъ излюбленнымъ украшеніемъ до послѣдняго времени являются янтарныя ожерелья [1]). Возможно, что еще въ глубокой древности путь торговли янтаремъ шелъ между прочимъ и черезъ Днѣпръ. Вывозъ янтаря съ береговъ Балтійскаго моря на Русь продолжался и въ историческое время, а русскіе гости передавали его странамъ отдаленнаго востока [2]). Интересно, что и въ народныхъ преданіяхъ Бѣлоруссіи сохранилось довольно ясное представленіе о мѣстѣ, откуда получался янтарь: это было Балтійское море [3]),

---

у Вязмы, и по всему его великому княженью *по давному*, а новаго не примышляти...“ (Акты З. Россіи. № 33. подъ 1427 г.).

[1]) Дневникъ Фурсова, стр. 34; Кеппенъ: „О нахожденіи янтаря въ Россіи“, въ Жур. Мин. Народ. Пр. 1893 г., Августъ, стр. 310; вообще о торговлѣ янтаремъ см.: Voigt: „Geschichte Preussens“, B. III, Königsberg. 1828. S. 511 и folg.; Grewingk: „Ueber Heidnische Gräber“. S. 65; Das Steinalter der Ostseeprovinzen“, Dorpat. 1865, S. 94—96; Sadowski „Die Handelsstrassen der Griechen und Römer“, überset. von Kohn. Jena, 1877, S. 186 und folg.; Киркоръ. „Монетное дѣло въ Литвѣ“,—древности. т. II, стр. 88, примѣч.

[2]) Grewingk., „Heidnische Gräber“. loco cit.

[3]) Voigt. Geschichte Preussens“. loco cit.; Worsaae: La colonisation de la Russie et du nord Scandinave“. Copenhague. 1875, p. 80.

[4]) Въ Бѣлорусской редакціи „стиха о Голубиной книгѣ“ между прочимъ говорится:

„Потому *Латырь—море* всѣмъ морямъ отецъ.
Потому *Латырь—камень* всѣмъ каменямъ отецъ:
Лежитъ онъ середи моря,
Середи моря, середи синяго.
Идутъ по морю [illegible] *карабельщиковъ*,
У того камня останавливаются,
Они берутъ много съ него снадобья,
[illegible] *по всему свѣту бѣлому*“.

фактъ замѣчательный, какъ указывающій на дѣятельное участіе Кривичей въ торговлѣ этимъ произведеніемъ природы и близкія отношенія ихъ къ той странѣ, гдѣ оно добывалось. Точно также на сношенія Смоленской земли съ Западомъ указываютъ и найденные при раскопкахъ ея кургановъ мечи. Одинъ изъ нихъ имѣетъ рукоять въ серебряной оправѣ. По своей формѣ, они вполнѣ тождественны съ мечами норманскими, „мечами викинговъ“ [1]). Наконецъ, въ полномъ соотвѣтствіи съ этими находками стоятъ монетные клады, находимые по всей территоріи Кривицкаго племени. Тутъ мы встрѣчаемъ монеты англосаксонскія, англійскія, датскія и нѣмецкія. Между ними обращаютъ на себя особое вниманіе открытыя въ Витебской губерніи монеты городовъ Эмдена, Утрехта, *Гренингена*. Періодъ времени, обнимаемый этими находками, довольно значителенъ. Древнѣйшая монетная дата относитъ насъ къ началу IX вѣка, а позднѣйшая къ XI ст. [2]). Такимъ образомъ, посредственно или непосредственно, но Кривичи получали произведенія промышленности Англіи, Даніи, Германіи. Земля Полоцкая упоминается въ древнѣйшихъ скандинавскихъ сагахъ, точно такъ-же, какъ Кіевъ подъ именемъ града—Днѣпра, что свидѣтельствуетъ о глубокой древности торговаго движенія по З. Двинѣ, Касплѣ и Днѣпру. На картахъ и въ географическихъ трактатахъ скандинавскихъ въ XII и XIII вв. начинаетъ упоминаться и *Смоленскъ*, въ

Тутъ латырь камень не является чудеснымъ, а просто товаромъ, добываемымъ съ моря и развозимомъ повсюду. Такое представленіе является только въ редакціи бѣлорусской, благодаря чему выясняется, и что такое *латырь-камень*, и какое это море, откуда онъ добывался (Соображеніе Надеждина, принимаемое и Кеппеномъ. См. его: „О нахожденіи янтаря въ Россіи“, въ Ж. М. Н. Пр. 1891 г., Августъ, стр. 338 и 339). Что Кривичи передавали его далѣе на востокъ, доказывается существованіемъ у Венгровъ (Угровъ) слова gyantàr—янтарь, и gyanta=смола; у Черемисовъ jandàr=стекло. (Ibidem, стр. 339).

[1]) Раскопки Сизова (Древности. т. XI, в. 2, протоколы, стр. 61—62);—Кусцинскаго (ibid., т. IX, в. I, № 15); Анучинъ: „О формахъ древнѣйшихъ русскихъ мечей“ (Труды VI Археол. Съѣзда, т. I, 1886 г., стр. 243, 244).

[2]) Нумизматическія данныя добыты нами въ слѣдующихъ трудахъ: Grevingk: „Heidnische Gräber“, S. 98; Bähr: „Die Gräber der Liven., S. 53—54; Kene: „Описаніе европейскихъ монетъ X, XI и XII вв., найденныхъ въ Россіи“ (Записки Имп. Археол. Общ. Спб. 1852 г., т. IV, стр. 20, 32, 33, 41); Татуръ: „Очеркъ археолог. памятниковъ на пространствѣ Минской губерніи“, стр. 106; Иверсенъ: „О монетныхъ кладахъ послѣднихъ трехъ лѣтъ“ (Труды VI Археол. Съѣзда, т. I, 1886 г. стр. 273); Савельевъ: „Мухамеданская нумизматика“, стр. 108.

эту эпоху игравшій уже важную политическую роль среди сѣверо-западныхъ русскихъ земель [1]).

Начиная съ XII в. торгово-промышленныя сношенія Смоленской земли съ западомъ принимаютъ опредѣленный характеръ, упорядочиваются, входятъ въ ясныя правовыя рамки. Является „Смоленская торговая правда",—такъ будемъ мы называть торговый договоръ между Смоленскомъ, Ригой и Готландомъ, заключенный въ 1229 году и разсматривавшійся всегда какъ основной законъ, впослѣдствіи, дополнявшійся, но никогда не перемѣнявшійся. Этотъ замѣчательный юридическій памятникъ XIV ст. вмѣстѣ съ нѣкоторыми, очень немногочисленными, другими документами—какъ письма князей, приписки на „Торговой правдѣ", донесенія и торговыя записи, служатъ самымъ главнымъ, если не единственнымъ источникомъ для исторіи торговли Смоленска съ Западомъ. Отсюда возникаетъ необходимость тщательнаго изученія этой „Правды". Объ этомъ договорѣ Смоленска съ Ригой и Готландомъ писалось много, имъ пользовались для характеристики торговыхъ отношеній Смольнянъ къ западу, но тѣмъ не менѣе остались невыясненными вопросы, безъ разрѣшенія которыхъ могутъ являться какъ въ туманѣ нѣкоторые моменты исторіи смоленской торговли.

„Смоленская торговая Правда" дошла до насъ въ восьми экземплярахъ. Мы употребляемъ пока выраженіе „въ восьми экземплярахъ"

[1]) Веселовскій: „Кіевъ—градъ Днѣпра" (Жур. Мин. Нар. Пр. 1887 г. Май, стр. 296, 297); Н. П. Дашкевичъ: „Приднѣпровье и Кіевъ по нѣкоторымъ памятникамъ древне-сѣверной литературы" (Кіев. Универ. Извѣстія, 1886 г., Ноябрь, стр. 228 и слѣд.); Кирпичниковъ: „Поэмы ломбардскаго цикла", М. 1873 г. стр. 85, 97; Antiquitès russes, v. II, p. 179, 236—237, 430, 431; „....Deinde cum exercitu ipsam Russiam multa oppida maxima ingressus, expugnavit, quorum in numero etiam erant *Smolenskia,* Kiovia et Palteskia". („Vilkinasaga". Antiquitès russes, v. II, p. 455; древнѣйшій манускриптъ этой саги относится къ концу XII и началу XIII ст., ibid. p. 453); „In orientali parte Europae est regnum Gardarum, ubi situs est Kaenugardus et Holmgardus, Palteskia et *Smolenskia*...." (Annotations gèographiques dues à l'abbè Nicolas";—авторъ этого трактата жилъ въ половинѣ XII в. и въ 1151—1553 г. путешествовалъ въ Святую землю (Antiquitès russes, v. II, pp. 395—396, 403).

[2]) Мы просимъ извиненія у нашихъ читателей, что принуждены будемъ сейчасъ обратиться къ сухому, подробному сличенію текстовъ. Свести его въ примѣчанія мы не находимъ удобнымъ, такъ какъ это отвлекало-бы вниманіе читающаго отъ нити нашихъ соображеній. Такъ или иначе касались „Смоленской торговой Правды" многіе ученые.

потому, что всѣмъ имъ нельзя придавать одного и того же названія: какъ мы сейчасъ увидимъ, нѣкоторые изъ нихъ должны быть признаны *списками*, другіе *редакціями* „Правды“. Въ какомъ-же отношеніи находятся между собою эти восемь экземпляровъ? Въ изданіи Археографической коммиссіи они обозначены буквами A, B, C, D, E, F и G. Восьмой—не имѣющій значка, пусть разумѣется у насъ подъ буквой K.

Шесть экземпляровъ „Правды“ A, B, C, D, E, F, послѣ небольшого вступленія, на которое мы укажемъ ниже, начинается такъ: „Того лѣта, коли Алъбрахтъ, владыка Ризкии оумьрлъ, оуздоумалъ князѣ Смольнескый Мьстиславъ, Давидовъ сынъ, прислалъ въ Ригоу своего лоучьшего попа Ерьмея и съ нимь оумьна моужа Пантелья и своего горда Смольнеска: та два была послъмь оу Ризѣ, из Ригы ехали на Гочкый берьго, тамо твердити миръ“. Слѣдовательно, всѣ эти

Вотъ труды, принятые нами въ соображеніе: 1) *Лербергъ*: „Объ одной древней новгородъ-готландской грамотѣ и о Борхрамѣ, который въ ней упоминается“ (Изслѣдованія, служащія къ объясненію русской исторіи“, Спб. 1819 г.); *Koeppen*: „Verzeichniss der slavisch-russischen Denkmäller deren Schriftzüge in der bei folgenden paläographischen Tabelle vorkommen“ (Bulletin Hist·rico-philoloqique de l'Academie Jmperiale des Sciences de S. Pb. 1848); *Tobien*: „Sammlung kritisch bearbeiter Quellen der Geschichte des russischen Rechtes, B. I; *Срезневскій*: „Древнѣйшія договорныя грамоты Новгорода съ Нѣмцами 1199 и 1263 г.“ (Извѣстія Имп. Академіи Н. по II отд., т. VI, 1858 г. Библіографическія Записки“); *Дубенскій*: „Русскія Достопамятности“, М. 1843 г., ч. 2; *Андреевскій*: „О правахъ иностранцевъ въ Россіи“, Спб. 1854 г.; *Фортинскій*: „Приморскіе вендскіе города и ихъ вліяніе на образованіе Ганзейскаго союза“, Кіевъ, 1877 г.; *Тихомировъ*: „Торговыя сношенія Полоцка съ Ливоніей“ (Ж. М. Н. Пр. 1877 г. ч. CXCIV); *Бережковъ*: „О торговлѣ Руси съ Ганзой до конца XV вѣка“ Спб. 1879 г.; *Бережковъ*: „О торговлѣ Русскихъ съ Ригою въ XIII и XIV вѣкахъ“ (Ж. М. Н. Пр 1877 г., Февраль); *Прозоровскій*: „Куны“ (Извѣстія Имп. Археол. Общ. т. VII); *Аеенаріусъ*: „Нѣчто о кунѣ“ (Извѣстія Имп. Рус. Археол. Общ. т. XII); *Chaudoir*: „Aperçu sur les monnais russes“ S. Pb, 1836; *Заблоцкій*: „О цѣнностяхъ въ др. Руси“. Спб. 1854 г.; *Сонцовъ*: „Нумизмат. изслѣдованія Славянскихъ монетъ“, М. 1865 г.; *Русско-Ливонскіе Акты*, изд. Имп. Археогр. Коммисіи, Спб. 1868 г., Anhang I und II; *Владимирскій-Будановъ*: „Христоматія по исторіи русскаго права“, в. 1 Кіевъ. 1876 г.; *Аристовъ*: „Христоматія по Русской Исторія“, Варшава, 1870 г. № 191; *Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ*, т. II, № I, М. 1819; *Bunge*: „Liv-Esth—und Curländisches Urkundenbuch nebst Regesten“, Reval. 1853, № CI. *Riesenkampf*: „Der deutsche Hof zu Nowgorod“, Dorpat. 1854 г.; Бѣляевъ; „Били ли на Руси монету до XIV столѣтія“. (Записки Имп. Рус. Археол. Общ., т. V, 1853 г.). Мы совершенно вновь разсматриваемъ вопросъ *по первоисточникамъ* и потому нигдѣ не полемизируемъ. Въ чемъ мы сходимся и расходимся съ нашими предшественниками, видно изъ самого текста нашей работы, а расходимся мы во многомъ.

шесть экземпляровъ представляютъ собою или списки или редакціи одного-того-же договора. Но не только въ этихъ шести экземплярахъ, а и въ седьмомъ мы находимъ однѣ и тѣ-же подписи представителей торговыхъ городовъ *Висби*, *Любека*, *Сōста*, *Мюнстера*, *Гренингена*, хотя тутъ исчезло вступленіе и недостаетъ весьма важнаго въ самомъ началѣ хронологическаго указанія на смерть рижскаго епископа Альберта. Могутъ-ли быть всѣ эти семь экземпляровъ разсматриваемы какъ *современныя* копіи съ оригинала договора? Если-бы это было такъ, то мы должны были-бы найти во всѣхъ этихъ семи экземплярахъ полную тождественность въ языкѣ, въ отдѣльныхъ выраженіяхъ и постановленіяхъ. Не нужно спеціальныхъ знаній, чтобы при первомъ взглядѣ убѣдиться въ преимущественной древности языка экземпляра А предъ всѣми остальными семью [1]). Всѣ послѣдніе, буде они современныя копіи, должны представлять точный противень перваго, потому что иначе такая неточная копія не имѣла-бы ни для кого никакого значенія. Между тѣмъ этой-то дипломатической точности и нѣтъ. Уже между первымъ экземпляромъ (А) и всѣми остальными, какъ я сказалъ, существуетъ разница въ языкѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы ясно видимъ, что по языку экземпляры А, В и С стоятъ ближе другъ къ другу, чѣмъ къ D, E, F и G, при чемъ разница получается лишь въ правописаніи. Въ свою очередь экземпляры D, E, F и G точно также по языку близки одинъ другому [2]). Такимъ образомъ, въ

---

[1]) Соболевскій: Смоленско-полоцкій говоръ" (Русскій Филологическій Вѣстникъ", 1886 г., т. XV, стр. 7 и слѣд.).

[2]) Для сличенія съ А беремъ вступленіе изъ В: „Что дѣѥт по временомъ, то ѿиде по временомъ; приказано боудеть добрымъ людемъ, а любо грамотою оутвердѧть, како боудеть всѣмъ вѣдомо, или кто послѣ живый ѡстанеть". Изъ С: „Что сѧ дееть по веременемь, то ѿидеть по веременемь; приказано будеть добрымъ людѣмъ, а любо грамотою оутьрдѧть, како то будеть всемъ ведомо, или кто после жывыи ѡстанетьсѧ". Здѣсь въ А, В и С мы видимъ лишь разницу въ правописаніи, но языкъ и выраженія одни и тѣ-же. Теперь сравнимъ D. E, F. Вступленіе изъ D приведено, теперь изъ Е: „*Что сѧ въ которое вѣрьмѧ* начнеть дѣяти, то *оутвьрживають грамотою; а быша сѧ не забыли, познаите*, и на памѧть дьржите нѣнѣшнии и по семь врѣмѣни боудоучи, *къ кому си грамота придеть*". Изъ F: „А кто сѧ вкоев҃р начн҃е дѣяти, то *оутверживаите грамою*, да быша сѧ не забывали, *познаите*, и памѧ҃ держите нынѣшний и по семь времени будущии, *къ кому си грамота придеть*". Скажемъ разъ навсегда, что выписки мы дѣлаемъ изъ „Смоленской торговой Правды" по изданію Археографической Коммиссіи въ Русско-Ливонскихъ Актахъ.

отношеніи языка мы получаемъ двѣ группы: 1) экземпляры A, B, C, 2) D, E, F и G Чтобы убѣдиться въ этомъ, сравнимъ вступленіе экземпляра A и D:

Экземпл. A: „*Что ся дњеть по вњремьнемь*, то ѿйде то по вѣрьмьнемь; приказано боудѣте добрымъ людѣмъ, а любо грамотою оутвѣрдѧть, како то боудѣте всемъ вѣдомъ, или кто после живый ѡстанѣтьсѧ“. Экз. D: „*Что сѧ въ которое времѧ нѧчнеть дњѧти*, *то оутвњржають грамотою*: *а быша сѧ не забыли*, *познаите*, *на памѧть держите* нынѣшнии и по сѣмь веремени боудоучи, *къ комоу си грамота придеть*“. Не говоря уже о языкѣ и правописаніи, мы видимъ здѣсь совершенно различныя выреженія, цѣлыя фразы, отсутствующія въ экземплярѣ A и внесенныя въ экземпляръ D. И такъ передъ нами двѣ редакціи „Смоленской торговой Правды“. Если языкъ экземпляра A долженъ быть признанъ за древнѣйшій, то въ такомъ случаѣ первая редакція, къ которой принадлежатъ экземпляры A, B и C, есть дравнѣйшая редакція, а другая—позднѣйшая, заключающая экземпляры D, E, F и G. Но старшинство первой редакціи обнаруживается не только въ языкѣ, но и въ различномъ выраженіи тѣхъ или иныхъ понятій. Въ статьѣ *c* экземпляра A, т. е., въ древнѣйшей редакціи, мы читаемъ: „Оутвьрдили миръ, что былъ не мирно промьжю *Смольньска* й *Риги*, й *Готскымь берьюмь* всемъ купчемъ“. Въ позднѣйшей же редакціи, въ экземплярѣ D, это выражено иначе: „Розлюбье на сторону: ѿвѣречи, которое было межю *Немцы* и *Смолнѧны*“. Такимъ образомъ выраженія: *Смоленскъ*, *Рига* и *Готскій берегъ* замѣнены другими: *Нњмцы* и *Смольняне*. Словомъ „*Нњмецъ*“, „*Нњмецкій*“ въ позднѣйшей редакціи замѣнены *вездњ* выраженія: *Латынинъ*, *Латинскій языкъ*. Такъ въ 9 §, въ статьѣ *a* въ древнѣйшей редакціи стоитъ: „*Роусиноу* не вѣсти *Латинина* ко жельзоу горѧчемоу, аже самъ всхочетѣ„. Въ позднѣйшей редакціи это мѣсто читается такъ: „Роусиноу же не лзѣ имати *Немчича* на железо, такоже и *Немчичю* Роусина“. Очевидно, древнее „*Варяги*“ смѣнилось позже выраженіемъ „*Латиняне*“, и еще новѣе является обозначеніе западныхъ людей

Мы подчеркнули особенно выдающіяся мѣста, но вообще во всемъ цѣломъ видно полное тождестѣо этихъ экземпляровъ D, E, F.

словомъ „Нѣмцы“, хотя употребленіе его мы встрѣчаемъ и въ древнѣйшее время,но не такъ устойчиво. Въ древнѣйшей редакціи „Смоленской торговой Правды“ выраженіе „*Немчичъ*“ употреблено всего четыре раза, въ то время какъ въ позднѣйшей—выраженіе *Латынинъ* совершенно отсутствуетъ. Кромѣ того, по бо́льшей части, въ позднѣйшей редакціи изложеніе статей сжатое, краткое. Наконецъ, что дошедшіе до насъ экземпляры D, E, F относятся къ болѣе позднему времени, доказываетъ слѣдующая приписка въ концѣ двухъ изъ нихъ: „Што *Нем̂цьскы̆* дворѡвъ и дворищь Смѡлѣньскѣ коуплѣнины и цр̂ке ихъ мѣсто, не надобѣ ни комоу жо, комоу дадѧть ли, посадѧть ли кого *Немци*, то по своіві вѡли; а на которѡмь подвѡрьи стоять *Немци*, или гость *Немьцьскии*, не поставити на томъ дворѣ князю *ни Татарина*, ни иного котораго пѡсла“. Хотя въ экземплярѣ F и нѣтъ этого добавленія, но такъ какъ онъ по языку и выраженіямъ вполнѣ сходенъ съ экземплярами D и E, то и долженъ относиться къ одному съ ними времени. Эта приписка могла быть сдѣлана, конечно, не ранѣе 1240 года, но, какъ кажется, ее слѣдуетъ отнести къ еще болѣе позднему времени. Въ своемъ движеніи съ сѣвера на югъ въ 1238 году Татары не тронули Смоленска, а потому и зависимость его отъ хана послѣ 1240 г. является сомнительной. Приблизительно въ 1242 году Смольнянамъ удалось нанести пораженіе татарской рати недалеко отъ своего города, около Долгомостья [1]), и такимъ образомъ опять отдалить отъ себя на нѣкоторое время ханское иго. Но въ 1274 году мы уже видимъ, что Глѣбъ Ростиславичъ смоленскій принужденъ по призыву хана идти на Литву [2]). Этотъ фактъ предполагаетъ не только зависимость отъ Татаръ, но и указываетъ на прибытіе ханскаго посольства въ Смоленскъ. Можетъ быть, съ этого-то момента и начинается появленіе ханскихъ чиновниковъ въ Смоленскѣ. Слѣдовательно, позднѣйшая редакція, имѣющая вышеприведенную приписку, должна была явиться не ранѣе второй половины XIII столѣтія, то есть, спустя нѣсколько десятилѣтій послѣ самаго появленія на свѣтъ „Смоленской торговой Правды“. Эта вторая редакція имѣетъ кромѣ того нѣсколько дополненій, отсутствующихъ въ древнѣйшей редакціи, и представляю-

---

[1]) Объ этомъ см. гораздо ниже.

[2]) Ипатьев. Лѣт., стр. 575—576.

щихъ новыя статьи. Такъ въ древнѣйшей редакціи читаемъ: „По оухоу оударите, г̃ четвѣрти серебра". Позднѣйшая редакція эту самую статью имѣетъ въ такомъ видѣ: „Аще оударить по лицю, или за волосы иметь, или батогомъ шибеть, платити безъ четверти гр̃вна серебра [1])". Очевидно, съ теченіемъ времени оказалось недостаточнымъ сказать „не бейте по уху", такъ какъ практика жизни показывала, что и Нѣмцы, и Смольняне, способны еще драть за волосы, бить батогомъ и т. д. Статьи 23 и 35 вновь составлены и внесены въ „Смоленскую торговую Правду". Первая изъ нихъ заключаетъ въ себѣ слѣдующее постановленіе: „Аже будеть Роусину товаръ имати на Немчичи, ли въ Ризѣ, ли на Готьскомъ березе, ли въ которомъ городѣ в—ыномъ Немецьскомъ, нъ ити истъцю к—ыстъцю и взѧти емоу та правда, которая то в томь городѣ, а роубежа имъ н́е дѣяти; а Немчичю таже правда взѧти в Роуси". Насъ удивляетъ пропускъ этой важной статьи въ древнѣйшей редакціи. Дѣйствительно, какъ надо было поступать русскому или нѣмецкому купцу, если ему приходилось взыскивать свой товаръ не въ Смоленскѣ, въ Ригѣ, въ Визби, а въ какомъ нибудь другомъ городѣ? Не менѣе важна въ бытовомъ отношеніи и статья 35: „А поудъ даяи Немци Волочаномъ, иже то имь товаръ возити на Волоце всѧкому гостьи, то ци ж dаколи исказитьсѧ, а подроугъ его лежить въ Немецьской божници, а дроугый ковати, изверивши темь". Нѣтъ сомнѣнія, что и эта статья явилась результатомъ позднѣйшаго опыта. Въ 1229 году не вспомнили, упустили изъ виду тѣ пререканія, которыя, вѣроятно, происходили между перевозчиками товара на волокѣ изъ Каспли въ Днѣпръ и нѣмецкими купцами при нагрузкѣ клади на кола; можетъ быть, при разгрузкѣ оказывалось, что товаръ становился почему то легче, происходило что-то въ родѣ усушки и утечки. Необходимо было при нагрузкѣ товара взвѣшивать какъ для избѣжанія его исчезновенія, такъ, вѣроятно, и потому, что плата бралась за перавозъ съ вѣса. Тутъ могли происходить споры изъ-за правильности гирь. Въ концѣ концовъ пришлось формулировать этотъ вопросъ, но до этого дошли не сразу.

Итакъ въ нашемъ распоряженіи имѣются двѣ редакціи: древнѣйшая—въ трехъ экземплярахъ, и позднѣйшая въ четырехъ (D, E, F, G)

---

[1]) § 3, статья b.

Экземпляры D, E, F, G, *въ томъ видѣ, какъ они дошли до насъ*, написаны не раньше второй половины XIII ст. Теперь будемъ продолжать нашъ анализъ далѣе. Обратимся теперь къ тремъ экземплярамъ древнѣйшей редакціи.

Впереди экземпляра B мы находимъ слѣдующую замѣчательную приписку: „Се ѧзъ князь Смоленьскии Ѡлексанъдръ докончалъ есмь с *Немьци по давному докончанью* како то докончали *ѡтци наши, дѣди наши*. На техъ же грамотахъ целовалъ есмь крестъ, а се моя печать“. Эта подпись вполнѣ оправдывается письмомъ этого самаго князя Александра Глѣбовича смоленскаго въ Ригу. Оно очень кратко: „Поклонъ отъ князя Смоленьского, *отъ Олександра* отъ Глѣбовича, к ратманомъ к Рижьскимъ і ко всѣмъ горожаномъ. Како есте были въ ľви съ отцемь моимь Глѣбомь, і с моимь стрыіемь Федоромь, тако будете і со мною въ любви; а язь тоѣже любви хочю с вами. Гость ко мнѣ поущаите, а поуть имъ чистъ, а мои моужи к вамъ ѣдуть, и путь имь чисто“ [1]). Александръ Глѣбовичъ послѣ смерти своего отца захватилъ великокняжескій смоленскій столъ въ 1297 году, а въ 1313 году онъ уже умеръ [2]). Такимъ образомъ, и самое письмо, и вмѣстѣ съ нимъ экземпляръ B „Смоленской торговой Правды“ должны относиться къ промежутку времени между 1297 и 1313 годомъ. Экземпляръ B есть копія—списокъ съ экземпляра A, сдѣланный въ концѣ XIII или началѣ XIV вѣка для отсылки въ Ригу, чѣмъ князь и показывалъ, что принимаетъ всѣ условія торговыхъ сношеній, „*како то докончали отци наши, дѣди наши*“. Мы видимъ въ этой копіи уже нѣкоторыя измѣненія въ выраженіяхъ. Такъ довольно часто „*Латининъ*“, „*латинскій гость*“ замѣняется словами *Немьчинъ*, *Немецьскій гость*, хотя остаются и прежнія выраженія. Въ экземплярѣ A стоитъ: „ тако, аже Роускыи гость биться *оу Ризѣ* или *на Гочькомъ березе*...“, а князь Александръ выражается: „ такоже и Роуськии гость бьетъ *в вашихъ городѣхъ*“ [3]).

Экземпляръ A представляетъ собой дѣйствительный оригиналъ

---

[1]) Грамоты, касающіяся до сношеній сѣверо-западной Россіи съ Ригою и Ганзейскими городами. Спб. 1857 г., № VIII.

[2]) Лавр. Лѣт. по Акад. списку, стр. 500; Никонов. Лѣт. ч. III, изд. 1786 г., стр. 103.

[3]) § 10, статья с.

Смоленской торговой правды. Это доказывается не только болѣе древнимъ языкомъ его сравнительно съ спискомъ Александра и экземпляромъ С, но и сохранившейся на шнуркѣ печатью съ надписью: „*Великого князя Ѳедора печать*“. Ѳеодоръ было христіанское имя князя Мстислава Давидовича [1]).

Посмотримъ теперь, въ какомъ отношеніи стоитъ къ этому оригиналу договора экземпляръ С. Онъ является также копіей—спискомъ, сдѣланнымъ позже, но раньше списка князя Александра. Уже изъ приведеннаго нами выше вступленія видна бо́льшая близость къ оригиналу договора экземпляра С, чѣмъ В. Такъ въ экземплярѣ С вполнѣ выдержанъ способъ выраженій оригинала. Напр. въ § 18, статьѣ *а* въ оригиналѣ стоитъ: „А Латинескии *оусхочеть*“, въ спискѣ Александра: *въсхочеть,* въ экземплярѣ С опять: *оусхочеть.* § 25, статья *а* въ оригиналѣ: *Всякому Латинескомоу чл҃вкоу,* въ спискѣ кн. Александра: *Латиньскомоу языкоу,* въ экземплярѣ С снова: *чл҃вку.* Во всѣхъ случаяхъ тамъ, гдѣ и въ оригиналѣ, удержаны и въ экземплярѣ С выраженія: *Латиньский, Латининъ* и т. д. Но вмѣстѣ съ тѣмъ оказывается, что нѣкоторыхъ мѣстъ оригинала списыватель не разобралъ, хотя и старался передавать его съ дипломатическою точностью [2]). По языку копіистъ былъ несомнѣнно Псковичъ, что́ и выразилось въ замѣнѣ звуковъ *ц* чрезъ *ч* и *ж* черезъ *з* [3]). Если экземпляръ С по своему языку стоитъ ближе къ оригиналу, то, стало быть, копія, которую онъ собой представляетъ, была снята раньше списка Александра, т. е. до 1297 года.

Мы видѣли, что князь Александръ Глѣбовичъ, возобновляя съ Нѣмцами дружественныя отношенія, послалъ въ Ригу письмо и послѣ копію съ оригинала 1229 г. Мы можемъ отсюда заключить, что такъ дѣлалось каждый разъ, когда на великокняжескій столъ въ Смоленскѣ садился новый князь: онъ объявлялъ своимъ западнымъ сосѣ-

---

[1]) Кн. Долгоруковъ: „Россійская родословная книга“, Спб. 1854 г., ч. I, стр. 141, № 12; Временникъ Имп. Моск. Общ. Ист. и Др. Росс., кн. X, М., 1851 г. Родословная книга, стр. 37: „Князь Мстиславъ Давидовичъ во крещеніи Ѳеодоръ“. Ипатьев. Лѣтопись, стр. 456.

[2]) См. напр. § 3, ст. *а*, § 1, ст. *b*.

[3]) Соболевскій: Смоленско-Полоцкій говоръ. Рус. Фил. В., 1886 г., т. XV, стр. 1, примѣчаніе 2.

димъ о своемъ желаніи держаться политики своего предшественника. Слѣдовательно, и копія С была такого-же происхожденія и сдѣлана съ такими-же цѣлями: она вышла изъ канцеляріи смоленскаго князя и была отправлена въ Ригу. Когда и при какомъ князѣ? Этотъ вопросъ рѣшить трудно. Князь Мстиславъ Давидовичъ скончался въ 1230 году. Возобновленіе договора должно было происходить при каждомъ новомъ великомъ князѣ. А такъ какъ въ 1297 г. на смоленскомъ столѣ сѣлъ уже Александръ Глѣбовичъ, то копія С должна быть послана въ Ригу между 1230 и 1297 годами. За это время на столѣ смоленскомъ перебывало нѣсколько князей. Въ этотъ промежутокъ времени вышли изъ канцеляріи смоленскаго князя два документа, которые имѣютъ весьма важное значеніе для исторіи западной торговли Смоленска. Одинъ изъ этихъ документовъ представляетъ собою присяжную грамоту смоленскаго князя Өеодора Ростиславича, посланную въ Ригу въ 1284 году. Өеодоръ Ростиславичъ занялъ великокняжескій смоленскій столъ въ 1280 г. [1]), и только въ 1284 году собрался подтвердить съ Нѣмцами старую „Смоленскую торговую Правду". Причиной этого промедленія могли быть неурядицы въ Смоленскѣ, который, какъ видно, въ отношеніи своихъ князей сталъ въ такое же положеніе, какъ Новгородъ В. Эта присяжная грамота начинается съ поклона отъ князя Өеодора епископу рижскому, магистру ливонскаго Ордена и рижскимъ ратманамъ, а далѣе говорится о свободѣ пути для смоленскихъ и нѣмецкихъ гостей, о непрекращеніи торговли даже въ случаѣ недоразумѣній политическаго характера между княземъ, епископомъ Риги и магистромъ Ордена. Такимъ образомъ, это не есть новый торговый договоръ, ибо другихъ, кромѣ приведенныхъ, онъ никакихъ условій не заключаетъ, а простая присяжная грамота въ исполненіи уже стараго договора. Слѣдовательно, вмѣстѣ съ ней долженъ быть посланъ и самый договоръ, т. е. копія— новый списокъ со старой Смоленской торговой Правды. Вотъ этимъ-то спискомъ, снятымъ съ Мстиславова трактата при Өеодорѣ, и можетъ быть списокъ *С*. Несомнѣнно, былъ посланъ въ Ригу противень

---

¹) Воскр. Лѣт. (П. С. Р. Л. стр. 174, т. VII).

²) Приводимъ всю эту присяжную грамоту Өеодора Ростиславича 1284 г.: „+ Поклонъ ѿ князя ѿ Федора къ Пискупу и къ Мастеру и къ Ратманомъ. Што будеть вамъ речь съ Пискупомъ или съ Мастеромъ, то ведаетеся вы сами, а нашему гостеви

Смоленской торговой Правды съ печатью князя,—ибо безъ этого Нѣмцы не могли быть увѣренными въ исполненіи всѣхъ условій торговли,—но этотъ списокъ до насъ не дошелъ.

Намъ необходимо теперь провести разсмотрѣніе экземпляровъ D, E, F, G, и K позднѣйшей редакціи такъ-же, какъ это сдѣлали мы съ древнѣйшей редакціей. Мы видѣли уже, что позднѣйшая редакція экземпляровъ Смоленской торговой Правды относится, въ *томъ видѣ, какъ она дошла до насъ*, ко второй половинѣ XIII ст., пожалуй, къ послѣдней его четверти, или къ еще болѣе позднему времени. Но дѣло въ томъ' что эти позднѣйшія копіи сняты съ какого-то болѣе древняго оригинала. Въ самомъ дѣлѣ, въ оригиналѣ договора Мстислава Давидовича (A) мы находимъ, что договоръ этотъ былъ заключенъ: „подъ Пискоупомь Ризкимъ, Провстъ Іаганъ, мастьръ Вълквѣнъ, Бж҃ии дворянинъ, и подъ горожаны Ризѣскими, прѣдъ всеми Латинескими коупци: Ся грамота оутвържена всехо коупьче пьчатию. Се ороудѣ исправили оумнии коупчи: *Регньбодь*, *Дѣтяртъ*, *Адамъ*, то были горожане на Гочкомь березе. *Мьмьберпь*, *Вредрикъ Думбѣ*, ти были из Любка; *Гиндрикъ Готь*, *Илдигъръ*, та два была исъ Жата; *Конратъ Шхель*, *ѡдѣ Іоганть Кинть*, та два была из Мюньстьря; *Берняръ*, *ѡдѣ Вълкеръ*, та два была *изъ* Грюнигь; *Іермьбрьхть*, *ѡдѣ Албрахтъ*, та два была *из* Дортмьня; *Гиндрикъ Цижикъ из* Бремьнь, *Албрахтъ Слоукъ*, *Берняртъ ѡдѣ Волтъръ*, *ѡдѣ Алдрахть фоготь*, то были горожане оу Ризѣ, и инехъ много оумныхъ добрыхъ людей“[1]). Въ экземплярѣ D позднѣй-

---

сѣмо боуди поуть чистъ, а нашомоу гостеви боуди къ вамъ поуть чистъ; а роубѣжа не дѣяти, ни намъ в сѣбе въ Смоленьске, ни вамь в себе в Ризѣ и на Гоцьскомь березѣ коупьцомь. Си же грамота псана бысть, ищло было ѿ Рж҃ства Гн҃я до сего лѣта а҃ лѣтъ и двѣсти лѣтъ и восьмьдесятъ летъ, и три лѣта, въ четвертое лето, *на Възнесенье* Гн҃е; а тоу былъ въ Смолѣнске на мѣсте на княжи на Федорове, Аньдрѣй Михайловичь князь, Артѣмии Намѣстьникъ, Остафий дядко, Микула Дядковичъ, Лаврѣнтий намѣстьникъ выдчнь, Мирославѣ, Ѡлекса Черный, Тереньтей таможникъ ветхый, Аньдрѣй попъ. А тоу былъ при докончаніи грамоты сее, Любрахтъ, посолъ отъ Мастера, а ѿтъ горожанъ Петръ Бартолть, а въ торговьцихъ Федоръ Волковьникъ изъ Брюньжвика, Гельмикъ изъ Миштеря; а Моисѣй, печатникъ княжь Федоровъ, печаталъ, а Федорко, писецъ княжь Федоровъ, псалъ“ (Собр. Госуд. Грам. и Догов., т. II., № 3, стр. 6). Внизу приложена на малиновомъ шнуркѣ печать съ надписью: „... ел. кого князя Өедор.....ечат“.

[1]) Русско-Ливонскіе Акты, стр. 442.

шей редакціи оказываются тѣже самые представители городовъ, подписавшіеся подъ договоромъ, что и въ Мстиславовомъ оригиналѣ. Разница состоитъ только въ написаніи именъ. Если это такъ, то, слѣдовательно, экземпляръ D, принадлежащій, какъ мы видѣли, ко времени не ранѣе третьей четверти XIII ст., списанъ съ оригинала современнаго оригиналу Смоленской торговой Правды, ибо иначе имена представителей городовъ были-бы другія. Этотъ первоначальный оригиналъ долженъ былъ представлять собою точный противень съ оригинала Мстислава (A). Мы будемъ этотъ оригиналъ называть D'[1]). Въ присяжной грамотѣ Ѳеодора Ростиславича 1284 года говорится: „а тоу (при возобновленіи или лучше новомъ принятіи стараго трактата) былъ, докончаньи грамоты сее, *Любрахтъ, посолъ ѿтъ Мастера, а ѿтъ горожанъ Петръ Бартолтъ, а въ торговьцихъ Федоръ Волковьникъ* изъ Брюньжвика, *Гелмикъ* изъ Миштера.....“[2]). Въ болѣе поздней присяжной грамотѣ смоленскаго великаго князя Ивана Алесандровича, относящейся къ половинѣ XIV ст., мы находимъ: „А приѥздили ко мнѣ на докончанье из Риги ѿ Мастѣря *Пъсковъ Бї̆й дворянинъ*, а ѿ *Ратманъ Иванъ папъ*, на томъ на всѣмь цѣловалъ ѥсмь кр҃тъ к брату къ своюму к Мѣстерю, а они цѣловали ко мнѣ кр҃ Мѣстеревою

---

[1]) Грамота писана: „...а приеппѣ Рижьскомъ Николаи, и при попѣ Ішанѣ, при мастере Фолкоуне, при Рижьскихъ моужихъ, при многыхъ коупцихъ Римьскаго царства Еже есть техъ печать на грамоте сѣи. А сеже соуть послоуси тому: *Регем: бодъ, Тетартъ, Адамъ*, горожане на Готьскомъ березе; *Мьмберь, Вередрикъ, Доумомь* из Любка ти соуть: *Аљдрикъ Готъ, Илнеръ*, тиже соуть изъ Жюжа Жата; *Кондрать Крывыи, Еганъ Кинотъ*, тиже соуть из Моуньстеря; *Берникъ Фолкырь*, ти соуть из Гроули; *Яремъбрахтъ* и *Альбрахтъ*, тиже соуть из Дротмины; *Индрикъ Чижикъ*, тиже из Брямь; *Альбрякъ Слоукъ, Берьнярь, Волтњрь, Алберь соудня Рижьскый*, тиже соуть Рижане“. (Русско-Ливонскіе Акты, стр. 413). Самымъ полнымъ экземпляромъ позднѣйшей редакціи является экземпляръ E. Въ экземплярѣ D отсутствуютъ нѣкоторыя статьи, весьма важныя, которыя, несомнѣнно, были въ первоначальномъ экземплярѣ (D'), ибо онѣ есть въ первоначальномъ экземплярѣ древнѣйшей редакціи, и въ спискѣ F позднѣйшей редакціи. Такъ какъ мы раньше приводили цитаты изъ позднѣйшей редакціи по экземпляру D, то и продолжаемъ это дѣлать дальше, чтобы избѣжать путаницы, беря экземпляръ D *условно* за представителя всей позднѣйшей редакціи, а подъ D' разумѣемъ первоначальный экземпляръ, съ котораго сняты копіи D, E, F и G. Что мы продолжаемъ цитировать позднѣйшую редакцію по экземпляру D, это нисколько не вліяетъ на наши доказательства, такъ какъ всѣ необходимыя для насъ статьи въ экземплярѣ D существуютъ.

[2]) Собраніе Государ. Гр. и Договоровъ,. т. II, № 3, стр. 6.

дш̃ею и Пку̃плею" [1]). Эго не договоръ, какъ и грамота Θеодора Ростиславича 1284 г., а грамота присяжная въ исполненіи обѣими сторонами стараго договора. Князь Иванъ Александровичъ говоритъ тутъ, что онъ и „докончалъ (есмь) *по дѣда своего докончанью и по старымъ грамотамъ*". Вотъ эти то Петръ Бартольтъ, Θеодоръ Волковникъ и Гелмикъ, затѣмъ Песковъ, Иванъ попъ и участвовали въ возобновленіи договора, причемъ каждый разъ были снимаемы копіи съ древняго оригинала Смоленской торговой Правды, но имена новыхъ пословъ не вносились въ копіи. На основаніи этихъ соображеній мы имѣемъ полное право сказать, что экземпляръ D есть копія съ древняго оригинала D', который представлялъ собою современный списокъ того трактата, на которомъ мы находимъ печать князя Мстислава (Θеодора) Давидовича (A). И такъ экземпляръ D есть позднѣйшая копія съ древнѣйшаго списка „Смоленской торговой Правды" съ позднѣйшими прибавленіями. Такимъ образомъ можно и теперь сказать, что Мстиславовъ договоръ 1229 года явился на свѣтъ въ двухъ спискахъ: 1) съ печатью князя Мстислава Давидовича и смоленскаго епископа, 2) съ печатями нѣмецкихъ представителей или епископа и магистра ордена, современныхъ заключенію договора. Въ этомъ мы убѣждаемся еще и изъ слѣдующихъ фактовъ. Въ Мстиславовомъ договорѣ существуетъ между прочимъ такая глава: „Аже Латинескии оусхочетъ ѣхати и Смольнеска своимъ товаромъ въ иноу стороноу, про то его князю не дѣржати, ни иномоу никомоуже; тако Роусину ѣхати изъ *Гочкаго берега до Травны*". Въ современномъ противнѣ (съ котораго списанъ экзем-

---

[1]) Вотъ эта присяжная грамота въ цѣломъ видѣ: „✝ Се язь Князь Великии Смоленьский Иванъ Олександровичь, оуноукъ Глѣбовъ, докончалъ есмь с братомъ своимь с Мѣстѣремь съ Ризьскимъ и съ Пп̃мь и с Рыдѣли и с Ратманы и со всѣми Рижаны, што подъ его рукою, докончалъ есмь по дѣда своего докончанью и по старымъ грамотамъ, докончалъ есмь по тому докончанью, какъ то братъ мой старѣйшіи Кедименъ докончалъ и его дѣти Глѣбъ и Алкердъ: ѥздити Немцемь въ домъ ст̃ѣй Бц̃е и ко мнѣ, а мнѣ блюсти какъ и своего Смолнянина, а моимъ ѥздити въ Ригу, Мѣстерю и Ратманомъ блюсти моего Смолнянина какъ своего Немчина. А приѥздили ко мнѣ на докончанье из Риги ѿ Местѣря Пьсковъ Бн̃і дворянинъ, а ѿ Ратманъ Иванъ попъ; на томъ на всѣмь цѣловалъ ѥсмь кр̃тъ къ брату своѥму к Мѣстерю, а они цѣловали ко мнѣ Мѣстеревою дш̃ею и Пк̃уплею" (Собраніе Госуд. Гр. и Догов., т. II, № 8, стр. 10—11).

пляръ D) это мѣсто читается такъ: „Аще которыи Немчичь хочеть ити съ своимь товаромь вынъ городъ, князю не боронити ни Смоляномъ; оли который Роусинъ хочеть поити *съ Готьского берега* въ Немецьскоую землю *въ Любекъ*, Немцомъ не боронити имъ того поуте" [1]. Указанія на эти условія мы находимъ въ одномъ изъ донесеній рижскихъ пословъ во время Витовта. Послы пишутъ въ Рижскій совѣтъ о требованіи русскихъ, *на основаніи Смоленскихъ грамотъ*, свободнаго проѣзда изъ Готланда до Травны и въ другіе города [2]. То-же самое мы слышимъ и отъ смоленскаго князя Юрія. Онъ, будучи изгнанъ изъ Смоленска Витовтомъ и ища убѣжища въ Ливоніи, говоритъ магистру Ордена: „Между вами *и моими предками* существуетъ миръ, утвержденный присягою" [3]. Оказывается, что Юрій въ 1405 г., Смольняне около 1400 г., князь Иванъ Александровичъ въ XIV ст., князь Алексанра Глѣбовичъ въ концѣ XIII вѣка, всѣ ссылаются на договоръ предковъ. Мы въ правѣ думать, что всѣ они имѣютъ тутъ въ виду Смоленскую торговую Правду, составленную при Мстиславѣ—Θеодорѣ въ 1229 году и признанную послѣдующими князьями. Обратимся теперь къ самому началу договора. Въ спискѣ съ печатью князя Θеодора (А) разсказывается слѣдующее: „Того лѣта, коли Алъбрахтъ, вл҃дка Ризкии оумьрлъ, ѹздоумалъ князѣ Смоленьскый Мьстиславъ, Дв҃двъ сн҃ъ, прислалъ въ Ригоу своего лоучьщего попа Ерьмея и съ нимь оумьна моужа Пантелья и своего города Смоленьска; та два была послъмь оу Ризѣ, из Риги ехали на Гочкый берьго, тамо твердити миръ. Оутвердили миръ, что былъ немирно промьжю Смольньска и Риги, и Готскымъ берьгомь всемъ коупчемъ. Пре сеи миръ трудилися дъбрии людие: Ролфо ис Кашеля, Бж҃іи дворянинъ, Тоумаше Смолнянинъ..." Въ концѣ этотъ оригиналъ договора оканчивается послѣсловіемъ, которое отчасти мы уже приводили, но теперь намъ необходимо снова привести его начало. Оно таково: „Коли с грамота псана, ишлъ былъ ѿ ржс҃тва Гн҃я до сего лѣта, А' лѣто и С лѣто и П лѣто и К, подъ пискоупомь Ризкимь, Провстъ Іаганъ, мастьръ Вълквѣнъ...". Такъ стоитъ въ экземплярѣ съ печатью князя Мстислава—

[1] Русско-Ливон. Акты, 432, 433.

[2] Русско-Ливон. Акты, № CXXVI, р. 97: „...van den Smolenschen brieuen... dat die Russen moghen segelen van Gotlande in die Trauenè und dar state.

[3] Danilowicz. Skarbiec dyplomotów, № 824. p. 348, v. I.

Θеодора (А). Приведемъ теперь эти-же самыя мѣста изъ экземпляра D': „Того лѣта, коли еппъ Альбрахтъ Рижьскый *мъртвъ*, князь Мьстиславъ Двдвчь послалъ свое моуже Геремея попа, Пантелея *сотьскою* ѿ *Смольнянъ* въ Ригу, а изъ Риги на Готьскый берегъ, оутвьржывати миръ. Розлюбье на сторонну ѿверечи, которое было межю Немци и Смолняны. А за тотъ миръ страдалъ Роулфъ, ис Кашля и *Тоумашь Михалевичь*...“ Въ концѣ: „А си грамота написана была ѿ распятья было А' лѣто и С лѣто и *Л лѣто безъ лето, а при еппѣ Рижьскомъ Николаи*, и при попѣ Іωанѣ, при мастере Фолкоуне....“ [1]). Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе имя смоленскаго уполномоченнаго: въ княжескомъ экземплярѣ (А) онъ названъ просто *Тоумаше Смолнянинъ*;—въ экземплярѣ D' стоитъ уже Тоумашь *Михалевичъ*. Очевидно, что тому, кто писалъ княжескій экземпляръ, не было извѣстно отчество Смоленскаго уполномоченнаго, да ему и важно было только то, что онъ *Смолнянинъ*; тотъ-же, кто писалъ экземпляръ D' прекрасно зналъ, что этотъ Тоумашь величается *Михалевичъ*, но для него не имѣло значенія, что онъ Смолнянинъ: это было общеизвѣстно. Затѣмъ, въ княжескомъ экземплярѣ не обозначено, кто такой былъ *Пантелей*, а экземпляръ D' точно обозначаетъ, что это *сотьскии*, и что онъ присланъ *отъ Смольнянъ*. Такимъ образомъ обнаруживается, что писавшій экземпляръ D' зналъ хорошо смоленскую жизнь и старался вносить въ свое писаніе *точныя смоленскія* обозначенія. т. е. другими словами, былъ самъ *Смольнянинъ*. Кто писалъ княжескій экземпляръ? Тоже *Смольнянинъ*, но не самостоятельно. Дѣло въ слѣдующемъ. Въ датѣ на княжескомъ (А) и на экземплярѣ D' рѣзко бросается въ глаза способъ датировки. Въ экземплярѣ съ княжеской печатью (А) мы находимъ маленькую особенность въ послѣднихъ цифрахъ: „... *и И лѣто и К*“. Это выраженіе и ни русское, и ни латинское, а нѣмецкое—acht und zwanzig, между тѣмъ какъ по латыни: duodewiginti, по русски: двадцать восемь. Затѣмъ мы встрѣчаемъ въ этомъ же княжескомъ экземпярѣ выраженіе „*фоготь*“, что въ экземплярѣ D' передано словомъ „судья“, очевидно, переводъ съ латинскаго *judex*. Въ экземплярѣ D' датировка вполнѣ латинская: тысяча лѣтъ и двѣсти лѣтъ и тридцать лѣтъ безъ одного лѣта, что

---

[1]) Русско Ливон. Акты, стр. 420 и 440.

представляетъ собою переводъ: mille ducenti undetriginta. Обращаетъ на себя вниманіе и фраза: „коли.... *мьртвъ*“ безъ вспомогательнаго глагола. По нашему мнѣнію, это передача латинскаго ablativus absolutus: „episcopo Albrachto Rigensi mortuo“. Наконецъ, весьма ясно обнаруживается источникъ экземпляра D' изъ слѣдующаго обстоятельства, на которое до сихъ поръ совершенно не было обращено никакого вниманія. Въ числѣ уполномоченныхъ въ княжескомъ экземплярѣ упоминаются: „Гиндрикъ Готь, Илдигърь, та два была исъ *Жата*“. Это названіе города *Жатъ* мы находимъ и въ экземплярѣ князя Александра Глѣбовича и въ чьей-то другой копіи (С). Въ экземплярѣ D' написано нѣсколько иначе: „Андрикъ Готъ, Илнеръ, тиже соуть изъ *Жюжа Жата*. Такъ и въ другихъ экземплярахъ позднѣйшей редакціи. Что это? фантазія позднѣйшаго копіиста? Или имя Жюжа Жата стояло уже и въ экземплярѣ D'? Послѣднее несомнѣнно. Какой городъ разумѣется тутъ подъ именемъ Жатъ? Существовали предположенія, что это Сестъ (Soest), или, можетъ быть, Штаде, или даже Данцигъ. Но передѣлка Штаде или Данцига въ Жатъ крайне затруднительна, какъ бы не были Смольняне искусны въ коверканіи иностранныхъ словъ, да кромѣ того нѣтъ сомнѣнія, что при написаніи договора обѣ стороны старались соблюдать всевозможную точность въ выраженіяхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что *Жатъ* есть Сѣстъ. Этотъ городъ упоминается въ грамотахъ въ числѣ другихъ, участвующихъ въ Ганзейскомъ союзѣ, при чемъ нѣмецкая транскрипція его есть Soest[1]). Онъ былъ знаменитъ добываніемъ соли и вывозомъ ея за границу настолько, что въ XI ст. сталъ извѣстенъ Арабамъ. Обращаетъ на себя вниманіе транскрипція этого слова въ разсказѣ Казвини, заимствовавшаго свои свѣдѣнія изъ болѣе древняго источника. Это форма *Susit* или *Sust*[2]). Вторая форма могла произойти

---

[1]) Privillegium Alberti regis Sueciae Hansae concessum 1386 г.: Wir Albertus... bezeugen—dass wir den nachgeshriebenen Leuten... dieser nachbenanten Städten Lubeck und dann Riga, Dörxte (Dörpt), Reval... und dann... Dortmund, *Soest*, Munster... Brauschweig Bremen...“ (Sartorius: „Geschichte des hanseatischen Bundes“. Th 1, Göttingen, 1802. p 473).

[2]) „Soest—*Šušit* ist ein Castell im Lande der Slaven. Dort giebt es eine Salzige Quelle, während es sonst durchaus kein Salz in dieser Gegend giebt. Wenn die Leute Salz brauchen, nehmen sie von dem Wasser dieser Quelle, füllen damit die Töpfe, stellen sie in einen Ofen aus Steinen und machen darunter ein grosses Feuer an, so wird es dick

и отъ нѣмецкаго Soest, но первая несомнѣнно имѣетъ латинское происхожденіе. Дѣйствительно, на латинскомъ языкѣ этотъ городъ называется *Susatium*, а граждане его *Susatienses*. Вотъ изъ этого-то Susatium и явилось русское имя Жюжа-Жатъ, собственно *Жюжатъ*. Въ экземплярѣ G мы и находимъ еще болѣе простую форму *Южатъ*. Такимъ образомъ экземпляръ Мстислава Давидовича (А), по видимому, есть переводъ съ нѣмецкаго языка на современное смоленское нарѣчіе. Но латинская форма вступленія показываетъ, что и нѣмецкій оригиналъ въ свою очередь есть переводъ съ латинскаго текста [1]). Экземпляръ же D', современный, какъ мы видѣли выше, экземпляру Мстислава Давидовича (А), представляетъ собою просто переводъ латинскаго текста на современное смоленское нарѣчіе. Эти соображенія приводятъ насъ къ выводу, что при заключеніи договора въ началѣ уполномоченными обѣихъ сторонъ былъ составленъ латинскій текстъ, затѣмъ этотъ латинскій текстъ договора былъ переведенъ съ одной стороны на нѣмецкій современный языкъ, потому что не всѣ купцы ганзейскаго союза могли понимать латинскій текстъ. Въ то-же время и съ такими-же цѣлями былъ переведенъ латинскій договоръ на смоленское нарѣчіе. Нѣмцы приняли переводъ, сдѣланный съ латинскаго языка на смоленское нарѣченіе и приложили къ нему свои печати, какъ бы указывая этимъ, что Ганза принимаетъ всѣ условія, поставленныя Смольнянами (D'). Затѣмъ, нѣмецкій переводъ латинскаго текста былъ переведенъ на смоленское нарѣчіе, и къ этому переводу были приложены печати князя Мстислава Давидовича и смоленскаго епископа (и, можетъ быть, кого-либо изъ нѣмецкихъ представителей) (А). Затѣмъ текстъ съ печатями *нѣмецкихъ представителей* (D') былъ взятъ въ Смо-

---

und trübe. Dann lässt man es, bis es kalt vird und es wird festes weisses Salz. Auf diese Weise wird das weisse Salz in allen Ländern der Slaven hergestellt" (Georg Jacob: „Ein arabischer Bericherstatter aus dem 10 Jahrhundert über Fulda, Schleswig, Soest, Paderborn uud andere deutsche Städte". Berlin. 1891, S. 17).

[1]) Erici regis Daniae privilegia *Susatiensibus* data (Sartorius, op. cit., p. 420). Въ Рижской долговой книгѣ мы встрѣчаемъ имя Zosatum, очевидно, исковерканное изъ Susatum (Das Rigische Schuldbuch" S. 16, № 212). Вступленіе экземпляра А: „Что ся дѣютѣ по вѣремьнемь, то ѿиде то по вѣрьмьнемь..." Въ латинскихъ грамотахъ: Quum ea quae fiunt in tempore labuntur in tempore..." (Эверсъ: „Изслѣдованія", стр. 216). См. также мысли о варіантахъ договора 1229 г. у Калачова: „Предварительныя юридическія свѣдѣнія для полного объясненія Русской Правды" Спб. 1880 г., стр. 259 и слѣд.

ленскъ, а текстъ съ печатью Мстислава Давидовича и смоленскаго епископа (А) былъ оставленъ въ Ригѣ.

Теперь обратимся къ остальнымъ экземплярамъ позднѣйшей редакціи. Мы говорили выше, что по языку, по способу выраженій всѣ они относятся къ позднѣйшему времени. Какъ въ древнѣйшей группѣ экземпляры В и С представляютъ собою копіи съ оригинала А, т. е. съ того экземпляра, который былъ оставленъ въ Ригѣ, съ печатью князя Мстислава Давидовича и смоленскаго епископа, такъ и въ позднѣйшей редакціи экземпляры E, F и G должны быть копіями, но не съ D (который самъ есть позднѣйшая копія), а съ D', т. е. съ того экземпляра, который представлялъ собою переводъ съ латинскаго черноваго, былъ утвержденъ печатями нѣмецкихъ представителей и отданъ для храненія въ Смоленскѣ, какъ экземпяръ съ печатью князя Мстислава былъ оставленъ въ Ригѣ.

Мы видѣли, что князь Александръ Глѣбовичъ, желая продолжать древнія отношенія Смоленска съ западно-европейскими городами, извѣстилъ объ этомъ Ригу своимъ письмомъ, а затѣмъ мы видимъ, что онъ посылаетъ туда копію съ того оригинала Мстиславова договора, который хранился въ Ригѣ, при чемъ къ этой посылаемой копіи прилагаетъ свою печать. Какимъ образомъ Александръ Глѣбовичъ добылъ этотъ оригиналъ и сдѣлалъ съ него копію, если первый хранился въ Ригѣ? Очевидно, что копія съ Мстиславова оригинала снята въ Ригѣ, копія точная, съ сохраненіемъ языка, и затѣмъ эту копію могли утвердить княжескою печатью или тѣ послы, которые были въ это время посланы Александромъ Глѣбовичемъ въ Ригу, или же копія была отослана въ Смоленскъ съ нѣмецкими послами, а тамъ уже укрѣплена печатью въ княжеской канцеляріи. Вѣрно послѣднее. Припомнимъ послѣдующія присяжныя грамоты князей Ѳеодора Ростиславича и Ивана Александровича. Мы видимъ изъ нихъ, что для подтвержденія древняго договора въ Смоленскъ явились нѣмецкіе послы въ первомъ случаѣ изъ Риги Любрахтъ и Петръ Бартолдъ, а кромѣ того отъ Брауншвейга—Петръ Волковьникъ и отъ Мюнстера—Гелмикъ, а во второмъ изъ Риги—Песковъ и попъ Иванъ. Очевидно, при послѣдующихъ подтвержденіяхъ древняго договора или смоленскій князь извѣщалъ письмомъ рижскія власти о своемъ благомъ намѣреніи, вслѣдъ за чѣмъ изъ Риги отправлялось посольство въ Смоленскъ, или сами Нѣмцы, узнавъ о перемѣнѣ князя, отправляли пословъ; послы

захватывали съ собою копію съ древняго Мстиславова оригинала, которая утверждалась въ Смоленскѣ печатью князя и увозилась нѣмецкими представителями съ собою, или же послы привозили съ собою самый оригиналъ, и копія изготовлялась въ Смоленскѣ. Что копія съ древняго Мстиславова экземпляра списывалась, можетъ быть въ Ригѣ, это доказывается языкомъ экземпляра С. Мы уже говорили, что этотъ экземпляръ древнѣйшей редакціи отличается обиліемъ псковитизмовъ. Менѣе шансовъ за то, чтобы Псковичъ сидѣлъ въ качествѣ княжескаго писца въ канцеляріи въ Смоленскѣ, чѣмъ за то, что копія была снята Псковичемъ, которому нѣмецкія власти поручили это дѣло, такъ какъ въ Ригѣ было много купцовъ, проживавшихъ тамъ постоянно, и изъ Пскова, и изъ Новгорода и т. д. Копія для утвержденія договора княземъ Александромъ Глѣбовичемъ писана, какъ и оригиналъ Мстислава, Смольняниномъ, что видно по языку. Словомъ, эти псковитизмы экземпляра С есть фактъ совершенно случайный, объясняющійся неизвѣстными намъ рижскими обстоятельствами.

Въ 1840 году Московское общество исторіи и древностей Россійскихъ рѣшило издать рукопись, харатейную, относящуюся *къ концу XIV столѣтія*. Эта рукопись заключаетъ въ себѣ: 1) „Судъ Ярослава князя и оуставъ ѡ всяцихъ пошлинъ и ѡ оуроцѣхъ, 2) оустава Володимера князя, 3) законъ судный людемъ, 4) выписки изъ книгъ Моисеевыхъ, 5) *„А что ся в кое вр҃е нач҃не дѣяти....“*, т. е. одинъ изъ списковъ Смоленской торговый правды и 6) оуставъ Ярослава о мостѣхъ“. Такимъ образомъ, мы видимъ передъ собою сборникъ юридическихъ памятниковъ. Едвали можно считать случайнымъ ихъ соединеніе въ одномъ мѣстѣ. Тотчасъ послѣ обычнаго вступленія „Смоленской торговой Правды“ находится здѣсь приписка, которой нѣтъ ни въ одномъ изъ дошедшихъ до насъ списковъ этого трактата: „Тако же и по бесъсудной гр҃а точноѥ серебро безъ ї золотникъ, а взяти с вѣса; а гр҃та судная и бесудная по томо же серебру по точному безъ ї золотникъ“ [1]). Для кого сдѣлана эта вставка о пробѣ и оцѣнкѣ серебра? Для договаривавшихся сторонъ, т. е. Смольнянъ и Нѣмцевъ—можетъ быть, но къ несчастью, этого правила нѣтъ ни въ одномъ изъ списковъ договора. Слѣдовательно, вытекаетъ само собою естественное предположеніе, что это правило внесено въ этотъ сбор-

[1]) Русскія достопамятности. М., 1843 г., ч. 2, стр. 246. Калачовъ: „Предварительныя юридическія свѣдѣнія для полнаго объясненія Русской Правды“. Спб. 1880 г., стр. 113 и 259.

никъ для руководства тѣмъ *вѣсцамъ*—княжескимъ чиновникамъ, которые должны были производить взвѣшиваніе серебра при его продажѣ или покупкѣ. Но тѣмъ не менѣе признанію этой рукописи оффиціальнымъ сборникомъ, который могъ-бы быть написанъ или для какого-нибудь оффиціальнаго лица, или для княжеской канцеляріи, этому препятствуетъ вошедшій въ нее списокъ „Смоленской торговой Правды". Это экземпляръ F, отличающійся большими искаженіями и дефектами. Такъ въ немъ совершенно пропущены статьи: о штрафѣ за насиліе надъ рабой, за связываніе безъ вины, о приставленіи дѣтскаго; Грепингенъ исковерканъ въ *Глоугли*, Бременъ въ *Дрямь* и т. д. Остается предположить, что такой несовершенный списокъ былъ сдѣланъ кѣмъ нибудь изъ купцевъ, торговавшихъ въ Смоленскѣ или смоленскихъ для личнаго руководства и соображенія. Для насъ важно, что въ концѣ XIV ст. снимались отдѣльными лицами такія копіи не для оффиціальныхъ цѣлей. Къ числу такихъ-же списковъ, явившихся по тѣмъ-же причинамъ, приходится, по нашему мнѣнію, отнести и экземпляръ G. Онъ отличается сокращеніями, слитіемъ статей въ одну; тутъ встрѣчаются тѣ-же искаженія текста, что и въ экземплярѣ F.

Совершенно особнякомъ стоитъ экземпляръ, который мы обозначили буквой K. Начинается онъ совершенно не такъ, какъ всѣ остальные, разсмотрѣнные нами списки. „*А рядъ мой съ Немьцы таковъ*: Аже боудоуть *мои* Смолняне въ Ризѣ, вольное търгование имъ въ Ризѣ... Аже боудоуть Немьци *въ моемь* Смольньскѣ, вольное имъ търгование *въ моемь* Смольньскѣ..." [1]). Тутъ говоритъ отъ своего имени одно лицо, говоритъ твердо, категорически. Оно выставляетъ условія, на которыхъ согласно поддерживать старыя отношенія и, какъ мы сейчасъ увидимъ, вноситъ новыя требованія, которыхъ изстари не было. Личность, писавшая этотъ замѣчательный документъ, выступаетъ немного изъ текста этого памятника. Въ одномъ мѣстѣ неизвѣстный князь говоритъ:... „то како то было *при моемь оци, при Мьстиславѣ при Романовици и при моемь братѣ при Мьстиславѣ*"... [2]). Такимъ образомъ оказывается, что это былъ какой-то изъ сыновей Мстислава Романовича и братъ какого-то Мстислава. У Мстислава

[1]) Русско-Ливонскіе Акты, стр. 451.

[2]) Русско-Ливонскіе Акты, стр. 452.

Романовича были три сына: Святославъ, Всеволодъ и Ростиславъ [1]), но Мстислава у него не было. Прежде всего: кто изъ трехъ братьевъ могъ быть на великомъ княженіи въ Смоленскѣ? Слѣдя за смѣной великихъ князей смоленскихъ, мы замѣчаемъ, что приблизительно до второй половины XIII ст. соблюдается строгое старшинство. Когда умеръ въ 1230 году Мстиславъ Давидовичъ, то старѣйшимъ въ семьѣ смоленскихъ князей былъ Владимиръ Рюриковичъ, но онъ въ 1230 году былъ великимъ княземъ кіевскимъ; на югѣ онъ оставался до возвращенія своего изъ половецкаго плѣна въ 1235 г., послѣ чего возвратился въ Смоленскъ, гдѣ вскорѣ и умеръ [2]). Кто сидѣлъ въ Смоленскѣ въ этотъ промежутокъ времени? Надо предполагать, что послѣ 1230 года Владиміръ Рюриковичъ, оставаясь въ Кіевѣ, думалъ удержать за собой и смоленскій великокняжескій столъ, но его отсутствіе повлекло за собою большія неурядицы. Какъ кажется, смоленское вѣче не было недовольно пребываніемъ князя въ Кіевѣ, потому что на предложеніе Святослава Мстиславича принять его княземъ въ Смоленскъ, оно отвѣчало отказомъ. Тогда въ 1232 году, 24-го іюля на Борисовъ день, Святославъ съ помощью Полочанъ взялъ городъ силой, перебилъ многихъ Смольнянъ и сѣлъ на великокняжескомъ столѣ [3]). Но вѣче не успокоилось, и въ Смоленскѣ происходила борьба до 1239 г., когда Ярославъ Всеволодовичъ, нанесши пораженіе Литвѣ, сдѣлавшей сильный набѣгъ на Смоленсую землю, явился въ Смоленскѣ, примирилъ боровшіяся тутъ партіи и посадилъ на великокняжескомъ столѣ Всеволода Мстиславича [4]). Вотъ это-то броженіе въ Смоленской землѣ, наѣзды князей,—сначала Святослава Мстисла-

---

[1]) О *Святославѣ* см. Новгор. I Лѣт. стр. 206; Лавр. Лѣт. стр. 476; *Всеволодъ*—Лавр. Лѣт. стр. 476; Новг. I Лѣт. стр. 209, 210, 212—213; *Ростиславъ*—Лавр. Лѣт. стр. 434. Вообще о родственныхъ связяхъ смоленскихъ князей мы будемъ говорить ниже въ особомъ мѣстѣ.

[2]) Воскр. Лѣт. стр. 137 и 138 (П. С. Р. Л. т. VII); въ синодальной Родословной книгѣ говорится: „....а князя Володимера Рюриковича емше Половци и ведоша въ свою землю и оттолѣ взяша на немъ окупъ, а княжилъ 12 лѣтъ и *преставися въ Смоленску*“. (Временникъ Моск. Общ. Ист. и Др. Росс. М. 1851 г. кн. 10, Родословная книга стр. 13).

[3]) „Въ то-же лѣто взя Святославъ Мстиславичъ, внукъ Романовъ, Смолньскъ на щитъ съ Полочаны на Борішь день, исѣцѣ Смолняны, а самъ сѣде на столѣ“. (Новгор. I Лѣт. стр. 241). Густын. Лѣтоп. стр. 336 (П. С. Р. Л. т. II) добавляетъ: „на княженіи отчемъ“. См. также Татищевъ: „Исторія Россійская, кн. III, 1774 г. стр. 460.

[4]) Лавр. Лѣт. стр. 446; Никон. Лѣт. ч. III, стр. 5.

вича для захвата волости, потомъ Ярослава Всеволодовича для ум
творенія Смольнянъ,—отразились и въ самыхъ условіяхъ, кото
были поставлены княземъ Нѣмцамъ: „*Аже вѣедеть братъ мои кото*
въ Смолньскъ, а оучинится свада съ ихъ моужьми, вамъ ся вѣда
ними самѣмъ...“ [1]). Именно такъ могъ говорить Всеволодъ Мсти
вичъ, видѣвшій эти наѣзды и возникающія благодаря имъ недор
мѣнія. Что Всеволодъ называетъ себя братомъ Мстислава, то это
противорѣчитъ нисколько нашему мнѣнію: такъ онъ могъ счи
Мстислава Давидовича сравнительно съ своимъ отцомъ Мстислав
Романовичемъ. Такимъ образомъ, экземпляръ K, относится ко
мени княженія въ Смоленскѣ Всеволода Мстиславича, который
нялъ великокняжескій столъ въ 1239 году. Какъ долго продолжа
его правленіе, сказать нѣтъ возможности. Мы знаемъ, что въ 1270
въ Смоленскѣ былъ уже Глѣбъ Ростиславичъ, который въ то в
оказывается старшимъ въ семьѣ князей смоленскихъ. Когда кня
въ Смоленской землѣ отецъ его, Ростиславъ Мстиславичъ, внукъ
вида, мы не знаемъ: объ этомъ нѣтъ ни слова ни въ одной изъ
тописей. Слѣдя за событіями въ періодъ времени между 123
1270 годами, мы должны предположить, что и княженіе Всево
Мстиславича, и Ростислава Мстиславича, прошло мирно, и пере
великокняжеской власти изъ рукъ Всеволода въ руки Ростис
совершился спокойно. Между тѣмъ мы замѣчаемъ, что договоръ М
слава Давидовича заключается послѣ „розлюбья“, безпокойства,
Ѳеодоръ Ростиславичъ въ 1284 году возстановляетъ дружествен
отношенія съ Нѣмцами послѣ неурядицъ въ Смоленскѣ, происхо
шихъ отъ столкновенія между Глѣбомъ, Михаиломъ и имъ, Ѳе
ромъ, что Александръ Глѣбовичъ спѣшитъ подтвердить старый д
воръ послѣ того, какъ въ Смоленской землѣ опять были смуты, о
чившіяся насильственнымъ захватомъ со стороны Александра вел

---

[1]) Русско-Ливонскіе Акты, стр. 453. Что касается третьяго брата, Ростисла
о немъ мы знаемъ только, что въ 1238 году имъ была сдѣлана попытка завладѣть
скимъ столомъ, послѣ бѣгства Михаила Черниговскаго въ Венгрію. Но онъ былъ сгн
Даніиломъ Романовичемъ и отправленъ въ Венгрію, гдѣ и умеръ. (Ипат. Лѣт. стр.
Синодальная родословная стр. 14). (Временникъ Москов. Общ. Ист. и Др. Росс. кн
Такимъ образомъ, на смоленскомъ столѣ онъ могъ оказаться только между 1230 и 12
но въ это время неурядицы едвали онъ могъ думать о возобновленіи договора съ
цами, да и вѣрнѣе, что смоленскимъ княземъ считался Владиміръ Рюриковичъ.

княжескаго стола. Слѣдовательно, не Ростиславу Мстиславичу (внуку Давида) надо было думать о поддержаніи мира, а Всеволоду Мстиславичу, занявшему смоленскій столъ послѣ значительныхъ потрясеній [1]).

Въ интересующемъ теперь насъ проектѣ договора внесены, какъ мы сказали раньше, нѣкоторыя новыя условія, но особенно интересно то обстоятельство, что на первомъ мѣстѣ князь Всеволодъ ставитъ Смольнянъ, Смоленскъ. Самый тонъ проекта отличается силой и категоричностью. Всеволодъ говоритъ авторитетно и ставитъ нѣмецкихъ купцовъ въ зависимость отъ князя бóльшую, чѣмъ договоръ Мстислава Давидовича. Кромѣ того, этотъ проектъ указываетъ на усиленіе княжеской власти сравнительно съ прежнимъ и послѣдующимъ ея положеніемъ.

Сгрупируемъ теперь результаты, къ которымъ мы пришли при анализѣ списковъ Смоленской торговой Правды.

1) Экземпляръ А есть подлинный трактатъ Мстислава Давидовича съ Ригой и Ганзой. Онъ былъ переведенъ на смоленское нарѣчіе съ нѣмецкаго текста, который въ свою очередь представляетъ собою переводъ съ латинскаго черноваго проекта. Онъ былъ оставленъ въ Ригѣ.

2) Экземпляръ D есть позднѣйшая копія съ экземпляра D′. Этотъ экземпляръ D′ одновременно съ княжескимъ былъ переведенъ прямо съ латинскаго черноваго проекта. Онъ хранился въ Смоленскѣ.

3) Экземпляръ С есть копія съ княжескаго Мстиславова экземпляра Смоленской торговой Правды. Экземпляръ С древнѣе экземпляра В. Снятіе копіи этой могло произойти на промежуткѣ времени между 1230 и 1297 годомъ, можетъ быть, при князѣ Всеволодѣ Мстиславичѣ въ 1238 г., или при комъ нибудь изъ слѣдующихъ князей. Псковитизмы этого экземпляра есть результатъ случайныхъ обстоятельствъ, имѣвшихъ мѣсто въ Ригѣ.

4) Экземпляръ В представляетъ собою копію снятую съ оригинала Смоленской торговой Правды Мстислава при началѣ княженія Александра Глѣбовича, т. е., вскорѣ послѣ 1297 г.

---

[1]) Кто умеръ въ Венгріи Ростиславъ, сынъ Мстислава Романовича, или Ростиславъ, сынъ Мстислава Давидовича, объ этомъ ниже.

5) Экземпляръ D есть копія съ недошедшаго до насъ экзе
пляра D' и совершенъ въ эпоху зависимости Смоленска отъ Татар
т. е., не ранѣе 1274 года. Слѣдовательно его изготовленіе може
относится къ княженію Глѣба, Михаила и Θеодора Ростиславиче
Ивана Александровича и т. д.

6) Экземпляръ E есть копія съ недошедшаго до насъ первон
чальнаго экземпляра D' (=E'), снятая въ эпоху зависимости См
ленска отъ Татаръ, т. е., не ранѣе 1274 г. Слѣдовательно ея изгото
леніе можетъ относится къ княженію Глѣба, Михаила и Θеодора Р
стиславичей, Александра Глѣбовича и Ивана Александровича. [1]).

7) Экземпляры F и G есть копіи также съ недошедшаго до на
экземпляра D' и, по всей вѣроятности, сняты для какого-нибудь час
наго лица, заинтересованнаго правилами о торговыхъ пошлинахъ.

8) Экземпляръ K представляетъ собою проектъ условій торговл
написанный въ Смоленскѣ при Всеволодѣ Мстиславичѣ, т. е., око
1239 г.

9) Грамоты Θеодора Ростиславича 1284 г. и Ивана Александр
вича послѣ 1330 г. есть не болѣе, какъ присяжныя грамоты, а
самые догоры.

Латинскій черновой.

Нѣмецкій переводъ

одновременно

Экземпляръ A съ печатью князя; оставался въ Ригѣ.

Экземпляръ D' съ печатками нѣмецкі властей. Хранился въ Смоленскѣ.

C — Можетъ быть Всеволода Мстиславича, Ростислава Мстиславича и его сыновей Глѣба, Михаила и Θеодора.

B — Александра Глѣбовича.

E D — Послѣ 1274 г. М. б. Александра Глѣбовича, Θеодора Ростиславича, Ивана Александровича и т. д.

F G — По всей вѣроятности, для частныхъ лицъ.

K — Проектъ Всеволода Мстиславича.

[1]) При бѣгломъ чтеніи можетъ явиться недоразумѣніе: въ § 4 мы говоримъ, что князѣ Александрѣ Глѣбовичѣ была снята съ Мстиславовой правды копія B., а въ § 6 то говоримъ и объ экземплярѣ D и E. И это дѣйствительно вѣрно. Чтобы яснѣе представ читателю отношенія между экземплярами, помѣщаемъ ихъ генеалогическую таблицу.

Послѣ этого необходимаго отступленія снова возвращаемся къ исторіи торговли Смоленска съ Западомъ. Какъ мы видѣли, торговыя сношенія Смольнянъ съ берегами Балтійскаго моря начались давно. Чѣмъ болѣе они развивались, тѣмъ сильнѣе являлась необходимость оформить ихъ, вставить взаимныя отношенія въ опредѣленныя юридическія рамки. Очевидно, и въ Смоленскѣ долгое время дѣло велось такъ-же, какъ въ Кіевѣ въ отношеніи Византіи, существовалъ договоръ, но онъ былъ „*простословесенъ*". Само собою разумѣется, что всѣ тѣ случаи правонарушенія, которые указаны въ дошедшихъ до насъ спискахъ Смоленской торговой Правды, не были измышлены потомъ договаривающимися сторонами, что всѣ условія договора созданы самою жизнью и выведены изъ практики. Эти всевозможные инциденты заставили, наконецъ, обѣ заинтересованныя стороны прійти къ соглашенію, какъ на будущее время смотрѣть на тотъ или иной случай правонарушенія, и какъ оградить торговые интересы отъ потрясеній, которыя могутъ быть вызваны недоразумѣніями. Не подлежитъ сомнѣнію, что и Смольняне, и Нѣмцы дорожили взаимной торговлей. Во всѣхъ дошедшихъ до насъ спискахъ Смоленской торговой Правды, въ присяжныхъ грамотахъ князей, вездѣ, мы видимъ стараніе отдѣлить торговыя сношенія отъ политическихъ отношеній Смоленска къ Ригѣ, и отъ личныхъ отношеній Смольнянъ и Нѣмцевъ [1]).

Въ какое время представители нѣмецкихъ городовъ поселились въ Смоленскѣ, точно сказать нѣтъ возможности. Еще въ самомъ началѣ XIII ст. мы видимъ въ Смоленскѣ живущими нѣмецкихъ купцовъ. Такъ въ 1210 тамъ торговалъ и проживалъ нѣмецкій купецъ, Людольфъ, пользовавшійся уваженіемъ среди Русскихъ и обладавшій значительными богатствами. Довѣріе къ нему на Руси было такъ велико, что князь полоцкій Владиміръ отправилъ его въ Ригу для за-

---

[1]) „Того Б҃ъ не дай, аж бы промьжю нами бои былъ, а любо чел҃вка оубиють до см҃рти, како чл҃вка, то ѿплатити, *ажбы миръ не ръздроушенъ былъ:* такъ платити, како-то бы ѡбоимъ любо былы". (Русско-Ливонскіе Акты, стр. 422, статья *е* экземпляръ А, В и С); „*Што боудеть намъ речь съ Пискоупомь, или съ Мастеромь, то ведаемъся мы сами*, а вашомоу гостеви сѣмо *боуди поуть* чистъ, а нашому гостеви боуди къ вамъ *поуть чистъ*...." (Присяжная грамота Ѳеодора Ростиславича 1284 г., Собр. Госуд. Гр. и Догов. т. II, № 3, стр. 6).

ключенія договора съ рижскимъ епископомъ[1]). Этотъ фактъ указываетъ на болѣе раннее пребываніе Нѣмцевъ въ Смоленскѣ. Дѣйствительно, нельзя предположить, чтобы слова Всеволода Мстиславича въ его проектѣ договора съ Нѣмцами, были сказаны безъ всякаго основанія: *„како то было при моемь оци, при Мьстиславь при Романовици"*[2]). Правленіе послѣдняго въ Смоленскѣ продолжалось отъ 1197 по 1212 годъ, а слѣдовательно и тогда уже, т. е., въ концѣ XII ст., были прочно установившіяся отношенія между Нѣмцами и жителями Смоленска, выразившіяся въ недошедшемъ до насъ договорѣ Мстислава Романовича. Въ договорѣ Мстислава Давидовича западные купцы оказываются уже вполнѣ обжившимися въ Смоленскѣ: у нихъ своя церковь во имя Пресвятой Богородицы, свой дворъ, свой староста. Около церкви хранились гири, которыя служили для провѣрки гирь, употребляемыхъ въ торговлѣ нѣмецкими и русскими купцами. Мы видимъ, такимъ образомъ, прочную осѣдлость[3]). Съ теченіемъ времени число Нѣмцевъ въ Смоленскѣ увеличивалось. Имъ во второй половинѣ XIII ст. принадлежатъ уже нѣсколько дворовъ. Образовалась цѣлая нѣмецкая слобода. Она находилась по берегу Днѣпра и рѣчки Рачевки и была очень обширна[4]). Это купеческое общество дѣлало

---

[1]) „Nam missus est Arnoldus frater milicie cum sociis ad regem de Ploceke, si forte pacem recipiat et mercatoribus Rigensibus viam in terram suam aperiat. Qui benigno recipiens eos affectu et pacis tranquilitate congaudens, licet in dolo, *misit cum eis Ludolfum, virum prudentem ac divitem de Smalencke, ut Rigam veniens, que justa sunt et pacifica retractet*". (Heinrici Chronicon Lyvoniae. Ed. G. H. Pertz. Hannoverae. 1874, p. 76).

[2]) Русско-Ливонскіе Акты, стр. 452.

[3]) „Аже капь, чимь то весятѣ, кѣлькыжа боудете, а любо лише боудеть, тоть спускати цьбѣ в—ѣдино мѣсто, что лежить оу стоѥ Бце на горе, а дроугая *оу Латинескоѣ* црькви, цьбѣ ровнати". (Русско-Ливонскіе Акты, экз. A, стр. 436, § 36); „...а дроугая *в Немечьскои Бци*". (Ibidem, экз. D, стр. 437). Церковь нѣмецкая въ Смоленскѣ сущест[illegible] въ началѣ XV ст., какъ видно изъ донесенія нѣмецкихъ пословъ въ Рижскій со[illegible] до 1400 г. (Ibidem, № CXXVI, стр. 97).

[4]) [illegible] статью, освобождающую нѣмецкіе дворы отъ [illegible] пословъ. По народному преданію, и теперь живущему въ [illegible] слободи въ отдаленныя времена существовала „Нѣмецкая [illegible]". Слѣды ея существуютъ и теперь довольно далеко отъ [illegible] рѣчке Рачевки. Уничтоженіе слободы преданіе отно[illegible] Шеинъ, ожидая осады Смоленска, приказалъ вывесть [illegible] города. Князь Долгуковъ-Корсаковъ: „Вновь открытая

въ пользу своего храма денежные взносы, изъ которыхъ образовался церковный капиталъ, пускавшійся также въ оборотъ. Такъ въ 1289—1290 г. Арнольдъ Криспъ и Андрей Parvus, очевидно, завѣдывавшіе этимъ капиталомъ, даютъ въ займы двѣнадцать марокъ до востребованія [1]). Въ этомъ нѣмецкомъ дворѣ не только жили постоянно купцы, торговавшіе въ Смоленскѣ и его области, но очевидно, останавливались Нѣмцы, и проѣзжавшіе въ землю Суздальскую, и послы. Иногда число пріѣзжихъ Нѣмцевъ было такъ велико, что они не помѣщались на своихъ дворахъ и останавливались на смоленскихъ подворьяхъ. На волокѣ между рѣками Днѣпромъ и Касплей жители смоленскихъ поселеній занимались перегрузкой товаровъ на кола и перевозкой ихъ по суху отъ одной рѣчной системы въ другую. Всѣ волочане связаны были круговою порукою и всѣ отвѣчали за неисправность одного. На волокѣ постоянно жилъ княжескій тіунъ, который встрѣчалъ гостей и заботился о ихъ безопасности. Пріѣхавшіе должны были поднести, въ знакъ признательности, этому княжескому чиновнику заграничныя перчатки [2]). Во время плаванія по Двинѣ и Касплѣ, а потомъ по Днѣпру, случались несчастія съ судами. Въ такихъ случаяхъ купцы принуждены были иногда нанимать сосѣднихъ жителей для вытаскиванія товара изъ воды [3]). Прибывъ въ Смоленскъ, западные гости должны были въ видѣ почета поднести княгинѣ скромный подарокъ штуку частины, т. е., плотно вытканнаго холста, по всей вѣроятности, только заграничной фабрикаціи [4]). Затѣмъ нѣмецкіе гости откры-

---

русская старина", въ Древностяхъ, Труд. Моск. Археол. Общ., т. IV, в. 3, стр. 114, 115, 116 и 118).

[1]) „Domus Sancti Spiritus tenetur domino Arnoldo Crispo et Andree Parvo ex parte *ecclesie beate virginis in Smolencike* XII mrc. arg. Quando repoposcrerint, in VIII diebus sequentibus solvère debent". (Das Rigische Schuldbüch, p. 87, № 1336). Этотъ замѣчательный историческій памятникъ былъ найденъ Гильдебрандомъ и изданъ въ 1872 г. съ введеніемъ и примѣчаніями на нѣмецкомъ языкѣ (См. Гильдебрандъ: Отчетъ о разысканіяхъ, произведенныхъ въ рижс. и ревельск. архивахъ по части Русской Исторіи",—Записки Имп. Акад. Н. т. 29, кн. 1, приложеніе № 3).

[2]) Русско-Ливонскіе Акты, стр, 432; § 18; § 17: „како тако боудете, како придоуть Латинескии гость оу городъ с Волока, дати имъ кигини поставъ частины тиоуноу на Вълъцѣ дати роуковицѣ, ажбы товаръ пьревълъ без дѣржания". Въ экз. D: „роуковицѣ пьрстяты Готьские".

[3]) Ibidem, стр. 440, § 37, статья a и b.

[4]) См. примѣч. 3 и Аристовъ: „Промышленность древней Руси, стр. 135.

вали торговлю своими товарами въ городѣ, а также могли разъѣзжать съ ними по всей Смоленской землѣ или ѣхать въ другую область [1]). До занятія Нѣмцами низовьевъ З. Двины, Смольняне несомнѣнно вели съ берегами Балтійскаго моря непосредственную торговлю и посѣщали нѣмецкіе ганзейскіе города. Это доказывается постояннымъ настаиваніемъ со стороны смоленскихъ князей на правѣ свободнаго проѣзда русскихъ купцевъ черезъ Двину, по морю и пребыванія ихъ въ ганзейскихъ городахъ [2]). Мы не знаемъ, какъ давно западноевропейскіе купцы были освобождены отъ платы торговыхъ пошлинъ, но, по всей вѣроятности, при Мстиславѣ Романовичѣ, т. е., въ концѣ XII в., они уже пользовались этой привиллегіей [3]). Благодаря точному перечисленію въ документахъ нѣмецкихъ представителей, можно указать мѣстности, съ которыми Смоленскъ велъ болѣе оживленную торговлю, и изъ которыхъ купцы посѣщали Смоленскую землю. Это были островъ Готландъ, города Любекъ, Бременъ, Сестъ, Кассель, Грёнингенъ, Мюнстеръ, Дортмундъ, Брауншвейгъ, вообще Вестфалія, и Рига [4]).

Мы уже видѣли выше, какими товарами торговала Смоленская земля. По бóльшей части это были сырые продукты: лѣсъ, скотъ, кожи, смола, пенька, хлѣбъ, медъ и воскъ, лошади. Все это, несомнѣнно, вывозилось и въ З. Европу. До насъ дошелъ данцигскій реестръ товаровъ, въ которомъ въ числѣ другихъ показаны кожи смоленской выдѣлки съ обозначеніемъ ихъ цѣны въ различные годы и въ раз-

---

[1]) „Аже Латинескій придѣть къ городоу, свободно ѥмоу продавати, а противоу того не молвити никомоуже". (Русско-Ливон. акты, стр. 432, § 19). Также § 20.

[2]) Тако Роусиноу ѥхати изъ Гочкого бѣрѣга дъ Травны". (Ibid. § 20, статья b). Экз. D: вмѣсто дъ Травны" стоитъ „въ Любекъ". (Ibid. стр. 433). „Аже боудоуть Смолняне на Гътьскомь бѣрѣзѣ, вольное търгование имъ на Гътьскомь бѣрѣзѣ" (Проектъ Всеволода Мстиславича, Ibidem, стр. 451).

[3]) Если мы допустимъ, что Всеволодъ Мстиславичъ въ своемъ проектѣ отчасти повторяетъ установленія своего отца, то привиллегія: „а не надобѣ имъ ни вощець ни мыто", должна была существовать и въ концѣ XII ст. (Русско-Ливонскіе Акты, стр 452).

[4]) Въ смоленской транскрипціи имена этихъ городовъ передаются такъ: Любекъ, Бремьнь, Жатъ, Кашель, Грюнигъ, Мюньстьрь, Дортмьнь, Рига. Такъ въ экземплярѣ А. Въ экземплярѣ D есть уже искаженія: Брямь, Жюжажатъ, Гроуля, Дротмина, Моуньстерь. Въ экземплярѣ G: Южатъ, Мунстеръ, Глугля, Дрямь. Въ присяжной грамотѣ Ѳеодора Ростиславича 1284 г.: Брюнжвикъ, Миштеръ. (См. ранѣе приведенныя мѣста изъ этихъ документовъ). О Вестфаліи вообще упоминается въ донесеніи нѣмецкихъ пословъ около 1400 г. (Русско-Ливонскіе Акты, № CXXVI, стр. 96—97).

ныхъ мѣстахъ [1]). Черезъ руки Смольнянъ получали Нѣмцы и предметы роскоши—издѣлія Византіи и далекаго востока. Золото и серебро приходило на берега Балтійскаго моря также съ востока. Но главнымъ предметомъ отпуска Смоленска за границу былъ, какъ, мы сказали выше, воскъ. Единицею вѣса этого продукта является *капь*, содержавшая въ себѣ, судя по договору В. Новгорода съ Готландомъ въ 1270 г., восемь ливонскихъ фунтовъ, т. е., 4 пуда, [2]) при чемъ вѣсовщику платилась за двѣ капи (8 пудовъ) по одной кунѣ смоленской [3]).

Какіе товары привозились изъ З. Европы въ Смоленскую землю, мы точно указать не можемъ. Мы видѣли уже перчатки, затѣмъ упоминаются сукна: ипрское, трирское, скарлатъ (красное французское сукно), чулки, инбирь, засахаренный въ горшкахъ, миндаль, копченная семга, треска, сладкія вина, соль и, наконецъ, шпоры [4]).

---

[1]) Smolenskisches Werk: 1 Tausend (schwarzes) 1425--56 Mk.;—(rothes) 1425—40 Mk.;—schwarzes—1426—45 Mk., 54 Mk.;—rothes 1426—44 Mk.—Smolenskisches Werk.: 1 Tausend—1429—24 Mk.; schwarzes 1430—48 Mk., rothes—38 Mk.; schwarzes 1436—44 Mk.,—rothes—34 Mk.; schwarzes 1437—36 Mk., rothes—28 Mk.;—1441—50 Mk.; in Riga 1458—42 Mk.—Smolenskisches Werk: 1 Tausend.... *in Brügge* 1458—50 Mk.—Smolenskisches Werk: schwarzes 1432—48 Mk; rothes 1432—38 Mk.; 1435—45 Mk. (Hirsch: „Handels ùnd Gewerbsgeschichte Danzigs", Leipzig, 1858, Ss. 260—261). Интересно при этомъ, что выдѣланныя кожи изъ Смоленска продавались и въ Брюгге въ Голландіи. См. также И. В. Лучицкаго: „По поводу „дрогочинскихъ древностей", стр. 25.

[2]) „Капь должна заключать въ себѣ вѣсу 8 ливонскихъ фунтовъ". (Андреевскій „О договорѣ Новгорода съ Нѣмецкими городами и Готландомъ". Спб. 1855 г. стр. 34). См. также: Срезневскій: „Древнѣйшія договорныя грамоты Новгорода съ Нѣмцами 1199 и 1263 г."—Извѣстія II отд. Имп. Ак. Н. 1856 г. т. VI, стр. 168; Прозоровскій: „Монета и вѣсъ въ Россіи до конца XVIII ст.", Спб. 1865 г., стр. 376.

[3]) „Латинескомоу дати ѿ двою капию вѣску вѣсцю коуна Смольнеская". (Русско-Ливонскіе Акты, стр. 434, § 24, экземпляръ А).

[4]) Жалоба Рижанъ Витебскому князю (Русско-Ливонскіе Акты, № XLIX, стр. 27); Акты Зап. Россіи, т. I, № 193; Донесеніе рижскихъ пословъ (Русско-Ливонскіе Акты, № CXXVI, стр. 97); о перчаткахъ см. выше. Также Аристовъ: „Промышленность древней Руси", стр. 153 и слѣд. Мы указываемъ только товары, приводимые въ памятникахъ, въ которыхъ ясно упоминается о Смоленскѣ. Собственно въ Русскую землю привозилось бо̀льшее количество разнообразныхъ товаровъ, но пріурочивать ихъ всѣ a priori къ смоленской торговлѣ мы не считали себя въ правѣ (См. напр. Красноперова: „Очеркъ промышленности и торговли Смоленскаго княжества съ древнѣйшихъ временъ до XV вѣка", въ Историческомъ Обозрѣніи, 1894 г. т. VII). При такомъ методѣ a priori получалось бы безконечное repetatur: кто писалъ бы о полоцкой торговлѣ, сталъ-бы перечислять всѣ

Какъ-бы ни старались обѣ стороны поддерживать миръ и согласіе ради выгодъ торговли, но жизнь сама выдвигала цѣлый рядъ случайностей, иногда незначительныхъ, а иногда ставила довольно серьезные вопросы, ведшіе къ недоразумѣніямъ. Прежде всего и раньше всего явилось для Нѣмцевъ затрудненіе въ торговлѣ по всѣмъ городамъ Смоленской земли. Тутъ происходило то-же самое, что мы видимъ гораздо позже въ Московскомъ государствѣ, купцы котораго не хотѣли допустить иностранцевъ внутрь страны для мелочной торговли. Для иностранцевъ важна была не столько мелочная торговля, сколько расширеніе поля дѣятельности и торговаго вліянія, а главное скупка сырыхъ продуктовъ изъ первыхъ рукъ. Послѣднее невыгодно отзывалось на смоленскомъ купечествѣ, изъ рукъ котораго ускользала внутренняя торговля, да и трудно было уберечь населеніе отъ эксплуатаціи. Надо предполагать, что протесты Смольнянъ и повели за собою ограниченіе права у Нѣмцевъ на внутреннюю торговлю при Мстиславѣ Романовичѣ. Княжеское правительство рѣшило наблюдать за ними: если нѣмецкій купецъ хотѣлъ ѣхать изъ Смоленска съ товарами въ другую область, то онъ долженъ былъ обратиться за разрѣшеніемъ къ князю, а послѣдній по своей волѣ и по своимъ соображеніямъ „по доумѣ“ могъ ихъ отпустить [1]). Это стѣснительное для иностранцевъ правило было уничтожено договоромъ Мстислава Давидовича“.

Когда былъ заключенъ этотъ договоръ? Хронологическія указанія мы находимъ въ самомъ его текстѣ. Говорится, что Мстиславъ Давидовичъ отправилъ въ Ригу посольство вскорѣ послѣ смерти епископа Альберта, смерть котораго послѣдовала 17 января 1229 года [2]). Между тѣмъ княжескій экземпляръ договора датированъ 1228 годомъ [3]).

товары, шедшіе вообще въ Русь; пишущій о новгород. торговлѣ,—опять перечислялъ-бы то-же самое. Это обязанность того, кто будетъ писать исторію торговли Руси вообще.

[1]) „А како боудеть Немьчьскыи гость Смоленьскѣ, а почьнѣть ся кто ѿ нихъ просити выноую землю, то како то было при моемь оцͨи при Мьстиславѣ при Романовицͨи и при моемь братѣ, при Мьстиславѣ, о немъ ся прашати, а мнѣ е по доумѣ поущати“. (Русско-Ливонскіе Акты, стр. 452).

[2]) Bonnel: „Russisch-Livländische Chronographie“, Spb. 1862, S. 50.

[3]) Коли ся грамота псана ѝшлъ былъ ѿ Рж҃тва Гн҃я до сего лѣта а҃ лѣт҃ ѝ с҃ лѣт҃ ѝ л҃ѣ ѝ к҃..“ (Ibidem, экземпляръ А, послѣсловіе *a*).

Кромѣ того, въ послѣсловіи его пропущено имя епископа, а стоятъ только попъ Иванъ и магистръ Фольквинъ[1]). Слѣдовательно, этотъ экземпляръ договора составленъ и утвержденъ до назначенія епископа Николая, которое произошло въ мартѣ или апрѣлѣ 1229 года[2]). Такимъ образомъ, составленіе латинскаго черноваго, его переводъ на нѣмецкій языкъ и съ послѣдняго на смоленское нарѣчіе,—произошло между 17 января и мартомъ, *по тексту*, *одного и того-же года*, откуда ясно, что годъ принимался мартовскій. Въ экземплярѣ, переведенномъ прямо съ латинскаго черноваго показанъ уже 1229 годъ и въ послѣсловіи упомянутъ уже епископъ Николай[3]), что совершенно вѣрно, ибо избраніе послѣдняго произошло уже въ слѣдующемъ мартовскомъ 1229 году (мартъ—апрѣль). Отсюда обнаруживается, что Смоленская торговая Правда была выработана въ одномъ и томъ-же январьскомъ году, именно въ 1229. Что касается до мѣсяца, то имъ можно признать февраль и мартъ. Священникъ Еремей и сотскій Пантелей были посланы изъ Смоленска въ концѣ января въ Ригу, затѣмъ поѣхали моремъ на островъ Готландъ. Это былъ уже февраль. Можетъ быть, еще въ Ригѣ былъ составленъ латинскій черновой, надъ выработкой котораго трудились нѣмецкій рыцарь Ральфъ изъ Касселя и Смольнянинъ Тумашъ Михалевичъ, и съ которымъ послы и прибыли въ Висби[4]). Тутъ время шло за обсужденіемъ проекта договора, за его измѣненіями и дополненіями съ обѣихъ сторонъ. Послѣ окончательной его выработки онъ былъ утвержденъ пе-

---

[1]) „...подъ епискоупомь Ризкимь.. Провстъ Яганъ, мастьръ Вълквенъ...“ (экземпляръ, А, ibidem, стр. 440). Что касается магистра Фольквина, то онъ несъ эту обязанность съ 1208 по 22 сентября 1236 г. (Napierskyi „Reichenfolge der livländischen Landmeister gewöhnlich“ Herrmeister (dominus magister) genannt‘, въ Bulletin historico-philologique de l'Academie des Sciences“. 1851, v. VIII, p. 77).

[2]) Bonnel: „Russisch—livländische Chronographie“, S. 50.

[3]) „...а при еп͠пѣ Рижьскомъ *Николаи*, и при попѣ Иѡанѣ, при мастере Фолкоуне...“ (Экземпляръ. D, Русско-Ливонскіе Акты, стр. 441). „А си грамота написана бы͠ ѿ распятья было а͠ лѣ͠ и с͠ лтѣ и л͠ лѣ͠ безъ лета...“ (ibidem).

[4]) „...прислалъ (Мстиславъ, сынъ Давида) въ Ригоу своего лоучшего попа Ерьмея ѝ съ нимь оумьна моужа Пантелья и—своего горда Смольнеска: та два была послъмь оу Ризѣ, *из* Риги ѥхали на Гочкый берьго, тамо твердити миръ“. (Экземпляръ А, ibidem., стр. 420). „Пре сей миръ троудилися дъбрий людие: Ролфо *ис* Кашеля, Б͠и дворянинъ, Тоумаше Смолнянинъ...“ (ibidem).

чатями всѣхъ нѣмецкихъ представителей купечества. На Готландѣ былъ сдѣланъ и его переводъ на нѣмецкій языкъ. Вернуться въ Ригу послы могли не раньше марта мѣсяца. Здѣсь снова надо было подождать, пока будетъ назначенъ новый епископъ: безъ подписи епископа и магистра договоръ *фактически* (хотя и не de jure) не былъ дѣйствителенъ, потому что выходъ въ море черезъ Двину былъ въ ихъ рукахъ. Тутъ, въ Ригѣ, были сдѣланы переводы съ нѣмецкаго текста и латинскаго черноваго на смоленское нарѣчіе. По всей вѣроятности, латинскій черновой былъ закрѣпленъ печатями еще въ Висби, ибо въ противномъ случаѣ тамъ не могли быть увѣрены въ его неприкосновенности [1]) до окончанія дѣла въ Ригѣ. Смоленскіе переводы съ нѣмецкаго перевода и латинскаго текста были закрѣплены печатями,— и первый оставленъ въ Ригѣ, второй—былъ увезенъ въ Смоленскъ [2]). Латинскій черновой долженъ былъ храниться также въ рижскомъ архивѣ. Такъ была создана Смоленская торговая Правда [3]).

---

[1]) „Ся грамота оутвьржена всехо коупче пьчатию" (Экз. А.—„Еже есть техъ печать на грамоте сей. Экз. D. (Русско-Ливонскіе Акты, стр. 442 и 443). Что латинскій черновой существовалъ, это доказывается не только тѣми соображеніями, которыя мы выставили раньше, но записью въ регистрѣ Рижскаго городского архива: „Anderweit Friedens Vertragk und Recht, zwischen Smolensko, Riga und Gothlandt, wornach man sich allerseits zû richten und mit den Zöllen zû halten, ûff Pergamen, *mitt vier anhangenden Siegeln... Lateinisch*. Въ позднѣйшее время этого латинскаго текста въ архивѣ не оказалось, но мало-ли документовъ пропало для науки, благодаря разнымъ обстоятельствамъ. (Русско-Ливонскіе Акты, стр. 408). Нѣмецкій переводъ съ латинскаго черноваго былъ, вѣроятно, отосланъ на Готландъ.

[2]) Экземпляръ D найденъ въ рижскомъ архивѣ, а не въ Смоленскѣ. Это обстоятельство какъ-бы противорѣчитъ нашему мнѣнію. Но мы говоримъ не объ экземплярѣ D, а D'. Экземпляръ D, какъ доказывается припиской о татарскихъ послахъ, явился позже. Но если D' долженъ былъ храниться въ Смоленскѣ, то и экземпляръ D точно такъ-же. Дѣло объясняется, какъ намъ кажется, довольно просто. Когда въ концѣ XIII ст. Нѣмцы настояли на упомянутой припискѣ, то вмѣстѣ съ тѣмъ обѣ стороны рѣшили не искажать ею текста древняго княжескаго экземпляра (А), снимать съ него копіи въ его древнемъ видѣ, а приписку сдѣлать на копіи съ экземпляра D', т. е., съ печатями нѣмецкихъ представителей. Но разъ такая приписка была сдѣлана, то для вѣрности Нѣмцы потребовали храненія его въ Ригѣ.

[3]) Генрихъ Латышъ разсказываетъ: Emisit rex de Smalenceka et rex de Plosceke, et quidam alii reges de Ruscia nuncios suos in Rigam, petentes ea que pacis sunt. Et renovata est pax per omnia, que jam dudum ante facta fuerat". (Heinrici Chronicon Livoniae, p. 182). Это извѣстіе онъ связываетъ съ другимъ—о битвѣ на Калкѣ и относитъ ихъ къ 20 году епископства Альберта, т. е., къ 1222 г., но послы были отправлены послѣ смерти Альберта, какъ видно изъ текста договора.

На основаніи этого договора нѣмецкіе, смоленскіе, полоцкіе и витебскіе купцы уравнивались въ правахъ. Всѣ тѣ привиллегіи, которыми пользовались съ этого момента Нѣмцы въ землѣ Кривичей, должны были соблюдаться въ Ригѣ, на Готландѣ и въ прибалтійскихъ городахъ и въ отношеніи купцовъ Кривицкихъ [1]).

Свободный, безпрепятственный путь открывался для нѣмецкихъ купцовъ и по всей Двинѣ въ Смоленскъ, а изъ Смоленска они могли ѣздить съ товарами въ другія области и во всѣ города Смоленской земли. Ни князь, ни Смольняне, не могли этому препятствовать, что прежде случалось, очевидно, постоянно. Смоленскіе купцы получали теперь подтвержденіе того, чѣмъ они пользовались de facto въ прежнія времена: имъ была открыта свободная дорога въ Балтійское море, на Готландъ, въ Германію, и тамъ по р. Травнѣ, чему, надо думать, Нѣмцы раньше мѣшали. Какъ нѣмецкіе, такъ и кривицкіе купцы на всемъ протяженіи пути отъ Смоленска до Готланда и обратно освобождались отъ всякой провозной пошлины [2]).

Случалось, какъ видно, что во время несчастій съ судами на рѣкахъ и на морѣ, товаръ бывалъ или расхищаемъ прибрежными жителями, или забирался въ пользу мѣстныхъ правительствъ на основаніи береговаго права. Теперь постановлялось, чтобы впредь этого не было, что грузъ остается неприкосновеннымъ [3]). Иногда, впрочемъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, купцы избѣгали разграбленія или конфискаціи своего имущества, но являлось новое затрудненіе: приходилось нанимать туземцевъ для выгрузки товара за извѣстное вознагражденіе. Выгрузка бывала окончена; тогда начинались споры: работавшіе требовали прибавки платы или доказывали, что плата была условлена другая; можетъ быть, и купцы не прочь были обсчитать ихъ. Въ тѣ времена пререканія легко переходили въ доказательства болѣе

---

[1]) „Тая правда Латинескомоу възяти оу Роуской земли оу вълъсти князя Смольнеского, ѝ оу Полотьского князя вълъсти, ѝ оу Витьбеского князя вълъсти". (Русско-Ливонскіе Акты, стр. 440). Постоянно повторяется: „Тая правда Роуси оузяти оу Ризѣ ѝ на Гочкомь березѣ". См. напр. стр., 432, § 18. статья *b*.

[2]) Экземпляръ А, §§ 19, 20. 30, 31, 36. Мы не приводимъ самаго текста статей потому, что къ этой главѣ будетъ приложенъ самый текстъ всей Смоленской торговой Правды.

[3]) § 37.

существенныя, было ли это у Нѣмцевъ, или у Кривичей. Что подобные факты бывали частенько, мы увидимъ нѣсколько ниже. Но подобные инциденты могли повести къ серьезнымъ послѣдствіямъ: къ разгрому купцовъ народомъ и на западѣ, и на Руси. Смоленская торговая Правда во избѣжаніе подобныхъ недоразумѣній опредѣляетъ: производить наемъ рабочихъ при свидѣтеляхъ и по окончаніи работы платить только договоренную плату [1]).

Пріѣзжали нѣмецкіе гости къ волоку между З. Двиной и Днѣпромъ. Подчасъ тутъ бывало большое скопленіе купцовъ съ ихъ товарами. Княжескій тіунъ могъ затягивать перегрузку товара, могъ отдавать предпочтеніе тому или иному торговцу. Между самими купцами могли происходить столкновенія изъ-за права прежде перевезти свои товары. Точно такія-же непріятности могли испытывать и кривицкіе купцы при перегрузкѣ своихъ товаровъ въ Ригѣ, на Готландѣ и вообще по берегамъ Балтійскаго моря. Въ силу этого въ договоръ вносится статья съ постановленіемъ, чтобы тіунъ княжескій, получивъ извѣстіе о прибытіи къ волоку заграничныхъ гостей, немедля посылалъ кола для перевозки товаровъ, чтобы купцы нѣмецкіе и смоленскіе вопросъ, чьи товары перегружать прежде, рѣшали жребіемъ, при чемъ нѣмецкіе и смоленскіе гости пользовались привиллегіей приступать къ этому прежде всѣхъ, прибывшихъ изъ другихъ областей и странъ. Такимъ-же преимуществомъ пользовались и кривицкіе купцы въ земляхъ нѣмецкихъ [2]).

Наконецъ нѣмецкіе купцы подплывали къ Смоленску и останавливались у пристани, на Смядыни. Отсюда товары на колахъ перевозились въ нѣмецкую слободу [3]). Торговля никогда, конечно, не прерывавшаяся, съ каждымъ прибытіемъ новаго каравана судовъ еще болѣе оживлялась. Продажа европейскихъ товаровъ производилась въ нѣмецкомъ торговомъ дворѣ. Какъ видно, продажа производилась и въ раздробъ, и оптомъ. Случалось, что купецъ, совершивъ сдѣлку,

---

[1]) § 37.

[2]) §§ 15, 16, 17, 18.

[3]) Возчики, бравшіеся за перевозку товара до нѣмецкой слободы, жили въ особомъ посадѣ отъ церкви Архангела Михаила до подъема на гору у церкви Іоанна Богослова. Красноперовъ: „Очерки промышленности и торговли Смоленскаго княжества“, (Истор. Обозрѣніе, т. VII, стр. 92“).

вдругъ передумывалъ, можетъ быть, найдя болѣе выгоднаго покупателя, и отказывался отъ прежней сдѣлки. Купившій могъ нести убытки. Смоленская правда предупреждаетъ такіе случаи: если только товаръ купленъ, а тѣмъ болѣе вывезенъ или унесенъ со двора, то требовать его назадъ продавшій не имѣетъ уже права [1]).

Будучи освобождены отъ провозной пошлины, нѣмецкіе купцы должны были тѣмъ не менѣе уплачивать вѣсовое. Мы видѣли уже, что при взвѣшиваніи воска, купленнаго нѣмецкимъ купцомъ, послѣдній вносилъ княжескому чиновнику—*вѣсцу* одну куну съ двухъ капій, т. е., съ 8 пудовъ [2]). Точно такъ-же, купивъ въ слиткахъ золото или серебро, иностранный гость уплачивалъ вѣсцу отъ каждой гривны перваго одну ногату, а отъ гривны второго—двѣ векши. При пріобрѣтеніи серебряныхъ вещей вѣсовая пошлина съ каждой гривны вѣса равнялась пошлинѣ съ гривны вѣса золота въ слиткахъ, при чемъ, очевидно, принималась во вниманіе и самая работа [3]). Но западно-европейскіе купцы были освобождены отъ всякихъ пошлинъ при продажѣ своихъ товаровъ, что повторено въ трехъ статьяхъ Смоленской торговой Правды [4]). Еще пошлина взыскивалась при плавкѣ серебра: отъ каждой гривны вѣса этого металла взималась куна [5]).

Не всегда, конечно, покупка производилась на наличныя деньги. По всей вѣроятности, нѣмецкіе купцы обладали болѣе крупными капиталами, чѣмъ кривицкіе, тѣмъ не менѣе товаръ могъ забираться въ долгъ и у послѣднихъ. Точно такъ-же были производимы и денежные займы. Являлась необходимость оградить интересы купцовъ отъ несостоятельныхъ должниковъ, отъ уклоненій отъ уплаты долга родственниками въ случаѣ смерти задолжавшаго лица. Все это, какъ видно, случалось не разъ, а потому было постановлено, что, въ случаѣ предъявленія иска къ одному и тому-же лицу со стороны нѣсколькихъ кредиторовъ, прежде всего долженъ быть уплоченъ долгъ нѣмецкому гостю въ Смоленскѣ, и смоленскому въ земляхъ нѣмецкихъ, что обязанность уплаты долга переходитъ на наслѣдниковъ

---

[1]) § 21, статья *a* и *b*.
[2]) § 24.
[3]) § 25 статья *a*, § 27, ст. *a*, § 26, ст. *a*.
[4]) Тѣ-же §§ статьи *b*.
[5]) § 28.

умершаго должника. Не должны были интересы купцовъ терпѣть ущерба даже въ томъ случаѣ, если-бы должникъ совершилъ какое нибудь преступленіе, за которымъ слѣдуетъ потокъ, т. е., продажа преступника и его семьи въ холопство и конфискація всего имущества: въ такихъ случаяхъ долгъ всетаки уплачивается изъ суммы, полученной съ продажи имущества и самыхъ людей въ холопство[1]).

Частыя недоразумѣнія происходили при взвѣшиваніи товаровъ. Нѣмецкіе и смоленскіе купцы обвиняли другъ друга въ невѣрности гирь. Въ такомъ случаѣ, какъ внесено въ договоръ, заподозрѣнныя гири должно было сравнить съ образцовыми, изъ которыхъ одна хранилась у церкви Смоленской Божіей Матери, а другая у церкви нѣмецкой[2]). До насъ дошло одно изъ рѣшеній смоленскаго спора о правильности гирь или, какъ онѣ названы въ грамотѣ, „колоколовъ" между нѣмецкимъ купцемъ Бирелемъ и смоленскимъ Армановичемъ, при чемъ первый оказался правымъ[3]).

До сихъ поръ мы имѣли дѣло лишь съ постановленіями, касающимися торговыхъ интересовъ. Но рядомъ съ торговыми существовали и другія повседневныя житейскія отношенія, приводившія иногда къ серьезнымъ столкновеніямъ. И кривицкіе, и нѣмецкіе гости оставляли свои семейства на далекой родинѣ, а пріѣзжая въ чужой городъ и подолгу проживая въ немъ, сближались съ семействами мѣстныхъ жителей. Эти пріятельскія отношенія оканчивались иногда, какъ оказывается, происшествіями романическаго характера, вслѣдствіе чего

---

[1]) §§ 5, 6, 7.

[2]) § 29.

[3]) „Се азъ князь Федоръ соудилъ есмь Биреля съ Армановичемь про колоколъ, про Немецьскый. Бирель правъ, а Армановичь виноватъ. Выдалъ есмь Армановича и съ двором Немьцомъ за колоколъ. А тоу были на соуде со мною бояре мои: Григорь намѣстникъ, Данило, Артѣмии, Микула Дядковичь, Лоука окольничии, Поутята Дядковичь, а отъ Немець были на соуде искали колокола: Янъ, Албрахтъ изъ Брюньжвика, Геньця, Яганъ Варендорьпръ. Моисѣй, княжь печатникъ Федоровъ, печаталъ. Сиже грамота псана бысть вшьшло было отъ Рожества Господня до сего лѣта 1000 лѣтъ и двесте летъ и осьмедесятъ лѣтъ и три лѣта, а на четвьртое лѣто псяна А Федорко писець княжь псалъ". 1284 г. (Грамоты, касающіяся до сношеній Сѣверо-Западной Россіи съ Ригою и Ганзейскими городами. Спб. 1857 г. № 4. Значеніе слова „колоколъ" выясняется изъ договора Полоцка съ Ригою въ 1407 г., „у Полоцку соль вѣсити на скалвахъ тымъ же вѣсомъ, что воскъ вѣсятъ, тыми *же колоколы*..." (Акты Археографич. Экспедиціи, т. I. № 16).

явилась необходимость внести въ торговый договоръ постановленіе, что, если Смольнянинъ застанетъ Нѣмца съ своею женою, то нарушитель семейной чести подвергается штрафу въ десять гривенъ серебра. Такъ должны были окупаться и неудачныя романическія похожденія Кривичей въ земляхъ нѣмецкихъ [1]). Но случалось и простое насиліе. Въ такомъ случаѣ должно различать: было-ли оно учинено надъ женщиной свободной или рабой. Въ первомъ случаѣ, при томъ если она раньше была извѣстна безукоризненной нравственностью, взыскивался штрафъ въ пять гривенъ серебра, и всего въ одну гривну, если женщина и ранѣе отличалась легкимъ поведеніемъ. Во второмъ случаѣ виновный платилъ одну гривну серебра [2]).

Различныя торговыя недоразумѣнія, романическія приключенія, можетъ быть, даже дружеское препровожденіе времени, невинная шутка или мелкій споръ на базарѣ приводили иногда къ плачевнымъ результатамъ: случались драки и убійства. Бывали, конечно, случаи и простого разбоя. Смоленская торговая Правда полагаетъ за убійство свободнаго человѣка виру въ десять гривенъ серебра, а за холопа всего одна гривна [3]). За побои палкой до крови или до синяковъ обиженный получалъ полторы гривны серебра; за ударъ по уху виновный наказывался $^3/_4$ гривны [4]). Штрафъ за нанесеніе раны, но безъ изувѣченія, полагался также въ полторы гривны [5]). Потеря глаза, изувѣченіе руки или ноги оплачивались каждое въ отдѣльности по пять гривенъ серебра, но зубъ цѣнился дешевле—именно въ три гривны. За всѣ подобныя же непріятности, причиненныя священнику или послу, налагалась двойная пеня [6]). Къ числу оскорбленій личности отнесено также связываніе безъ вины. Въ этомъ случаѣ за срамъ обиженный получалъ три гривны серебра [7]).

Такимъ образомъ, возникало достаточно судебныхъ разбирательствъ. Мы не знаемъ, какъ было до 1229 года, но Смоленская торговая

---

[1]) § 11.
[2]) § 12.
[3]) § 1.
[4]) § 3.
[5]) § 3 статья *d*.
[6]) § 2 и 3 статья *e*.
[7]) § 13.

Правда даетъ ясныя постановленія относительно суда и судебнаго процесса. Прежде всего единственнымъ судьею между Смольнянами, Полочанами, Витебцами съ одной стороны и Нѣмцами съ другой — признается на Руси смоленскій князь. Ни къ какому другому князю кривицкій купецъ не могъ требовать своего нѣмецкаго товарища; только по обоюдному согласію тяжущіяся стороны могли пойти на общій судъ. Въ земляхъ нѣмецкихъ недоразумѣнія должны были рѣшаться передъ судомъ только въ Ригѣ или на Готландѣ, но ни въ какомъ другомъ городѣ [1]). Это признаніе суда смоленскаго князя обязательнымъ во всей Кривицкой землѣ сохранялось и позже. Такъ при Феодорѣ Ростиславичѣ былъ убитъ и ограбленъ около Риги витебскій купецъ, Витебцы принесли жалобу въ Смоленскъ [2]). Судъ производился самимъ княземъ, или его намѣстникомъ, если князь отсутствовалъ, или тіуномъ княжескимъ, но непремѣнно въ присутствіи добрыхъ людей, т. е., депутатовъ отъ нѣмцевъ и смоленскихъ купцовъ, людей свѣдущихъ, которые собственно и рѣшали дѣло, какъ присяжные засѣдатели. Такихъ добрыхъ людей, свидѣтелей—послуховъ, а вмѣстѣ и присяжныхъ, должно было быть не менѣе двухъ, причемъ

---

[1]) § 21, статьи *c* и *d*.

[2]) Благословеніе отъ Митрофолита Ризьского ко своему милому сынови князю великому Феодору, и къ его дѣтемъ, и къ владыцѣ, и къ намѣстнику и ко всемъ бояромъ. То буди тобе ведомо, про тую жалобу, что *Витьбляне* жалобилися на Рижяны, чимъ то хотели оправится противу Гѣлмика, и ихъ слово таково, хотели ся темь словомь оправити и рекли такъ предъ княземъ Вряньскимь: выехали 50 мужь изъ Риги и оубили человѣка, и оузяли 10-ть бѣрковъскровъ воскоу. И ныне я митрофолитъ тако молвю, какъ то Витьбляне непровдою жалобилися на Рижяны, и нынa то есть мнѣ ведомо, аже Рижяне суть въ томь не виновати; и ныне я тому дивлюся, аже твои намѣстникъ слушаеть всякого слова. А та правда есть промѣжи вась и нась: кдѣ ся тяжя почнеть, ту коньчати. И ныне я молюся вамъ, какъ то мозите стояти оу тои правдѣ и оу крестномь целованьи. Аже иметь жалобитися вась кто на Рижаны, или Гѣлмико или кто иныи, и вышлите к намъ, а мы правдоу дамы по Божьи правдѣ". (Грамоты, касающіяся до сношеній сѣверо-западной Россіи съ Ригой и Ганзейскими городами", № 3). Къ какому году относится эта грамота? Феодоръ Ростиславичъ былъ княземъ смоленскимъ отъ 1280 по 1297 г. Присяжная грамота его о возобновленіи стараго договора относится къ 1284 г., слѣдовательно, письмо рижскаго епископа писано между 1284 и 1297 годами. Но оказывается, что это письмо писано послѣ отсутствія Феодора изъ Смоленска, такъ какъ событіе произошло, когда намѣстникомъ въ Смоленскѣ былъ князь Брянскій. Это намѣстничанье могло имѣть мѣсто не ранѣе 1286 г., когда Романъ Брянскій сдѣлалъ нападеніе на Смоленскъ. Въ 1293 г. Феодоръ уѣзжалъ въ орду, и тогда упоминается въ Смоленскѣ князь Романъ Глѣбовичъ. Этотъ 1293 г. и есть годъ событія и написанія письма.

одинъ долженъ быть Русскій, другой Нѣмецъ. Такими добрыми людьми и являются при разборѣ тяжбы Бирели съ Армановичемъ съ смоленской стороны Данило, Артѣмій, Микула Дедковичъ, а съ нѣмецкой — Іоаннъ Альбрехтъ изъ Брауншвейга, Генцій, Іоаннъ Варендорфъ [1]). Всякое дѣло, начинавшееся въ Кривицкой землѣ, должно быть разобрано и окончено въ Смоленскѣ и никакого новаго пересуда не могло быть ни въ Ригѣ, ни на Готландѣ. Если происшествіе имѣло мѣсто въ земляхъ нѣмецкихъ, то оно и должно быть разсмотрѣно, и по немъ должно быть постановлено рѣшеніе въ Ригѣ или на Готландѣ, и пересматривать дѣла въ Смоленскѣ было нельзя. На это постановленіе Смоленской торгой Правды и ссылается въ 1293 году рижскій епископъ по дѣлу объ убійствѣ витебскаго купца около Риги [2]). Въ случаѣ какого-нибудь уголовнаго преступленія обвиняемый, русскій купецъ въ нѣмецкой землѣ, нѣмецкій гость въ Смоленскѣ, не могъ быть посаженъ въ тюрьму, а должно его сдать на поруки, и только при неимѣніи поручителя онъ могъ быть закованъ [3]).

Случалось, что послѣ состоявшагося уже постановленія суда о взысканіи долга кредиторъ всетаки не могъ получить его. Въ такомъ случаѣ кредиторъ имѣлъ право просить князя или тіуна поручить взысканіе дѣтскому (приставу). Если въ продолженіе восьми дней дѣтскій не исполнитъ порученія, то должникъ долженъ быть отданъ на поруки. Если при взысканіи долга дѣтскимъ этому воспрепятствуютъ силой Смольняне, то на нихъ переходитъ уплата долга. Но и просить о порученіи взысканія долга дѣтскому кредиторъ не могъ, прежде чѣмъ не обратится къ купеческому старостѣ, который долженъ подѣйствовать на должника сначала самъ, и только въ случаѣ неудачи этой попытки, дѣло должно было принять законное теченіе [4]).

Вслѣдствіе-ли того, что виновность подсудимаго не всегда могла быть доказана показаніями послуховъ (свидѣтелей) или, можетъ быть, вслѣдствіе простой увѣренности одного изъ тяжущихся въ своихъ физическихъ силахъ, бывали требованія рѣшить дѣло помощью ордалій: ношенія раскаленнаго желѣза въ рукѣ, поединка. Смоленская торговая

---

[1]) § 34 и 8 и правая грамота Θеодора Ростиславича 1284 г. (приведена раньше).

[2]) § 34 и письмо рижскаго епископа 1293 г. (приведено выше).

[3]) § 4.

[4]) §§ 4, 14, 22.

Правда не признаетъ этихъ требованій и предоставляетъ поступать каждому по доброй волѣ [1]). Но предусматривая всевозможные случаи столкновеній между Нѣмцами и Кривичами и предоставляя право разбора ихъ мѣстному правительству, договоръ сохраняетъ за купеческими общинами право самосуда въ ихъ внутреннихъ дѣлахъ. Если въ Кривицкой землѣ Нѣмцы или въ ганзейскихъ городахъ Кривичи будутъ драться между собою на мечахъ или дубинахъ, то мѣстныя власти въ это мѣшаться не должны: пусть иноземцы разбираются сами [2]). Одинъ видъ преступленія—воровство—былъ совершенно исключенъ изъ вѣдѣнія суда: поймавшій у своего товара вора имѣлъ право поступить съ нимъ по своему личному усмотрѣнію [3]). Одна статья Смоленской торговой Правды стоитъ совершенно особнякомъ. Она заключаетъ въ себѣ постановленіе, что нѣмецкій купецъ не обязанъ участвовать въ походахъ князя или вообще Кривичей, а можетъ принимать въ нихъ участіе по доброй волѣ. Такой-же свободой пользовались и кривицкіе купцы въ земляхъ нѣмецкихъ [4]). Если мы припомнимъ событія XII вѣка, то появленіе этой статьи въ договорѣ 1229 г. должны признать вполнѣ естественнымъ. Очевидно, въ критическихъ обстоятельствахъ Смольняне заставляли Нѣмцевъ отбывать воинскую повинность. Можно заключить также, что число Нѣмцевъ, проживавшихъ въ Смоленской землѣ, было довольно значительно.

Намъ еще разъ придется останавливаться на только что разобранномъ договорѣ 1229 года. Теперь обратимъ лишь вниманіе на тотъ фактъ, что въ основу при его составленіи положена Русская Правда [5]). Мы знаемъ, что надъ выработкой договора, надъ составленіемъ латинскаго черноваго, работали нѣмецкій уполномоченный Ральфъ кассельскій и Тумашъ Михайловичъ смоленскій. Мы могли-бы ожидать, что тутъ будетъ принято во вниманіе и нѣмецкое право. Но этого нѣтъ. Объяснять это обстоятельство индиферентнымъ отноше-

---

[1]) §§ 9 и 10.

[2]) § 10, статья в.

[3]) § 33.

[4]) § 32.

[5]) Штрафъ за убійство свободнаго человѣка въ Русской Правдѣ положенъ такъ-же въ 10 гривенъ; такъ-же разрѣшается убійство вора; въ договорѣ употребляются выраженія Русской Правды: „а боудеть синь, любо кровавъ“, „вѣкь“ (увѣчье), „хромота“ (то-же), „задница“ (наслѣдство) и т. д. Къ Русской Правдѣ намъ еще придется обращаться.

ніемъ къ дѣлу нѣмецкаго представителя, конечно, нельзя. Причина лежитъ здѣсь въ томъ, что, при всей обоюдности торговыхъ интересовъ, болѣе дорожили восточной торговлей и болѣе нуждались въ договорѣ Нѣмцы, а не Кривичи. Въ силу этого-то смоленскій уполномоченный и настоялъ на принятіи въ договоръ древнихъ русскихъ юридическихъ понятій, на что Нѣмцамъ пришлось согласиться.

По смерти Мстислава Давидовича въ смоленской землѣ наступаютъ безпорядки. Къ неурядицамъ политическаго характера присоединяется страшный голодъ, а за нимъ моръ. Все это должно было, конечно, сильно отразиться на жизни населенія. Экономическое бѣдствіе вызвало перемѣну и въ торговыхъ отношеніяхъ. Мы не ошибемся, предположивъ, что нѣмецкіе купцы воспользовались обстоятельствами и постарались извлечь изъ нихъ для себя возможныя выгоды. Отвлекаемые болѣе важными дѣлами, Смольняне не могли слѣдить какъ прежде за точнымъ выполненіемъ всѣхъ условій Смоленской торговой Правды. Какъ видно, Нѣмцы начали дѣлать попытки къ стѣсненію свободнаго плаванія кривицкихъ купцовъ по Балтійскому морю. Въ самомъ Смоленскѣ они уклонялись отъ исполненія судебныхъ приговоровъ; оказывали сопротивленіе княжескимъ чиновникамъ; стали держать себя черезчуръ свободно въ отношеніи смоленскихъ женщинъ. Но рядомъ съ этимъ, и самимъ Нѣмцамъ въ это время приходилось въ Смоленскѣ иногда жутко. Въ періодъ безурядицы, княжескіе намѣстники не всегда оказывались безпристрастными судьями; взысканія по долговымъ обязательствамъ дѣлались сурово. Впрочемъ, все это могли терпѣть и кривицкіе купцы въ Ригѣ. Но несомнѣнно, что двукратное занятіе Смоленска съ помощью вооруженной силы должно было каждый разъ влечь за собой убытки для купцовъ, и для нѣмецкихъ болѣе, чѣмъ для смоленскихъ. Какъ бы ни было, явилась необходимость съ наступленіемъ спокойствія, съ занятіемъ великокняжескаго стола въ Смоленскѣ Всеволодомъ Мстиславичемъ въ 1238 (1239) г., въ пересмотрѣ стараго договора. Въ Смоленскѣ, въ княжеской канцеляріи, былъ написанъ проектъ условій, на которыхъ князь соглашается поддерживать старыя дружественныя отношенія. „*А рядъ мой съ Немьци таковъ*“, говоритъ категорически Всеволодъ, „и иного быть не можетъ“. Во всемъ этомъ документѣ чувствуется раздраженіе противъ Нѣмцевъ, по всей вѣроятности, не безпричинное.

Многія постановленія Смоленской торговой правды оставлены и

при Всеволодѣ безъ измѣненія: вносятся новыя требованія лишь въ отношеніи тѣхъ правонарушеній, которыя возникли за послѣднее время.

Прежде всего кривицкіе купцы ограждались отъ притѣсненій при путешествіяхъ по морю: мѣста на кораблѣ должны быть вольныя, какъ для нѣмецкихъ, такъ и для смоленскихъ гостей [1]). Когда совершено убійство и убійцы не окажется на лицо (т. е., вѣроятно, по просту, если его скроютъ), то обязана уплатить штрафъ въ 10 гривенъ община нѣмецкихъ купцовъ. Такимъ образомъ, къ нѣмцамъ примѣняется статья Русской Правды о дикой вѣрѣ. Само собою разумѣется, что по отношенію къ туземцамъ эту статью не надо было вносить въ договоръ, ибо Русская Правда и безъ того дѣйствовала въ Смоленской землѣ. Если убійца былъ обнаруженъ, то онъ долженъ быть выданъ головой [2]). Требованіе выдачи убійцъ повторяется: она должна быть и при убійствѣ священника и посла, какъ и дикая вѣра [3]). Для огражденія личности княжескихъ чиновниковъ вводится новое постановленіе: за оторваніе бороды Нѣмцемъ у боярина или мытника (куноемцы) полагается штрафъ въ пять гривенъ серебра, а за убійство княжескаго городскаго тіуна назначалась вира въ двадцать гривенъ серебра [4]) Точно также пришлось усилить статью о нарушеніи семейной чести. Штрафъ въ десять гривенъ былъ оставленъ, но дозволялось убить оскорбителя на мѣстѣ преступленія [5]).

Необходимо было возстановить правильность судебныхъ разбирательствъ. Такъ вновь подтверждалось правило о представленіи на судъ послуховъ обѣихъ сторонъ [6]). Какъ видно, статья Смоленской торговой Правды о непринужденіи къ ношенію горячаго желѣза была нарушена. Чтобы уничтожить охоту къ такого рода доказательствамъ на будущее время, проектъ Всеволода вводитъ такое правило: если послѣ требованій одной изъ сторонъ, другая согласится, и правда

---

[1]) „А мѣста на корабли вольная, како Немѣчичю, тако и Смолнянину. (Русско-Ливонскіе Акты, стр. 451).

[2]) Аже оубьють моужа вольного, тъ выдати разбойникы, колико то ихъ боудѣтъ было; не боудѣтъ разбоинниковъ, то дати за голову ī гри сѣрѣбра". (Ibidem).

[3]) „Аже оубьють посла или попа, то двое того дати за голову, аже не боудеть разбойниковъ, боудоуть разбойници, выдайте". (Русско-Ливонскіе Акты, стр. 451).

[4]) Оже оуръвѣть бороды Немьчиць боярину, или коуноемьчи, дати емоу є̄ гри. сѣрѣбра.... Аже оубьють тивоуна княжа, городьского, к̄ гри. сѣрѣбра. Ibidem., стр. 452).

[5]) Ibidem., стр. 452.

окажется на сторонѣ согласившагося, то требовавшій ордаліи долженъ уплатить десять гривенъ серебра за сором перенесшему ей [1]).

Теперь-же обнаруживается передъ нами неисполнительность чиновниковъ. Кромѣ того, отдача должника на поруки, какъ оказывается, не приводила къ желаемымъ результатамъ. Пришлось усилить статью о взысканіи долговъ новымъ прибавленіемъ. Если дѣтскій не взыскалъ долга, то поручить дѣло другому дѣтскому; если и послѣдній начнетъ дѣйствовать уклончиво, то должникъ могъ быть представленъ князю или судьѣ, который выдавалъ его головою кредитору [2]).

Въ сравнительно короткій промежутокъ восьми лѣтъ Смоленскъ два раза испыталъ присутствіе вооруженныхъ гостей: въ 1232 году это были Полочане, помогавшіе Святославу Мстиславичу, а въ 1238 году Суздальцы и Новгородцы, умиротворявшіе Смольнянъ. Эти два посѣщенія должны были повлечь за собою цѣлый рядъ жалобъ Всеволоду на пріѣзжихъ. Но князь былъ, очевидно, на первое время безсиленъ дать судъ и расправу и, предвидя возможность повторенія подобныхъ наѣздовъ, отказывается въ своемъ проектѣ отъ всякаго разбирательства подобныхъ дѣлъ [3]). Этимъ-же обстоятельствомъ объясняется, какъ намъ кажется, и внесеніе другой статьи, которой мы не видимъ въ Смоленской торговой Правдѣ раньше. Недоразумѣнія между купцами нѣмецкими и другихъ областей бывали, конечно, и раньше, но очевидно, они подводились подъ общій уровень и разбирались смоленскимъ княземъ. Теперь, подъ покровительствомъ Суздальцевъ и Новгородцевъ, ихъ соотечественники позволяли себѣ заво-

---

[1]) Немьчичю же въ Ризѣ и на Гътьскомь березѣ Смолнянина на желѣзо безъ его воле не лзѣ имати, оулюбить своею волею нести желѣзо, тъ ть его воля, виноватъ-ли боудѣть, своя емоу воля, или правъ боудѣть, а І гри. сѣрѣбра за сором емоу възяти" (Ibidem).

[2]) „Тъть-ли дѣтьскый не исправить, воема мьздоу, приставити на нь дроугого тъть-ли емлеть хытрити, а поставити и передъ соудьею, ать выдасть и соудья. Також и Немьчицю Смолиньскѣ поставить и передъ князем, ать выдасть и князь". (Русско-Ливонскіе Акты, стр. 452).

[3]) Русско-Ливонскіе Акты, стр. 453: „Аже въедеть братъ мои котории въ Смолнескъ, а оучинится вамъ свада съ ихъ моужьми, вамъ ся вѣдати съ ними самѣмъ;...,"

дить ссоры съ Нѣмцами, и Всеволодъ опять отказывается удовлетворять по этимъ дѣламъ жалобы иностранцевъ [1]).

Къ этому же времени относится возстановленіе ограниченія права нѣмецкихъ купцовъ на свободный проѣздъ во всѣ сосѣдніе города и области. По проекту Всеволода Мстиславича, Нѣмцы должны были каждый разъ просить на это разрѣшенія у князя, который могъ ихъ пустить или не пустить, смотря по своимъ соображеніямъ [2]). Мы не знаемъ былъ-ли этотъ проектъ принятъ Нѣмцами, или они заявили протестъ и настояли на принятіи княземъ прежняго договора 1229 г. Этотъ вопросъ можетъ быть рѣшенъ только тогда, если удается комунибудь опредѣлить, къ какому времени относится экземпляръ С. Если копія С была снята съ Мстиславова княжескаго оригинала (хранившагося въ Ригѣ) при Всеволодѣ Мстиславичѣ, то очевидно послѣдній отказался отъ своего проекта и принялъ Смоленскую торговую Правду во всей неприкосновенности, утвердивъ своею печатью копію С. Если-же эта копія С относится къ одному изъ слѣдующихъ княженій, то возможно, что Нѣмцы принуждены были согласиться на условія Всеволода. Какъ-бы ни было, но существованіе копіи С, представляющей изъ себя точное повтореніе Мстиславова экземпляра и относящейся ко времени до 1297 г., показываетъ, что за этотъ промежутокъ времени Смоленская торговая Правда была возстановлена во всей силѣ. Это могло произойти въ княженіе слѣдовавшихъ за Всеволодомъ князей—Ростислава Мстиславича, Глѣба, Михаила и Ѳеодора Ростиславичей.

Занявъ великокняжескій столъ въ 1280 году Ѳеодоръ Ростиславичъ извѣстилъ Ригу о своемъ желаніи подтвердить старый договоръ. Какъ мы видимъ, въ 1284 г. въ Смоленскъ явились нѣмецкіе уполномоченные, отъ магистра Любрахтъ, отъ рижскихъ горожанъ Петръ Бартольдъ, отъ купцовъ Федоръ Волковникъ изъ Брауншвейга и

---

[1]) „...или же гость ис которое земле придеть въ мои Смолньскъ, а боудѣть вы с нимь свада, а вѣдаите ся с ними сами‘ (Ibidem).

[2]) „А како боудеть Немьчьскыи гъсть Смоленьскѣ, а почьнѣть ся кто ѿ нихъ просити выноую землю, то како то было при моемь оц҃и, при Мьстиславѣ при Романовиці, и при моемь братѣ, при Мьстиславѣ, о немъ ся прошати, а мнѣ е *по доумѣ* поущати“ (Ibidem).

Гелмикъ изъ Мюнстера. За отсутствіемъ князя Өеодора, въ собравшемся засѣданіи предсѣдательствовалъ князь Андрей Михайловичъ, племянникъ великаго князя. Въ собраніи участвовали: намѣстникъ Артемій, дядько Остафій, Микула, сынъ дядьки, намѣстникъ владыки, Лаврентій, Мирославъ, Олекса Черный, старый таможникъ Терентій и священникъ Андрей. Тутъ-же находились княжескій печатникъ Моисей и писецъ Федорко. Въ присутствіи всѣхъ этихъ лицъ былъ признанъ дѣйствующимъ старый Мстиславовъ договоръ. Къ копіи съ старой Мстиславовой грамоты была приложена печать князя Өеодора; нѣмецкіе уполномоченные приложили свои печати къ копіи съ древняго экземпляра договора, хранившагося въ Смоленскѣ. Затѣмъ была написана еще присяжная грамота отъ имени князя Өеодора и къ ней также была приложена его печать. Все это было совершено 18-го мая въ день Вознесенія Господня [1]).

Послѣ этого возстановленія Смоленской торговой Правды она въ основѣ своей остается неизмѣнно при всѣхъ послѣдующихъ князьяхъ. Какъ мы уже говорили, Глѣбъ Александровичъ, захвативъ великокняжескій столъ въ 1297 году, увѣдомилъ нѣмецкихъ властей о своемъ желаніи поддерживать старыя отношенія между Смольнянами и Нѣмцами. Надо думать, что и теперь явились въ Смоленскъ нѣмецкіе уполномоченные, что при такой-же, какъ и прежде, обстановкѣ произошло утвержденіе древняго договора. Но, къ несчастью, не сохранилось самаго акта, которымъ закрѣплялось обоюдное согласіе сторонъ. Впрочемъ, онъ могъ быть замѣненъ надписью князя на копіи, снятой съ древняго Мстиславова экземпляра, которую мы приводили раньше. Князь говоритъ, что онъ заключилъ съ нѣмцами договоръ, какой былъ при его дѣдахъ и отцахъ, и цѣловалъ на немъ крестъ.

Оставаясь въ основѣ своей неизмѣняемой, Смоленская торговая Правда должна была, въ силу обстоятельствъ дополниться новыми постановленіями. Эти добавленія, по всей вѣроятности, не были сдѣ-

---

[1]) Грамоту см. выше. Днемъ совершенія акта показано Вознесеніе Господне. Въ 1284 году: вруцелѣто—6, эпакта пасхальная —15, ключевая буква—19. Отсюда получается: Вознесеніе приходилось 18-го Мая въ четвергъ. (Вычисленія эти сдѣланы нами при помощи пособій: Соловьева. „Объясненіе календаря церковныхъ вычисленій“, Спб. 1868 г. и Іеромонаха Иринея: „Сокращеніе церковной хронологіи, называемой просто наукою о пасхаліи “. Москва, 1797 года).

ланы одновременно, а постепенно, и мы не имѣемъ данныхъ для точной ихъ датировки. Необходимость въ двухъ новыхъ добавленіяхъ была создана самою жизнью. Намъ приходилось уже указывать на эти новыя статьи, которыхъ нѣтъ въ первоначальной Смоленской торговой Правдѣ. Не знаемъ, какой именно сторонѣ, Нѣмцамъ или Кривичамъ, явилась, наконецъ, безотлагательная необходимость дополнить статью о штрафѣ за ударъ по уху прибавленіемъ, что такому-же штрафу подвергается и дерущій за волосы или бьющій другого батогомъ [1]), но несомнѣнно требовалось разъясненія, какъ поступать купцамъ нѣмецкимъ или кривицкимъ, если кому-нибудь изъ нихъ приходилось доискиваться своего товара у должника не въ Смоленскѣ, въ Ригѣ, на Готландѣ, а въ другомъ городѣ. Добавочная статья не отвѣчаетъ прямо на этотъ вопросъ: она только предупреждаетъ нарушеніе торговыхъ отношеній, которое могло-бы произойти отъ подобныхъ недоразумѣній предоставляя истцу отправляться въ тотъ городъ, гдѣ живетъ отвѣтчикъ, и тамъ производить взысканіе на основаніи мѣстныхъ городскихъ законовъ. Постановленіе странное. Если подъ иными городами разумѣются здѣсь другія области, то эта статья является лишней, такъ какъ за недоразумѣнія въ землѣ Суздальской, Черниговской и т. д., Смоленскъ отвѣчать не могъ. Едвали также здѣсь имѣются въ виду только лишь нѣмецкіе города, въ которыхъ приходилось производить торговыя сдѣлки кривицкимъ купцамъ, потому что это постановленіе на первомъ планѣ ставитъ купцовъ нѣмецкихъ, а слѣдовательно интересы ихъ, а не смоленскихъ гостей. Въ виду этого въ новой статьѣ сквозитъ для насъ намекъ на измѣненіе въ политическомъ строѣ Смоленской земли, на моментъ образованія удѣловъ и стремленія ихъ къ полной автономіи, что мы замѣчаемъ съ конца XIII столѣтія.

Другая добавочная статья касается взаимныхъ недоразумѣній между иностранными купцами и волочанами при нагрузкѣ и разгрузкѣ товаровъ. Очевидно, Нѣмцы, платившіе за перевозку съ вѣса, жаловались на легкость гирь, которыми волочане взвѣшивали грузъ. Нѣмцы въ концѣ концовъ убѣдили эту общину возчиковъ принять нѣмецкія гири, а въ случаѣ, если вновь явится подозрѣніе въ ихъ неточности, то

---

[1]) Экземпляръ D, § 23.

дѣлать новыя гири, принимая за образецъ ту капь, которая хранилась у нѣмецкой церкви Божіей Матери [2]).

Мы не знаемъ также, къ какому времени относится туманное постановленіе, защищающее личность холопа отъ произвола пріѣзжихъ гостей: за побои холопу платился штрафъ въ одну гривну кунъ, т. е., $^1/_4$ гривны серебра [2])

Вообще и пошлины и штрафы въ позднѣйшее время колеблются. Такъ пошлины при покупкѣ серебряныхъ вещей съ ногаты спускается до куны. Точно такъ-же за насиліе надъ свободной честной женщиной штрафъ съ пяти гривенъ повышенъ до десяти [3]).

Позже оказывается, что споры изъ-за правильности вѣсовыхъ гирь, происходятъ не только въ Смоленскѣ, но и въ Ригѣ, и на Готландѣ, такъ что явилась необходимость дополнить параграфъ, который трактуетъ объ этомъ предметѣ, новой статьей, которой не было въ первоначальномъ экземплярѣ, именно, что провѣрка вѣсовыхъ гирь должна происходить и въ нѣмецкихъ городахъ [4]):

Когда наступили тяжелыя времена татарщины съ ея произволомъ, то вполнѣ естественно было нѣмецкимъ купцамъ добиться огражденія себя и своего имущества и освобожденія отъ квартирной повинности: ни татарскіе, ни какіе другіе послы не могли быть поставлены во дворахъ, принадлежащихъ нѣмецкимъ гостямъ [5]).

Такъ послѣдовательно являлись приросты въ древней Смоленской торговой Правдѣ. Но мы видимъ, что ихъ немного, и что они нисколько не измѣняютъ всего того, что сдѣлано было Ральфомъ изъ Касселя и Тумашемъ Михайловичемъ изъ Смоленска. Смоленская торговая Правда подтверждается послѣдующими князьями Такъ великій князь смоленскій, Иванъ Александровичъ, снова подтверждаетъ въ первой половинѣ XIV столѣтія, старую правду „по древнимъ грамотамъ". Въ Смоленскъ явились нѣмецкіе послы, отъ магистра рыцарь Песковъ и отъ горожанъ священникъ Иванъ. Князь и послы цѣловали крестъ въ исполненіи Смоленской торговой Правды [6]). Точно

---

[1]) § 35.

[2]) Экз. D. § I, статья C.

[3]) Экз. C и F, § 12.

[4]) Экз. D, § 29.

[5]) Заключительная добавочная приписка на экземплярахъ D и E.

[6]) Грамоту Ивана Александровича см. выше.

также и въ XV столѣтіи на нее указываетъ Нѣмцамъ несчастный смоленскій князь Юрій Святославичъ. Но обстоятельства уже измѣнились, и смоленскій князь потерялъ для Нѣмцевъ всякое значеніе: самобытная политическая жизнь Смоленска тогда уже прекратилась.

Смоленская торговая Правда.

Списокъ 1229 года.	Списокъ XIII ст. послѣ 1274 г.
a) Что ся дѣютѣ по вѣремьнемь, то ѿйде то по вѣрьмьнемь; приказано боудете добрымъ людѣмъ, а любо грамотою оутвѣрдять, како то боудете всемъ вѣдомъ, или кто посль живый ѡстанѣться.	Что ся въ которою вѣремя начнеть дѣяти, то оутвьржають грамотою; а быша ся не забыли, познаите, и на память дьржите нынѣшными и по сѣмь веремени боудоучи, къ комоу си грамота придеть.
b) Того лѣ҃, коли Алъбрахтъ, вл҃дка Ризкии, оумьрлъ, оуздоумалъ князѣ Смольнеский Мьстиславъ, Дв҃дъ с҃нъ, прислалъ въ Ригоу своюего лоучьшего попа юрьмея и́ съ нимь оумьна моужа Пантелья и своюего горда Смольнеска; та два была послъмь оу Ризѣ, из Ригы юхали на Гочкый берьго, тамо твердити миръ.	Того лѣта, коли еп҃пъ Алъбрахтъ Рижьсвыи *мьртвъ*, князь Мьстиславъ Дв҃двчь послалъ своюе моуже Геремѣя попа, Пантелея *сотьскою*, ѿ Смолнянъ въ Ригоу, а из Ригы на Готьскыи берегъ, оутвьрживати миръ.
c) Оутвьрдили миръ, что былъ не мирно промьжю Смольньска и́ Ригы, и́ Готскымь берьгомь всемъ коупчемъ.	Розлюбье на стороноу ѿвеpечи, которое было межю *Немци* и *Смолняны*.
d) Пре сей миръ троудилися дъбрий людию: Ролфо ис Кашеля, Би҃ дворянинъ, Тоумаше Смолнянинъ, ажбы миро былъ и́ дъ вѣка; оурядили пакъ миръ, како	А за тотъ миръ стра҃лъ: Рулфъ ис Кашеля и́ Тумашь *Михаиловй*, абы добросердье ме҃ ихъ было, абы Рускымъ купцемь в Ризѣ и на Готьскомъ березѣ, а Нѣмѣчкы

бы҃ло любо Роуси и҆ всѣмоу Латинескомоу языкоу, кто то оу Роусе гостить.

e) На томь мироу, ажбы миръ твьрдъ былъ, тако былъ князю любо и Рижанъмъ всемъ и҆ всемоу Латинескому языкоу и҆ всемь темь, кто то на Оустоко моря ходить, ажбы нальзлъ правдоу, то написати, како то держати Роуси съ Латинескымь языкомъ, и Латинескомоу языкоу съ Роусию тодѣржати҆, ажбыхъмь что тако оучинили. Того Б҃ъ не дай, ажбы промьжю нами бои былъ, а любо ч҃лвка оубиють до с҃мрти, како ч҃лвка, то ѿплатити, ажбы миръ не ръздроушенъ былъ; такъ платити, како то бы ѡбоимъ любо былы.

Здѣ починаеться Правда:

1

a) Аже боудѣть свободѣный ч҃лвкъ оубитъ ї҃ гривенъ серебра за голъвоу.

b) Аже боудѣте холъпъ оубитъ, а҃ гривна сьрьбра заплатити: оу Смольнѣскь.

c) Тако платити и҆ оу Ризе и҆ на Готьскомь берьзѣ.

купцемь въ Смоленьскои волости любы было, какъ оутверженъ и добросердье.

Абы въ вѣкы стояло и князю любо бы и всѣмъ *Смолняномъ* и Рижаномъ и всѣмъ Немцомъ по Въсточному морю ходящимъ, ѡже такоую правдоу написали, которою правдою быти Роусиноу въ Ризѣ и на Готьскомь березе, тою-же правдою Немцомъ въ Смоленьскѣ, а быша ся тои правде дьржали въ вѣкы. Б҃ъ того не даи, оже розбои... грехомь пригодиться межи Немци и мѣжи Роуси, что за что платити, абы миръ неразроушонъ, абы Роусиноу и Немчичю любо было.

А се починокъ Правдѣ:

Оже бьють волного ч҃лвка платити за головоу ї҃ гривенъ серебра, *а за гривноу серебра по* д҃ *гривны коунами*, или пенязи.

А за холопа гривна серебра.

Аже кто холопа оударить, то гри҃на коунъ.

2

Ѡко, роука, нъга, ѝли ѝнъ что любо, по пяти гривьнъ серъбра ѿ всякого платити: за ѡкъ ѣ серьбра, за роукоу ѣ серьбра, за нъгоу ѣ серьбра ѝ за всякый соуставъ пять гривенъ серебра; за зоубъ г҃ гривнъ серебра: ѝ Смольньскь ѝ оу Ризѣ ѝ на Гочкомь березѣ.

3

a) Кто биють дроуга дѣревъмь, а боудѣте синь, любо кровавъ, полоуторы гривны серебра платити юмоу.

b) По оухоу оударите, г҃ четвѣрти серебра.

c) Послоу и п҃оу что оучинять за двою того оузяти, два платежа.

d) Аже кого оуранять, полоуторы гривны серебра, аже боудѣте без вѣка: тако платити оу Смолѣнеске ѝ оу Ризѣ ѝ на Гочкомь берьзѣ.

4

a) Аже извиниться Роусинъ оу Ризе, или на Гочкъмь березе, оу дыбоу юго не сажати;

d) Тажо правда боуди... Смоленьскѣ, и въ Ризѣ, и на Готьскомь березѣ.

2

a) Аще око выбьють, или роукоу ѿноуть, или ногоу, или иная хромота которая на телѣ..., ѣ грвнъ серебра, а за зоубъ г҃ грвны серебра.

b) Тажо правда боуди Смоленьскѣ, въ Ризѣ, на Готьскомь березе.

3

Аще кто деревомь оударить ч҃лвка *до кръви*, полоуторы гр҃вны серебра.

Аще оударить по лицю; *или за волосы иметь, или батогомь шибеть*, платити безъ четвьрти гр҃вна серебра.

Аще послови пригодиться пакость или попови въсякои обидѣ, за два ч҃лвка платити за нъ.

Аще кто дроуга ранить, а хромоты на телѣ не боудеть, полоуторы гр҃вны серебра платити.

4

Аще Роусьскый гость... въ Ризѣ, или на Готьскомь березѣ извинится, никакоже его въсадити въ

дыбоу. Ѡже боудеть пороука по нь, то дати на пороуку; не боудетли пороукы, то лзѣ и въ железа въсадити.

b) Аже извиниться Латининъ оу Смольнѣскѣ, не мьтати юго оу погрѣбъ; аже не боудѣтѣ пороукы, то оу желъза оусадить.

Или Немечьскый гость извинится Смоленьске, не лзѣ его въвеpечи въ погребъ; ожо не боудеть по нь пороукы, лзѣ его въ железа въсадити:

5

a) Аже Латининъ дасть Роусиноу товаръ свой оу дѣло Смольнске заплатити Немчиноу първѣю, хотя бы ѝнъмоу комоу виноватъ былъ Роусиноу.

Ожо Немецьскый гость дасть свои товаръ въ долгъ Смоленьскѣ, а Роусинъ боудеть должонъ Роуси... Немчичю на передъ взяти.

b) Тако оузяти Роусноу оу Ризѣ ѝ на Готском березѣ.

b) Таже правда и Роусиноу боуди въ Ризѣ, на Готьскомь березѣ.

6

a) Аже розгнѣваються князѣ на своюго члвка, а боудѣте виньвать Немчицю Роусинъ, а ѿимьть князѣ все, женоу и дѣти оу холъпство, пѣрвою платити юмоу Латинину, а потомь князю. како любо съ своймь члвкмь.

Аще князь възвержеть гнѣвъ на Роусина, повелить его розграбити съ жоною, съ дѣтми, а Роусинъ должонъ боудеть, Немчичю напередѣ взяти, а потомь како Бви любо и князю.

b) Такоу правдоу възяти Роусиноу оу Ризѣ ѝ на Гочкъмь березѣ.

Тажо правда боуди Роусиноу въ Ризѣ, на Готьскомь березѣ.

7

a) Аже Латининъ дасть княжю холопоу въ заюмъ, ѝли ѝнъмоу доброу члвкоу, а оумрете не заплативъ, а кто юмльть юго

Или Нѣмѣчьскый гость дасть холопоу княжю *или бояръскоу*, а а кто его задницю возметь, то в того Немчичю товаръ взяти.

ѡстатъкъ, томоу платити Немчиноу.

b) Такова правда оузяти Роусиноу оу Ризѣ и на Гочкомь березѣ.

Тажо правда боуди Роусиноу въ Ризѣ, на Готьскомь березе.

8

a) Роусину не оупирати Латинина ѡднемь послоухомь; аже не боудѣтѣ двою послоухоу, ѡдиного Немчича, а дроугого Роусина, добрыхъ людии.

b) Тако Латининоу не пьрьпрети Роусина, аже не боудеть послоуха Роусина, а дроугого Немчина оу Ризѣ и на Гочкомь березѣ.

8

Роусиноу же не лзѣ възвѣсти одиного Роусина въ послоушьство; нъ поставити Роусина же Немчича въ послушьство.

Таже правда боуди Немцомъ Смоленьскѣ.

9

a) Роусиноу не вѣсти Латинина ко жельзоу горячемоу, аже самъ въсхочетѣ.

b) А Латининоу тако Роусина не вести, аже самъ въсхочете....

9

Роусиноу же не лзѣ имати Немчича на железо, такоже и Немчичю Роусина.

Аже возлюбить самъ своею волею, то его воля.

10

a) Роусиноу не звати Латина на полѣ битъся оу Роуской земли; а Латининоу не звати Роусина на полѣ битося оу Ризѣ и на Готскомь березѣ.

b) Аже Латинескии гость биеться мьжю събою оу Роускои земли любо мьчемь, а любо дѣревъмь, князю то не надобе, мьжю събою соудити.

10

Роусиноу же не лзѣ позвати Немчича на поле Смоленьске, ни Немчичю въ Ризѣ, на Готьскомь березе.

Или Немѣчьскый гость иметься бити межю собою мѣчи в Роуси, или соулицами, князю то не надобе, никакомоу Роусиноу, ать правяться сами по своемоу соудоу

c) Тако, аже Роуский гость биеться оу Ризѣ йли на Гочкомь березе, Латине то не надъбѣ, ате промьжю събою оурядяте ся.

Таже правда боуди Роуси въ Ризе, на Готьскомь березе, ать правятся сами по своемоу соудоу.

11

a) Аже застанете Роусинъ Латинеекаго чл҃ка своюю женъю, за то платити гривьнъ ї҃ серебра.

b) Тако оучинити Роусиноу оу Ризѣ й на Гочкомь берьзѣ платити.

11

А иже иметь, Роусинъ *Немчича* оу своею жоны,... за соромъ ї҃ гр҃вн серебра.

Таже правда боуди Росиноу въ Ризе и на Готьскомь березе.

12

a) Аже Латинескый чл҃вкъ оучинить насилию свободнь жене, а боудѣть пьреже на ней не былъ сорома, за то платити гривьнъ е҃ серебра.

b) Тая правда оузяти Роусиноу оу Ризѣ й на Готескомь березе.

c) Аже боудете пьрвѣю на нѣй съръмь былъ, взяти юй гривна серьбра за насилию.

q) Аже насилоують робѣ, а боудоуть на него послоуси, дати юмоу гривна серебра.

e) Такова правда оузяти Роусиноу оу Ризѣ и на Гочкомь березѣ.

12

Аще который Немчичь оучинить насилье надъ волною женою Смоленьскѣ, а дотолѣ не слышати было *блядне* ее, е҃ гр҃вн серебра за соромъ.

Тажо правда боуди Роусиноу въ Ризе, на Готьскомь березѣ.

Боудетли дотолѣ *бляла*, гр҃на серебра за соромъ.

Аще который Немчичь оучинить насилье надъ робою гр҃на серебра за соромъ.

. . . .
. . . .

13

Аже мьжю Роусиномь й Латинескъмь свяжеть дроугъ дроуга без вины, за то платити г҃ гривны сербра.

13

Аще Роусинъ ли Немчичь дроугъ дроуга свяжеть без вины, г҃ гр҃ны серебра *за соромъ*.

14

a) Аже боудѣте Роусиноу платити Латинескомоу, а не въсхочеть платити, тоть Латинескомоу просити дѣтского оу тиоуна.

b) Аже дасть наюмъ дѣтьскомоу а не исправить за й. дний товара оу Роусина, тоть дати юмоу на събѣ пороука.

c) Аже Смолняне не дадоуть юмоу въль, Смольнянъмь платити самымъ, дългъ платити.

d) Тая правда оузяти Роусиноу оу Ризѣ и на Гочкомь березе.

14

Или Роусинъ должьнъ боудеть Немьчичю, а не хочеться платити емоу, то просити детьского оу князя, ли оу тивоуна.

А детьскии возма почто, ужо не исправить за недѣлю, *лзѣ емоу Роусина пояти домовь.*

Аще ли кто оу насилье поиметь, томоу тиворъ платити.

Таже правда боуди Роуси въ Ризѣ и на Готьскомь березе.

15

Аже тиоунъ оуслышить, Латинескый гость пришелъ, послати юмоу люди с колы пьревести товаръ, а не оудѣржати юмоу; аже оудѣржить, оу томь ся можете оучинити пагоуба.

15

А како оуслышить *Волочьскыи* тивоунъ, ожо гость Немечьскый *съ Смолняны* приехалъ *на Волокъ, послати емоу члвка своего въ борзѣ къ Волочаномъ*, ать перевезоуть Немецьскии гость и *Смолняны* с товаромь, *а никтоже иметь имъ пакостити, зане... в тои пакости велика пагоуба бываеть Ѿ Погани Смолняномъ и Немцомъ.*

16

a) Аже Латинескый гость Смолняны приюдѣть на Вълъкъ, тоть мътати жеребѣи, кого напьрьдъ вѣсти ко Смольньскоу.

b) Аже боудоуть людию изыною земль, тьхъ посль вѣсти.

16

Метали же жеребии, комоу поити черес Волокъ напередъ.

Аще иный боудеть гость Роуский, томоу поити позадоу.

c) Тая правда оузяти Роуси оу Ризѣ ú на Гочкомь березѣ.

. . . .
. . . .

17

Како тако боудѣте, како придоуть Латинескии гость оу городъ с Волока, дати ѝмъ княгини поставъ частины, тиоуноу на Вълъцѣ дати роукавицѣ, ажбы товаръ пьревьзлъ без дѣржания.

17

А како боудеть гость Немецьскый въ городѣ, дати имъ княгыни поставъ частины, а тивоуноу Волочьскомоу роукавицѣ пьрстаты Готьские.

18

a) Который Вълъчанинъ възмьть Латиньскый товаръ через Вълъкъ вѣсти, а что погынеть ѿ того товара, что юмоу приказано, тъ платити всемъ Вълъчаномъ.

b) Тая правда Роуси оузяти оу Ризѣ ú на Гочкомь березѣ.

18

А который Волочанинъ въскладывать товаръ Немецьскии или *Смоленьскии* на кола своя черес Волокъ вѣсти, а што погынеть товара, тото всѣмъ Волочаномъ платити.

Тажо правда боуди Роуси въ Ризѣ, на Готьскомь березе.

19

a) Аже Латинескый придѣть къ городоу, свободно юмоу продавати, а противоу того не молвити никомоуже.

b) Тако дѣлати Роуси оу Ризѣ ú на Гочкомь березе.

19

А како Немецьскии гость боудеть Смоленьскѣ городе, тако емоу продати свои товаръ безъ всякое борони.

А како боудеть Роусьскый гость в Ризе, ли на Готьскомь березе, волно же имъ продати свои товаръ безъ всякое борони.

20

a) Аже Латинескый оусхочеть юхати и Смольнеска своймь то-

20

Аще которыи Немчичь хочеть ити съ своимь товаромь в—ынъ

варомь въ йноу сторону, про то юго князю не дѣржати, ни иномоу никомоуже.

b) Тако Роусиноу юхати йзъ Гочкого бѣрѣга дъ Травны.

городъ, князю не боронити, ни Смолняномъ.

Али который Роусинъ хочеть поити съ Готьского берега въ Немецьскоую землю *въ Любекъ*, Немцамъ не боронити имъ того поуте.

21

a) Аже Роусинъ коупить оу Латинеского члв̃ка товаръ, а възмьть ю собѣ, тоть Латинескомоу не взяти товара наоуспять, Роусиноу томоу платити.

b) Тако Роусиноу не оуяти оу Латинеского товара своюго ѡпять, платити юмоу.

c) Роусиноу не звати Латинеского на йного князя соудъ, лише предъ Смольнеского князя; аже самъ въсхочете, тоть идѣть.

d) Тако Латинескому не звати Роусина на йный соудъ, лише оу Ригоу й на Гочкый берего.

21

Аще который товаръ възметь Роусинъ оу Немчича, а понесеть из двора, тыи товаръ не ворочается.

Который Немчичь товаръ коупилъ оу Роусина, изъ двора понеслъ... (тый товаръ не ворочается. изъ экз. Е).

Роусину не лзѣ позвати Немчича на обчии соудъ, разве на Смоленьскаго князя; аже влюбить Немчичь на обчии соудъ, то его воля.

Немчичю же не лзѣ звати Роусина въ Ризе, на Готьскомь березе... въсхочеть ли Роусинъ на обчии соудъ, его воля в томь.

22

a) Роусиноу не ставити на Латинеского дѣтьского, не явивъше старость Латинескомоу; аже не слоушають старосты, тоть можеть на него дѣтского приставити.

b) Тако Латинескомоу на Роусина не ставити бирица оу Ризѣ, ни на Гочкомь бѣрезѣ.

22

Роусиноу не лзе приставити детьского на Немчича Смоленьскѣ, нъ переже обестити емоу старейшомоу; оже стареишии его не оумолвить, то лзѣ емоу детьскии приставити.

Тако и Немчичю въ Ризѣ и на Готьскомь березѣ, не лзѣ емоу приставити детьского.

23

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

23

Аже боудеть Роусиноу товаръ имати на Немчичи, ли въ Ризѣ, ли на Готьскомь березе, ли въ которомь городѣ въ Немецьскомь, но ити истьцю к—ыстьцю и взяти емоу та правда, которая то в томь городѣ, а роубежа не дѣяти; а Немчичю таже правда взяти в Роуси.

24

Латинескомоу дати ѿ двою капию въ сү вѣсцю коуна Смольнеская.

24

А Немчичю платити вѣсцю ѿ двою капью коуна Смоленьская.

25

a) Коупить Латинескый гривноу золъта, дасть вѣсити, дати юмоу вѣсцѣ ногата Смольнеская.

b) Аже продасть, не дати ничего-же.

25

Аже Немчичь *крьнеть* грвноу золота, платити емоу ногата вѣсцю.

Или продасть, не дати емоу ни векше.

26

a) Аже Латинский коупить соуды серебряные, дати юмоу вѣсцю ѿ гривны серебра по ногатѣ Смольнескои.

b) Аже продасть, не дати ничегоже.

26

Изъ экв. Е.: „Или который Немчичь коупить съсоудъ серебрьный, дати юмоу ѿ грвны *коуна* вѣсцю.

Или продасть, не дати юмоу ни вѣкше.

27

a) Аже Латинески коупить гривноу серебра, дати юмоу вьсцю двѣ векши.

b) Аже продасть, не дати ничегоже.

27

Аще *крьнеть* Немчичь грвноу серебра, дати емоу весцю в вѣкши.

Или продасть, не дати емоу.

28

Аже Латинескый дасть серебро пожигати, дати емоу ѿ гривны серебра коуна Смольнеская.

28

Ожо Немчичь дасть серебро плавити, дати емоу коуна Смоленьская ѿ гривны.

29

Аже капь, чимь то весятѣ, ѝзлъмлена боудѣте, а любо льгче боудѣть, тоть споускати ѡбѣ в-ъдино мьсто, что лѣжить оу с҃тоѥ Б҃це на горе, а дроугая оу Латинескои ц҃ркви, ѡбѣ ровнати.

29

Аще ся вощныи поудъ исказить, лежить капь въ с҃тое Б҃це на горѣ, а другая въ Немецьскои Б҃ци, то темь поудъ изверяче, право оучинити.

Таже правда боуди Роуси въ Ризѣ, на Готьскомь березе.

30

a) Латинескомоу ѥсть вълно оу Смольнеске, которыи товаръ хъчеть коупити, бес пакости.

b) Тако дѣлаіти Роуси оу Ризѣ и на Гочкомь березѣ.

30

Немчичю же волно коупити всякый товаръ Смоленьске, без борони.

Такоже и Роусиноу волно коупити всякыи товаръ без борони в Ризѣ и на Готьскомь березе.

31

a) Всякомоу Латинескомоу ч҃лвкоу свободѣнъ путе ѝз Гочкого берега до Смольнеска без мыта.

b) Тая правда ѥсть Роуси изъ Смольнеска до Гочкого берега.

31

•Немчичю же не надобѣ никакое мыто *и Смоленьска и до* Риги, а из Риги до Смоленьска.

Такоже... Роусиноу не надобѣ мыто *з Готьского берега... до* Риги,.. *из* Риги.. *до Смоленьска.*

32

a) Латин҃ѣскомоу не ѥхати на войноу съ княземь, ни съ Роусию; аже самъ хъчьть, тоть ѥдѣть.

32

Аще Смоленьскии князь поедеть на воиноу, не надобѣ же Немецьскомоу гостьи; оже въсхочеть съ князем ехати, то своя ѥмоу воля.

b) Тако Роусиноу не юхати съ Латинескымь на въиноу, ни оу Ризѣ, ни на Гочкомь березѣ; аже хочеть самъ, тъть идѣть.

33

Который Роусинъ, и́ли Латинескый и́мьть татя, надъ тѣмь юмоу своя въля, камь юго хочеть, тамъ дѣжеть.

34

a) Ни ѡдиномоу же Роусиноу не дати пересоуда оу Ризѣ, ни на Гочкомь березѣ тако Латинескомоу оу Роускои зѣмли не дати пересоуда никомоуже.

b) Которою ѡроудию законьчано боудѣть оу Смольнескь мьжю Роусию и́ мьжю Латинескимь языкомь, передъ соудиями и пьредъ добрыми людми, боль того не починати оу Ризѣ и на Гочкомь березѣ; а что боудѣть дъкончано оу Ризѣ и́ на Гочкомь берьзе, перьдъ соудиями и́ пьрьдъ дъбрыми людми, того оу Смольнкѣ не починати.

35

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Такоже (боуди) и Роусиноу воля въ Ризе, на Готьскомь березе.

33

Аще Роусинъ или Немчичь иметь тате въ своего товара, в томь его воля (что хочеть оучинити". Экз. F).

34

Роусиноу же не дати пересоуда ни въ Ризѣ, ни на Готьскомь березе, ни Немчичю же платити пересоуда Смоленьске.

Которая си тяжа боудеть соужона Смоленьскѣ, или оу князя, или оу тивоуна, или оурядили боудоуть добрии моужи, боле же не поминати того ни въ Ризе, ни на Готьскомь березе; таже правда боуди Немецьскомоу гостьи Смоленьскѣ.

35

А поудъ дали Немци Волочанамъ, иже то имь товаръ возити на Волоце всякомоу гостьи, то ци даколи исказиться, а подроугъ его лежить въ Немецьской бож-

. . . .
. . . .

36

Пискоупъ Ризкии, мастьръ Бж҃хъ дворянъ, и вси земледѣржци, ти дають Двиноу свободноу, ѿ вьрхоу и до низоу въ мъре, ѝ по водѣ и по бѣрегоу, всемоу Латинескомоу языкоу ѝ Роуси, кто правыи коупьчь юсть, ѿ моря даюмо свободно, кто хочете по Двине юхати оу вьрхъ или оу низъ.

37

a) Оу кого ся избиють оучанъ, а любо челнъ, Б҃ъ того не даи, ѝли оу Роусина, ѝли оу Латинеского, оу тѣхъ вълъсти, кто сю свободоу далъ, товаръ юго свобонъ на въдѣ ѝ на березѣ бес пакости всякомоу; товаръ, иж то потоплъ, брати оу мьсто своюю дроужиною ѝз воды на берего.

b) Аже надобѣ юмоу болше помъчи, тоть наимоуѝ при послоусѣхъ; кто былъ тоу, то боудѣте послоухъ; чте ѝмъ посоулить, то даи, а болѣ не даи.

c) Тая правда Латинескомоу възяти оу Роуской земли оу вълѣсти князя Смольньского, ѝ оу Полотьского князя вълѣсти, ѝ оу Вить-беского князя вълъсти.

ници, а дроугый ковати, изверивети темь.

36

Юп҃пъ же Рижьскыи, Фолкоунъ, мастеръ Бж҃иихъ дворянъ, и вси волостелеве по Рижьской земли, дали Двиноу волноу ѿ оустья до вьрхоу, по водѣ и по берегоу, всякомоу гостьи Роусьскомоу ходящимъ въ низъ, вь вьрхъ.

37

Б҃ъ того не даи, аче кого притча прииметь, ли лодья оуразится, ли Роусьская, ли Немецьская, волно емоу свои товаръ (привести) без всякое борони къ берегоу.

Аже юмоу въ пособленье люди мало боудеть, а к томоу принаяти люди боудеть емоу въ помочь... што боудеть соулилъ имъ наима, черес то имъ боле не взяти.

Тажо правда боуди Роусиноу (в Ризѣ и на Готьскомь березѣ— экз. F), и Немчичю по Смоленьской волости, по Полотьской, по Витьбьской.

—

a) Коли ся грамота псана ѝшлъ былъ ѿ Ржтва Гня до сего лѣта ҂ а҃ лѣ҃ ѝ и҃. лѣ҃ ѝ к҃., подъ пискоупомь Рпкимь, провстъ Яганъ, мастьръ Вълквинъ, Бжий дворянинъ, ѝ подъ горожаны Ризѣскими, прѣдъ всеми Латинескими коупци.

b) Ся грамота оутвьржена всехо коупьче пьчатию.

c) Се ѡроудие ѝсправили оумний коупчи Регнѣбодѣ, Дѣтартъ, Адамъ, то были горожане на Гочкомь березе;

d) Мьмьбернь, Вредрикъ Доумбѣ, ти были из Любка; Гиндрикъ Готь, Илдигьрь, та два была исъ Жата; Конратъ Шхель, ѡдѣ Ягантъ Книть, та два была из Мюньстьря; Берняръ, ѡдѣ Вълкерь, та два была изъ Грюнигъ; юрмьбрьхтъ ѡдѣ Албрахтъ, та два была из Дортмьня; Гиндрикъ Цижикъ из Брьмьнь; Албрахтъ Слоукъ, Берняртъ, ѡдѣ Валтърь, ѡдѣ Албрахтъ фоготь, то были горожане оу Ризѣ, ѝ ѝнехъ много оумныхъ добрыхъ людѣи.

l) Который Росуинъ, ѝли Латинескыи противоу сеѥ правды мълвить, того почьсти за лихии моужь.

f) Ся грамота ѥсть выдана па Гочкомь берьзѣ пьрьдъ Роу-

—

А си грамота написана бы҃ ѿ роспятья было ҂ а҃ лѣ҃ и с҃ лѣ҃ и л҃ лѣ҃ безъ лета; а при епп҃ѣ Рижьскомь Николаи, и при попѣ Иѡанѣ и при мастере Фолкоуне, и при Рижьскыхъ моужихъ, и при многыхъ коупцихъ Римьскаго цр҃тва.

Еже есть техъ печать на грамоте сѣи.

А се же соуть послоуси томоу: Регемъбодъ, Тетартъ, Адамъ, горожане на Готьском березе;

Мѣмберь, Вередрикъ Доумомь, из Любка ти соуть; Андрикъ Готъ, Илнерь, ти же соуть из Жюжажата, Кондратъ Кривыи, Еганъ Кинотъ, ти же соуть из Моуньстеря; Берникъ, Фолкырь, ти соуть из Гроули; Яремъбрахтъ и Алъбрахтъ; ти же соуть из Дротмины; Индрикъ Чижикъ ти же из Брямь; Альбрякъ, Слоукъ, Берьняръ, Валтѣрь, Алберь, соудия Рижьскый, тоже соуть Рижане.

Аще късторый Роусинъ или Немчичь (противитися) въсхочеть сеи правде, да тъ противенъ Бо҃у и сѣи правдѣ.

. . . .
. . . .

скимь посломь и пьрьдъ всеми Латинскими коупци.

. . . .

Што Немецьскы̆ дворѡвъ и дворищь Смѡлѣньскѣ коупльнины и цр̆ке ихъ мѣсто, не надобѣ никомоужо, комоу дадять ли, посадять-ли кого Немци, то по своюі вѡли; а на которѡмь подворьи стоять Немци, или гость Немьцьскии, не поставити на томь дворѣ князю ни Татарина, ни иного котораго пѡсла.

Русско-Ливонскіе Акты, стр. 420—445.

ГЛАВА III.

Родъ князей смоленскихъ.

Прежде чѣмъ говорить о государственномъ и общественномъ бытѣ Смольнянъ и излагать ходъ политической исторіи ихъ земли, мы считаемъ необходимымъ предпослать этому вводную главу, въ которой намѣреваемся представить нашимъ читателямъ весь родъ князей смоленскихъ. Благодаря этому, мы въ послѣдующемъ своемъ изложеніи избѣгаемъ длинныхъ примѣчаній, которыя являются необходимыми, такъ какъ относительно родственныхъ связей, жизни и дѣятельности нѣкоторыхъ князей приходится производить довольно обширныя изысканія. Нужно сказать при этомъ, что нѣкоторые моменты исторіи Смоленской земли объясняются только причинами, лежащими въ родственныхъ отношеніяхъ князей. Достаточно указать, что событія средины XIII ст. стоятъ въ тѣсной связи съ распаденіемъ рода Ростислава Мстиславича на двѣ семьи, изъ которыхъ одна, старшая, происходила отъ Романа Ростиславича, а другая, младшая, отъ Давида Ростиславича. Насколько мы успѣли выяснить темные вопросы смоленской генеалогіи, судить, конечно, не намъ [1].

---

[1]) По возможности, при имени каждаго князя обозначены или годъ его рожденія и смерти, при именахъ великихъ князей смоленскихъ указано время ихъ великокняженія, и, наконецъ, при бо́льшей части именъ пришлось ограничиться лишь обозначеніемъ, съ какого и по какой годъ они упоминаются въ источникахъ. Лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ оказалось возможнымъ соединить вмѣстѣ всѣ эти три данныя. Что касается опредѣленія родственныхъ отношеній между князьями, то мы въ нѣкоторыхъ случаяхъ расходимся съ своими предшественниками и положительно противорѣчимъ родословнымъ книгамъ. Основанія для нашихъ собственныхъ соображеній будутъ сейчасъ указаны. Подлѣ имени каждаго князя стоитъ номеръ, по которому его легко найти въ текстѣ; кромѣ того имена расположены въ алфавитномъ порядкѣ.

1. *Александръ Васильевичъ.* Въ Архангелогородскомъ лѣтописцѣ читаемъ, что въ 1375 году Дмитрій Донской ходилъ на Тверь, и въ этомъ походѣ участвовали между прочимъ: *„князь Иванъ Васильевичъ Смоленскій, братъ его, князь Александръ“* [1]) Дѣйствительно, около этого времени мы находимъ въ Смоленскѣ князя Ивана Васильевича, сына Василія Ивановича. О немъ см. № 21.

2) *Александръ Глѣбовичъ.* „Того-же лѣта (6805—1297) князь *Александръ Глѣбовичь* взя лестью княженіе Смоленьское подъ отцемъ своимъ“ [2]) Попытка Θеодора Ростиславича, его дяди, возвратить себѣ великокняжескій смоленскій столъ въ 1298 г. окончилась неудачей, и Александръ остался великимъ княземъ [3]). Какъ видно Дорогобужъ не хотѣлъ признавать его власти, и потому въ 1300 г. Александру пришлось осаждать этотъ городъ [4]). Этимъ-то Александромъ было написано письмо въ Ригу и подтверждена старая Смоленская торговая Правда [5]). Онъ умеръ въ 1313 году [6]).

3) *Александръ Михайловичъ.* Подъ 1403 г. въ Новгородской лѣтописи читаемъ: „взя князь Семеонъ Ольгердовичъ Смоленскъ и Вязму, и князи изима Ивана Святъславича и князя Александра Михайловича“ [7]). Время княженія Святослава Ивановича, какъ мы увидимъ, точно опредѣляется 1358—1386 годами. Слѣдовательно, упоминаемый здѣсь Иванъ Святославичъ 1403 г. долженъ быть его сыномъ, а Александръ Михайловичъ—племянникомъ, сыномъ брата его Михаила. Объ Иванѣ Святославичѣ см. № 23, а о Михаилѣ—26.

4) *Андрей Михайловичъ* Вяземскій. Упоминается въ 1284 г. въ качествѣ намѣстника въ Смоленскѣ князя Θеодора Ростиславича въ присяжной грамотѣ послѣдняго о возобновленіи Смоленской торговой Правды: „...а тоу былъ въ Смолѣньске, на мѣсте на княжи на Фе-

---

[1]) Стр. 77.

[2]) Лавр. Лѣт. по Академ. списку стр. 500.

[3]) Ibid. стр. 500 и 461; Никон. Лѣт. ч. III, стр. 95; Воскр. Лѣт. стр. 182 (П. С. Р. Л. т. VII).

[4]) Лавр. Лѣт. стр 461.

[5]) См. главу II.

[6]) „...преставись князь Александръ Глѣбовичъ Смоленскии, внукъ Ростиславль, правнукъ Мстиславль, праправнукъ Давидовъ...“ (Никон. Лѣт. ч. III, стр. 108).

[7]) Новгор. I Лѣт. 393. Архангг. стр. 103—извѣстіе не кончено. Смоленскъ не былъ взятъ, а только Вязьма (См. Никон. Лѣт. ч. IV, стр. 306).

дорове, *Андрѣй Михаиловичъ* князь...[1]". Въ 1300 г. онъ былъ княземъ въ Вязьмѣ, откуда явился на помощь Дорогобужу противъ Александра Глѣбовича (см. № 2). Ѳеодоръ могъ сдѣлать намѣстникомъ своимъ лишь своего племянника, сына брата Михаила Ростиславича, бывшаго предъ этимъ великимъ княземъ смоленскимъ. Другаго Андрея Михайловича въ это время не было ни одного. О Михаилѣ Ростиславичѣ см. 27.

5) *Андрей Св.* Въ 1540 г. были открыты въ Переяславлѣ Суздальскомъ мощи этого князя. Послѣ смерти этого князя нашли записку: „азъ есмь Андрей, единъ Смоленскихъ князей". По преданію, онъ ушелъ изъ Смоленской земли вслѣдствіе неурядицъ. Въ рукописныхъ святцахъ сказано: „преставился въ лѣто 6800, т. е., 6898 (1390)". Если вычесть отсюда 30 лѣтъ его пребыванія въ Переяславлѣ въ качествѣ пономаря при церкви Св. Николая, то получимъ 1860 г., когда прибылъ онъ въ Переяславль. Это время княженія Святослава Ивановича, и дѣйствительно уже въ это время мы увидимъ въ Смоленской землѣ начало неурядицъ. Архіепископъ Филаретъ считаетъ его сыномъ Ѳеодора, князя Ѳоминскаго[2]), о которомъ см. подъ № 48. Интересно описаніе наружности Андрея Св. въ Иконописномъ Подлинникѣ: „подобіемъ русъ, главою плѣшастъ, брада аки Никиты мученика, ризы княжескія, въ рукѣ крестъ, въ другой мечь[3])".

6) *Василій Александровичъ* Брянскій. Въ 1309 князь Святославъ Глѣбовичъ выгна братанича своего князя Василія изъ Брянска и самъ сяде на княженіи во Брянске"[4]). Святославъ былъ сынъ Глѣба Ростиславича и имѣлъ брата Александра Глѣбовича (№ 2). Если Василій— племянникъ Святослава, то стало быть, сынъ Александра. Дѣйствительно, въ Никоновской лѣтописи мы находимъ, что у Александра Глѣбовича были сыновья *Василій* и Иванъ[5]). Умеръ Василій Александровичъ въ 1314 г. княземъ брянскимъ[6]).

---

[1]) Собранія Госуд. Гр. и Догов. т. II, № 3, стр. 6.

[2]) Архіеп. Филаретъ: „Русскіе Святые". Октябрь. Стр. 88, 90, 91; Архиман. Леонидъ: „Святая Русь". 1891 г. стр. 180.

[3]) Барсукова: „Источники русской Агіографіи". Спб. 1882 г. стр. 282.

[4]) Никонов. Лѣт. стр. 106.

[5]) Ibid. стр. 108.

[6]) 106 и 108: „Преставися князь Василей Александровичъ Брянскии, внукъ Глѣбовъ, правнукъ Ростиславль, препраправнукъ Давидовъ".

Луцкомъ[1]. Въ 1213 году онъ былъ княземъ Торопецкимъ, а въ 1214 году княжилъ во Псковѣ[2]. Но еще ранѣе 1213 года Владиміръ былъ во Псковѣ и былъ изгнанъ Псковитянами за приязненныя отношенія къ Нѣмцамъ. Съ 1213 года до 1216 года мы застаемъ его опять изгнанникомъ у Нѣмцевъ, причемъ онъ даже является правителемъ области Идумеи[3].

12) *Владиміръ—Димитрій Рюриковичъ.* „Того же лѣта (1197 г.) родися у *Рюрика* сынъ и нарекоша имя ему во святѣмъ крещеніи *Дмитрій*, а мирьскаі *Володимеръ*"[4]. Послѣ того какъ Мстиславъ Романовичъ сдѣлался великимъ княземъ Кіевскимъ въ 1214 г., Владиміръ Рюриковичъ является въ Смоленскѣ, откуда удаляется на югъ въ 1219 году и болѣе уже не княжитъ въ Смоленскѣ. Въ 1235 г. онъ былъ схваченъ Михаиломъ черниговскимъ и уведенъ Половцами въ степи. Когда онъ вернулся и умеръ, неизвѣстно. Скончался, кажется, въ Смоленскѣ[5]. О Мстиславѣ Романовичѣ см. № 32.

13) *Владиміра Святославича.* Его родственныя отношенія опредѣляются точнымъ извѣстіемъ Никоновской лѣтописи подъ 1404 годомъ: „...и то слышавъ (о сдачѣ Смоленска Витовту) князь Юрьй *Святославичъ Смоленскiи*... поиде с Москвы в великiи Новградъ с *сыномъ своимъ Феодоромъ*, i со княземъ Семеномъ Мстиславичемъ *Вяземскимъ* i *братомъ своимъ* со княземъ *Володимеромъ Святославичемъ*"[6]. Такимъ образомъ, Владиміръ есть сынъ Святослава Ивановича, о которомъ см. подъ № 42.

14) *Глѣбъ Ростиславичъ.* Первое упоминаніе о немъ мы находимъ подъ 1270 г., когда онъ съ Смольнянами помогалъ князю Ярославу Ярославичу противъ Новгорода[7]). Вполнѣ отчетливо его родственныя связи обнаруживаются въ разсказѣ лѣтописи о братѣ его,

[1]) Новгор. I Лѣт. стр. 193.

[2]) Лавр. Лѣт. стр. 467; Татищевъ: „Исторія Россійская", т. III, стр. 375 и 376.

[3]) Псков. I Лѣт. стр. 177 (П. С. Р. Л. т. 4): Новг. I Лѣт. стр. 195; Heinrici: Chronicon Livoniae. Hannoverae. 1874. pp. 92, 93, 94, 96, 107, 108, 109, 130. 133, 136.

[4]) Ип. Лѣт. стр. 442—443.

[5]) Воскр. Лѣт. стр. 138 (П. С. Р. Л. т. 7). См. также синодальную родословную книгу, стр. 13 (Временникъ Москов. Общ. Ист. и Др. Росс. кн. X): „и преставися въ Смоленску".

[6]) Никон. Лѣт. ч. IV, стр. 310.

[7]) Новгор. I Лѣт. стр. 293.

Ѳеодорѣ. У Ростислава Мстиславича Смоленскаго былъ сынъ Давидъ, у Давида—Мстиславъ, у Мстислава—Ростиславъ: „Ростиславли сынове, Ѳеодоръ... *да братъ его Глѣбъ*, да Михайло, сии изобидиша его, и даша ему градъ Можаескъ единъ, а братъ его *Глѣбъ* на великомъ княженіи седяше в Смоленце" [1]). Слѣдовательно, Глѣбъ былъ сынъ Ростислава Мстиславича, внукъ Давида Ростиславича. Когда онъ сдѣлался великимъ княземъ смоленскимъ и когда умеръ его отецъ Ростиславъ Мстиславичъ, мы не знаемъ. Умеръ Глѣбъ Ростиславичъ въ 1277 году [2]).

15) *Глѣбъ Святославичъ*. Первый разъ онъ появляется на исторической аренѣ въ роковой для Смоленска 1386 годъ [3]). Въ этомъ году смоленскій князь *Святославъ* Ивановичъ (№ 42) „с братаничемъ своимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ (№ 21) и з дѣтми своими Святославичи *с Глѣбомъ* и с Юрьемъ (№ 46) [4])... ходилъ на Литву. Онъ былъ взятъ въ плѣнъ и уведенъ въ Литву [5]). Въ слѣдъ за тѣмъ Глѣбъ вмѣстѣ съ Витовтомъ оказывается въ 1390 г. въ Пруссіи [6]), гдѣ и остается до 1392 года, когда вмѣстѣ съ Витовтомъ является въ Литву и получаетъ Смоленское княжество [7]). Но великимъ княземъ смоленскимъ онъ остается только до 1395 года: Витовтъ вывелъ его изъ Смоленска и далъ ему на югѣ городъ Полонный. Глѣбъ Святославичъ погибъ въ битвѣ на р. Ворсклѣ въ 1399 году [8]). Въ одномъ изъ древнихъ синодиковъ читаемъ: „Великому князю Святославу Ивановичу Смоленскому, умершему нужною смертью, и сыну его князю Александру, вѣчная память [9]). Такъ какъ въ этомъ синодикѣ поминаются,

---

[1]) Никон. Лѣт. ч. III, стр. 62.

[2]) Лѣтопись Попова стр: 35—36.

[3]) Никон. Лѣт. ч. IV, стр. 152.

[4]) Супрасльс. Лѣт. стр. 135.

[5]) Johann von Posilge въ Scriptores rerum prussicarum v. III, p. 162; Вигандъ изъ Марбурга, разсказывающій также объ этихъ событіяхъ, говоритъ, что съ Витовтомъ были только князья Иванъ и Андрей (Chronicon seu Annales Vigandi Marburgensis, ed. Voigt et Raczynski, Posnaniae, 1842, p. 326). Но изъ письма рижскаго бургумистра къ ревельскимъ ратманамъ 1390 г. оказывается, что послы московскіе, пріѣхавшіе въ Пруссію за дочкой Витовта, имѣли полномочіе выкупить изъ плѣна и смоленскаго князя (Codex Witoldi, Crakowiae, 1882 г., № LXXI).

[6]) Лѣтопись Попова, стр. 40.

[7]) Ibid. p. 42.

[8]) Др. Росс. Вивліоѳика. Спб. 1775 г. ч. VIII, стр. 40.

7) *Василій Ивановичъ* Брянскій. Въ Никоновской лѣтописи подъ 1355 г. есть извѣстіе, что Ольгердъ воевалъ Смоленскъ и Брянскъ и у князя Василія смоленскаго полонилъ сына; затѣмъ князь Василій ѣздилъ въ орду и добылъ себѣ ярлыкъ на Брянскъ, гдѣ и умеръ въ скоромъ времени [1]). Какой это можетъ быть Василій? Въ 1355 году великимъ княземъ смоленскимъ былъ уже Иванъ Александровичъ. Далѣе мы увидимъ, что Иванъ находился подъ значительнымъ вліяніемъ Ольгерда, который и могъ заставить его выгнать сына, какъ противника этого вліянія, и подавить неурядицу. Изгнанный Василій жаловался въ Ордѣ, но получилъ тамъ только право на Брянскъ. Такимъ образомъ, въ этомъ Василіи приходится признать сына Ивана Александровича. О послѣднемъ см. № 20.

8) *Василій Ивановичъ*. Родословныя книги спутали всѣхъ Ивановъ и Василіевъ, и между прочимъ отождествляютъ Василія Ивановича Брянскаго (7) съ этимъ Василіемъ или еще лучше съ Василіемъ Александровичемъ (6). Но, какъ мы видѣли, Василій Александровичъ Брянскій, умеръ въ 1314 г., а Василій Ивановичъ, тоже Брянскій, въ 1355 или 1356 г. Между тѣмъ въ Новгородской I лѣтописи есть извѣстіе: „прииха князь Василій Ивановичь Смоленьскый в Новъгородъ, и прияша его [2]). Такимъ образомъ въ концѣ XIV ст. Василій Ивановичъ оказывается живымъ, спустя 81 годъ послѣ смерти Василія Александровича и 49 лѣтъ послѣ смерти Василія Ивановича Брянскаго. Оказывается, что нашъ Василій Ивановичъ дожилъ до паденія самостоятельности Смоленска. У Длугоша подъ 1403 г. (неправильно, вмѣсто 1405 г.) точно опредѣляется судьба этого князя. Мы видѣли, что съ 1395 г. Василій Ивановичъ былъ уже въ Новгородѣ; тамъ онъ оставался и до 1405 г.: у Длугоша разсказывается, что князь смоленскій Василій, узнавъ о взятіи Витовтомъ Смоленска, бѣжалъ въ Венгрію, гдѣ много лѣтъ состоялъ при королѣ Сигизмундѣ, и былъ убитъ при взятіи какого-то укрѣпленія [3]). Отсюда вы-

---

[1]) Ibid. стр. 207.

[2]) Новгор. I Лѣт. стр. 382.

[3]) Joannis Dlugossi Historia Polonica. Lipsiae. Anno MDCCXI. Lib. IX, p. 174—175. Это-же извѣстіе о бѣгствѣ смоленскаго князя Василія въ Венгрію повторяетъ и Ваповскій въ „Dzieje korony polskiej“, Wilno 1847 г., v. I, p. 155—156. Бѣльскій говоритъ то-же самое, но уже не называетъ князя (Kronika Polska, Zbiór pisarzow polskich, w

текаетъ, что отцомъ нашего Василія былъ какой-то Иванъ, жившій не за долго до паденія Смоленска, какимъ и долженъ быть признанъ Иванъ Васильевичъ, внукъ Ивана Александровича. Объ Иванѣ Васильевичѣ см. № 21. Страхъ нашего Василія Ивановича въ виду взятія Витовтомъ Смоленска является вполнѣ понятнымъ: его отецъ, Иванъ, былъ убитъ подъ Мстиславлемъ, сражаясь противъ Литвы; при томъ Витовтъ, какъ увидимъ ниже, не церемонился съ князьями.

9) *Василій Мстиславичъ*. „Князь Мьстиславъ поиде к Кіеву, а княгиню оставя в Новѣгородѣ и сына своего князя Василія“ [1]). Въ этомъ, 1215 году, княземъ въ Новгородѣ былъ Мстиславъ Мстиславичъ [2]), который и есть отецъ Василія. Умеръ Василій Мстиславичъ въ 1218 году въ Торжкѣ [3]).

10) *Всеволодъ Мстиславичъ*. Подъ 1216 годомъ въ Воскресенской лѣтописи разсказывается о походѣ Мстислава Мстиславича на Ярослава Всеволодовича, причемъ „изъ Кіева Мстиславъ Романовичъ посла сына своего Всеволода [4])“. Въ 1214 году онъ былъ княземъ псковскимъ, при чемъ именуется Борисовичемъ такъ какъ отецъ его, Мстиславъ Романовичъ, носилъ христіанское имя *Борисъ*, о чемъ см. ниже подъ № 32. Въ 1239 году онъ, съ помощью Ярослава Всеволодовича, занялъ великокняжескій столъ въ Смоленскѣ [5]). Какъ долго онъ былъ великимъ княземъ, мы сказать не можемъ.

11) *Владиміръ Мстиславичъ*. „Прислаша Новгородци мужѣ свои *Мьстиславу к Ростиславичу*, зовуче и Новугороду Великому... И уя и болѣзнь крѣпка... и поча имъ молвити: „се приказываю дѣтя свое *Володимтьра* Борисови Захарьичю, и со симъ даю брату Рюрикови и Давидови с волостью на руцѣ“ [6]). Такимъ образомъ, ясно опредѣляется, что Владиміръ былъ сыномъ Мстислава Ростиславича. Въ 1211 году онъ былъ посаженъ Мстиславомъ Мстиславичемъ въ

Warszawie, 1830 г. V, 13, р. 215—216). Длугошъ и за нимъ Ваповскій ошиблись только въ томъ, что назвали Василія великимъ княземъ смоленскимъ.

[1]) Лавр. Лѣт. по Академ. списку, стр. 467.

[2]) Лавр. Лѣт. стр. 417.

[3]) Новг. I Лѣт. стр. 206.

[4]) П. С. Р. Л, т. 7, стр. 119.

[5]) Лавр. Лѣт. стр. 446; Воскр Лѣт. т. 7, стр. 119.

[6]) Ип. Лѣт. стр. 412, подъ 1178 годомъ.

Лукахъ [1]). Въ 1213 году онъ былъ княземъ торопецкимъ, а въ 1216 году княжилъ во Псковѣ [2]). Но еще ранѣе 1213 года Владиміръ былъ во Псковѣ и былъ изгнанъ Псковичами за дружественныя отношенія къ Нѣмцамъ. Съ 1213 года по 1216 годъ мы видимъ его почти постоянно у Нѣмцевъ, причемъ онъ даже дѣлается правителемъ области Идумеи [3]).

12) *Владиміръ—Дмитрій Рюриковичъ.* „Тоеже осени (1187 г.) родися *у Рюрикови* сынъ и нарѣкоша имя ему во святѣмъ крещеніи *Дмитрьй*, а мирьский *Володимеръ*" [4]). Послѣ того какъ Мстиславъ Романовичъ сдѣлался великимъ княземъ Кіевскимъ въ 1214 г., Владиміръ Рюриковичъ является въ Смоленскѣ, откуда удаляется на югъ въ 1219 году и болѣе уже не княжитъ въ Смоленскѣ. Въ 1235 г. онъ былъ схваченъ Михаиломъ черниговскимъ и уведенъ Половцами въ степи. Когда онъ вернулся и умеръ, неизвѣстно. Скончался, кажется, въ Смоленскѣ [5]). О Мстиславѣ Романовичѣ см. № 32.

13) *Владиміръ Святославичъ.* Его родственныя отношенія опредѣляются яснымъ извѣстіемъ Никоновской лѣтописи подъ 1404 годомъ: „...и то слышавъ (о сдачѣ Смоленска Витовту) князь Юрьѣ Святославичъ Смоленскии... поиде с Москвы в великиі Новъградъ с сыномъ своимъ Ѳеодоромъ, і со княземъ Семеномъ Мстиславичемъ Вяземскимъ *і збратомъ своимъ* со княземъ *Володимеромъ Святославичемъ*" [6]). Такимъ образомъ, Владиміръ есть сынъ Святослава Ивановича, о которомъ см. подъ № 42.

14) *Глѣбъ Ростиславичъ.* Первое упоминаніе о немъ мы находимъ подъ 1270 г., когда онъ съ Смольнянами помогалъ князю Ярославу Ярославичу противъ Новгорода [7]). Вполнѣ отчетливо его родственныя связи обнаруживаются въ разсказѣ лѣтописи о братѣ его,

---

[1]) Новгор. I Лѣт. стр. 193.

[2]) Лавр. Лѣт. стр. 467; Татищевъ: „Исторія Россійская", т. III, стр. 375 и 376.

[3]) Псков. I Лѣт. стр. 177 (П. С. Р. Л. т. 4): Новг. I Лѣт. стр. 195; Heinrici: Chronicon Livoniae. Hannoverae. 1874. pp. 92, 93, 94, 96, 107, 108, 109, 130, 133, 136.

[4]) Ип. Лѣт. стр. 442—443.

[5]) Воскр. Лѣт. стр. 138 (П. С. Р. Л. т. 7). См. также синодальную родословную книгу, стр. 13 (Временникъ Москов. Общ. Ист. и Др. Росс. кн. X): „и преставися въ Смоленску".

[6]) Никон. Лѣт. ч. IV, стр. 310.

[7]) Новгор. I Лѣт. стр. 293.

Өеодорѣ. У Ростислава Мстиславича Смоленскаго былъ сынъ Давидъ, у Давида—Мстиславъ, у Мстислава—Ростиславъ: „Ростиславли сынове, Өеодоръ... *да братъ его Глѣбъ*, да Михайло, сии изобидиша его, и даша ему градъ Можаескъ единъ, а братъ его *Глѣбъ* на великомъ княженіи седяше в Смоленце“ [1]). Слѣдовательно, Глѣбъ былъ сынъ Ростислава Мстиславича, внукъ Давида Ростиславича. Когда онъ сдѣлался великимъ княземъ смоленскимъ и когда умеръ его отецъ Ростиславъ Мстиславичъ, мы не знаемъ. Умеръ Глѣбъ Ростиславичъ въ 1277 году [2]).

15) *Глѣбъ Святославичъ.* Первый разъ онъ появляется на исторической аренѣ въ роковой для Смоленска 1386 годъ [3]). Въ этомъ году смоленскій князь *Святославъ* Ивановичъ (№ 42) „с братаничемъ своимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ (№ 21) и з дѣтми своими Святославичи *с Глѣбомъ* и с Юрьемъ (№ 46) [4])... ходилъ на Литву. Онъ былъ взятъ въ плѣнъ и уведенъ въ Литву [5]). Въ слѣдъ за тѣмъ Глѣбъ вмѣстѣ съ Витовтомъ оказывается въ 1390 г. въ Пруссіи [6]), гдѣ и остается до 1392 года, когда вмѣстѣ съ Витовтомъ является въ Литву и получаетъ Смоленское княжество [7]). Но великимъ княземъ смоленскимъ онъ остается только до 1395 года: Витовтъ вывелъ его изъ Смоленска и далъ ему на югѣ городъ Полонный. Глѣбъ Святославичъ погибъ въ битвѣ на р. Ворсклѣ въ 1399 году [8]). Въ одномъ изъ древнихъ синодиковъ читаемъ: „Великому князю Святославу Ивановичу Смоленскому, умершему нужною смертью, и сыну его князю Александру, вѣчная память [9]). Такъ какъ въ этомъ синодикѣ поминаются,

---

[1]) Никон. Лѣт. ч. III, стр. 62.

[2]) Лѣтопись Попова стр: 35—36.

[3]) Никон. Лѣт. ч. IV, стр. 152.

[4]) Супрасльс. Лѣт. стр. 135.

[5]) Johann von Posilge въ Scriptores rerum prussicarum v. III, p. 162; Вигандъ изъ Марбурга, разсказывающій также объ этихъ событіяхъ, говоритъ, что съ Витовтомъ были только князья Иванъ и Андрей (Chronicon seu Annales Vigandi Marburgensis, ed. Voigt et Raczynski, Posnaniae, 1842, p. 826). Но изъ письма рижскаго бургумистра къ ревельскимъ ратманамъ 1390 г. оказывается, что послы московскіе, пріѣхавшіе въ Пруссію за дочкой Витовта, имѣли полномочіе выкупить изъ плѣна и смоленскаго князя (Codex Witoldi, Crakowiae, 1882 г., № LXXI).

[6]) Лѣтопись Попова, стр. 40.

[7]) Ibid. p. 42.

[8]) Др. Росс. Вивліоѳика. Спб. 1775 г. ч. VIII, стр. 40.

главнымъ образомъ, погибшіе въ битвахъ, а изъ сыновей Святослава только одинъ Глѣбъ окончилъ жизнь въ битвѣ, то мы предполагаемъ, что *Александръ*—было его христіанское имя.

16) *Глѣбъ Святославичъ* Брянскій. Подъ 1339 г. въ Никоновской лѣтописи мы находимъ извѣстіе: „того-же лѣта злыя крамольники, сошедшеся вечемъ, *Брянцы* убиша своего князя *Глѣба Святославича* [1])". Припомнимъ, что въ 1310 г., благодаря измѣнѣ этихъ горожанъ, погибъ въ битвѣ съ племянникомъ своимъ Василіемъ Александровичемъ, Святославъ Глѣбовичъ (№ 42). Въ Брянскѣ тогда сѣлъ Василій Александровичъ (№ 6). Вѣроятно, послѣ его смерти въ 1314 году, Брянцы посадили у себя сына убитаго Святослава Глѣбовича, котораго раньше сами призвали, но новое какое-нибудь острое столкновеніе съ вѣчемъ погубило князя. На основаніи этихъ соображеній мы считаемъ этого Глѣба Святославича сыномъ Святослава Глѣбовича, внукомъ Глѣба Ростиславича.

17) *Давидъ Мстиславичъ* Торопецкій. Это сынъ Мстислава Ростиславича, братъ Владиміра Мстиславича (№ 11), какъ видно изъ слѣдующаго извѣстія Новгородской лѣтописи подъ 1214 (1213 г.) о походѣ Мстислава Мстиславича на Чудь-Ерву: „бяше же ту и Пльсковьскый князь Всѣволодъ Борисовиць съ Пльсковици, и *Торопьцьскый князь Давидъ, Володимиръ братъ* [2])". Лѣтописецъ не безъ умысла отмѣтилъ послѣднее обстоятельство: Всеволодъ Борисовичъ тоже Мстиславичъ, но сынъ Мстислава Романовича (№ 10), а Владиміръ—сынъ Мстислава Ростиславича. Обозначая, что Давидъ—братъ Владиміра, лѣтописецъ предохраняетъ своего читателя, чтобы онъ не смѣшалъ отцовъ этихъ князей и не подумалъ, что Давидъ тоже сынъ Мстислава Романовича. Погибъ Давидъ Мстиславичъ въ 1225 г. въ битвѣ съ Литвой [3]).

18) *Давидъ Ростиславичъ.* Годъ рожденія этого князя опредѣляется простымъ вычисленіемъ. Въ извѣстіи о его смерти есть слѣдующее заключеніе: „И бысть княженіе его во Смоленьску 18 лѣтъ, а всихъ лѣтъ отъ рожества 60 безъ трехъ [4])". Слѣд. онъ родился въ

---

[1]) Никон. Лѣт. ч. III, стр. 172.

[2]) Новг. I Лѣт. стр. 195.

[3]) Лавр. Лѣт. по Академ. списку, стр. 483.

[4]) Ип. Лѣт. стр. 473.

1140 г., а великимъ княземъ смоленскимъ сдѣлался въ 1179 или 1180 г. Дѣйствительно, подъ 1180 годомъ лѣтопись и разсказываетъ о прибытіи его въ Смоленскъ, о неожиданномъ извѣстіи о смерти брата Романа Ростиславича и посаженіи на столъ въ церкви святой Богородицы[1]). Интересно, что въ 1165—1167 годахъ Давидъ Ростиславичъ былъ княземъ витебскимъ[2]). Великимъ княземъ смоленскимъ онъ оставался до самой своей смерти.

19) *Дмитрій Романовичъ* Брянскій. Первое упоминаніе объ этомъ князѣ мы находимъ въ Никоновской лѣтописи подъ 1333 годомъ: „того-же лѣта пріиде ратью с Татары князь *Дмитрій* Брянскии к Смоленску на князя Ивана Александровича и бишась много и взяша миръ[3])". Иванъ Александровичъ (№ 20), великій князь смоленскій, былъ сынъ Александра Глѣбовича. Но у Глѣба Ростиславича былъ еще другой сынъ, Романъ (№ 33), который приходилъ въ 1286 г. на Смоленскъ противъ Ѳеодора Ростиславича (№ 49) и вслѣдъ затѣмъ является намѣстникомъ послѣдняго въ Смоленскѣ. Такимъ образомъ, Романъ Глѣбовичъ добился у своего дяди права на участіе въ правленіи. Пока великимъ княземъ смоленскимъ былъ Александръ Глѣбовичъ, то Романъ, братъ его, жилъ съ нимъ мирно. Но когда на смоленскій столъ вступилъ Иванъ Александровичъ, то между нимъ и его двоюродными братьями отношенія могли измѣниться. Возникшими недоразумѣніями и объясняется походъ на Смоленскъ Дмитрія брянскаго, котораго поэтому приходится считать сыномъ Романа Глѣбовича, двоюроднымъ братомъ Ивана Александровича, съ чѣмъ вполнѣ согласны и родословныя книги[4]). Дмитрій Романовичъ въ 1341 году выдалъ дочь свою за князя московскаго Ивана Ивановича[5]).

20) *Иванъ Александровичъ*. Относительно этого князя мы знаемъ весьма мало. Мы видѣли, что въ 1333 г. на него приходилъ ратью Дмитрій Романовичъ (№ 19), а затѣмъ онъ княжилъ въ Смоленскѣ до 1258 г. Въ этомъ году „преставися *князь Иванъ Александровичъ*

---

[1]) Ibid. стр. 416.

[2]) Ibid. стр. 359—360.

[3]) Никон. Лѣт. ч. III, стр. 161.

[4]) Россійская родословная книга, изд. кн. Долгоруковымъ. Спб. 1854 г. ч. I, стр. 142, № 37 и 49.

[5]) Татищевъ: „Исторія Россійская", ч. 4, стр. 149.

Смоленскии, *внукъ Глѣбовъ*, правнукъ Ростиславль..." [1]). Это сынъ Александра Глѣбовича (№ 2). Ему принадлежитъ присяжная грамота о продолженіи дѣйствія Смоленской торговой Правды. Онъ несомнѣнно находился подъ сильнымъ вліяніемп литовскаго князя Гедымина, какъ видно изъ той-же присяжной грамоты, въ которой онъ называетъ Гедымина своимъ старѣйшимъ братомъ [2]).

21) *Иванъ Васильевичъ*. Относительно этого князя стоятъ въ полномъ согласіи Синодальная родословная и лѣтописи. Въ первой читаемъ: „а у другого брата Святославова *у князя Василья* Ивановича сынъ князь великій *Иванъ* Смоленскій, а согналъ его съ Смоленска князь великій Витовтъ Кестутьевичъ литовскій, и онъ пріѣхалъ изъ Смоленска къ Москвѣ къ великому князю Дмитрею Ивановичу [3]). Дѣйствительно, въ 1375 году Иванъ Васильевичъ участвовалъ въ походѣ Дмитрія Донскаго противъ Твери [4]). Но въ 1386 году мы снова видимъ его въ Смоленскѣ: онъ участвуетъ въ войнѣ Святослава Ивановича противъ Литвы и погибаетъ въ битвѣ подъ Мстиславлемъ [5]). Былъ-ли онъ великимъ княземъ смоленскимъ, какъ показываетъ Синодальная родословная? Намъ кажется, что нѣтъ, хотя изъ Смоленска ему дѣйствительно пришлось бѣжать. Послѣ смерти Ивана Александровича (№ 20) немедленно занимаетъ смоленскій столъ Святославъ Ивановичъ (№ 42), такъ что въ великокняженіи нѣтъ перерыва. Позволяемъ себѣ поэтому сдѣлать такую поправку. Иванъ Васильевичъ дѣйствительно бѣжалъ въ Москву, но не при Витовтѣ, а при Ольгердѣ, и не прямо изъ Смоленска, а отъ Ольгерда изъ плѣна. Припомнимъ, что отецъ его, Василій Ивановичъ (№ 7), былъ принужденъ удалиться изъ Смоленска въ Брянскъ въ 1356 году, а сынъ его былъ схваченъ Ольгердомъ. Такъ точно и стоитъ въ родословной книгѣ Невской библіотеки: „а у князя Василья Ивановича Смоленскаго сынъ князь великій *Иванъ Смоленскій. А согналъ его Ольгердъ*. А онъ пріѣ-

---

[1]) Никонов. Лѣт. ч. III, стр. 161.

[2]) См. главу II. „Докончалъ есмь по тому докончанью, како то братъ мой старѣйшии Кедименъ докончалъ и его дѣти Глѣбъ и Алкердъ" Собр. Госуд. Гр. и Дог. II, № 8.

[3]) Временникъ Москов. Общ. Ист. и Др. Росс., кн. 10. Синодальная книга стр. 54.

[4]) Супр. Лѣт. стр. 90.

[5]) Никон. Лѣт. ч. 4, стр. 152.

халъ служить къ В. кн. Дмитрію Ивановичу Донскому [1]). Въ Разсказѣ лѣтописи о смерти Ивана Васильевича онъ называется братаничемъ (племянникомъ) Святослава Ивановича, внукомъ Ивана и правнукомъ Александра.

22) *Иванъ Михайловичъ*. Въ 1396 г. князь великій Витовтъ казнилъ смертною казнью князя *Ивана Михайловича* Смоленскаго, и жену, и дѣтей его развелъ, и домъ его разграбилъ [2]). Подъ договоромъ, заключеннымъ Юріемъ Святославичемъ (№ 45) съ королемъ Ягелломъ въ 1386 г. мы находимъ подпись Михаила Ивановича, князя вяземскаго (№ 26). Сыномъ этого-то Михаила Ивановича и долженъ быть нашъ Иванъ Михайловичъ. Его казнь вполнѣ объясняется событіями, происходившими въ это время въ Смоленскѣ. Въ 1395 г. Витовту удалось захватить смоленскихъ князей и разослать ихъ въ разныя стороны, а въ Смоленскѣ посадить своихъ намѣстниковъ [3]). Въ 1401 году Смольнянамъ удалось воротить къ себѣ Юрія Святославича [4]). Но, какъ мы увидимъ въ V главѣ, это призваніе Юрія было результатомъ постепенно возраставшаго броженія. И вотъ весьма возможно, что партія независимости или группировалась около князя Ивана Михайловича, или начала съ нимъ тайныя сношенія. Это могло какъ-нибудь обнаружиться и повлечь за собою казнь князя.

23) *Иванъ Святославичъ* Вяземскій. Родственныя связи этого князя выяснены нами уже раньше, когда мы говорили о князѣ Александрѣ Михайловичѣ (№ 3). Иванъ Святославичъ вмѣстѣ съ Александромъ были схвачены въ 1404 году Семеномъ Ольгердовичемъ при взятіи имъ Вязьмы. Иванъ Святославичъ есть сынъ Святослава Ивановича, великаго князя смоленскаго, убитаго подъ Мстиславлемъ въ 1386 году.

24) *Изяславъ Давидовичъ*. Этотъ князь встрѣтился намъ всего лишь одинъ разъ подъ 1183 годомъ. Въ этомъ году Святославъ Все-

---

[1]) Калайдовичъ: „Описаніе рукописей Румянцевскаго Музея", стр. 495. Родословная книга, изд. кн. Долгоруковымъ, какъ здѣсь, такъ и во многихъ другихъ мѣстахъ страшно путаетъ, а то и просто дѣлаетъ пропуски.

[2]) Татищевъ: „Исторія Россійская", ч. 4, стр. 382; Никон. Лѣт. ч. 4, стр. 266.

[3]) Лѣтопись Попова, стр. 41—42 (Учен. Записки II отд. Имп. Ак. Н. 1854 г. кн. 1).

[4]) Лѣтопись Попова, стр. 42—43 (Уч. Зап. II отд. Имп. Ак. Н., 1854 г. кн. 1).

володовичъ кіевскій ходилъ на Половцевъ. Въ числѣ князей, принявшихъ участіе въ походѣ, упоминаются „Мстиславъ Романовичъ зъ Смоленска, *Изяславъ Давидовичь, внукъ Ростиславль*“ [1]). Слѣдовательно, онъ—сынъ Давида Ростиславича (№ 18), внукъ Ростислава Мстиславича.

25) *Константинъ Давидовичъ.* Подъ 1197 годомъ въ Ипатьевской лѣтописи находимъ извѣстіе, что Давидъ Ростиславичъ смоленскій, умирая, „*сына своего Константина* в Русь посла брату своему Рюрикови на руцѣ [2]). Умеръ Константинъ Давидовичъ въ 1218 г. [3]).

26) *Михаилъ Ивановичъ* Вяземскій. Въ присяжной грамотѣ Юрія Святославича къ польскому королю Владиславу—Ягеллѣ 1386 г. читаемъ: kniaz Feodor Romanowicz, kniaź *Michaylo Iwanowicz Wiazemsky*... chrest cielowali .. [4])“. Онъ не можетъ быть сыномъ, ни Ивана Святославича, сына Святослава Ивановича (№ 22), ни сыномъ Ивана Васильевича, сына Василія Ивановича (№ 7). Первый по времени младше Михаила Ивановича, а второй—князь брянскій, а не вяземскій. Остается признать его сыномъ Ивана Александровича (№ 20) и отцемъ Александра Михайловича (№ 3) и Ивана Михайловича (№ 22). Когда братъ его, Святославъ Ивановичъ, великій князь смоленскій, былъ убитъ въ 1386 г., и Витовтъ посадилъ въ Смоленскѣ Юрія Святославича, то весьма естественно было заставить подписаться на присяжной грамотѣ Михаила Ивановича, брата убитаго князя, такъ какъ въ качествѣ дяди Юрія онъ могъ самъ претендовать на великокняжескій столъ.

27) *Михаилъ Ростиславичъ.* Говоря о братѣ этого князя, Глѣбѣ Ростиславичѣ (№ 14), мы привели показаніе Никоновской лѣтописи, изъ котораго обнаруживается, что Глѣбъ и Михаилъ были сыновья Ростислава Мстиславича. Послѣ смерти брата Глѣба Михаилъ Рости-

---

[1]) Густынская Лѣтопись, стр. 319 (П. С. Р. Л. т. II).

[2]) Ип. Лѣт. стр. 471.

[3]) Воскр. Лѣт. стр. 125 (П. С. Л. т. 7).

[4]) Monumenta Medii Aevi historica res gestas Poloniae illustrantia, tomus II. Codex epistolaris saeculi decimi quinti. W Krakowie. 1876. № VII. Русская транскрипція этого документа помѣщена въ Archivum Сангушковъ въ I томѣ. Не имѣя подъ руками этого изданія, приводимъ цитату по Codex epistolaris, за присылку котораго намъ изъ Москвы приносимъ благодарность Ивану Андреевичу Линниченку.

славичъ занялъ великокняжескій столъ въ Смоленскѣ и умеръ въ 1279 году [1]).

28) *Мстиславъ Давидовичъ*. Впервые мы встрѣчаемъ его въ походѣ Всеволода Суздальскаго противъ Волжскихъ Болгаръ въ 1184 г. [2]). Но его происхожденіе ясно указывается лѣтописью Новгородской подъ 1184 г. „И сѣдумавъше Новгородьци, послашася Смольньску къ Давидови, просяще сына у него; и вда имъ Мьстислава, и приведоша и Новугороду, и посадиша и на столѣ, мѣсяця сентября“ [3]). Такимъ образомъ, предъ нами сынъ Давида Ростиславича, внукъ Ростислава Мстиславича. Умеръ онъ въ 1187 году на югѣ, въ Вышгородѣ, куда отправилъ его отецъ послѣ того, какъ Новгородцы изгнали его отъ себя [4]).

29) *Мстиславъ-Θеодоръ-Давидовичъ*. Нерѣдко смѣшиваютъ Мстислава Давидовича съ Мстиславомъ-Θедоромъ Давидовичемъ и перваго пропускаютъ даже въ родословныхъ таблицахъ смоленскихъ князей. Но Мстиславъ Давидовичъ умеръ, какъ мы только что видѣли (№ 28), въ 1187 г., а Мстиславъ—Θеодоръ родился въ 1193 г.: „тое-же зимы (1193 г.) родился *у Давыда* сынъ, нарекоша во крещеніи его *Θеодоръ*, а княже *Мьстиславъ* [5])“. Въ этомъ году въ Смоленскѣ великимъ княземъ былъ Давидъ Ростиславичъ (№ 18). По всей вѣроятности, съ уходомъ Владиміра Рюриковича на югъ въ 1219 г. (№ 12), Мстиславъ-Θеодоръ Давидовичъ занялъ великокняжескій смоленскій столъ. Ко времени его великокняженія въ Смоленскѣ относится дипломатическая дѣятельность Ральфа изъ Касселя и Тумаша Михайловича изъ Смоленска, выработавшихъ Смоленскую торговую Правду [6]). Умеръ Мстиславъ-Θеодоръ Давидовичъ въ 1230 году [7]).

---

[1]) Воскр. Лѣт. стр. 174 (П. С. Р. Л. т. 7).

[2]) Ibid. стр. 96.

[3]) Новгор. I Лѣт. стр. 159.

[4]) Ип. Лѣт. стр. 440—441. По новгородской лѣтописи Мстиславъ былъ изгнанъ въ 1187 г. (стр. 162). Татищевъ, соединяя отправленіе Мстислава въ Вышгородъ и изгнаніе изъ Новгорода подъ однимъ годомъ, относитъ все къ 1189 г., но, конечно, болѣе довѣрія заслуживаютъ Новгородская и Ипатьевская лѣтописи, чѣмъ Никоновская и другіе сборники, которые, очевидно, и ввели Татищева въ заблужденіе (Исторія Россійская, ч. III, стр. 289; Никон. Лѣт. ч. 2, стр. 255).

[5]) Ип. Лѣт. стр. 456.

[6]) См. главу II.

[7]) Лавр. Лѣт. по Акад. списку, стр. 485.

30) *Мстиславъ Мстиславичъ* Торопецкій. Онъ былъ сынъ Мстислава Ростиславича (№ 31), какъ видно напр. изъ слѣдующаго извѣстія лѣтописи подъ 1193 г.: „Ростиславъ Рюриковичъ... посла же въ Треполь *по Мьстислава по стрыичича своего по Мьстиславича*... [1])". Стрыйчичъ значитъ двоюродный братъ по отцу, т. е., сынъ дяди. Дядя Ростислава Рюриковича, Мстиславъ, былъ Мстиславъ Ростиславичъ. Мстиславъ Мстиславичъ велъ весьма подвижную жизнь рыцаря безъ страха и упрека, переносясь то въ Кіевъ, то въ Галичь, то въ Новгородъ, но гдѣ бы онъ ни былъ, онъ всегда оставался княземъ торопецкимъ, и Торопецъ считался его волостью. Такъ въ 1209 г., услышавъ въ Торжкѣ о движеніи противъ него Всеволода Суздальскаго, онъ „изиде ис Торжку Новугороду, а оттуда иде *в Торопецъ в свою волость*" [2]). Передвигаясь съ мѣста на мѣсто всю свою жизнь, Мстиславъ Мстиславичъ и окончилъ ее среди пути, во время поѣздки изъ Галича въ Кіевъ въ 1228 году [3]).

31) *Мстиславъ Ростиславичъ.* Лѣтопись подъ 1162 г. называетъ этого князя сыномъ Ростислава Мстиславича (№ 36) [4]). Въ 1175 году „Смольнянѣ выгнаша отъ себе Романовича Ярополка а *Ростиславича Мстислава* вьведоша Смоленьску княжить" [5]). Великимъ княземъ смоленскимъ онъ оставался до 1177 г., когда ушелъ въ Кіевъ помогать брату Раману противъ Святослава Всеволодовича [6]). Въ 1178 году онъ былъ прямо изъ Кіева вызванъ въ Новгородъ, гдѣ и оставался до самой своей смерти въ 1180 г. [7]). Такимъ образомъ, онъ послѣ 1177 года не былъ княземъ смоленскимъ.

---

[1]) Ип. Лѣт. стр. 455.

[2]) Лавр. Лѣт. стр. 413.

[3]) „Мстиславъ Мстиславичъ Галицкій пойде по своей потребѣ ку Кіеву, и на томъ пути разболися и постригся во схиму преставися". (Густ. Лѣт. стр. 336, П. С. Р. Л. т. II).

[4]) Ип. Лѣт. стр. 355; „Том же летѣ поѣха Изяславичъ Мьстиславъ ис Кыѣва, разъгнѣвався на стръя своего на Ростислава, ...*Ростиславъ* же посла *сына своего Мьстислава* у Бѣлъгородъ".

[5]) Ibid. стр. 406.

[6]) Ibid. стр. 409.

[7]) Ипатьевская и Новгородская I лѣтописи спутали тутъ немного хронологію событій. Такъ Ипатьев. Лѣт. подъ 1178 г. помѣщаетъ и призваніе Мстислава Ростиславича въ Новгородъ, и походъ его на Чудь, предпріятіе противъ Полоцка и, наконецъ, самую смерть. Новгородская — призваніе въ Новгородъ помѣстила подъ 1179 г., тутъ-же и походъ на Чудь. Походъ на Полоцкъ совершенно пропущенъ, а смерть Мстислава Ростиславича

32) *Мстиславъ-Борисъ Романовичъ.* Онъ былъ сыномъ Романа Ростиславича, какъ видно хотя-бы изъ показанія лѣтописи, что „Давидъ (Ростиславичъ) столъ свой далъ сыновцю своему Мьстиславу Романовичю...[1])“. Похоронивъ дядю своего, Давида Ростиславича, въ 1197 году, онъ сдѣлался великимъ княземъ смоленскимъ. Но въ 1214 году онъ съ своими князьями пошелъ на Кіевъ, выгналъ оттуда Всеволода Чермнаго и занялъ великокняжескій столъ въ Кіевѣ[2]). Болѣе онъ не возвращался въ Смоленскъ. Ему принадлежитъ заслуга первой попытки оформить взаимныя отношенія Смольнянъ и Нѣмцевъ[3]). Мстиславъ Романовичъ былъ убитъ въ битвѣ на Калкѣ въ 1223 году[4]). Въ родословныхъ книгахъ онъ называется также Борисомъ[5]). Этотъ фактъ находитъ себѣ подтвержденіе и въ лѣтописныхъ извѣстіяхъ. Такъ, въ перечнѣ князей въ Новгородской I лѣтописи мы находимъ:

отнесена къ 1180 году. Въ чемъ тутъ ошибка? Обѣ лѣтописи заслуживаютъ вполнѣ нашего довѣрія. Дѣло объясняется очень просто. Мстиславъ явился въ Новгородъ 1-го Ноября. День смерти Мстислава Ростиславича и въ Новгородской, и въ Ипатьевской лѣтописи датированъ очень точно: Новгородская: „мѣсяца Іюня въ 14“; въ Ипатьевской: „мѣсяца июня въ 13, святия мученицы Акилины, въ день пятничный“. Память св. мученицы Акилины дѣйствительно приходится 13-го іюня. Но 13-е Іюня въ Пятницу выпадаетъ не въ 1178 г., а въ 1180 г.; въ 1178 г. 13-е Іюня было во вторникъ. Слѣдовательно князь умеръ 1180 г. 13-го Іюня въ пятницу. Что эта дата и въ Ипатьевской лѣтописи сдѣлана Новгородцемъ, доказывается языкомъ: *пятничный*, замѣна ч чрезъ ц. 14-го Іюня онъ могъ быть погребенъ. Такимъ образомъ дата Новгородской лѣтописи вполнѣ оправдывается. Что въ Ипатьевской лѣтописи это событіе попало подъ 1176 г., это объясняется неаккуратностью позднѣйшаго компилятора. 1178 г. въ этой лѣтописи начинается разсказомъ о призваніи Мстислава Ростиславича въ Новгородъ и его пріѣздомъ туда. Послѣднее, по точной датѣ Новгородской лѣтописи, произошло 1-го Ноября. Между тѣмъ среди извѣстій Ипатьевской лѣтописи находимъ: „и на весну сдума съ мужи своими, пойде на Полтьскъ“... 1-го Ноября и весна не могли быть въ одномъ и томъ-же Мартовскомъ году. если 1-е Ноября было 1178 г., то походъ на Полотскъ падаетъ на 1179 г. Но мало этого. Событія 1178 г. въ Новгородской лѣтописи происходятъ въ Апрѣлѣ и Маѣ, и слѣдующій годъ также начинается Маемъ мѣсяцемъ; затѣмъ 1-е Ноября и зима; очевидно, что всѣ событія происходятъ тутъ въ одномъ Мартовскомъ году въ 1178 г.; какъ въ Ипатьевской, такъ и въ Новгородской лѣтописи не было 1179 г. Составитель Новгородской лѣтописи пополнилъ пробѣлъ, разбивъ событія одного года на два, а компиляторъ Ипатьевской лѣтописи наоборотъ стянулъ событія трехъ лѣтъ въ одинъ.

[1]) Ипатьев. Лѣт. стр. 492, подъ 1197 г.

[2]) Новгородская I лѣтопись стр. 195—197.

[3]) См. главу II.

[4]) Ип. Лѣт. стр. 495.

[5]) Родосл. книга, изд. кн. Долгоруковымъ, стр. 141, № 10.

„и по семъ (въведоша въ Новгородъ) *Бориса Романовичя* и по Борисѣ приде *отецъ его Романъ Ростиславичь*“ [1]). Когда Мстиславъ Ростиславичъ шелъ въ 1178 г. на Чудь, то „вниде во Плесковъ, изойма сотьскѣи про *Бориса сыновця* своего зане не хотяхуть *сыновца его Бориса*... [2])“. Когда Романъ Ростиславичъ сидѣлъ въ Кіевѣ, Половцы сдѣлали въ 1177 г. нападеніе на Поросье. Давидъ Ростиславичъ, братъ его, не успѣлъ во время явиться и долженъ былъ догонять свою братью“ и постиже братью свою Рюрика и *сыновца своя Ярополка и Бориса* [3]). Такимъ образомъ, Ярополкъ и Борисъ являются его племянниками, т. е. сыновьями Романа Ростиславичя, такъ какъ у Рюрика такихъ сыновей не было. И такъ, у Романа оказываются два сына: Ярополкъ Романовичъ и Борисъ Романовичъ. О Ярополкѣ мы будемъ говорить ниже (№ 47). Слѣдуетъ-ли *Бориса Романовича* считать личностью отдѣльною отъ *Мстислава Романовича*, т. е. третьимъ сыномъ Романа Ростиславича? *Борисъ Романовичъ* упоминается подъ 1177 и 1179 годами и затѣмъ вдругъ исчезаетъ, и на смѣну ему вездѣ выступаетъ *Мстиславъ Романовичъ*. Уже въ 1179 г. во время похода Мстислава Ростиславича на Полоцкъ является *Мьстиславъ Романовичъ*, котораго отецъ его, Романъ, послалъ на помощь князю Полоцкому, а *Бориса Романовича* нѣтъ. Отецъ его, Романъ Ростиславичъ, скончался въ 1180 г., и *Борисъ Романовичъ* является только до этого момента, а далѣе выступаетъ *Мстиславъ* Романовичъ. Какъ будто въ 1179 у Романа Ростиславича родился новый сынъ, или еще страннѣе, будто не было до конца 1179 г. ни одного случая, когда-бы могъ выступить Мстиславъ Романовичъ. Но окончательно разрѣшаетъ недоразумѣніе сличеніе извѣстій Ипатьевской и Новгородской лѣтописей подъ 1195 г. Въ Ипатьевской лѣтописи говорится: „Олегъ... видѣвъ Мстислава нятаго испроси у Бориса у Друютьского князя *Мьстислава Романовича*...“. Въ Новгородской I лѣтописи: „...и поможе Богъ Цьрниговцемъ, и яша кънязя *Бориса Романовичя*... [4]). Въ виду тѣхъ соображеній, намъ кажется возможнымъ предположить, что *Борисъ Романовичъ* и *Мстиславъ Романовичъ* одно и то-же лицо, что въ молодости

[1]) Новг. I Лѣт. стр. 440.

[2]) Ип. Лѣт. стр. 412.

[3]) Ипатьев. Лѣт. стр. 408—409.

[4]) Ипатьев. лѣт. стр. 467; Новгород. I лѣт. стр. 171.

и людьми близкими онъ назывался Борисомъ, отчего и попало это имя въ лѣтопись. Съ 1179, и особенно со смерти отца его Романа, пріобрѣтая бо́льшее значеніе своею самостоятельною дѣятельностью, Борисъ обращается въ Мстислава.

33) *Романъ Глѣбовичъ* Брянскій. Свѣдѣнія наши объ этомъ князѣ очень ограниченны. Подъ 1300 г. мы находимъ въ лѣтописи извѣстіе, что Александръ Глѣбовичъ смоленскій (№ 2) приходилъ ратью на Дорогобужъ, что „убиша у Олександра сына, а самого Олександра ранили князя, *и брата его Романа*“ [1]). Когда смоленскій великокняжескій столъ занялъ Ѳеодоръ Ростиславичъ (49), то Романъ считалъ это занятіе неправильнымъ, очевидно, опираясь на тотъ фактъ, что Ѳеодоръ—младшій дядя и имѣлъ уже удѣлъ въ чужой области, въ Ярославлѣ. Въ 1286 г. онъ двинулся къ Смоленску изъ Брянска [2]), но какъ видно, дѣло уладилось мирно, и этого Романа слѣдуетъ, кажется, видѣть подъ намѣстникомъ Ѳеодора въ Смоленскѣ, князем брянскимъ, о которомъ говоритъ въ своемъ письмѣ рижскій архіепископъ [3]). Въ 1293 г. мы видимъ *Романа Глѣбовича* на службѣ въ Новгородѣ В.: онъ совершаетъ походъ противъ Шведовъ [4]).

34) *Романъ Ростиславичъ*. Это былъ сынъ Ростислава Мстиславича: „в то же веремя (1148 г.) *Ростиславъ Смоленьскій* проси дчери у Святослава у Олговича за Романа, сына своего, Смоленьску“ [5]). Какъ старшій сынъ, онъ занялъ въ Смоленскѣ великокняжескій столъ еще въ 1160 году, когда отецъ перешелъ на княженіе въ Кіевъ [6]). Княземъ смоленскимъ Романъ Ростиславичъ былъ съ перерывами три раза. Такъ въ 1174 г. онъ былъ призванъ въ Кіевъ: „послаша по *Романа* Смоленьску, и приде *Романъ* Киеву...“ [7]). Но въ концѣ того-

---

[1]) Лавр. Лѣт. стр. 461.

[2]) Ibidem, стр. 459.

[3]) „То буди тобе ведомо про тую жялобу, что Витьбляне жялобилися на Рижяны, чимъ то хотели оправится противу Гѣлмика, и ихъ слово таково. Хотели ся темь словомь оправити се рекли такъ *предъ князем Бряньскымь*... и ныне я тому дивлюса, аже *твои намѣстникъ* слушаеть всякого человека слова“. (Грамоты, касающіяся до сношеній с—зап., Россіи съ Ригою и Ганзейскими городами № 3).

[4]) Новгор. I Лѣт. стр. 303.

[5]) Ипатьев. Лѣт. стр. 258.

[6]) Ibid. стр. 349.

[7]) Ibid. стр. 387.

же года онъ, по требованію Андрея суздальскаго, ушелъ въ свой Смоленскъ [1]), гдѣ и пробылъ до 1175 г., когда, явившись на помощь братьямъ противъ Ольговичей, занялъ Кіевъ [2]). Въ 1177 году онъ покинулъ югъ окончательно: Ростиславичи „даша Кіевъ Святославу (Всеволодовичу), а *Романъ иде Смольньску*... [3])". Въ 1180 году онъ скончался „и плакашася по немь, аки по отци,—бѣ бо ихъ старѣй" [4]).

35) *Ростиславъ Владиміровичъ*. Въ разсказѣ Лаврентьевской лѣтописи о рукоположеніи ростовскаго епископа Кирилла въ Кіевѣ говорится, что это произошло „при князѣ Володимери и при сынѣ его *Ростиславѣ* [5]). Владиміръ Рюриковичъ былъ дѣйствительно великимъ княземъ кіевскимъ съ 1223 года, а послѣ битвы на Калкѣ [6]) Ростиславъ Владиміровичъ—Дмитріевичъ (см. № 12) упоминается въ исторіи Смоленской земли еще разъ, именно въ 1196 году, когда Давидъ Ростиславичъ смоленскій посылалъ его вмѣстѣ съ другими своими князьями противъ Ольговичей къ Витебску [7]). *Дальнѣйшая судьба этого князя намъ неизвѣстна* [8]).

36) *Ростиславъ Мстиславичъ*. Первый разъ мы встрѣчаемъ этого князя въ 1128 году. Тогда Мстиславъ Владиміровичъ, великій князь кіевскій, посылалъ князей противъ Полочанъ, „и сына своего Ростислава посла съ Смольняны къ Дрютьску [9])". Это извѣстіе указываетъ не только на тотъ фактъ, что Ростиславъ есть сынъ Мстислава Владиміровича, но и что онъ уже въ 1128 году былъ княземъ смоленскимъ. Этому князю Смоленская земля обязана въ высшей степени важнымъ документомъ, именно уставной грамотой Смоленской епископіи 1151 г. [10]). Въ 1160 г. „пойде *Ростиславъ*, сынъ Мьстиславль

---

1) Ibid. стр. 388.

2) Ibid. стр. 406—407.

3) Ibid. стр. 409.

4) Ibid. стр. 417.

5) Лавр. Лѣт. стр. 434.

6) Воскр. Лѣт. стр. 137 (П. С. Р. Л. т. 7).

7) Ипатьев. Лѣт. стр. 464—465.

8) Указатель къ Ипатьев. лѣтописи страшно ошибается, путая Ростислава Михайловича (сына Михаила черниговскаго, будущаго князя Мачвы въ Венгріи) съ Ростиславомъ Владиміровичемъ, сыномъ Владиміра Рюриковича. См. нашу, Исторію Сѣверской земли, Кіевъ. 1880 г.

9) Ипатьев. Лѣт. стр. 210.

10) Объ этой грамотѣ см. выше.

изъ Смоленьска къ Киеву на столъ, *и воиде въ Киевъ* мѣсяца апрѣля въ 12 день, на въскресенье (тогда бо бѣ наска честьная)...[1]). Послѣ этого въ свой Смоленскъ онъ не возвращался. Въ 1168 г. онъ проѣздомъ въ Новгородъ заѣзжалъ и въ Смоленскъ и умеръ на дорогѣ въ Кіевъ въ селѣ Зарубѣ. Тѣло его было доставлено въ Кіевъ[2]).

37) *Ростиславъ-Борисъ Мстиславичъ* и

38) *Ростиславъ Мстиславичъ* (*Давидовичъ*). Трудно разрѣшить путаницу, существующую въ источникахъ относительно этихъ двухъ князей. Въ 1231 году на посвященіи епископа ростовскаго Кирилла въ Кіевѣ присутствовалъ между прочими князьями *Ростиславъ Борисовъ*[3]), а въ 1238 г. „*Ростиславъ Мьстиславичъ Смоленьского* сѣдѣ Кіевѣ. Данилъ-же ѣха нань и я его...“[4]). А вотъ, что мы читаемъ въ Синодальной родословной книгѣ: „и по князѣ Михаилѣ Всеволодовичѣ (черниговскомъ) сяде на Кіевѣ князь *Ростиславъ Мстиславичъ* внукъ *Романовъ Ростиславича Смоленскаго*. Итого-жъ лѣта князь Данило Романовичь... пріиде къ Кіеву и взятъ его и ятъ князя *Ростислава Мстиславича* и посади на Кіевѣ намѣстника своего Дмитра. А самъ князь Данило Романовичъ поиде въ Угорскую землю, а князя *Ростислава Мстиславича сведе съ собою въ Угорьскою землю, тамо и скончася*[5])“. Мы знаемъ, что Даніилъ Романовичъ дѣйствительно ѣздилъ въ это время въ Угры[6]). Приведенные факты всѣ стоятъ въ полномъ соотвѣтствіи другъ съ другомъ. Въ пользу ихъ говоритъ и слѣдующее соображеніе. Предварительно еще одно замѣчаніе. Когда Даніилъ Романовичъ уѣзжалъ въ Венгрію, то онъ „еще бо бяшеть не слышалъ приходъ поганыхъ Татаръ на Киевъ[7]).- „Но онъ же схватилъ князя кіевскаго Ростислава (пока всеравно, кто былъ этотъ Ростиславъ), стало быть, былъ въ Кіевѣ. Слѣдовательно, между приходомъ Менгу для осмотра Кіева и самой осадой Кіева прошелъ значительный промежутокъ времени; точно такъ-же какъ между захватомъ Ростислава и осадой

---

[1]) Ипатьев. Лѣт. стр. 345.

[2]) Ibidem., стр. 361—364.

[3]) Лавр. Лѣт. стр. 434.

[4]) Ипатьев. Лѣт. стр 521.

[5]) Врем. Моск. Общ Ист. и Др. Росс. кн. X, стр. 14.

[6]) Ипатьев. Лѣт. стр. 523.

[7]) Ibidem.

Кіева. Слѣдовательно, занятіе Кіева Ростиславомъ произошло не въ томъ-же году, когда былъ взятъ Кіевъ Татарами, а раньше, именно тотчасъ-же послѣ бѣгства изъ Кіева Михаила Всеволодовича послѣ прихода Менгу и убійства татарскихъ пословъ. Вполнѣ является невѣроятнымъ, чтобы Ростиславъ моментально явился изъ Смоленска, хотя бы даже былъ извѣщенъ изъ Кіева о бѣгствѣ Михаила телеграммой. Припомнимъ, какая страшная борьба происходитъ въ это время на югѣ изъ-за Кіева, и захватывать его *быстро* могутъ только тѣ князья, которые толкутся на югѣ, выталкивая одинъ другаго. По нашему убѣжденію, Ростиславъ захватившій непосредственно за бѣгствомъ Михаила Кіевъ, долженъ былъ принимать участіе въ этой сутолокѣ, то есть быть на югѣ. И мы дѣйствительно находимъ на югѣ *Ростислава Борисовича.* Вспомнимъ, что Мстиславъ Романовичъ (№ 32) носилъ еще имя Бориса, что́ даетъ основаніе, *вмѣстѣ съ только что* приведенными *выше соображеніями*, признать Ростислава Борисовича и Ростислава Мстиславича, занявшаго Кіевъ, за одно и то-же лицо, сына Мстислава Романовича. Ипатьевская лѣтопись прямо говорить: „Ростиславъ Мьстиславичъ *Смоленьскою*", не приводя его генеалогіи. Это выраженіе ипатьевской лѣтописи означаетъ: Ростиславъ, сынъ Мстислава Смоленскаго. И вотъ тутъ выясняется та ошибка, которую мы находимъ во всѣхъ другихъ лѣтописяхъ. Южному лѣтописцу не было нужды выяснять генеалогію Ростислава Мстиславича, достаточно было сказать, что онъ сынъ Мстислава Смоленскаго, хорошо извѣстнаго и уважаемаго на югѣ, убитаго на Калкѣ въ 1223 г. старика Мстислава Романовича. На сѣверѣ былъ болѣе извѣстенъ другой Мстиславъ смоленскій, знаменитый своимъ договоромъ съ Нѣмцами, Мстиславъ Давидовичъ. Вотъ почему, когда на сѣверѣ получилось извѣстіе, что Ростиславъ, сынъ Мстислава *Смоленскаго*, заналъ кіевскій столъ, то сѣверные лѣтописцы не задумались сдѣлать его сыномъ Мстислава—Өеодора. Ростиславъ былъ имъ такъ мало извѣстенъ, что пришлось для яснаго уразумѣнія читателямъ приложить его генеалогію. Намъ нисколько не можетъ служить возраженіемъ то обстоятельство, что въ Густынской, по видимому южной, лѣтописи Ростиславъ Мстиславичъ названъ сыномъ Мстислава Давидовича [1]. Кто анализировалъ эту южную лѣтопись,

[1]) Густын. Лѣт. стр. 339 (П. С. Р. Л. т. II).

тотъ знаетъ, что она приняла въ себя много источниковъ сѣверныхъ. Мы просимъ сличить разсказъ о взятіи Кіева татарами Густынской лѣтописи и Воскресенской: тутъ полное тождество, а Ипатьевская лѣтопись разсказываетъ весь этотъ рядъ событій совершенно иначе. Почему составитель Густынской лѣтописи въ этомъ мѣстѣ (да и въ другихъ) слѣдуетъ сѣвернымъ лѣтописямъ, это въ настоящій моментъ не наше дѣло.

Въ трудахъ нашихъ предшественниковъ мы находимъ по разобранному вопросу сильное колебаніе. Дѣйствительно, если въ Венгрію попалъ Ростиславъ, сынъ Мстислава Давидовича, то въ Смоленскѣ остался Ростиславъ, сынъ Мстислава Романовича. Въ такомъ случаѣ приходится Глѣба, Михаила и Ѳеодора Ростиславичей считать сыновьями послѣдняго, т. е. внуками Мстислава Романовича, а не Мстислава Давидовича. Но вотъ тутъ-то и выдаютъ себя сѣверныя лѣтописи. Никоновская лѣтопись приводитъ генеалогію Глѣба, Михаила и Ѳеодора Ростиславичей: „князь великии бѣ Киевскии *Владимеръ Мономахъ* Всеволодичь; у него же бѣ старѣйшии сынъ *Мстиславль* (чит. Мстиславъ), ему-же данъ Смольнскъ, аще и на великомъ княженiі в Киеве послѣ отца своего сѣдяше, на нѣм же и преставися; но глаголетъся Смоленскии, его-же сынъ *Ростиславль* (Ростиславъ) князь великии Смоленскии, *Давыдъ* князь великии Смоленскии, Давыдовъ сынъ *Мстиславъ*, Мстиславль сынъ *Ростиславъ*, Ростиславле сынове Ѳеодоръ, да братъ его Глѣбъ, да Михайло... [2])“. И такъ, послѣдніе князья, поочередно занимавшіе великокняжескій столъ въ Смоленскѣ, сыновья *Ростислава Мстиславича Давидовича*, а не Ростислава Мстиславича Романовича, слѣд. въ Смоленскѣ великимъ княземъ былъ *Ростиславъ* сынъ *Мстислава Давидовича*, а не сынъ Мстислава *Романовича*, кончившій свои дѣла въ Венгріи. Ростиславъ Мстиславичъ, какъ и многіе другіе князья смоленскіе въ разное время, покинулъ Смоленскую землю вслѣдствіе внутреннихъ ея неурядицъ. Эти смуты начались послѣ смерти Мстислава-Ѳеодора Давидовича (№ 29) въ 1230 г. и продолжались до 1239 г., когда на смоленскомъ столѣ былъ посаженъ Всеволодъ Мстиславичъ, сынъ Мстислава Романовича. Такъ какъ мы застаемъ Ростислава Мстиславича уже въ 1231 г. въ Кіевѣ, то слѣдовательно онъ ушелъ изъ Смоленска еще въ самомъ началѣ смутъ

---

[1]) Никон. Лѣт. ч. III, стр. 62.

до занятія великокняжескаго смоленскаго стола братомъ его Святославомъ Мстиславичемъ.

Что касается имени *Борисъ*, то мы въ этомъ случаѣ слѣдуемъ лишь родословной книгѣ [1]), не придавая этому никакого значенія, тѣмъ болѣе, что тутъ замѣчается въ родословныхъ путаница: Борисомъ называется то Ростиславъ, сынъ Мстислава Романовича, то Ростиславъ, сынъ Мстислава Давидовича [2]).

Такимъ образомъ, передъ нами является Ростиславъ—сынъ Мстислава Романовича (№ 37) и Ростиславъ, сынъ Мстислава Давидовича (№ 38) отецъ Глѣба, Михаила и Θеодора. О послѣднемъ мы не имѣемъ никакихъ извѣстій въ лѣтописяхъ. Несомнѣнно только одно, что онъ былъ великимъ княземъ смоленскимъ послѣ своего двоюроднаго брата Всеволода Мстиславича.

39) *Ростиславъ—Михаилъ Рюриковичъ*. Въ 1173 г. „Рюрикови же идущю из Новгорода къ Смоленьску, а бысть на Лучинѣ... родися у него сынъ и нарекоша и въ святѣмъ крещеньи дѣдне имя Михайло, а княже Ростиславъ, дѣдне-же имя“ [3]). Такимъ образомъ, передъ нами сынъ Рюрика Ростиславича (№ 40). Вся жизнь этого князя прошла на югѣ. Умеръ онъ въ 1218 г. [4]).

40) *Рюрикъ—Василій Ростиславичъ*. Онъ выступаетъ на историческую сцену въ 1158 г., когда съ смоленскимъ ополченіемъ ему пришлось двинуться на югъ на помощь Изяславу Давидовичу [5]). Вполнѣ ясно опредѣляется его происхожденіе извѣстіемъ лѣтописи подъ 1159 г.: „*Ростиславль Мстиславичь* пусти ему (Рогволоду Полоцкому) *два сына* въ помочь, Романа и *Рюрика*...“ [6]). *Василіемъ* этого князя называетъ лѣтопись въ разсказѣ о построеніи каменной стѣны у Выдубецкаго монастыря въ Кіевѣ: „Въ тъ же день приѣха въ манастырь великый князь *Рюрикъ*, кюръ *Василій*... [7])“. Какъ и сынъ его Ростиславъ (№ 39), Рюрикъ всѣ свои силы отдалъ землѣ Кіевской. Родо-

---

[1]) Родословная книга, изд. кн. Долгоруковымъ, стр. 141. № 21.
[2]) Синодальная Родословная (Времен. Моск. Общ. Ист. и Др. Росс. кн. X) стр. 87
[3]) Ип. Лѣт. стр. 386.
[4]) Воскр. Лѣт. стр. 125 (П. С. Р. Л. т. 7).
[5]) Ип. Лѣт. стр. 337.
[6]) Ип. Лѣт. стр. 340.
[7]) Ibid стр. 476.

словная книга называетъ его великимъ княземъ смоленскимъ [1]), но мы не находимъ такого промежутка времени, когда-бы въ дѣйствительности Рюрикъ княжилъ въ Смоленскѣ. Мы видимъ тамъ великими князьями Романа Ростиславича (№ 34), кратковременно Ярополка Романовича (№ 47), Мстислава Ростиславича (№ 31), Давида Ростиславича (№ 18), Мстислава Романовича (№ 32), Владиміра Рюриковича (№ 12), Мстислава Давидовича (№ 29). Вотъ всѣ великіе князья смоленскіе за время жизни Рюрика Ростиславича. Мы не находимъ фактическихъ данныхъ для утвержденія, что Рюрикъ Ростиславичъ былъ великимъ княземъ смоленскимъ. Единственный промежутокъ времени, когда онъ могъ бы быть въ Смоленскѣ это отъ 1173 до 1180 года. Въ 1173 г. онъ ушелъ изъ Новгорода въ Смоленскъ [2]), но въ 1180 г. оказывается уже въ Бѣлгородѣ, куда ему приходитъ вѣсть о смерти брата его Романа [3]), умершаго въ Смоленскѣ и бывшаго тамъ въ этомъ году великимъ княземъ съ 1177 г. Романъ Ростиславичъ былъ въ Кіевѣ еще отъ 1174 по 1177 г., но въ этотъ разъ онъ оставилъ въ Смоленскѣ княземъ, своего сына Ярополка Романовича, а въ 1175 г. Смольняне его прогнали и посадили у себя Мстислава Ростиславича Когда умеръ Рюрикъ? Несомнѣнно, въ 1215 г. Не забудемъ, что Рюрикъ Ростиславичъ былъ сватомъ Всеволода Суздальскаго, такъ какъ женилъ своего сына, Ростислава, на его дочери [4]). Поэтому въ Суздалѣ прекрасно знали о времени его смерти. На основаніи этого мы имѣемъ полное право слѣдовать показанію Лаврентьевской лѣтописи, которая говоритъ о смерти Рюрика именно подъ этимъ годомъ [5]). Странное извѣстіе о смерти Рюрика мы находимъ въ южной, Густынской лѣтописи, которая должна была-бы дать намъ точную дату этого факта, какъ имѣвшаго мѣсто на югѣ. 1218 г.: „въ сіе лѣто преставися Ростиславъ Руриковичъ въ Черниговѣ". 1219 г.: „Преставися Рурикъ Ростиславичъ, иже бѣ на княженіи Кіевскомъ, и много зла бысть во время его княженія, паче же и по немь [6])". Постараемся разъяснить

---

[1]) Синод. Родосл. стр. 11 (Врем. Моск. Общ. Ист. и Др. Рос. кн. X).
[2]) Ип. Лѣт. стр. 386.
[3]) Ibidem. стр. 418.
[4]) Ibidem. стр. 443.
[5]) Лавр. Лѣт. стр. 416.
[6]) Густынская Лѣт. стр. 334 (П. С. Р. Л. т. II).

эту путаницу въ Густынской лѣтописи. Какъ извѣстно, въ Ипатьевской лѣтописи нѣтъ извѣстія о смерти Рюрика Ростиславича вслѣдствіе существующаго въ ней пробѣла въ нѣсколько лѣтъ. Но можетъ быть, у составителя Густынской лѣтописи былъ исправный списокъ Ипатьевской лѣтописи? Оказывается, что, было такъ или нѣтъ, тѣмъ не менѣе Густыская лѣтопись взяла свое показаніе изъ сѣверныхъ лѣтописей. Въ строку за извѣстіемъ о смерти Рюрика Ростиславича стоитъ упоминаніе о нападеніи Половцевъ на Переяславль и о захватѣ ими въ плѣнъ Владиміра Всеволодовича. Свѣдѣнія объ этомъ фактѣ заимствовано составителемъ Густынской лѣтописи изъ сѣверныхъ лѣтописей. Такъ какъ это несчастіе случилось съ сыномъ Всеволода Суздальскаго, то въ Лаврентьевской лѣтописи читаемъ: 1215 г.: „Преставися Рюрикъ Ростиславичъ, князь Кыевьскый, княжа Черниговѣ... Того-же лѣта Володимеръ, сынъ Всеволожь, слышавъ аже идуть Половци к Переяславлю, изиде противу имъ вскорѣ, и устрѣтеся съ ними на рѣцѣ, и бишася крѣпко, и мнози отъ обоихъ падоша; и Божьимъ попущеньемъ, за умноженье грѣхъ нашихъ, одолѣша Половци, и мнози отъ Руси избьени быша, а тѣхъ поимаша, и самаго князя Володиміра яша, и ведоша и в вежѣ свои [1])". Въ Лаврентьевской лѣтописи смерть Рюрика и плѣнъ Владиміра помѣщены подъ однимъ годомъ, одно за другимъ, и составитель Густынской лѣтописи дѣлаетъ то-же самое, выбросивъ только упоминаніе о женитьбѣ этого самого Владиміра и о постройкѣ церкви въ Ярославлѣ, но оба эти факта онъ помѣщаетъ подъ 1219 г. Какимъ образомъ Ростиславъ Рюриковичъ попалъ въ Черниговъ? Впервые ошибка была сдѣлана тою лѣтописью, которая вошла въ составъ Никоновской: „Того-же лѣта (1218) преставися князь Ростиславъ Рюриковичъ, зять великаго князя *Всеволода Чермнаго* [2])". Такимъ образомъ, Ростиславъ изъ зятя Всеволода Суздальскаго обратился въ зятя князя черниговскаго. Это-то обстоятельство дало поводъ компилятору Тверскаго сборника отправить Ростислава умирать въ Черниговъ: „Того лѣта (1215) преставися князь *Ростиславъ Кіевскій* княживъ въ Черниговѣ [3])". Вотъ изъ такого-то

[1]) Лавр. Лѣт. стр. 416—417.
[2]) Никон. Лѣт. ч. II, стр. 340.
[3]) Тверск. Сборникъ стр. 315.

списка и взялъ свое извѣстіе составитель Густынской лѣтописи и помѣстилъ его раньше извѣстія о смерти Рюрика. Но онъ подражалъ сѣверной лѣтописи и далѣе. Компиляторъ Тверскаго Сборника нашелъ въ своихъ источникахъ подъ 1219 годомъ извѣстіе о смерти Ростислава Рюриковича и внесъ его въ свою компиляцію: „Того же лѣта преставися Ростиславъ Руриковичъ, зять великаго князя Всеволода [1]". Составитель Густынской лѣтописи сталъ въ тупикъ, нашедши въ своемъ источникѣ это извѣтіе. Но помѣстивъ уже раньше извѣстіе о смерти Ростислава Рюриковича подъ 1218 годомъ, и, зная, что былъ еще Рюрикъ Ростиславичъ, онъ рѣшилъ, что теперь, въ 1219 году, умеръ уже послѣдній. Онъ кратко говоритъ о смерти Рюрика, а отъ себя прибавляетъ о многомъ злѣ въ его княженіе. Въ лѣтописяхъ Ипатьевской, Лаврентьевской, Никоновской, Воскресенской,—мы находимъ „*Рюрикъ*", а въ Тверскомъ Сборникѣ „*Рурикъ*". Составитель Густынской лѣтописи беретъ даже транскрипцію не южнаго источника—Ипатьевской лѣтописи, а сѣверной, далеко несовершенной лѣтописи, или просто Тверскаго Сборника, или той лѣтописи, изъ которой черпалъ и тверской компиляторъ. Такимъ образомъ, извѣстіе Густынской лѣтописи о смерти Рюрика Ростиславича теряетъ всякую цѣну, что и заставляетъ признать дату Лавретьевской лѣтописи вполнѣ достовѣрной.

41) *Святославъ Глѣбовичъ* Брянскій. Отчасти мы уже знакомы съ родственными связами этого князя. Въ 1309 г. онъ выгналъ изъ Брянска своего племянника, Василія Александровича, (№ 6). Судя по времени, этого князя приходится признать въ томъ Святославѣ, который въ 1303 году княжилъ въ Можайскѣ. Весною этого года московскій князь Юрій Даниловичъ взялъ Можайскъ и свелъ князя Святослава въ Москву. Какъ видно, въ Брянскѣ въ это время вѣче уже играло въ политической жизни первенствующую роль. По приглашенію вѣча Святославъ, оставшійся послѣ 1303 г. не у дѣлъ, явился въ Брянскъ, что видно изъ словъ этого князя митрополиту Св. Петру: „Брянци мя не пустятъ, хотятъ за меня главы своя сложити [2]". Но вѣче, не надѣясь одолѣть татарскую силу, измѣнило Святославу:

[1]) Тверск. Сборникъ, стр. 327.
[2] Никон. Лѣт. ч. III, стр. 106.

Брянцы перешли на сторону Василія Александровича, и Святославъ Глѣбовичъ былъ убитъ въ 1310 г. [1]).

42) *Святославъ Ивановичъ.* „Того-же лѣта (1358) преставись князь *Иванъ Александровичъ* Смоленскій... и понемъ сяде на княженіи в Смоленске *сынъ его Святославъ* [2]). Объ Иванѣ Александровичѣ см. № 20. Этотъ князь извѣстенъ своею трагическою судьбою. Желая сохранить независимость Смоленской земли, онъ принужденъ бросаться изъ одной стороны въ другую, заключая союзы то съ Литвой, то съ Москвой [3]). Послѣднимъ актомъ его дѣятельности былъ походъ для возвращенія отнятыхъ у Смоленска Литвой городовъ въ 1386 г. Онъ былъ убитъ въ сраженіи подъ Мстиславлемъ [4]).

43) *Святославъ Мстиславичъ.* Это былъ сынъ Мстислава Романовича. Въ 1218 г. онъ былъ призванъ княжить въ Новгородъ [5]) а въ 1219 г. былъ взятъ оттуда отцомъ на югъ: „Присла великый князь *Мстиславъ Романовицъ* ис Кыева сынъ свой Всѣволодъ, рече: примите себе князя Всеволода, а *Святослава старейшаго* пустите къ мнѣ [6]). Съ переходомъ на югъ Святославъ Мстиславичъ надолго исчезаетъ съ исторической сцены. Въ 1232 году, по извѣстію той-же Новгородской лѣтописи, „взя *Святословъ Мстиславичъ, внукъ Романовъ* Смолньскъ на щитъ съ Полочаны на Боришь день, исѣцѣ Смолняны, а самъ сѣде на столѣ [7])“. Густынская лѣтопись, повторяя дословно это извѣстіе, добавляетъ, что Святославъ Мстиславичъ, „сѣде на княженіи отчемъ [8])“. Сообщеніе объ этомъ фактѣ мы находимъ и въ Тверскомъ сборникѣ [9]). Но лѣтопись Лаврентьевская не знаетъ объ этомъ событіи. И Тверской сборникъ, и Густынская лѣтопись, оче-

---

[1]) Ibidem.

[2]) Ibidem. стр. 213.

[3]) См. договоры Дмитрія Донского съ Ольгердомъ 1371 г., договоръ Дмитрія Донского съ Михаиломъ Тверскимъ 1368 г. (Собр. Госуд. Гр. и Дог. т. II, № 31 и 28); и отлучительную грамоту Константинопольскаго патріарха 1370 г. (Рус. Историч. Библіотека, Спб. 1880 г. т. VI, № 21).

[4]) Никон. Лѣт. ч. IV, стр. 152—154.

[5]) Лавр. Лѣт. стр. 476.

[6]) Ibidem.. стр. 476 и Новгород. I Лѣт. стр. 209.

[7]) Новгород. I Лѣт. стр. 241.

[8]) П. С. Р. Л. т. II стр. 336.

[9]) Тверск. Сборникъ, стр. 360.

видно, взяли сообщеніе объ этомъ фактѣ изъ Новгородской лѣтописи. Это обстоятельство имѣетъ важное значеніе. Въ землѣ Суздальской не могли такъ хорошо знать Святослава Мстиславича, какъ въ Новгородѣ В, гдѣ онъ княжилъ, гдѣ сидѣлъ затѣмъ его братъ Всеволодъ. Въ росписи новгородскихъ князей мы находимъ: „и по семъ (по Мстиславѣ Мстиславичѣ) Святославъ Мстиславичь, Романовъ внукъ и по семь братъ его Всеволодъ [1])". Когда Святославъ Мстиславичъ, спустя 12 лѣтъ, вновь появляется въ Смоленскѣ, то въ Новгородѣ прекрасно знаютъ, кто это, и отмѣчаютъ, что онъ сынъ Мстислава, внукъ Романа. Но этого мало. Въ Новгородѣ В. знали, почему именно Святославъ Мстиславичъ взялъ Смоленскъ *при помощи ополченій Полоцка.* Мнѣ нѣтъ нужды приводить здѣсь факты въ доказательство тѣсныхъ отношеній Новгорода В. съ Полоцкомъ: факты эти извѣстны. Эти двѣ области были связаны ближайшими взаимными торговыми интересами, не говоря о постоянныхъ пограничныхъ недоразумѣніяхъ. Новгородцы постоянно были въ Полоцкѣ, Полочане въ Смоленскѣ. Сохранись до нашего времени исчезнувшая Смоленская лѣтопись, мы имѣли-бы, конечно, полное объясненіе разбираемаго факта, такъ какъ онъ касается Смоленска. Для Новгорода это событіе не имѣло важнаго значенія, но тѣмъ не менѣе Новгородцы знали, что происходитъ въ данный моментъ въ Полоцкѣ, и сказали намъ тринадцать драгоцѣннѣйшихъ словъ. Но прежде всего укажемъ еще одинъ—два факта. Раньше мы указывали [2]), и въ свое время полнѣе будемъ говорить [3]), что между князьями смоленскими съ одной стороны и полоцкими съ другой существовала политическая связь, выражавшаяся вмѣшательствомъ Смоленска во внутреннія дѣла земли Полоцкой. Укажемъ лишь самый близкій по времени фактъ такого вмѣшательства. Въ 1186 г. князь смоленскій Давидъ двинулся на Полотскъ самъ, изъ Логожска послалъ Василька Воладаревича, изъ Друтска—Всеслава, а изъ Новгорода сына своего, Мстислава Давидовича [4]). Эта зависимость Полоцкихъ князей отъ князя смоленскаго установилась не теперь, а раньше. На этотъ разъ Полочане не рѣшились бороться и выслали на свои

[1]) Новгород. I Лѣт. стр. 440.
[2]) См. главу I.
[3]) См. главу V.
[4]) Лавр. Лѣт. стр. 383; Новг. I Лѣт. стр. 160.

границы пословъ, которые и склонили князей къ миру. Есть, основаніе предполагать, что вліяніе это не могло быстро прекратиться тотчасъ послѣ смерти Давида Ростиславича, а продолжало дѣйствовать и далѣе, но что вмѣстѣ съ тѣмъ не переставали вспыхивать и недоразумѣнія. Подчинивъ своему вліянію восточныхъ князей Полоцкой земли, Смоленскъ продолжалъ свое наступательное движеніе, закончившееся фактомъ, о которомъ и сохранилъ Новгородъ для насъ извѣстіе, хотя и въ очень сжатой, видимо, сокращенной формѣ: „Въ лѣто 6730 (1222)... *а Ярославицы Смолняне взяли Полтескъ генваря въ 17, при князѣ Борисѣ и Глѣбѣ*" [1]). Точность датировки—*17-го Января*—не позволяетъ сомнѣваться въ вѣрности этого извѣстія, тѣмъ болѣе, что фактъ этотъ находится въ полномъ соотвѣтствіи съ предшествующей исторіей смоленско-полоцкихъ отношеній: *Вотъ почему въ Смоленской торговой Правдѣ 1229 года смоленскій князь Мстиславъ—Θеодоръ Давидовичъ является представителемъ не только Смоленской, но и Полоцкой земли* [2]). Святославъ Мстиславичъ былъ взятъ отцомъ изъ Смоленска въ 1219 году, но это вовсе не означаетъ, что онъ поѣхалъ на югъ, или, если и поѣхалъ туда, то непремѣнно тамъ навсегда и остался: мы видимъ, какъ быстро передвигаются князья съ мѣста на мѣсто, исполняя тѣ или иныя порученія. Затѣмъ мы находимъ въ лѣтописи извѣстіе, что братъ его, Всеволодъ Мстиславичъ, оставшійся послѣ него въ Новгородѣ, былъ изгнанъ Новгородцами въ 1221 году и отправился къ отцу въ Русь [3]). Въ это время великимъ княземъ смоленскимъ былъ уже Мстиславъ Θеодоръ Давидовичъ. Святославъ и Всеволодъ Мстиславичи, очевидно, возвратились въ Смоленскъ и при возникшихъ вновь недоразумѣніяхъ между смоленскимъ княземъ и Полоцкомъ взяли его 17 Января 1222 года. Самое извѣстіе показываетъ, что оно взято Новгородской лѣтописью изъ Полоцкой; только Полачане, по старой традиціи, называли всѣхъ потомковъ Ярослава—*Ярословици* [4]), а чтобы показать, какіе это Ярославичи, Полоцкая лѣтопись прибавила „*Смолняне*". Можно думать, что въ самой Полоцкой землѣ были обстоятельства, вызвавшія и облег-

---

[1]) Новгор. I Лѣт. стр. 213.

[2]) См. главу II.

[3]) Новгород. I Лѣт. стр. 213.

[4]) См. нашу работу: „Нѣск [illegible] ображеній о князѣ Турѣ".

чившія этотъ фактъ. По извѣстію Генриха Латыша въ 1215 (вѣрнѣе 1216 г.) неожиданно умеръ полоцкій князь Владиміръ [1]), что и породило въ землѣ смуты. Нѣтъ ничего невозможнаго, что боролись за власть сыновья или ближайшіе родственники умершаго; другіе полоцкіе князья также приняли участіе въ междоусобіи, какъ очень и очень часто бывало въ Полоцкой землѣ. Точно также часто полоцкіе князья обращались въ своихъ распряхъ къ князю смоленскому: за это говорятъ факты, которыхъ отрицать нельзя. Такъ было и теперь, и Полоцкъ окончательно, хотя и на короткое время, попалъ во власть князя смоленскаго. Вотъ тутъ-то, *въ Полоцкѣ*, и княжилъ Святославъ Мстиславичъ съ 1222 г. (1223 г.), вотъ почему и говорится *въ Смоленской* торговой Правдѣ, что она должна соблюдаться и *въ волости князя Полоцкаго*. Это было въ 1229 г., а въ 1232 году съ силами своего Полоцкаго княжества онъ, благодаря смутамъ послѣ смерти Мстислава Давидовича въ 1230 г. въ самомъ Смоленскѣ, захватываетъ послѣдній. Онъ усидѣлъ однако въ Смоленскѣ не долго. Видимо онъ не былъ желательнымъ княземъ уже по одному тому, что явился туда съ Полочанами, которые, по обычаю того времени, хозяйничали въ Смоленскѣ. Внутренняя борьба возобновилась. Къ этому присоединился набѣгъ Литвы, которая завладѣла даже Смоленскомъ, благодаря, конечно тому, что набѣга не предвидѣли и среди внутренней борьбы не могли дать быстраго отпора. Тогда на выручку явился Ярославъ Всеволодовичъ, который безъ особеннаго труда прогналъ Литовцевъ и *„урядилъ“* Смольнянъ, т. е. ссадилъ Святослава и посадилъ въ Смоленскѣ его брата Всеволода Мстиславича [2]). Когда умеръ Святославъ Мстиславичъ, мы не знаемъ.

---

[1]) Heinrici Chronicon Livoniae, p. 128.

[2]) Лавр. Лѣт. стр. 446. Никоновская лѣтопись говоритъ, будто Мстиславъ Романовичъ былъ убитъ въ Калкской битвѣ со всѣми своими дѣтьми, а потому Владиміръ Рюриковичъ занялъ кіевскій великокняжескій столъ (Никон. Лѣт. ч. II, стр. 354). Но изъ сыновей Мстислава Романовича мы находимъ вполнѣ здравствующими Всеволода въ 1239 г. (см. № 10), а Ростислава въ 1238 г. (№ 37), стало быть, извѣстіе этой лѣтописи не имѣетъ цѣны. Мы не можемъ поэтому вѣрить ей и относительно смерти третьяго сына Мстислава Романовича, Святослава. Въ перечнѣ убитыхъ князей упоминается Святославъ Каневскій и Святославъ Шумскій. Но нѣтъ никакого основанія видѣть подъ кѣмъ-нибудь изъ нихъ Святослава Мстиславича, тѣмъ болѣе, что въ другихъ лѣтописяхъ вмѣсто *Каневскій* стоитъ Яневскій (Новг. I стр. 219 и Лавр. Лѣт. по Акад. списку, стр. 482). Очевидно,

44) *Святославъ Ростиславичъ*. Въ 1158 г. „Новгородецы „*Ростиславича Святослава* посадиша Новѣгородѣ [1])". Въ 1268 г. „пойде *Ростиславъ* Новгороду, занеже недобрѣ живяху Новгородци *съ Святославомъ сыномъ его* [3])". Такимъ образомъ предъ нами Святославъ, сынъ Ростислава Мстиславича (№ 36). Онъ умеръ на Волокѣ въ 1172 году [2]).

45) *Юрій Святославичъ*. Когда въ 1386 г. Святославъ Ивановичъ Смоленскій (№ 42) двинулся на Мстиславль, то вмѣстѣ съ нимъ были его сыновья—Глѣбъ и Юрій. Святославъ Ивановичъ былъ убитъ, Глѣбъ увезенъ въ плѣнъ, а Юрій посаженъ на великокняжескомъ столѣ въ Смоленскѣ, причемъ присяжной грамотой обязался отказаться отъ всѣхъ плановъ своего отца, отъ союза съ Андреемъ Полоцкимъ и соблюдать вѣрность къ королю Владиславу—Ягеллѣ [3]). Онъ пробылъ княземъ смоленскимъ до 1392 года [4]). Затѣмъ въ 1401 г. Юрій былъ снова призванъ въ Смоленскъ. Въ 1406 г. Витовтъ взялъ Смоленскъ, а Юрій бѣжалъ въ Москву, потомъ въ Новгородъ [5]). Послѣ долгихъ скитаній онъ умеръ въ 1409 г. [6]).

это были какіе-то мелкіе князьки Кіевской области. Точно такое же значеніе имѣетъ и извѣстіе Генриха Латыша. Говоря о постоянномъ покровительствѣ Божіей Матери Ливоніи, онъ восторженно восклицаетъ: „Num quid non regem magnum Nogardie, qui Livoniam prima vice despoliavit regno suo statim privavit, ut a civibus suis turpiter expelleretur, et alium regem Nogardie, qui secunda vice Lyvoniam depraedavit per Tartaros occidit?" (Chronicon Heinrici, ed. Pertz, p. 175). Въ другомъ мѣстѣ онъ опять говоритъ объ этомъ, разсказывая о нападеніи Русскихъ на Ливонію:... „preerat exercitui rex Nogardie, qui statim anno sequenti a Tartaris occisus est". (p. 177). Подъ княземъ, изгнаннымъ Новгородцами, разумѣется здѣсь Всеволодъ Мстиславичъ, который оставилъ Новгородъ въ 1221 г. (Новг. I Лѣт., 213). Но послѣ него въ Новгородѣ былъ не братъ его Святославъ, а другой Святославъ, братъ Юрія, который, дѣйствительно, ходилъ къ Кеси (къ Вендену) въ 1222 г. (Новгор. I лѣт., стр. 213), какъ разсказываетъ и Генрихъ Латышъ, не приводя имени князя. Если и вѣрить Генриху, то придется безъ колебанія признать гибель въ Калкской битвѣ Святослава Всеволодовича, а никакъ не Святослава Мстиславича. Но оказывается, что и тутъ Генрихъ Латышъ преувеличилъ ad majorem Dei gloriam, ибо Святославъ Всеволодовичъ скончался въ 1252 году (Лавр. Лѣт. по Академ. списку, стр. 496).

[1]) Ипатьев. Лѣт. стр. 337.

[2]) Ibidem., стр. 361.

[3]) Monumenta Medii Aevi.—Codex epistolaris saeculi decimi quinti. W Krakowie 1876. № VII; Никон. Лѣт. ч. IV, стр. 153.

[4]) Лѣтопись Попова, стр. 40—41.

[5]) Супрасльс. Лѣт. стр. 135—136; Новгород. I Лѣт. стр. 394.

[6]) Никон. Лѣт. ч. V, стр. 3.

46) *Ярославъ Владиміровичъ.* Это сынъ Владиміра Мстиславича (№ 11), внукъ Мстислава Ростиславича. Онъ вмѣстѣ съ отцемъ своимъ вначалѣ дѣйствуетъ противъ Нѣмцевъ. Генрихъ Латышъ называетъ его Gerceslawe [1]). Но затѣмъ, въ 1240 г. мы видимъ его уже у Нѣмцевъ: онъ вмѣстѣ съ ними беретъ Изборскъ [2]). Жилъ онъ, какъ кажется, нѣкоторое время въ Оденпе, потому что тамъ была убита своимъ пасынкомъ жена его. Тѣло ея было перенесено во Псковъ, гдѣ и до сихъ поръ находится гробница ея въ монастырѣ св. Іоанна [3]). Гдѣ и какъ окончилъ свою жизнь Ярославъ Владиміровичъ, остается неизвѣстнымъ.

47) *Ярополкъ Романовичъ*—сынъ Романа Ростиславича (№ 34). Въ 1174 г. „князь же Романъ вниде въ Кыевъ и сѣде на столѣ отца своего и дѣда, *сынови Ярополку да Смоленескъ*“... [4]). Но въ 1175 г. Смольняне его изгнали и посадили у себя Мстислава Ростиславича [5]) (№ 31). Вотъ все, что мы знаемъ объ этомъ князѣ.

48) *Θеодоръ Константиновичъ.* Происхожденіе этого князя довольно темное. Мы встрѣчаемъ въ лѣтописяхъ извѣстіе подъ 1339 г. о походѣ Татаръ подъ начальствомъ Тувлубія на Смоленскъ. Въ числѣ князей, принимавшихъ участіе въ этомъ походѣ упоминается и *Θеодоръ Θоминскій* [6]). Въ Синодальной Родословной читаемъ: „князь *Константинъ Юрьевичъ Θоминской*; а у него три сына и вси Θеодоры, а прозвища имъ были: *болшому Красной*, а среднему Слѣпой, а третьему Меншой. И за болшаго *за князя Θедора за Краснаго*, князь великій Семіонъ Ивановичъ Гордый велѣлъ выдать замужъ за него свою великую княгиню Евпраксею родомъ *Смолнянку* [7])“. Эта Смольнянка Евпраксія была дочь Θеодора Святославича Вяземскаго и Дорогобужскаго (№ 50). По Никоновской лѣтописи князь Симеонъ Гордый въ 1346 г. дѣйствительно женился въ третій разъ на дочери князя

---

[1]) Et venit Gerceslawe filius Woldemari cum alio exercitu...“ Heinrici Chronicon Livoniae, p. 145.

[2]) Новгород. I лѣт. стр. 258.

[3]) Ibidem., стр. 262; Карамзинъ: Исторія Государства Россійскаго, т. III, примѣч. 341.

[4]) Ипатьев. лѣт. стр. 387.

[5]) Ibidem., стр. 406.

[6]) Никон. Лѣт. ч. 3, стр. 171.

[7]) Стр. 106 (Времен. Моск. Общ. Истр. и Др. Росс. кн. X).

тверскаго, Маріи [1]). Эти факты заставляютъ видѣть въ интересующемъ насъ князѣ Θеодорѣ—Θеодора Красного Ооминскаго Канстантиновича. Но далѣе Синодальная книга ошибается, производя Θоминскихъ князей отъ Юрія Святославича, великого князя смоленскаго. Мы видѣли, что Юрій Святославичъ умеръ въ 1409 г. (№ 45); выходитъ, что внукъ его, Θеодоръ Константиновичъ, женился 59—60 годами раньше. Поэтому вѣрнѣе генеалогія Родословной, изданной княземъ Долгоруковымъ, по которой: у князя Константина Давидовича (Давида Ростиславича) (№ 18 и 25) былъ сынъ Юрій, у Юрія—сынъ Константинъ, а у Константина—искомый Θеодоръ [2]).

49) *Θеодоръ Ростиславичъ.* Съ его генеалогіей мы уже познакомились: онъ былъ братъ Глѣба и Михаила Ростиславичей (№№ 14 и 27), сыновей Ростислава Мстиславича (№ 38). Братья дали ему въ удѣлъ Можайскъ. Недовольный этимъ онъ ушелъ въ Ярославль, гдѣ и сдѣлался княземъ, женившись на вдовѣ умершаго ярославскаго князя [3]). Послѣ смерти Михаила Ростиславича, Θеодоръ въ 1280 г. занялъ по праву великокняжескій смоленскій столъ [4]), но въ 1297 г. Александръ Глѣбовичъ, (№ 12) его старшій племянникъ, захватилъ Смоленскъ. Попытка Θеодора въ 1298 г. воротить потерянный столъ была неудачна [5]). Умеръ Θеодоръ Ростиславичъ въ 1299 году [6]).

50) *Θеодоръ Святославичъ,* Вяземскій и Дорогобужскій. Въ Никоновской лѣтописи подъ 1344 годомъ мы находимъ извѣстіе: „Тогоже лѣта князь великии Семенъ Ивановичъ, внукъ Даниловъ женился второе, у князя Θеодора Святославича Смоленскаго, поя у него дщерь Евпраксѣю [7])". Въ одной изъ Родословныхъ книгъ XVI ст. мы находимъ: „Влѣто 6853 (1345) князь великій Симеонъ Гордый женился у князя Феодора у Святославича. Пріѣхалъ к великому князю Семеону служити *князь Θеодоръ Соятославичъ с Вязьмы и съ Дорогобужа* и князь великій далъ князю Θеодору въ вотчину Волокъ со всѣмъ" [8]).

---

[1]) Никон. лѣт., ч. 3, стр. 186.
[2]) См. стр. 141 и 142 №№ 13, 24, 32 и 42.
[3]) Никон. лѣт. ч. III, стр. 62.
[4]) Воскр. лѣт. стр. 174 (П. С. Р. Л. т. 7).
[5]) Лавр. лѣт. по Акад. списку, стр. 500.
[6]) Ibidem.
[7]) Никон. лѣт. ч. III, стр. 181; Архангелогород. лѣт. стр. 77.
[8]) Калайдович [illegible] Румянцевскаго Музея, стр. 488—489.

По времени онъ не можетъ быть сыномъ Святослава Ивановича (№ 42), а сыномъ Святослава Глѣбовича (№ 41).

51) *Θеодоръ Юрьевичъ.* Въ Архангелогородскомъ литописцѣ мы находимъ указаніе, что „*князь Юрье съ сыномъ со княземъ Θедоромъ* билъ челомъ великому князю", а раньше сказано, что „Витовтъ Литовскій со всею силою приде *на Смоленескъ, а князь Юрье Смоленскій пойде на Москву*". Это было въ 1405 году [1]). Въ 1412 г. Θеодоръ Юрьевичъ былъ принятъ Новгородцами, но когда Витовтъ заявилъ Новгороду свое неудовольствіе по поводу этого факта, то Θеодоръ ушелъ къ Нѣмцамъ [2]). Синодальная Родословная говоритъ, что онъ былъ убитъ затѣмъ самими Новгородцами [3]).

Списокъ смоленскихъ князей по колѣнамъ.

№ по порядку		№ отцовскій.
1.	Ростиславъ Мстиславичъ (№ 36)	—
2.	Романъ Ростиславичъ (№ 34)	1
3.	Рюрикъ Василій Ростиславичъ (№ 40)	1
4.	Давидъ Ростиславичъ (№ 18)	1
5.	Святославъ Ростиславичъ (№ 44)	1
6.	Мстиславъ Ростиславичъ (№ 31)	1
7.	Ярополкъ Романовичъ (№ 47)	2
8.	Мстиславъ—Борисъ Романовичъ (№ 32)	2
9.	Ростиславъ—Михаилъ Рюриковичъ (№ 39)	3
10.	Владиміръ-Дмитрій Рюриковичъ (№ 12)	3
11.	Мстиславъ Давидовичъ (№ 28)	4
12.	Изяславъ Давидовичъ (№ 24)	4

---

[1]) Архенгелогород. лѣт. стр. 106.

[2]) Новгород. I лѣт. стр. 400.

[3]) Стр. 53 (Врем. Москов. Общ. Ист и Др. Росс. кн. X),

Списокъ великихъ князей Смоленскихъ.

1.	Ростиславъ Мстиславичъ (№ 36) отъ . . .	1128—1160 г.
2.	Романъ Ростиславичъ (№ 34) отъ.	1160—1174 г.
	—	1174—1175 г.
	—	1177+1180 г.
3.	Ярополкъ Романовичъ (№ 47) —	1174—1175 г.
4.	Мстиславъ Ростиславичъ (№ 31)	1175—1177 г.
5.	Давидъ Ростиславичъ (№ 18)	1180+1197 г.
6.	Мстиславъ Романовичъ (№ 32).	1197—1214 г.
7.	Владиміръ Рюриковичъ (№ 12)	1212—1219 г.
8.	Мстиславъ Давидовичъ (№ 29)	1219+1230 г.
9.	Святославъ Мстиславичъ (№ 43)	1232— ?
10.	Всеволодъ Мстиславичъ (№ 10)	1239 г.—?
11.	Ростиславъ Мстиславичъ (№ 38)	?
12.	Глѣбъ Ростиславичъ (№ 14)	?+1277 г.
13.	Михаилъ Ростиславичъ (№ 27)	1277+1279 г.
14.	Өеодоръ Ростиславичъ (№ 49)	1280—1297 г.

15. Александръ Глѣбовичъ (№ 3) . . . . 1297+1313 г.
16. Иванъ Александровичъ (№ 20) . . . . . . 1313+1358 г.
17. Святославъ Ивановичъ (№ 42) . . . . . . 1358+1386 г.
18. Юрій Святославичъ (№ 45) . . . . 1386—1392 г.
1401—1405 г.
19. Глѣбъ Святославичъ (№ 15) . . . . 1392—1395 г.

ГЛАВА IV.

Общественный и политическій бытъ Смоленской земли.

Гораздо раньше, разсматривая торгово-промышленныя отношенія Смольнянъ къ западно-европейскому купечеству, мы вскользь высказали мнѣніе, что въ основу „Смоленской торговой Правды" положены древнѣйшія установленія русскаго обычнаго права, вошедшія въ составъ первыхъ писанныхъ законовъ на Руси,—Русской Правды. Несомнѣнно, послѣдняя была кодексомъ права, дѣйствующимъ и въ Смоленской землѣ во все время ея самостоятельнаго существованія. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только обратить вниманіе на слѣдующіе факты. Такъ, въ Русской Правдѣ за убійство свободнаго человѣка назначается 40 гривенъ за голову; въ Смоленской торговой Правдѣ—10 гривенъ серебра, а за гривну серебра 4 гривны кунами, т. е., 40 гривенъ[1]). Въ § 3, статьѣ *а* Смоленской торговой Правды мы находимъ даже выраженія Русской Правды; „кто биеть дроуга деревъмь, а боудете синь, любо кровавъ...[2])". Какъ въ Русской Правдѣ за смерть княжескаго чиновника назначается вира въ 80 гр. кунъ, такъ точно и по Смоленской торговой Правдѣ за княжескаго городскаго тіуна полагается 20 гр. серебра или 80 гривенъ кунами[3]). По проэкту Всеволода Мстиславича за урваніе бороды, какъ и по Русской Правдѣ, взыскивалось 3 гривны серебра, т. е. 12 гривенъ ку-

---

[1]) Рус. Правда, списокъ Акад. ст. 1 (Христоматія Буданова, I, стр. 21; Смолен. Торгов. Правда, экз. А. § 1, ст. а.

[2]) См. торг. Правда, § 3, ст. а; Русская Правда, ст. 2 (Хрест. Буданова, I, стр. 22).

[3]) Рус. Правда, ст. 21 (ibid., стр. 29); см. Торг. Правда въ проектѣ Всеволода Мстиславича, Русско-Ливон. Акты, стр. 452.

нами[1]). По „Правдѣ" 1229 г. за выбитіе зуба виновный платился штрафомъ въ 3 гривны серебра, или въ 12 гривенъ кунъ, какъ мы и находимъ въ Русской Правдѣ[2]). За увѣчье глаза, руки, ноги по Смоленской торговой Правдѣ взимался штрафъ въ 5 гривенъ серебра, что вполнѣ соотвѣтствуетъ 20 гривнамъ кунами Русской Правды[3]). Оказывается, что тѣ статьи Смоленской торговой Правды, которыми обезпечивается иностранному гостю полученіе долга преимущественно предъ всѣми другими кредиторами, даже если-бы должникъ подлежалъ *потоку*, т. е. изгнанію и конфискаціи имущества,—оказывается, что эти статьи имѣютъ основой статью Русской Правды: „аще кто многымъ долженъ будеть, *а пришедъ гость изъ иного города или чюжоземець*, а не вѣдая запустить за нь товаръ, а опять начнеть не дати гостю кунъ, а первии долъжници запинати емоу начноуть, не дадучи коунъ, то вести я на торгъ и продати *и отдати-же первое гостеви коуны*, а домачнымъ что ся останеть коунъ, тѣмъ ся подѣлять; паки ли боудуть княжи коуны, то княжи коуны переже взяти, а прокъ въ дѣлъ...[4])". Въ Русской-же Правдѣ находится источникъ и постановленія Смоленской торговой Правды о правѣ хозяина поступить по своей волѣ съ пойманнымъ воромъ[5]). Наконецъ, намъ кажется, что одно изъ постановленій проекта Всеволода Мстиславича служитъ къ выясненію статьи Русской Правды объ испытаніи желѣзомъ: „а желѣзного платити 40 кунъ, а мечникоу 5 кунъ, а полъгривны дѣтьскому...[6])". Здѣсь остается неизвѣстнымъ, въ чью пользу шли эти 40 кунъ. Какъ мы видѣли раньше, Смоленская торговая Правда не считаетъ для отвѣтчика обязательнымъ ношеніе желѣза, а предоставляетъ это на его добрую волю. Всеволодъ Мстиславичъ вноситъ сюда небольшое дополненіе, съ которымъ мы также уже знакомы, что, если отвѣтчикъ по доброй волѣ понесетъ желѣзо, и окажется, что онъ невиновенъ, то „10 гривенъ сѣрѣбра за соромъ емоу възяти[7])". 10 гри-

---

[1]) Русская Правда, ст. 72; Проектъ Всеволода Мстиславича, стр. 452.
[2]) Смолен. торгов. Правда, § 2; Русская Правда, ст. 79.
[3]) Рус. Правда Карамзин. списка, ст. 22.
[4]) Смолен. торг. Правда, §§ 5 и 6; Русская Правда, ст. 69.
[5]) Смолен. торгов. Правда, § 33; Русская Правда, ст. 38 и 37.
[6]) Русская Правда, ст. 100.
[7]) Проектъ Всеволода Мстиславича, стр. 452.

венъ серебра составляетъ 40 гривенъ кунъ, какъ и стоитъ въ Русской Правдѣ. Если мы, такимъ образомъ, будемъ считать эти 40 гривенъ кунъ платой за безчестье отвѣтчику, то становится понятнымъ и конецъ статьи, по которому истецъ или обвинитель, „кто и боудеть ялъ“, не платитъ за „муку“ (или у Всеволода: за соромъ), если обнаружатся факты, указывающіе или на средства, употребленныя отвѣтчикомъ для избѣжанія обжога, или подтверждающіе самое преступленіе.

Мы видѣли выше, что съ Смоленской торговой Правды, экземпляръ который хранился въ княжеской канцеляріи, дѣлались копіи съ частными цѣлями: или для руководства княжескихъ чиновниковъ, или купцовъ, словомъ тѣхъ лицъ, которымъ приходилось въ дѣлахъ прибѣгать часто къ справкамъ съ законами. Составлялись цѣлые сборники юридическихъ памятниковъ. Конечно, Смоленская торговая Правда была прежде всего необходима для Смольнянина, а слѣдовательно, сборникъ, въ которомъ оказываются рядомъ Русская Правда, Смоленская торговая Правда, этотъ сборникъ доказываетъ, что въ Смоленской землѣ основаніемъ права была Русская Правда: въ противномъ случаѣ, соединеніе этихъ законодательныхъ памятниковъ въ одномъ мѣстѣ является совершенно непонятнымъ. Такой сборникъ, дѣйствительно, и дошелъ до насъ. Онъ относится къ концу XIV столѣтія [1]).

Чертами глубокой обще-славянской древности отличаются нѣкоторыя общественныя учрежденія Смоленской земли. Судъ послуховъ, то есть, свѣдущихъ людей, дѣйствовалъ, очевидно, не только при разбирательствахъ недоразумѣній между Смольнянами и иностранцами [2]), но и какъ постоянный институтъ, которымъ разрѣшались всѣ случаи правонарушеній между гражданами Смоленской земли. Это древнѣйшее славянское учрежденіе, которое мы находимъ въ законахъ града Загреба, въ Полицкомъ статутѣ, въ законѣ Винодола, въ законникѣ Стефана Душана. Какъ въ Смоленской торговой Правдѣ присяжные— послухи называются людьми добрыми, такъ въ законахъ загреба они именуются „boni vel fide digni viri“, въ Полицкомъ статутѣ „добрыми людьми“ или „добрыми и праведными братами“, „поротниками“ или

---

[1]) Русскія Достопамятности, Москва, 1843 г., ч. II.

[2]) См. главу II.

нами[1]). По „Правдѣ“ 1229 г. за выбитіе зуба виновный платился штрафомъ въ 3 гривны серебра, или въ 12 гривенъ кунъ, какъ мы и находимъ въ Русской Правдѣ[2]). За увѣчье глаза, руки, ноги по Смоленской торговой Правдѣ взимался штрафъ въ 5 гривенъ серебра, что вполнѣ соотвѣтствуетъ 20 гривнамъ кунами Русской Правды[3]). Оказывается, что тѣ статьи Смоленской торговой Правды, которыми обезпечивается иностранному гостю полученіе долга преимущественно предъ всѣми другими кредиторами, даже если-бы должникъ подлежалъ *потоку*, т. е. изгнанію и конфискаціи имущества,—оказывается, что эти статьи имѣютъ основой статью Русской Правды: „аще кто многымъ долженъ будеть, *а пришедъ гость изъ иного города или чюжоземецъ*, а не вѣдая запустить за нь товаръ, а опять начнеть не дати гостю кунъ, а первии должъницi запинати емоу начноуть, не дадучи коунъ, то вести я на торгъ и продати *и отдати-же первое гостеви коуны*, а домачнымъ что ся останеть коунъ, тѣмъ ся подѣлять; паки ли боудуть княжи коуны, то княжи коуны переже взяти, а прокъ въ дѣлъ...[4])“. Въ Русской-же Правдѣ находится источникъ и постановленія Смоленской торговой Правды о правѣ хозяина поступить по своей волѣ съ пойманнымъ воромъ[5]). Наконецъ, намъ кажется, что одно изъ постановленій проекта Всеволода Мстиславича служитъ къ выясненію статьи Русской Правды объ испытаніи желѣзомъ: „а желѣзного платити 40 кунъ, а мечникоу 5 кунъ, а полъгривны дѣтьскому...[6])“. Здѣсь остается неизвѣстнымъ, въ чью пользу шли эти 40 кунъ. Какъ мы видѣли раньше, Смоленская торговая Правда не считаетъ для отвѣтчика обязательнымъ ношеніе желѣза, а предоставляетъ это на его добрую волю. Всеволодъ Мстиславичъ вноситъ сюда небольшое дополненіе, съ которымъ мы также уже знакомы, что, если отвѣтчикъ по доброй волѣ понесетъ желѣзо, и окажется, что онъ невиновенъ, то „10 гривенъ сѣрѣбра за соромъ емоу възяти[7])“. 10 гри-

[1]) Русская Правда, ст. 72; Проектъ Всеволода Мст
[2]) Смолен. торгов. Правда, § 2; Русская Правда,
[3]) Рус. Правда Карамзин. списка, ст. 22.
[4]) Смолен. торг. Правда, §§ 5 и 6; Русская
[5]) Смолен. торгов. Правда, § 33; Русская
[6]) Русская Правда, ст. 100.
[7]) Проектъ Всеволода Мстиславича, с

венъ серебра составляетъ 40 гривенъ кунъ, какъ и стоитъ въ Русской Правдѣ. Если мы, такимъ образомъ, будемъ считать эти 40 гривенъ кунъ платой за безчестье отвѣтчику, то становится понятнымъ и конецъ статьи, по которому истецъ или обвинитель, „кто и боудеть ялъ", не платитъ за „муку" (или у Всеволода: за соромъ), если обнаружатся факты, указывающіе или на средства, употребленныя отвѣтчикомъ для избѣжанія обжога, или подтверждающіе самое преступленіе.

Мы видѣли выше, что съ Смоленской торговой Правды, экземпляръ который хранился въ княжеской канцеляріи, дѣлались копіи съ частными цѣлями: или для руководства княжескихъ чиновниковъ, или купцовъ, словомъ тѣхъ лицъ, которымъ приходилось въ дѣлахъ прибѣгать часто къ справкамъ съ законами. Составлялись цѣлые сборники юридическихъ памятниковъ. Конечно, Смоленская торговая Правда была прежде всего необходима для Смольнянина, а слѣдовательно, сборникъ, въ которомъ оказываются рядомъ Русская Правда, Смоленская торговая Правда, этотъ сборникъ доказываетъ, что въ Смоленской землѣ основаніемъ права была Русская Правда: въ противномъ случаѣ, соединеніе этихъ законодательныхъ памятниковъ въ одномъ мѣстѣ является совершенно непонятнымъ. Такой сборникъ, дѣйствительно, и дошелъ до насъ. Онъ относится къ концу XIV столѣтія [1]).

Чертами глубокой обще-славянской древности отличаются нѣкоторыя общественныя учрежденія Смоленской земли. Судъ послуховъ, то есть, свѣдущихъ людей, дѣйствовалъ, очевидно, не только при разбирательствахъ недоразумѣній между Смольнянами и иностранцами [2]), но и какъ постоянный институтъ, которымъ разрѣшались всѣ случаи правонарушеній между гражданами Смоленской земли. Это древнѣйшее славянское учрежденіе, которое мы находимъ въ законахъ града Загреба, въ Полицкомъ статутѣ, въ законѣ Винодола, въ законникѣ [illegible]а Душана. Какъ въ Смоленской торговой Правдѣ присяжные— [illegible] называ[illegible]ся людьми добрыми, такъ въ законахъ загреба они [illegible]ются „[illegible] fide digni viri", въ Полицкомъ статутѣ „добрыми [illegible]" [illegible]и и праведными братами", „поротниками" или

[illegible]Москва, 1843 г., ч. II.

„поротцами“ въ законникѣ Стефана Душана [1]). Точно также глубокой стариной дышетъ статья Смоленской торговой Правды, кажущаяся при поверхностномъ взглядѣ лишь свидѣтельствомъ господствовавшаго въ Смоленскѣ народнаго произвола. Если должникъ не уплачиваетъ долга, то взысканіе поручается дѣтскому, но „аже Смолняне не додауть емоу вѣль, Смолнянамь платити самымъ, долгъ платити“. Какъ ни странно, но основаніе этого лежитъ въ древнѣйшихъ славянскихъ обычаяхъ. Конечно, такое вмѣшательство Смольнянъ въ отправленіе служебныхъ обязанностей, стремленіе освободить своего согражданина отъ выдачи его головою кредитору, могло имѣть мѣсто лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда отвѣтчикъ взывалъ о помощи къ гражданамъ, или когда послѣдніе почему-либо считали самое взысканіе неправильнымъ. Это заступничество общины за своего гражданина въ древнѣйшихъ законодательныхъ памятникахъ славянскихъ признавалось неотъемлемымъ правомъ общины, и особенно примѣнялось оно при столкновеніяхъ отдѣльныхъ членовъ общины съ чужеземцами [2]). Но если община имѣла право защиты своего члена, то въ то-же время она являлась отвѣтственной за него и принимала на себя вознагражденіе кредитора. Внесеніе общиной такого выкупа уже близко стоитъ съ дикой вирой, когда община не могла найти или не хотѣла выдать виновнаго въ уголовномъ преступленіи. Примѣненіе дикой виры мы видѣли въ Смоленской торговой Правдѣ гораздо раньше.

Эти факты, говорящіе такъ ясно о судѣ присяжныхъ, о правѣ общины заступаться за своего члена, уже даютъ нѣкоторый поводъ предполагать, что въ Смоленской землѣ господствовалъ общинный строй. Рядомъ съ приведенными указаніями мы можемъ поставить два свидѣтельства, которыя указываютъ на то-же явленіе. Такъ въ жалованной грамотѣ Смоленску 1505 г. литовскаго князя Александра мы между прочимъ читаемъ: „абы князѣ, и околничіе, и бояре Смо-

---

[1]) См. превосходную статью Леонтовича: „Старый земскій обычай“ въ Трудахъ VI Археол. Съѣзда т. IV, особенно стр. 200, 205, 225; Его-же: „Древнее хорвато-далматское законодательство“. Одесса, 1868 г. стр. 54, 91, 96; Законъ Винодольскій, изд. Ягича, Спб. 1880 г., стр. 58, ст. XLI; Т. Д. Флоринскій: „Памятники законодательной дѣятельности Душана“, Кіевъ. 1888 г. прил. II, стр. 30.

[2]) Леонтовичъ: „Древнее Хорвато-Далматское законодательство“, стр. 92—93; Т. Д. Флоринскій: „Памятники законодательной дѣятельности Душана“, прил. II, стр. 24.

ленскіе *у своихъ лѣсѣхъ*, которые около Днѣпра маютъ, а *въ дубровахъ* своихъ *не боронили* имъ (жителямъ Смоленска) *хоромовъ рубити* и *дровъ сѣчи, подлѣ давнаго обычая, какъ передъ тымъ было* [1])". Напомнимъ, что въ этомъ документѣ дѣлаются постоянно ссылки на время Витовта, т. е. на тѣ порядки, которые застало въ Смоленской землѣ литовское завоеваніе. Затѣмъ въ грамотѣ Петра I городу Рославлю 1699 г. оказываются еще болѣе интересные факты: „били челомъ земской староста Петрушка Дульковъ и всѣ посацкіе люди: при польскомъ де королѣ владѣли они *лѣсомъ* и *всякими угодьями* за рѣкою Остремъ на пятьнадцать верстъ, и нынѣ де тѣмъ лѣсомъ владѣютъ разные помѣщики,... *да ихъ же де земля* за Остреемъ рѣкою, въ верховьяхъ бортныхъ ухожьевъ"... [2]). Мы не сдѣлаемъ ошибки, если будемъ разсматривать эти притязанія Смольнянъ и Рославлянъ на земли, угодья (очевидно: луга, пастбища) и лѣса, какъ отголосокъ древняго общиннаго владѣнія землей, когда городъ еще не выдѣлился изъ общины, и земля находилась во владѣніи всей совокупности жителей даннаго поселенія или даже цѣлой групы поселеній, во главѣ которыхъ стоялъ городъ. Древнѣйшіе памятники славянскаго обычнаго права даютъ указанія на общинное владѣніе землей пахотной, лѣсами, пастбищами, они же указываютъ, что приведенные нами выше факты восходятъ къ той отдаленной старинѣ, когда Смоленская земля дробилась на отдѣльные союзы нѣсколькихъ сельскихъ общинъ съ центральнымъ своимъ мѣстомъ—градомъ [3]). Правда, въ XII ст. наблюдаются уже факты, которые должны были способствовать развитію частной земельной собственности. Это расчистка и распахиваніе лѣса и устройство новыхъ

---

[1]) Акты Запад. Россіи, т. I, № 213, ст. XXV.

[2]) Рокачевскій: „Опытъ собранія историческихъ записокъ о городѣ Рославлѣ". (Извѣстія Имп. Рус. Археол. Общ. т. IX, стр. 502).

[3]) Леонтовичъ: „Древнее Хорвато-Далматское законодательство", стр. 70, 110—111; о русской общинѣ писано много. Укажемъ здѣсь на собраніе документовъ И. В. Лучицкаго: „Сборникъ матеріаловъ для исторіи общины и общественныхъ земель въ лѣвобережной Украинѣ XVIII в.", Кіевъ. 1884, особенно акты: 57, 58, 59 и дополненія № 16. Интересны факты объ общинномъ владѣніи землей, пастбищами и лѣсомъ въ статьѣ Нассе: „О средне-вѣковомъ общинномъ землевладѣніи и огораживаніи полей въ Англіи". (Временникъ Демидовскаго юридическаго Лицея. Ярославль. 1878 г. кн. XVI); Поль Віоле: „О коллективномъ характерѣ первоначальной недвижимой собственности", перев. Зибера, въ Юридич. Вѣстникѣ 1882 г. май.

поселеній, что доступно было людямъ зажиточнымъ, князьямъ, боярамъ, духовенству[1]); но если подобныя явленія наблюдаются въ теченіе вѣковъ[2]), и не смотря на это, мы и послѣ прекращенія самостоятельнаго существованія Смоленской земли всетаки находимъ общинные порядки или ихъ традиціи, то имѣемъ полное право заключить, что общинное начало было у смоленскихъ Кривичей господствующимъ, основнымъ, изъ котораго проистекалъ весь строй ихъ общественной и государственной жизни.

По древне-славянскимъ законамъ, какъ мы уже видѣли, община имѣла право защиты своего члена. Но это само собою вело уже къ праву общины суда надъ нимъ. Въ самомъ дѣлѣ, если Смольняне, освободивъ должника отъ взысканія, брали на себя уплату его долга, то вѣче, какъ представитель совокупности всѣхъ гражданъ Смоленска, смоленской общины, должно было или признать раньше неправильность постановленія о выдачѣ его головой кредитору, или несоблюденіе другаго обычая—отдачи отвѣтчика на поруки, т. е. должно было разобрать, судить данный фактъ на вѣчѣ, къ которому обращался отвѣтчикъ за покровительствомъ. Мы усматриваемъ здѣсь аппеляцію къ народу, къ вѣчу на судъ княжескихъ судей и находимъ себѣ подтвержденіе въ древнѣйшихъ памятникахъ славянского обычнаго права: по Полицкому статуту, сохранившему славянскіе обычаи самой сѣдой старины, отъ суда князя дозволяется аппелировать на зборъ, т. е. на главное народное собраніе общины[3]), соотвѣтствующее главному вѣчу земли. Въ числѣ другихъ это стремленіе вѣча сохранить за собой право верховнаго судьи въ землѣ было причиной борьбы между вѣчемъ и княземъ. Между тѣмъ мы имѣемъ указаніе, что отдѣльныя общины Смоленской земли, даже съ развитіемъ княжеской власти, могли удерживать за своимъ вѣчемъ право суда надъ своими членами. Для этого стоило общинѣ уплатить князю заранѣе годовую виру[4]). Этотъ фактъ показываетъ, что право вѣча на судъ

---

[1]) „Посланіе Митрополита Климента къ смоленскому пресвитеру Ѳомѣ XII в.", изд. Лопарева, стр. 14.

[2]) Смоленская Посащина 1453 и Грамота литовского князя Александра смоленскому намѣстнику Юрію Глѣбовичу 1494 г., см. Акты Запад. Россіи т. I.

[3]) Леонтовичъ: „Древнее Хорвато-Далматское законодательство", стр. 97.

[4]) Въ уставной грамотѣ Ростислава есть такое мѣсто: „Дѣдичи и дань *и вира* 15 гривенъ"... „Какимъ образомъ вира (уголовный штрафъ), говоритъ М. Фл. Владимірскій-

существовало искони, признавалось обществомъ того времени, и даже самими князьями, а послѣдніе не желали только терять судебныхъ пошлинъ и соглашались получить ихъ въ приблизительномъ количествѣ. Если вѣча отдѣльныхъ общинъ, входившихъ въ составъ Смоленской земли, имѣли право суда, то тѣмъ болѣе, конечно, такимъ правомъ должно было пользоваться вѣче старшаго города, Смоленска. Однако-же мы можемъ предположить, что князья считали для себя эту уступку права суда вѣчу не обязательной, это служило также однимъ изъ важныхъ объектовъ спора между княземъ и вѣчемъ, хранителемъ стародавнихъ правовыхъ обычаевъ предковъ. Судъ является неотъемлемой прерогативой славянской общины, какъ на западѣ, такъ и на Руси [1]).

Говоря о правѣ вѣча на судъ надъ членами общины, мы принуждены ограничиваться лишь тѣми немногими фактами, которые только что были приведены. Совсѣмъ въ иномъ положеніи стоитъ вопросъ о законодательной власти вѣча, о вѣчѣ, какъ равносильномъ съ княземъ правителѣ Смоленской земли. Еще съ незапамятныхъ временъ, какъ только запомнитъ исторія, кривицкое вѣче является главнымъ хозяиномъ во внутреннихъ дѣлахъ. На предложеніе варяжскихъ викинговъ взять ихъ на службу, полоцкій князь отвѣчалъ „подождите немного, чтобы я сообщилъ объ этомъ народу, который даетъ деньги... [2])". Этотъ отголосокъ дѣйствительности, сохраненный намъ въ полупоэтическихъ, полуисторическихъ преданіяхъ сѣвера, подтверждается цѣлымъ рядомъ фактовъ. Говоря о событіяхъ конца XII в., лѣтопись ясно указываетъ на народоправство въ землѣ Смоленской: „Новгородцы бо изначала, и

Будановъ, могла попасть въ окладные доходы? Ясно, что общины откупались отъ платежа виры общею суммою, условленною заранѣе. Но это не значитъ, что преступники въ такой общинѣ оставались уже безнаказанными, что община откупала себѣ право совершать преступленія. Это значитъ только, что преступниковъ судила и карала въ такомъ случаѣ сама община". (Хрестоматія, ч. I, стр., 224, примѣч. 25). Съ этимъ соображеніемъ уважаемаго ученаго мы вполнѣ соглашаемся, тѣмъ болѣе, что другіе, приведенные нами факты, поддерживаютъ такое объясненіе этого мѣста.

[1]) См. Леонтовича: Древнее Хорвато-Далматское законодательство", passim. Лешковъ: „Общинный бытъ древней Россіи", въ Ж. М. Н. Пр. ч. XLI; Иванишевъ: „О древнихъ сельскихъ общинахъ въ юго-западной Россіи". Кіевъ, 1863 г.

[2]) „Rex (Vartilavus): tempus quaeso concede, ut hac de re cum subditis meis communicem, hi enim reddunt pecunias..." (Eymundar Saga, ed. Societas regia antiquariorum Septentrionalium. Hafniae. 1833 г., p. 56).

Смолняне, и Кыяне, и Полочане, и вся власти *якоже на думу на вѣча сходятся*, на что-же *старѣйшии сдумають, на томъ-же пригороди стануть*... [1])". Такимъ образомъ, очевидецъ событій XII в., именно семидесятыхъ годовъ этого столѣтія, знаетъ, что въ Смоленской землѣ въ это время законодателемъ, постановленія котораго были обязательны для всей земли, было вѣче города Смоленска. Это категорическое сообщеніе современника самыхъ событій подтверждается существованіемъ одного изъ важнѣйшихъ законодательныхъ памятниковъ XII ст.,—Уставной грамоты Смоленской епископіи 1151 г. „Во имя Отца и Сына и святаго Духа. Богъ и святая Богородица и отца моего молитва, приведохъ епископа Смоленску, *сдумавъ съ людми своими*"... [2]). Такъ начинается эта грамота. Въ концѣ ея мы находимъ: „да сего не посуживай никтоже, по моихъ днехъ, ни князь, *ни людіе*; *аще ли кто посудить сея грамоты*, что есми далъ къ святѣй Богородици, да той отвѣчаеть въ страшный день святѣй Богородици... [3])". Намъ приходилось уже встрѣчаться съ отдѣльными мѣстами изъ этого документа, которыя достаточно указываютъ на его содержаніе: этой грамотой устанавливается десятина со всѣхъ княжескихъ доходовъ въ пользу епископіи, уступаются послѣдней земельныя угодья и опредѣляется объемъ власти церковнаго суда. Нѣтъ никакого основанія видѣть здѣсь подъ терминомъ „людіе" бояръ. Мы имѣемъ документы, въ которыхъ дѣйствительно выступаютъ бояре, но тамъ это и выражено ясно, какъ въ раньше указанныхъ присяжныхъ грамотахъ Ивана Александровича, Θеодора Ростиславича, на судной грамотѣ послѣдняго по поводу тяжбы купцовъ изъ-за колокола, или какъ въ присяжной грамотѣ Юрія Святославича Ягеллѣ, съ которой мы познакомимся ниже. Наконецъ, наши лѣтописи подъ именемъ людей всегда разумѣютъ народъ, граждавъ, въ противоположность князьямъ и дружинѣ. Можно было-бы указать въ доказательство сказаннаго много лѣтописныхъ мѣстъ, но намъ кажется вполнѣ достаточнымъ привести одно—два изъ нихъ, преимущественно тѣ, гдѣ понятія люди, вѣче, граждане являются тѣсно связанными другъ съ другомъ. Подъ 1097 го-

---

[1]) Лавр. Лѣт. стр. 358.

[2]) Грамота издана въ Дополненіяхъ къ Актахъ Историч., т. I, и въ Хрестоматіи Буданова, ч. 1.

[3]) Хрестоматія Буданова, ч. I, срт. 226.

домъ въ разсказѣ лѣтописи объ осадѣ Владиміромъ Маномахомъ города Владиміра Волынскаго мы находимъ: „*гражани* же слышавше се, и *созвониша вѣче*, и рекоша Давидови (Игоревичу) *людiе на вѣче*..." [1]). Въ 1147 году Кiевляне собрали *вѣче* и рѣшили убить Игоря Ольговича, „и тако *людье* яша Володимера и хотѣша убити про Игоря" [2]). Въ 1169 году Новгородцы вознамѣрились арестовать своего князя Святослава, сына Ростислава Смоленскаго, „и приѣхавше на Городище приятели его, начаша повѣдати: „княже! дѣють *людье вѣче* ночь, а хотять тя яти..." [3]). Разъ только для насъ становится яснымъ, кто эти *людiе*, безъ которыхъ князь смоленскiй не могъ издать своей уставной грамоты, то мы должны признать, что вѣче Смоленской земли имѣло власть законодательную, которую оно раздѣляло съ княземъ, что безъ вѣча невозможна была раскладка установленiя количества даней, дарованiе земли и вообще какихъ-бы то ни было привиллегiй, словомъ, нельзя было вводить въ жизнь земли никакихъ новыхъ условiй. Право законодательное смоленское вѣче удерживаетъ и въ XIII столѣтiи. Мы видѣли, что Смоленская торговая Правда была изготовлена въ двухъ экземплярахъ, изъ которыхъ одинъ былъ оставленъ въ Ригѣ, другой сохранялся въ Смоленскѣ. Вотъ въ этомъ-то послѣднемъ экземплярѣ и обнаруживается, что князь Мстиславъ Давидовичъ не могъ самолично заключить этого договора, что тутъ требовалось предварительное согласiе вѣча, что инструкцiи Тумашу Михайловичу были выработаны точно также по совѣту князя „съ люди", т. е. съ вѣчемъ. Въ самомъ дѣлѣ, *отъ имени Смольнянъ посылается сотскiй Пантелей*; самый договоръ составляется такъ, чтобы „и князю любо бы и всѣмъ Смольняномъ... [4])". Эти факты заставляютъ насъ прiйти къ заключенiю, что и измѣненiя нѣкоторыхъ статей Русской Правды, внесенныя въ Торговую Правду, были совершены княземъ совмѣстно съ вѣчемъ. Такъ по Русской Правдѣ за убiйство холопа платится штрафъ въ 5 гривенъ кунъ, т. е., $1^1/_4$ гривна серебра, а по Смоленской торговой Правдѣ штрафъ равняется 4 гривнамъ кунъ или 1 гривнѣ

---

[1]) Ипатьев. Лѣт. стр. 175.

[2]) Ibidem. стр. 248

[3]) Ibidem., стр. 368.

[4]) Вступленiе, ст. в и е.

нами[1]). По „Правдѣ“ 1229 г. за выбитіе зуба виновный платился штрафомъ въ 3 гривны серебра, или въ 12 гривенъ кунъ, какъ мы и находимъ въ Русской Правдѣ[2]). За увѣчье глаза, руки, ноги по Смоленской торговой Правдѣ взимался штрафъ въ 5 гривенъ серебра, что вполнѣ соотвѣтствуетъ 20 гривнамъ кунами Русской Правды[3]). Оказывается, что тѣ статьи Смоленской торговой Правды, которыми обезпечивается иностранному гостю полученіе долга преимущественно предъ всѣми другими кредиторами, даже если-бы должникъ подлежалъ *потоку*, т. е. изгнанію и конфискаціи имущества,—оказывается, что эти статьи имѣютъ основой статью Русской Правды: „аще кто многымъ долженъ будетъ, *а пришедъ гость изъ иного города или чюжоземецъ*, а не вѣдая запустить за нь товаръ, а опять начнетъ не дати гостю кунъ, а первии долъжници запинати емоу начноутъ, не дадучи коунъ, то вести я на торгъ и продати *и отдати-же первое гостеви коуны*, а домачнымъ что ся останетъ коунъ, тѣмъ ся подѣлять; пакы ли боудуть княжи коуны, то княжи коуны переже взяти, а прокъ въ дѣлъ...[4])“. Въ Русской-же Правдѣ находится источникъ и постановленія Смоленской торговой Правды о правѣ хозяина поступить по своей волѣ съ поймаинымъ воромъ[5]). Наконецъ, намъ кажется, что одно изъ постановленій проекта Всеволода Мстиславича служитъ къ выясненію статьи Русской Правды объ испытаніи желѣзомъ: „а желѣзного платити 40 кунъ, а мечникоу 5 кунъ, а полъгривны дѣтьскому...[6])“. Здѣсь остается неизвѣстнымъ, въ чью пользу шли эти 40 кунъ. Какъ мы видѣли раньше, Смоленская торговая Правда не считаетъ для отвѣтчика обязательнымъ ношеніе желѣза, а предоставляетъ это на его добрую волю. Всеволодъ Мстиславичъ вноситъ сюда небольшое дополненіе, съ которымъ мы также уже знакомы, что, если отвѣтчикъ по доброй волѣ понесетъ желѣзо, и окажется, что онъ невиновенъ, то „10 гривенъ сѣрѣбра за соромъ емоу възяти[7])“. 10 гри-

---

[1]) Русская Правда, ст. 72; Проектъ Всеволода Мстиславича, стр. 452.
[2]) Смолен. торгов. Правда, § 2; Русская Правда, ст. 79.
[3]) Рус. Правда Карамзин. списка, ст. 22.
[4]) Смолен. торг. Правда, §§ 5 и 6; Русская Правда, ст. 69.
[5]) Смолен. торгов. Правда, § 33; Русская Правда, ст. 38 и 37.
[6]) Русская Правда, ст. 100.
[7]) Проектъ Всеволода Мстиславича, стр. 452.

венъ серебра составляетъ 40 гривенъ кунъ, какъ и стоитъ въ Русской Правдѣ. Если мы, такимъ образомъ, будемъ считать эти 40 гривенъ кунъ платой за безчестье отвѣтчику, то становится понятнымъ и конецъ статьи, по которому истецъ или обвинитель, „кто и боудеть ялъ", не платитъ за „муку" (или у Всеволода: за соромъ), если обнаружатся факты, указывающіе или на средства, употребленныя отвѣтчикомъ для избѣжанія обжога, или подтверждающіе самое преступленіе.

Мы видѣли выше, что съ Смоленской торговой Правды, экземпляръ который хранился въ княжеской канцеляріи, дѣлались копіи съ частными цѣлями: или для руководства княжескихъ чиновниковъ, или купцовъ, словомъ тѣхъ лицъ, которымъ приходилось въ дѣлахъ прибѣгать часто къ справкамъ съ законами. Составлялись цѣлые сборники юридическихъ памятниковъ. Конечно, Смоленская торговая Правда была прежде всего необходима для Смольнянина, а слѣдовательно, сборникъ, въ которомъ оказываются рядомъ Русская Правда, Смоленская торговая Правда, этотъ сборникъ доказываетъ, что въ Смоленской землѣ основаніемъ права была Русская Правда: въ противномъ случаѣ, соединеніе этихъ законодательныхъ памятниковъ въ одномъ мѣстѣ является совершенно непонятнымъ. Такой сборникъ, дѣйствительно, и дошелъ до насъ. Онъ относится къ концу XIV столѣтія [1]).

Чертами глубокой обще-славянской древности отличаются нѣкоторыя общественныя учрежденія Смоленской земли. Судъ послуховъ, то есть, свѣдущихъ людей, дѣйствовалъ, очевидно, не только при разбирательствахъ недоразумѣній между Смольнянами и иностранцами [2]), но и какъ постоянный институтъ, которымъ разрѣшались всѣ случаи правонарушеній между гражданами Смоленской земли. Это древнѣйшее славянское учрежденіе, которое мы находимъ въ законахъ града Загреба, въ Полицкомъ статутѣ, въ законѣ Винодола, въ законникѣ Стефана Душана. Какъ въ Смоленской торговой Правдѣ присяжные—послухи называются людьми добрыми, такъ въ законахъ загреба они именуются „boni vel fide digni viri", въ Полицкомъ статутѣ „добрыми людьми" или „добрыми и праведными братами", „поротниками" или

---

[1]) Русскія Достопамятности, Москва, 1843 г., ч. II.

[2]) См. главу II.

„поротцами" въ законникѣ Стефана Душана [1]). Точно также глубокой стариной дышетъ статья Смоленской торговой Правды, кажущаяся при поверхностномъ взглядѣ лишь свидѣтельствомъ господствовавшаго въ Смоленскѣ народнаго произвола. Если должникъ не уплачиваетъ долга, то взысканіе поручается дѣтскому, но „аже Смолняне не додауть емоу въль, Смолнянамь платити самымъ, долгъ платити". Какъ ни странно, но основаніе этого лежитъ въ древнѣйшихъ славянскихъ обычаяхъ. Конечно, такое вмѣшательство Смольнянъ въ отправленіе служебныхъ обязанностей, стремленіе освободить своего согражданина отъ выдачи его головою кредитору, могло имѣть мѣсто лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда отвѣтчикъ взывалъ о помощи къ гражданамъ, или когда послѣдніе почему-либо считали самое взысканіе неправильнымъ. Это заступничество общины за своего гражданина въ древнѣйшихъ законодательныхъ памятникахъ славянскихъ признавалось неотъемлемымъ правомъ общины, и особенно примѣнялось оно при столкновеніяхъ отдѣльныхъ членовъ общины съ чужеземцами [2]). Но если община имѣла право защиты своего члена, то въ то-же время она являлась отвѣтственной за него и принимала на себя вознагражденіе кредитора. Внесеніе общиной такого выкупа уже близко стоитъ съ дикой вирой, когда община не могла найти или не хотѣла выдать виновнаго въ уголовномъ преступленіи. Примѣненіе дикой виры мы видѣли въ Смоленской торговой Правдѣ гораздо раньше.

Эти факты, говорящіе такъ ясно о судѣ присяжныхъ, о правѣ общины заступаться за своего члена, уже даютъ нѣкоторый поводъ предполагать, что въ Смоленской землѣ господствовалъ общинный строй. Рядомъ съ приведенными указаніями мы можемъ поставить два свидѣтельства, которыя указываютъ на то-же явленіе. Такъ въ жалованной грамотѣ Смоленску 1505 г. литовскаго князя Александра мы между прочимъ читаемъ: „абы князѣ, и околничіе, и бояре Смо-

---

[1]) См. превосходную статью Леонтовича: „Старый земскій обычай" въ Трудахъ VI Археол. Съѣзда т. IV, особенно стр. 200, 205, 225; Его-же: „Древнее хорвато-далматское законодательство". Одесса, 1868 г. стр. 54, 91, 96; Законъ Винодольскій, изд. Ягича, Спб. 1880 г., стр. 58, ст. XLI; Т. Д. Флоринскій: „Памятники законодательной дѣятельности Душана", Кіевъ. 1888 г. прил. II, стр. 30.

[2]) Леонтовичъ: „Древнее Хорвато-Далматское законодательство", стр. 92—93; Т. Д. Флоринскій: „Памятники законодательной дѣятельности Душана", прил. II, стр. 24.

ленскіе *у своихъ лѣсѣхъ*, которые около Днѣпра маютъ, а *въ дубровахъ* своихъ *не боронили* имъ (жителямъ Смоленска) *хоромовъ рубити* и *дровъ сѣчи, подлѣ давнаго обычая, какъ передъ тымъ было* [1])". Напомнимъ, что въ этомъ документѣ дѣлаются постоянно ссылки на время Витовта, т. е. на тѣ порядки, которые застало въ Смоленской землѣ литовское завоеваніе. Затѣмъ въ грамотѣ Петра I городу Рославлю 1699 г. оказываются еще болѣе интересные факты: „били челомъ земской староста Петрушка Дульковъ и всѣ посацкіе люди: при польскомъ де королѣ владѣли они *лѣсомъ* и *всякими угодьями* за рѣкою Остремъ на пятьнадцать верстъ, и нынѣ де тѣмъ лѣсомъ владѣютъ разные помѣщики,... *да ихъ же де земля* за Остреемъ рѣкою, въ верховьяхъ бортныхъ ухожьевъ"... [2]). Мы не сдѣлаемъ ошибки, если будемъ разсматривать эти притязанія Смольнянъ и Рославлянъ на земли, угодья (очевидно: луга, пастбища) и лѣса, какъ отголосокъ древняго общиннаго владѣнія землей, когда городъ еще не выдѣлился изъ общины, и земля находилась во владѣніи всей совокупности жителей даннаго поселенія или даже цѣлой групы поселеній, во главѣ которыхъ стоялъ городъ. Древнѣйшіе памятники славянскаго обычнаго права даютъ указанія на общинное владѣніе землей пахотной, лѣсами, пастбищами, они же указываютъ, что приведенные нами выше факты восходятъ къ той отдаленной старинѣ, когда Смоленская земля дробилась на отдѣльные союзы нѣсколькихъ сельскихъ общинъ съ центральнымъ своимъ мѣстомъ—градомъ [3]). Правда, въ XII ст. наблюдаются уже факты, которые должны были способствовать развитію частной земельной собственности. Это расчистка и распахиваніе лѣса и устройство новыхъ

---

[1]) Акты Запад. Россіи, т. I, № 213, ст. XXV.

[2]) Рокачевскій: „Опытъ собранія историческихъ записокъ о городѣ Рославлѣ". (Извѣстія Имп. Рус. Археол. Общ. т. IX, стр. 502).

[3]) Леонтовичъ: „Древнее Хорвато-Далматское законодательство", стр. 70, 110—111; о русской общинѣ писано много. Укажемъ здѣсь на собраніе документовъ И. В. Лучицкаго: „Сборникъ матеріаловъ для исторіи общины и общественныхъ земель въ лѣвобережной Украинѣ XVIII в.", Кіевъ. 1884, особенно акты: 57, 58, 59 и дополненія № 16. Интересны факты объ общинномъ владѣніи землей, пастбищами и лѣсомъ въ статьѣ Нассе: „О средне-вѣковомъ общинномъ землевладѣніи и огораживаніи полей въ Англіи". (Временникъ Демидовскаго юридическаго Лицея. Ярославль. 1878 г. кн. XVI); Поль Віоле: „О коллективномъ характерѣ первоначальной недвижимой собственности", перев. Зибера, въ Юридич. Вѣстникѣ 1882 г. май.

поселеній, чтó доступно было людямъ зажиточнымъ, князьямъ, боярамъ, духовенству[1]); но если подобныя явленія наблюдаются въ теченіе вѣковъ[2]), и не смотря на это, мы и послѣ прекращенія самостоятельнаго существованія Смоленской земли всетаки находимъ общинные порядки или ихъ традиціи, то имѣемъ полное право заключить, что общинное начало было у смоленскихъ Кривичей господствующимъ, основнымъ, изъ котораго проистекалъ весь строй ихъ общественной и государственной жизни.

По древне-славянскимъ законамъ, какъ мы уже видѣли, община имѣла право защиты своего члена. Но это само собою вело уже къ праву общины суда надъ нимъ. Въ самомъ дѣлѣ, если Смольняне, освободивъ должника отъ взысканія, брали на себя уплату его долга, то вѣче, какъ представитель совокупности всѣхъ граждань Смоленска, смоленской общины, должно было или признать раньше неправильность постановленія о выдачѣ его головой кредитору, или несоблюденіе другаго обычая—отдачи отвѣтчика на поруки, т. е. должно было разобрать, судить данный фактъ на вѣчѣ, къ которому обращался отвѣтчикъ за покровительствомъ. Мы усматриваемъ здѣсь аппеляцію къ народу, къ вѣчу на судъ княжескихъ судей и находимъ себѣ подтвержденіе въ древнѣйшихъ памятникахъ славянского обычнаго права: по Полицкому статуту, сохранившему славянскіе обычаи самой сѣдой старины, отъ суда князя дозволяется аппелировать на зборъ, т. е. на главное народное собраніе общины[3]), соотвѣтствующее главному вѣчу земли. Въ числѣ другихъ это стремленіе вѣча сохранить за собой право верховнаго судьи въ землѣ было причиной борьбы между вѣчемъ и княземъ. Между тѣмъ мы имѣемъ указаніе, что отдѣльныя общины Смоленской земли, даже съ развитіемъ княжеской власти, могли удерживать за своимъ вѣчемъ право суда надъ своими членами. Для этого стоило общинѣ уплатить князю заранѣе годовую виру[4]). Этотъ фактъ показываетъ, что право вѣча на судъ

---

[1]) „Посланіе Митрополита Климента къ смоленскому пресвитеру Ѳомѣ XII в.“, изд. Лопарева, стр. 14.

[2]) Смоленская Посащина 1453 и Грамота литовского князя Александра смоленскому намѣстнику Юрію Глѣбовичу 1494 г., см. Акты Запад. Россіи т. I.

[3]) Леонтовичъ: „Древнее Хорвато-Далматское законодательство“, стр. 97.

[4]) Въ уставной грамотѣ Ростислава есть такое мѣсто: „Дѣдичи и дань *и вира* 15 гривенъ“... „Какимъ образомъ вира (уголовный штрафъ), говоритъ М. Фл. Владимірскій-

существовало искони, признавалось обществомъ того времени, и даже самими князьями, а послѣдніе не желали только терять судебныхъ пошлинъ и соглашались получить ихъ въ приблизительномъ количествѣ. Если вѣча отдѣльныхъ общинъ, входившихъ въ составъ Смоленской земли, имѣли право суда, то тѣмъ болѣе, конечно, такимъ правомъ должно было пользоваться вѣче старшаго города, Смоленска. Однако-же мы можемъ предположить, что князья считали для себя эту уступку права суда вѣчу не обязательной, это служило также однимъ изъ важныхъ объектовъ спора между княземъ и вѣчемъ, хранителемъ стародавнихъ правовыхъ обычаевъ предковъ. Судъ является неотъемлемой прерогативой славянской общины, какъ на западѣ, такъ и на Руси [1]).

Говоря о правѣ вѣча на судъ надъ членами общины, мы принуждены ограничиваться лишь тѣми немногими фактами, которые только что были приведены. Совсѣмъ въ иномъ положеніи стоитъ вопросъ о законодательной власти вѣча, о вѣчѣ, какъ равносильномъ съ княземъ правителѣ Смоленской земли. Еще съ незапамятныхъ временъ, какъ только запомнитъ исторія, кривицкое вѣче является главнымъ хозяиномъ во внутреннихъ дѣлахъ. На предложеніе варяжскихъ викинговъ взять ихъ на службу, полоцкій князь отвѣчалъ „подождите немного, чтобы я сообщилъ объ этомъ народу, который даетъ деньги... [2])“. Этотъ отголосокъ дѣйствительности, сохраненный намъ въ полупоэтическихъ, полуисторическихъ преданіяхъ сѣвера, подтверждается цѣлымъ рядомъ фактовъ. Говоря о событіяхъ конца XII в., лѣтопись ясно указываетъ на народоправство въ землѣ Смоленской: „Новгородцы бо изначала, и

Будановъ, могла попасть въ окладные доходы? Ясно, что общины откупались отъ платежа виры общею суммою, условленною заранѣе. Но это не значитъ, что преступники въ такой общинѣ оставались уже безнаказанными, что община откупала себѣ право совершать преступленія. Это значитъ только, что преступниковъ судила и карала въ такомъ случаѣ сама община“. (Хрестоматія, ч. I, стр., 224, примѣч. 25). Съ этимъ соображеніемъ уважаемаго ученаго мы вполнѣ соглашаемся, тѣмъ болѣе, что другіе, приведенные нами факты, поддерживаютъ такое объясненіе этого мѣста.

[1]) См. Леонтовича: Древнее Хорвато-Далматское законодательство“, passim. Лешковъ: „Общинный бытъ древней Россіи“, въ Ж. М. Н. Пр. ч. XLI; Иванишевъ: „О древнихъ сельскихъ общинахъ въ юго-западной Россіи“. Кіевъ, 1863 г.

[2]) „Rex (Vartilavus): tempus quaeso concede, ut hac de re cum subditis meis communicem, hi enim reddunt pecunias...“ (Eymundar Saga, ed. Societas regia antiquariorum Septentrionalium. Hafniae. 1883 г., p. 56).

Смолняне, и Кыяне, и Полочане, и вся власти *якоже на думу на вѣча сходятся*, на что-же *старѣйшии сдумають, на томь-же пригороди станутъ...* [1])". Такимъ образомъ, очевидецъ событій XII в., именно семидесятыхъ годовъ этого столѣтія, знаетъ, что въ Смоленской землѣ въ это время законодателемъ, постановленія котораго были обязательны для всей земли, было вѣче города Смоленска. Это категорическое сообщеніе современника самыхъ событій подтверждается существованіемъ одного изъ важнѣйшихъ законодательныхъ памятниковъ XII ст.,—Уставной грамоты Смоленской епископіи 1151 г. „Во имя Отца и Сына и святаго Духа. Богъ и святая Богородица и отца моего молитва, приведохъ епископа Смоленску, *сдумавъ съ людми своими*"... [2]). Такъ начинается эта грамота. Въ концѣ ея мы находимъ: „да сего не посуживай никтоже, по моихъ днехъ, ни князь, *ни людіе; аще ли кто посудить сея грамоты*, что есми далъ къ святѣй Богородици, да той отвѣчаеть въ страшный день святѣй Богородици... [3])". Намъ приходилось уже встрѣчаться съ отдѣльными мѣстами изъ этого документа, которыя достаточно указываютъ на его содержаніе: этой грамотой устанавливается десятина со всѣхъ княжескихъ доходовъ въ пользу епископіи, уступаются послѣдней земельныя угодья и опредѣляется объемъ власти церковнаго суда. Нѣтъ никакого основанія видѣть здѣсь подъ терминомъ „людіе" бояръ. Мы имѣемъ документы, въ которыхъ дѣйствительно выступаютъ бояре, но тамъ это и выражено ясно, какъ въ раньше указанныхъ присяжныхъ грамотахъ Ивана Александровича, Ѳеодора Ростиславича, на судной грамотѣ послѣдняго по поводу тяжбы купцовъ изъ-за колокола, или какъ въ присяжной грамотѣ Юрія Святославича Ягеллѣ, съ которой мы познакомимся ниже. Наконецъ, наши лѣтописи подъ именемъ людей всегда разумѣютъ народъ, гражданъ, въ противоположность князьямъ и дружинѣ. Можно было-бы указать въ доказательство сказаннаго много лѣтописныхъ мѣстъ, но намъ кажется вполнѣ достаточнымъ привести одно—два изъ нихъ, преимущественно тѣ, гдѣ понятія люди, вѣче, граждане являются тѣсно связанными другъ съ другомъ. Подъ 1097 го-

---

[1]) Лавр. Лѣт. стр. 358.

[2]) Грамота издана въ Дополненіяхъ къ Актахъ Историч., т. I, и въ Хрестоматіи Буданова, ч. 1.

[3]) Хрестоматія Буданова, ч. I, срт. 226.

домъ въ разсказѣ лѣтописи объ осадѣ Владиміромъ Маномахомъ города Владиміра Волынскаго мы находимъ: „*гражани* же слышавше се, и *созвониша вѣче*, и рекоша Давидови (Игоревичу) *людье на вѣче*..." [1]). Въ 1147 году Кіевляне собрали *вѣче* и рѣшили убить Игоря Ольговича, „и тако *людье* яша Володимера и хотѣша убити про Игоря" [2]). Въ 1169 году Новгородцы вознамѣрились арестовать своего князя Святослава, сына Ростислава Смоленскаго, „и приѣхавше на Городище приятели его, начаша повѣдати: „княже! дѣють *людье вѣче* ночь, а хотять тя яти..." [3]). Разъ только для насъ становится яснымъ, кто эти *людіе*, безъ которыхъ князь смоленскій не могъ издать своей уставной грамоты, то мы должны признать, что вѣче Смоленской земли имѣло власть законодательную, которую оно раздѣляло съ княземъ, что безъ вѣча невозможна была раскладка установленія количества даней, дарованіе земли и вообще какихъ-бы то ни было привиллегій, словомъ, нельзя было вводить въ жизнь земли никакихъ новыхъ условій. Право законодательное смоленское вѣче удерживаетъ и въ XIII столѣтіи. Мы видѣли, что Смоленская торговая Правда была изготовлена въ двухъ экземплярахъ, изъ которыхъ одинъ былъ оставленъ въ Ригѣ, другой сохранялся въ Смоленскѣ. Вотъ въ этомъ-то послѣднемъ экземплярѣ и обнаруживается, что князь Мстиславъ Давидовичъ не могъ самолично заключить этого договора, что тутъ требовалось предварительное согласіе вѣча, что инструкціи Тумашу Михайловичу были выработаны точно также по совѣту князя „съ люди", т. е. съ вѣчемъ. Въ самомъ дѣлѣ, *отъ имени Смольнянъ посылается сотскій Пантелей*; самый договоръ составляется такъ, чтобы „и князю любо бы и всѣмъ Смольняномъ... [4])". Эти факты заставляютъ насъ прійти къ заключенію, что и измѣненія нѣкоторыхъ статей Русской Правды, внесенныя въ Торговую Правду, были совершены княземъ совмѣстно съ вѣчемъ. Такъ по Русской Правдѣ за убійство холопа платится штрафъ въ 5 гривенъ кунъ, т. е., $1^1/_4$ гривна серебра, а по Смоленской торговой Правдѣ штрафъ равняется 4 гривнамъ кунъ или 1 гривнѣ

---

[1]) Ипатьев. Лѣт. стр. 175.

[2]) Ibidem. стр. 248

[3]) Ibidem., стр. 368.

[4]) Вступленіе, ст. в и е.

серебра [1]). Рядомъ съ этимъ стоитъ и участіе вѣча, если не во всѣхъ, то въ важнѣйшихъ обстоятельствахъ общерусской политики. Такъ въ 1159 г., когда шелъ споръ о назначеніи митрополита, и выставлялись два кандидата, при чемъ за одного стоялъ смоленскій князь, были посланы въ Кіевъ двое бояръ и представитель отъ Смольнянъ [2])". Признавая себя главою земли, ея хозяиномъ, вѣче всегда ставило на первый планъ интересы областные, и въ такихъ случаяхъ всѣ другія соображенія отступали у смоленскаго вѣча на второй планъ. Въ 1214 году въ вѣковомъ спорѣ Мстиславичей съ Ольговичами наступилъ критическій моментъ: Всеволодъ Чермный, захвативъ Кіевъ, стремился прогнать Мономаховичей изъ южной Россіи. Ростиславичи рѣшились напрячь силы Новгорода и Смоленска, чтобы посадить въ Кіевѣ Мстислава Романовича. Когда Новгородцы явились въ Смоленскъ, то между ними и Смольнянами вспыхнулъ раздоръ, очевидно, по поводу какихъ-нибудь старыхъ торговыхъ или порубежныхъ споровъ. Новгородцы убили одного Смольнянина, и дѣло дошло до того, что Новгородцы не хотѣли идти далѣе. Очевидно, со стороны Смольнянъ требовалась какая-то въ чемъ-то уступка, но вѣче на это не согласилось, что и было причиной отказа Новгородцевъ слѣдовать далѣе на югъ [3]). При подобныхъ обстоятельствахъ князь оказывался вполнѣ безсильнымъ. Въ 1185 году, послѣ пораженія сѣверскихъ князей Половцами, Святославъ кіевскій требуетъ помощи отъ всѣхъ князей. Двинулся на югъ съ смоленскими ополченіями и Давидъ Ростиславичъ. Смольняне дошли только до Триполя и отказались двигаться далѣе. Они составили вѣче, которое сказало князю: „*мы пошли до Кіева*, и если бы была тутъ рать, то дрались-бы; намъ не искать другой рати: мы не можемъ, уже изнемогли". Давидъ принужденъ былъ вернуться назадъ [4]). Слова, сказанныя Смольнянами князю: „мы *пошли* только *до Кіева*", показываютъ, что именно такъ, съ этимъ условіемъ вѣче въ Смоленскѣ согласилось дать свои ополченія: въ противномъ случаѣ, это заявленіе не имѣетъ смысла.

[1]) См Русскую Правду по Академ. списку ст. 23, Карамзин. списка ст. 13 (Хрестоматія Буданова, стр. 29 и 39); См. Правды § 3 и Рус. Правда ст. 2 и 3.

[2]) Ипатьев. Лѣт. стр. 344—345.

[3]) Новгород. I Лѣт. стр. 195.

[4]) Ипатьев. Лѣт. стр. 435—436.

Имѣя законодательную власть, вѣче имѣло право отмѣнять прежде дѣйствовавшія постановленія, на что ясно указываетъ послѣсловіе первой уставной грамоты Ростислава, приведенное нами выше. Князь сознаетъ это право вѣча и его силу и въ охрану изданнаго закона старается подѣйствовать лишь угрозою отвѣта святой Богородицѣ тому будущему исполненію Смольнянъ, вѣче которого, по своему праву, отмѣнило-бы только что утвержденныя привиллегіи смоленской церкви. „Да сего не посуживай никтоже, ни князь, *ни людіе...*", говоритъ Ростиславъ Мстиславичъ и говоритъ это сознательно. Бойко, живо, шла жизнь населенія города Смоленска. Смольняне, „дерзи боеви", поставленные въ благопріятныя географическія условія, были народомъ подвижнымъ, дѣятельнымъ. Тѣсныя и давнія торговыя сношенія съ окрестными землями, путешествія съ торговыми цѣлями въ иностранные города, проживаніе тамъ, пребываніе иностранцевъ въ Смоленскѣ,—все это приносило имъ множество свѣжихъ, постоянно новыхъ впечатлѣній, расширявшихъ ихъ умственный кругозоръ, но вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлавшихъ ихъ впечатлительными и легко подчиняющимися постороннему вліянію. Мы увидимъ далѣе, что въ Смоленскѣ по тому времени довольно высоко стояло школьное образованіе, которое распространялось преимущественно между болѣе зажиточнымъ, конечно, классомъ: князьями, боярствомъ, купечествомъ, духовенствомъ. Но не надо забывать, что въ то время не было рѣзкой грани между отдѣльными групами населенія, что и купечество, и духовенство, и мѣстное боярство выходило изъ народа и уходило въ народъ, что все это сходилось вмѣстѣ на вѣчѣ, гдѣ среди обсужденія важныхъ дѣлъ, говорилось много къ дѣламъ не относящагося, велисъ разговоры о тѣхъ явленіяхъ мѣстной жизни, которыя въ данный моментъ возбуждали интересъ. Этимъ путемъ переходили частицы школьнаго образованія къ народной массѣ, которая принимала ихъ по своему, перерабатывала иногда на свой ладъ, но тѣмъ не менѣе, толкуя многое по своему, получала интересъ ко многимъ вопросамъ текущей жизни и пріучалась ими интересоваться. Превосходную картину смоленской жизни рисуетъ намъ житіе Преподобнаго Авраамія Смоленскаго [1]). Граждане Смоленска въ высшей степени увлечены пропо-

---

[1]) Объ этомъ замѣчательномъ литературномъ памятникѣ мы будемъ говорить ниже.

вѣдями священника Богородицкаго монастыря Авраамія; они толпами сходятся къ нему послушать его поученія, чтенія божественныхъ книгъ и искуснаго, для всѣхъ вразумительнаго, ихъ толкованія. Но когда проповѣди Преподобнаго Авраамія возбуждаютъ противъ него духовенство, когда оно начинаетъ распускать о немъ слухи, какъ объ еретикѣ, читающемъ „голубиныя книги", народъ возбуждается. Толпы его съ криками и ругательствами сопровождаютъ Авраамія на судъ, выражая сильный интересъ къ его исходу: „и весь градъ, и по торгу, и по улицамъ, вездѣ полно народа, мужи же глаголюще, и жены, и дѣти [1])". При такой отзывчивости и измѣнчивости въ своихъ взглядахъ населеніе Смоленска, являвшееся рѣшителемъ вопросовъ внутренней жизни земли, могло легко измѣнить сдѣланныя ранѣе постановленія вѣча, измѣнить подъ вліяніемъ какихъ-нибудь обстоятельствъ. Въ томъ-же житіи мы находимъ бѣглое указаніе, что церковныя имущества въ землѣ Смоленской не разъ подвергались нападкамъ, что случались попытки урѣзать ихъ или сократить церковныя привиллегіи, что одинъ изъ епископовъ Смоленска, Лазарь, не въ состояніи былъ выдержать всѣхъ этихъ волненій, возбуждаемыхъ по поводу церковныхъ привиллегій или имуществъ, и удалился съ каѳедры [2]). Народъ, чутко относившійся ко всѣмъ явленіямъ текущей жизни, являлся на вѣчѣ или защитникомъ церкви противъ князей и бояръ, или самъ могъ возставать подъ вліяніемъ требованій минуты, по поводу того или инаго частнаго случая, противъ непрекосновенности имущественныхъ правъ церкви. А такіе случаи бывали: моръ, голодъ, торговыя затрудненія (духовныя лица были предпріимчивыми торговцами), войны. Столь же чутко относилось населеніе Смоленска и къ явленіямъ политической жизни. Мы привели несомнѣнные факты участія вѣча въ политическихъ событіяхъ. А вотъ картина, какъ отзывались они на населеніи Смоленска, и какой энергіей отличалось смоленское вѣче. Въ 1440 г. въ среду, на Пасхѣ, рѣшили Смольняне, черные люди, кузнецы, кожемяки, шевники, мясники, котельники, выгнать изъ города литов-

---

[1]) Цитируемъ по изданію Аристова. Хрестоматія по Русской Исторіи, стр. 407.

[2]) Ibidem., стр. 409. Въ самой Уставной грамотѣ Ростислава есть мѣсто, которое могло давать поводъ къ недоразумѣніямъ въ послѣдующія времена: „по Божью строю, чи которая дань оскудѣеть, *или ратью, или коимъ образомъ, по силѣ* что почнеть давати тыи дани, а изъ того десятина Святѣй Богородици". (См. въ приложеніи).

скаго намѣстника: они обрядились въ достѣхи, и съ копьями, стрѣлами, колами и топорами въ рукахъ, *зазвонили въ вѣчевой колоколъ*. По совѣту бояръ, намѣстникъ двинулся съ своимъ гарнизономъ противъ народа, и у церкви святыхъ Бориса и Глѣба произошло столкновеніе. Много черныхъ людей пало подъ ударомъ копій, много было переранено. Народъ бѣжалъ, но намѣстникъ не рѣшился оставаться далѣе въ Смоленскѣ и вмѣстѣ съ смоленскими боярами выѣхалъ изъ города. Тогда народъ утопилъ Петрыку, маршалка Смоленскаго, а вѣче выбрало себѣ князя Андрея Дмитріевича Дарогобужскаго и посадило въ Смоленскѣ [1]). Но это было время уже паденія вѣча. Боярство уже окончательно отдѣлилось отъ народа и стояло изъ-за личныхъ выгодъ на сторонѣ чужой власти завоевателей Литовцевъ. Вѣче по прежнему собирается по звону колокола, но участвуютъ на немъ только черные люди. Совсѣмъ иное мы видимъ въ періодъ самобытной жизни Смоленской земли. Тогда вѣче представляло собою совокупность всѣхъ гражданъ лучшихъ и худшихъ, людей вятшихъ и черныхъ. „Въ то же время (въ 1186 г.), говоритъ лѣтопись, „встань бысть Смоленьске промежи князьмь Давидомь и Смолняны, и много головъ поде *лучьшихъ мужъ* [2])". Измѣнился составъ вѣча, но картина одна та-же, какъ въ XV, такъ и въ XII ст.: вѣче съ оружіемъ въ рукахъ считаетъ себя въ правѣ отстаивать свои интересы. Эта борьба князя и вѣча проходитъ чрезъ всю исторію Смоленска. Особенно обостренныя отношенія обнаруживаются въ княженіе Романа и Давида Ростиславичей. „Царю мой благый, говоритъ княгиня Романа надъ его гробомъ,... многия досады прия отъ Смолнянъ, и не видѣ тя, господине, николи же противу ихъ злу никоторою зла въздающи... [3])". Очевидно, Романъ Ростиславичъ, если вѣрить послѣднимъ словамъ княгини, старался еще поддерживать добрыя отношенія съ вѣчемъ, подобно отцу своему Ростиславу, умѣвшему соблюдать права вѣча, что видно изъ Уставной грамоты 1151 года. Но при Давидѣ дѣло ухудшилось. Начались постоянныя недоразумѣнія. „Сказываютъ Смолнянѣ, ожь братья ихъ недобрѣ с Давыдомъ [4])".

---

[1]) Лѣтопись Попова, стр. 54. (Учен. Записки II отд. Имп. Ак. Н. 1854 г. кн. 1).
[2]) Новгород. I лѣт. стр. 161.
[3]) Ипатьев. Лѣт. стр. 416.
[4]) Ibidem., стр. 464—466.

вѣдями священника Богородицкаго монастыря Авраамія; они толпами сходятся къ нему послушать его поученія, чтенія божественныхъ книгъ и искуснаго, для всѣхъ вразумительнаго, ихъ толкованія. Но когда проповѣди Преподобнаго Авраамія возбуждаютъ противъ него духовенство, когда оно начинаетъ распускать о немъ слухи, какъ объ еретикѣ, читающемъ „голубиныя книги“, народъ возбуждается. Толпы его съ криками и ругательствами сопровождаютъ Авраамія на судъ, выражая сильный интересъ къ его исходу: „и весь градъ, и по торгу, и по улицамъ, вездѣ полно народа, мужи же глаголюще, и жены, и дѣти [1])“. При такой отзывчивости и измѣнчивости въ своихъ взглядахъ населеніе Смоленска, являвшееся рѣшителемъ вопросовъ внутренней жизни земли, могло легко измѣнить сдѣланныя ранѣе постановленія вѣча, измѣнить подъ вліяніемъ какихъ-нибудь обстоятельствъ. Въ томъ-же житіи мы находимъ бѣглое указаніе, что церковныя имущества въ землѣ Смоленской не разъ подвергались нападкамъ, что случались попытки урѣзать ихъ или сократить церковныя привиллегіи, что одинъ изъ епископовъ Смоленска, Лазарь, не въ состояніи былъ выдержать всѣхъ этихъ волненій, возбуждаемыхъ по поводу церковныхъ привиллегій или имуществъ, и удалился съ каѳедры [2]). Народъ, чутко относившійся ко всѣмъ явленіямъ текущей жизни, являлся на вѣчѣ или защитникомъ церкви противъ князей и бояръ, или самъ могъ возставать подъ вліяніемъ требованій минуты, по поводу того или инаго частнаго случая, противъ непрекосновенности имущественныхъ правъ церкви. А такіе случаи бывали: моръ, голодъ, торговыя затрудненія (духовныя лица были предпріимчивыми торговцами), войны. Столь же чутко относилось населеніе Смоленска и къ явленіямъ политической жизни. Мы привели несомнѣнные факты участія вѣча въ политическихъ событіяхъ. А вотъ картина, какъ отзывались они на населеніи Смоленска, и какой энергіей отличалось смоленское вѣче. Въ 1440 г. въ среду, на Пасхѣ, рѣшили Смольняне, черные люди, кузнецы, кожемяки, шевники, мясники, котельники, выгнать изъ города литов-

---

[1]) Цитируемъ по изданію Аристова. Хрестоматія по Русской Исторіи, стр. 407.

[2]) Ibidem., стр. 409. Въ самой Уставной грамотѣ Ростислава есть мѣсто, которое могло давать поводъ къ недоразумѣніямъ въ послѣдующія времена: „по Божью строю, чи которая дань оскудѣеть, *или ратью, или коимъ образомъ, по силѣ* что почнеть давати тыи дани, а изъ того десятина Святѣй Богородици“. (См. въ приложеніи).

скаго намѣстника: они обрядились въ достѣхи, и съ копьями, стрѣлами, колами и топорами въ рукахъ, *зазвонили въ вѣчевой колоколъ*. По совѣту бояръ, намѣстникъ двинулся съ своимъ гарнизономъ противъ народа, и у церкви святыхъ Бориса и Глѣба произошло столкновеніе. Много черныхъ людей пало подъ ударомъ копій, много было переранено. Народъ бѣжалъ, но намѣстникъ не рѣшился оставаться далѣе въ Смоленскѣ и вмѣстѣ съ смоленскими боярами выѣхалъ изъ города. Тогда народъ утопилъ Петрыку, маршалка Смоленскаго, а вѣче выбрало себѣ князя Андрея Дмитріевича Дарогобужскаго и посадило въ Смоленскѣ [1]). Но это было время уже паденія вѣча. Боярство уже окончательно отдѣлилось отъ народа и стояло изъ-за личныхъ выгодъ на сторонѣ чужой власти завоевателей Литовцевъ. Вѣче по прежнему собирается по звону колокола, но участвуютъ на немъ только черные люди. Совсѣмъ иное мы видимъ въ періодъ самобытной жизни Смоленской земли. Тогда вѣче представляло собою совокупность всѣхъ гражданъ лучшихъ и худшихъ, людей вятшихъ и черныхъ. „Въ то же время (въ 1186 г.), говоритъ лѣтопись, „въстань бысть Смоленьске промежи князьмь Давидомь и Смолняны, и много головъ поде *лучьшихъ мужъ* [2])". Измѣнился составъ вѣча, но картина одна та-же, какъ въ XV, такъ и въ XII ст.: вѣче съ оружіемъ въ рукахъ считаетъ себя въ правѣ отстаивать свои интересы. Эта борьба князя и вѣча проходитъ чрезъ всю исторію Смоленска. Особенно обостренныя отношенія обнаруживаются въ княженіе Романа и Давида Ростиславичей. „Царю мой благый, говоритъ княгиня Романа надъ его гробомъ,... многия досады прия отъ Смолнянъ, и не видѣ тя, господине, николи же противу ихъ злу никоторою зла въздающи... [3])". Очевидно, Романъ Ростиславичъ, если вѣрить послѣднимъ словамъ княгини, старался еще поддерживать добрыя отношенія съ вѣчемъ, подобно отцу своему Ростиславу, умѣвшему соблюдать права вѣча, что видно изъ Уставной грамоты 1151 года. Но при Давидѣ дѣло ухудшилось. Начались постоянныя недоразумѣнія. „Сказываютъ Смолнянѣ, ожь братья ихъ недобрѣ с Давыдомъ [4])".

---

[1]) Лѣтопись Попова, стр. 54. (Учен. Записки II отд. Имп. Ак. Н. 1854 г. кн. 1).

[2]) Новгород. I лѣт. стр. 161.

[3]) Ипатьев. Лѣт. стр. 416.

[4]) Ibidem., стр. 464—466.

Это недоброе житіе разрѣшалось подчасъ, какъ мы видѣли, вооруженными столкновеніями.

Признавая себя хозяиномъ Смоленской земли, являясь хранителемъ древнѣйшихъ славянскихъ традицій, вѣче всегда считало себя въ правѣ избирать князя. Право избранія князя вѣчемъ мы находимъ въ Полицкомъ статутѣ, въ памятникѣ, сохранившемъ самыя архаическія черты обычнаго славянскаго права [1]). Еще въ 1096 г., когда Смоленскъ признавался принадлежащимъ Владиміру Маномаху, смоленское вѣче приняло къ себѣ княземъ Давида Святославича [2]). Оно затѣмъ не дозволяетъ Олегу Святославичу остаться въ Смоленскѣ, но однако снабжаетъ его своимъ ополченіемъ [3]). Но вотъ въ Смоленскѣ устанавливается на княженіи родъ только что упомянутаго Ростислава Мстиславича. Вѣче, по видимому, живетъ съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ, но лишь только садится на великокняжескомъ смоленскомъ столѣ Романъ Ростиславичъ, положеніе измѣняется. Вѣче Смоленска, какъ видно, мало интересовалось южными дѣлами, а требовало отъ князя блюсти свою землю. Между тѣмъ Романа болѣе интересуетъ югъ. Въ 1174 году онъ уходитъ въ Кіевъ и сажаетъ въ Смоленскѣ своего сына, Ярополка. Но онъ не долго усидѣлъ: вѣче выгнало его въ 1175 году и посадило на великокняжескомъ столѣ Мстислава Ростиславича [4]). Борьба, какъ мы видѣли, продолжалась еще съ большей силой при Давидѣ Ростиславичѣ. Но, судя потому, что сынъ послѣдняго, Мстиславъ Ѳеодоръ Давидовичъ, заключаетъ договоръ 1229 года при участіи вѣча, послѣднее удержало за собою прежнее значеніе. Со смертью Мстислава—Ѳеодора Давидовича начинается новый періодъ въ исторіи Смоленской земли, характеризующійся постоянной внутренней борьбой. По фактамъ послѣдней половины этого періода можно предположить, что въ неурядицахъ не послѣднюю роль играло и смоленское вѣче. Такъ мы видимъ, что народъ стойко поддерживаетъ послѣдняго князя, Юрія Святославича. Когда послѣдній бѣжалъ къ своему тестю Олегу Рязанскому, а въ Смоленскѣ были посажены литовскіе намѣстники, вспыхиваетъ борьба между

---

[1]) Леонтовичъ: „Древнее Хорвато-Далматское Законодательство“, стр. 79.

[2]) Ипатьев. Лѣт. стр. 159.

[3]) Ibidem. стр. 161 и 164.

[4]) Ibid. стр. 406.

партіями, изъ которыхъ одна хочетъ остаться подъ властью Литвы, другая желаетъ возвращенія своего князя, „своего отчича". Эта партія сносится съ Юріемъ и призываютъ его въ Смоленскъ. Тутъ уже прямо обнаруживается какая это партія: Юрій сносится *съ горожанами*. Затѣмъ начинается расправа съ противной партіей: бояре смоленскіе были перебиты; вмѣстѣ съ ними пострадали литовскій намѣстникъ, князь Брянскій Романъ и его бояре; но и послѣ этого волненіе улеглось не сразу [1]). Это энергическое участіе вѣча въ послѣднихъ событіяхъ заставляетъ предполагать, что и ранѣе народное собраніе не было безучастно къ текущимъ явленіямъ жизни. Когда въ 1230 году умеръ Мстиславъ Давидовичъ, старшимъ среди всей семьи князей смоленскихъ является Владиміръ Рюриковичъ. Но съ 1219 года онъ безвыѣздно живетъ на югѣ. И вотъ въ 1232 г. неожиданно обнаруживаются въ Смоленскѣ новыя волненія, о важности и силѣ которыхъ мы можемъ составить себѣ довольно ясное представленіе, но о причинѣ—можемъ дѣлать болѣе или менѣе близкія къ истинѣ предположенія. Князь Святославъ Мстиславичъ, сынъ Мстислава Романовича, сидѣвшій въ Полоцкѣ съ 1222 года, сталъ сносится съ Смольнянами и требовать, чтобы они приняли его къ себѣ княземъ. Но Смольняне (т. е. смоленское вѣче) отказались исполнить его желаніе. Тогда неожиданно на Борисовъ день съ полоцкими ополченіями Святославъ явился подъ Смоленскомъ и взялъ его приступомъ. Онъ перебилъ сторонниковъ противной ему партіи и сѣлъ на великокняжескомъ столѣ [2]). Такимъ образомъ въ этотъ моментъ смоленской исторіи произошло то-же самое, что и почти 200 лѣтъ спустя. Какъ теперь, такъ и послѣ идетъ въ Смоленскѣ борьба партій; легкость взятія Смоленска указываетъ, что и теперь были сторонники князя Святослава, какъ позже Юрія, и они-то отворили ему ворота, какъ это сдѣлала, 200 лѣтъ спустя пиртія литовская для Витовта [3]). Но съ вокняженіемъ Святослава Мстиславича, какъ видно, спокойствіе не установилось. Спустя всего 6—7 лѣтъ Ярославъ Всеволодовичъ является примирителемъ враждовавшихъ въ Смоленскѣ партій. Лѣтопись упо-

---

[1]) Лѣтопись Попова, стр. 42—43 (Уч. Зап. II отд. Имп. Ак. Н., 1854 г. кн. 1).

[2]) Новгор. I Лѣт. стр. 241. Анализъ этихъ событій см. выше въ главѣ III. Родъ князей Смоленскихъ подъ № 43.

[3]) Никон. Лѣт. ч. 4, стр. 310.

требляетъ въ этомъ случаѣ выраженіе *„и уряди Смолняны“*, не допускающее никакого другого толкованія. Очевидно, Святославъ Мстиславичъ явился для вѣча очень тяжелымъ княземъ, опираясь на пришлый полоцкій элементъ. Но выборъ князя затруднялся. Въ это время могли предъявлять право на великокняжескій смоленскій столъ двѣ вѣтви рода Ростислава Мстиславича: вѣтвь Мстислава Романовича и вѣтвь Мстислава Давидовича. Выборъ могъ колебаться между Всеволодомъ Мстиславичемъ (сыномъ Мстислава Романовича) и Ростиславомъ Мстиславичемъ (сыномъ Мстислава—Θеодора Давидовича) [1]. Присутствіе Ярослава Всеволодовича рѣшило дѣло въ пользу семьи Мстислава Романовича [2]. Такимъ образомъ, до послѣднихъ дней самостоятельнаго существованія Смоленска вѣче является главою земли наравнѣ съ княземъ, и если вѣчю приходится уступить, то только послѣ энергическаго съ его стороны сопротивленія подъ давленіемъ внѣшней силы. Но борясь противъ всякой попытки отнять или уменьшить прерогативы его власти со стороны князей, вѣче вмѣстѣ съ тѣмъ съ замѣчательной теплотой и любовью относится къ тѣмъ изъ нихъ, которые умѣютъ ладить съ народомъ и быть полезными своей родной землѣ. Съ великою радостью встрѣчаютъ Смольняне Ростислава Мстиславича за 300 верстъ до Смоленска, когда онъ изъ Кіева ѣхалъ въ Новгородъ въ 1168 году [3]. Не ладило вѣче съ Романомъ Ростиславичемъ, но тѣмъ не менѣе „плакошася по немь вси Смолнянѣ“ [4]. Много досадъ принялъ этотъ князь отъ Смольнянъ, но никогда, какъ видно, не прибѣгалъ къ насилію: лѣтописи не сохранили намъ ни малѣйшаго намека на какое нибудь вооруженное столкновеніе, какъ относительно времени княженія Давида Ростиславича. Мы не имѣемъ никакого основанія не довѣрять также извѣстію, выясняющему намъ причину особеннаго расположенія Смольнянъ къ Роману Ростиславичу. Какая-то недошедшая до насъ лѣтопись разсказываетъ, что это былъ князь, не любившій войны; онъ былъ очень ученъ и побуждалъ своихъ братьевъ, бояръ и многихъ людей къ ученью, устраивалъ училища, содержалъ Грековъ и латинистовъ на свои средства и не хо-

---

[1]) Объ этихъ князьяхъ см. подъ № 32, 29, 10, 38.

[2]) Лавр. Лѣт. стр. 446; Воскр. Лѣт. стр. 119 (П. С. Р. Л. т. 7).

[3]) Ипатьев. Лѣт. стр. 362.

[4]) Ibidem. стр. 417.

тѣлъ имѣть неученыхъ священниковъ; траты его на просвѣщеніе были такъ велики, что Смольняне принуждены были сдѣлать сборъ денегъ на его похороны, и любовь народная выразилась тутъ тѣмъ, что было собрано болѣе годоваго княжескаго дохода [1]). Мы ниже увидимъ факты, вполнѣ подтверждающіе только что приведенную характеристику.

Посмотримъ теперь на положеніе князя Смоленской земли. Онъ прежде всего является внѣшнимъ представителемъ земли. Съ нимъ сносятся князья другихъ областей, къ нему обращаются иноземныя правительства. Онъ отправляетъ посольства. Присяжныя грамоты пишутся отъ его имени. Онъ прикладываетъ свою печать къ договорамъ. Отъ его имени издаются новыя постановленія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы видѣли, что прежде, чѣмъ выйдетъ какой нибудь актъ изъ княжеской канцеляріи, вопросъ обсуждается, разрабатывается и рѣшается на совѣщаніи князя съ вѣчемъ. Князь является предводителемъ смоленскихъ ополченій. Но мы не можемъ утверждать, чтобы послѣдніе участвовали во всѣхъ княжескихъ предпріятіяхъ. Первый болѣе или менѣе ясный намекъ, что князья пользовались земскими ратями и имѣли иногда въ нихъ нужду, мы находимъ въ письмѣ Изяслава Мстиславича къ брату Ростиславу въ 1147 году. „Пойди сюда ко мнѣ (въ Кіевъ), а тамъ наряди Новгородцевъ и Смольнянъ, пусть удерживаютъ Юрія..." [2]). Дѣйствительно, братья и соединились у Черной Могилы въ Черниговской волости, при чемъ Ростиславъ былъ „съ Смольнянами, съ множествомъ вой" [3]). Нельзя, кажется, сомнѣваться въ участіи смоленскихъ ополченій и въ походѣ Ростиславичей на Кіевъ противъ Всеволода Чермнаго въ 1214 г., когда между Смольнянами и Новгородцами произошло столкновеніе изъ-за какихъ-то старыхъ недоразумѣній [4]). Точно также земскія рати Смоленска участвуютъ въ Липецкой битвѣ въ 1216 году. Владиміръ Рюриковичъ явился съ ними къ устью рѣки Вазузы [5]). Прямое и ясное указаніе

---

[1]) Татищевъ; „Исторія Россійская", кн. III, стр. 238—239. Ср. Соловьевъ; „О нравахъ и обычаяхъ, господствовавшихъ въ древней Руси отъ временъ Ярослава I до нашествія Монголовъ" (Чтенія Москов. Общ. Исторіи и Древн. Росс., 1846 г., кн. 1 стр. 52—53).

[2]) Ипатьев. Лѣт. стр. 245.

[3]) Ibid. стр. 251.

[4]) Воскр. Лѣт. стр. 118 (П. С. Л. т. 7); Новгород. I Лѣт. стр. 195—6.

[5]) Лавр. Лѣт. по Акад. списку, стр. 467.

на такой-же фактъ мы находимъ и въ извѣстіи лѣтописи, которое было приведено уже выше, относительно похода смоленскихъ князей на Полоцкъ въ 1196 году, когда плѣненные Смольняне разсказывали Олегу Святославичу о недоразумѣніяхъ между ними и княземъ Давидомъ Ростиславичемъ [1]). Этотъ фактъ заслуживаетъ вниманія въ томъ отношеніи, что земскія ополченія помогаютъ князю, не смотря на обостренныя къ нему отношенія вѣча. Объясняется это явленіе тѣмъ, что въ данномъ случаѣ были замѣшаны интересы всей земли. Вопросъ заключался въ томъ, въ чьихъ рукахъ будетъ Витебскъ, стоявшій въ весьма важномъ пунктѣ на берегу З. Двины и имѣвшій важное значеніе въ торговомъ и стратегическомъ отношеніи [2]). Но если вѣче въ такихъ случаяхъ поддерживало князя, то другой фактъ, также указанный нами, свидѣтельствуетъ, что князь могъ двинуть земскія ополченія не только съ согласія вѣча, но и при этомъ на вѣчѣ предварительно рѣшался вопросъ, куда будетъ походъ и съ какими цѣлями. Въ случаѣ непредвидѣнныхъ обстоятельствъ Смольняне на мѣстѣ стаянки образовывали вѣче, обсуждали вопросъ и рѣшали, слѣдуетъ-ли продолжать военныя предпріятія, какъ это было въ Триполѣ въ 1185 г., когда они отказались идти далѣе на Половцевъ [3]). Всѣ эти событія указываютъ, по нашему крайнему разумѣнію, достаточно ясно, что военныя предпріятія смоленскихъ князей, вызванныя не интересами Смоленской земли, а династическими счетами или личными цѣлями, совершались только при помощи дружины, о которой мы сейчасъ скажемъ нѣсколько словъ.

Кромѣ предводительства земскими ополченіями, князь, какъ и вездѣ, является въ Смоленскѣ судьей. За отправленіе суда въ его пользу идутъ судебныя пошлины и пени. Раньше мы видѣли, что, по Смоленской торговой Правдѣ, князь разбираетъ всѣ тяжбы между иностранцами и Смольнянами [4]). Одна изъ статей того-же памятника указываетъ на случаи примѣненія потока, при чемъ это наказаніе налагается княземъ [5]). Въ Установной грамотѣ Ростислава 1151 года

---

[1]) Ипатьев. Лѣт. стр. 464.
[2]) Подробнѣе объ этомъ см. гл. V.
[3]) Ипатьев. Лѣт. стр. 435
[4]) См. выше.
[5]) § 6, ст. а.

мы находимъ, что виры, продажа, шли въ пользу князя [1]). Князь производилъ судъ лично. или чрезъ своихъ чиновниковъ, о которыхъ мы скажемъ ниже, но было въ обычаѣ отдѣльнымъ общинамъ откупаться отъ княжескаго суда внесеніемъ опредѣленной суммы виры за цѣлый годъ [2]). Какъ мы замѣтили раньше, право общины на судъ своихъ членовъ не было нововведеніемъ, а годовая плата виры является компромиссомъ между княземъ и общинами.

Посмотримъ теперь, какіе должностныя лица существовали въ Смоленской землѣ. Подобно тому, какъ и въ другихъ земляхъ, мы находимъ тутъ *тіуновъ*. Они отправляли судебныя обязанности [3]), но существовали тіуны и съ чисто полицейскими обязанностями, какъ напр. *тіунъ* на волокѣ, обязанный наблюдать за порядкомъ при нагрузкѣ, разгрузкѣ и перевозкѣ товаровъ и за спокойствіемъ проѣзжающихъ [4]). Были тіуны *городскіе и сельскіе* [5]). Исполнителями судебныхъ рѣшеній являются *дѣтскіе*. Имъ поручался арестъ виновнаго, взысканіе долговъ, выдача должника головой кредитору. Въ ихъ пользу шла извѣстная плата съ истца [6]). Для сбора торговыхъ пошлинъ существовали особые чиновники—*куноемци*, какъ названы они въ проектѣ Всеволода Мстиславича [7]). Можетъ быть, куноемци были тождественны *съ таможниками*, хотя скорѣе они—подчиненные таможника, просто сборщики пошлинъ, въ то время какъ таможникъ имѣлъ высшее значеніе наблюдающаго за ввозомъ и вывозомъ товаровъ, лицо, въ вѣдѣніи котораго находились всѣ таможни государства. Таможники пользовались большимъ значеніемъ. Старые, отслужившіе свой срокъ, „*ветхіе*“ таможники, какъ люди свѣдущіе, учавствовали въ совѣщаніяхъ князя по торговымъ дѣламъ, какъ это ясно видно изъ присяж-

---

[1]) „И се даю святѣй Богородици и епископу десятину отъ всѣхъ даней смоленскихъ кромѣ продажи и кромѣ виры“. (Хрестоматія Буданова, I, стр. 221).

[2]) См. выше.

[3]) „Аже оубьють тивоуна княжа городьского, К҃ гривнъ сѣрѣбра“—(Проектъ Всеволода Мстиславича, Русско-Ливон. Акты, стр. 452).

[4]) Смоленская торговая Правда § 15.

[5]) Проектъ Всеволода Мстиславича, Русско-Ливон. Акты, стр. 452. Это видно изъ того, что тутъ указанъ „городской“ тіунъ. Стало быть, были и сельскіе.

[6]) Смолен. торговая Правда, § 22; „Тъть ли дѣтьскыи не исправить, возма мьздоу...“ (Проэктъ Всеволода Мстиславича).

[7]) Оже оурьвѣть бороды Немчиць боярину, или *коуноемьчи*.

ной грамоты Θеодора Ростиславича 1284 года, въ которой между другими боярами упоминается Терентій таможникъ ветхій[1]). Можетъ быть, рядомъ стоящее тутъ имя „Мирославъ Олекса Черный“ принадлежитъ дѣйствительному таможнику того времени.

Что касается тіуновъ, то нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что они назначались княземъ. Но возможно, что должность таможника замѣщалась путемъ избранія на вѣчѣ, такъ какъ скорѣе всего таможниками могли быть опытные смоленскіе купцы, а не бояре. Не менѣе важнымъ лицомъ въ Смоленскѣ долженъ былъ быть *тысяцкій*. Въ 1159 году эту должность занимаетъ нѣкто Внѣздъ, а въ 1195 г. Михалко. Онъ начальствовалъ надъ смоленскими ополченіями[2]), чтó ясно указываетъ на военное значеніе этого сановника. Это заставляетъ предпологать, что *тысяцкій* въ Смоленскѣ, какъ и въ другихъ областяхъ земли Русской, назначался княземъ для отправленія обязанностей воеводы надъ земскими ополченіями, но выборъ дѣлался не изъ дружины, а изъ мѣстнаго смоленскаго боярства[3]). Ниже его стояли *сотскіе*. Они, несомнѣнно, выбирались самими Смольнянами. Въ 1229 году одинъ изъ сотскихъ, Пантелей и посылается *отъ Смольнянъ* въ качествѣ уполномоченнаго посла. Мы уже видѣли, что Смоленскъ, подобно другимъ древне-русскимъ городамъ, дѣлился на концы[4]). Это обстоятельство заставляетъ предпологать существованіе и въ немъ конецкихъ старостъ, какихъ мы видимъ въ Новгородѣ В. Если они только были, то несомнѣнно избирались на вѣчѣ.

Главную военную силу составляло боярство. На него главнымъ образомъ расчитываетъ князь въ своихъ военныхъ предпріятіяхъ, на него опирается въ случаѣ внутреннихъ недоразумѣній. Мы говорили выше, что бóльшая часть важныхъ предпріятій князя, не затрогивавшихъ интересы земли, были совершаемы при помощи только дружины. Точно также, бояре помогали князю подавлять народныя движенія при рѣзкихъ столкновеніяхъ его съ вѣчемъ[5]). Вмѣстѣ съ тѣмъ

---

1) См. главу II.

2) Ип. Лѣт. стр. 344 и 464.

3) О тысяцкомъ и его значенiи въ другихъ земляхъ см. Ип. Лѣт. стр. 231, 232, 357 и Лавр. Лѣт. стр. 201, 434, 450.

4) См. выше. О сотскихъ главныя мѣста: Ип. Лѣт. стр. 509, 198; Лавр. Лѣт. 123.

5) См. гл. I.

6) См. вышеуказанные факты.

бояре—дружина являлись ближайшими совѣтниками князя во всѣхъ вопросахъ внутренней и внѣшней политики. Такъ, когда въ 1178 году Новгородцы прислали пословъ къ Мстиславу Ростиславичу звать его къ себѣ на княженіе, то онъ „размышливая с мужи своими“, только по ихъ совѣту принялъ новгородское приглашеніе [1]). Вслѣдствіе этого выдающіеся по своему положенію бояре подписывали вмѣстѣ съ княземъ договоры съ сосѣдними государями и, не знаемъ, всегда-ли, цѣловали крестъ въ ихъ выполненіи. Семенъ-Непролей Гавриловичъ, Юрій Столова, Прокофій Ивановичъ, Глѣбъ Васильевичъ, Андрей Микулиничъ, Борисъ Меркурьевичъ, Андрѣй Мирославичъ—скрѣпили присяжную грамоту Юрія Святославича къ королю Ягеллѣ въ 1386 г. своими подписями и крестнымъ цѣлованіемъ [2]). Въ 1284 году при возобновленіи Смоленской торговой Правды мы находимъ намѣстника Артемія, Остафія дядьку, Микулу Дядьковича [3]). Бояре отправляютъ службу посольскую, какъ Иванъ Ручечникъ и Якунъ, ѣздившіе въ 1159 г. отъ Ростислава Мстиславича въ Кіевъ къ Мстиславу Изяславичу [4]). Бояръ назначаетъ князь воеводами по городамъ Смоленской земли. Такъ въ 1216 году мы находимъ въ Ржевѣ воеводу Яруна, геройски отбившаго приступы Суздальцевъ къ этому городу [5]). Изъ нихъ же, вѣроятно, выбиралъ князь и посадниковъ, вѣдавшихъ судъ въ городахъ [6]). Какъ засѣдали бояре въ княжеской думѣ, такъ призывались они княземъ для судебныхъ разбирательствъ, которыя производилъ самъ князь. При извѣстномъ уже намъ процессѣ Биреля съ Армановичемъ мы находимъ бояръ Даніила, Артѣмія, Микулу Дядьковича, Луку окольничаго, Путяту Дядьковича [6]).

Обращаетъ на себя вниманіе среди этихъ лицъ Остафій дядько и Микула Дядьковичъ. Мы имѣемъ предъ собой въ Смоленскѣ, какъ и въ другихъ княжествахъ, воспитателей князя, называвшихся также

---

[1]) Ипатьев. Лѣт. стр. 411.

[2]) Monumenta Medii Aevi historica res gestas Poloniae illustrancia, tomus II. Codex epistolaris saeculi decimi quinti. W Krakowie. 1876. p. 8, № VII.

[3]) Присяжную Грамоту Θеодора Ростиславича см. цѣликомъ во II главѣ.

[4]) Ипатьев. Лѣт. стр. 344.

[5]) Лавр. Лѣт. по Акад. списку, стр. 467; „...да не надобѣ (епископля тяжа) ни князю, *ни посаднику*, ни тивуну...“ (Устав. грамота 1151 г., въ Хрестоматіи Буданова, ч. I, стр. 226).

[6]) См. главу II.

„кормиличи“. Въ лѣтописныхъ извѣстіяхъ мы встрѣчаемъ и сыновей кормиличей, именовавшихся кормиличичами[1]), какъ тутъ они называются дядьковичами. Мы знаемъ дядьку Владиміра, сына Мстислава Ростиславича. Это былъ бояринъ Борисъ Захарьичъ. Ему-то на руки отдаетъ умирая своего сына Мстиславъ Ростиславичъ. Дядько выбирался изъ самыхъ выдающихся бояръ и особенно близко стоявшихъ къ князю. Оказывается, что Борисъ Захарьичъ былъ еще ближайшимъ бояриномъ Ростислава Мстиславича и находился при его кончинѣ. Можно предположить, что онъ былъ приставленъ въ качествѣ воспитателя отцомъ еще къ Мстиславу Ростиславичу, а потомъ воспитывалъ и внука[2]). Присутствіе кормиличей—дядекъ въ княжескихъ совѣтахъ указываетъ на важную роль, которую они играли въ государствѣ. Мы имѣемъ въ исторіи южной Руси примѣръ, когда дядько становится правителемъ цѣлаго княжества[3]).

Въ числѣ бояръ, присутствовавшихъ на княжескомъ судѣ, мы встрѣтили и *окольничаго* Луку. Такимъ образомъ чинъ окольничихъ становится извѣстнымъ съ конца XIII ст.[4]).

Въ числѣ людей, близкихъ князю, надо поставить *покладника*, какимъ въ 1168 году былъ Иванъ Фроловичъ[5]). Это, по всей вѣроятности, позднѣйшій постельничій. Кромѣ того у каждаго князя мы находимъ *печатника*, какъ Моисей, и *писца*, какъ Ѳедорко, бывшіе при Ѳеодорѣ Ростиславичѣ[6]).

Что касается состава княжеской дружины, то смоленскій князь, подобно другимъ, принималъ въ нее всѣхъ желающихъ. Мы видимъ примѣры переселенія въ Смоленскъ даже иностранцевъ. Къ числу такихъ надо отнести, какъ кажется, боярина Якуна. Мы видѣли, что

---

[1]) О кормиличахъ см. выдающіяся мѣста: Ипатьев. Лѣт. стр. 481, 484; Лавр. Лѣт. стр. 315.

[2]) Ипатьев. Лѣт. стр. 364.

[3]) См. напр. грамоту Дмитрія Дядки (Demetrius Dedko) 1347 г. купцамъ города Торна, данную во Львовѣ. (Codex diplomaticus Arpadianus continuatus. Pest. 1860—1874 г. Acta extera, v. II, № 239). Этотъ дядько Дмитрій является и раньше въ грамотахъ Юрія Андреевича 1334 и 1335 г. (Карамзинъ: „Исторія Государства Росс“. т. IV, примѣч. 276).

[4]) См. выше.

[5]) Ипатьев. Лѣт. стр. 364.

[6]) См. выше грамоты Ѳеодора Ростиславича.

иностранцы въ большомъ числѣ проживаютъ въ Смоленскѣ и иногда по собственному желанію участвуютъ въ военныхъ предпріятіяхъ. Нѣтъ ничего удивительного, если нѣкоторые изъ нихъ вступали въ княжескую дружину. Къ числу такихъ-то выходцевъ принадлежалъ, очевидно, и св. Мученикъ Меркурія, съ которымъ намъ придется еще встрѣтиться. Онъ явился въ Смоленскъ въ юности[1]). Благодаря тѣснымъ сношеніямъ Смоленской земли съ З. Европой, этотъ приливъ иностраннаго элемента продолжался, какъ надо думать, во все продолженіе самостоятельнаго существованія Смоленскаго княжества. Но, по видимому, очень рано дружина слилась съ мѣстнымъ боярствомъ, и предъ нами выступаютъ смоленскіе бояре. При отсутствіи замкнутости въ общественныхъ групахъ и при богатствѣ и энергіи жителей, такое сліяніе является вполнѣ естественнымъ[2]). Судя по позднѣйшимъ памятникомъ, смоленскіе бояре владѣли помѣстьями, бобровыми гонами, лѣсами, сѣножатями и т. д.[3]).

Возвратимся теперь снова къ князю. Мы сказали, что въ пользу князя шли судебныя пошлины: вира, продажа, урокъ. Со всей земли собирались дани, которыя взымались деньгами и натурой. Такъ, мы видимъ въ Уставной грамотѣ Ростислава ежегодные вносы денежные и рядомъ съ ними отдача князю извѣстнаго количества съ улавливаемой рыбы, напримѣръ, въ Торопцѣ и Жижцѣ[4]). Цѣлый рядъ грамотъ свидѣтельствуетъ, что князь получалъ дань медомъ, хмѣлемъ, житомъ[5]). Значительные доходы доставляло полюдье, то есть, объѣздъ

---

[1]) „...бѣ бо святый отъ области *римскія*, сынъ нѣкоего князя... и еще воюности пріиде *отъ Рима въ Смоленскъ*, и прилѣпися кнѣкоему тогда обладателю града сего“. („Повѣсть о святомъ и побѣдоносномъ мученикѣ Меркуріе“... изд. Писарева въ Филологич. Запискахъ, 1881 г., в. III, стр. 43).

[2]) Нѣтъ ни одного извѣстія, которое указывало-бы на отдѣльное существованіе дружины и мѣстнаго боярства. Но за то постоянно мы находимъ выраженіе „бояре смоленскіе“. (См. Лѣтоп. Супр. стр. 135—136, Попова Лѣтоп. стр. 35 и 55).

[3]) Грамота Александра Смоленску 1505 года и Смоленская Посощина 1453 года Акты Западной Россіи т. I

[4]) „*И се даю святѣй* Богородици и епископу десятину отъ всѣхъ даней Смоленскихъ, *что ся* въ нихъ сходитъ истыхъ кунъ, кромѣ *продажи* и кромѣ *виры*, и кромѣ *полюдья*...“ (Уставная грамота Ростислава, Хрестоматія Буданова, I, стр. 221): См. 1-ю Уставную грамоту въ приложеніи къ этой главѣ.

[5]) См. грамоты: Мстиславскаго князя Ивана Юрьевича 1463 г. Троицкому Собору, Литовскаго князя Александра Можайскому князю Семену Ивановичу 1499 г.; польскаго

княземъ волостей, доставлявшихъ въ такомъ случаѣ все необходимое для князя и подносившихъ ему подарки. Города вносили князю точно опредѣленное погородіе, состоявшее изъ годоваго урока, т. е. опредѣленной погородной дани, и почестья, т. е. по нашему мнѣнію, опредѣленнаго годоваго вноса, соотвѣтствовавшаго полюдью съ волостей [7]). Урокъ взыскивался по бо́льшей части деньгами, а почестье выплачивалось натурой, тѣми произведеніями природы, которыми была особенно богата данная мѣстность, или продуктами обработывающей промышленности, особенно процвѣтавшей въ томъ или иномъ городѣ, хотя переводилось иногда и на деньги. Такъ городъ Мстиславль вносилъ почетья три лисицы, Копысь—двѣ лисицы; Лучинъ—двѣ лисицы и осетръ, Елна—лисицу, Торопецъ—15 лисицъ и 10 черныхъ кунъ, неводъ, бредникъ, трое саней рыбы, полавочникъ, двѣ скатерти, три убруса и берковецъ меду. Мы замѣчаемъ въ этой раскладкѣ почестья весьма большое вниманіе къ мѣстнымъ условіямъ. Въ мѣстностяхъ, бѣдныхъ естественными произведеніями, почестье натурой перелагается на деньги. Напримѣръ городъ Крупль платитъ вмѣсто лисицы деньгами пять ногатъ, Вержавскъ за три лисицы вноситъ 40 кунъ безъ ногаты. Наоборотъ, города, имѣвшіе значеніе торговое, уплачиваютъ почестье не только естественными произведеніями, но и деньгами, какъ Жижецъ, дававшій гривну и лисицу, Дорогобужъ—гривну и пять ли-

---

короля Сигизмунда Мстиславскимъ Соборянамъ 1544 г. (Акты Зап. Россіи, т. I, №№ 66, 167, 232); другія указаны въ главѣ II. „А се даю святѣй Богородици и епископу прощеники *съ медомъ*... (Устав. Грамота Ростислава, Хрестоматія Буданова, стр. 220).

[1]) Какъ видно изъ Русской Правды, урокъ первоначально имѣетъ значеніе судебной пошлины. См. напр. ст. 100 Карамзин. списка по изданію М. Фл. Буданова (Хрестоматія, I, стр. 68) или ст. 102, гдѣ урокъ является штрафомъ, вознагражденіемъ частнаго лица. Но современно Русской Правдѣ мы встрѣчаемъ и такой фактъ: „Ярославу сущу въ Новгородѣ, и *урокомъ* дающю 200 гривенъ отъ года до года Киеву...“ (Ип. Лѣт. стр. 89). Здѣсь *урокъ* имѣетъ уже значеніе опредѣленной дани съ города, т. е. извѣстной составной части погородія, какъ мы находимъ въ Уставной грамотѣ Ростислава. Оказывается, что и Смоленскъ, уже имѣя своего князя, вносилъ, очевидно нѣкоторое время, по древнему обычаю, кіевскому князю опредѣленную годовую дань, т. е. урокъ. Это видно изъ извѣстія лѣтописи подъ 1133 г. „Ярополкъ посла Мстиславича Изяслава къ братьи Новугороду, и даша дани Печерьскыѣ и *отъ Смолиньска даръ*...“ (Лавр. Лѣт. стр. 287). Въ лѣтописи *уроку* всегда придается значеніе опредѣленной дани или опредѣленнаго періодическаго денежнаго вноса: „и иде Вольга по Деревьстѣй земли... установляющи уставы и *уроки*...“ (Лавр. Л. стр. 58); „И ины церкви ставяше (Ярославъ) по градомъ и по мѣстомъ, поставляя попы и дая имѣния своего урокъ...“ (Ип. Лѣт. стр. 107).

сицъ. Мѣстности, особенно богатыя мѣхами, и самый урокъ выплачиваютъ не только деньгами, но и мѣхами. Такъ Копысь платилъ шесть гривенъ и двѣ лисицы. Впрочемъ, мы наблюдаемъ тутъ и стремленіе перевести и почетье на деньги: тотъ-же самый Копысь вноситъ почестье деньгами въ количествѣ 35 кунъ[3]). Кромѣ этихъ опредѣленныхъ доходовъ, князья смоленскіе должны были получать значительныя по тому времени суммы путемъ косвенныхъ налоговъ, колебавшихся смотря по обстоятельствамъ, мѣсту и времени. Изъ такихъ налоговъ въ Смоленской землѣ мы находимъ: *гостинную* дань, которая взималась не съ товара, а лично съ купца, пріѣзжавшаго въ Смоленскую землю; *торговую*—за право торговли, *мыто*—за провозимые товары, *вощець*—спеціальная пошлина съ привозимаго и вывозимаго воска, *перевозъ*—за перевозъ товаровъ и людей черезъ рѣки, *корчемное*—пошлина съ корчемъ, *вѣсовая* пошлина при продажѣ и покупкѣ вѣсомыхъ товаровъ, какъ благородные металлы въ вещахъ и слиткахъ, и т. д.[2]).

Благодаря, почти вездѣ, точному указанію на количество доходовъ съ каждой отдѣльной мѣстности, можно приблизительно опредѣлить доходъ смоленскаго князя. Онъ равнялся приблизительно 2977 гривнамъ и 1 ногатѣ, чтó составитъ на наши деньги около 535,869 рублей. Если-же присоединить къ этому еще колеблющіеся доходы, въ видѣ даней гостиной и торговой, мыта, корчемнаго и вѣсоваго, то сумма эта, по всей вѣроятности, далеко зайдетъ за 600,000 р.[3]).

---

[1]) См. III устав. грамоту Ростислава (Хрестоматія Буданова, I, стр. 227—228).

[2]) О всѣхъ этихъ налогахъ, кромѣ вѣсовой и вощеца, говоритъ Уставная Грамота Ростислава, стр. 223, 224 (Хрестоматія Буданова, в. I). Относительно вѣсовой пошлины см. Смоленскую торговую Правду §§ 24, 25, 26, 27, 28. Въ проектѣ Всеволода Мстиславича читаемъ: „...а не надобѣ имъ *ни вощець*, ни мыто“.

[3]) Для провѣрки суммы 2977 гр.+1 н. мы отсылаемъ желающихъ къ Уставнымъ грамотамъ Ростислава, которыя при сей главѣ прилагаются. Но мы считаемъ необходимымъ обратить вниманіе на нѣкоторые факты. Изъ III уставной грамоты мы брали только доходы денежные, а дань натурой, въ видѣ лисицъ, на деньги не переводили, такъ какъ вполнѣ согласны съ взглядомъ г. Мрочека-Дроздовскаго, что цѣна лисицы въ разныхъ мѣстностяхъ была различна (См. Мрочекъ-Дроздовскій: „Опытъ изслѣдованія источниковъ по вопросу о деньгахъ Русской Правды“, стр. 123). Дѣйствительно, по Уставной грамотѣ, въ Круплѣ за лисицу брали 5 ногатъ, а въ Пацынѣ—за двѣ лисицы 22 куны, что составитъ 11 кунъ или $4^2/_5$ ногаты. При обращеніи кунъ въ ногаты и ногатъ въ гривны, мы принимаемъ счетъ 1 гривна=20 ногатамъ=25 кунамъ=50 рѣзанамъ=600 виверицамъ=

Мы замѣтили уже выше, что Уставная грамота Ростислава была создана на вѣчѣ, съ согласія котораго опредѣлены княжескіе доходы

1600 бѣлей, другими словами въ 1 гр. было 20 ногатъ, въ ногатѣ—1¼ куна и т. д. О древне-русской монетной системѣ писано много. Укажемъ выдающіеся труды: Бѣляева: „Очеркъ исторіи древней монетной системы на Руси" (Чтенія Москов. Общ. Исторіи и Древностей Россійс. 1846 г. № 3); Казанскій: О русской гривнѣ въ XI и XII вв. (Записки Имп. Археол. Общ. т. III); Прозоровскій: Монета и вѣсъ въ Россіи до конца XVIII ст.". Спб. 1865 г.; Прозоровскій: „Куны". Изв. Общ. Имп. Археол. Общ. т. VII). Куникъ. „О русско-византійскихъ монетахъ Ярослава I Владиміровича. Спб. 1860 г.; Авенаріусъ; „Нѣчто о кунѣ" (Извѣстія Импер. Рус. Археол. Общ. т. VII); Заблоцкій; „О цѣнностяхъ въ древней Руси". Спб. 1854 г; Gutzeit: „Nagaten und Mordken". Eine Erläuterung zur Münzkunde des alten Russland". Riga 1887. Особенно замѣчательными работами мы считаемъ выше указанный трудъ г. Мрочека-Дроздовскаго и изслѣдованіе г. Усова (теперь уже покойнаго): „Замѣтка о древнихъ русскихъ деньгахъ по Русской Правдѣ", помѣщенное въ Древностяхъ, Труд. Москов. Археол. Общества т. IX, вв. 2 и 3). Никто до Усова не далъ такого яснаго, простаго и точнаго объясненія нашей древней монетной системы. До сихъ поръ возраженій противъ его положеній нѣтъ, да едвали они и возможны. По вычисленію Усова, ногата равна 9 р., а гривна, т. е. ожерелье изъ цѣлыхъ соболей, равнялась 180 рублямъ. По вопросу о значеніи слова „гривна" обращаетъ на себя вниманіе изслѣдованіе Шеппинга: „О древнихъ навязахъ и наузахъ". (Архивъ, историко-юридич. свѣдѣній Калачева, 1861 г. кн. III). Мы видѣли раньше, что нѣкоторые штрафы по Русской Правдѣ и по Договору 1229 года одни и тѣ-же. Гдѣ въ Русской Правдѣ 40 гривенъ кунъ, тамъ въ Смоленской Правдѣ 10 гривенъ серебра, т. е. вполнѣ такъ, какъ указано въ договорѣ, за 1 гривну серебра—4 гривны кунъ. Но мы указали также выше, что въ Смоленской торговой Правдѣ нѣкоторыя статьи отличаются отъ статей Русской Правды. Нѣкоторые изслѣдователи почему-то не допускаютъ возможности, чтобы эти статьи Русской Правды были измѣнены Смольнянами, а считаютъ ихъ статьями Русской Правды, внесенными въ Смоленскую правду безъ всякаго измѣненія. Исходя изъ такой мысли разсуждаютъ такъ: если за раба по Русской Правдѣ платили 5 гривенъ кунъ, то и по Смоленской Правдѣ штрафъ былъ тотъ-же, но только выраженъ въ ней по обыкновенію гривнами серебра. А такъ какъ тутъ штрафъ положенъ въ 1 гривну серебра, то, стало быть, въ XIII ст. въ Смоленскѣ 1 гривна серебра равнялось уже не 4 гривнамъ кунъ, а 5 гривнамъ, т. е. отношеніе между 1 гривной серебра и 1 гривней кунъ было уже не 4: 1, а 5: 1. Намъ кажется, такой выводъ произвольнымъ: надо сперва доказать, что въ Смоленскѣ Русская Правда всегда оставалась безъ измѣненія, а между тѣмъ думать такъ нѣтъ основанія. Мы увидимъ далѣе, что и въ церковный уставъ внесено измѣненіе. Такъ точно и здѣсь. Въ XIII в. просто могла пасть цѣна на раба, а потому понизился и штрафъ за него, т. е. еще яснѣе: въ Смоленскѣ въ XIII ст. вовсе не думали, что 1 гривна серебра=5 гривнамъ кунъ, а считали по прежнему въ 1 гривнѣ серебра 4 гривны кунъ. Словомъ, эта статья сообразно съ цѣной на живой товаръ была измѣнена. Что касается статьи о штрафахъ за око, руку, ногу и т. д. въ 5 гривенъ серебра, то, отличаясь отъ соотвѣтствующей статьи 5-й Академическаго списка, въ которой назначается 40 гривенъ кунъ=10 гривенъ серебра, она вполнѣ отвѣчаетъ 22 статьѣ Синодальнаго I списка, гдѣ полагается за членовредительство 20 гривенъ кунъ, т. е. 5 гривенъ серебра. А нужно помнить, что

съ каждой отдѣльной волости. Нужно сказать, что мы имѣемъ собственно три грамоты Ростислава. Первая опредѣляетъ количество даней, идущихъ въ пользу князя, вторая заключаетъ въ себѣ лишь подтвержденіе первой и проклятіе противъ тѣхъ, кто когда-нибудь осмѣлился-бы отмѣнить ее, при чемъ сдѣлана небольшая приписка объ

синодальный I списокъ Русской Правды относится къ XIII ст. Между тѣмъ штрафы за другія преступленія остаются въ этомъ спискѣ по большей части тѣ-же, что и въ Академическомъ. (См. Калачева: „Предварительныя юридическія свѣдѣнія для полнаго объясненія Русской Правды". Спб. 1880 г. стр. 190 и 94). Стало быть, приведенная статья Русской Правды XIII ст. вовсе не свидѣтельствуетъ объ измѣненіи отношенія между гривной кунъ и гривной серебра: оно осталось прѣжнее 1: 4, а измѣнился только штрафъ, который былъ пониженъ съ полной виры 40 гривенъ кунъ на полувиріе 20 гривенъ кунъ. Еще напомнимъ, что штрафы за домашнихъ животныхъ въ Синодальномъ спискѣ измѣнены, но, какъ всякій согласится, это указываетъ только на измѣненіе цѣны. Такимъ образомъ у насъ нѣтъ никакихъ данныхъ для твердаго вывода объ измѣненіи отношенія между 1 гривной серебра и 1 гривной кунъ въ Смоленской землѣ, по крайней мѣрѣ до конца XIV ст. Превосходное изслѣдованіе покойнаго Усова, устанавливающее ясный взлядъ на происхожденіе нашей древней денежной системы, допускаетъ возможность сдѣлать предположеніе только одно, что въ русскихъ земляхъ сообразно съ различіемъ въ богатствѣ пушнаго товара *могла* быть разница въ отношеніи гривны кунъ и серебра, но и только. Что касается серебра, то притокъ его на Русь, особенно въ сѣверныя области: Суздальскую, Смоленскую и Новгородскую, не уменьшается, а увеличивается вслѣдствіе особенно сильнаго развитія въ XII и XIII в. торговыхъ сношеній съ Болгаріей (Волжской). Факты общеизвѣстны. Серебро-же къ намъ шло главнымъ образомъ съ востока, а не съ Запада. Положеніе вещей могло измѣниться только съ татарскимъ нашествіемъ, когда восточная торговля пала, и обратите вниманіе, какъ факты соотвѣтствуютъ этому обстоятельству. Мы еще во II главѣ приводили выписку изъ Сборника XIV: „тако-же и по бесъсудной гра̑ точнѹє соребро безъ ӏ҃ золотникъ, а взяти с вѣса, а гра̑та судна҃ и бесудна҃ по томо же серебру по точному безъ ӏ҃ залотникъ". (Русскія достопамятности ч. I, стр. 246). Дѣлались попытки различнымъ образомъ объясинить эту приписку, но всѣ объясненія являются лишь болѣе или менѣе вѣроятными предположеніями. Несомнѣнно одно, что въ то время, къ которому относится эта приписка, смоленская серебряная гривна уже содержала въ себѣ значительную примѣсь лигатуры, была по цѣнности ниже старой гривны, что̀, конечно, свидѣтельствуетъ о вздорожаніи серебра, о меньшемъ его приливѣ въ Смоленскую землю. И этотъ фактъ стоитъ въ полномъ соотвѣтствіи съ событіями. Мы раньше видѣли, что ни на одномъ изъ списковъ Смоленской торговой Правды этой приписки нѣтъ, стало быть, она не составляетъ органической части и списка F, при которой находится. Этотъ списокъ, какъ мы видѣли выше, относится къ концу XIV ст. Дѣйствительно, въ это время татарское нашествіе перервало торговлю съ Востокомъ, а внутреннія неурядицы въ Смоленской землѣ и борьба ея съ сосѣдями за независимость подорвали благосостояніе ея населенія. Вотъ причины факта, обнаруживающагося въ этой припискѣ XIV ст., не имѣющей никакого отношенія къ временамъ предыдущимъ.

отдачѣ церкви города Холма. Третья грамота стоитъ совершенно особнякомъ. Въ ней нѣтъ никакого упоминанія о церкви или десятинѣ, а просто устанавливается точно и ясно погородіе, т. е. доходъ князя съ каждаго города, примѣнительно къ условіямъ мѣстности, какъ это ясно видно изъ самой грамоты: она стоитъ безъ всякой связи съ двумя другими грамотами и могла явиться не въ одно съ ними время. Она ясно доказываетъ только, что князь принужденъ былъ разъ навсегда, точно, сообразно съ различными обстоятельствами, по уговору съ вѣчемъ и съ его утвержденія, установить свои доходы. Если эта третья грамота и соединена съ первыми двумя, то только потому, что епископъ долженъ былъ получать десятину со всѣхъ княжескихъ доходовъ, а потому архіерейской канцеляріи необходимо было имѣть списокъ княжескихъ доходовъ съ городовъ.

Кромѣ этихъ доходовъ князя, какъ представителя земли, вождя ея ополченій и судьи, доходовъ строго опредѣляемыхъ на вѣчѣ, князья имѣли еще и свою личную собственность, которою могли располагать уже по своему усмотрѣнію. Къ числу такихъ личныхъ земельныхъ владѣній князя, вѣроятно, надо причислить села Ясенское и Дросенское, землю Мойшинскую, озера Нимикорскія и Колодарское, луга, бортныя земли, огороды, ловища, бобровые гоны. Вмѣстѣ съ этимъ лично имъ принадлежали и люди, жившіе на этихъ земляхъ, какъ упоминаемые въ грамотѣ Ростислава бортникъ, капустникъ, тетеревникъ, съ женами и дѣтьми [1]). У княгини были свои доходы, какъ ясно выражено въ той-же грамотѣ. Не только княгиня, но и другіе члены княжеской семьи имѣли собственныя земельныя владѣнія. Такъ мы знаемъ, что сестрѣ князя Ростислава, Рогнѣдѣ, принадлежало село Зарубъ на берегу р. Днѣпра [2]).

Если боярство играло важную роль по своей близости къ князю, то не менѣе выдающееся положеніе должно было занимать и смоленское купечество, смоленскіе гости, которые, благодаря своему богатству, обширнымъ торговымъ сношеніямъ, поѣздкамъ за границу, были несомнѣнно самой просвѣщенной группой смоленскаго населенія. Объ

---

[1]) См. ссылки выше passim и грамоты Ростислава въ приложеніи къ этой главѣ, а также примѣч. 1, стр. 96 и примѣч. 3. стр. 93.

[2]) „...или мала, или велика дань, любо княжа, любо княгинина...“ (Уставная грамота Ростислава); Ипатьев. Лѣт. стр. 364, подъ 1168 годомъ.

организаціи смоленскаго купечества мы можемъ сказать очень мало. Есть основаніе думать, что подобно Новгороду и въ Смоленскѣ существовали купеческія сотни, изъ которыхъ каждая имѣла своего патрональнаго святаго, во имя котораго строилась церковь, бывшая центромъ торговаго товарищества, хранительницей его товаровъ, какъ Новгородская церковь св. Іоанна на Опокахъ [1]). Кромѣ того, одна изъ статей Смоленской торговой Правды заставляетъ предполагать, что и внѣ своей земли, живя по торговымъ дѣламъ въ Ригѣ и другихъ прибалтійскихъ городахъ, смоленскіе гости составляли также общины, во главѣ которыхъ стояли сотскіе, старѣйшины, къ которымъ прежде всего и слѣдовало обращаться въ случаѣ напр. неуплаты гостемъ долга кредитору [2]).

Переходимъ теперь къ духовенству. Съ какого времени начало проникать христіанство въ Смоленскую землю, мы сказать не можемъ, но что вліяніе его съ очень давняго времени дѣйствовало и на Кривичей, благодаря торговымъ связямъ съ Византіей и югомъ, въ этомъ едвали можно сомнѣваться [3]). Въ Смоленскѣ и Полоцкѣ жило преданіе о распространеніи христіанства въ Кривицкой землѣ св. Владиміромъ [4]). Конечно, при внукахъ этого князя, когда Смоленская земля является отдѣльнымъ удѣломъ, т. е. уже послѣ 1054 года, свѣтъ христіанства долженъ былъ проникать въ массу кривицкаго населенія болѣе и болѣе. Собственно исторія Смоленской церкви начинается съ того вре-

---

[1]) Народная редакція легенды о Св. Меркуріи разсказываетъ, что Святой часто приходилъ къ кресту Господню молиться за міръ, зовомый *Петровскаго Ста*. (Буслаевъ: Историч. очерки Рус. Народн. Словесности и Искусства, т. II, Спб. 1861 г. стр. 173). Припомнимъ почти всегда повторяющееся требованіе въ договорахъ Новгорода съ великими князьями: „...а куцецъ пойдетъ во сто, а смердъ потянетъ въ свой потугъ, какъ пошло, къ Новугороду". (Акты Археогр. Эксп. т. I, № 57, стр. 43). См. Уставную грамоту Новгород. князя Всеволода Мстиславича церкви Св. Іоанна на Опокахъ" (Акты Историч. т. I, № 3). Въ Смоленскѣ въ древнее время дѣйствительно существовала церковь святыхъ Апостоловъ Петра и Павла, выстроенняя въ 1146 г. княземъ Ростиславомъ Мстиславичемъ (Никон. Лѣт. ч. II, стр. 94).

[2]) См. Смоленскую торговую Правду, § 22.

[3]) Находка креста съ эмалью (Дневникъ Фурсова, № 30) и отсутствіе трупосожженія къ югу отъ Ельны, остатки гробовъ въ курганахъ (Роскопки Сизова, Древности, т. XI, в. 3. М. 1887 г.),—конечно, не могутъ еще указывать на вліяніе или распространеніе христіанства, а объясняются другими обстоятельствами.

[4]) Воскр. Лѣт. стр. 160 (П. С. Р. Л. т. VIII).

мени, когда Смоленскъ попадаетъ въ руки Владиміра Мономаха. У послѣдняго является мысль объ образованіи въ Смоленской землѣ отдѣльной епископіи. Это намѣреніе проглядываетъ въ извѣстіи лѣтописи, что этотъ князь построилъ въ Смоленскѣ церковь Пресвятой Богородицы каменную „епискупью[1])“. Но Владиміру не удалось выполнить своего плана, и Смоленскъ оставался по прежнему причисленнымъ къ епископіи Переяславской. Но уже къ этому времени относится начало привиллегій, которыя затѣмъ окончательно были даны Смоленской церкви: уже въ то время „на нарядъ церковный и утверженье“ былъ данъ переяславскому епископу городъ Брагинъ Холмъ[2]). На сколько сильно было въ Смоленскѣ общее желаніе имѣть отдѣльную епископскую каѳедру, доказывается уставными грамотами Ростислава: и князь, и вѣче съ общаго соглашенія даютъ церкви широкія привиллегіи. На содержаніе епископской каѳедры назначается десятая часть съ доходовъ князя, княгини, земельныя владѣнія, какъ села Ясенское, Дросенское, бобровые гоны, сѣножати и т. д. Но Смольняне соглашаются наградить свою церковь всѣми этими преимуществами однако-же подъ однимъ условіемъ, что всѣ эти привиллегіи будутъ уничтожены, если только Смоленская земля вновь будетъ присоединена къ епископіи Переяславской[3]). Рядомъ съ этими преимуществами церкви точно опредѣляются преступленія, подсудныя епископской власти. Мы видимъ, что компетенція духовнаго суда въ Смоленскѣ значительно ограничена, если сравнить Уставную грамоту съ другими церковными уставами. Суду епископа принадлежатъ дѣла: 1) о разводѣ, 2) о двоеженствѣ, 3) о бракѣ между родственниками, 4) о вѣдовствѣ, 5) о дракахъ между женщинами, 8 и 9) преступленія духовныхъ лицъ. Вопреки прежнимъ уставамъ дѣла о наслѣдствѣ, о ссорахъ между родственниками, всѣ дѣла о кражахъ, ругательствахъ и т. д.—всѣ они исключены изъ вѣдѣнія церковнаго суда и подчинены свѣтской власти. Даже умыканіе, хотя и языческій обычай, съ которымъ ближе всего приходилось имѣть дѣло духовенству, было изъято изъ числа преступленій, подсудныхъ епископу. Дѣла объ умыканіи разбирались или самимъ княземъ, или посад-

---

[1]) Ипат. Лѣт. стр. 181, подъ 1101 годомъ.

[2]) См. II уставную грамоту.

[3]) Конецъ I уставной грамоты.

никомъ, и только судебныя пени дѣлились пополамъ съ епископомъ. Точно также мы не находимъ въ Уставной грамотѣ Ростислава ни слова о людяхъ, находящихся подъ покровительствомъ церкви. Ясно указано, что лица духовнаго званія подлежатъ суду церковному, а стало быть и находятся подъ покровительствомъ церкви, но нѣтъ тутъ никакого указанія на людей свѣтскихъ, а между тѣмъ въ Смоленской землѣ существовалъ особый разрядъ людей, называвшихся изгоями, отданныхъ по одному изъ уставовъ подъ покровительство церкви[1]. Но тѣмъ не менѣе значеніе епископа въ Смоленскѣ было очень велико. Можно думать, что онъ принималъ участіе и въ политическихъ дѣлахъ. По крайней мѣрѣ, мы видимъ печать епископа на договорѣ 1229 года, а епископскій намѣстникъ Лаврентій присутствуетъ на княжескомъ совѣщаніи наравнѣ съ таможникомъ и другими боярами по поводу возобновленія Смоленской торговой Правды въ 1284 году, и его имя вноситси въ присяжную грамоту. Намъ кажется, что этихъ фактовъ нельзя объяснять только тѣмъ обстоятельствомъ, что духовенство само принимало участіе въ торговлѣ, и представителемъ интересовъ его и является епископъ или его намѣстникъ. Мы имѣемъ письмо рижскаго епископа, писанное къ князю Ѳеодору Ростиславичу. Изъ него то и видно, что въ Ригѣ знали важное значеніе епископа въ Смоленскѣ и считали его наравнѣ съ княземъ и боярами представителемъ земли. „Благословеніе отъ митрополита рижскаго, находимъ въ этомъ письмѣ, къ своему милому сыну, князю великому Ѳеодору, и его дѣтямъ, и *владыкѣ*, и намѣстнику и всѣмъ боярамъ...[2]“.

Въ числѣ пословъ, отправленныхъ въ Ригу для заключенія дого-

---

[1]) См. II уставную грамоту. Объ этихъ уставахъ см. Калачева; „О значеніи кормчей въ системѣ древняго русскаго права“, М. 1850 г.; Преосв. Макарія: Исторія Русской церкви, т. II, Спб. 1857 г.; Голубинскій; Исторія Русской Церкви, т. I, М. 1880 г.

[2]) Обѣ эти грамоты см. цѣликомъ во II главѣ. На одной изъ печатей у договора 1229 г. надпись; вл҃к Смоленко пч҃а прьѳ=Печать Смоленскаго владыки Перфилія“ См. Русско-Ливонскіе Акты, стр. 411. Тобіенъ разбираетъ имя иначе; „крьо“ (Sammlung, B. I, S. 47). Что духовенство участвовало въ торговыхъ предпріятіяхъ, мы имѣемъ позднѣйшія указаніе. Такъ въ „Книгахъ города Можайска письма и мѣры Загряскаго“ мы находимъ лавки Никитцкаго попа..., лавка Троицкаго игумена, лавка попа Ивана..., лавка соборнаго Никольскаго попа Афанасья Хромушина и т. д. (Акты Мажайскіе, Спб. 1892 г., стр. 36, 37). Есть указанія и въ „Рижской Долговой книгѣ“, но безъ точнаго опредѣленія мѣстности.

вора 1229 года мы видимъ священника Еремея, а вмѣстѣ съ владычнимъ намѣстникомъ Лаврентіемъ въ княжескомъ совѣтѣ засѣдаетъ священникъ Андрей. Подобныя-же явленія мы находимъ и въ другихъ областяхъ. Цѣлый рядъ лѣтописныхъ извѣстій говоритъ, что священники отправлялись въ качествѣ пословъ [1]).

---

[1]) Намъ слѣдовало бы теперь остановиться на положеніи низшаго класса населенія Смоленской земли. Но дѣло въ томъ, что объ этомъ мы ровно ничего не знаемъ. Нельзя, конечно, лишь для полноты упомянуть, что письмо митрополита Климента говоритъ о сябряхъ и изгояхъ, а первая грамота Ростислава тольно объ изгояхъ. Кто пожелелъ-бы познакомиться съ различными мнѣніями объ общественномъ положеніи сябровъ и изгоевъ, того мы отсылаемъ къ литературѣ о Псковской и Новгородской Судныхъ грамотахъ указанныхъ въ Христоматіи В. Фл. Владимірскаго-Буданова и въ „Русскихъ Юридическихъ Древностяхъ" Сергѣевича, т. I, Спб. 1890 г. Вотъ выдающіяся документальныя данныя о сябрахъ и изгояхъ. Изъ Псковской Судной Грамоты: „А кто съ кимъ растяжутся о земли, или о борти, да положатъ грамоты старые и купленую свою грамоту, и его грамоты зайдутъ *многыхъ бо сябровъ* земли, и борти, и *сябры всѣ* станутъ на суду въ одномъ мѣстѣ отвѣчаючи ктожъ за свою землю, или за борть, да и грамоты предъ господою покладутъ, да и межниковъ возмутъ и тои отведутъ оу стариковъ по своей купной грамотѣ свою часть, ино ему правда дати на своей части; а целованью быть одному, а поцѣлуетъ *во всѣхъ сябровъ*, іно ему и судница дать на часть на которой поцелуетъ". —Изъ Новгородской Судной Грамоты; „А кто съ кѣмъ растяжется о землѣ, а почнетъ просить сроку на управы, или на *шабъры*, ино ему дать одинъ срокъ на сто верстъ три недѣли..." Изъ письма митрополита Климента; „да скажоу ти сущих славы хотящихъ: иж прилагают домъ къ домоу. и села к селомъ. *изгоиж.* и *сябры* и бортіи и пожни*и. лядаж.* и старины". Изъ Уставной грамоты Всеволода Мстиславича: „изгои трои поповъ сынъ грамотѣ не умѣетъ, холопъ изъ холопьства выкупится, купець одолжаеть..." О княжескомъ изгойствѣ мы теперь говорить не будемъ, надѣясь это сдѣлать отдѣльно. Намъ кажется, что письмо митрополита Климента, въ сопоставленіи съ другими приведенными данными, вполнѣ объясняетъ положеніе сябровъ и изгоевъ. Богатые люди на свои „старины" скликали поселенцевъ изъ изгоевъ, которые, выбившись изъ старой колеи охотно шли на такой призывъ. Являлись, такимъ путемъ, села, какъ „Ясенское со изгои". Можетъ быть, и *„ляды"* устраивались также при помощи этого созваннаго населенія, второе затѣмъ и оставалось на новой пашнѣ, образуя деревню, село, которое принадлежало богатому человѣку, давшему средства на расчистку *„ляды"*. Такимъ образомъ, въ экономическомъ отношеніи изгои являлись иногда уже зависимымъ земледѣльческимъ населеніемъ. Сябры, какъ видно изъ судныхъ грамотъ Новгорода и Пскова, прежде всего два или нѣсколько свободныхъ совладѣльцевъ земли. Но въ такомъ случаѣ, какимъ образомъ можно было собирать сябровъ, какъ говоритъ Климентъ? Совпаденіе являлось результатомъ невозможности одному пріобрѣсти землю по недостатку средствъ: складывались двое или нѣсколько человѣкъ и пріобрѣтали кусокъ земли, который потомъ и обрабатывали сообща. Климентъ-же говоритъ о такомъ случаѣ, когда богатый человѣкъ давалъ свой капиталъ на покупку или расчистку земли цѣлому товариществу свободныхъ людей, которые должны были постепенно погасить долгъ. Только послѣ полнаго погашенія долга земля становилась окончательно собствен-

Вмѣстѣ съ образованіемъ отдѣльной Смоленской епископіи, рядомъ съ снабженіемъ ея привиллегіями, идетъ постройка храмовъ и основаніе монастырей. Мы уже видѣли, что еще въ 1101 году Владиміръ Мономахъ построилъ церковь во имя Успенія Пресвятой Богородицы; въ 1146 году Ростиславъ Мстиславичъ воздвигъ храмъ во имя Святыхъ Апостоловъ Петра и Павла; Романъ Ростиславичъ въ свое княженіе въ Смоленскѣ соорудилъ церковь Святаго Апостола Іоанна Богослова, а Давидъ Ростиславичъ—храмъ во имя Святаго Архистратига Михаила. Разсказъ лѣтописи о смерти послѣдняго князя ясно указываетъ на существованіе въ Смоленскѣ нѣсколькихъ монастырей. Самымъ древнимъ слѣдуетъ, кажется, считать Смядынскій, расположенный на рѣчкѣ Смядынкѣ, которая въ настоящее время уже совершенно пересохла. Когда основанъ этотъ монастырь, мы не знаемъ, но въ 1138 году онъ уже существовалъ, такъ какъ Смольняне помѣстили тогда въ немъ подъ стражу арестованнаго ими Святослава Ольговича. Въ 1145 году Ростиславъ Мстиславичъ заложилъ здѣсь каменную церковь во имя Бориса и Глѣба. Это былъ особенно уважаемый монастырь какъ князьями, такъ и народомъ. Князья принимали тамъ постриженіе и погребались, какъ Давидъ Ростиславичъ. Тамъ искали Смольняне помощи въ своихъ бѣдахъ, и слава о немъ, какъ видно, распространялась далеко: ослѣпленные въ Суздалѣ Ростиславичи пріѣзжаютъ въ Смоленскъ и, по разсказу лѣтописи, получаютъ исцѣленіе въ церкви святыхъ Бориса и Глѣба. Кромѣ того мы имѣемъ извѣстія и о другихъ монастыряхъ. Въ шести верстахъ отъ Смоленска, къ югу, въ мѣстности, носившей названіе Селище, былъ Успенскій монастырь, въ которомъ началъ свои иноческіе подвиги Преподобный Авраамій въ концѣ XII ст. На правой сторонѣ Днѣпра, на Покровской горѣ, существовалъ монастырь Крестовоздвижен-

---

ностью этого товарищества, а пока товарищество въ видѣ процентовъ, вѣроятно, должно было отдавать часть доходовъ съ своихъ участковъ земли этому кредитору. А мы знаемъ, какъ тяжело было въ тѣ времена земледѣльцу уплачивать долги. Такимъ образомъ, товарищество оставалось въ вѣчной экономической зависимости у кредитора, конечно, за немногими только исключеніями, въ противномъ случаѣ для богатаго человѣка не было-бы выгоды стараться объ увеличеніи числа сябровъ, какъ прямо говоритъ Климентъ. Само собою разумѣется, что сябровъ нельзя смѣшивать ни съ закладнями, ни съ крестьянами, снимавшими земли у помѣщиковъ. См. также статью Ив. Вас. Лучицкаго: „Сябры и сябринное землевладѣніе въ Малороссіи". Спб. 1889 г.

скій, куда переселился Авраамій. Монастыри воздвигались не только князьями. Такъ епископъ Игнатій на свои личныя средства скупилъ нѣсколько огородовъ и построилъ церковь во имя своего Святаго, Игнатія Богоносца, затѣмъ почему-то разрушилъ ее, въ другомъ мѣстѣ соорудилъ церковь во имя Пресвятой Богородицы, создалъ тутъ монастырь и назначилъ игуменомъ новой обители Преподобнаго Авраамія, отчего она и стала называться Авраамієвской [1]). Величіе и богатство смоленскихъ храмовъ и монастырей обусловливалось не одною щедростью князей. Смольняне любили благолѣпіе храмовъ, съ большимъ интересомъ и отзывчивостью относились къ чтенію священнаго писанія, житій святыхъ и къ проповѣди. Въ концѣ XII и началѣ XIII ст. особенно сильное впечатлѣніе своимъ чтеніемъ божественныхъ книгъ, толкованіемъ ихъ и блестящими проповѣдями производилъ преподобный Авраамій, въ началѣ іеромонахъ Успенскаго монастыря. Какое содержаніе было его проповѣдей, какіе недостатки общественной жизни подвергались его осужденію, мы не знаемъ, но видно, что его поученія производили потрясающее дѣйствіе. Много народа стекалось слушать талантливаго проповѣдника въ монастырь изъ города. Нѣтъ сомнѣнія, что проповѣди Авраамія затрогивали животрепещущіе жизненные вопросы и, вѣроятно, многія лица изъ духовенства и мірянъ

[1]) О сооруженіи храмовъ см. выше. „Епископъ-же Смоленьскій Семеонъ, и вси *игумени* и попове... проводиша и...“ (Ипатьев. Лѣт. стр. 471) Новгород. Лѣт. I, стр. 131 и 135—136; стр. 154; Житіе Авраамія Смоленскаго въ Христоматіи Аристова, стр. 403, 405, 410, 411; Смядынскій монастырь представляетъ въ настоящее время только развалины. Въ 1833 г. въ фундаментѣ церкви подъ небольшимъ каменнымъ сводомъ нашли гробницу изъ бѣлаго извѣстковаго камня, съ крышкой, безъ всякихъ украшеній; въ гробѣ человѣческій остовъ. Предпологаютъ, что это гробница Давида Ростиславича. (Мурзакевичъ: „Достопамятности города Смоленска“, Чтенія Москов. Общ. Исторіи и Древн. Росс., 1846 г. кн. 2, смѣсь, стр. 9; его-же: „Объ открытіи древней княжеской гробницы въ окрестности города Смоленска“, - Труды и Лѣтописи Моск. Общ. Ист. и Древн. Росс. 1837 г. ч. VIII, стр. 307). Ипатьев. Лѣт. стр. 471. Слѣды Крестовоздвиженскаго монастыря видны близь кладбищенской церкви Гурія, Самона и Авива, что въ Садкахъ. Монастырь Успенскій былъ по Рославльской дорогѣ, гдѣ теперь село Богородицкое (Мурзакевичъ: Достопамятности; стр. 9—10). Указываютъ еще на Спасскій монастырь, развалины котораго находятся по лѣвую сторону Днѣпра близь деревни Чернушекъ. Но когда онъ основанъ, мы не знаемъ, а въ Никон. Лѣтописи подъ 1384 годомъ указывается не на Смоленскій, а на Тверской Спасскій монастырь (Никон. Лѣт. ч. IV, стр. 145). Что касается Святодуховскаго монастыря, то онъ упоминается только въ позднѣйшихъ источникахъ, гораздо позже паденія смоленской самостоятельности, напр. въ Смутное время.

узнавали въ рисуемыхъ имъ картинахъ черты своей дѣятельности. Противъ него вооружились священники, монахи и нѣкоторые изъ горожанъ, стараясь найти хоть какой-нибудь предлогъ къ его обвиненію. Но мужественный проповѣдникъ не удовольствовался стѣнами монастыря и явился въ городъ. Дѣло обострилось до того, что самъ игуменъ принужденъ былъ запретить ему проповѣдывать. Авраамій удалился въ Крестовоздвиженскій монастырь. Все населеніе города бросилось къ нему. И тутъ отчасти выясняется для насъ эта привлекательная сила личности преподобнаго Авраамія и характеръ его проповѣдей. Онъ одинаково относился и къ малымъ и великимъ міра сего: приходили и рабы, и свободные, и рабочіе—всѣмъ готовъ онъ былъ оказать услугу—съ однимъ помолиться, другому почитать „отъ божественнаго" и побесѣдовать на счетъ прочитаннаго, третьяго усладить церковнымъ пѣснопѣніемъ, а главное утѣшить скорбящаго. Страшныя гоненія пришлось пережить энергическому народному просвѣтителю, „быть поносимымъ, безчествуемымъ, какъ злодѣю", какъ онъ самъ разсказывалъ потомъ своему ученику, но онъ не покинулъ своего великаго дѣла, и могъ, наконецъ, утѣшиться: будучи назначенъ игуменомъ вновь основаннаго Богородицкаго монастыря, преподобный Авраамій уже безъ всякой помѣхи предался своему просвѣтительному труду, утѣшая и уча толпами стекавшихся къ нему горожанъ съ женами и дѣтьми, рабовъ и свободныхъ. И вотъ стоило въ какой-нибудь церкви загремѣть проповѣдямъ Авраамія, стоило начать ему тамъ свое слово утѣшенія, какъ церковь начинала украшаться иконами, свѣчами, начинали собираться библіотека, переписываться рукописи. Пожертвованій, приносимыхъ Преподобному Авраамію, хватало нетолько на прокормленіе вдовъ и нищихъ, но и на церковное украшеніе [1]).

Въ 1137 году былъ назначенъ первымъ епископомъ смоленскимъ Мануилъ. Это былъ, судя по извѣстію лѣтописи, знатокъ и любитель духовной музыки [2]). Ему то, конечно, и принадлежитъ установленіе въ Смоленскѣ традиціи хорошаго церковнаго пѣнія, о которомъ впослѣдствіи такъ заботится Преподобный Авраамій, и которое было

---

[1]) Житіе Преподобнаго Авраамія Смоленскаго въ Христоматіи Аристова.

[2]) Ипатьев. Лѣт. стр. 215.

одной изъ притягательныхъ силъ, заставлявшихъ Смольнянъ идти въ церкви тѣхъ монастырей, гдѣ подъ руководствомъ любителя оно процвѣтало [1]). Но не одно пѣніе занимало смоленскихъ горожанъ. Мы уже видѣли, что они были большими любителями почитать и потолковать о прочитанномъ. На сколько глубоко распространялась грамотность въ народную массу, сказать нѣтъ возможносьи, но приведенные выше факты и то обстоятельство, что преподобный Авраамій находилъ много переписчиковъ рукописей,—указывтютъ, что грамотные люди считались въ Смоленскѣ не единицами [2]). Несомнѣнно, ученый Грекъ Мануилъ долженъ былъ не мало способствовать распространенію просвѣщенія въ Смоленской землѣ, но свое начало и уже значительное развитіе оно получило тамъ до него. Въ 1147 году великій князь кіевскій Изяславъ Мстиславичъ избралъ въ преемники умершему митрополиту Михаилу строгато схимника Климента, который происходилъ изъ Смоленска. Лѣтописи выставляютъ Климента книжникомъ и философомъ такимъ, какого раньше не бывало въ Русской землѣ [3]). Этотъ отзывъ современниковъ въ настоящее время вполнѣ подтверждается: найдено письмо Климента или Клима, писаннее имъ къ своему старому другу, одному изъ смоленскихъ священниковъ Ѳомѣ [4]). Изъ этого драгоцѣннаго памятника письменности XII в. оказывается, что уже въ то время въ Смоленскѣ духовенство отличалось высокимъ образованіемъ. Огромную начитанность обнаруживаетъ Смольнянинъ Климентъ по всѣмъ областямъ современнаго ему знанія. Священное писаніе, отцы церкви, не только изучались, но и толковались, при чемъ возникали иногда оживленные споры, являлись школы, такъ или иначе относившіяся къ изучаемому тексту. Въ данный моментъ обна-

---

[1]) Житіе Авраамія, Хрестоматія Аристова, стр. 405: „и мнози начаша приходити отъ города и *послушати церковнаго пѣнія*...“.

[2]) Ibidem., стр. 403. О библіотекѣ и списываніи рукописей въ Авраамієвомъ монастырѣ см. также у В. С Иконникова: Опытъ русской Исторіографіи, Кіевъ. 1891 г., т. I, кн. 1 стр. 595.

[3]) Ипатьев. Лѣт. стр. 241.

[4]) Посланіе Митрополита Климента отыскано и издано г. Лопаревымъ въ ХС выпускѣ „Памятниковъ древней письменности“ въ 1892 г. и вторично при сочиненіи г. Никольскаго: „О литературныхъ трудахъ митрополита Климента Смолятича, писателя XII в.“ Спб. 1892 г. Мы не вдаемся ни въ литературную оцѣнку памятника, ни въ изслѣдованіе по вопросу вообще о литературной дѣятельности Климента, предоставляя все это историкамъ древней русской литературы, а беремъ посланіе Клима какъ источникъ, дающій интересные и важные факты для обрисовки состоянія просвѣщенія въ Смоленской землѣ.

руживаются среди смоленскаго духовенства два направленія: одно, представителемъ котораго являлся Климентъ, которое считало возможнымъ придавать многимъ мѣстамъ священнаго писанія иносказательное значеніе, при чемъ опиралась не только на христіанскую, но и на языческую литературу, Гомера, Платона и Аристотеля,—другое, принимало текстъ буквально, хотя также не было чуждо знакомства съ произведеніями греческихъ писателей[1]). Во главѣ послѣдняго направленія стоялъ нѣкто Григорій, очевидно, также кто-нибудь изъ высшаго смоленскаго духовенства, такъ какъ Климентъ называетъ его учителемъ Ѳомы[2]). Оказывается, что и произведенія церковной греческой литературы, и классическихъ писателей были извѣстны въ Смоленской земли въ подлинникѣ, такъ какъ Климентъ ясно указываетъ на знаніе и Ѳомой, и Григоріемъ гречесскаго языка[3]). Изъ нѣкоторыхъ мѣстъ посланія видно, что еще раньше Климентъ писалъ самому князю Ростиславу, что послѣдній совѣщался затѣмъ, бесѣдовалъ съ Григоріемъ и Ѳомой и поручилъ послѣднему написать отвѣтъ, который задѣлъ митрополита и вызвалъ съ его стороны новое посланіе[4]). Такимъ образомъ, еще первый князь смоленскій любилъ окружать себя учеными людьми и, едва ли въ этомъ можно сомнѣваться, содѣйствовалъ школьному образованію въ Смоленскѣ. Мы уже видѣли, что въ монастыряхъ Смоленска существовали библіотеки рукописей, что тамъ шла усиленная переписка литературныхъ произведеній, что въ концѣ XII и началѣ XIII ст. можно было найти въ Смоленскѣ уже много искусныхъ переписчиковъ. Все это факты, указывающіе, что начало школьнаго образованія въ Смоленской землѣ надо отнести еще къ первой половинѣ XII ст., и во всякомъ случаѣ Клименты, Григоріи и Ѳомы не могли явиться въ тотъ короткій срокъ,

---

[1]) См. выше указанный трудъ Никольскаго и введеніе г. Лопарева. ...азъ писахъ, говоритъ Климентъ, отъ Омира, и отъ Аристотеля, и отъ Платона иже въ елиньскихъ вырьхъ славнѣ бѣша".

[2]) „...но въскуе приводишіи на мя оучителя своего Григорія.речеши бо оу Григоря бѣсѣдовалъ есмъ о спасеніи душевнемъ..." (изд. Лопарева, стр. 2).

[3]) „...Грігоріи зналъ алфоу, якоже и ты, и витоу, подобно вся К҃ и Д҃ словесъ грамотоу". (Посланіе, стр. 26).

[4]) „...аще и писахъ, нъ не к тебѣ, нъ князю.—" (ibid. стр. 1); ..нъ о писаніи моемъ воспоминаю, иже къ князю твоемоу и къ моемоу же на пріснѣ господіну..." (ibid. стр. 24).

который прошелъ съ поставленія на Смоленскую епископію Мануила и до избранія въ митрополиты Климента Смолятича, срокъ, заключающій въ себѣ всего лишь десять лѣтъ: начало школьнаго образованія въ Смоленскѣ слѣдуетъ отнести къ эпохѣ до-мануиловской [1]). Мы этимъ вовсе не хотимъ отрицать участія епископа Мануила въ просвѣщеніи Смоленской земли. Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что школьное образованіе и просвѣщеніе вообще развилось въ Смоленскѣ подъ сильнымъ вліяніемъ Византіи, тѣсныя отношенія къ которой мы видимъ въ Смоленской землѣ во все время ея самостоятельнаго политическаго существованія. Въ княженіе Ростислава смоленскимъ боярамъ пришлось побывать въ Константинополѣ, куда они были посланы княземъ по дѣлу о поставленіи митрополита [2]). Но, очевидно, подобные факты случались не разъ. Что еще въ концѣ XIV ст. эта связь съ Византіей не порвалась и между нею и Смоленскомъ происходили оживленныя сношенія, доказывается грамотою патріарха Константинопольскаго къ смоленскому князю Святославу Ивановичу, писанная на греческомъ языкѣ [3]). Конечно это византійское вліяніе поддерживалось и торговыми сношеніями и связанными съ ними поѣздками смоленскихъ купцовъ въ Константинополь. Мы не говоримъ уже о постоянныхъ и частыхъ посѣщеніяхъ по самымъ разнообразнымъ причинамъ Кіева. Конечно тутъ играли видную роль и политическія, и религіозныя связи. Епископы Смоленскіе поставлялись кіевскимъ митрополитомъ и поэтому должны были часто путешествовать на югъ. Даже въ XIV ст., не смотря на то, что митрополиты жили уже на сѣверѣ, смоленскіе епископы иногда принуждены были ѣздить на югъ или для своего поставленія, или участія въ поставленіи. Такъ, въ 1335 году епископъ Іоаннъ, вмѣстѣ съ епископами Аѳанасіемъ Владимірскимъ (Волынскимъ), Ѳеодоромъ Галицкимъ, Григоріемъ Холмскимъ и Трифономъ Луцкимъ, участвовалъ въ по-

---

[1]) Преосв. Филаретъ еще более отдаляетъ начало смоленскаго просвѣщенія. По его мнѣнію, еще въ 1095 г. Филиппъ пустынникъ написалъ на грečесскомъ языкѣ для смоленскаго инока Калиника „Діоптру". (Обзоръ русской духовной литературы. № 18, стр, 17). Но г. Голубинскій думаетъ, что подъ μέρη τῶν Σμολένων слѣдуетъ разумѣть не Смоленскъ, а греческій (болгарскій городъ) Смоленъ. (Исторія Русской церкви, т. I, ч. 1, стр. 724—725).

[2]) Ипатьев. Лѣт. стр. 357; Густын. Лѣт. стр. 308 (П. С. Р. Л. т. II).

[3]) Русская Историческая Библіотека, изд. Археогр. Коммиссіей, т. VI, Приложенія, № 21.

ставленіи на черниговскую каѳедру епископа Іоанна, а въ 1345 году смоленскій епископъ Евфимій былъ самъ рукоположенъ митрополитомъ Ѳеогностомъ на югѣ, что видно изъ участія въ его поставленіи епископовъ Іоанна Брянскаго и Кирилла Бѣлгородскаго [1]). Этимъ-то путемъ приходили и распространялись въ Смоленской землѣ рукописи, которыя, какъ мы видѣли, собирались и иереписывались такъ очень усердно. Въ полномъ соотвѣтствіи съ этимъ стоитъ найденное въ одномъ изъ монастырей города Орши Евангеліе, писанное въ XIII ст. и принесенное туда откуда-то изъ южно-славянскихъ земель. Мы не можемъ также сомнѣваться и въ томъ, что въ Смоленскѣ подъ вліяніемъ византійскихъ образцовъ развилось иконописаніе, явились свои иконописцы [2]).

---

[1]) † Μηνὶ Νοεμβριω ιθ' τοῦ προφήτου 'Αβδίου, ἰνδικτιῶνος δ', ἔτους, ξωμδ', ψῆφος γινομένη τοῦ θεοφρουρήτου κάστρου Τζηρνιχόβου παρόντων θεοφιλεςτάτων ἐπισκόπων τοῦ τε κῦρ 'Αθανασιου Βολοδημήρου, τοῦ κῦρ Φεοδώρου Γαλίτξης Γρηγορίου, Χολμίου, Τρύφωνος Λουτξικοῦ καὶ 'Ιωάννου Σμολενίσκου... ὁ ἱερομόναχος 'Ιωάννης ἐχειροτονήθη.... † Μηνὶ Αὐγούστῳ, ἰνδικτιῶνος ιγ, ἔτους, ξωνγ, ψῆφος γινομένη τῆς θεοσώστου πόλεως Σμολενίσκου παρόντων καὶ τῶν θεοφιλεστάτων ἐπισκόπων Πριανίσκου. Ιωάννου 'Ασπροκάςτρου Κυρίλλου... ὁ ἱερομόναχος Εὐθύμιος, ἐχειροτονήθη ἐπισκοπος Εὐθύμιος †.“ (Analecta byzantino-rossica Ed. Regel. SPb. 1891. p. 55 и 56). Эти грамоты въ русскомъ переводѣ помѣщены въ статьѣ В. Г. Васильевскаго: „Записи о поставленіи русскихъ епископовъ при митрополитѣ Ѳеогностѣ въ Ватиканскомъ греческомъ сборникѣ“. Ж. М. Нар. Пр. 1888 г. ч. CCLV, стр. 445.

[2]) Это Евангеліе принадлежитъ къ числу бумагъ, выброшенныхъ французами въ 1812 году изъ монастырей города Орши и въ настоящее время принадлежитъ Церковно-Археологическому Музею при Кіевской Духовной Академіи. Писано оно на пергаментѣ, уставомъ. Чернила текста каштановаго цвѣта, какими написано и Мстиславово Евангеліе, Евангеліе библіотеки Кіево-Печерской Лавры XIV ст.; заставки, инициалы, заголовки въ чтеніяхъ и мѣсяцесловѣ, начальныя буквы дневныхъ праздниковъ—все это сдѣлано киноварью; предъ нѣкоторыми евангельскими чтеніями отмѣченъ гласъ голубыми чернилами. Особенно замѣчательна заставка предъ чтеніемъ евангелій отъ Марка: она изображаетъ различныхъ животныхъ: птицъ, драконовъ, звѣрей, змѣй. Нѣкоторые инициалы представляютъ изъ себя довольно оригинальныя фигуры съ головой человѣка, иногда со змѣей во рту. Предъ началомъ евангельскихъ чтеній помѣщены изображенія евангелистовъ. Судя по діалектическимъ особенностямъ, Евангеліе писано въ Западной Россіи. (Крыжановскій: „Рукописныя Евангелія Кіевскихъ книгохранилищъ“. 1889 г.). Такъ какъ діалектическія особенности указываютъ на западную Россію, такъ какъ городъ Орша одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ, упоминающійся еще въ 1116 г., такъ какъ житіе Преподобнаго Авраамія свидѣтельствуетъ объ энергичной перепискѣ рукописей въ Смоленской землѣ, то мы не видимъ тутъ причины для колебаній и не считаемъ возможнымъ считать мѣстомъ ея переписки Новгородъ В. О развитіи иконописанія въ

Но не одно лишь списываніе чужихъ литературныхъ произведеній процвѣтало въ Смоленской землѣ. Лучшее доказательство этому мы имѣемъ въ житіи Преподобнаго Авраамія, написанномъ его ученикомъ Ефремомъ. Есть нѣкоторыя основанія предполагать, что составленіе житій началось въ Смоленскѣ гораздо раньше XIII ст. Въ сказаніи о святыхъ мученикахъ Борисѣ и Глѣбѣ, приписываемомъ Іакову Мниху, мы находимъ ясные слѣды смоленскихъ преданій. Житель Кіева никакимъ образомъ не могъ знать тѣхъ нѣкоторыхъ подробностей событій, какія мы находимъ въ сказаніи Іакова, если-бы ему не были принесены свѣдѣнія о нихъ съ сѣвера и именно изъ Смоленска. Въ другомъ жизнеописаніи Бориса и Глѣба, принадлежащемъ Нестору, этихъ подробностей и нѣтъ, такъ какъ онъ писалъ исключительно на основаніи южныхъ источниковъ. Въ самомъ дѣлѣ, могъ-ли Кіевлянинъ знать, что святой Глѣбъ ѣхалъ сначала верхомъ, что конь его сломалъ себѣ ногу именно *на устьѣ рѣки Тмы* [1]). Особенно важно послѣднее указаніе, не оставляющее никакого сомнѣнія относительно мѣста своего происхожденія. Упоминаемая тутъ рѣка впадаетъ въ Волгу, дѣйствительно, недалеко отъ смоленскихъ границъ [2]). Точно также только Смольнянинъ могъ знать, что Глѣбъ присталъ къ Смядынской пристани, что тутъ именно совершено было убійство, что тѣло мученика было брошено на берегу между двумя колодами и прикрыто хворостомъ. Это все такіе простые факты, въ достовѣрности которыхъ нельзя сомнѣваться. Трудно предположить, чтобы эти подробности не были записаны въ Смоленскѣ вскорѣ послѣ самихъ событій. Мы не можемъ утверждать, что въ Смоленскѣ уже въ XI в. было составлено житіе мучениковъ, но намъ кажется, что

Смоленскѣ говоритъ то-же житіе Преподобнаго Авраамія: „Написа-же двѣ иконѣ (Преподобн. Авраамій въ церкви Крестовоздвиженскаго монастыря): едину страшный судъ второго пришествія, а другую испытанія воздушныхъ мытарствъ....“ (Христоматія Аристова, стр. 406).

[1]) „И пришедъ на Волгу на оусть Тьмы. и на поли потчеся подъ нимь конь въ ровъ и наломи ногу мало. и яко приде къ Смоленьску...“ („Сказанія о святыхъ Барисѣ и Глѣбѣ“, изд. Срезневскій. Спб. 1860 г., стр. 54).

[2]) См. прилагаемую нами карту Смоленской земли. Замѣчательна точность въ опредѣленіи пути. Съ устья р. Тьмы Глѣбъ пошелъ, очевидно, по Волгѣ, затѣмъ въ Вазузу, потомъ небольшимъ волокомъ или прямо въ Днѣпръ или сначала въ р. Вязьму. Это обычный путь изъ Суздальской земли въ Смоленскую. См. I главу.

ко времени основанія Смядынскаго моностыря всѣ эти народныя преданія должны были вылиться въ литаратурное произведеніе [1]). Къ XIII ст.

---

[1]) „Оубьєну же бывшу Глѣбови и повержену на пустѣ мѣстѣ межю двѣма кладома..." („Сказанія..." изд. Срезневскаго, стр. 59). Какъ извѣстно, составитель лѣтописи взялъ свое повѣтствованіе о святыхъ Борисѣ и Глѣбѣ изъ произведенія Іакова Мниха, сдѣлавъ въ немъ измѣненія и сокращенія. Но важно вогъ что. Въ лѣтописномъ сказаніи говорится только о томъ, что тѣло Глѣба было брошено между двумя колодами, т. е. такъ, какъ это показано у Іакова Мниха (см. Ипатьев. Лѣт. стр. 96). Составитель лѣтописи, жившій на югѣ, и могъ воспользоваться только южнымъ-же сказаніемъ Іоакова Мниха. Но въ Лѣтописцѣ Переяславля-Суздальскаго это мѣсто сказанія имѣетъ такой видъ: „Оубіеноу же Глебови и повержену на пустѣ месте межи двема кла или ма *сосновыми и приверженъ хврастомъ*". (Лѣтописецъ Переяславля—Суздальскаго, изд. Оболенскаго, М, 1851 г. стр. 40). Такимъ образомъ списатель сказанія о Св. Глѣбѣ имѣлъ это послѣднее въ смоленской редакціи, изъ которой черпалъ и Іаковъ. Но послѣдній пропустилъ указанную выше маленькую, но очень важную подробность. Укажемъ теперь еще на одно интересное обстоятельство. И въ сказаніи, приписываемомъ Іакову Мниху, и въ сказаніи Лѣтописца Переяславскаго говорится, что Владимiръ посадилъ Святополка въ Пинскѣ, а въ Ипатьевской лѣтописи вмѣсто Пинска стоитъ Туровъ. Затѣмъ сказаніе Переяславля-Суздальскаго отличается отъ сказанія Іакова Мниха еще прибавкой:... и в Дѣревѣхъ", чего нѣтъ у Іакова Мниха. Когда могло явиться это указаніе? Конечно, не ранѣе того времени, когда Пинскъ начинаетъ играть преобладающую роль. Наравнѣ съ Туровымъ этотъ городъ упоминается еще въ 1097 году, но пребываніе въ немъ князя можно точно констатировать лишь въ 1190 г., когда тамъ сидитъ Ярополкъ Юрьевичъ, одинъ изъ потомковъ Святополка Изяславича (Ипатьев. Лѣт. стр. 452), но отецъ его Юрій могъ тамъ сидѣть и гораздо раньше. Въ это самое время въ Овручѣ сидитъ Рюрикъ Ростиславичъ, одинъ изъ смоленскихъ (см. гл. III, № 40), а сынъ его Ростиславъ (№ 39) ѣздитъ въ Пинскъ въ гости. Вотъ въ силу этихъ то обстоятельствъ въ Смоленскѣ болѣе могъ быть извѣстенъ Пинскъ, чѣмъ Туровъ. Отсюда какъ-бы слѣдуетъ, что тотъ списокъ сказанія, который дошелъ до насъ въ Переяславскомъ лѣтописцѣ, есть произведеніе Смоленска, такъ какъ въ Кіевѣ прекрасно знали, что Святополкъ сидѣлъ въ Туровѣ, а не въ Пинскѣ, какъ правильно и замѣнилъ составитель южной лѣтописи. Но если Пинскъ выставленъ и въ сказаніи, приписываемомъ Іакову Мниху, и нѣтъ замѣны Пинска Туровымъ, то стало быть и Іаковъ Мнихъ пользовался смоленскимъ литературнымъ произведеніемъ. О сказаніи Іакова Мниха см. изслѣдованіе Срезневскаго: „Древнія жизнеописанія русскихъ князей", въ Извѣстіяхъ II, Отд. Имп. Акад. Н. т. II; также статья Погодина о Іаковѣ Мнихѣ. См. также Хрущова: „О древне русскихъ историческихъ сказаніяхъ и повѣстяхъ". Кіевъ. 1877 г. Изслѣдованіе объ авторѣ и времени написанія сказанія о Св. Борисѣ и Глѣбѣ, приписываемомъ Іакову Мниху, не входитъ въ рамки нашего труда. Скажемъ только, что мы, на основаніи вышеприведенныхъ данныхъ, склоняемся къ мнѣнію Д. И. Иловайскаго, не признающаго авторомъ сказанія Іакова, монаха Печерской лавры, котораго Ѳеодосій хотѣлъ назначить своимъ преемникомъ (Исторія Россіи, т. I, в. I, примѣч. 58), и считаемъ это сказаніе литературнымъ произведеніемъ XII в. и при томъ второй или конца первой его половины. Что касается фактической стороны, то мы отдаемъ предпочтеніе

относится житіе Преподобнаго Авраамія. Оно написано его ученикомъ, Ефремомъ, какъ послѣдній самъ говоритъ въ своемъ послѣсловіи. Какъ видно, Ефремъ, подъ руководствомъ своего учителя, пріобрѣлъ большую начитанность и проявляетъ знакомство не только съ южными кіевскими сказаніями и житіями, но и съ произведеніями византійской литературы. Писалъ онъ свое житіе уже послѣ татарскаго нашествія и въ своемъ повѣтствованіи основывается на собственныхъ воспоминаніяхъ и разсказахъ современниковъ. Это житіе представляетъ одно изъ замѣчательныхъ литературныхъ произведеній. Отличаясь простотою изложенія, оно богато бытовыми данными, чисто историческими указаніями, чѣмъ отличается отъ всѣхъ другихъ древне-русскихъ повѣстей и сказаній. Эта простота изложенія и богатство содержанія было несомнѣнно выдающимся качествомъ и другаго смоленскаго-же литературнаго произведенія. Мы разумѣемъ „повѣсть о святомъ мученикѣ Меркуріи, чудотворцѣ Смоленскомъ". Она помѣщается въ Сборникѣ, хранящемся въ Смоленскѣ въ библіотекѣ Авраамієвскаго монастыря. Этотъ сборникъ относится къ XVII ст., но самая повѣсть не-

---

этому послѣднему сказанію передъ Несторовскимъ, такъ какъ ходъ событій изложенъ въ немъ (въ первомъ) естественнѣе, За это говоритъ точность передачи фактовъ. Затѣмъ является не естественнымъ, какъ это Святополкъ, скрывшій смерть отца отъ братьевъ (а не наоборотъ, ибо это противорѣчило-бы всему ходу дѣйствій), чтобы удобнѣе расправиться съ ними, какъ это онъ прежде всего не покончилъ съ Глѣбомъ, если послѣдній былъ въ Кіевѣ, а послалъ сначала убивать Бориса и далъ возможность этимъ бѣжать Глѣбу. Полагаемъ, что для Святополка было всеравно, съ кого начинать. Очевидно, Глѣба въ Кіевѣ не было. Съ этимъ соображеніемъ и стоятъ въ полномъ соотвѣтствіи точныя показанія смоленскаго сказанія о подробностяхъ событія, имѣвшихъ мѣсто въ Смоленскѣ Не можемъ не высказать еще однаго соображенія. Несторъ писалъ на основаніи кіевскихъ преданій и, оказывается, ничего не знаетъ о событіяхъ смоленскихъ, почему у него и явилась неправильность фактическая. Это заставляетъ предположить, что съ 1015 года, когда происходили эти событія, до времени литературной дѣятельности Θеодосія (приблизительно 1085—1114 г.), т. е. спустя лѣтъ 70—80, въ Кіевѣ утратились точныя свѣдѣнія о фактахъ, что и весьма естественно. Несторъ собралъ все, что могъ, и внесъ смутное преданіе о бѣгствѣ на караблицѣ, смутное отраженіе дѣйствительнаго факта о пріѣздѣ Глѣба въ Смоленскъ по пути Волга—Вазуза—Днѣпръ. Въ половинѣ XII ст. на сѣверѣ, именно въ Смоленскѣ, явилось уже вполнѣ сложившееся сказаніе о Глѣбѣ, которое и было принесено на югъ. Кто, мы не знаемъ, воспользовался этимъ сказаніемъ и внесъ его въ свой трудъ о Святыхъ Борисѣ и Глѣбѣ. Если считать первымъ составителемъ лѣтописи Сильвестра, игумена Выдубецкаго, то значитъ, потомъ были, въ XII ст., и другіе составители, которые и измѣнили въ лѣтописи разсказъ о Глѣбѣ сообразно съ точными данными смоленскаго сказанія.

сомнѣнно гораздо древнѣе, и, по нѣкоторымъ соображеніямъ, она составлена въ началѣ XIV ст. Какъ видно изъ вступленія, главная цѣль автора заключалась въ томъ, чтобы напомнить Смольнянамъ о великомъ чудѣ, совершившемся надъ Смоленскомъ въ тяжелую годину испытаній первыхъ временъ татарскаго ига, какъ доказательство постояннаго покровительства Смоленску Божіей Матери: „точію должны есмы сіе хранити, яко да всегда впамяти содержимъ сія великія и неизреченныя дары Бога Вседержителя". Это вступленіе напоминаетъ проповѣдь, которая какъ будто была произнесена по какому-то особому случаю. Можетъ быть, она-то побудила кого-то къ составленію всей повѣсти о святомъ Меркуріи. Несомнѣнно только одно, что составитель повѣсти былъ человѣкъ духовный. Но источникомъ для автора послужило уже готовое литературное произведеніе, сложившееся раньше. Это была повѣсть о нашествіи Татаръ на Смоленскъ и о чудесномъ избавленіи города отъ этихъ враговъ заступничествомъ Божіей Матери, пославшей нѣкоего Меркурія, воина-иностранца, на Татаръ, который и разбилъ ихъ. Эта первоначальная повѣсть, подобно житію Преподобнаго Авраамія Смоленскаго, полна точныхъ бытовыхъ и топографическихъ данныхъ, и, вѣроятно, отличалась такимъ-же богатствомъ и данныхъ историческихъ, но позднѣйшій компиляторъ во многихъ мѣстахъ уничтожилъ ихъ и по шаблону позднѣйшихъ житіеписцевъ отдѣлывается общими мѣстами. Однако въ одномъ мѣстѣ ясно видно, что и авторъ этого позднѣйшаго сказанія желалъ имѣть точное указаніе объ имени татарскаго богатыря, который былъ убитъ Святымъ Меркуріемъ, но принужденъ заявить, что „его же имени повѣсть умолча". Это обстоятельство заставляетъ предполагать, что и первоначальная повѣсть составлена уже тогда, когда время стушевало отдѣльныя подробности событій, и что въ нее вошли народныя преданія. И дѣйствительно, до насъ дошла и народная редакція этой повѣсти. Эта редакція отличается еще большимъ количествомъ бытовыхъ подробностей, чѣмъ повѣсть письменная, но за то и лишена нѣкоторыхъ историческихъ указаній, находящихся въ послѣдней. Такимъ образомъ, начиная со второй половины XII в. и до первой половины XIV в. мы видимъ въ Смоленскѣ непрерывную цѣпь историческихъ народныхъ преданій, легендъ и связанныхъ съ ними литературныхъ произведеній [1]).

[1]) Житіе Преподобнаго Авраамія Смоленскаго сохранилось въ нѣсколькихъ спискахъ (Барсуковъ: „Источники Русской Агіографіи", Спб. 1882 г. стр. 8—10). Издано оно

Литературная дѣятельность не прекращалась въ Смоленскѣ и въ слѣдующее столѣтіе, и образцомъ ея является описаніе путешествія

въ Православномъ Собесѣдникѣ 1858 г., а также въ Христоматіи Аристова. Вотъ собственныя слов: Ефрема: „се конецъ блаженнаго и праведнаго отца нашего Авраамия азъ же грѣшныи и недостоиныи Ефремъ..." (Правосл. Собесѣд. т. III, стр. 136). „Якоже и мнози вѣдятъ его бывша и до самоя смерти..." (Ibidem., стр. 145). О житіи этомъ см. Макарія: „Исторія Церкви", т. III; Буслаева: „Историческ е очерки", т. II, стр. 115 и далѣе; Ключевскій: „Древне-русскія житія Святыхъ, какъ историческій источникъ", М. 1871 г., стр. 52 и слѣд.; Краткое упоминаніе у Филарета въ „Обзорѣ Русской духовной литературы", № 47; уже указанный трудъ Барсукова; Голубинскій: Исторія Русской церкви, I, 1, стр. 640—641. Въ Иконописномъ Подлинникѣ читаемъ: „подобіемъ (Авраамій) старъ, сѣдъ изчерна, главою плѣшивъ, брада аки Василія Великаго, покороче мало и не раздвоилась, ризы преподобническія. Въ Житіи его пишетъ: „Образъ и подобіе Великого Василія черну браду такову имѣя, и главу плѣшиву, поживѣ бо лѣтъ 50. (Барсуковъ, op. cit., стр. 8). Писаревъ: „Рукописный памятникъ Смоленскаго Арвааміева монастыря и его литературное значеніе", въ Филологическихъ Запискахъ, 1881 г. в. I; изложеніе Житія съ примѣчаніями см. Филарета: „Рускіе Святые", Августъ, стр. 73 и слѣд. Въ доказательство того, что Житіе писано уже послѣ 1237 г., приводятъ слова Ефрема: „поганыхъ нашествия.. измаильтеския языки разсыпли..." (Православн. Собесѣдникъ, 1858 г. III, стр. 137 и Филаретъ, op. cit. стр. 73, примѣч. 119), но г. Ключевскій возражаетъ, что эти слова могутъ относиться и къ другому времени и вовсе не къ монгольскимъ нашествіямъ. (Ключевскій, op. cit. стр. 57). Это обстоятельство не имѣетъ большой важности, такъ какъ житіе писано во всякомъ случаѣ въ XIII ст. и не въ концѣ его, а въ срединѣ, Ефремъ постоянно ссылается на очевидцевъ событій; самъ онъ былъ ученикомъ преподобнаго Авраамія,—все это не даетъ возможности на дальнее время оттягивать написанія Житія, ибо въ такомъ случаѣ и писать его *ученикъ* Авраамія не могъ, и очевидцевъ тоже быть уже не могло. Когда умеръ Преподобный Авраамій? Въ житіи сказано, что онъ подвизался отъ юности въ продолженіе 50 л., а санъ священства получилъ въ княженіе Мстислава Романовича, который княжилъ въ Смоленскѣ 17 лѣтъ, отъ 1197—1214 г. Слѣд. онъ родился въ княженіе Романа Ростиславича (1160—1180 г.), а умеръ при князѣ Владимірѣ Рюриковичѣ (1214—1219) или Мстиславѣ Давидовичѣ (1219—1230 г.). Епископъ Игнатій, послѣ смерти котораго недолго прожилъ и Авраамій, упоминается всего лишь однажды подъ 1206 г. (Лавр. Лѣт. стр. 404; Карамзинъ: „Исторія Госуд. Росс. т. III, примѣч. 118). Но, какъ видно изъ житія, большая часть жизни Авраамія протекла именно при Игнатіи, слѣд. и епископъ Игнатій послѣ 1206 г. прожилъ не долго. Такимъ образомъ, время смерти обоихъ, и епископа Игнатія, и Преподобнаго Авраамія, падаетъ на княженіе Владиміра Рюриковича. Въ житіи, дойди оно до насъ въ своемъ первоначальномъ видѣ, можно было бы найти еще нѣкоторыя хронологическія указанія, но позднѣйшіе переписчики такъ исказили его, что въ иныхъ мѣстахъ трудно возстановить настоящій смыслъ словъ автора житія. Едвали можно сомнѣваться въ томъ, что Ефремъ принадлежалъ къ числу той немногочисленной братіи, которую собралъ Авраамій въ Богородицкомъ монастырѣ въ послѣднее время своей жизни, а слѣдовательно, писать житіе Ефремъ могъ именно только въ первое время татарскаго нашествія, когда еще не перевелись очевидцы дѣятельности преподобнаго Авраамія. Относительно сказанія о Меркуріи см. вышеуказан-

Игнатія Смольнянина въ Константинополь и Палестину. Несомнѣнно перу того-же автора принадлежитъ и „Сказаніе лѣтомъ въ кратцѣ", о которомъ мы скажемъ подробнѣе особо. Что касается путевыхъ записокъ, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что онѣ писаны Игнатіемъ Смольняниномъ, состоявшимъ въ свитѣ смоленскаго епископа Михаила, который сопровождалъ митрополита Пимена для поставленія въ Царьградъ. Не смотря на это, Игнатія нельзя считать лицомъ духовнымъ, и напротивъ есть данныя видѣть въ немъ человѣка свѣтскаго, епископскаго боярина[1]). По нашему крайнему

ную стасью Писарева: „Рукописный памятникъ Смоленскаго Авраамієва монастыря и его литературное значеніе", въ Филологическихъ Запискахъ, 1881 г. в. I, 1882 г. в. II—III и V; въ выпускѣ III издана цѣликомъ и повѣсть о Меркуріи; Буслаева: „Историческія очерки русской народной словесности и искуства", Спб. 1881 г. т. II, стр. 173 и слѣд.; Барсуковъ: „Источники Русской Агіографіи"; въ Иконописномъ Подлинникѣ читаемъ: „Святый мученикъ Меркурій Смоленскій, новый чудотворецъ, убіенъ отъ Батыя царя въ лѣто 6755, образомъ великъ, брада не велика, разсохата мало, на главѣ шапка, заломъ черпъ, шуба багоръ, узорчата, оборотъ бѣлъ, въ рукѣ сабля, гораздо велика, а онъ подперся ею, что посохомъ, а въ другой рукѣ ножны..." (Ibidem); Филаретъ: Русскіе Святые, Ноябрь. Относительно года описываемаго въ этой повѣсти событія см. слѣдующую главу. Что въ рукахъ позднѣйшаго автора была древняя повѣсть, ясно видно изъ словъ его: „сним же (съ Батыемъ) нѣкто бѣ исполинъ. богатырь именуемъ съ сыномъ своимъ, *ею-же имени повѣсть умалча*". (Филол. Записки, 1882 г. в. III, стр. 42). Интересны соображенія о времени написанія этой древнѣйшей повѣсти см. у г. Писарева въ указанномъ трудѣ, в. III стр. 46 и слѣд. Источникомъ народной легенды о Святомъ Меркуріи и самой повѣсти г. Буслаевъ считаетъ разсказъ пономоря церкви Пресвятой Богородицы. „Какъ Пушкинъ указывалъ на чистоту русской рѣчи въ устахъ Московскихъ просвиренъ, такъ историкъ литературы съ неменьшимъ уваженіемъ долженъ отозваться о поэтическихъ разсказахъ древне-русскихъ понамарей". (Буслаевъ, op. cit., стр. 198).

[1]) Въ рукописяхъ записки Игнатія обозначается ясно: „Хожденіе Игнатія Смолнянина". (См. приведеное изданіе этого литературнаго памятника Православнымъ Палестинскимъ Обществомъ въ 12-мъ выпускѣ его Сборника, Спб. 1887 г. подъ редакціей Арсеньева). Кромѣ этого заглавія, происхожденіе Игнатія изъ Смоленска подверждается его собственными словами: „Въ лѣто 6913 (1405) Игнатей Смолнянинъ бысть въ Селуни". На концѣ онъ не выдерживаетъ разсказа въ 3 лицѣ и говоритъ: „..и описахъ сія". (стр 27). Вообще вездѣ разсказывается въ первомъ лицѣ единствен. или множествен. числа. Въ двухъ мѣстахъ онъ говоритъ и о себѣ: 1) „...и рече ми владыка: „Игнатіе, что бо ради сице стоишь, ничтоже печали не имѣй". Мнѣ же рекшу: что есть, владыко..." (стр, 4); 2) ...и отпусти митрополитъ чернца Михаила, а владыка Михаилъ мене Игнатія, а Сергій Азаковъ своего чрънца..." (стр. 6). Это единттвенное мѣсто, которое какъ будто указываетъ на принадлежность Игнатія къ духовному званію. Но съ другой стороны это-же мѣсто можетъ указывать и на обратный фактъ: митрополитъ и Сергій послали своихъ чернецевъ, а Михаилъ Игнатія—не чернеца, а своего слугу, боярина. За то другое мѣсто изъ путе-

разумѣнію, послѣ хожденія Игумена Даніила—записки Игнатія Смольнянина занимаютъ первое мѣсто по прекрасному толковому изложенію фактовъ и ясному, чуждому прикрасъ, сжатому, но точному описанію всего видѣннаго. Игнатій—человѣкъ своего времени—вѣритъ, до извѣстной степени умиляется надъ тѣмъ, что ему разсказываютъ и показываютъ Греки, но онъ восхищается гораздо больше архитектурой зданій, ихъ отдѣлкой и роскошью, интересуется историческими памятниками и политическими событіями, свидѣтелями которыхъ онъ случайно былъ въ Византіи. Отправился Игнатій въ свое путешествіе, какъ я уже говорилъ, съ патріархомъ Пименомъ въ 1389 году и оставался тамъ до 1405 году, по крайней мѣрѣ, въ это время онъ былъ еще въ Солуни. Когда Игнатій возвратился, мы этого сказать не можемъ [1]). Нужно-ли было нашему путешественнику во время своего пребыванія въ Греціи обращаться къ помощи переводчиковъ? Мы думаемъ, что нѣтъ, и что записки Игнатія Смольнянина стоятъ въ полномъ соотвѣтствіи съ обширнымъ знакомствомъ Ефрема съ византійской литературой и съ знаніемъ альфы и виты священникахъ Ѳомы

выхъ записокъ Игнатія ясно указываетъ, что его нельзя считать іеродіакономъ епископа Михаила. Вслѣдствіе смерти Пимена, былъ назначенъ на русскую митрополію Кипріанъ. Онъ отправился изъ Византіи 1 октября и съ нимъ уѣхали всѣ, въ томъ числѣ и владыка Смоленскій Михаилъ. Между тѣмъ Игнатій остается въ Константинополѣ и вмѣстѣ съ бывшими тамъ Русскими радуется, получивъ письмо о прибытіи Кипріана въ Бѣлгородъ (нынѣ Аккерманъ): „Мы же сіа слышавше радостни зѣло быхомъ". (стр. 11). Едвали-бы могъ Игнатій покинуть своего владыку, если-бы былъ его іеродіакономъ.

[1]) „Въ лѣто 6897 (1389) Пиминъ митрополитъ всеа Руси поиде въ третіи ко Царюграду, а съ нимъ владыка Михаилъ Смоленскій, да архимандритъ Спасьскій Сергій." (стр. 1). Это начало не вяжется съ слѣдующимъ за нимъ разсказомъ и, по всей вѣроятности, приставлено къ запискамъ Игнатія во время внесенія ихъ въ лѣтопись. Начало его записокъ было иное. Въ нѣкоторыхъ рукописяхъ есть ясное на это указаніе. Разсказъ начинается такъ: „Бысть-же начало пути тому отъ града Москвы Апрѣля въ 13, въ великой вторникъ страстныя недѣли". Затѣмъ сразу слѣдуетъ прибытіе въ Коломну. Между тѣмъ въ иныхъ рукописяхъ читаемъ длинное вступленіе, что Пименъ поручилъ своимъ окружающимъ записывать все происходящее на пути: „мы же сія вся писахомъ. *И сице поидохомъ отъ Москвы, якоже напреди писахомъ*". Но этого писаннаго *напреди* нѣтъ, ибо нельзя считать *разсказомъ* о выѣздѣ *сице* изъ Москвы краткой хронологической даты (13 Апрѣля и т. д.), приведенной нами только что. Относительно фактовъ, интересующихъ Игнатія, см. его записки стр. 2—4, 7, 9, 12—13, 14—18 (Палестинскій Сборникъ, в. 12). О поставленіи епископа Михаила въ Смоленскъ въ 1382 г. См. Никон. Лѣт. ч. IV, изд. 1788 г., стр. 140; о возвращеніи его съ митрополитомъ Кипріаномъ, Ibidem. стр. 193 подъ 1389 годомъ. О смерти Михаила въ 1402 г. см. Воскр. Лѣт. стр. 75 (П. С. Р. Л. т. 8).

и его учителя Григорія. Но лингвистическія познанія Смольнянъ не ограничивались однимъ греческимъ языкомъ. Мы видѣли, что Смоленская торговая Правда первоначально была составлена на латинскимъ языкѣ. Странно было бы предполагать, что Тумашъ Михайловичъ, сотскій Пантелей, священникъ Еремей только лишь брады своя уставя, по выраженію Котошихина, сидѣли и смотрѣли, какъ Нѣмцы что-то такое вносили въ черновикъ столь важнаго договора. Неопровержимые факты говорятъ, что съ этого латинскаго черновика и съ нѣмецкаго его перевода былъ сдѣланъ переводъ на смоленско-полоцкое нарѣчіе, чего никоимъ образомъ не могли произвести сами Нѣмцы [1]). Если нѣмецкій способъ датировки указываетъ на стремленіе смоленскаго переводчика къ точности передачи своего оригинала, то одно археологическое указаніе даетъ возможность заключить, что этотъ случай нѣмецкаго счисленія былъ въ Смоленскѣ не единичный. Въ 1873 году въ развалинахъ Смядынскаго монастыря найденъ надгробный памятникъ какого-то чернориза Зеновія. Это простой, въ натуральномъ видѣ, камень, на обѣихъ сторонахъ котораго сохранилась надпись. На одной сторонѣ: „мѣсяца іюля г день преставися рабъ божій Зеновій черноризецъ". На другой дата, которую читаютъ или 1271 или 1219. Интересъ заключается въ томъ, что эта дата изображена такъ: ві (двѣнадцать сотенъ) и о҃а (71), или ві (двѣнадцать сотенъ), іѳ (19), что соотвѣтствуетъ нѣмецкому zwölf hundert и т. д., вмѣсто tausend zwei hundert [2]). Это уже не оффиціальный актъ, а явленіе обыденной жизни, въ которую проникало нѣмецкое вліяніе. Да и въ самомъ дѣлѣ, трудно-ли было Смольнянину усвоить себѣ языкъ, нравы и обычаи своихъ европейскихъ гостей, если ему приходилось часто ѣздить въ прибалтійскіе города, жить тамъ, обдѣлывать торговыя дѣла, а вмѣстѣ съ этимъ вести близкое знакомство съ нѣмецкими купеческими семьями, постоянно видѣть Нѣмцевъ у себя дома, говорить съ ними оказывать ихъ купцамъ гостепріимство у себя и сталкиваться съ ними въ безконечно разнообразныхъ житейскихъ отношеніяхъ. Смольняне

---

[1]) См. главу II.

[2]) Кн. Дондуковъ-Корсаковъ: „Вновь открытая русская старина". (Древности; Труды Москов. Археол. Общ., т. IV. в. 3); Бодянскій: „О надписи на камнѣ надгробномъ, найденномъ въ Смоленскѣ въ 1872 году". (Чтенія Москов. Общ. Исторіи и Др. Росс. 1872 г. кн. IV).

никогда не могли пріобрѣсти замкнутости, отчужденности отъ иностранцевъ и наоборотъ чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе сближались съ ними. Смоленскіе князья въ этомъ отношеніи не отставали отъ движенія. Еще не важно, что Юрій Святославичъ и его сынъ Ѳеодоръ Юрьевичъ бѣгутъ къ Нѣмцамъ и ищутъ тамъ себѣ защиты, гораздо болѣе говоритъ жизнь Владиміра Мстиславича, который не только переселяется къ Нѣмцамъ, управляетъ нѣмецкою областью, но и выдаетъ свою дочь за Нѣмца; сынъ его Ярославъ Владиміровичъ такъ гдѣ-то окончилъ и дни свои у Нѣмцевъ. Но проживая во владѣніяхъ нѣмецкаго Ордена, князья не прерывали своихъ связей и съ родной землей, возвращались, какъ Владиміръ Мстиславичъ, въ свои удѣлы, и приносили съ собой европейскіе обычаи [1]). Если мы встрѣчаемъ въ Смоленскѣ знаніе греческаго языка въ половинѣ XII ст., какъ свидѣтельствуетъ письмо митрополита Климента, если затѣмъ факты указываютъ намъ, что въ XIII ст. Смольняне умѣли справляться съ латинескими и нѣмецкими текстами, то мы имѣемъ полное право принять сообщеніе Татищева о заведеніи при Мстиславѣ Рамановичѣ училищъ, въ которыхъ преподавались греческій, латинскій и, скажемъ отъ себя, нѣмецкій языки. Закончимъ нашъ очеркъ внутренней жизни Смоленска словами Буслаева по поводу легенды о св. Меркуріи: „сочувствіе свое къ Нѣмцамъ и уваженіе къ ихъ благороднымъ качествомъ, Смольняне ничѣмъ лучше не могли засвидѣтельствовать, какъ признаніемъ нѣмецкаго происхожденія въ своемъ великомъ героѣ и защитникѣ, если Ростовъ, грустно примиряясь съ татарщиной, составлялъ легенду о татарскомъ царевичѣ Петрѣ, то Смоленскъ, съ надеждою обращавшій взоры на западъ Европы, хотя и безсознательно, превознесъ въ своемъ героѣ плоды западнаго просвѣщенія и противопоставилъ его восточному насилію и варварству [2])“.

---

[1]) См. объ этихъ князьяхъ гл. III подъ №№, 11, 45, 46, 51. О замужествѣ дочери Владиміра за братомъ епископа Теодорихомъ, а также о поѣздкахъ и жизни Владиміра со своей семьей у Нѣмцевъ см. Heinrici Chronicon Livoniae, pp.. 94, 96, 108.

[2]) Буслаевъ: „Историч. Очерки рус. народн. словесности и искусства“, т. II, стр. 197; см. еще прекрасную статью Сухомлинова. „О языкознаніи въ древней Россіи“, въ Учен. Записк. II Отд. Имп. Ак. Н., 1854 г. кн. I, особенно стр. 217.

Уставныя грамоты Ростислава.

I

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Богъ и Святая Богородица и отца моего молитва, приведохъ епископа Смоленску, *сдумавъ съ людми своими*, по повелѣнію отца своего святого, еже хотѣвъ при животѣ своемъ сътворити; но есть здѣ первѣе сего не бывало епископьи, да язъ недостойный, грѣшный, се уставляю епископью, о немъ же епископу быти живу и съ клиросомъ своимъ, въ свои дни и во свое княженье, еже ми Богъ далъ и отча молитва. А се даю Святѣй Богородици и епископу прощеники, съ медомъ, и съ кунами, и съ вирою и съ продажами, и не надобѣ имъ судити никакому же человѣку. И се даю Святѣй Богородици и епископу десятину отъ всѣхъ даней смоленскихъ, что ся въ нихъ сходитъ истыхъ кунъ, кромѣ продажи, и кромѣ виры, и кромѣ полюдья: у Вержавлянѣхъ у Великихъ 9 погостъ, а въ тѣхъ погостехъ платитъ ктожъ свою дань и передмѣръ истужници, по силѣ, кто что мога, а въ тѣхъ погостехъ а нѣкоторый погибнеть, то ти и десятины убудеть, а въ тыхъ погостехъ сходится дани осмъсотъ гривенъ, а передмѣра сто гривенъ, а на истужницѣхъ сто гривенъ, то ти изъ того взяти епископу къ Святѣй Богородици сто гривенъ; а во Врочницѣхъ двѣсти гривенъ, то ти изъ того взяти епископу 20 гривенъ; а въ Торопчи дани четыреста гривенъ, а епископу съ того взяти 40 гривенъ; а въ Жижци дани 130 гривенъ, а съ того епископу взяти 13 гривенъ; а въ Каспли 100 гривенъ, а изъ того епископу взяти 10 гривенъ; а въ Хотшинѣ дани 200 гривенъ, а изъ того епископу взяти 20 гривенъ а въ Жабачевѣ дани 200 гривенъ, а изъ того епископу взяти 20 гривенъ; а въ Вотторовичи дани 100 гривенъ, а изъ того епископу взяти 10 гривенъ; а въ Шуйспѣи (Шуйскѣи) дани 80 гривенъ а изъ того епископу 8 гривенъ; а въ Дешнянюхъ 30 гривенъ, а изъ того епископу три гривны; а въ Ветьскѣи дани 40 гривенъ, а изъ того епископу четыри гривны; а на Былевѣ дани 20 гривенъ, а и епископу изъ того 2 гривны; а въ Бортницѣхъ на оной сторонѣ 40 гривенъ, а изъ того епископу 4 гривны; а въ Витринѣ дани 30 гривенъ, а изъ того епископу три гривны; въ Жидчичихъ 10 гривенъ, а изъ того епископу гривна; въ Басѣи 15 гривенъ, а и епископу изъ того полторы гривны; въ Ми-

ратичехъ дани 10 гривенъ, а епископу изъ того гривна; въ Добрятинѣ дани 30 гривенъ, а епископу изъ того три гривны; въ Доброчковѣ дани 20 гривенъ, а изъ того епископу двѣ гривнѣ; въ Бобровницѣхъ дани 10 гривенъ, а изъ того епископу гривна; на Дѣдогостичехъ 10 гривенъ, а изъ того епископу гривна; а въ Зарубѣ дани 30 гривенъ, а изъ того епископу 3 гривны; а въ Женни дани 200 гривенъ у Велицѣй, изъ того Святѣй Богородици и епископу 20 гривенъ; въ Пацинѣ дани 30 гривенъ, а изъ того епископу три гривны, а въ гостинѣй дани невѣдомо, а что ся сойдетъ, изъ того Святѣй Богородицы и епископу десятина; въ Солодовницѣхъ 20 гривенъ, изъ того Святѣй Богородици и епископу двѣ гривны; на Путтинѣ присно платять четыри гривны; Бѣници 2 гривны, коромити полпяты гривны, Дѣдичи и дань и вира 15 гривнъ, гость 7 гривенъ, а изъ того Святѣй Богородици и епископу три гривны безъ семи ногатъ; на Копысѣ полюдья четыри гривны, а корчьмити невѣдомо, но что ся сойдеть, изъ того десятина Святѣй Бородици; на Прупои 10 гривенъ, а изъ того епископу гривна, а въ корчмитѣхъ не вѣдати, но что ся сойдеть, изъ того десятина Святѣй Богородици; у Кречюта дани 10 гривенъ, а Святѣй Богородици и епископу гривна; въ Лучинѣ полюдья... гривны, а мыта и корчмити невѣдомо, но что ся снидетъ, изъ того епископу десятина; во Оболви гостинная дань, и что ся въ ней снидется, изъ того Святѣй Богородици и епископу десятина; во Исконѣ дани 40 гривенъ, а изъ того Святѣй Богородици и епископу 4 гривны; Суждали Залѣсская дань, аже воротить Гюгри, а что будеть въ ней, изъ того Святѣй Богородици десятина; у Вержавску въ городѣ три гривны десятины Святѣй Богородици; въ Лодейницѣхъ 10 гривенъ дани, а изъ того гривна Святѣй Богородици. И се даю изъ Торопча отъ всѣхъ рыбъ, иже идеть ко мнѣ, десятину Святѣй Богородици и епископу;... жизця (изъ Жизця) такоже отъ всѣхъ рыбъ, иже идеть ко мнѣ, десятину Святѣй Богородици и епископу;... что ся наречеть области Смоленское, или мала или велика дань, любо княжа, любо княгинина, или чія сія хотя, правити десятину Святѣй Богородици, безъ всякого отпису дѣяти. Село Дросенское, со изгои и съ землею, Святѣи Богородици и епископу и село Ясенское, и съ бортникомъ и съ землею и съ исгои, Святѣй Богородици; и се есми далъ землю въ Погоновичохъ Мойшинскую Святѣй Богородици и епископу, и озера Нимикорская и съ сѣножатми, и уѣздъ княжъ, и на Сверковыхъ Лукахъ

сѣножати, и уѣздъ княжъ, озеро Колодарское Святѣй Богородици. И се даю на посвѣтъ Святѣй Богородици, изъ двора своего, осмъ капій воску и на горѣ огородъ, съ капустникомъ и съ женою и съ дѣтми, за рѣкою, тетеревникъ съ женою и съ дѣтми, Святѣй Богородици и епископу. Бысть мое сотщаніе къ Святѣй Богородици, по повелѣнію святого отца моего, чтожъ мога, тожъ даю. А тяжъ епископлихъ не судити никомуже, судитъ ихъ самъ епископъ: первая тяжа роспустъ; другая тяжа ажъ водитъ кто двѣ жонѣ; третья тяжа аще кто поимется чрезъ законъ; а четвертая уволочская, ажъ уволочетъ кто дѣвку, што возметь князь, съ епископомъ на полы, или посадникъ что възметь свои тяжи, то съ епископомъ на полы; а пятое ажъ ту женку, то епископу; жестая вопросъ, а то епископу, зелья и душегубства тяжа епископля; седьмая ажъ двѣ женѣ, то епископля тяжа, ажъ церковный человѣкъ зайдетъ чего, то своему епископу; девятая ажъ кого Богъ отведетъ церковныхъ людей, а не будетъ зла ничего церкви. Да язъ молъвлю и уставилъ есми епископью, порученъ Смоленескъ Богомъ и дѣднею и отцовою молитвою, де се язъ князь Ростиславъ съ первымъ епископомъ своимъ Манойломъ, да се уставляю язъ. Ажъ будетъ или тяжа, или продажа епископля, да ненадобѣ ни князю, ни посаднику, ни тивуну, ни иному никомуже отъ мала и до велика, и по всей волости Смоленской. Се же нынѣ съ Божью помощью и со Святою Бородицею, въ си дни полны дани, а посемъ что Богъ устроитъ: по Божью строю чи которая дань оскудѣеть, или коимъ образомъ, по силѣ что почнеть давати тыи дани, а изъ того десятина Святѣй Богородици. Да сего не посуживай никтоже по моихъ днехъ, ни князь, *ни людіе*; аще ли кто посудитъ сея грамоты, что есми далъ къ Святѣй Богородицы, да той отвѣчаетъ въ страшный день Святѣй Богородици, и сія клятва будетъ на немъ, а язъ буду безъ грѣха. Паки-ли приложить кто сію епископью опять къ Переяславстѣй епископьи, завистію, переступя слово святого митрополита Русскаго Михаила, а разрушить сію епископью Смоленскую: то князь отъиметъ свое опять, еже былъ уставилъ епископу пристраивати Святѣй Богородици, дажъ кто разрушитъ сей замыслъ святого отца моего Мьстислава и митрополита Русскаго Михаила. Се язъ, грѣшный сынъ Мьстиславль, надѣясь на Матерь Божью на Святую Богородицу, уставляю сію епископью; дажъ кто разрушить ю, да самъ отвѣчаетъ Святѣй Богородици, и сія клятва Святыхъ Отецъ буди на немъ, а язъ буду безъ грѣха.

II

Се язъ худый и грѣшный и недостойный епископъ Маноилъ, съ благороднымъ и христолюбивымъ княземъ моимъ Михаиломъ *утвержаевѣ еже написана*, утвержена и сотворена, о благодати и благословеніемъ Святого Духа поставленикомъ моимъ митрополитомъ Русскимъ киръ Михаиломъ, при благовѣрнѣмъ и христолюбивѣмъ князи моемъ Киръ Михаилѣ, и утвердилъ уставъ церковный, именемъ Ростиславъ, по отца своего святого молитвы и по повелѣнію его, уставилъ есть епископью Смоленскую. Дажъ кто по моемъ князи или по мнѣ, переступить или посудить сію грамоту и уставъ ось, или князь или инъ кто, да будеть ему Богъ противенъ въ день судный, и Святая Богородица, да будеть проклятъ отъ святыхъ Апостолъ и Святыхъ Отець 300 и 18. иже повелѣша: въ кый градъ достоить епископу быти, да поставять и отъ всѣхъ Святыхъ, аще кто разрушить се. да будеть проклятъ. Или епископъ который начнеть, несытствомъ, хотя ити въ Переяславль и сію епископью приложити къ Переяславлю, да буди ему клятва, яже се преже писана и святого митрополита Русскаго Михаила, иже составилъ сію епископью; или отдасть что и не правити иметь Святѣй Богородици, еже есть написано здѣ, буди ему тая-же клятва и буди ему анаѳема.

И се еще и Холмъ даю Святѣй Богородици и епископу, якоже дано дѣдомъ моимъ Володимеромъ Семенови преже епископу строить нарядъ церковный и утверженье. Въ лѣто 6659, индикта 14, мѣсяца сентября 30.

III.

А се погородіе отъ Мьстиславля 6 гривенъ урока, а почестья гривна и три лисици; а се отъ Крупля гривна урока, а пять ногатъ за лисицу; а се отъ Вержавска двѣ гривнѣ урока, а за три лисици 40 кунъ безъ ногаты; а се отъ Копысы 6 гривенъ урока и двѣ лисици, а почестья 35 кунъ; а се отъ Поциня урока полторы гривны, а за двѣ лисици 22 кунѣ; а отъ Лучина три гривны урока, и двѣ лисици, и осетръ; а се отъ Растиславля три гривны, а почестья гривна и четыри лисици; отъ Елны урока три гривны и лисица; а Изяславлее..., а у Торопчи урока 40 гривенъ и 15 лисиць и 10 черныхъ кунъ, неводъ, тре...ица, бредникъ, трои сани рыбы, полавачникъ, двѣ скатерти, три убрусы, берковескъ меду; а се въ Жижци пять гривенъ, а почестья гривна и лисица; а у Дорогобужи три гоны короткіи, а почестья гривна, а пять лисиць".

Дополненія къ Актамъ Историческимъ т. I, № 4, стр. 5—8.

ГЛАВА V.

Очеркъ политической исторіи Смоленской земли.

Въ незапамятныя, доисторическія, времена, съ береговъ рѣки З. Двины перешли кривицкіе колонисты къ верховьямъ Днѣпра и двинулись по его берегамъ и его притоковъ на востокъ. Мало по малу раздвигались ихъ поселенія, устремляясь все далѣе и далѣе, пока не перешагнули въ область р. Волги и ея верхнихъ притоковъ [1]). Кривицкіе колонисты заняли своими поселеніями великій путь съ отдаленныхъ временъ втянулись въ торговые интересы, сдѣлавшись посредниками въ сношеніяхъ далекаго востока съ западомъ [2]). Тамъ, гдѣ находится узелъ великихъ водныхъ путей, долженъ былъ возникнуть исходной пунктъ колонизаціи смоленскихъ Кривичей и центръ обширныхъ торговыхъ сношеній, тутъ явился новый кривицкій городъ Смоленскъ. Всѣ поселенія Кривичей, отъ Днѣпра и до р. Москвы, должны были стоять въ тѣсныхъ торговыхъ отношеніяхъ къ этому центру. Около него скучивалось населеніе въ городахъ и селахъ, и избытокъ его уходилъ далѣе на востокъ, подкрѣпляя собою давно образовавшіяся тамъ колоніи и закрѣпляя еще болѣе ихъ связь съ Смоленскомъ. Старый Полоцкъ остался далеко назади и не могъ уже поддерживать политическаго вліянія на далеко ушедшихъ своихъ колонистовъ. Мало по малу Смоленскъ пріобрѣталъ для восточныхъ Кривичей значеніе политическаго центра; разбросанныя на великомъ восточномъ пути кривицкія колоніи обращались въ пригороды своего торговаго и колонизаціоннаго центра, и связь торгово-промышленная

---

[1]) См. гл. I.

[2]) См. гл. II.

перешла въ подчиненіе политическое. Когда утвердился такой порядокъ вещей, мы сказать не можемъ. Несомнѣнно, онъ подготовлялся постепенно, но даже въ историческое время, когда уже образовалось Русское государство, этнографическая связь смоленскихъ и полоцкихъ Кривичей еще сознавалась, и самый смоленскъ играетъ роль важнаго торговаго пригорода стараго Полоцка. Интересъ первыхъ страницъ исторіи Смоленской земли и заключается въ борьбѣ этого стараго принципа единства Кривицкой земли съ новымъ теченіемъ—возникшимъ уже стремленіемъ смоленскихъ Кривичей обособиться, создать отдѣльную политическую единицу. На первыхъ порахъ Смоленскъ не проявляетъ такого стремленія и вслѣдъ за старымъ Полоцкомъ мирно принимаетъ посадниковъ кіевскагa князя Олега [1]). По всей вѣроятности, зависимость Смоленска отъ Кіева выражалась въ это время ежегодною данью, доставленіемъ ополченій въ случаѣ военныхъ предпріятій кіевскихъ князей, и въ содержаніи у себя его посадниковъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ со второй половины X вѣка мы видимъ первый фактъ политической обособленности Смоленска отъ Полоцка. Когда Владиміръ двинулся изъ Новгорода для подчиненія себѣ полоцкаго князя, между его ополченіями мы находимъ Кривичей, конечно, смоленскихъ [2]). Такимъ образомъ, Смоленская земля становилась въ непосредственную зависимость отъ великихъ князей кіевскихъ; въ Смоленскѣ находился посадникъ великаго князя, вслѣдствіе чего этотъ

---

[1]) См. гл. I и Ипатьев. Лѣт. стр. 13; Лавр. Лѣт. стр. 22; Архангелогородскій лѣтописецъ (стр. 6) ясно говоритъ о добровольномъ признаніи власти Олега Смольнянами.

[2]) Мы говорили выше, что слѣды платившагося нѣкогда Смоленскомъ великому князю погородія мы находимъ въ XII ст. (1133 г.) (См. гл. IV). Съ значительною вѣроятностью можно пріурочивать къ Смоленску и извѣстіе лѣтописи объ установленіи даней Св. Ольгой по Днѣпру (См. гл. IV). Кривичи, какъ мы указывали въ очеркѣ промышленности, учавствуютъ въ походахъ кіевскихъ князей на Византію (см. гл. II). Затѣмъ въ Ипатьев. лѣтописи мы находимъ ясное извѣстіе: „Володимиръ же събра вои многы Варяги и Словѣны, и Чюдь и Кривичи, и поиде на Рогъволода“. (стр. 50; Лавр. Лѣт. стр 74). Іоакимовская лѣтопись говоритъ даже, что Владиміръ двинулся на Рогволода потому, что послѣдвій первый разорилъ новгородскія волости, (Татищевъ, ч. I). Этотъ фактъ стоитъ въ полномъ соотвѣтствіи съ дѣйствительнымъ положеніемъ Кривицкой земли: между отдѣльными ея частями въ силу древняго единства существовала черезполосица владѣній, на которую мы уже указывали (см. гл. I), приводившая къ безконечнымъ спорамъ. Нападеніе Рогволода кладетъ начало стремленіямъ полоцкихъ князей къ соединенію всѣхъ частей Кривицкой земли.

городъ являлся уже политическимъ центромъ области. Первое ясное указаніе на обособленіе Смоленской земли, какъ отдѣльной политической единицы, относится къ 1054 году. Лѣтописи говорятъ, что еще при своей жизни Ярославъ Владиміровичъ посадилъ въ Смоленскѣ своего сына Вячеслава, который и княжитъ тамъ до 1057 года, къ которому относится извѣстіе о его смерти. По общему соглашенію, братья, Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ, переводятъ въ Смоленскъ изъ Владиміра Волынскаго Игоря Ярославича, но и онъ умираетъ въ 1060 г.[1]). Послѣ этой кратковременной обособленности, Смоленская земля вновь теряетъ ее и даже дѣлится на три части между Изяславомъ, Святославомъ и Всеволодомъ. Трудно указать, какая именно часть досталась каждому изъ нихъ. Самый объемъ Смоленской земли былъ гораздо менѣе, чѣмъ въ XII ст. Такъ мѣста по рѣкѣ Протвѣ были населены еще независимымъ племенемъ Голядью, и Изяславъ Ярославичъ въ 1058 году покоряетъ ихъ власти кіевскаго князя[2]). Нѣкоторое время Смоленскъ переходитъ изъ рукъ въ руки. Въ 1073 году, когда кіевскій столъ былъ занятъ Святославомъ Черниговскимъ, Смоленскъ переходитъ во власть брата его Всеволода, который отдаетъ этотъ удѣлъ своему старшему сыну, Владиміру Мономаху. Послѣдній остается въ Смоленскѣ и послѣ смерти Святослава Ярославича, и такимъ образомъ есть основаніе думать, что съ конца XI ст. вся та территорія, которая въ XII ст. входитъ въ составъ Смоленской земли, сосредоточивается въ рукахъ Всеволода, такъ какъ послѣднему принадлежало и среднее Поволжье съ городомъ Ростовомъ[3]). Когда преисходила борьба Святополка Изяславича и Владиміра Мономаха съ Олегомъ Святославичемъ, Смоленскъ неожиданно выступаетъ на политической аренѣ. Въ 1095 году Давидъ Свято-

---

[1]) Ипатьев. Лѣт. стр. 113, 114; Лавр. Лѣт. стр. 157, 158; Новгород. I Лѣт. стр. 91, 92; Тверск. Сборникъ, стр. 152; Воскр. Лѣт. стр. 333 (П. С. Р. Лѣт. т. 7).

[2]) Тверск. Сборникъ, стр. 153; Новгород. I Лѣт. стр. 93.

[3]) Лѣтописная Хронологія въ этотъ періодъ крайне сбивчива. Что Смоленскъ съ вокняженіемъ Всеволода въ Кіевѣ принадлежалъ Мономаху, видно изъ духовнаго завѣщанія послѣдняго: „...а мене посла (отецъ) Смолиньску“ (Лавр. Лѣт. стр. 238). Что Всеволодъ владѣлъ всѣмъ Поволжьемъ ясное извѣстіе мы находимъ въ Новгородской I Лѣтописи: „а Всеволодъ (взялъ послѣ смерти Ярослава) Переяславль, Ростовъ, Суздаль, Бѣлоозеро, Поволжье“. (стр. 66). О смерти Святослава Ярославича см. нашу „Исторію Сѣверской земли до половины XIV ст.“ стр. 74 и слѣд.

славичъ, сидѣвшій въ Новгородѣ, былъ оттуда изгнанъ, и его принимаютъ къ себѣ Смольняне. Опираясь на нихъ, Давидъ становится открыто во враждебныя отношенія къ Святополку и Владиміру Мономаху. Правда, Смольняне не согласились принять къ себѣ брата Давида, Олега Святославича, но тѣмъ не менѣе они отдаютъ въ его распоряженіе свои ополченія, съ которыми онъ продолжаетъ военныя дѣйствія въ землѣ Муромской и наноситъ пораженіе сыну Мономаха, Изяславу [1]). Въ 1096 году Святополкъ и Владиміръ Всеволодовичъ двинулись соединенными силами на Давида и заставили его отстать отъ союза съ братомъ, но онъ всетаки сохранилъ за собой смоленскій столъ [2]). Къ этому времени обширныя владѣнія Мономаха ясно групируются уже въ отдѣльныя княжества сообразно съ своимъ естественнымъ дѣленіемъ на этнографическія единицы: Ростовско-Суздальская земля уже имѣетъ отдѣльнаго князя сначала въ лицѣ Мстислава Владиміровича, а потомъ его брата Изяслава; Новгородская земля ясно обособилась и постоянно видитъ у себя князей, какими въ данный періодъ являются Глѣбъ Святославичъ, Святополкъ Изяславичъ, Мстиславъ Владиміровичъ, Давидъ Святославичъ. Такимъ образомъ, естественно выдѣляется Смоленская земля, которая однакоже

---

[1]) Ипатьев. Лѣт. стр. 160, 161, 164; Лавр. Лѣт. стр. 221, 222, 223, 228.

[2]) Въ 1096 году между Давидомъ Святославичемъ Смоленскимъ и князьями Святополкомъ и Владиміромъ Мономахомъ были уже мирныя отношенія. Мономахъ говоритъ: „...и Смолиньску идохомъ с Довидомь смирившеся...“ (Лавр. Лѣт. стр. 241). Факты, о которыхъ говоритъ тутъ Мономахъ, какъ осада Стародуба, нападеніе Боняка... относятся къ 1096 году. По нашему крайнему разумѣнію, въ извѣстіяхъ лѣтописи объ этихъ событіяхъ существуетъ путаница. Новгородская I Лѣт. подъ 1095 г. разсказываетъ, что Святополкъ и Владиміръ Мономахъ явились подъ Смоленскъ, чтобы заставить Давида уйти въ Новгородъ, но въ перечнѣ новгородскихъ князей тойже лѣтописи говорится, что Новгородцы сами выгнали Давида и призвали изъ Ростова Мстислава Владиміровича, что вполнѣ согласно съ извѣстіемъ Ипатьевской Лѣтописи подъ тѣмъ-же 1095 г. Если Новгородцы призвали на мѣсто Давида сына Владиміра Мономаха, то Святополкъ и Мономахъ никакимъ образомъ не могли заставлять Давида идти назадъ въ Новгородъ, такъ какъ это было противно интересамъ самого-же Владиміра Всеволодовича. Стало быть, причина похода была не эта, и Новгородская Лѣтопись, указавъ на дѣйствительный фактъ, отнесла его не туда, куда слѣдуетъ. При этомъ интересно, что она совсѣмъ не упоминаетъ объ изгнаніи Давида изъ Новгорода, хотя это фактъ несомнѣнный, какъ видно изъ согласія показаній Ипатьев. Лѣтописи и перечня новгород. князей. Очевидно, походъ на Давида связанъ съ враждебнымъ положеніемъ, занятымъ Смоленскомъ въ отношеніи Святополка и Мономаха. Новгор. I Лѣт. стр. 67 и 439 и 118; Ипатьев. Лѣт. стр. 160.

остается одна въ непосредственной связи съ отдаленнымъ южнымъ Переяславлемъ и поэтому должна была естественно управляться посадниками переяславскаго князя. Принятіемъ къ себѣ Давида Святославича и самостоятельными дѣйствіями въ политическихъ событіяхъ Смоленскъ заявлялъ ясно свое стремленіе къ выдѣленію, къ образованію отдѣльнаго княжества. Хотя послѣ съѣзда князей въ Любечѣ въ 1087 году Смоленскъ снова переходитъ въ руки Владиміра Мономаха, но Смоленская земля имѣетъ особаго князя: тамъ сидитъ Святославъ Владиміровичъ, а построеніе въ Смоленскѣ въ 1101 году церкви Успенія Пресвятой Богородицы указываетъ на мысль Мономаха выдѣлить Смоленскую землю не только въ политическомъ, но и духувно-административномъ отношеніи созданіемъ въ ней отдѣльной епископіи [1]). Въ Смоленскѣ княженіе Святослава Владиміровича, продолжалось до 1113 года, когда былъ тамъ посаженъ другой сынъ Мономаха, Вячеславъ [2]), который однакоже въ 1116 году оказывается уже на югѣ [3]). Какъ мы сейчасъ увидимъ, послѣдующія событія заставляютъ предпологать, что въ Смоленскѣ сидѣли затѣмъ посадники Владиміра Всеволодовича до самой его смерти.

Къ этому-то переходному періоду въ жизни смоленскихъ Кривичей и относятся попытки къ объединенію всей Кривицкой земли, идущія со стороны князей полоцкихъ. Опираясь на этнографическую связь Полоцка, Новгорода и Смоленска, они стремятся захватить въ свои руки область верхняго теченія З. Двины, Волхова и Днѣпра, какъ пунктъ, отуда они могли распространять и упрочивать свое политическое вліяніе на всю кривицкую территорію. Первая такая попытка сдѣлана была еще въ 1067 году Всеславомъ. Сначала онъ

---

[1]) Мономахъ въ 1106 и 1107 году часто посѣщаетъ Смоленскъ: „и на зиму Смолинску идохъ, и—Смоленска по Велицѣ дни выидохъ... и по Рожествѣ створяхомъ миръ съ Аепою, и поимъ у него дчерь идохомъ Смоленьску...“ (Лавр. Лѣт. стр. 241; см. еще стр. 271—272); Ипатьев. Лѣт. стр. 181; Супрасльс. Лѣт. стр. 131 подъ 1100 г.; Тверс. Сборникъ стр. 188; Воскр. Лѣт. стр. 18 (П. С. Р. Л. т. 7).

[2]) „Преставися Святославъ, сынъ Володимеръ, мѣсяца марта 16 день, и положенъ бысть во Переяславлѣ у церкви святаго Михаила; *ту бо отець ему далъ столъ выведы и изъ Смоленьска*“. (Ипатьев. Лѣт. стр. 199). „Того-же лѣта (1113) посади сына своего Святослава в Переяславлѣ, *а Вячьслава у Смоленьскѣ*“. (Ibid. стр. 198).

[3]) „Томъ же лѣтѣ ходи Вячеславъ на Дунай съ Фомою Ратиборичемъ...“ (Ипатьев. Лѣт. стр. 204, подъ 1116 г.).

захватилъ Новгородъ. Когда братья Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ двинулись противъ него и взяли Минскъ, Всеславъ покинулъ Новгородъ, пошелъ противъ нихъ, но потерпѣлъ пораженіе. Это было 3-го марта. Спустя три—четыре мѣсяца, онъ собралъ новыя силы и двинулся съ ними къ Смоленску, но у города Орши встрѣтился съ своими врагами. На этотъ разъ братья не рискнули вступить въ битву съ Полочанами, можетъ быть, опасаясь Смоленска, который былъ у нихъ съ тыла, а заманили Всеслава къ себѣ на лѣвый берегъ Днѣпра и арестовали [1]). Мы не можемъ утверждать, что смоленскіе Кривичи сочувствовали Всеславу, но не должны забывать, что въ Смоленскѣ въ этотъ моментъ нѣтъ князя, а сидятъ посадники кого-то изъ трехъ братьевъ. Когда, послѣ 1073 года, Смоленскъ принадлежалъ уже Всеволоду Ярославичу, Всеславу удалось захватить Смоленскъ. Узнавъ о движеніи Владиміра Мономаха изъ Чернигова, Всеславъ сжегъ городъ и ушелъ въ свою область. Владиміръ, не захвативъ его въ Смоленскѣ, разорилъ его область около городовъ Лукомля, Логожска и Друтска. Это происходило приблизительно около 1078 года [2]). Про-

---

[1]) Такимъ образомъ, мы раздѣляемъ, по ясному и точному разсказу лѣтописей, это предпріятіе Всеслава на два эпизода. Когда происходила осада и взятіе Минска, Всеслава тамъ не было: онъ былъ въ Новгородѣ, откуда и двинулся на выручку своего города. Стало быть, битва произошла гдѣ-то между Минскомъ и Новгородомъ. Всеславъ разбитъ и бѣжалъ. Если это произошло 3 марта 1067 г., то до его ареста 10 іюля прошло болѣе 4 мѣсяцевъ. Спрашивается, гдѣ все это время были союзники? Сидѣли надъ Днѣпромъ у Орши и ждали, не пожалуетъ-ли къ нимъ Всеславъ? Очевидно, этого быть не могло, ибо князья не могли предполагать, чтобы разбитый, бѣжавшій Всеславъ сталъ разъѣзжать около Днѣпра, когда ему слѣдовало быть отъ нихъ подальше. Съ другой стороны. Если Всеславъ зналъ, что князья стоятъ у Орши, то какимъ образомъ онъ рискнулъ безъ значительной рати явиться на берегъ Днѣпра въ виду своихъ враговъ? Эти соображенія неизбѣжно приводятъ къ заключенію, что Всеславъ въ промежутокъ времени отъ 3 марта до 10 іюля успѣлъ набрать новыя ополченія и, зная объ удаленіи князей, попытался предупредить ихъ захватомъ Орши и Смоленска. Но въ свою очередь и его враги во время узнали о его приготовленіяхъ и опять двинулись на сѣверъ. Неожиданная встрѣча произошла у Орши. Въ спискахъ Новгородской I Лѣтописи харатейномъ и комиссіонномъ находится лишь краткое извѣстіе объ этихъ событіяхъ, но важное въ томъ отношеніи, что оно раздѣляетъ ихъ на два эпизода: „Въ лѣто 6575. Побѣдиша Всеслава на Немизѣ. Томъ же лѣтѣ яша и на Рши“. (Новгород. I Лѣт. стр. 97). Въ спискахъ толстовскомъ и академическомъ разсказъ взятъ позже несомнѣнно изъ лѣтописей южныхъ. (Ипатьев. Лѣт. стр. 117—118; Лавр. Лѣт. стр. 162—3; Тверс. Сборникъ стр. 157).

[2]) „...и Всеславъ Смолнескъ ожьже, и азъ всѣлъ с Черниговцы о двою коню, и не застахомъ въ Смолиньскѣ; тѣмже путемъ по Всеславѣ исжегъ землю и повоевавъ до

должателемъ стремленій Всеслава является его сынъ, Глѣбъ. Опять мы встрѣчаемся здѣсь съ замѣчательнымъ совпаденіемъ событій. Въ 1116 году смоленскій князь, Вячеславъ Владиміровичъ былъ отозванъ на югъ, и вслѣдъ затѣмъ мы видимъ въ Кривицкой землѣ новое и на этотъ разъ очень сильное движеніе. Глѣбъ захватилъ Копысь и Оршу и занялъ самый Смоленскъ. Тогда Владиміръ Маномахъ двинулъ туда ополченія не только съ своими сыновями, но и черниговскихъ князей, Давида и Ольговичей. Главною цѣлью Маномахъ поставилъ захватять Глѣба въ Смоленскѣ. Союзники, сообразно съ этимъ планомъ, стараются отрѣзать Глѣба отъ его области. Они взяли Копысь и Оршу, а затѣмъ Дрютескъ. Направивъ сыновей и черниговскихъ князей на эти города, Владиміръ самъ двинулся къ Смоленску. Глѣбъ сначала думалъ защищаться, но когда Владиміръ повелъ правильную осаду, Глѣбъ выѣхалъ изъ города. Миръ состоялся на условіи, что городъ Минскъ отходитъ къ землѣ Полоцкой. Мономахъ, какъ видно, самъ отвелъ туда Глѣба и водворилъ его тамъ[1]).

Лукамля и до Логожьска, та на Дрьютескъ воюя..." (Поученіе Мономаха, Лавр. Лѣт. стр. 239). Эти событія въ разсказѣ Мономаха стоятъ непосредственно послѣ битвы съ Олегомъ подъ Черниговомъ, что происходило въ 1078 году (см. Ипат. Лѣтоп. стр. 194 и слѣд.). Такимъ образомъ, походъ Владиміра на Всеслава долженъ относиться или къ концу 1078 или началу 1079 года.

[1]) Въ своемъ духовномъ завѣщаніи Мономахъ говоритъ: „и потомь к Мѣньску ходихомъ на Глѣба, аже ны бяше люди заялъ, и Богъ поможе, и сотворихомъ свое мышленое". (Лавр. Лѣт. стр. 241) Вслѣдъ затѣмъ упоминается походъ на Ярослава къ городу Владиміру, что происходило въ 1117 году (Ипатьев. Лѣт. стр. 204). Слѣд. походъ противъ Глѣба былъ совершенъ въ 1116 году, какъ это и показано въ Ипатьев. Лѣтописи (стр. 203). Что хронологія Ипатьев. Лѣтописи вѣрна, подтверждается Новгородской I Лѣтописью, помѣщающей отозваніе Мстислава Владиміровича подъ 1117 г., какъ и Ипатьевская, за чѣмъ непосредственно слѣдуетъ походъ противъ Ярослава (Новгор. I Лѣт. стр. 121, Ипатьев. Лѣт. стр. 204). Лаврентьев. Лѣт. даетъ точную дату похода противъ Глѣба къ Минску: 28 Января 6623 г. Такъ какъ тутъ мы имѣемъ дѣло съ мартовскими годами, а событія относятся къ послѣднимъ двумъ мѣсяцамъ мартовскаго года (январь—февраль), то для опредѣленія года беремъ 6623—5507 г.=1116 г. (Способъ А. А. Куника; см. его статью: „О признаніи 1223 г. временемъ Калкской битвы", въ Учен. Зап. Ак. Н. по I и III Отд. т. II, 1854 г.). Вообще въ этомъ мѣстѣ событія въ Лаврентьевской Лѣтописи страшно перепутаны. Кромѣ того краткость извѣстія этой лѣтописи заставляетъ отдать предпочтеніе подробному и точному разсказу лѣтописи Ипатьевской. Между тѣмъ въ разсказѣ послѣдней мы не находимъ никакой запутанности. „*Приходи Валомеръ на Глѣба*"—вовсе не говорится что походъ былъ къ Минску. „*Володимеръ* же, надѣяся на Бога и на правду, *поиде Смоленьску*", а не къ Минску. „И взя Вячеславъ Ршю и

Такъ кончилась послѣдняя попытка присоединенія Смоленска къ Полоцкой землѣ. Она не могла повториться потому, что спустя нѣсколько лѣтъ Смоленская земля обособляется въ особый удѣлъ.

Первымъ ея княземъ, положившимъ основаніе ея политической отдѣльности, является сынъ Мстислава Владиміровича, Ростиславъ. Мы находимъ его на смоленскомъ столѣ въ 1128 году [1]), но, по всей вѣроятности, онъ получилъ его тотчасъ по вступленіи его отца на на кіевскій столъ, великокняжескій, въ 1125 г. Тридцать два года княжилъ Ростиславъ въ землѣ Смоленской, и послѣдняя быстро пріобрѣтаетъ выдающееся положеніе среди всѣхъ другихъ областей земли Русской. Какъ видно изъ Уставной грамоты Ростислава Мстиславича 1151 г., смоленскій удѣлъ достигалъ въ то время уже самого большаго объема, доходя на востокѣ до средняго теченія рѣки Москвы [2]). Значительная населенность, развитіе торговли съ востокомъ и западомъ, сѣверомъ и югомъ, давали смоленскому князю обильныя средства для приданія своему княжеству политическаго вѣса въ общерусскихъ дѣлахъ [3]), и, не смотря на всю отрывочность имѣющихся у насъ данныхъ, можно сказать, что Ростиславъ умѣлъ воспользо-

---

Копысу, а Давыдъ съ Ярополкомъ и взя Дрьютескъ на щитъ, *а Володимеръ самъ поиде къ Смоленьску; и затворися Глѣбъ въ градѣ*",—опять ясно дѣло происходитъ у Смоленска, а не у Минска. Предполагать, что лѣтопись смѣшала Минскъ съ Смоленскомъ, нѣтъ основанія, потому что разсказъ ясенъ, и Смоленскъ повторенъ дважды. Какимъ-же образомъ объяснить слова Мономаха въ его Поученіи и извѣстіе Лаврентьевской Лѣтописи, что походъ былъ предпринятъ къ Минску? И замѣтки Мономаха, и извѣстіе Лаврентьев. лѣтописи очень кратки и очевидно сдѣланы на память, при чемъ упомянуто только о результатѣ похода, т. е., о водвореніи Мономахомъ Глѣба въ Минскѣ. Густынская лѣтопись прямо и начинаетъ свой разсказъ: „Глѣбъ Святославичъ Смоленскій повоева Дреговичи...", (П. С. Р. Л. т. II стр. 291). Это уже, конечно домыслъ составителя Густынской лѣтописи, который, ознакомившись съ разсказомъ лѣтописи о пребываніи Глѣба въ Смоленскѣ, сдѣлалъ его княземъ смоленскимъ, хотя возможно, что вина тутъ падаетъ не на составителя Густынской лѣтописи, а на того лѣтописца, трудъ котораго онъ имѣлъ подъ руками. Дѣло въ томъ, что Глѣбъ названъ Святославичемъ. Въ разсказѣ Ипатьевской лѣтописи отчество Глѣба не упомянуто, стало быть составитель Густынской лѣтописи знать отчества не могъ, если бы пользовался только Ипатьевской лѣтописью. Слѣд. онъ только неправильно прочелъ вмѣсто „Всеславичъ" „Святославичъ", не разобравъ этого мѣста въ имѣвшейся у него подъ руками рукописи.

[1]) См. гл. III, № 36.

[2]) См. гл. I.

[3]) См. гл. II и IV.

ваться своимъ положеніемъ и поставилъ Смоленскую землю на высшую степень политическаго могущества, какой она уже никогда не достигала послѣ его смерти.

Сдѣлавшись княземъ смоленскимъ Ростиславъ старается поставить свой удѣлъ въ независимое положеніе и въ церковно-административномъ отношеніи. Въ 1137 году онъ основываетъ въ Смоленскѣ епископскую каѳедру, а въ 1151 году, съ согласія вѣча, надѣляетъ смоленскую церковь обширными привиллегіями. Мы уже говорили раньше, что за все время княженія Растислава нѣтъ ни одного факта, который указывалъ-бы на столкновеніе князя съ вѣчемъ. Уставная грамота 1151 года доказываетъ, что это внутреннее спокойствіе не было результатомъ насильственнаго подавленія вѣчеваго начала княжескою властью, а умѣнья Ростислава ладить съ вѣчемъ и признанія его правъ[1]). Эти мирныя отношенія двухъ основныхъ элементовъ древне-русской жизни давали князю средства для выполненія своихъ политическихъ плановъ во внѣшнихъ отношеніяхъ.

Внѣшняя политика Ростислава, на сколько можно судить по имѣющимся фактамъ, основывалась на двухъ принципахъ: безопасности и неприкосновенности Смоленской земли и подержаніи Мономаховичей въ ихъ стремленіи удержать за собой Кіевъ, какъ вотчину. Вполнѣ естественно, конечно, что Ростиславъ оказываетъ полное повиновеніе своему отцу, Мстиславу, когда послѣдній сдѣлался великимъ княземъ кіевскимъ. Такъ въ 1128 году онъ учавствуетъ въ походѣ противъ Полоцка, а въ 1131 году идетъ противъ финскаго народа, Очелы, вмѣстѣ съ братьями Всеволодомъ и Изяславомъ[2]). Но такъ-же онъ относится и къ своему дядѣ Ярополку, вноситъ ему извѣстную дань, или „даръ", какъ сказано въ лѣтописи, съ Смоленской земли и предпринимаетъ походъ противъ Чернигова въ 1139 году[3]). Въ 1139 году умеръ Ярополкъ Владиміровичъ. По праву старшинства еще послѣ смерти Мстислава кіевскій столъ долженъ былъ перейти къ семьѣ Ольговичей, и именно къ старшему сыну Олега Святославича, Всеволоду. Теперь права послѣдняго являлись неосно-

---

[1]) См. гл. IV.

[2]) Ипатьев. Лѣт. стр. 210; 211; Лавр. Лѣт. стр. 283—284 и 286.

[3]) Лавр. Лѣт. стр. 237, 289—290; Ипатьев. Лѣт. стр. 216.

римыми, и Ростиславъ Мстиславичъ смоленскій не только признаетъ его великимъ княземъ, но участвуетъ въ его предпріятіяхъ, и въ 1144 и 1146 годахъ вмѣстѣ съ Всеволодомъ идетъ противъ галицкаго князя, Владиміра [1]). Но Ростиславъ не можетъ допустить нарушенія и права Мономаховичей и становится энергическимъ помощникомъ своего брата Изяслава въ борьбѣ за кіевскій столъ. Однако онъ не признаетъ правъ послѣдняго, а защищаетъ лишь право старѣйшаго изъ Мономаховичей въ это время быть великимъ княземъ кіевскимъ. Такимъ лицомъ въ семьѣ Мономаха въ данный моментъ былъ Вячеславъ Владиміровичъ. Лѣтопись передала намъ содержаніе одного изъ писемъ Изяслава Мстиславича къ Ростиславу. Изяславъ пишетъ: „ты ми еси, брате, много понуживалъ, якоже положити честь на стръи своемъ и на отци своемъ... [2]). Только въ силу этого, Ростиславъ и поддерживаетъ брата. Мы не будемъ подробно излагать той борьбы, которая возгорѣлась на югѣ послѣ смерти Всеволода Ольговича. Она всецѣло относится къ исторіи земель Кіевской и Черниговской [3]). Обратимъ вниманіе лишь на тѣ факты, которые такъ или иначе отзывались на Смоленской землѣ. Ростиславъ, поддерживая Изяслава Мстиславича, не разъ принужденъ двигаться съ своими Смольнянами на югъ. Такъ было въ 1147, 1149 и 1151 годахъ, а въ 1152 г. онъ посылаетъ въ Кіевъ своего сына Романа. Но только въ одномъ случаѣ, именно въ 1151 году, мы можемъ утвердительно говорить объ участіи въ походѣ земскихъ смоленскихъ ополченій. Во всѣхъ остальныхъ предпріятіяхъ дѣло велось, какъ надо думать, лишь посредствомъ дружины [4]). Такимъ образомъ, это участіе смоленскаго князя въ событіяхъ юга не оказывало сильнаго вліянія на жизнь смоленскаго населенія. Мы скорѣе имѣемъ право предпологать участіе земскихъ ополченій въ охранѣ земли отъ вторженій непріятелей. Какъ видно, Изяславъ Мстиславичъ въ своей борьбѣ съ Юріемъ Суздальскимъ и черниговскими князьями постоянно опасался быть охвачен-

---

[1]) Ипатьев. Лѣт. стр. 225 и 228.

[2]) Ипатьев. Лѣт. стр. 292.

[3]) См. Грушевскаго: „Очеркъ исторіи Кіевской земли отъ смерти Ярослава до конца XIV ст. Кіевъ. 1896 г.; Багалѣй: „Исторія Сѣверской земли“. Кіевъ. 1881 г. и нашу „Исторію Сѣверской земли“.

[4]) Ипатьев. Лѣт. стр. 251, 264, 266, 267, 292—305, 313. См. также гл. IV.

нымъ врагами съ сѣвера и востока. Такъ въ 1147 году кіевскій князь проситъ Ростислава поднять Новгородцевъ и нарядить Смольнянъ для удержанія Юрія. Смоленскій князь исполнилъ желаніе брата, а самъ принялъ участіе въ походѣ его на черниговскихъ князей, но вслѣдъ затѣмъ Изяславъ Мстиславичъ уговариваетъ его ѣхать въ Смоленскъ и тамъ лично принять мѣры, чтобы не пропустить Юрія, который могъ пройти чрезъ Смоленскую землю [1]). Въ такихъ случаяхъ, ири очень стѣсненномъ положеніи, Изяславъ проситъ Ростислава прислать на югъ только сына [2]). Но лишь только становится извѣстнымъ, что Юрій минулъ Смоленскую землю, какъ тотчасъ-же является Ростиславу приглашеніе двинуться на югъ [3]). Силы смоленскаго князя являются на столько внушительными, что Юрій не рѣшается ни разу сдѣлать попытку прорваться чрезъ Смоленскую область. Союзники ограничиваются нападеніями на пограничныя смоленскія волости, и то на первыхъ порахъ, когда, какъ видно, не было принято мѣръ для обороны земли. Въ 1147 г, Святославъ Ольговичъ разорилъ волости по верховьямъ Протвы, а потомъ Угры [4]). Въ это-же время, можетъ быть, въ соединеніи съ нападеніемъ на поротскія волости, было произведено Юріемъ и отторженіе отъ Смоленской земли ея волостей по среднему теченію р. Москвы, о чемъ говоритъ Уставная грамота 1151 года [5]). Только этими случаями и ограничивается пребываніе враговъ на смоленской территоріи. Даже союзниковъ смоленскаго князя мы видимъ на ней всего только одинъ разъ въ 1148 г. Еще въ 1147 г. условились Изяславъ и Ростиславъ сдѣлать нападеніе на область Юрія. На слѣдующій годъ Изяславъ явился въ Смоленскъ съ кіевскими полками, оставилъ ихъ Ростиславу, а самъ отправился поднимать Новгородцевъ. Смоленскій князь съ кіевскими и смоленскими ратями двинулся къ устью р. Медвѣдицы, гдѣ и соединились всѣ силы союзниковъ. Затѣмъ они разорили берега Волги до впаденія въ нее р. Мологи. Начавшееся вскрытіе рѣкъ заставило князей подумать объ отступленіи: Новгородцы ушли домой

---

[1]) Ипатьев. Лѣт. стр. 245 и 253.

[2]) Ипатьев. Лѣт. стр. 313.

[3]) Ипатьев. Лѣт. стр. 264.

[4]) Ипатьев. Лѣт. стр. 240 и 242.

[5]) См. гл. I.

съ Изяславомъ; кіевскіе полки отступили съ Ростиславомъ въ Смоленскъ или разными дорогами домой [1]). Такимъ образомъ, княжескія междоусобицы этого времени не наносили особеннаго ущерба Смоленской землѣ.

Той-же самой политики продолжаетъ держаться Ростиславъ Мстиславичъ и послѣ смерти Изяслава. Стоя во главѣ сильной земли, онъ являлся единственнымъ защитникомъ правъ Мономаховичей. Вотъ почему Вячеславъ, лишившись старшаго племянника, призываетъ къ себѣ Ростислава. Мстиславичи не могутъ протестовать противъ этого факта, такъ какъ смоленскій князь былъ въ данный моментъ дѣйствительно старѣйшій членъ ихъ семьи, да и обладая мелкими удѣлами, они не могли поддерживать своего дѣла противъ притязаній князей черниговскихъ. Въ 1154 году Ростиславъ, имѣя въ виду заставить черниговскаго князя Изяслава Давидовича отказаться отъ враждебныхъ дѣйствій противъ Вячеслава, предпринялъ походъ противъ Чернигова. Неожиданная вѣсть о смерти кіевскаго князя застала Ростислава на пути къ Чернигову. Тѣмъ не менѣе онъ продолжаетъ походъ. Тутъ предъ нами ясно выступаетъ взглядъ Ростислава на права его рода. Онъ посылаетъ сказать Изяславу: „цѣлуй къ намъ крестъ: ты сиди въ своей отчинѣ, въ Черниговѣ, а мы въ Кіевѣ будемъ". Убѣдившись въ ничтожности своихъ силъ въ сравненіи съ непріятельскими, смоленскій князь вступилъ съ Изяславомъ Давидовичемъ въ переговоры, уступая ему великое княженіе кіевское. Вслѣдствіе этого между нимъ и его племянникомъ Мстиславомъ произошла распря, воспользовавшись которой союзники Изяслава черниговскаго, Половцы, нанесли Ростиславу страшное пораженіе. Смоленскій князь бѣжалъ черезъ Любечь въ свою землю. Когда вслѣдъ затѣмъ Юрій суздальскій, оставшійся теперь старшимъ въ родѣ Мономаховичей, двинулся на югъ, то Ростиславъ съ сильными ополченіями Смоленской земли вышелъ къ ея пограничному городу, Зарою и послалъ Юрію сказать, что признаетъ его старѣйшинство. Политическіе взгляды Ростислава и его прямота на столько были извѣстны, что Юрій не задумался помириться съ нимъ и послалъ ему отвѣтъ: „право, сынъ, съ Изяславомъ я не могъ быть, а ты мнѣ свой братъ и сынъ". Въ слѣдующемъ году

---

[1]) Ипатьев. Лѣт. стр. 258, 259, 260.

жена Юрія съ дѣтьми пріѣхала въ Смоленскъ, и Ростиславъ провожаетъ ее въ Кіевъ. Поѣздка его въ Кіевъ на этотъ разъ была вызвана просьбой Юрія, который признается, что безъ Ростислава ему не удастся устроить южныхъ дѣлъ. И дѣйствительно, авторитетъ и нравственное вліяніе смоленскаго князя на столько сильно, что появленіе его въ Кіевѣ тотчасъ прекращаетъ распри между Юріемъ и его племянниками. Но лишь только успѣлъ Ростиславъ умиротворить Мономаховичей, какъ тотчасъ спѣшитъ назадъ въ свой Смоленскъ [1]).

Хотя Юрій и жаловался на неуживчивость характера Изяслава Мстиславича, но и самъ онъ не умѣлъ ладить съ князьями и возбудилъ на югѣ общее недовольство. Результатомъ явился въ 1158 г. союзъ противъ кіевскаго князя, въ которомъ принялъ участіе и Ростиславъ Мстиславичъ. Неожиданная смерть Юрія предотвратила войну, и Изяславъ Давидовичъ черниговскій мирно сѣлъ на велико-княжескомъ столѣ. Являясь сторонникомъ неправильно понятой идеи Владиміра Маномаха, защищая принципъ отчинности Кіева въ родѣ Мономаховичей, Ростиславъ тѣмъ не менѣе всегда на первомъ планѣ ставитъ миръ, готовъ для этого сдѣлать уступку и, какъ раньше при Всеволодѣ Ольговичѣ, признаетъ теперь права великаго князя кіевскаго Изяслава Давидовича [2]).

Оставшись послѣ смерти Юрія старшимъ въ родѣ Мономаховичей, Ростиславъ не стремится захватить великокняжескій столъ. Когда, въ 1159 году, Мстиславичамъ удалось прогнать изъ Кіева Изяслава Давидовича, и они зовутъ туда Ростислава, послѣдній не торопится принять этого приглашенія. Изъ Смоленска отправляются въ Кіевѣ послы,—бояре Иванъ Ручечникъ и Якунъ, и по одному уполномоченному отъ Смоленска и Новгорода. Ростиславъ требуетъ себѣ отъ Мстиславичей полнаго повиновенія, какъ отцу, и рѣшенія дѣла о замѣщеніи митрополичьей каѳедры по его желанію [3]). Въ политическихъ взглядахъ братьевъ Изяслава и Ростислава было существенное различіе. Первый считаетъ Кіевскую область неотъемлемою собственностью Мстиславичей. Ростиславъ смотритъ на дѣло не такъ

---

[1]) Ипатьев. Лѣт. стр. 323—324, 327, 328, 330—331; Лавр. Лѣт. стр. 324—325, 326—327.

[2]) Ипатьев. Лѣт. стр. 336 и 337; Густынская Лѣт. стр. 304 (П. С. Р. Л. т. II).

[3]) Ипатьев. Лѣт. стр. 344—345; Воскр. Лѣт. стр. 70 (П. С. Р. Л. т. 7).

узко, признавая весь родъ Мономаха имѣющимъ право на кіевскій столъ. Когда Изяславъ послѣ смерти Всеволода Ольговича захватилъ великое княженіе, онъ не думалъ о правахъ своихъ дядей, и только настоянія Ростислава заставили его позже признать старшинство Вячеслава Владиміровича. Становясь въ своихъ стремленіяхъ въ разрѣзъ съ общественнымъ мнѣніемъ всей Руси, Изяславъ постарался опереться на власть духовную, голосъ которой въ событіяхъ того времени имѣлъ большое значеніе. Онъ выдвинулъ на митрополію человѣка, съ которымъ, очевидно, былъ знакомъ раньше и на расположеніе котораго могъ положиться. Такимъ и является Климъ, человѣкъ, несомнѣнно выдающійся по уму и образованію. Но такъ какъ онъ не былъ поставленъ константинопольскимъ патріархомъ, а соборомъ русскихъ, и при томъ не всѣхъ, епископовъ, то и не могъ пользоваться тѣмъ авторитетомъ въ вопросахъ общерусской жизни, на который расчитывалъ Изяславъ. Епископы Новгородской и Смоленской земли отказываютъ ему въ повиновеніи. На сторонѣ своего епископа Мануила сталъ и смоленскій князь. Ни посланіе митрополита Клима къ Ростиславу, ни дружба послѣдняго къ Изяславу, не могли измѣнить положенія дѣла. Въ 1156 году былъ присланъ изъ Константинополя новый митрополитъ Константинъ. Его признаетъ и Ростиславъ. Теперь, когда смоленскій князь былъ приглашенъ въ Кіевъ, онъ требуетъ со стороны Мстиславичей признанія митрополита Константина и удаленія Климента. Послѣ жаркаго спора между Мстиславомъ Изяславичемъ и посланнымъ въ Кіевъ сыномъ Ростислава, Романомъ, обѣ стороны пришли къ компромису: просить изъ Константинополя новаго митрополита [1]). Этотъ эпизодъ изъ церковной исторіи древней Руси, не имѣя прямаго отношенія къ интересующей насъ исторіи Смоленска, приводится нами лишь потому, что характеризуетъ собою личность Ростислава Мстиславича: онъ во всемъ защитникъ права.

[1]) Подробно изложено все дѣло о митрополитахъ у Г. Грушевскаго въ его „Очеркѣ Исторіи Кіевской земли", гдѣ указана по этому вопросу и необходимая литература (стр. 359 и слѣд.). О посланіи Климента къ Ростиславу см. гл. IV. См. еще предыдущее примѣчаніе. Вокняженіе Ростислава въ Кіевѣ произошло дѣйствительно въ 1159 году. День Пасхи, когда вступилъ Ростиславъ въ Кіевъ, указанъ 12 Апрѣля. Между тѣмъ, сдѣлавъ вычисленія, мы нашли для 1160 года Пасху 27 Марта, а 12 апрѣля Пасха приходилась въ 1159 году (по способу іеромонаха Иринея, См. „Сокращеніе церковной Хронологіи" М. 1797 г.).

хотя всегда готовъ на возможное соглашеніе, если оно способно сохранить миръ. Предвидя столкновеніе съ Изяславомъ черниговскимъ, Ростиславъ, въ силу своего убѣжденія въ правахъ Мономахова рода на Кіевъ, принимаетъ приглашеніе Мстиславичей будучи въ данный моментъ дѣйствительно старѣйшимъ изъ Мономаховичей.

Дѣятельность Ростислава Мстиславича, какъ великого князя кіевскаго, не должна быть предметомъ нашего изслѣдованія. Гораздо важнѣе для насъ тѣ факты дѣятельности этого князя, которые указываютъ на возрастаніе при немъ политическаго могущества Смоленской земли. Еще раньше мы видѣли, что Изяславъ проситъ Ростислава Мстиславича поднять своихъ союзниковъ и вмѣстѣ съ ними двинуться къ Кіеву. Такимъ образомъ въ 1147 году уже существуютъ какія-то тѣсныя отношенія между смоленскимъ и ближайшими князьями [1]). Какіе это были князья, мы сказять не можемъ. Но далѣе мы замѣчаемъ, что политическое вліяніе смоленскаго князя распространяется на всѣ ближайшія области. Такъ въ 1155 году рязанскіе князья заключаютъ съ Ростиславомъ договоръ, по которому обѣщаютъ ему повиновеніе какъ отцу [2]). Въ 1156 году признаетъ себя въ зависимости отъ смоленскаго князя племянникъ Изяслава Давидовича черниговскаго, Святославъ Владиміровичъ [3]). Но особенно сильное давленіе оказываетъ Смоленскъ на дѣла полоцкія. Въ 1159 году вернулся на родину изъ своихъ скитаній сынъ бывшаго князя полоцкаго Бориса, Рогволодъ. Онъ снесся съ горожанами Друтеска, которые съ большою радостью признали его своимъ княземъ и выгнали сидѣвшаго у нихъ Глѣба Ростиславича. Извѣстіе о появленіи сына стараго князя Бориса вызвало сильное волненіе въ самомъ Полоцкѣ. симпатіи явно склонились на сторону Рогволода Борисовича. Ростиславъ Глѣбовичъ съ двумя своими братьями, Всеволодомъ и Володаремъ, двинулся противъ Друтска, но не имѣлъ успѣха. Тогда Полочане прогнали Ростислава, а призвали на великокняжескій полоцкій столъ Рогволода Борисовича. Какъ видно изъ этихъ событій, Полоцкая земля сосредоточивалось въ рукахъ одной семьи Глѣба Всеславича, энергическаго защитника самостоятельности Полоцкой земли, посто-

---

[1]) См. выше.

[2]) Ипатьев. Лѣт. стр 331—332.

[3]) Ипатьев. Лѣт. стр. 333.

янно грозившаго цѣлости новгородской и смоленской территоріи. Такое положеніе дѣла не могло не внушать опасенія смоленскимъ князьямъ, и потому вполнѣ естественно было Ростиславу Мстиславичу поддержать теперь Рогволода Борисовича, чтобы раздѣлить Полоцкую землю между князьями двухъ семей. Вслѣдъ за доходомъ Ростислава Глѣбовича изъ Полоцка, Рогволодъ двинулся на него къ Минску. Ростиславъ Мстиславичъ послалъ ему въ помощь двоихъ своихъ сыновей, Романа и Рюрика, боярина Внѣзда, и смоленскія ополченія: Полоцкая земля раздробилась снова на два крупныхъ удѣла: Полоцкій и Минскій, и меньшіе: Изяславльскій и Стрѣжевскій. Этимъ вмѣшательствомъ Ростислава въ распрю полоцкихъ князей было положено прочное основаніе для распространенія протектората Смоленска надъ землей Полоцкой, который установливается въ началѣ XIII столѣтія [1]).

Нѣсколько въ иномъ положеніи стоятъ отношенія Смоленска къ Новгороду В. Въ 1154 году Новгородцы приглашали къ себѣ самого Ростислава Мстиславича, но послѣдній былъ въ это время озабоченъ южными дѣлами, получивъ извѣстіе о смерти Изяслава и приглашеніе отъ Вячеслава пріѣхать скорѣе въ Кіевъ. Не окончивъ устройства новгородскихъ дѣлъ, онъ уѣхалъ на югъ оставивъ въ Новгородѣ сына своего Давида. Новгородцы, недовольные на Ростислава, выгнали и Давида [2]). Однако спустя три года мы снова видимъ Ростислава Мстиславича въ Новгородѣ. Онъ пріѣхалъ туда съ княгиней и съ двумя своими сыновьями Святославомъ и Давидомъ, которыхъ и оставилъ тамъ, направляясь въ Кіевъ въ 1159 году для занятія великокняжескаго стола. Святославъ Ростиславичъ былъ посаженъ отцомъ въ Новгородѣ, а Давидъ въ Новомъ Торгу [3]).

Когда Ростиславъ Мстиславичъ былъ призванъ въ Кіевъ, въ Смоленской землѣ остался княжить сынъ его Романъ, послѣ смерти котораго смоленскій столъ переходитъ къ Давиду Растиславичу. Пока

---

[1]) Ип. Л. стр. 338—340.

[2]) Ипатьев. Лѣт. стр. 322; Лавр. Лѣт. 324; Тверс. Сборникъ стр. 221—222. Всѣ эти лѣтописи говорятъ, что оставленъ былъ Романъ Ростиславичъ, но Новгород. I Лѣт. указываетъ на Давида Ростиславича (стр. 140). Такъ стоитъ и въ перечнѣ новгородскихъ князей (ibid. стр. 440). Это обстоятельство и заставляетъ насъ слѣдовать новгородскимъ источникамъ.

[3]) Новгород. I Лѣт. стр. 142.

былъ живъ Ростиславъ, въ политической жизни Смоленска не было рѣзкихъ перемѣнъ. Благодаря поддержкѣ отца, ставшаго къ тому же великимъ княземъ кіевскимъ, Романъ Ростиславичъ поддерживаетъ политическое значеніе своего княжества, пріобрѣтенное раньше. По прежнему замѣчается извѣстное вліяніе Смоленска на полоцкія дѣла. Въ 1160 году Ростиславъ изъ Кіева посылаетъ на помощь Рогволоду Торковъ [1]). Смоленскъ расширяетъ на западъ свои владѣнія пріобрѣтеніемъ Витебска, столь важнаго въ торговомъ отношеніи пункта на З. Двинѣ: Ростиславъ уговорилъ въ 1165 г. витебскаго князя Романа Михайловича (внукъ Вячеслава Бладиміровича) уступить этотъ городъ Давиду Ростиславичу въ замѣнъ на два незначительныхъ смоленскихъ города Васильевъ и Красный [2]). Такое выгодное положеніе, какое занялъ теперь Смоленскъ на соединеніи двухъ звѣньевъ великаго воднаго пути, вызвало, какъ кажется, неудовольствіе въ Полоцкѣ противъ князя Всеслава Васильковича, бывшаго подъ вліяніемъ смоленскаго князя. Неожиданно двинулся противъ Полоцка Володарь Глѣбовичъ, разбилъ Всеслава, который прямо бѣжалъ въ Витебскъ къ Давиду. Полочане цѣловали крестъ Володарю и двинулись съ нимъ на Витебскъ. Между тѣмъ Давидъ извѣстилъ о всемъ происходящемъ Романа Ростиславича. Осада Витебска была неудачна, а Романъ подвигался изъ Смоленска. Полочане стали пугать Володаря Глѣбовича возможностью нападенія на него съ двухъ сторонъ. Володарь бѣжалъ, а Всеславъ Васильковичъ былъ снова посаженъ въ Полоцкѣ [3]).

Точно также поддерживается, благодаря Ростиславу, престижъ Смоленска и въ Новгородѣ В. Сыновья его не умѣли ладить съ Новгородцами, и только въ силу своихъ великокняжескихъ правъ, Ростиславъ требуетъ у нихъ повиновенія своимъ распоряженіямъ. Въ 1160 году Новгородцы потребовали у Святослава Ростиславича вывода его брата Давида изъ Торжка. Святославъ исполнилъ ихъ желаніе и отправилъ Давида къ Роману Ростиславичу въ Смоленскъ. Но недовольство было на столько сильно на обоихъ братьевъ, что вскорѣ вспыхнуло возстаніе противъ самого Святослава. Новгородцы аресто-

---

[1]) Ипатьев. Лѣт. стр. 346.

[2]) Ипатьев. Лѣт. стр 359.

[3]) Ипатьев. Лѣт. стр. 360—361.

вали князя и княгиню, поковали его дружинниковъ, разграбили княжеское имущество. Княгиню отправили въ монастырь Св. Варвары, а князя въ Ладогу. Когда объ этомъ узналъ Ростиславъ, то приказалъ арестовать бывшихъ въ Кіевѣ Новгородцевъ и посадить ихъ въ погребъ, гдѣ нѣсколько человѣкъ изъ нихъ задохлось; оставшіеся въ живыхъ были разведены по разнымъ городамъ. Но это не помогло. Новгородцы послали просить князя у Андрея Боголюбскаго. Между тѣмъ Святославу Ростиславичу удалось бѣжать въ Полоцкъ къ Рогволоду, который проводилъ его въ Смоленскъ. Тогда Ростиславъ вступилъ въ переговоры съ Андреемъ. Рѣшено было вывести Мстислава Ростиславича (племянника Андрея) изъ Новгорода. 28-го сентября 1161 года Новгородцы снова ввели къ себѣ Святослава Ростиславича и при томъ, какъ признается новгородскій лѣтописецъ, „на всѣй воли его". Тѣмъ не менѣе въ 1168 году Ростиславъ Мстиславичъ принужденъ былъ снова собраться въ Новгородъ. Въ концѣ лѣта онъ предпринялъ свое послѣднее путешествіе на сѣверъ. Это было торжественное шествіе, показавшее во всей полнотѣ всеобщее уваженіе, какимъ пользовался онъ повсюду. По дорогѣ, въ городъ Чичерскъ, выѣхалъ ему на встрѣчу его зять Олегъ Святославичъ съ женой. Богатыми подарками чевствовали тутъ Ростислава, а онъ отплатилъ всѣмъ раскошнымъ пиромъ. Еще за триста верстъ предъ Смоленскомъ начали его встрѣчать лучшіе мужи Смольняне, потомъ выѣхали его внуки, а за ними сынъ Романъ съ епископомъ Мануиломъ и тысяцкимъ Внѣздомъ, „и малѣ не весь градъ", какъ говоритъ лѣтописецъ, вышелъ къ нему на встрѣчу. Множество даровъ было тутъ поднесено старому князю. Изъ Смоленска Ростиславъ поѣхалъ въ Торопецъ и оттуда послалъ въ Новгородъ сыну приказаніе выѣхать къ нему въ Луки, такъ какъ чувствовалъ себя уже не совсѣмъ здоровымъ. Съ большими дарами явились Новгородцы съ Святославомъ Ростиславичемъ на свиданіе къ Ростиславу и дали клятву не искать себѣ другого князя, не разлучаться съ Святославомъ до самой его смерти. Устроивъ новгородскія дѣла, Ростиславъ Мстиславичъ возвратился въ Смоленскъ. Тутъ онъ почувствовалъ себя очень плохо. Видя это, с[illegible] цать его остаться въ Смоленскѣ, но [illegible] ъ: тамъ, въ Печерской Лаврѣ хо- [illegible] ковенія. Онъ уже не увидѣлъ [illegible] Ростиславъ почувствовалъ при-

ближеніе конца. Приказавъ своему постельничему Иванку Фроловичу и боярину Борису Захарьевичу позвать своего духовника Семена, онъ тихо скончался 14 марта. Тѣло его было отвезено въ Кіевъ [1]).

Со смертью Ростислава Мстиславича исчезаетъ то политическое вліяніе, какимъ пользовался Смоленскъ въ ходѣ политическихъ дѣлъ на Руси. Сыновья его не могли, конечно, на первыхъ порахъ пользоваться у всѣхъ такимъ авторитетомъ, какъ ихъ покойный отецъ, но оказывается, что и въ послѣдующее время они не съумѣли пріобрѣсти ни себѣ, ни своей землѣ никакого политическаго вліянія.

Казалось бы, что уже одно дробленіе Смоленской земли на удѣлы между сыновьями и внуками Ростислава должно было повлечь къ ея ослабленію. Но тутъ мы замѣчаемъ интересный фактъ. Послѣ великокняженія Ростислава въ Кіевѣ, на югѣ имѣютъ постоянно владѣнія Рюрикъ, Давидъ, Мстиславъ, переходя тамъ изъ одного города въ другой; сидятъ Ростиславичи и въ Новгородѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ у нихъ существуютъ и постоянные удѣлы въ землѣ Смоленской. Такъ позже видимъ, что Торопецъ принадлежитъ Мстиславу Мстиславичу [2]); городъ Лучинъ есть собственность Рюрика, который и отдаетъ его въ 1173 году своему новорожденному сыну, Михаилу—Ростиславу [3]). Но это обстоятельство только придаетъ силы Ростиславичамъ: въ минуту жизни трудную они бѣгутъ въ Смоленскую землю и тамъ находятъ и убѣжище, и средства для жизни. Однако раздробленія земли на удѣлы все-таки нѣтъ. Мы не встрѣчаемъ въ исторіи Смоленска борьбы изъ-за удѣловъ до средины XIII ст. Это заставляетъ предпологать, что князь смоленскій оставался всегда полнымъ хозяиномъ всей земли, а удѣлы его родственниковъ представляли изъ себя лишь волости, доходы съ которыхъ шли имъ на содержаніе. Это не были политическія единицы, какими являются удѣлы въ другихъ земляхъ. Объединительной силой, если мы не ошибаемся, являлось тутъ вѣче города Смоленска, не допускавшее возможности политической независимости пригородовъ. Такимъ образомъ въ Смоленской землѣ не было того недуга, которымъ такъ страдали другія русскія области:

---

[1]) Ипатьев. Лѣт. стр. 361—364; Новгород. I Лѣт. стр. 146.

[2]) См. гл. III, № 40.

[3]) Ипатьев. Лѣт. стр. 386; Лавр. Лѣт. стр. 346.

князь города Смоленска, вѣче города Смоленска, были княземъ и вѣчемъ всей Смоленской земли [1]).

Не смотря на это важное обстоятельство, преемники Ростислава Мстиславича не были на высотѣ своего призванія. Первые шаги Романа Ростиславича на политическомъ поприщѣ показали, что онъ усвоилъ отъ своего отца убѣжденіе въ преимущественныхъ правахъ рода Мономаха на великое кіевское княженіе. Вслѣдствіе этого, почти во все продолженіе своего княженія въ Смоленскѣ, онъ находится, если не въ зависимости, то подъ полнымъ вліяніемъ Андрея Боголюбскаго, котораго Ростиславичи признаютъ главою маномахова рода. Романъ помогаетъ Андрею взять Кіевъ въ 1169 году [2]). Когда въ Кіевѣ умеръ Глѣбъ Юрьевичъ, посаженникъ Андрея, послѣдній прямо посылаетъ туда Романа. „Нарекли мя есте собѣ отцомъ, говоритъ Андрей Ростиславичамъ, а хочу вы добра, а даю Романови, брату вашему, Кіевъ“. Оставивъ въ Смоленскѣ княземъ своего сына Ярополка, Романъ Ростиславичъ охотно отправился на югъ [3]). Но вскорѣ возникло дѣло объ отравленіи Глѣба Юрьевича. Андрей требуетъ выдачи заподозрѣнныхъ, будто-бы, въ этомъ бояръ. Ростиславичи отказываются исполнить его требованіе. Тогда суздальскій князь приказываетъ имъ уйти изъ Кіевской земли, и Романъ Ростиславичъ сейчасъ-же исполняетъ это требованіе. Мало этого. Андрей двинулъ войска противъ Ростиславичей, направивъ ихъ чрезъ Смоленскую землю, и Романъ долженъ былъ послать своего сына противъ братьевъ [4]). Наконецъ, Ростиславичи просятъ Андрея дать Кіевъ Роману. Суздальскій князь, не смотря на все выказываемое ему послѣднимъ послушаніе, не сразу соглашается, медлитъ. Только смерть Андрея освобождаетъ смоленскаго князя отъ этого политическаго гнета. Но Романъ, сдѣлавшись въ 1175 году кіевскимъ княземъ, въ силу своего характера, слабаго и нерѣшительнаго, какъ характеризуетъ его сама княгиня, въ 1177 году уступаеаъ Кіевъ Святославу Всеволодовичу [5]).

---

[1]) О значеніи вѣча въ землѣ Смоленской см. гл. IV.

[2]) Ипатьев. Лѣт. 371—373; Лавр. Лѣт. стр. 335 и 336; Воскр. Лѣт. стр. 85. (П. С. Р. Л. т. 7),

[3]) Ипатьев. Лѣт. стр. 387.

[4]) Ипатьев. Лѣт. стр. 388—392.

[5]) Ипатьев. Лѣт. стр. 394; 407; Лавр Лѣт. стр. 348.

Въ тѣсной связи съ этими фактами дѣятельности Романа Ростиславича стоятъ и его отношенія къ Новгороду. Онъ опирается всегда на князя суздальскаго. Спустя всего годъ послѣ смерти Ростислава Мстиславича сынъ его Давидъ снова сталкивается съ Новгородцами. Онъ ушелъ въ Луки, а въ Новгородъ послалъ сказать: „не хочу у васъ княжить, не любо мнѣ“, Новгородцы рѣшили никогда болѣе не призывать его и пошли выгнать изъ Лукъ. Святославъ, узнавъ объ этомъ, ушелъ въ Торопецъ, а оттуда перешелъ на Волгу и, получивъ помощь отъ Андрея Боголюбскаго, сжегъ Новый Торгъ. Въ то-же время его братья, Романъ и Мстиславъ, сожгли Луки. По общему соглашенію, Андрей суздальскій и князья смоленскій и полоцкій рѣшили не пропускать Новгородцевъ въ Кіевъ къ сидѣвшему тамъ тогда Мстиславу Изяславичу. Но Новгородцы успѣли таки пробиться на югъ и призвали къ себѣ Романа Мстиславича, а союзники сожгли городъ Русу [1]). За эту политику своего князя поплатилась Смоленская земля въ слѣдующемъ-же году: Романъ Мстиславичъ съ Новгородцами взялъ и сжегъ Торопецъ и разорилъ его волость, уведя много полону. Сопротивленія не было, такъ какъ въ это самое время смоленскій князь помогалъ Андрею брать Кіевъ [2]). Святославъ Ростиславичъ ушелъ на Волокъ и оттуда производилъ опустошенія Новгородской земли. Только смерть освободила Новгородцевъ отъ ихъ энергичнаго врага [3]). Расправившись съ Кіевомъ, Андрей двинулъ свои силы противъ Новгорода, и понятно, что помощниками его являются Ростиславичи, которымъ хочется добиться новгородскаго стола: въ походѣ учавствуютъ Романъ, Рюрикъ и Давидъ, но и на этотъ разъ предпріятіе окончилось неудачей. Союзники понесли большія потери: открылся страшный падежъ коней и моръ въ людяхъ; обезсиленные, разбитые ратники едва брели домой. Масса плѣнныхъ попала въ руки Новгородцевъ, такъ что Суздалецъ продовался по двѣ ногаты. Можно предположить, что число военноплѣнныхъ Смольнянъ и Полочанъ было лишь не много менѣе, чѣмъ Суздальцевъ, такъ какъ путь до границъ Новгородской земли, хоть и былъ короче для первыхъ и вторыхъ, за то проходилъ по густо населеннымъ новгородскимъ волостямъ, насе-

---

[1]) Новгород. I Лѣт. стр. 147 -148. Воскр. Лѣт. стр. 82 (П. С. Р. Л. т. 7).

[2]) Новгород. I Лѣт. стр. 148.

[3]) Ипатьев. Лѣт. стр. 376.

леніе которыхъ должно было крайне враждебно относиться ко всѣмъ союзнакамъ [1]). Только смерть кіевскаго князя Мстислава въ томъ-же 1170 году заставила Новгородцевъ перемѣнить князя. Они обратились на этотъ разъ съ просьбой къ Андрею Боголюбскому, который и даетъ имъ Рюрика Растиславича [2]). Но и онъ не долго усидѣлъ въ Новгородѣ, добровольно покинувъ его и удалившись въ Смоленскъ [3]). Однако послѣ смерти Андрея Боголюбскаго мы замѣчаемъ рѣзкую перемѣну въ отношеніяхъ Новгорода къ князьямъ смоленскимъ. Послѣ ухода Рюрика, когда Романъ Ростиславичъ возвратился въ Смоленскъ, уступивъ Кіевъ Святославу Всеволодовичу, Новгородцы призываютъ его, а когда онъ удалился въ Смоленскъ, они приглашаютъ къ себѣ его брата Мстислава Ростиславича, который и скончался въ Новгородѣ [4]). Такимъ образомъ, освобожденіе изъ-подъ вліянія суздальскаго князя принесло Роману Ростиславичу несомнѣнную пользу: онъ дѣйствуетъ болѣе согласно съ своимъ мягкимъ миролюбивымъ характеромъ, что, какъ мы сейчасъ увидимъ, завоеваетъ ему общія симпатія.

Но прежде еще бросимъ взглядъ на смоленско—полоцкія отношенія. Вліяніе Смоленска на Полоцкую землю во время Романа Ростиславича еще болѣе усиливается. Полоцкіе князья соединяютъ свои рати съ смоленскими и участвуютъ въ предпріятіяхъ Романа Ростиславича противъ Кіева 1169 и противъ Новгорода въ 1170 году [5]). Романъ еще болѣе вошелъ во взаимныя отношенія полоцкихъ князей уступкой Витебска Всеславу Васильковичу. Оказывается, что дочь этого князя постоянно живетъ въ Смоленскѣ, куда за ней и пріѣзжаютъ въ 1175 году, чтобы везти за мужъ за Ярополка Ростиславича Владимірскаго (суздальскаго) [6]). Протекторатъ смоленскаго князя надъ Полоцкомъ рѣзко выражается въ 1178 году. Мстиславъ Ростиславичъ, призванный Новгородцами, рѣшилъ, конечно, по побужденію послѣднихъ, возвратить когда-то отнятый у Новгородской земли одинъ погостъ. Онъ двинулся на Всеслава Васильковича къ Полоцку. Тогда

---

[1]) Новгород. I Лѣт. стр. 148—149; Ипатьев. Лѣт. стр. 382—383.
[2]) Новгород. I Лѣт. стр. 150; Ипатьев. Лѣт. стр. 383.
[3]) Новгород. I Лѣт. стр. 150—151; Ипатьев. Лѣт. стр. 386.
[4]) Ипатьев. Лѣт. стр. 411—414; Новг. I Лѣт. стр. 156.
[5]) См. выше.
[6]) Ипатьев. Лѣт. стр. 406, Лавр. Лѣт. стр. 355; Воскр. Лѣт. стр. 91. (П. С. Р. Л. т. 7)

Романъ Ростиславичъ отправилъ на помощь полоцкому князю сына Мстислава, а Мстиславу Ростиславичу послалъ сказать: „тебѣ нѣтъ отъ него никакой обиды, а если пойдешь на него, то сначала придется идти противъ меня“. Новгородскій князь принужденъ былъ вернуться назадъ [1]).

Послѣдніе три года своей жизни Романъ Ростиславичъ мирно княжитъ въ Смоленскѣ. Ему удается въ это время, какъ мы видѣли, и уладить отношенія къ Новгороду, и упрочить свое вліяніе въ Полоцкѣ. Можетъ быть, въ этотъ же промежутокъ времени наступаетъ и согласіе между княземъ и вѣчемъ, котораго не было раньше. Бросивъ еще разъ взглядъ на политическія событія того времени, мы не можемъ не замѣтить причинъ недовольства Смольнянъ на своего князя. Преслѣдованіе исключительно династическихъ интересовъ вовлекало Смоленскую землю въ постоянную борьбу, которая могла влечь за собой иногда такой разгромъ, какъ подъ Новгородомъ въ 1170 году. Если мы не видимъ за это время непріятельскихъ вторженій внутрь земли, то это еще не значитъ, что интересы населенія совсѣмъ не страдали. Натянутыя отношенія къ Новгороду, должны были вредно отзываться на ходѣ торговли, которая, какъ мы видѣли, играетъ такую важную роль въ жизни смоленскаго населенія [2]). Постоянныя отлучки князя изъ Смоленска несомнѣнно влекли за собой внутренніе непорядки въ управленіи страной. Недовольство вѣча и выразилось рѣзко въ 1175 году: оно прогнало Ярополка Романовича, котораго отецъ оставилъ княжить вмѣсто себя въ Смоленскѣ, и призвало на столъ Мстислава Растиславича [3]). Такіе протесты противъ предпочтенія, оказываемаго княземъ династическимъ интересамъ предъ интересами родной земли, очевидно, не разъ и въ сильной формѣ проявлялись до самаго возвращенія Романа въ Смоленскъ въ 1177 году, если жена князя говоритъ о постоянныхъ огорченіяхъ, которыя ему приходилось терпѣть отъ Смольнянъ. Только благодушіе Романа Ростиславича и успѣхи его политики въ отношеніяхъ Новгорода и Полоцка, а потомъ постоянное пребываніе его въ Смоленскѣ въ послѣд-

---

[1]) Ипатьев. Лѣт. стр. 414.

[2]) См. гл. IV.

[3]) Ипатьев. Лѣт. стр. 406; Лавр. Лѣт. стр. 355.

новленіе стараго договора[1]. Уладивъ въ союзѣ съ Всеволодомъ порубежныя недоразумѣнія съ своими сосѣдями, Ростиславичи, опираясь на него, выдвигаютъ въ рѣзкой формѣ вѣковой вопросъ объ отчинности Кіева. Послѣ смерти Святослава Всеволодовича, Всеволодъ суздальскій посадилъ въ Кіевѣ Рюрика Ростиславича. Давидъ пріѣхалъ къ великому князю кіевскому. „Братъ, писалъ Рюрикъ Давиду, вотъ мы остались старѣйшими въ Русской землѣ, пріѣзжай ко мнѣ въ Кіевъ: какія у насъ будутъ мысли о Русской землѣ и о братьѣ нашей, о Володимировомъ племени,—все это мы обсудимъ..." Братья, среди пировъ и взаимныхъ угощеній, обсуждали важные политическіе вопросы[2]. Они надѣялись на поддержку суздальскаго князя и не замѣчали, что онъ пользуется ими для своихъ личныхъ цѣлей, стремясь утвердить свое политическое вліяніе во всей Русской землѣ, для чего готовъ былъ даже внести смуту въ самое племя Володимірово, о которомъ такъ заботятся Ростиславичи. Дѣйствительно, Всеволоду удается очень скоро поссорить представителей двухъ вѣтвей Мономахова рода на югѣ, Рюрика Ростиславича съ Романомъ Мстиславичемъ. Это было сдѣлано такъ ловко, что Ростиславичи остались съ прежнимъ убѣжденіемъ въ полномъ безкорыстіи Всеволода[3], и отъ своего и его имени посылаютъ въ 1195 году требованіе Ольговичамъ никогда не добиваться обладанія ни Кіевомъ, ни Смоленскомъ[4]. Не знаемъ, почему тутъ поднятъ былъ вопросъ о Смоленскѣ. Мы не находимъ нигдѣ никакого указанія на желаніе сѣверянскихъ князей захватить въ свое владѣніе Смоленскую землю. Поэтому намъ кажется, что союзники разумѣли тутъ лишь попытки, направленныя къ захвату порубежныхъ волостей, что, конечно, могло имѣть мѣсто. Извѣстенъ знаменитый отвѣтъ Ольговичей: „мы не Венгры, не Ляхи, а внуки одного дѣда; ни подъ тобой (подъ Всеволодомъ), ни подъ Рюрикомъ искать Кіева не будемъ. а послѣ вашей смерти, кому его Богъ дастъ[5]".

---

[1]) Ипатьев. Лѣт. стр. 450—451.

[2]) Ипатьев. Лѣт стр. 457—458, Лавр. Лѣт. стр. 391; Воскресен. Лѣт. стр. 102. (П. С. Р. Л. т. VII).

[3]) Подробности этихъ событій, къ исторіи Смоленской земли не относящіяся, см. у Грушевскаго: въ „Очеркѣ Исторіи Кіевской земли" и въ нашей „Исторіи Сѣверской земли".

[4]) Ипатьев. Лѣт. стр. 462—463.

[5]) Ibidem.

Но Мономаховичи на этомъ отвѣтѣ не успокоились, и въ слѣдующемъ 1196 году Всеволодъ суздальскій и Давидъ смоленскій двинулись въ Сѣверскую землю. Когда Ярославъ черниговскій съ силами всѣхъ князей Сѣверской земли вышелъ на встрѣчу союзникамъ, Всеволодъ, какъ всегда, не рѣшился окончить дѣло оружіемъ и началъ переговоры о мирѣ. Напрасно Давидъ Ростиславичъ доказывалъ, что безъ сношенія съ Рюрикомъ нельзя заключать мира. Всеволодъ поспѣшилъ окончить дѣло, и князья цѣловали крестъ въ исполненіи составленнаго договора. Ольговичи обязались не искать ни Кіева, ни Смоленска при жизни Рюрика и Давида, но ничего не было сказано о томъ, дожны-ли эти области быть достояніемъ Ростиславичей послѣ смерти этихъ князей, чего именно и добивались послѣдніе. За то внесено было условіе относительно волостей самаго Всеволода. Теперь только разгадали Ростиславичи политику суздальскаго князя, и Рюрикъ Ростиславичъ открыто выражалъ это. „У меня съ Ольговичами, послалъ онъ сказать Всеволоду, не было никакой вражды; я изъ-за тебя началъ съ ними воевать". Рюрикъ отнялъ теперь у Всеволода всѣ волости, которыя раньше далъ ему на югѣ Руси[1]). Такимъ образомъ, ловкій, умѣлый политикъ, князь Суздальскій пользовался добродушными Ростиславичами при выполненіи своихъ замысловъ.

Можно, съ значительной долей вѣроятности, предпологать, что суздальскій князь не замѣтно старался ослаблять вліяніе Смоленска и въ Новгородѣ. Въ 1184 году мы видимъ тамъ княземъ свояка Всеволода, Ярослава Владиміровича. Послѣдній „много творяше пакостей" Новгородцамъ. Вслѣдствіе этого былъ приглашенъ изъ Смоленска сынъ Давида, Мстиславъ. Но въ 1186 году лѣтопись сообщаетъ, что въ Смоленскъ пріѣхалъ новгородскій посадникъ Завидъ Неревиничь, а посадничество было отдано Михаилу Степановичу[2]). Это удаленіе стараго посадника наводитъ на мысль о какомъ-то волненіи, борьбѣ партій, которая, можетъ быть, выразилась затѣмъ сверженіемъ съ моста Гаврила Неревинича, очевидно, сына или брата Завида, и Вача Свепевича[3]). Уходъ Завида Неревинича въ Смоленскъ показываетъ,

[1]) Ипатьев. Лѣт. стр. 468—470.

[2]) Новгород. I Лѣт. 159—160; Лавр. Лѣт. стр. 380; Воскр. Лѣт. стр. 97 (П. С. Р. Л. т. VII).

[3]) Новгород. I Лѣт. стр. 161.

жахъ „съ поклономъ и честью“, поднесли большіе подарки, и тутъ заключенъ былъ мирный договоръ. Нельзя сомнѣваться, конечно, въ томъ, что союзники добились теперь рѣшенія пограничныхъ споровъ въ свою пользу [1]). Въ этотъ-то моментъ, можетъ быть, и совершился снова переходъ Витебска въ зависимость отъ князя смоленскаго, хотя, въ немъ и былъ посаженъ одинъ изъ полоцкихъ князей, но зять Давида Ростиславича, а въ Друтскѣ помѣстили Бориса, какъ мы увидимъ, человѣка, враждебно относившагося къ Смоленску. Въ 1196 году обнаруживается, что такимъ положеніемъ вещей были недовольны въ Полоцкѣ, и опять Полочане находятъ себѣ поддержу въ Ольговичахъ. Ярославъ Всеволодовичъ черниговскій успѣлъ склонить добродушнаго Рюрика Ростиславича къ уступкѣ ему Витебска. Рюрикъ обѣщалъ уговорить и брата своего Давида Ростиславича. Но князь черниговскій не дождался конца переговоровъ и двинулъ въ Полоцкую землю своихъ младшихъ князей. По дорогѣ Ольговичи разорили Смоленскую землю. Къ нимъ присоединяются князья полотскіе, и двигаются къ Витебску. Узнавъ объ этомъ, смоленскій князь двинулъ къ Витебску сильныя ополченія съ своимъ племянникомъ, Мстиславомъ Романовичемъ, съ внукомъ, Ростиславомъ Владиміровичемъ, съ зятемъ, рязанскимъ княжичемъ, Глѣбомъ, и съ смоленскимъ тысяцкимъ Михалкой. Вслѣдствіе горячности Мстислава Романовича и нерѣшительности смоленскихъ ополченій, Смольняне потерпѣли сильное пораженіе. Самъ Мстиславъ Романовичъ былъ взятъ въ плѣнъ и увезенъ Ольговичами. Ростиславъ Владиміровичъ и Глѣбъ бѣжали въ Смоленскъ. Немедленно Ольговичи послали вѣсть о своей побѣдѣ въ Черниговъ къ Ярославу. Послѣдній быстро двинулся было къ Смоленску, но на дорогѣ его встрѣтили посланныя Рюрикомъ договорныя грамоты. „Иди къ Смоленску, писалъ Рюрикъ Ярославу. а я пойду къ Чернигову: пусть насъ Богъ разсудитъ и крестъ честный“. Это остановило Ярослава, и онъ возвратился къ Черниговъ [2]). Въ такомъ положеніи были полоцкія дѣла, когда умеръ Давидъ Растиславичъ.

У насъ нѣтъ никакихъ данныхъ для исторіи полоцко-смоленскихъ отношеній до конца первой четверти XIII ст. Тѣ факты, съ ко-

---

[1]) Лавр. Лѣт стр. 383; Новгород. I Лѣт. стр. 160.

[2]) Ипатьев. Лѣт. стр. 464—466; Лавр. Лѣт. стр. 392.

торыми мы познакомились, показываютъ что положеніе, въ какомъ оставилъ Давидъ Ростиславичъ Смоленскую землю, было еще хуже, чѣмъ въ концѣ княженія его брата Романа. Новгородъ былъ потерянъ. Пораженіе, понесенное въ Полоцкой землѣ, должно было повлечь за собой полное паденіе въ ней смоленскаго политическаго вліянія. Эти неудачи были, конечно, подготовлены всей политикой смоленского князя, вниманіе котораго, главнымъ образомъ, занимали интересы династическіе, и если рѣшеніе порубежныхъ споровъ съ землей Сѣверской было благопріятно для Смоленска при поддержкѣ суздальскаго князя, то съ другой стороны вліяніе послѣдняго на Давида отвлекало его отъ интересовъ земли Смоленской. Такъ, вѣроятно, оцѣнивали политическую дѣятельность своего князя Смольняне, потому что во все время княженія Давида Ростиславича происходитъ борьба между имъ и вѣчемъ. Еще въ 1186 году, когда въ Новгородѣ начала брать верхъ суздальская партія, когда посадникъ Завидъ бѣжалъ въ Смоленскъ, а его родственники были убиты, еще тогда въ Смоленскѣ вспыхнуло сильное недовольство противъ Давида, дошедшее до кроваваго столкновенія, причемъ погибло, по свидѣтельству лѣтописи, много лучшихъ людей [1]). По всей вѣроятности, и полоцко-смоленскія отношенія, вмѣшательство въ нихъ Ольговичей, также ставились въ вину князю, потому что Смольняне прямо говорили, что они плохо живутъ съ Давидомъ [2]).

Давидъ Ростиславичъ умеръ 23-го Апрѣля 1197 года. Епископъ Симеонъ, съ племянникомъ покойнаго князя, Мстиславомъ Романовичемъ, и боярами похоронили Давида въ церкви Святыхъ Мучениковъ Бориса и Глѣба въ Смядынскомъ монастырѣ. Умирая, Давидъ Ростиславичъ принялъ монашество. Его примѣру послѣдовала и княгиня. Великокняжескій смоленскій столъ занялъ Мстиславъ Романовичъ, а сына своего, Константина, Давидъ отправилъ передъ смертью на югъ къ брату своему, Рюрику [3]).

Съ грустью останавливается историкъ передъ эпохой, слѣдующей за княженіемъ Давида Ростиславича. Вниманіе лѣтописцевъ сосредо-

---

[1]) Новгород. I Лѣт. стр. 161.

[2]) Ипатьев. Лѣт. стр. 465.

[3]) Ипатьев. Лѣт. стр. 471—472.

этомъ году великій князь кіевскій Всеволодъ, изъ рода Ольговичей, выгналъ изъ Кіевской земли Мономаховичей. Послѣдніе дали немедленно знать объ этомъ въ Новгородъ Мстиславу Мстиславичу. Онъ съ новгородскими ополченіями явился въ Смоленскъ и склонилъ къ содѣйствію Мстислава Романовича. Дѣло едва не разстроилось вслѣдствіе ссоры Смольнянъ съ Новгородцами. Изъ-за чего вышло недоразумѣніе, мы сказать не можемъ, но словесныя пререканія перешли въ болѣе существенныя доказательства, причемъ одинъ Смольнянинъ былъ убитъ. Новгородцы отказывались идти далѣе. Напрасно Мстиславъ Мстиславичъ звалъ ихъ на вѣче, они не хотѣли слушать. Едва удалось уговорить ихъ тысяцкому Твердиславу. Союзники прогнали Всеволода, Мстиславъ Романовичъ занялъ Кіевъ [1]). Съ Мстиславомъ отправились смоленскіе князья, Владиміръ Рюриковичъ, Константинъ и Мстиславъ Давидовичи. Съ удаленіемъ Мстислава Романовича изъ Смоленска старшимъ среди смоленскихъ князей являлся Владиміръ Рюриковичъ, который, какъ видно, возвратился скоро назадъ, вѣроятно, вмѣстѣ съ смоленскими ополченіями, такъ какъ въ 1216 году мы видимъ его уже княземъ смоленскимъ.

Со смертью князя, Всеволода, суздальская земля, оказывавшая

---

[1]) Воскр. Лѣт. стр. 118 (П. С. Р. Л, т. VII) относитъ это событіе къ 1212 году, но путанница позднѣйшаго компилятора обнаруживается очень легко. Въ Новгород. I Лѣтописи говорится подъ 1212 г. о походѣ Мстислава Мстиславича на Торому. Подъ тѣмъже годомъ помѣщаетъ этотъ походъ Никоновская лѣтопись (Новг. I Лѣт. стр. 194; Никон. Лѣт. ч. 2, стр. 311). Затѣмъ лѣтописи: Лаврентьевская (стр. 467), Новгородская I (стр. 195) и Никоновская (ч. 2, стр. 316) помѣщаютъ подъ 1214 годомъ походъ на Ереву. Такъ дѣлаетъ и Воскресенская (стр. 119). Но походъ на Ереву былъ въ Февралѣ, а начало похода на югъ изъ Новгорода 8-го іюня. Воскресенскій компиляторъ и походъ на Ереву помѣстилъ послѣ похода на югъ, да и экспедицію противъ Торомы также. Эта путаница заставляетъ уже сама сомнѣваться въ вѣрности отнесенія похода на югъ къ 1212 году. Точная датировка этого событія въ лѣтописи Новгородской заставляетъ принять ея показаніе, но должно сказать, что и она допустила у себя страшную неточность. 6722 годъ начинается такъ: „мѣсяца февраля въ 1 день въ недѣлю сыропустную, громъ бысть по заутренни...“ При мартовскомъ годѣ февраль не можетъ относиться къ 6722 году а къ концу предыдущаго 6721 года. Въ тотъ-же самый день, когда былъ громъ, Мстиславъ пошелъ на Ереву, слѣдовательно, и это событіе относится 6721 году. Затѣмъ прямо сказано, что выступленіе изъ Новгорода на югъ произошло 8-го іюня, стало быть, оно относится уже къ 6722 году. Такъ какъ походъ на Ереву былъ въ концѣ 6721 года (январь—февраль), то 6721—5507=1214 генварскому году. Походъ на югъ начатъ въ Іюнѣ (Мартъ—Декабрь), то 6722—5508=1214 январскому году.

такое сильное вліяніе на ходъ политическихъ событій всей Руси, возвращается къ излюбленному древне-русскому удѣльно-вѣчевому строю, что вызываетъ въ ней внутреннюю борьбу. Мы видѣли, что Ростиславичи послѣ событій 1196 года разгадали политику Всеволода. Теперь смоленскіе князья пользуются волненіями въ землѣ Суздальской, чтобы подорвать ея политическое значеніе на сѣверѣ. Въ этомъ случаѣ ихъ стремленія совпадаютъ съ интересами Новгорода, что вызываетъ ихъ къ взаимной поддержкѣ. Еще въ 1209 году Всеволодъ Юрьевичъ старается удалить Мстислава Мстиславича изъ Новгорода, для чего и посылаетъ на Новгородскую землю своего сына Константина. Мстиславъ на этотъ разъ мирно уступаетъ ему и уходитъ въ свой Торопецъ. Но въ 1210 году онъ вновь является въ Новгородѣ, захватываетъ сына Всеволодова, Святослава, и съ новгородскими ополченіями самъ идетъ на суздальскаго князя. Всеволодъ Юрьевичъ заключаетъ съ нимъ миръ, и Мстиславъ Мстиславичъ остается въ Новгородѣ [1]). Но Мстислава Мстиславича влечетъ на югъ, и онъ въ въ 1215 году ѣдетъ туда, чѣмъ пользуется суздальская партія и призываетъ въ Новгородъ отъ Всеволода Юрьевича самаго энергичнаго изъ его сыновей Ярослава [2]). Смерть Всеволода опередила двумя годами движеніе Ростиславичей на югъ и занятіе Кіева Мстиславомъ Романовичемъ. Теперь смоленскіе князья рѣшили вмѣшаться во внутреннія дѣла самой Суздальской земли. Они становятся на сторону старшаго сына Всеволодова, Константина, противъ его братьевъ Ярослава, Святослава и Юрія. Въ 1215 году Мстиславъ Мстиславичъ вновь является въ Новгородѣ, а въ слѣдующемъ году смоленскіе князья предпринимаютъ общій походъ на Суздаль. 1-го марта 1216 года Мстиславъ Мстиславичъ выступилъ изъ Новгорода и двинулся къ верховьямъ Волги. Въ это самое время Святославъ Всеволодовичъ явился подъ городомъ Ржевомъ, принадлежавшимъ Мстиславу, но Ярунъ, посадникъ смоленскій, отбилъ ихъ нападеніе. Узнавъ объ этомъ, Новгородцы съ своимъ княземъ и Владиміромъ Мстиславичемъ, княземъ Псковскимъ [3]) явились на выручку города и прогнали Суздальцевъ. Вслѣдъ затѣмъ Мстиславъ взялъ уже суздальскій городъ

---

[1]) Лавр Лѣт. стр. 413; Новгород. I Лѣт. стр. 192—193.

[2]) Новгород. I Лѣт. стр 197.

[3]) Сынъ Мстислава Ростиславича, братъ Мстислава Мстиславича. См. гл. III, № 11.

Новгородѣ остается Мстиславъ Мстиславичъ, а затѣмъ, по уходѣ его на югъ для добыванія Галича 1219 году, Новгородцы призвали изъ Смоленска Святослава, сына Мстислава Романовича, но въ слѣдующемъ-же году отецъ просилъ отпустить старшаго сына къ нему въ Кіевъ, а въ Новгородъ взять младшаго, Всеволода Мстиславича, на что Новгородцы охотно соглашаются.

Таково было положеніе дѣлъ на сѣверѣ, когда въ 1219 году смоленскій князь Владиміръ Рюриковичъ отправляется на югъ помогать Мстиславу Мстиславичу добывать Галичъ. Съ этихъ поръ онъ остается на югѣ навсегда. Послѣ него старѣйшимъ въ семьѣ смоленскихъ князей является Мстиславъ—Өеодоръ, сынъ Давида Ростиславича. Дѣйствительно, Мстиславъ—Өеодоръ Давидовичъ приходился младшимъ двоюроднымъ братомъ Мстиславу Романовичу, Владиміру Рюриковичу, и былъ старшимъ двоюроднымъ братомъ Мстиславу Мстиславичу, Владиміру Мстиславичу и Давиду Мстиславичу, потому что семья Мстислава Ростиславича была младшей въ родѣ Ростиславичей [1]).

Мстиславъ—Өеодоръ Давидовичъ открываетъ собою въ одномъ отношеніи новый періодъ въ исторіи Смоленска: онъ начинаетъ рядъ князей, которые уже никогда и никуда не стремятся изъ своей земли. Ко времени его княженія относятся всего пять—шесть извѣстій нашихъ лѣтописей, изъ которыхъ важно лишь одно, но это извѣстіе въ соединеніи съ свѣдѣніями, находимыми въ договорѣ съ Нѣмцами 1229 г. и въ житіи Преподобнаго Авраамія Смоленскаго, даетъ право заключать, что въ это время въ Смоленскѣ совершаются весьма важныя событія, о которыхъ мы можемъ имѣть лишь приблизительное понятіе. Новаго смоленскаго князя совершенно не интересуютъ дѣла юга. Единственный и послѣдній разъ принимаетъ Мстиславъ—Өедоръ Давидовичъ участіе въ судьбѣ южной Руси въ 1223 году, когда Смольняне двинулись, очевидно, по требованію Мстислава Романовича, по Днѣпру къ Кіеву, оттуда къ Зарубу и приняли участіе въ Калкской битвѣ съ Татарами. Но самъ Мстиславъ остается въ Смоленскѣ, а Смольняне дѣйствуютъ подъ начальствомъ Владиміра Рюриковича. Извѣстно, что русскіе князья потерпѣли страшное пора-

[1]) См. прилагаемую родословную таблицу князей смоленскихъ.

женіе. Въ числѣ погибшихъ былъ и Мстиславъ Романовичъ. По извѣстію одной лѣтописи, Владиміру Рюриковичу удалось собрать Смольнянъ, пробиться съ ними сквозь непріятелей и уйти въ Кіевъ, гдѣ онъ занялъ великокняжескій столъ[1]). Вниманіе смоленскаго князя поглощаютъ, какъ видно, всецѣло дѣла западныя. Въ самомъ началѣ княженія Мстислава Давидовича, Новгородцы начали не ладить съ своимъ княземъ, Всеволодомъ Мстиславичемъ. Въ 1221 году они удалили его и снова обратились къ Суздалю. Владимірскій князь Юрій далъ имъ въ князья своего сына Всеволода, котораго скоро замѣняетъ Ярославъ уже не разъ, какъ мы видѣли, бывавшій княземъ новгородскимъ. Но теперь мы не видимъ уже той свободы дѣйствій, съ какой прежде относился этотъ князь къ Новгородцамъ: слѣдствія Липецкого пораженія были еще очень сильны, и разбитая на удѣлы Суздальская земля была еще очень слаба. Теперь Ярославъ Всеволодовичъ поддерживаетъ добрыя отношенія съ смоленскимъ княземъ, и они общими силами дѣйствуютъ противъ общаго врага Литвы. Еще въ 1206 году Литва сдѣлала набѣгъ на Смоленскую землю. Мстиславъ Романовичъ послалъ противъ нея Владиміра Рюриковича съ младшими князьями, и они нанесли врагамъ сильное пораженіе[2]). Въ 1223 году мы видимъ новый литовскій набѣгъ на волость Торопецкую; на этотъ разъ Литовцы были отражены подоспѣвшимъ изъ Новгорода Ярославомъ Всеволодовичемъ[3]). Въ 1225 году Литва въ числѣ 7000 человѣкъ прорвалась до Торжка, разоряла его волость, опустошала волость Торопецкую, била гостей: Ярославъ Всеволодовичъ съ Новгородцами, Владиміръ Мстиславичъ съ Новоторжцами и Давидъ Мстиславичъ съ Торопчанами нагнали непріятеля у Вьсвята, въ землѣ Полоцкой, и разгромили его: всѣ плѣнные были отняты, Литовцы потеряли до 2000 человѣкъ убитыми, но тутъ погибъ и князь Торопца, Давидъ Мстиславичъ[4]).

---

[1]) Лавр. Лѣт. стр. 478—483; Воскресен. Лѣт. стр. 129 (П. С. Р, Л. т. VII); Никон. Лѣт. ч. 2, стр. 349—354.

[2]) Ioannis Dlugossi „Historia Polonica“, Lipsiae, MDCCXI p. 611; Stryjkowskiego „Kronika polska, litewska...“. Warszawa, 1846. v. I, p. 222. У нихъ маленькая путаница въ князьяхъ. Хотя этого извѣстія нѣтъ въ русскихъ лѣтописяхъ, но едва ли можно сомнѣваться въ его истинности.

[3]) Новгород. I Лѣт. стр. 214.

[4]) Лавр. Лѣт. стр. 483; Новгород. I Лѣт. стр. 222—223. Длугошъ op. cit. относитъ этотъ походъ къ 1225 году (р. 619), а за нимъ слѣдуетъ и Стрыйковскій op. cit. р. 233.

единственнымъ судьей между Нѣмцами и русскими купцами признается только князь смоленскій, а князья полоцкій и витебскій такимъ правомъ не пользуются, что въ дѣйствительности и соблюдается. Все это показываетъ, что Мстиславъ Давидовичъ считается старшимъ княземъ, какимъ онъ на самомъ дѣлѣ и былъ въ отношеніи полоцкаго князя Святослава Мстиславича, своего двоюроднаго племянника [1]).

Торговый договоръ 1229 года, о которомъ намъ приходилось уже не разъ говорить, обсуждался предварительно на вѣчѣ, отъ котораго представителемъ и былъ отправленъ въ Ригу сотскій Пантелей. Мы уже указывали на этотъ фактъ, какъ на свидѣтельствующій о сильномъ развитіи въ Смоленскѣ вѣчеваго начала за время княженія Мстислава—Θеодора Давидовича. Къ этому времени относится и сильное броженіе, вызванное церковными привиллегіями. Мы не знаемъ, что вызвало это нападеніе на старую грамоту Ростислава, но что волненіе было очень сильно, доказывается отреченіемъ отъ епископіи Лазаря, который не могъ перенести происходившей борьбы [2]). Эти волненія возгораются вновь со смертью Мстислава Давидовича въ 1230 году [4]).

1230 годъ является важнымъ и тяжелымъ моментомъ въ исторіи Смоленской земли. Началось съ землетрясенія, затѣмъ во всей сѣверной Руси наступилъ голодъ, продолжавшійся два года, а его результатомъ явился страшный моръ: въ самомъ городѣ Смоленскѣ погибло 23900 человѣкъ [3]). Эти несчастія были началомъ новыхъ бѣдствій: въ Смоленской землѣ наступаютъ политическія волненія, отнимающія у нея силы и первенствующее положеніе въ системѣ сѣверныхъ княжествъ.

Въ то время, когда умеръ Мстиславъ Давидовичъ, старѣйшимъ въ родѣ Ростиславичей остался Владиміръ Рюриковичъ, но онъ возвратился въ Смоленскъ только послѣ 1235 года и, какъ видно, изъ происходившихъ въ то время событій, не принималъ никакого участія

---

[1]) Обо всемъ этомъ см. главу II и гл. III, № 43 и гл. IV.

[2]) См. гл. IV. Лазарь не былъ епископомъ уже въ 1225 г. См. Патерикъ Печерскій перев. Викторовой, стр. 26; Голубинскій: Исторія Русской церкви, т. I, ч. 1, стр. 569; Ключевскій: Житія Святыхъ, стр. 56, примѣч. 3.

[3]) Лавр. Лѣт. стр. 485; Супральс. Лѣт. стр. 30 и 133.

[4]) Лавр. Лѣт. стр. 485; Супральс. Лѣт. стр. 30 и 133.

въ политическихъ дѣлахъ. Изъ другихъ князей этого рода семья Романа Ростиславича въ данный моментъ состояла изъ трехъ братьевъ: Святослава Мстиславича, сидѣвшаго въ Полоцкѣ, Всеволода Мстиславича, который послѣ изгнанія своего изъ Новгорода, жилъ, по всей вѣроятности, въ Смоленскѣ, и Ростислава Мстиславича. Представителемъ семьи Давида Ростиславича является единственный сынъ Мстислава—Θеодора Давидовича, Ростиславъ. Что касается, семьи Мстислава Ростиславича, то Мстиславъ Мстиславичъ умеръ еще 1228 году, Давидъ Мстиславичъ былъ убитъ [1]), а Владиміръ Мстиславичъ съ сыномъ Ярославомъ гдѣ-то теряются у Нѣмцевъ [2]). Такимъ образомъ, по праву старѣйшинства великокняжескій смоленскій столъ долженъ былъ или остаться за Владиміромъ Рюриковичемъ, который въ 1230 году оказывается великимъ княземъ кіевскимъ [3]), или перейти къ Святославу Мстиславичу, представителю старшей семьи въ родѣ Ростиславичей. Но оказывается, что Смольняне не желаютъ имѣть его своимъ княземъ, руководясь, вѣроятно, тѣмъ соображеніемъ, что онъ уже выдѣлился изъ рода, ставъ княземъ полоцкимъ. Нельзя сомнѣваться, конечно, и въ томъ, что въ Смоленскѣ были сторонники и Святослава Мстиславича, въ то время какъ большинство хотѣло видѣть у себя княземъ сына Мстислава—Θеодора Давидовича, Ростислава. Волненіе продолжалось два года. Въ 1232 году Святославъ Мстиславичъ взялъ штурмомъ Смоленскъ, перебилъ много Смольнянъ и сѣлъ на великокняжескомъ столѣ [4]). Но и послѣ этого неурядицы не могли прекратиться, и для насъ вполнѣ понятенъ ихъ смыслъ. Теперь повторился фактъ, который одинъ разъ уже имѣлъ мѣсто въ исторіи Смоленска,—объединились двѣ части Кривицкой земли: Полоцкъ и Смоленскъ. Но времена были уже не тѣ. Смоленская земля, прожившая два съ лишнимъ столѣтія самостоятельной политической жизнью, не могла теперь спокойно перенести зависимость свою отъ Полочанъ, съ которыми теперь хозяйничалъ въ Смоленскѣ Святославъ Мстиславичъ. Въ

---

[1]) См. родословную таблицу и гл. III подъ соотвѣтствующими номерами. Князьямъ Святославу, Всеволоду и Ростиславу Мстиславичу—Θеодоровичу посвящены тамъ особыя изслѣдованія.

[2]) См. выше.

[3]) Воскр Лѣт. стр. 137 (Л. С. Р. Л. т. VII)

[4]) Новгород. I Лѣт. стр. 241; Густин, Лѣт. стр. 336 (П. С. Р. Л. т. II).

младшему, Θеодору, только одинъ городъ Можайскъ. На этотъ разъ мы не видимъ междоусобія: очевидно, Θеодоръ не имѣлъ силъ бороться съ двумя братьями. Только спустя нѣсколько лѣтъ (въ 1277 году) онъ отправился просить защиты въ Орду [1]).

Смоленскъ избѣжалъ всеобщаго погрома въ 1237 году. Можно дѣлать предположенія, и то очень слабыя, что при движеніи Татаръ пострадали восточныя волости Смоленской земли. Мы не имѣемъ никакихъ указаній до 1274 года на подчиненіе Смоленска татарскому хану. Напротивъ, есть основаніе думать что это княжество не признавало татарской власти до конца третьей четверти XIII ст. Въ 1242 году, уже по возвращеніи изъ Венгріи, послѣ понесеннаго тамъ пораженія, Татары двинули на Смоленскъ отрядъ, очевидно, съ цѣлью водворить въ немъ своего баскака. Но это нападеніе было неудачно: Смольняне отбили приступъ, а затѣмъ въ неожиданномъ ночномъ нападеніи разбили Татаръ у Долгомостья, при чемъ былъ убитъ и предводительствовавшій ими ханскій полководецъ. Въ память этого событія Смольняне поставили столбъ который сохранялся долгое время. Жители Смоленска разсматривали эту удачу свою надъ страшными врагами какъ свидѣтельство покровительства Божіей Матери ихъ городу, а Меркурій, подъ начальствомъ котораго была сдѣлана ночная вылазка, былъ причисленъ къ лику святыхъ [2]). Не смотря на это, на внутреннее спокойствіе, которымъ пользовалась Смоленская земля во все княженіе Глѣба Ростиславича, послѣдній не можетъ противиться волѣ великаго князя владимірскаго, получившаго отъ хана ярлыкъ на великое княженіе, и отправляется съ Ярославомъ Ярославичемъ въ 1270 году на Новгородъ В. [3]). Затѣмъ въ 1274 году смоленскій князь является уже вполнѣ въ волѣ ханской и получаетъ изъ Орды приказаніе двинуться вмѣстѣ съ другими князьями противъ Литвы [4]). Въ Смоленскъ начинаютъ пріѣзжать и жить тамъ ханскіе

---

[1]) Никон. Лѣт. ч. III, стр. 62—63; Воскр. Лѣт. стр. 173 (П. С. Р. Л. т. VII). См. гл. III, №№ 14, 27, 49.

[2]) См. гл. III. Превосходный разборъ повѣсти о Св. Меркуріи сдѣланъ г. Писаревымъ, при чемъ опредѣлены тѣ историческія данныя, которыя можно изъ нея извлечь (Филол. Записки, 1882 г., вв. II—III, V).

[3]) Новгород. I Лѣт. стр. 293; Никон. Лѣт. ч. III, стр. 51.

[4]) Ипатьев. Лѣт. стр. 575.

чиновники, дѣйствующіе здѣсь такъ-же, какъ и въ другихъ областяхъ: притѣсняя и грабя жителей, производя насилія. Возможно думать, что Смольняне, оберегая себя отъ татарскихъ разореній и насилій, не прочь были навязать ихъ Нѣмцамъ и отводили пріѣзжимъ Татарамъ помѣщенія въ домахъ иноземныхъ купцовъ, какъ людей зажиточныхъ. Это могло повлечь за собой прекращеніе торговыхъ отношеній, что̀ и заставило прибавить къ Смоленской торговой Правдѣ условіе о свободѣ Нѣмцевъ отъ всякихъ постоевъ [1]).

Неизвѣстно почему, но въ Ордѣ не обратили вниманія на жалобу Ѳеодора Ростиславича на братьевъ. Когда въ 1277 году умеръ Глѣбъ Ростиславичъ, его мѣсто въ Смоленскѣ занимаетъ спокойно братъ его, Михаилъ, который, въ свою очередь, княжилъ очень недолго и скончался въ 1279 году [2]). О дѣятельности этого князя мы ничего не знаемъ. По праву старѣйшинства великокняжескій смоленскій столъ переходитъ къ третьему брату, Ѳеодору, который занимаетъ Смоленскъ въ 1280 году [3]). Трудно сказать, мирно-ли совершился этотъ переходъ власти къ Ѳеодору. Несомнѣнно, съ племянникомъ своимъ, сыномъ Михаила, онъ дѣло уладилъ, и мы находимъ Андрея Михайловича намѣстникомъ въ Смоленскѣ въ 1284 году [4]). Но съ семьей другаго брата, Глѣба, Ѳеодору, какъ видно, пришлось вначалѣ быть во враждебныхъ отношеніяхъ, которыя прекратились только благодаря неожиданно счастливо сложившимся обстоятельствомъ. Какъ-бы ни было, но до 1286 года мы не находимъ указаній ни на какія волненія. Этотъ спокойный періодъ въ исторіи Смоленской земли во время княженій Глѣба, Михаила и, отчасти, Ѳеодора Ростиславичей отмѣченъ возстановленіемъ и укрѣпленіемъ старыхъ дружественныхъ отношеній между Смольнянами и Нѣмцами. Своей присяжной грамотой 1284 года Ѳеодоръ Ростиславичъ возобновляетъ дѣйствіе старой Смоленской торговой Правды 1229 года [5]). Но не этимъ только однимъ замѣчательно время Ѳеодора Ростиславича, Предъ нами неожиданно

---

[1]) См. гл. II и приписку къ Смоленской торговой Правдѣ.

[2]) Никонов. Лѣт. ч. III, стр. 64 и 67.

[3]) Воскрес. Лѣт. стр. 174 (П. С. Р. Л. т. VII).

[4]) См. присяжную грамоту Ѳеодора Ростиславича во II главѣ, стр. 118—119, примѣч. 2.

[5]) См. гл. II.

думать, что Смольняне были недовольны такимъ отношеніемъ ихъ князя къ своему остальному городу и потому обращаютъ свое вниманіе на семью Глѣба Ростиславича. Въ 1286 году Романъ Глѣбовичъ неожиданно двинулся изъ Брянска и осадилъ Смоленскъ. Но на этотъ разъ дѣло ограничилось сожженіемъ посада и разореніемъ окрестныхъ селъ: штурмъ самаго города былъ неудаченъ[1]). Тѣмъ не менѣе это предпріятіе, кажется намъ, имѣло для Глѣбовичей и положительные результаты, давъ имъ возможность войти въ непосредственныя сношенія съ Смольнянами. Кромѣ этого, несомнѣнно, между Ѳеодоромъ Ростиславичемъ и Романомъ Глѣбовичемъ Брянскимъ былъ заключенъ миръ на условіи предоставленія намѣстничества въ Смоленскѣ Роману. Письмо рижскаго архіепископа къ Ѳеодору Ростиславичу въ 1293 году ясно говоритъ, что намѣстникомъ въ Смоленскѣ былъ въ это время князь брянскій, а другаго князя брянскаго, который могъ бы сидѣть въ Смоленскѣ, кромѣ Романа Глѣбовича, въ это время нѣтъ[2]). Это намѣстничество Романа продолжалось около семи лѣтъ. Очевидно, между нимъ и Ѳеодоромъ Ростиславичемъ произошло какое-то недоразумѣніе, и Романъ Глѣбовичъ въ 1293 году оказывается уже въ Новгородѣ В., въ качествѣ служилаго князя, такъ какъ княземъ новгородскимъ въ это время былъ Андрей, сынъ Александра Невскаго[3]). Мы не знаемъ, кто оставался теперь въ Смоленскѣ, но Ѳеодоръ Ростиславичъ по прежнему отвлекается дѣлами земли Суздальской. Вмѣстѣ съ другими суздальскими князьями онъ идетъ въ 1293 году жаловаться хану на великаго князя владимірскаго, а затѣмъ на Русь является татарская рать и предаетъ разоренію 21 городъ, въ томъ числѣ и Можайскъ. Ѳеодоръ Ростиславичъ не спѣшитъ въ Смоленскъ, а торопится занять Переяславль, гдѣ и водворяется[4]). Всѣ эти событія повели къ тому, что послѣ четырехлѣтняго отсутствія смоленскаго князя Александру, старшему брату Романа Глѣбовича, удается захватить Смоленскъ не вооруженной силою, а *лестью*, т. е., склонить Смольнянъ отворить ворота и признать его

---

[1]) Воскр. Лѣт. стр. 179 (П. С. Р. Л. т. VII); Никонов. Лѣт. ч. Ш, стр. 85.

[2]) Письмо рижскаго архіеписко напечатано у насъ цѣликомъ во II главѣ, стр. 146, примѣч. 2.

[3]) Новгород. I Лѣт. стр. 303.

[4]) Воскресен. Лѣт. стр. 180 (П. С. Р. Л. т. VII); Никон. Лѣт. ч. Ш, стр. 89—90.

своимъ княземъ. Это произошло въ 1297 году [1]). Эта *лесть* была, вѣроятно, очень сильна, потому что Смольняне рѣшили не признавать болѣе своимъ княземъ Ѳеодора Ростиславича и защищать Александра Глѣбовича. Въ 1298 году Ѳеодоръ, собравъ многочисленныя войска, пришелъ къ Смоленску и осадилъ его. Долго стоялъ онъ подъ городомъ, дѣлалъ приступы, но они были отбиты. Ѳеодоръ, ушелъ, а Александръ Глѣбовичъ остался великимъ княземъ смоленскимъ [2]). Черезъ годъ ярославскій князь умеръ, и Смоленскъ избавился отъ опасности новаго нападенія еще, пожалуй, съ татарскою помощью. Занявъ смоленскій столъ, Александръ Глѣбовичъ извѣстилъ объ этомъ событіи своихъ западныхъ сосѣдей, Нѣмцевъ, и возобновилъ съ ними старый торговый договоръ „по давнему докончанью, какъ отцы наши, и дѣды наши докончали [3])“.

Со времени княженія Александра Глѣбовича явно начинается процессъ разложенія Смоленской земли. Въ силу необходимости, а также этнографическихъ и географическихъ условій, князья смоленскіе дробятъ землю на удѣлы. Въ Можайскѣ садится младшій изъ Глѣбовичей, Святославъ. Романъ, по всей вѣроятности, остается въ Брянскѣ. Вязьму еще раньше занялъ ихъ двоюродный братъ, Андрей Михайловичъ, жившій въ согласіи съ Ѳеодоромъ Ростиславичемъ. Теперь онъ не хочетъ признавать надъ собой власти новаго смоленскаго князя. Въ 1300 году Александръ Глѣбовичъ, вмѣстѣ съ своимъ братомъ, Романомъ, двинулся къ Дорогобужу, который, очевидно, примкнулъ къ вяземскому удѣлу. Положеніе этого города на Днѣпрѣ дѣлало его важнымъ пунктомъ въ торговомъ и стратегическомъ отношеніи [4]). Отпаденіе отъ Смоленска этого города было безусловно невыгодно и опасно. Но Дорогобужцы не хотѣли подчиняться великому князю смоленскому. Александръ Глѣбовичъ осадилъ городъ, отвелъ отъ него воду и наносилъ осажденнымъ сильный вредъ. Тогда на помощь Дорогобужцамъ явился князь вяземскій, Ан-

---

[1]) „Того-же лѣта (6805=1297), князь Александръ Глѣбовичь взя *лестью* княженіе Смоленское подъ отцемъ своимъ“ (Лавр. Лѣт. стр. 500). Здѣсь, по обычаю, дядя названъ отцемъ.

[2]) Лаврент. Лѣт. стр. 50ˇ; Арханг. Лѣт. стр. 63.

[3]) См. гл. II.

[4]) Лавр. Лѣт. стр. 461; Никон. Лѣт. ч. III, стр. 98.

дрей Михайловичъ и нанесъ Смольнянамъ сильное пораженіе. Сынъ Александра Глѣбовича былъ убитъ, а самъ онъ и его братъ, Романъ, были ранены[1]). Этотъ ударъ имѣлъ для Смоленска важное значеніе. Теперь вся восточная часть Смоленской земли была отрѣзана отъ своего стольнаго города, что и не замедлило дать печальные результаты. Тяготѣніе Можайской волости къ среднему Поволжью, къ землѣ Суздальской, выразилось, наконецъ, переходомъ ея въ руки князей московскихъ, Въ 1303 году Юрій Даниловичъ явился къ Можайску, взялъ его, а князя Святослава Глѣбовича увелъ съ собой въ Москву. На юго-востокѣ смоленскія владѣнія врѣзывались теперь угломъ между московскими и брянскими. Этотъ уголъ занимала волость Великой Женни, гдѣ центромъ познее является Медынь[2]). Тогда является въ Смоленскѣ стремленіе тѣснѣе связать съ собой вновь пріобрѣтенный удѣлъ Брянскій. Мы не знаемъ, когда умеръ Романъ Глѣбовичъ, но въ 1309 г., онъ уже не княжитъ въ Брянскѣ. Какъ-бы ни было, Александръ Глѣбовичъ выводитъ изъ Брянска сына Романа, Дмитрія[3]), и сажаетъ тамъ своего сына Василія[4]). Эта попытка Александра Глѣбовича сгруппировать въ рукахъ своей семьи всю, оставшуюся пока нераздѣльной, часть Смоленской земли, удается на время и не безъ борьбы, но при этомъ обнаруживаетъ съ одной стороны полную невозможность для смоленскаго князя вести дѣло своими собственными силами, съ другой—показываетъ стремленіе Брянцевъ имѣть себѣ князя по своему выбору. Въ 1309 году они призываютъ къ себѣ бывшаго можайскаго князя Святослава Глѣбовича, который и прогоняетъ своего племянника изъ Брянска. Василій Александровичъ, не нашедши, очевидно, никакой поддержки у отца, отправляется искать помощи у татарскаго хана и въ 1310 г. осаждаетъ Брянскъ. Святославъ Глѣбовичъ вполнѣ пологался на вѣрность Брянцевъ, которые его призвали, и, когда случайно бывшій въ это время въ Брянскѣ митрополитъ св. Петръ сталъ уговаривать его уступить племяннику, онъ отвѣчаетъ: „Брянци мя, господине, не пустять: хотять головы за мене сложити“. Съ сильною ратью Брянцевъ выступилъ

---

[1]) Никон. Лѣт. ч. III, стр. 100; Воскресен. Лѣт. стр. 183 (П. С. Р. Л. т. VII).

[2]) См. гл. I, стр. 73, 75 и 76.

[3]) См. гл. III, № 19.

[4]) См. гл. III, № 6.

Святославъ изъ города. Но лишь только началась битва, Брянцы измѣнили своему князю: они бросили знамена и побѣжали въ городъ. Князь остался только съ своимъ дворомъ и погибъ въ отчаянной сѣчѣ съ Татарами. Василій Александровичъ вокняжился въ Брянскѣ [1]). Этотъ временный успѣхъ былъ непродолжителенъ, такъ какъ въ 1314 году умеръ Василій Александровичъ [2]), и Брянскъ снова обособляется, принявъ къ себѣ княземъ Дмитрія Романовича. Эти событія произошли уже послѣ смерти Александра Глѣбовича, скончавшагося въ 1313 году [3]).

Великокняжескій Смоленскій столъ перешелъ теперь къ Ивану Александровичу. 45-лѣтнее княженіе его заполнено тѣми-же явленіями, съ которыми мы познакомились раньше, но теперь эти явленія получаютъ бо́льшую интензивность, благодаря политическимъ перемѣнамъ, явившимся на востокъ и на западъ отъ Смоленской земли.

На сѣверо-востокѣ земли Русской является новый политическій центръ, стремящійся, не торопясь, шагъ за шагомъ, путемъ вѣковой работы, объединить около себя разрозненныя русскія области. Дѣятельность Ивана Александровича въ Смоленскѣ совпадаетъ съ жизнью Ивана Калиты, перваго собирателя земли Русской, положившаго прочное основаніе московской политикѣ, намѣтившаго для нея путь, по которому, какъ одинъ человѣкъ, идутъ его преемники, выразившіе идею, которой они служатъ, въ образѣ вѣчно горящей свѣчи. „Слушайте старыхъ бояръ, говоритъ Дмитрій Донской въ своемъ духовномъ завѣщаніи, чтобы свѣча не погасла“. Ни одного новаго шага эти замѣчательные политики не дѣлаютъ, не закрѣпивъ за собою только что совершеннаго. Послѣдовательно, какъ по росписанію, слѣдуютъ въ продолженіе вѣковъ одно за другимъ предпріятія московскихъ князей, какъ-бы въ строгомъ порядкѣ сцены, разыгрываются факты этой многовѣковой драмы собиранія, отмѣченные иногда чертами глубокаго трагизма. Первый актъ многовѣковой политики Москвы является какъ-бы продолженіемъ старыхъ еще до-татарскихъ традицій: броженіе происходитъ внутри Суздальской земли, князья бо-

---

[1]) Никон. Лѣт. ч. Ш, стр. 106 – 107.

[2]) Никон. Лѣт. ч. Ш, стр. 108.

[3]) Никон. Лѣт. ч. Ш, стр. 108.

рятся за великокняжескій столъ; московскій князь, добившись правъ великаго князя, стремится подчинить своей власти удѣльныхъ князей, заставить ихъ ходить въ своей волѣ; онъ лишаетъ удѣльныхъ князей ихъ удѣловъ въ случаѣ ихъ неповиновенія, но и это не новость: и въ древній періодъ русской исторіи мы видимъ то-же самое, наложеніе изгойства, и тогда существуетъ правило: *„оже ся князь извинить, то въ волость*, а мужь у голову [1]“. Разница есть, но она главнымъ образомъ заключается въ средствахъ борьбы, которымъ современное ей общество едвали придавало большое значеніе. Происходитъ особенно напряженная борьба между Московскимъ великимъ княземъ и Тверскимъ, но что такое сама Тверь, какъ не удѣлъ Суздальской землей. Правда, что теперь великіе князья владѣнія, отнятыя у удѣльныхъ князей, присоединяютъ къ своимъ личнымъ, но и этому примѣры мы можемъ найти въ до-монгольскій періодъ, да и это обстоятельство могло быть замѣтно въ Суздальской землѣ, а не въ Рязанской и Смоленской. Словомъ, московскіе князья не выставляютъ явно идею созданія Русскаго государства, хотя уже дѣйствуютъ въ ея пользу, выдвигая лишь старыя традиціи, придавая борьбѣ характеръ внутреннихъ дѣлъ земли Суздальской. Вотъ почему другія земли русскія—Новгородская, Рязанская, Смоленская, ставшія отдѣльными политическими единицами, какъ обособленныя государства, не оцѣниваютъ какъ слѣдуетъ совершающихся передъ ними фактовъ и иногда даже содѣйствуютъ московскимъ князьямъ, умѣющимъ во время выдвинуть подходящую въ данный моментъ какую—нибудь старую традицію. То, что дѣлаютъ въ это время великіе князья суздальскіе (=владимірскіе= московскіе), то происходитъ и въ землѣ Рязанской, и въ землѣ Смоленской. Разница глубокая лежала въ томъ, чего, благодаря выдержкѣ московскихъ князей, не могли замѣтить ни великій князь смоленскій, ни великій князь рязанскій, она заключалась въ томъ, что послѣдніе въ своихъ стремленіяхъ не шли далѣе утвержденія старой традиціи—подчиненія удѣльныхъ князей своей волѣ или сосредоточенія всей земли въ рукахъ своей семьи при уничтоженіи боковыхъ княжескихъ линій, между тѣмъ какъ у московскихъ князей была далѣе ясно намѣченная цѣль—созданіе Русскаго государства. Когда другіе князья

---

[1]) Ипатьев. Лѣт. стр. 410.

сознали это,—было уже поздно, и имъ не подъ силу уже было бороться съ Суздальской землей, ставшей Московскимъ государствомъ, которое теперь открыто дѣйствуетъ для поглощенія другихъ древне-русскихъ самостоятельныхъ государствъ, чтобы перейти въ государство Русское. Пока же разыгрывался первый актъ драмы, пока изъ Суздальской земли вырабатывалось Московское государство, князья московскіе не посягаютъ на самостоятельность сосѣднихъ русскихъ земель—государствъ, не показываютъ вида, что впослѣдствіи намѣчено ихъ поглощеніе, а стараются лишь поддерживать въ нихъ свое политическое вліяніе, пользуясь при этомъ самыми различными средствами. Таково было положеніе дѣлъ на востокѣ, когда княжилъ въ Смоленскѣ Иванъ Александровичъ.

Въ то-же самое время на западѣ, на берегахъ рѣки Виліи, появился другой могущественный политическій центръ, который стремится также сгрупировать около себя разрозненныя русскія области и создать прочное государство. Литовское княжество мало по малу подчиняетъ себѣ всѣ мелкія княжества на правой сторонѣ Днѣпра, но характеръ этого подчиненія совсѣмъ иной, чѣмъ на сѣверо-востокѣ: тутъ мы видимъ или завоеваніе, или переходъ по брачнымъ союзамъ и т. д., словомъ, тутъ нѣтъ традицій, которыми первое время прикрывается дѣятельность московскихъ князей, а только внѣшнія случайныя обстоятельства, нѣтъ здѣсь и того могучаго основанія, которое скоро дало возможность московскому князю выставить грозное: „Божіею милостію *государь всея Руси*". Но не основанное на традиціяхъ, не имѣвшее исторической почвы, Литовско-русское государство является собраніемъ политическихъ единицъ, лишь внѣшнимъ, механическимъ образомъ связанныхъ другъ съ другомъ, а поэтому склонныхъ къ быстрому распаденію. Несомнѣнно, кромѣ внѣшнихъ способовъ соединенія, кромѣ слабости раздробленной и пришибленной татарскимъ погромомъ Руси, быстрому соединенію съ Литовскимъ государствомъ отдѣльныхъ русскихъ областей способствовали выдающіяся политическія способности литовскихъ князей, Гедимина, Ольгерда и Витовта. Во времена первыхъ двухъ изъ нихъ начали мало по малу выработываться условія болѣе прочнаго, органическаго соединенія разрозненныхъ политическихъ единицъ Литовско-русскаго государства: литовскіе князья вполнѣ подчиняются русской культурѣ, вслѣдствіе чего съ теченіемъ времени могли установиться и истори-

ческія традиціи. Но для этого нуженъ былъ болѣе продолжительный срокъ, чѣмъ тотъ, въ который продолжался этотъ процессъ органическаго соединенія. Пока онъ совершался, въ это-же самое время происходило обращеніе Суздальской земли въ Московское государство. Послѣдующіе литовскіе князья, Казиміръ и Александръ, не были уже одарены такими политическими способностями, какъ ихъ предшественники, и какъ политики стояли несравненно ниже Іоанна III и Василія III. Въ тотъ моментъ, когда во внутренней политикѣ Литовско-русскаго правительства совершается поворотъ, прекратившій процессъ органическаго сліянія, въ этотъ самый моментъ Московское государство выступаетъ открыто на борьбу съ своимъ соперникомъ, и Литовско-русское государство теряетъ сразу всѣ свои пріобрѣтенія на востокъ отъ Днѣпра. Московское государство стало государствомъ Русскимъ.

Между этими то двумя могущественными соперниками оказалось Смоленское княжество съ начала XIV ст. Время послѣднихъ смоленскихъ князей совпадаетъ съ тѣмъ моментомъ въ исторіи возвышенія Москвы, когда послѣдняя производитъ внутреннюю работу въ Суздальской землѣ, стремясь обратить ее въ Московское государство, и потому не вступаетъ въ рѣшительную борьбу съ Литовско-русскимъ государствомъ, стараясь только поддерживать въ сосѣднихъ земляхъ—Новгородской, Смоленской, Сѣверской и Рязанской свое политическое вліяніе.

Мы ничего не знаемъ о первыхъ годахъ княженія Ивана Александровича. Но какое-то внутреннее броженіе мы можемъ предполагать и въ этотъ 20-лѣтній періодъ. По всей вѣроятности, продолжались столкновенія между великимъ княземъ смоленскимъ и князьями удѣльными, и это обнаруживаетъ намъ первый Брянскъ. Въ 1333 году князь этого удѣла Дмитрій Романовичъ неожиданно предпринимаетъ движеніе къ Смоленску, причемъ приводитъ съ собою и татарскіе отряды. Послѣднее обстоятельство указываетъ, что между князьями брянскимъ и великимъ княземъ смоленскимъ велся споръ раньше, что великій князь смоленскій хотѣлъ, вѣроятно, урѣзать брянскій удѣлъ, что вызвало жалобу Дмитрія Романовича татарскому хану, признавшему правымъ князя брянскаго. Но, не смотря на ханскую помощь, предпріятіе Дмитрія была неудачно, хотя князья и „бишася много“ [1]).

---

[1]) Никон. Лѣт. ч. III, стр. 161.

Послѣ этого было заключенъ какой-то договоръ, опредѣлявшій, очевидно, отношенія брянскаго удѣла къ Смоленску. Вотъ теперь въ первый разъ выступаетъ въ исторіи Смоленской земли политика московскихъ князей. Московскіе князья берутъ подъ свое покровительство удѣльныхъ князей и дѣйствуютъ въ пользу нхъ въ ордѣ. Въ 1340 году ханъ Узбекъ отправилъ большую татарскую рать подъ начальствомъ Тувлубія противъ Смоленскаго князя. Съ татарскими войсками соединились рязанскій князь Иванъ Коротополъ, нѣсколько мелкихъ удѣльныхъ князей, а Иванъ Даниловичъ московскій отправилъ свою рать. Союзники подошли къ Смоленску, пожгли посады, разорили много селъ, но подъ городомъ стояли не долго: съ огромнымъ полономъ Татары вышли изъ Смоленской земли. Въ числѣ участниковъ похода оказывается и князь Ѳеодоръ Ѳоминскій, одинъ изъ удѣльныхъ смоленскихъ мелкихъ князей, появившихся къ этому времени [1]. Немного раньше въ Брянскѣ происходитъ тотъ переворотъ, о которомъ мы уже говорили: Брянцы убиваютъ на вѣчѣ своего князя Глѣба Святославича, а въ 1341 году Дмитрій Романовичъ брянскій выдаетъ свою дочь за князя московскаго Ивана Ивановича, сына Калиты [2]. Удѣльные князья смоленскіе начинаютъ отъѣзжать въ Москву. Такъ Ѳеодоръ Святославичъ, князь вяземскій и дорогобужскій, въ этотъ же промежутокъ времени, вступилъ на службу въ Москву, получилъ въ удѣлъ городъ Волокъ, а затѣмъ въ 1343 году выдалъ за Симеона, великаго князя московскаго, свою дочь Евпраксію [3]. Все это скапливались претенденты, которые могли въ удобную минуту явиться послушнымъ орудіемъ въ рукахъ московскихъ политиковъ. Но вскорѣ послѣднимъ пришлось отстаивать свое вліяніе на Смоленскую землю и вооруженной рукой.

Еще въ срединѣ XIII ст., какъ мы видѣли, начинаются усиленныя вторженія Литвы въ западныя волости Смоленскаго княжества. 1234, 1245 и 1253 году происходятъ набѣги на Торопецъ. По извѣ-

---

[1]) Никон. Лѣт. ч. Ш, стр. 170—171; Супрасльс. Лѣт. стр. 133; Архан. Лѣт. стр. 77. Двѣ послѣднія лѣтописи относятъ это событіе ка 1341 году, по Калита умеръ 1340 г. О князѣ Ѳоминскомъ см. гл. Ш, № 48. Въ датировкѣ этого событія мы слѣдуемъ Лѣтописцу Игнатія Смольнянина (Православный Палестинскій Сборникъ, в. 12, стр. 30).

[2]) Никон. Лѣт. ч. Ш, стр. 174.

[3]) Архангелогород. Лѣт. стр. 72. См. гл. Ш, № 50.

стіямъ лѣтописей, въ 1252 году Миндовгъ направилъ нѣсколько литовскихъ отрядовъ на Полоцкую и Смоленскую землю. Особенно интересенъ набѣгъ 1245 года: разбитые литовскіе князья спасаются въ Торопцѣ отъ преслѣдовавшихъ ихъ Новгородцевъ, и только приходъ Александра Невскаго съ новыми силами далъ возможность въ самомъ городѣ перебить часть князей, а другую часть уничтожить подъ Жижчемъ. Наконецъ, въ 1258 году литовскій загонъ появился уже совсѣмъ близко отъ Смоленска и взялъ штурмомъ Воищину[1]). Лѣтописи, конечно, не сообщаютъ намъ о мелкихъ набѣгахъ, Въ 1238 году, одинъ изъ литовскихъ князей захватилъ и самый Смоленскъ, воспользовавшись происходившими въ немъ неурядицами. Мы видѣли, что Ярославъ Всеволодовичъ освободилъ Смольнянъ и посадилъ у нихъ Всеволода Мстиславича. Затѣмъ Смоленская земля какъ будто совсѣмъ не подвергается нападеніямъ Литвы, однако оказывается, что политическое вліяніе великаго князя литовскаго уже успѣло утвердиться въ Смоленскѣ.

Весьма возможно, что смоленскій князь Иванъ Александровичъ самъ первый пошелъ на сближеніе съ Литвой: постоянное вмѣшательство московскихъ князей въ отношенія Смоленска къ удѣльнымъ князьямъ, недавній приходъ Тувлубія, опасенія, что восточныя волости Смоленской земли могутъ послѣдовать примѣру Можайской,—все могло заставить Ивана Александровича искать для себя точки опоры въ союзѣ съ литовскими князьями. Мы не имѣемъ договора, который, несомнѣнно, былъ заключенъ между Гедыминомъ и смоленскимъ княземъ, но изъ присяжной грамоты Ивана Александровича съ Нѣмцами

---

[1]) Лавр. Лѣт. стр. 486, Новгород. I Лѣт. стр. 244; 271, 274; Воскр. Лѣт. стр. 152 (П. С. Р. Л. т. VII); Супрасльс. Лѣт. стр. 34; Ипатьев. Лѣт. стр. 541; Лѣтопись Быховца (Pomniki do dziejów litewskich, przeż F. Narbutta, Wilno, 1846 г.] стр. 7: Kronika polska, litewska etc, Stryjkowskiego, v. I, p. 286. Ср. В. Б. Антоновича: „Очеркъ Исторіи Великаго Княжества Литовскаго до половины XV столѣтія“, Кіевъ, 1878 г. Вып. I, стр. 25—26. Мы не имѣемъ указаній, чтобы какой нибудь изъ литовскихъ князьковъ успѣлъ прочно утвердиться въ какой-нибудь изъ волостей Смоленской земли. Лѣтопись Быховца цѣликомъ переписываетъ извѣстіе Ипатьевской Лѣтописи, *слово въ слово.* Стрыйковскій беретъ свое сообщеніе или изъ Быховца, или прямо изъ Ипатьевской Лѣтописи. Но такъ какъ въ послѣднихъ нѣтъ ничего о томъ, чтобы литовскіе князьки утвердились гдѣ-нибудь въ Смоленской землѣ, то фразу Стрыйковскаго: „a Erdziwil zaś albo Arduidos, w Smoleńskim xięstwie i Druckim kilko przygrodków z właściami opanował“, надо считать увлеченіемъ: на это нѣтъ подтвержденія въ лѣтописяхъ русскихъ.

видно, что онъ призналъ себя, какъ тогда выражались, младшимъ братомъ Гедымина, т. е., сталъ въ нѣкоторую, хотя и слабую, политическую отъ него зависимость [1]). Послѣ смерти Гедымина устанавливается тѣсная связь между Иваномъ Александровичемъ и Ольгердомъ Гедиминовичемъ. Опираясь на послѣдняго, смоленскій князь сдѣлалъ попытку возвратить себѣ Можайскую волость. Въ 1341 году Ольгердъ съ сильнымъ войскомъ двинулся къ Можайску. Но осада этого города не удалась союзникамъ, и все дѣло ограничилось разореніемъ селъ [2]). Въ свою очередь Иванъ Александровичъ помогаетъ литовскому князю въ его предпріятіяхъ противъ Ливонскаго Ордена: въ 1348 году смоленскія ополченія учавствуютъ въ битвѣ у Стравы [3]).

Но въ Смоленскѣ ясно идетъ борьба двухъ партій, изъ которыхъ одна несомнѣнно враждебна сближенію съ Литвою. Можно даже указать, кто стоялъ во главѣ этой партіи. Это былъ сынъ самаго смоленскаго князя, Василій: на такую роль Василія Ивановича прямо указываютъ послѣдующіе факты. Самъ Иванъ Александровичъ всецѣло преданъ Ольгерду или, покрайней мѣрѣ, выказываетъ это по принужденію, но партія недовольныхъ находитъ себѣ поддержку въ Москвѣ. Въ 1351 году, воспользовавшись, очевидно, какими-то пограничными недоразумѣніями, Симеонъ Ивановичъ, князь московскій, двинулся противъ Смоленска. Нѣтъ сомнѣнія, что этому походу предшествовали какія-то переговоры, потому что о немъ заранѣе знали въ Смоленскѣ, и такъ какъ требованія московскаго князя почему то не погли быть выполнены Иваномъ Александровичемъ, то послѣдній

---

[1]) Эту грамоту см. въ полномъ видѣ у насъ во II гл. стр. 121. Бо̀льшая зависимость выражалась отношеніемъ сына къ отцу.

[2]) Никон. Лѣт. ч. III стр. 174. Ср. В. Б. Антоновича: „Очеркъ Исторіи В. К. Литовскаго", стр. 130 и 90.

[3]) Hermanni Wartberge Chronicon Livoniae (Scriptores rerum prussicarum, v. II) p. 75—76; Chronicon Wigandi Marburgensis. Ed. Ioannes Voigt et Eduardns Raczywski. Posnaniae. 1842, p. 83—84. Что касается извѣстія нѣмецкихъ лѣтописцевъ объ участіи Смольнянъ въ нападеніи на Лабіовъ, то оно возбуждаетъ сомнѣніе. Патрикій, о которомъ тутъ говоритъ Длугошъ (Historia polonica, lib. VIII, p. 1085—1086), никогда не былъ княземъ смоленскимъ и пока еще и не могъ быть. Наримунтъ былъ нѣкоторое время княземъ въ Новгородѣ В. и палъ въ битвѣ у Стравы Добавленіе Виганда, что „un more paganorum incinerant" и Длугоша, что онъ „incendio ritu patrio crematum", ясно указываютъ, что мы имѣемъ тутъ дѣло не съ смоленскимъ княземъ, а слѣдовательно и самое участіе Смольнянъ въ этомъ событіи нѣсколько сомнительно.

стіямъ лѣтописей, въ 1252 году Миндовгъ направилъ нѣсколько литовскихъ отрядовъ на Полоцкую и Смоленскую землю. Особенно интересенъ набѣгъ 1245 года: разбитые литовскіе князья спасаются въ Торопцѣ отъ преслѣдовавшихъ ихъ Новгородцевъ, и только приходъ Александра Невскаго съ новыми силами далъ возможность въ самомъ городѣ перебить часть князей, а другую часть уничтожить подъ Жижчемъ. Наконецъ, въ 1258 году литовскій загонъ появился уже совсѣмъ близко отъ Смоленска и взялъ штурмомъ Воищину [1]). Лѣтописи, конечно, не сообщаютъ намъ о мелкихъ набѣгахъ, Въ 1238 году, одинъ изъ литовскихъ князей захватилъ и самый Смоленскъ, воспользовавшись происходившими въ немъ неурядицами. Мы видѣли, что Ярославъ Всеволодовичъ освободилъ Смольнянъ и посадилъ у нихъ Всеволода Мстиславича. Затѣмъ Смоленская земля какъ будто совсѣмъ не подвергается нападеніямъ Литвы, однако оказывается, что политическое вліяніе великаго князя литовскаго уже успѣло утвердиться въ Смоленскѣ.

Весьма возможно, что смоленскій князь Иванъ Александровичъ самъ первый пошелъ на сближеніе съ Литвой: постоянное вмѣшательство московскихъ князей въ отношенія Смоленска къ удѣльнымъ князьямъ, недавній приходъ Тувлубія, опасенія, что восточныя волости Смоленской земли могутъ послѣдовать примѣру Можайской,—все могло заставить Ивана Александровича искать для себя точки опоры въ союзѣ съ литовскими князьями. Мы не имѣемъ договора, который, несомнѣнно, былъ заключенъ между Гедыминомъ и смоленскимъ княземъ, но изъ присяжной грамоты Ивана Александровича съ Нѣмцами

---

[1]) Лавр. Лѣт стр. 486, Новгород. I Лѣт. стр. 244; 271, 274; Воскр. Лѣт. стр. 152 (П. С. Р. Л. т. VII); Супрасльс. Лѣт. стр. 34; Ипатьев. Лѣт. стр. 541; Лѣтопись Быховца (Pomniki do dziejów litewskich, przeż F. Narbutta, Wilno, 1846 г.] стр. 7: Kronika polska, litewska etc, Stryjkowskiego, v. I, p. 286. Ср. В. Б. Антоновича: „Очеркъ Исторіи Великаго Княжества Литовскаго до половины XV столѣтія“, Кіевъ, 1878 г. Вып. I, стр. 25—26. Мы не имѣемъ указаній, чтобы какой нибудь изъ литовскихъ князьковъ успѣлъ прочно утвердиться въ какой-нибудь изъ волостей Смоленской земли. Лѣтопись Быховца цѣликомъ переписываетъ извѣстіе Ипатьевской Лѣтописи, *слово въ слово*. Стрыйковскій беретъ свое сообщеніе или изъ Быховца, или прямо изъ Ипатьевской Лѣтописи. Но такъ какъ въ послѣднихъ нѣтъ ничего о томъ, чтобы литовскіе князьки утвердились гдѣ-нибудь въ Смоленской землѣ, то фразу Стрыйковскаго: „a Erdziwil zaś albo Arduidos, w Smoleńskim xięstwie i Druckim kilko przygrodków z właściami opanował“, надо считать увлеченіемъ: на это нѣтъ подтвержденія въ лѣтописяхъ русскихъ.

видно, что онъ призналъ себя, какъ тогда выражались, младшимъ братомъ Гедымина, т. е., сталъ въ нѣкоторую, хотя и слабую, политическую отъ него зависимость [1]). Послѣ смерти Гедымина устанавливается тѣсная связь между Иваномъ Александровичемъ и Ольгердомъ Гедиминовичемъ. Опираясь на послѣдняго, смоленскій князь сдѣлалъ попытку возвратить себѣ Можайскую волость. Въ 1341 году Ольгердъ съ сильнымъ войскомъ двинулся къ Можайску. Но осада этого города не удалась союзникамъ, и все дѣло ограничилось разореніемъ селъ [2]). Въ свою очередь Иванъ Александровичъ помогаетъ литовскому князю въ его предпріятіяхъ противъ Ливонскаго Ордена: въ 1348 году смоленскія ополченія учавствуютъ въ битвѣ у Стравы [3]).

Но въ Смоленскѣ ясно идетъ борьба двухъ партій, изъ которыхъ одна несомнѣнно враждебна сближенію съ Литвою. Можно даже указать, кто стоялъ во главѣ этой партіи. Это былъ сынъ самаго смоленскаго князя, Василій: на такую роль Василія Ивановича прямо указываютъ послѣдующіе факты. Самъ Иванъ Александровичъ всецѣло преданъ Ольгерду или, покрайней мѣрѣ, выказываетъ это по принужденію, но партія недовольныхъ находитъ себѣ поддержку въ Москвѣ. Въ 1351 году, воспользовавшись, очевидно, какими-то пограничными недоразумѣніями, Симеонъ Ивановичъ, князь московскій, двинулся противъ Смоленска. Нѣтъ сомнѣнія, что этому походу предшедствовали какія-то переговоры, потому что о немъ заранѣе знали въ Смоленскѣ, и такъ какъ требованія московскаго князя почему то не погли быть выполнены Иваномъ Александровичемъ, то послѣдній

---

[1]) Эту грамоту см. въ полномъ видѣ у насъ во II гл. стр. 121. Бо̀льшая зависимость выражалась отношеніемъ сына къ отцу.

[2]) Никон. Лѣт. ч. III стр. 174. Ср. В. Б. Антоновича: „Очеркъ Исторіи В. К. Литовскаго", стр. 130 п 90.

[3]) Hermanni Wartberge Chronicon Livoniae (Scriptores rerum prussicarum, v. II) p. 75—76; Chronicon Wigandi Marburgensis. Ed. Ioannes Voigt et Eduardns Raczywski. Posnaniae. 1842, p. 83—84. Что касается извѣстія нѣмецкихъ лѣтописцевъ объ участіи Смольнянъ въ нападеніи на Лабіовъ, то оно возбуждаетъ сомнѣніе. Патрикій, о которомъ тутъ говоритъ Длугошъ (Historia polonica, lib. VIII, p. 1085—1086), никогда не былъ княземъ смоленскимъ и пока еще и не могъ быть. Наримунтъ былъ нѣкоторое время княземъ въ Новгородѣ В. и палъ въ битвѣ у Стравы Добавленіе Виганда, что „um more paganorum incinerant" и Длугоша, что онъ „incendio ritu patrio crematum", ясно указываютъ, что мы имѣемъ тутъ дѣло не съ смоленскимъ княземъ, а слѣдовательно и самое участіе Смольнянъ въ этомъ событіи нѣсколько сомнительно.

Но въ 1367 году Андрей Ольгердовичъ напалъ и на него, по всей вѣроятности, взялъ и проникъ даже на юго-востокъ отъ Смоленска къ Ховрачу[1]). Можно сказать, что съ этого момента литовскій князь осадилъ стольный городъ Смоленской земли, такъ какъ ни Лодейницы, ни село Ясенское, не могли уже защитить его. Но не въ одномъ только стратегическомъ отношеніи важны были эти литовскія завоеванія. Ставъ чуть не подъ стѣнами Смоленска, литовскій князь могъ теперь зорко наблюдать за всѣмъ, что происходитъ внутри города, и влiять на борьбу политическихъ партій его населенія. Между тѣмъ событія складывались такимъ образомъ, что изолироваться, стать отъ нихъ въ сторонѣ, чтобы собраться хоть немного съ силами, Смоленску не представлялось никакой возможности. Въ этотъ моментъ начинается упорная борьба между Москвою и Тверью. Это былъ послѣдній суздальскій удѣлъ, князья котораго носили еще названіе великихъ. Паденіе самостоятельности Твери обусловливало собою переходъ Суздальской земли въ Московское государство. Русскіе князья не понимали этого, но это ясно было для замѣчательнаго политика того времени, Ольгерда, и онъ употребляетъ всѣ усилія, чтобы поддержать самостоятельное существованіе Тверскаго княжества. Это вызываетъ частыя вооруженныя столкновенія между литовскимъ и московскимъ князьями, и Смоленское княжество, по своему географическому положенію, невольно должно принимать участіе въ этой борьбѣ. Ясно сознаетъ положеніе вещей и Витовтъ и является продолжателемъ политики Ольгерда. Поддерживая Тверь, литовскіе князья стремятся стать какъ можно ближе къ театру дѣйствій, придвинуть свои границы къ тверскимъ и московскимъ, но тутъ на перепутьи стоитъ Смоленскъ. Отсюда вытекала явная необходимость уничтожить самостоятельность этого княжества. Напротивъ, князья московскіе не желаютъ присоединять Смоленскаго княжества: они стараются вообще избѣгать войны, а присоединеніе Смоленска, приблизя ихъ границы къ литовскимъ, несомнѣнно, давало-бы много поводовъ къ столкновеніямъ хотя-бы изъ-за пограничныхъ недоразумѣній, они пока еще не переходятъ, какъ мы уже сказали, къ поглощенію самостоятельныхъ русскихъ земель, а ведутъ внутреннюю борьбу въ землѣ Суздальской.

---

[1]) Никон. Лѣт. ч. IV, стр. 19.

Этими соображеніями руководятся московскіе князья и въ своей политикѣ по отношенію къ Смоленску: они не противодѣйствуютъ открыто литовскимъ князьямъ въ постепенномъ подчиненіи Смоленской земли, какъ будто хладнокровно смотрятъ на это, но въ то-же время стараются производить давленіе на смоленскихъ князей всѣми зависящими отъ нихъ средствами, при этомъ такими, которыя возможны между двумя независимыми княжествами, которыя не внушаютъ имъ ни малѣйшей тѣни сомнѣнія въ признаніи ихъ политической самостоятельности. Мы видѣли, что московскіе князья берутъ подъ свое покровительство удѣльныхъ смоленскихъ князей. Но въ рукахъ Москвы было болѣе сильное оружіе, которое она теперь и выдвигаетъ въ рѣшительную минуту: это—религіозное единство и духовная власть московскаго митрополита надъ Смоленской землей. Вслѣдствіе этого происходитъ сближеніе Святослава Ивановича съ великимъ княземъ московскимъ. Между ними былъ заключенъ договоръ, по которому смоленскій князь обязывался стоять за одно съ княземъ московскимъ противъ всѣхъ враговъ [1]).

Въ 1367 году Ольгердъ двинулся на Москву. Чтобы приблизиться къ границамъ тверскимъ, онъ началъ свое движеніе изъ Витебска и такимъ образомъ долженъ былъ перерѣзать Смоленское княжество въ самой серединѣ. Что могъ предпринять Святославъ Ивановичъ въ виду грозныхъ силъ литовскаго князя, явившагося при этомъ неожиданно, какъ всегда поступалъ Ольгердъ въ своихъ военныхъ предпріятіяхъ? Волей неволей пришлось ему дать Ольгерду вспомогательный смоленскій отрядъ [2]). Это вынужденное участіе въ походѣ противъ Литвы повлекло немедленно печальныя послѣдствія для Смоленской земли: въ слѣдующемъ 1368 году Москвичи и Волочане разорили пограничныя ея волости, а митрополитъ Алексѣй наложилъ на Святослава Ивановича отлученія отъ церкви [3]). Несомнѣнно, оно должно было произвести сильное впечатлѣніе въ Смоленскѣ, но сила обстоятельствъ увлекала смоленскаго князя. Невозможность бо-

---

[1]) Это выясняется изъ отлучительной грамоты Константинопольскаго Патріарха, о чемъ будетъ рѣчь ниже.

[2]) Никон. Лѣт. ч. IV, стр. 20. Разборъ извѣстій объ этомъ походѣ см. у Stadnickiego: „Olgierd i Kiejstut". p. 136—137.

[3]) Никон. Лѣт. ч. IV, стр. 24. См. ниже посланіе патріарха.

роться съ Олегердомъ заставила его вновь принять участіе въ походѣ противъ Москвы въ 1370 году. Въ этомъ случаѣ смоленскій князь расчитывалъ по крайней мѣрѣ воротить себѣ восточныя волости: Ольгердъ избралъ теперь прямо восточное направленіе. При выступленіи князей изъ Смоленска, на небѣ загорѣлось сѣверное сіяніе, и снѣгъ принялъ кровавый цвѣтъ: плохой знакъ, по мнѣнію лѣтописца Смольнянина. Тѣмъ не менѣе начало похода было удачно. Святославъ Ивановичъ взялъ волость Поротву и Верею. Всѣхъ плѣнныхъ изъ Поротвы смоленскій князь отправилъ съ своимъ воеводой Александромъ Возгривцемъ въ Смоленскъ, а самъ двинулся съ Ольгердомъ далѣе къ Москвѣ. Но Можаичи погнались за Смольнянами, настигли ихъ у Болонеска, разбили, отняли всѣхъ плѣнныхъ, „и бысть зло велико", говоритъ лѣтописецъ [1]), Походъ кончился неудачно: Ольгердъ не добился никакихъ результатовъ, а въ перемирномъ договорѣ, хотя въ немъ и упоминается имя Святослава Ивановича на сторонѣ Ольгерда и Кейстута, нѣтъ ни малѣйшаго упоминанія объ интерессахъ Смоленской земли [2]). Такой исходъ предпріятія ясно показалъ смоленскому князю, что Ольгердъ преслѣдуетъ лишь свои личныя выгоды. Между тѣмъ еще раньше митрополитъ Алексѣй извѣстилъ Константинопольского патріарха объ отлученіи отъ церкви Святослава Ивановича. Въ 1370 году было получено въ Смоленскѣ посланіе изъ Византіи. „Благороднѣйшій великій князь смоленскій, куръ Святославъ, писалъ патріархъ, мѣрность наша узнала, что ты согласился и заключилъ договоръ съ великимъ княземъ всея Руси, куръ Димитріемъ, обязавшись страшными клятвами и цѣлованіемъ честнаго и животворящаго креста въ томъ, чтобы тебѣ ополчиться на враговъ нашей вѣры и креста... но, преступивъ клятвы... ополчился вмѣстѣ съ Ольгердомъ противъ христіанъ,... за что преосвященный митрополитъ кіевскій и всея Руси... отлучилъ тебя—и сдѣлалъ хорошо и правильно... ибо ты совершилъ тяжкій грѣхъ противъ своей вѣры и своего христіанства, поэтому мѣрность наша имѣетъ тебя отлученнымъ за то злое дѣяніе, и

---

[1]) Никон. Лѣт. ч. IV стр. 26; Лѣтописецъ Игнатія Смольнянина, стр. 30—31 (Православн. Палестин. Сборникъ, в. 12).

[2]) См. Договорную грамоту Ольгерда съ Димитріемъ въ Собраніи Госуд. Грам. и Догов. ч. I, № 31. „Се язъ Князь Великій Олгѣрдъ своимъ братомъ со княземъ Кестутьемъ и князь Великій Святъславъ Ивановичь, послали есмы своихъ пословъ..."

ты тогда только можешь получить отъ насъ прощеніе, когда сознаешь, какое сдѣлалъ зло, обратишься и раскаешься искренно и чистосердечно, и со слѣзами прибѣгнешь къ своему митрополиту, прося у него прощенія, и когда митрополитъ напишетъ объ этомъ сюда къ нашей мѣрности". Въ концѣ патріархъ грозитъ, что тѣло умершого отлученнаго и земля не принимаетъ [1]). Это посланіе, датированное 1370 годамъ, было получено, очевидно, послѣ похода, и вслѣдъ затѣмъ мы видимъ Святослава Ивановича уже явнымъ противникомъ Литвы: союзъ по принужденію былъ теперь уничтоженъ, и смоленскій князь слѣдуетъ политикѣ начала своего княженія.

Въ 1375 году Дмитрій Ивановичъ московскій двинулъ противъ Твери силы всѣхъ суздальскихъ князей. Въ числѣ участниковъ похода мы видимъ и князей смоленскихъ: Ивана Васильевича и Александра Васильевича, племянниковъ Святослава Ивановича. Мы видѣли, что Иванъ Васильевичъ раньше еще бѣжалъ въ Москву, но въ данный моментъ оба брата дѣйствуютъ по порученію своего дяди и ведутъ противъ Твери смоленскія ополченія. Очевидно, между Москвой и Смоленскомъ произошло соглашеніе, и племянники Святослава Ивановича жили въ родной землѣ, гдѣ мы видимъ ихъ и позже. Въ договорѣ, заключенномъ теперь между Москвою и Тверью, Дмитрій Ивановичъ говврить: „а пойдутъ на насъ Литва, или на Смоленьского князя на великого, или на кого на нашю братью на князей, намъ ся ихъ боронити, а тобѣ съ нами всимъ съ одиного: или пойдутъ на тобе, и намъ такоже по тобѣ помогати, и боронитися всѣмъ съ одиного [2])". Самый договоръ Святослава Ивановича съ Дмитріемъ Донскимъ не дошелъ до насъ, но къ этому, вѣроятно, времени относится уступка Москвѣ юговосточный смоленской волости Медыни [3]). Въ от-

---

[1]) Русская Историческая Библіотека. Спб. 1880 г. т. VI, № 21, стр. 122—123, Приложенія.

[2]) Собраніе Госуд. Гр. и Догов. ч. I, № 28, стр. 47. Здѣсь цитируемый договоръ отнесенъ къ 1368 году, а не 1375 г. О неправильности этой даты см.: Иловойскій, Исторія Россія", т. III, М. 1884 г. стр. 543, примѣч. 26; и Борзаковскій: „Исторія Тверскаго Княжества", Спб. 1876 г. стр. 162 и 96, примѣч. 735.

[3]) Слова Духовнаго завѣщанія Дмитрія Донскаго: „...и что витягалъ *бояринъ мой* Федоръ Андрѣевичь на обчемъ рѣтѣ Товъ и Мединь у Смолнянъ..." указываютъ ясно, что фактъ этотъ произошелъ при Дмитріи Донскомъ. „На обчемъ рѣтѣ", общемъ съѣздѣ, общихъ переговорахъ, указываютъ именно на общій договоръ 1375 г., въ которомъ прини-

другихъ смоленскихъ князей. Смольняне не выдержали и обратились въ бѣгство. Много людей было избито, много погибло въ рѣкѣ во время преслѣдованія бѣгущихъ врагами. Не давая опомниться непріятелю, Витовтъ и Скиргайло преслѣдовали его и явились вслѣдъ за бѣгущими ополченіями подъ стѣнами Смоленска. Оставшіеся въ живыхъ смоленскіе князья и горожане затворили городъ и выказали храброе сопротивленіе, но что могли они сдѣлать теперь, когда лучшія силы полегли на берегахъ рѣки Вехры. Литовскіе князья долго стояли подъ стѣнами города, и, наконецъ, противныя стороны пришли къ соглашенію. Смоленскъ заплатилъ контрибуцію (окупъ) и долженъ былъ принять къ себѣ княземъ Юрія Святославича. Послѣднее условіе было, какъ видно, принято безъ всякихъ споровъ: съ одной стороны Юрій былъ женатъ на дочери старшей сестры Скиргелла, а потому литовскіе князья могли расчитывать, что родственная связь будетъ удерживать новаго смоленскаго князя въ добрыхъ отношеніяхъ къ Литвѣ, съ другой стороны, какъ видно изъ послѣдующихъ событій, Смольняне сами были расположены къ Юрію Святославичу. Скиргелло позаботился объ излѣченіи Юрія отъ ранъ, и передалъ его матери, вдовѣ Святослава Ивановича [1]. Новый смоленскій князь долженъ былъ принять, конечно, всѣ тѣ условія мира, которыя ему были продиктованы Скиргелломъ. Юрій Святославичъ обязывался быть всегда вѣрнымъ Ягеллѣ, королю польскому, великому князю литовскому и русскому и иныхъ земель господарю; никогда не отступать отъ него ни при какихъ обстоятельствахъ; помогать ему во всѣхъ военныхъ предпріятіяхъ, а если по какимъ либо обстоятельствамъ или въ силу болѣзни ему самому лично это сдѣлать будетъ невозможно, то онъ долженъ послать своего сына; ни съ Полочанами, ни съ Андреемъ полоцкимъ обязывается не заключать мира, не имѣть съ ними никакихъ дипломатическихъ сношеній; все, что̆ успѣли смольняне захва-

---

[1]) Никонов. Лѣт. ч. IV, стр. 152—154 съ точными датами; Лѣтопись Попова, стр. 34—36 (Учен. Записки II отд. Имп. Акад. Н. 1854 г. кн. I); Лѣтопись Даниловича стр. 41—43 (Latopisiec Litwy i Kronika, ruska, Wilno, 1827) вполнѣ тождественна съ лѣтописью Попова; Супрасльс. Лѣт. стр. 135—очень кратко; Архангелогор. Лѣт. стр. 108, 1819 г.—неудачно сокращено изъ Никонов. лѣтописи. Что касается успѣшности дѣйствій Андрея Полоцкаго, объ этомъ см. напр. Annalista Thorunensis, Scriptores rerum prussicarum, v. III, p. 145.

тить во время войны, т. е., села и волости, онъ долженъ былъ возвратить назадъ. Этотъ договоръ былъ заключенъ 20-го мая 1386 года. Къ акту было приложено десять печатей, которыя, очевидно, принадлежатъ Юрію и девяти другимъ лицамъ, упомянутымъ въ договорѣ и цѣловавшимъ крестъ въ его исполненіи. Это были: князь Θеодоръ Романовичъ, князь Михаилъ Ивановичъ Вяземскій, Семенъ Непролей Гавриловичъ, Юрій Столова, Прокофій Ивановичъ, Глѣбъ Васильевичъ, Андрей Микулиничъ, Борисъ Меркурьевичъ и Андрей Мирославичъ. Но этого показалось мало. Въ актъ было внесено еще одно обязательство: Юрій Святославичъ долженъ былъ поѣхать въ Вильно къ королю Ягеллѣ и тамъ повторить лично заключенный договоръ. Дѣйствительно, осенью того-же года онъ отправился туда, какъ кажется, въ сопровожденіи всѣхъ лицъ, скрѣпившихъ договоръ и тамъ вторично 17-го сентября цѣловалъ крестъ въ его исполненіи [1]). Для

---

[1]) Виленская редакція договора дошла до насъ въ славянскій и латинской транскрипціи. Въ первой она помѣщена въ Archiwum Sanguszków, v. I. Цитируемъ ее въ транскрипціи латинской: „My Jurü Swiatoslawicz kuiaź welikyi Smolenskyi dajem wiedomo kto koli sju hramotu widił a lubo słysził s Wolodisławom Bożeju Miłostiju s korolem Polskim, Litowskim i Ruskim i innych zemel hospadarem, tak iesmu dokonczanij, u prawde i u chstwu ciełowanij, *kakże iesm nalsia, i dokonczal s bratom s jeho so kniazom s wielikim Skirihailom pryjechaty mi było u Litwu i to iesm s korolem*, o zto mi z nim za odyn byty, nieostaty mi korola nikotorym wieriemianiem a nikotorum diełom. ni oli zle ani u dobre ne otwereczymi sia korola, dal jesm jemu prawdu i do swoieho żywota nie izmieniti toie prawdy, a pomohaty mi korolu bez chitrosti, hde koli jemu nadobie' poity mi samomu, aż pak niekotaria mia dieła zaijdut, ili niemocz, ino mi poslaty brata swoieho boz chitrosty, a s kim korol miren i brat jeho kniaź welikyi Skirikhaylo, i s tymi jaz miren, a s kim korol niemiren i brat jeho kniaź welikyi Skirikhaglo, i s tym jaz nemiren, chotiaby inoiu bratieiu swoieiu niemiren i s tymi miru nie derżatimi, i so Ondrejem Polockim, i, z Poloczany miru nie dérzati mi, a ni siłatisia, a szto byli jeśmy powoiewali i poymali, a to iesm nialsia otworotyty i oddaty. Na tom na wsiem dal iesm prawdu, chrest iesm colowal za wsiu bratiu i za wsiu swoiu zemlu, i za wsi swoi łudi, a to iesm uczynił, i zapisał swoieiu dobroiu woleiu szto mi to zderżaty krepko i do swoieho żywota, a nie izmeniti i swoimi kniaźmij i swoimi boiary; kniaz Teodor Romanowicz, kniaz Michaylo Jwananowicz Wiazemsky, Semen Neproley Haurylowicz, Jurü Stołowa, Prokofieij Iwanowicz, Hleb Wasilewicz, Ondrey Mikułinicz, Boris Merkuriewicz, Ondrey Miroslawicz, chrest ciełowali. na tom siiu hramotu dali ieśmy i swoimi pieczatmi zawiesili, *u horode u Wilny* u Nedelu po uzdwy żeni Czestnoho Chresta *misiaca Septombra u 17 den* pod! lety Bożyoho narożenia let *tysiacza i trista osmdesiat sziestoho*". (Monumenta Medü etevi historica res gestas Poloniae illustrantia, tomus II. Codex epistolaris saeculi dĕcimi quinti. W Krakowie. 1876. № VII pp. 7—8). Обѣ транскрипціи, и славянская, и латинская дословно повторяютъ одна другую, датированы въ Вильнѣ 1386 г. 17 сентября. Другой договоръ, заключающій тѣ-же

тить энергическое сопротивленіе со стороны Смольнянъ. Въ 1395 году онъ началъ собирать войска, при чемъ объявлялось, что движеніе предпринимается противъ Татаръ. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ Витовтъ сталъ передъ Смоленскомъ. Не смотря на всю неожиданность своего появленія, литовскій князь и теперь не пологается на исходъ военныхъ дѣйствій и прибѣгаетъ къ хитрости, пользуясь неурядицею среди смоленскихъ князей. Когда Глѣбъ Святославичъ выѣхалъ изъ города къ Витовту, послѣдній любезно принялъ его, поднесъ ему подарки и отпустилъ назадъ, причемъ сдѣлалъ предложеніе, чтобы князья избрали его своимъ третейскимъ судьей и пріѣхали къ нему въ станъ, а для увѣренія ихъ въ полной личной безопасности Витовтъ далъ охранную грамоту (опасъ). Князья, не подозрѣвая ничего, всѣ выѣхали изъ Смоленска съ своимя боярами. Оказывается, такимъ образомъ, что въ это время въ городѣ происходилъ княжескій сеймъ. Пріѣхали всѣ Святославичи, и всѣ другіе князья: это были Глѣбъ, Иванъ и Владиміръ, сыновья Святослава Ивановича, Иванъ и Александръ Михайловичи, Иванъ и Александръ Васильевичи и Василій Ивановичъ, сынъ Ивана Васильевича. Лишь только они собрались въ литовскій лагерь, какъ немедленно были арестованы, а непріятельскія войска бросились къ городу, начали жечь посадъ и брать въ плѣнъ людей. Витовтъ въѣхалъ въ Смоленскъ. Это было 12-го сентября 1395 года. Всѣ арестованные князья были отправлены въ Литву, а въ Смоленскѣ посажены литовскіе намѣстники. Къ несчастью для литовскаго князя, Юрій Святославичъ, подъ вліяніемъ княжескихъ споровъ, уѣхалъ еще раньше къ своему тестю, великому князю рязанскому, Олегу Ивановичу[1]). Мы не знаемъ, когда именно, но смолен-

---

[1]) Лѣтопись Попова стр. 40—41 (Учен. Зап. II отд. Имп. Ак. Н. 1854 г. кн. 1) два раза говоритъ объ одномъ и томъ же фактѣ. Очевидно, составитель ея нашелъ извѣстіе объ этихъ событіяхъ въ двухъ лѣтописяхъ, изъ которыхъ въ одной кратко говорилось о взятіи Смоленска 1395 г. при извѣстіи о посаженіи Глѣба въ Смоленскѣ 1392 году, а въ другой—былъ разсказъ подробный. Составитель Лѣтописи Попова выдаетъ самъ себя, приводя извѣстіе второй лѣтописи цѣликомъ, а оно заканчивается словами: се *первое* взятье Смоленьское сентабр кі... во втор..." (стр. 42). Всѣ другіе лѣтописи: Супрасльская (стр. 135), Новгородская I-я (стр. 380), Воскресенская (стр. 68—69, П. С. Р. Л. т. VIII), Никоновская (ч. IV, стр. 265)—всѣ относятъ это событіе къ 1395 году. Слѣдъ той лѣтописи, изъ которой взялъ свой первый разсказъ о взятіи Смоленска въ 1392 году составитель лѣтописи Попова, существуетъ и въ Архангелогородскомъ лѣтописцѣ (стр. 114, изд. 1819 г.), который помѣщаетъ это событіе подъ 1393 годомъ. Стрыйковскій (Kronica

скіе князья вернулись въ свою землю, хотя нѣкоторые изъ нихъ могли остаться въ Литвѣ, какъ Глѣбъ Святославичъ, которому былъ данъ на югѣ во владѣніе городъ Палонный[1]).

И такъ Смоленскъ находился въ рукахъ литовскаго князя. Московскій князь не только не протестуетъ противъ этого, но даже какъ будто сочувствуетъ совершившемуся факту. Въ 1397 году Василій Дмитріевичъ на Пасху пріѣхалъ въ гости къ своему тестю въ Смоленскъ. Въ это время былъ тамъ и митрополитъ Кипріанъ и поставилъ для смоленской епархіи епископа Нассона, а въ 1399 году въ Смоленскъ къ отцу ѣздила Софья Витавмавна[2]). Несомнѣнно, положеніе въ данный моментъ Московскаго князя требовало съ его стороны большой осторожности: съ Тверью дѣло не было еще покончено, а въ Рязанской землѣ княжилъ энергичный Олегъ Ивановичъ, съумѣвшій усилить свое княжество и поднять его политическое значеніе. Но это невмѣшательство въ судьбу Смоленска было только кажущееся: мы увидимъ далѣе, что тотъ-же самый Василій Дмитріевичъ смотритъ на занятіе Смоленска Витовтомъ какъ на фактъ захвата, а на Смоленскую землю какъ на неотъемлемую часть сѣверовосточной Руси. Пока, горячее участіе въ положеніи Смоленскаго княжества принимаетъ Олегъ Ивановичъ рязанскій и открыто выступаетъ на борьбу съ литовскимъ княземъ.

Несомнѣнно, въ Смоленскѣ существовала довольно сильная литовская партія, но къ ней принадлежало главнымъ образомъ боярство, которое и проявляетъ ясно свои симпатіи въ послѣдніи дни независимой политической жизни Смоленской земли. Очевидно, какъ и позже[3]), боярство групируется около литовскихъ намѣстниковъ и

Polska, litewska etc. p. 110), собравъ въ своихъ рукахъ нѣсколько лѣтописей, создалъ удивительную путаницу. Онъ удержалъ оба извѣстія, и у него вышло два взятія Смоленска; Юрію Святославичу будто бы данъ былъ въ 1392 году городъ Заславль на Волыни (а не Рославль, какъ въ дѣйствительности; тутъ Стрыйковскій, очевидно, не разобралъ рукописи, прочиталъ вмѣсто Рославль – Заславль, а Заславль, конечно, на Волыни. Въ виду всего этого мы не можемъ воспользоваться извѣстіемъ Стрыйковскаго и о томъ, будто Юрій захватилъ Оршу.

[1]) Лѣтопись Попова, стр. 40 (Учен. Запис. II отд. Имп. Ак. Н. 1854 г., кн. 1); Въ 1396 году въ Новгородъ изъ Литвы вмѣстѣ съ Наримунтомъ прибылъ Василій Ивановичъ (Никон. Лѣт. ч. IV, стр. 272.

[2]) Никонов. Лѣт. ч. IV, стр. 278.

[3]) См. напр. событія 1440 г. Лѣтопись Попова, стр. 54 (Учен. Зап. II отд. Имп. Ак. Н. 1854 г. кн. 1).

пользуется ихъ властью для своихъ цѣлей въ ущербъ остальной массѣ населенія, которая подвергается сильнымъ притѣсненіямъ. Можно предпологать, что броженіе среди народа не прекращалось за все это время. Еще не отвыкли горожане Смоленска отъ политической самостоятельности. Между ними и уцѣлѣвшими князьями начинаются сношенія, чѣмъ, по всей вѣроятности, и объясняется неожиданная казнь Ивана Михайловича: Витовтъ казнилъ его вмѣстѣ съ женой, дѣтей разослалъ въ разныя мѣста, а имущество конфисковалъ [1]). Но движеніе этимъ не могло быть остановлено.

Въ 1400 году изъ Смоленска въ Рязань явились послы и объявили Юрію, что Смольняне желаютъ видѣть его на смоленскомъ столѣ, разсказали, что въ ихъ городѣ происходитъ сильное броженіе; есть и сторонники литовскаго князя, но ихъ немного, а народъ желаетъ видѣть княземъ своего отчича и дядича. Юрій Святославичъ передалъ все это своему тестю, Олегу Ивановичу, и со слезами просилъ его о помощи [2]). Моментъ былъ выбранъ весьма удобный: въ 1399 году Витовтъ потерпѣлъ отъ Татаръ страшное пораженіе на берегахъ р. Ворсклы, въ которомъ легли лучшія силы литовско-русскаго государства. Въ 1401 году князь рязанскій съ силами всей своей земли двинулся къ Смоленску. При появленіи рязанскихъ ратей подъ стѣнами города и требованіи сдачи, въ немъ началась борьба между двумя партіями. Бояре съ ненавистью относились къ Юрію, но были подавлены горожанами, къ которымъ обратился бывшій князь смоленскій: Смоленскъ отворилъ ворота. Народное озлобленіе противъ бояръ и поддерживаемой ими литовской власти выразилось теперь въ рѣзкой формѣ: былъ убитъ литовскій намѣстникъ, которымъ былъ въ то время князь брянскій Романъ, вмѣстѣ съ нимъ погибли его бояре. Перебиты были и тѣ изъ смоленскихъ бояръ, которые выказывали особенно сильно свои симпатія къ литовской зависимости [3]). Въ Смоленскѣ возстановлена была древняя форма политической жизни съ княземъ и вѣчемъ во главѣ земли, но не надолго.

Подавленное боярство не думало однако сразу уступить своимъ противникамъ и начало тайныя сношенія съ Витовтомъ. Въ томъ-же

---

[1]) Никон. Лѣт. ч. IV, стр. 266; Татищевъ: Исторія Россійская, ч. 4, стр. 382.

[2]) Никон. Лѣт. ч. IV, стр. 298—299.

[3]) Никон. Лѣт. ч. IV, стр. 289—299; Супрасльс. Лѣт. стр. 135—136; Новгород. I Лѣт. стр. 392; Воскресен. Лѣт. стр. 75 (П. С. Р. Л. т. VIII).

году осенью литовскій князь явился подъ Смоленскомъ, думая окончить дѣло однимъ ударомъ, но Смольняне выдержали осаду въ продолженіе четырехъ недѣль, и Витовтъ принужденъ былъ заключить съ Юріемъ перемиріе „по старинѣ". Послѣ отступленія литовскаго князя вѣче снова поднялось на бояръ: обнаружились тайныя сношенія ихъ съ Витовтомъ. Уличенные въ измѣнѣ были перебиты [1]).

Претерпѣнная неудача показала литовскому князю, что для покоренія Смоленска надо вести дѣло не только энергически, но и систематически. Смоленское княжество было съ двухъ сторонъ охвачено литовскими владѣніями, но на востокѣ оно непосредственно прилегало къ Московскому и отчасти Рязанскому. Связывающимъ звѣномъ между этими тремя княжествами служилъ Вяземскій удѣлъ. Послѣ стольких территоріальныхъ потерь, которыя понесла уже Смоленская земля, Вязьма являлась сильнѣйшимъ удѣломъ всего княжества, откуда Смоленскъ могъ черпать силы для продолженія борьбы. Отрѣзать Смоленское княжество съ востока, уничтожить возможность его сношеній съ Москвой и Рязанью, отнять немаловажный источникъ для возобновленія силъ,—вотъ что рѣшилъ прежде всего сдѣлать Витовтъ. Въ 1403 году онъ отправилъ противъ Вязьмы князя Лугвенія, который взялъ городъ, захватилъ въ плѣнъ князей Ивана Святославича и Александра Михайловича и отправилъ ихъ въ Литву [2]). Смоленскъ былъ, такимъ образомъ, окончательно изолированъ, но, не смотря на это, новая попытка овладѣть имъ была такъ-же неудачна, какъ и первая.

Отрѣзанный отовсюду, понесшій огромныя потери людьми въ безпрестанныхъ военныхъ дѣйствіяхъ и вслѣдствіе мора, появившагося въ 1401 году, раздираемый борьбой партій, Смоленскъ былъ близокъ къ паденію. Невозможность дальнѣйшей борьбы ясно сознавалъ послѣдній смоленскій князь, Юрій Святославичъ, и видѣлъ необходимость искать чьей-нибудь помощи [3]). Въ 1404 году Витовтъ явился подъ смоленскомъ съ большими силами и артиллеріей. Пушки въ первый разъ стали громить древній городъ. Смольняне отчаянно защищались. Осада продолжалась всю весну, но была безуспѣшна, и Витовтъ, страшно разоривъ окрестности, отошелъ отъ города. Это были

---

[1]) Ibidem.

[2]) Супрасльс. Лѣт. стр. 136; Новгород. I Лѣт. стр. 393; Никон. Лѣт. ч IV, стр. 306.

[3]) Есть указаніе, что около этого времени у магистра Прусскаго ордена были послы изъ Смоленска, но, съ какою цѣлью, неизвѣстно. (Codex Witoldi, p. 966).

послѣднія усилія Смольнянъ отстоять свою независимость. Юрій рѣшился ѣхать въ Москву и просить тамъ помощи. Предварительно онъ списался съ Василіемъ Дмитріевичемъ и получилъ согласіе на свой пріѣздъ къ нему. Оставивъ въ городѣ жену и преданныхъ ему бояръ, онъ выѣхалъ изъ Смоленска съ сыномъ Ѳеодоромъ и братомъ Владиміромъ. Въ Москвѣ ему обѣщали помощь, но медлили. Между тѣмъ въ Смоленскѣ вскорѣ послѣ отъѣзда князя все было кончено. Бояре, сторонники литовскаго князя успѣли извѣстить Витовта о поѣздкѣ Юрія въ Москву, о слухахъ, будто московскій князь готовится идти къ Смоленску съ огромными силами, и приглашали какъ можно скорѣе явиться къ ихъ городу, обѣщая сдать его. Витовтъ немедленно двинулся въ Смоленскую землю и вновь осадилъ ея стольный городъ. Смольняне, обезсиленные продолжительной непрерывной борьбой, голодомъ и болѣзнями, отворили ворота литовскому князю. Витовтъ въѣхалъ въ городъ. Въ четвергъ 26-го іюня 1404 года окончилась самостоятельная политическая жизнь Смоленской земли [1]).

Витовтъ отослалъ княгиню и многихъ бояръ въ Литву; много было предано казни. Когда въ Москву пришла вѣсть о взятіи Смоленска, то Василій Дмитріевичъ обвинилъ Юрія, будто онъ самъ приказалъ Смольнянамъ сдать городъ литовскому князю. Далѣе оставаться въ Москвѣ бывшему смоленскому князю было поэтому неловко, и онъ уѣхалъ въ Новгородъ, гдѣ былъ принятъ и получилъ нѣсколько волостей на содержаніе. Отсюда онъ сдѣлалъ попытку найти поддержку у Прусскаго Ордена, но встрѣтилъ холодный отказъ отъ всякаго вмѣшательства въ его дѣла [2]). Дальнѣйшая судьба Юрія Святославича для насъ уже не интересна.

---

[1]) Супрасльс. Лѣт, стр. 136—137; Новгород. I Лѣт. стр. 394; Никон. Лѣт. ч IV, стр. 308—311; Воскресен. Лѣт. стр. 76. (П. С. Р. Л. т. VIII). Супрасльская лѣтопись относитъ паденіе Смоленска къ 1405 году, но 26-е іюня въ четвергъ было въ 1404, а не въ 1405 году. Компиляторъ этой лѣтописи внесъ извѣстіе о послѣдней осадѣ Смоленска подъ двумя годами, очевидно, имѣя подъ руками двѣ лѣтописи, изъ которыхъ одна точно датировала свое сообщеніе, другая приводила его безъ даты. Johann von Posilge (Scriptor rer prussic. v. III p. 271); Johannis Dlugossi Historia polonica, bil IX, p. 174—175; Stryjkowsky: Kronika polska etc. v. II, p. 120.

[2]) Никон. Лѣт. ч. IV, стр. 310; Codex Witoldi, p. 108, № CCCV; Scarbiecz diplomatów, Danilowicza, v. I, p. 348, № 824.

Опечатки главнѣйшія.

Страниц.	Строка сверху.	Напечатано.	Должно быть.
10	3	някъ	какъ
24	35	gestoitete	gestaltete
26	12—13	мегалическіе	мегалитическіе
28	18	Heimswingla	Hlimskringla
37	1	Вананторъ	Ванантаръ
—	33	Корре	Карре
45	32	Тарнска	Торжка
48	15	Пала	Пола
54	4	Демняны	Дешняны
60	34	Жидичей	Жидчичей
61	11	Замковье	Заликовье
63	2	Ельмы	Ельши
—	29	Урочинцы	Урочницы.
78	16	Дегиннянехъ	Дешнянѣхъ
89	32	Archivium	Archiwum
98	5	всѣ эти вещи	всѣ эти глиняныя вещи
102	4	Сувора	Сувара
110	10	XIV ст.	XIII ст.
111	20	Срезнввскій	Срезневскій
117	6	ітоитъ	стоитъ
174	25 и 27	1405	1404
180	4	вліяніемп	вліяніемъ
186	30—31	Въ виду тѣхъ	Въ виду этихъ
189	10	Борисовъ	Борисовичъ
200	14	1406	1404
203	7	1405	1404
205	23	1212	1214
206	5	1405	1404
224	31	Установной	Уставной
231	20	деньгп	деньги
232	4	пнсано	писано

Страниц.	Строка сверху.	Напечатано.	Должно быть.
—	43	кполнѣ	вполнѣ
—	42	неимѣющей	не имѣющія
242	6	возможносьи	возможности
—	8	указывтют	указывают
242	13	гречесскаго	греческаго
245	6	такъ	тамъ
247	11	кла или ма	кладома
252	17	священникахъ	священника
—	9	захватять	захватить
—	38	Валомеръ	Володимеръ
266	9	Смолепской	Смоленской
—	24	ноходъ	походъ.
—	16	отнощвніяхъ	отношеніяхъ
—	19	подержаніп	поддержаніи.
274	5	доходомъ	походомъ
—	21	недовольвые	недовольные
—	10	Бладимірович	Владиміровича.
278	10	маномахова	Мономахова
283	18	смолепскимъ	смоленскимъ
286	14	постояпныя	постоянныя
298	5	Смолонску	Смоленску
307	9	объединившаяся	объединившихся
310	12	познее	позже
318	9	послали	послами
325	30	паснымъ	опаснымъ

енисеръ

Мстиславъ. 31.
Уп. 1162+1178 г.
Вел. Кн. 1175—1177 г.

30.
г.

Владимiръ. 11.
Уп. 1178—1225 г.

Давидъ. 17. Торопецкiй.
Уп. 1213+1225 г.

г.

Ярославъ. 46.
Уп. 1218—1245 г.